**Министерство образования и науки,
молодежи и спорта Украины
Государственное учреждение
„Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко”**

ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Монография

**Луганск
ГУ „ЛНУ имени Тараса Шевченко”
2013**

УДК 81'1
ББК 8100
Л59

Авторский коллектив:
Левицкий А. Э., доктор филологических наук, профессор;
Потапенко С. И., доктор филологических наук, профессор;
Воробьева О. П., доктор филологических наук, профессор и др.

Рецензенты:

Снитко Е. С. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Клименко А. С. – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода с германских и романских языков Восточноукраинского университета им. В. Даля.

Лингвоконцептология: перспективные направления : монография /
Л59 авт. кол.: А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, О. П. Воробьева и др.; под. ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. – Луганск : Изд-во ГУ „ЛНУ имени Тараса Шевченко", 2013. – 624 с.

ISBN 978-966-617-317-4

В монографии рассматриваются основные направления и тенденции развития лингвоконцептологии как одного из ключевых разделов когнитивной лингвистики. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы внимание уделяется выделению и анализу концептов в структуре картины мира и их языковой репрезентации в разных типах дискурса. Данная монография содержит также результаты исследований динамики концептов и концептосистем, специфики их взаимодействия сквозь призму лингвосемиотики, лингвокультурологии и социолингвистики.

Представленный коллективный труд открывает перспективы лингвоконцептологических исследований на основе разрабатываемых авторами теоретических, методологических, процедурных и эвристических подходов.

Для научных работников, аспирантов, студентов и преподавателей, специализирующихся в области филологии.

УДК 81'1
ББК 8100

Рекомендовано к печати Ученым советом
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 4 от 30 ноября 2012 года)

ISBN 978-966-617-317-4

© Левицкий А. Э., Потапенко С. И.,
Воробьева О. П. и др., 2013
© ГУ „ЛНУ имени Тараса Шевченко", 2013

ЗМІСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ (*А. Э. Левицкий*) 6

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ

1.1. Концептология в Украине: обзор проблематики (*О. П. Воробьёва*) 10
1.2. Этапы развития лингвоконцептологии в восточнославянском контексте (*В. К. Щербин*) 38
1.3. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований *(О. Л. Бессонова)*..... 87
1.4. Концепт как объект когнитивно-дискурсивных студий (*С. И. Потапенко*) 117
1.5. Таксономия концептов (*А. Н. Приходько*) 144

ГЛАВА II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ

2.1. Вербализация концепта МЕЧТА в американском варианте английского языка (*А. Э. Левицкий*) 172
2.2. Эмоциональный концепт СТРАХ в лексике английского языка (*А. А. Борисов*) 184
2.3. Лексические средства воплощения концепта РАВНОВЕСИЕ в современных американских рассказах (*Е. В. Багацкая*)..... 198
2.4. Фреймовое моделирование концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ (на материале английского и украинского языков) (*Т. Н. Никульшина*)..... 221

ГЛАВА III. КОНЦЕПТЫ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

3.1. Концепт ЖИЗНЬ в американской поэзии (*Л. И. Белехова*) 239
3.2. Концепт СОПЕРНИЧЕСТВО в англоязычном художественном дискурсе (*И. И. Савчук*) 258

3.3. Ключевые концепты современного американского кинематографа (*Л. Ф. Могельницкая*) 275
3.4. Концепт ОЛИМПИАДА “СОЧИ-2014” в региональном дискурсивном пространстве (*А. А. Ворожбитова, Н. И. Пермякова*) 291
3.5. Концепт УСПЕХ в психолого-прагматическом дискурсе: опыт анализа русскоязычных популярных книжных серий (*О. Ю. Берсенева, А. А. Ворожбитова*) 317
3.6. Концепт ПОЛИТИК в масс-медийном дискурсе (на материале английского и украинского языков) (*Л. Л. Славова*) 354

ГЛАВА IV. КОНЦЕПТЫ В СТРУКТУРЕ КАРТИНЫ МИРА

4.1. Эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественных картинах мира (*З. Е. Фомина*) 363
4.2. Концептуальная картина мира антиглобализма (*И. В. Недайнова*) 401
4.3. Концепт ИНОСТРАНЕЦ в английской языковой картине мира *(Ю. В. Святюк*) 417
4.4. Кластерный концепт ВАМПИР в англоязычной картине мира *(И. Ю. Онищук*) 431

ГЛАВА V. КОНЦЕПТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

5.1. Концепт-мифологема СИЛА в лингвосемиотическом освещении *(А. С. Колесник*) 445
5.2. ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ в американском и украинском языковом сознании *(С. Г. Шурма)* 459
5.3. Концепты индийской и английской культур в художественной прозе Редьярда Киплинга *(А. В. Головня)* ... 473
5.4. Концепт ДОСУГ в британской и американской лингвокультурных традициях (*Н. А. Гуливец*) 490

5.5. Концепты СОН и МЕЧТА в восточнославянских
и западногерманских лингвокультурах *(А. Э. Левицкий)* 502
5.6. Концепт ХАРИЗМА в немецкой, русской и украинской
лингвокультурах (*Н. В. Петлюченко*)..... 524

ГЛАВА VI. КОНЦЕПТЫ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

6.1. Концептуализация социального равенства
(В. И. Карасик) 536
6.2. Гендерные стереотипы концептуализации представлений
о мужчинах и женщинах *(В. А. Ефремов)* 571
6.3. Концепт ЧЕРНОБЫЛЬ: 26 лет после аварии
(А. Э. Левицкий)..... 605

НАШИ АВТОРЫ 618

Светлой памяти
Елены Самойловны Кубряковой
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Левицкий А. Э.

Предлагаемое Вашему вниманию издание представляет собой попытку анализа основных направлений и тенденций развития лингвоконцептологии как одного из базовых разделов отечественной когнитивной лингвистики, получившей развитие в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Исследование концептов, начавшееся в конце прошлого века, отразило особенность теоретического языкознания того времени, а именно «ярко выраженный интерес к металингвистическим построениям и, в частности, к созданию такого аппарата терминов и понятий, которые помогли бы адекватно отразить» его историю и ситуацию, сложившуюся на тот момент [Кубрякова 1995 : 155], а также заложить основы новых подходов к изучению языка. Концепт и стал одним из ключевых терминов когнитивно-дискурсивной парадигмы, а его лингвистический анализ (вошел в ряд «выбираемых методик и конкретных процедур» [Кубрякова 1995 : 169], моделей формализации, приемов и способов постижения соотношения языка и мышления. Именно концепт, рассматриваемый Е. С. Кубряковой [1996 : 90-93] как, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [там же, 90], дал возможность представить когнитивную деятельность индивида сквозь призму ее результатов, отраженных в процессах вербализации внеязыковых данных и последующей коммуникативно-деятельностной активности. Заложенный в представленном выше определении ракурс изучения концептов как ментальных репрезентаций, с одной стороны, и основы верба-

лизации процесса познания мира, с другой, позволил расширить и углубить антропоцентрический подход в языкознании 90-х годов XX века (см., напр., [Роль … 1988] и др.), в частности говорить, по меткому выражению В. В. Колесова [2004 : 5], о «языке в ментальности и о ментальности в языке». Таким образом, язык стал рассматриваться «как пространство мысли и как дом духа» [Степанов 1995 : 30].

Выделение концептов и их лингвистический анализ проводятся в соответствии с четырьмя принципиальными установками когнитивно-дискурсивной парадигмы – антропоцентризма, экспансионизма, функционализма и экспланаторности, выделенным Е. С. Кубряковой [1995 : 207]. Названные выше принципы одновременно могут рассматриваться и как основные черты методики анализа данных системы языка как элементов деятельности индивида, используемых для отражения его этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических, в том числе познавательных особенностей. Язык, таким образом, выступает вербальной составляющей как сознания, так и коммуникации, т. е. реализации мыслительной деятельности в процессе передачи ее продуктов другим членам социума. Поэтому нельзя не согласиться с Е. С. Кубряковой [1995 : 230], отмечавшей интегральный характер когнитивно-дискурсивной парадигмы знания – «функциональной по своей направленности, конструктивной по своему духу». Концептуальный анализ языка (см., напр., [Кубрякова 2007]), концептуализация мира в языке (см., напр., [Кубрякова, Болдырев 2009]), а также подходы к рассмотрению концептуального пространства языка (см., напр., [Кубрякова 2005]) послужили отправными пунктами современного подхода к рассмотрению концептов в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Безусловно, лингвоконцептология на сегодняшний день еще далека от того, чтобы признать ее исчерпавшей свои теоретические, методологические, процедурные и эвристические ресурсы. Ей еще предстоит испытать развитие и совершенствование подходов и методов, структуры и терминосистемы, но мы вправе констатировать, что этап становления успешно пройден, хотя и не без трудностей, вызванных различиями трактовок и интерпретаций отдельных понятий.

Палитра перспективных исследований концептов включает и подход к анализу с позиций лингвосемиотики; языка как системно-структурного образования; их роли в композиционно-смысловой структуре текста и дискурса; отражении этнических, гендерных, возрастных, статусных, психологических особенностей передачи информации индивидами как внутри своих социумов и культур, так и в процессе взаимодействия с предстателями иных социальных и культурных групп.

Коллективная монография, с которой Вы знакомитесь, является плодом сотрудничества ученых, работающих в русле лингвоконцептологии в России (Санкт-Петербурге, Волгограде, Воронеже и Сочи), Украине (Киеве, Донецке, Днепропетровске, Одессе, Нежине, Чернигове, Херсоне, Житомире, Луганске, Севастополе и Сумах) и Беларуси (Минске).

Авторы чтут память доктора филологических наук, профессора Елены Самойловны Кубряковой, заложившей основы развития данного направления в лингвистке на пространстве СНГ, и посвящают ее памяти эту монографию.

Литература

Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – 460 с.

Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.

Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н. Н. Болдырева / Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – 492 с.

Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; ТГУ им. Г. Р. Державина / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. – 276 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-тет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144 – 238.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

Степанов Ю. С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 7 – 34.

ГЛАВА I
МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ

1.1. КОНЦЕПТОЛОГИЯ В УКРАИНЕ: ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ[1]

Воробьёва О. П.

Интеллектуальные революции выражаются
и в новой постановке вопросов […],
и в новых способах на эти вопросы отвечать.
(В. З. Демьянков [2010 : 15])

Лавинообразный рост количества публикаций, посвященных исследованию концептов, наблюдающийся в последнее время как на отечественном, так и на российском языковедческом пространстве (в отличие от западных лингвокогнитологических студий[2]), приобретает черты своеобразной моды. Подобная концептомании (по словам А. Н. Приходько) имеет свои положительные и отрицательные стороны. Сложившаяся ситуация напоминает состояние дел двадцятипятилетней давности, когда на пике расцвета лингвистики текста каждый исследователь считал необходимым предложить свой вариант набора единиц, а позднее, категорий текста. Таким образом инвентарь единиц текста и текстовых категорий множился, появлялись все новые и новые их названия, однако это мало что добавляло к уже сформировавшимся представлениям о механизмах текстообразования. Постепенно текстлингвистические студии теряли свой эвристический потенциал, и эта область исследований фактически затормозилась в своём развитии, оставив новым поколениям устоявшиеся научные представления о природе текста – о том, что делает текст текстом, – вошедшие в общий фонд филологических знаний. Учитывая то, что “концептосущности” разных рангов постоянно множатся, а их инвентарь наращивается почти в геометрической прогрессии, не грозит ли подобная судьба и концептологии в её теперешнем, гипертрофированном виде?[3] Попробуем дать свой ответ на поставленный вопрос.

Существуют, на наш взгляд, два возможных, но противоположных по своему вектору сценария дальнейшего развития концептологии как области когнитивных студий: экстенсивный (т.е. и далее вширь, путем накопления данных о концептах, описываемых по схожим лекалам) и интенсивный, направленный на поиск новых точек роста, новых ракурсов исследования концептов и концептосистем на основе эвристически весомых обобщений относительно их структуры, содержания, взаимосвязей и других конститутивных и комбинаторных параметров. Однако наиболее целесообразным и, наверное, наиболее вероятным представляется третий, интенсивно-экстенсивный сценарий, согласно которому накопление данных об отдельных концептах хотя и продолжится (возможно, с акцентом на создании их антологий, подобных тем, которые уже составлены рядом российских ученых [Антология концептов 2005; 2006; в целом таких томов на сегодня семь], справочников, глоссариев, лингвистических, философских [Європейський словник 2011] или культурологических энциклопедических словарей концептов [Степанов 1997]), но будет постепенно отходить на второй план. На авансцену, скорее всего, выйдут концептологические студии междисциплинарного характера, ориентированные на изучение динамики концептов и концептосистем, специфики их взаимодействия, в том числе и в интерсемиотическом ракурсе, механизмов формирования (включая нейролингвистические) в синхронии и диахронии, тексто- и дискурсообразующей роли, энергетики воздействия, в том числе суггестивного, в разных дискурсных средах.

Очерчивание тенденций и перспектив развития отечественной концептологии в её лингвистическом и лингвопоэтологическом измерениях, что и является целью данного раздела монографии, не может быть осуществлено без непредвзятого анализа состояния дел в этой сфере когнитологии с учетом накопленного позитивного и негативного исследовательского опыта. Отсюда и задачи раздела, охватывающие: обобщение основных достижений концептологии как области когнитивных студий, сложившейся в отечественной лингвистике и лингвопоэтике; формулировка проблем, требующих решения в рамках лингвоконцептологии и художественной концептологии; а также выявление некоторых недостатков и просче-

тов в трактовке и анализе концептов. Поэтому, не останавливаясь на рассмотрении многочисленных работ, посвященных концептам у нас [Кагановська 2002; Луньова 2006; Мартинюк 2011; Ніконова 2008; Приходько 2008; Слухай 2005; Старко 2004 и др.] и в России [Антология концептов 2005; 2006; Болотнова 2004; Воркачев 2004; Зусман 2003; Карасик 2002 и др.], среди которых, в плане методологии и обобщений, в отечественном языкознании следует особо выделить последние работы А. Н. Приходько [Приходько 2008; 2009] и более ранние публикации Е. А. Селивановой [Селиванова 2000], сосредоточимся на указанных выше пунктах, которые, по аналогии с названием известной монографии по когнитивной поэтике [Cognitive Poetics 2009], можно определить как “gains, goals and gaps”, т.е. достижения, цели и просчеты.

Достижения и проблемы

Среди основных достижений концептологии, независимо от её исследовательских доминант, прежде всего, следует выделить: формирование самой области исследований, определение её ключевого понятия, т.е. концепта, и способов его манифестации, построение типологии концептов, разработка алгоритма их моделирования и некоторые другие. Рассмотрим эти моменты более детально.

Вряд ли найдутся серьёзные аргументы против того, что в последнее время концептология заявила о себе в Украине и на постсоветском пространстве как отдельная, в целом ***сформировавшаяся область*** – наука о концептах, их содержании, эволюции, взаимосвязях в рамках тех или иных концептосфер или концептосистем, область с многочисленными ответвлениями, которые пересекаются между собой, опираясь на общие или различные методологические и/или лингвофилософские основания [о последнем см. детальнее Мартинюк 2011]. Методологически сложилось два основных направления концептологии, которые условно можно назвать экпериенциально-менталистским и духовно-менталистским. Первое из этих направлений базируется на философии экспериенциального, или опытного реализма, служащего основой американской когнитологической традиции, заложенной в своё время Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980], с опорой на их предшествен-

ников – Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Ч. Филлмора, Ж. Пиаже, В. Тернера и многих других, и усовершенствованной их многочисленными последователями [Lakoff, Turner 1989; Turner 1996; Kövesces 2000 и мн. др.]. Эта традиция, хотя и ориентирована на поиск определенных сенсорно-мыслительных универсалий, объективно коренится в приоритетах англосаксонской ментальности. Она выводит на первый план понятие воплощенного понимания (embodied understanding) как онтогенетической и филогенетической привязки процесса концептуализации к телесному опыту человека и человечества в целом – опыту, преломленному через культурологический фильтр [Lakoff, Johnson 1980 : 14], используя при этом специфическую нотацию – запись обозначений концептов и концептуальных / когнитивных моделей маленькими заглавными буквами (small caps). В рамках второго направления концептологии, использующего иную нотацию (концепты обозначаются прописными буквами, как правило, полужирным курсивом, или берутся в кавычки), получили своё развитие идеи Анны Вежбицкой [Вежбицкая 1993], нашедшие воплощение и дальнейшее развитие в многочисленных работах российской школы логического анализа [напр., Логический анализ 2003], возглавляемой Н. Д. Арутюновой (среди учеников которой отечественный филолог Т. В. Радзиевская [Радзієвська 2010], плодотворно работающая в области концептологии), и в исследованиях лингвокультурологического толка [Антология концептов 2005; 2006; Воркачев 2004; 2011; Карасик 2002 и др.]. Здесь раскрываются особенности, в первую очередь, славянской ментальности с её духовным началом. Хотя эти два направления концептологии в исследовательском ракурсе вполне совместимы, они отражают доминирование либо экпериенциально-менталистской, либо духовно-менталистской модели описания концептов и концептосистем, соответственно, в германских/романских или славянских студиях. Иногда, эти модели смешиваются, особенно в сопоставительных исследованиях, или используются без учета различий в их методологической базе, что вносит дополнительный элемент хаоса в и без того калейдоскопический универсум концептостудий.

К ответвлениям концептологии, чьи контуры представляются уже более или менее очерченными, принадлежат: *лингвоконцеп-*

тология [Зусман 2003; Луньова 2006; Приходько 2008; Слухай, Снитко, Вільчинська 2011], в том числе сопоставительная [Близнюк 2008; Старко 2004] и историческая [Бойко 2011; Троць 2008; Historical Cognitive Linguistics 2010] или диахроническая [Ваховська 2011; Корольова 2011; Поліна 2004; Tissari 2003]; *концептология текста* [Кагановська 2002 и её ученики] и *дискурса* [Морозова 2005; Приходько 2008 : 237-248; Приходько 2009]; *концептология культуры* [Степанов 1997; 2007], включая лингвокультурную концептологию [Воркачев 2004; 2011; Карасик 2002]; *художественная концептология* [Аскольдов 1997; Ніконова 2008; Vorobyova 2005; 2012] и идиоконцептология как её составляющая [Vorobyova 2005]; *интерсемиотическая*, или *мультимодальная концептология* [Forceville 2006] (напр., концептология фильма, рекламы, балета и т.п.), а также концептологические студии в рамках мультимодальной стилистики [Nørgaard, Busse and Montoro 2010 : 30-34; Nørgaard 2010; Воробйова 2012; Vorobyova 2012], опирающейся на признание наличия в художественном тексте встроенной мультимодальности [Воробьёва 2010]; *невербальная концептология* (жестов, музыки, танца, архитектуры и под.), в частности, в аспекте паралингвального воплощения концептов [Приходько 2008: 120"121]; *концептология эмоций* [Борисов 2005 и др.] *и эмоциональных состояний* [Харкевич 2007], включая измененные состояния сознания [Присяжнюк 2011], которую условно можно назвать *лингвопсихоконцептологией; нейроконцептология* [Шамаева 2010; Bishop 2007], развиваемая в контексте нейронауки; *психолингвоконцептология* как область психолингвистики [Джекова 2008 и др.[4]]; концептология как раздел *педагогической (лингводидактической) когнитологии*.

Не все из названных направлений концептологических исследований в равной степени представлены в Украине, а некоторые из них, например, нейроконцептология, невербальная и педагогическая концептология, пока ещё практически не представлены вовсе. Однако, если для создания нейроконцептологии необходима специальная аппаратура, а для развития невербальной концептологии – прежде всего, изменение исследовательского ракурса (учитывая то, что определенная теоретическая база для такого изменения в

Украине уже существует [Серякова 2012; Солощук 2006; Seryakova 2009]), внедрение лингводидактической, или педагогической (как подобные дисциплины принято называть в европейской научно-образовательной среде [Nørgaard, Busse and Montoro 2010 : 37-39; Pedagogical Stylistics 2012]) концептологии [Воробйова 2011 : 8-10] – это лишь дело времени. С включением в университетские учебные планы магистратуры и аспирантуры курсов по методологии лингвистических исследований, спецкурсов или курсов по выбору по когнитологии возникла необходимость в интеграции когнитологии (и других теоретических дисциплин лингвистического цикла) и лингводидактики. Подобное объединение может состояться, на наш взгляд, вокруг трёх основных проблем: 1) как правильно формировать научные представления об основах концептологии / когнитологии, теперь когда мы уже знаем о типичных ошибках в толковании и использовании их основных положений; 2) как наиболее эффективно обучать основным методическим приемам научения дисциплинам когнитивного цикла, включая концептологию; 3) как наиболее целесообразно использовать знания о когнитивных основаниях языковых, речевых, текстовых и дискурсных явлений для овладения практическими и теоретическими аспектами иностранного языка. Значительный опыт в этом плане накоплен в Польше, в частности, в Лодзьском университете, где группа учеников проф. Рональда Ленекера, например, Камила Туревич, активно внедряет в дидактическом плане его когнитивно-граматические студии (ср. с педагогической грамматикой Л. Н. Черноватого [Черноватий 1999] из Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина).

Важным достижением концептологических студий является формулировка ***определения концепта.*** Это результат коллективных усилий, хотя основной вклад в кристаллизацию этого понятия был сделан российскими учеными Е. С. Кубряковой [Краткий словарь 1996 : 90-93] и Ю. С. Степановым [Степанов 1997 : 40-76]. Именно благодаря их интеллектуальным усилиям, с опорой на более ранние наработки Р. Джекендоффа, А. Вежбицкой, Р. И. Павилёниса и др., мы знаем, что, с одной стороны, концепт – это: 1) основная единица сознания, составляющая “коллективного подсознательного”, оперативная содержательная единица памяти, еди-

ница ментальных или психических ресурсов нашего сознания, “кирпичек” концептуальной системы, которая 2) отражает знания и опыт человека в виде “квантов” знания; 3) частично овеществляется, вербализуется языковыми средствами в их значения; 4) включает существенную долю невербализованной информации [Краткий словарь 1996 : 90]. С другой стороны, по словам Ю. С. Степанова, концепт является 1) энергетическим сгустком культуры, ментальной картинкой того, что не всегда можно выразить словом, но можно увидеть, услышать, ощутить, узнать, прозреть, вспомнить; а концепты в целом 2) могут будто бы парить над словами и вещами, выражаясь (воплощаясь) в них [Степанов 1997 : 40, 68]. Иначе говоря, речь идет о своего рода корпускулярно-волновой природе концепта, имеющего как минимум две ипостаси – конденсированно материальную (что присуще собственно языковым, или лингвоконцептам) и энергиально волновую (что характерно, в первую очередь, для концептов художественных). При этом доминирование той или иной из этих ипостасей определяется, прежде всего, средой существования концептов – языковой, культурной (где эти две ипостаси сбалансированы) или художественно-эстетической.

Соотношение языковых, (лингво)культурных и художественных концептов, особенно в динамике их взаимных преобразований, остается отдельной проблемой концептологии. При этом высказываются некоторые гипотезы, с которыми не всегда можно согласиться. Так, например, вызывает сомнение категоричность утверждения о том, что “художественный концепт – это переосмысленный лингвокультурный концепт” [Федоренко 2012 : 11]. Возможно, такой вектор действительно прослеживается, если речь идет о концептуальных механизмах создания комического эффекта, эффекта абсурда или парадоксальности, построенных на обыгрывании и ломке стереотипов. Но вряд ли можно говорить о художественных концептах в целом как о дериватах концептов лингвокультурных. Во-первых, потому что охудожествляться могут не только концепты, получившие словесное огранение, но и невербальные по своей природе концепты, например, архитектура, музыка, сенсорика в её различных проявлениях и мн. др. Во-вторых, согласно гениальному прозрению Виктора Шкловского, суть искусства, и художественной литературы в том

числе, в его способности возвращать свежесть, первозданность (а значит, истинность) восприятию обыденного, привычного, совершенно необязательно входящего в концептуарий культуры. “И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; *искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно*” [Шкловский 1925 : 7].

Вряд ли можно согласиться и с тем, что “моделируя собственный художественный мир, автор не “придумывает” новых концептов, а “переживает” уже существующие в его этнокультурном сознании, комбинирует их между собой и реализует с их помощью свою целостную духовную позицию” [Федоренко 2012 : 11][5]. Исследовательский опыт в области когнитивной поэтики свидетельствует об обратном: сила искусства не только в преобразовании рацио в эмоцио, привычного в непривычное, но и в эпифаническом прозрении, возникающем, в том числе, и благодаря формированию в сознании автора новых концептуальных узлов художественной картины мира, служащих основой для создания кенотипных словесных поэтических образов, в терминологии Л. И. Белеховой [Бєлєхова 2002 : 359-377]. Здесь речь может идти как о своеобразных художественных предвидениях (например, об образе *жидких мыслей* у Вирджинии Вулф, предвосхитившем гораздо более поздние данные о памяти воды [Воробьёва 2009 : 773-774], об образе пирожных мадлен у Марселя Пруста, свидетельствующем о роли вкуса как триггера памяти [Lehrer 2012 : 75-95; Черниговская 2012 : 7] и мн. др.), так и о трансцедентальных переключениях, в частности, о погружении в иное время или в иную ментальность, как, например, у Вирджинии Вулф, создавшей кенотипную концептуальную метафору ЖИЗНЬ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИЯ [Vorobyova 2005 : 210-212], перекликающуюся с индуистским понятием *майя* как видимости, иллюзии.

Значимым для понимания природы концепта представляется выявление ключевых различий между ***концептом*** и ***понятием*** в плане их формирования и восприятия**.** Поэтому не могу согласиться с В. Н. Манакиным, который в своей полемической статье [Манакін 2011], частично посвященной и вопросам когнитивной лингвистики [там же: 28-32], утверждает, что "терминологическое размежевание *концепта* и собственно *понятия*" остается "не до конца понятным" [там же : 30]. Несомненно, многих деталей этого размежевания мы еще не знаем, однако основное известно: решающим является вектор нашей мыслительно-интерпретативной деятельности и различия в способе интериоризации концептов и понятий. Как отмечает В. З. Демьянков, концепт ("зачаточная" истина), в отличие от понятия, которое конструируется, реконструируется. "О *понятиях* [выделено тут и далее в оригинале. – О. В.] люди договариваются, **конструируя** их для того, чтобы "иметь общий язык" при обсуждении проблем. *Концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций" [Демьянков 2007 : 27]. Кроме того, по мнению Ю. С. Степанова, концепт, в отличие от понятия, хоть и фиксирует общие и специфические свойства сущего, не "определяется", а "переживается", т.е. "включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций" [Степанов 2007 : 20].

В целом, весомость явления "переживания", воплощающего неразрывность когнитивных и эмоциональных процессов (вспомним известное высказывание Франтишека Данеша о том, что "когниция прегнантна эмоцтей, а емоция прегнантна когницией" [Daneš 1987 : 168] и труды Антонио Дамасио [Damasio 1999; 2000]), остаётся недооцененной нашими когнитологами (см., скептические рассуждения на этот счет у С. Г. Воркачева [Воркачев 2011 : 11-12]). Именно переживание является одним из способов постижения концептов (и не только в сфере художественной коммуникации), которые могут быть непосредственно *названы* присущим им именем, манифестированы путём *изображения*, *выражения* или *описания*, в

том числе художественного, или *имплицированы*, когда они фактически “парят” (в терминологии Ю. С. Степанова) над текстом или дискурсом, выходя на поверхность благодаря намёкам, ассоциациям, именам других, родственных концептов, совместно формируя своеобразную идеограмму ключевого текстового и/или художественного концепта, как, например, в стихотворении Бориса Пастернака “Определение творчества” из цикла “Занятье философией” [Пастернак 1990 : 39], чья первая и последняя строфы приводятся ниже:

Разметав отвороты рубашки, / Волосато, как торс у Бетховена, / Накрывает ладонью, как шашки, / Сон, и совесть, и ночь: и любовь оно. / <…> / И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье “ лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной.

Занятно, что небольшой эксперимент, проведенный в разных аудиториях слушателей-филологов, которым предлагалось реконструировать ключевой концепт этого стихотворения, не зная названия последнего, регулярно высвечивал болевые точки в техниках такой реконструкции. Так, обнаружилась четкая тенденция соотносить предполагаемый ключевой концепт с наиболее эмоционально нагруженными лексемами в его составе – “страсть”, “любовь”, а не выстраивать некие конфигурации фукционально значимых элементов, ассоциируемых с музыкой, вдохновением, измененными состояниями сознания, экстазом, позволяющим выйти на глубинное представление о творчестве.

Отмеченные выше ***способы манифестации концептов***, установление которых представляется инструментальным для концептологии, вписываются в определенный спектр репрезентаций концептов, ранжированных по следующему ряду шкал: 1) экспликация :: кристализация (постепенное эксплицирование) :: импликация; 2) концентрированная репрезентация :: кумулятивная репрезентация (наращивание) :: диффузная (рассредоточенная) репрезентация; 3) прямое обозначение :: намек :: комплекс ассоциаций; 4) конвергентная репрезентация :: дивергентная репрезентация. Различие между двумя полюсами последнего из противопоставлений можно проиллюстровать, сравнив приведенный выше фрагмент стихо-

творения Б. Пастернака, в котором прослеживается дивергентность в репрезентации ключевого художественного концепта ТВОРЧЕСТВО, заданного заголовком, но далее рассредоточенного по тексту, и известное стихотворение Лины Костенко о СТРАХЕ как внутреннем цензоре [Костенко 1989 : 12], где названный концепт не задан ни заголовком, ни именем концепта, ни тематически связанной со страхом лексикой. Тут фактически срабатывает вертикальный контекст " знание реалий эпохи, биографий шестидесятников и т.п., подключение которого позволяет читателю собрать ключевой для стихотворения концепт из мозаики эмоционально окрашенных деталей, которые конвергируют в иконический образ напуганной души, опустошенной конформизмом и коньюнктурой:

Шукайте цензора в собі. / Він там живе, дрімучий, без гоління. / Він там сидить, як чортик у трубі, / і тихо вилучає вам сумління. / Зсередини, потроху, не за раз. / Все познімає, де яка іконка. / І непомітно вийме вас – із вас. / Залишиться одна лиш оболонка.

Со способами манифестации тесно связано и такое явление, как ***профилирование концептов***. А. Н. Приходько понимает под профилизацией концепта "дисперсную технику создания его вербального портрета" в дискурсивной деяльности человека как "материального представления потенциальных возможностей концепта, что опосредуется синтагматикой речи" [Приходько 2008 : 113]. В более широком понимании, профилирование концепта как модус его "вербального портретирования" [там же] в языке, тексте или дискурсе, базирующееся на языковом высвечивании одних концептуальных признаков на фоне затемнения других, отражает: 1) изменения способов манифестации концепта в диахронии (напр., толкование конкретных эмоций в наше время и у древних греков [Kostan 2006]); 2) их изменения или вариативность в синхронии, включая идиовариативность; 3) расходжения в концептуальных картинах мира (ср. концепты ПРОШЛОЕ/БУДУЩЕЕ у нас и у индейцев дельты реки Амазонки, чьё осмысление прошлого и будущего в контексте ВРЕМЕНИ основывается на разных базовых концептуальных метафорах: ЖИЗНЬ ЕСТЬ ПУТЬ – в нашей ментальности, потому для нас будущее впереди, а прошлое позади, и ЗНАНИЕ ЕСТЬ

ВИДЕНИЕ – у индейцев Южной Америки, для которых прошлое впереди, потому что они его знают и, образно говоря, видят, а будущее, как что-то неизвестное, сзади – его не видят); 4) расхождения в языковых картинах мира; 5) мировоззренческие расхождения, ср., например, роль концепта СМЕРТЬ в христианской и мусульманской религиях.

Ещё одним весомым достижением концептологии можно считать ***построение типологии***, вернее, ***типологий концептов,*** различающихся исходными критериями классификаций. Если прибегнуть к неким обобщениям, ключевыми критериями систематизации концептов следует признать: среду существования и/или актуализации, содержание концепта, его универсальность или специфичность, место в иерархии или удельный вес в концептосистеме, степень вариативности, формат актуализации и др. Набор критериев и список классов концептов является открытым к пополнению и детализации (см., напр., дополнительные типы концептов у Приходько [Приходько 2008 : 83-92], обзор классификаций лингвокультурных концептов у С. Г. Воркачева [Воркачев 2011 : 66-67]). Приведем, с некоторыми собственными модификациями, образцы самых рапространенных типологий концептов. Так, *согласно среде бытия*, которая и определяет онтологическую сущность концептов, выделяют: языковые (лингвоконцепты, или вербально выраженные концепты [Зусман 2003]); текстовые [Кагановська 2002 и её ученики]; дискурсные [Морозова 2005; Приходько 2008; 2009]; философские [Делёз, Гваттари 1998; Європейський словник 2011]; культурные [Воркачев 2004; Карасик 2002; Степанов 1997], включая лингвокультурные [Воркачев 2011; Старко 2004 и мн. др.], и этноконцепты [Слухай 2005], совокупно формирующие концептуарий культуры – духовные концепты, “сгущения культуры в сознании человека” [Степанов 1997 : 40]; художественные [Аскольдов 1997; Ніконова 2008; Vorobyova 2005; 2012] и, недавно выделенные в отдельную категорию, эстетические концепты. *По содержанию* разграничивают: категориальные (ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО), теософские (ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА), телеономные (ПРАВДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ), аппелирующие к высшим духовным ценностям, и др. [Приходько 2008 : 87-88], антропоконцепты (МАТЬ, ПРЕЗИДЕНТ), эмоциональные концепты, или концепты

эмоций [Kövesces 2000], психологические концепты, гендерные концепты, экоконцепты [Гребенникова 2008], мифоконцепты [Шестеркина 2011 : 44], или концепты-мифологемы [Колесник 2003]. Тематический инвентарь концептов, коррелирующий с их распределением по предметным областям [Воркачев 2011 : 67], представляется наиболее открытым, подверженным индивидуальным вариациям и в то же время наименее структурированным. *По степени абстракции* разграничивают: универсальные ("концепты предельного уровня" как "аналоги мировоззренческих универсалий"), промежуточные и конкретные концепты ("концептуализации конкретных отприродных и артефактных объектов") [Воркачев 2011 : 66-67]. *По месту в иерархии*, в первую очередь, текстовой, различают мега-, макро- гипер-, мезо-, катаконцепты и их составляющие [Кагановська 2002 : 40]; *согласно удельному весу* в концептосистеме – метахтоны, автохтоны и аллохтоны, демонстрирующие разную степень дискурсного системотворчества и вариативности [Приходько 2008 : 126; Приходько 2009 : 126]; *по степени вариативности* – константы, преимущественно культурные, как устойчивые и постоянные на определенном отрезке времени, и вариативные концепты [Степанов 2007 : 77].

Мы предлагаем ещё одну сущностную классификацию концептов – *по формату* их репрезентации. При этом, в зависимости от среды актуализации, концепты, принадлежащие к каждому из классов, могут выступать как языковые / текстовые / дискурсные, культурные или художественные. В предложенную таксономию входят: 1) *единичные* (ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ) концепты; 2) *двойные гештальтные* (ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ [Близнюк 2008], ЛЮБОВЬ/НЕНАВИСТЬ, МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА), т.е. такие, которые допускают употребление в виде единичных концептов, однако всегда имеют коррелятивную пару, формируя с ней целостный гештальт; 3) *кластерные* (ПУТЬ К СЛАВЕ) – концепты, не имеющие в конкретном языке собственного однословного имени, однако воспринимающиеся как ментальное единство, в имени которого некоторые концептуальные признаки эксплицируются, в то время как другие остаются имплицированными [Ізотова 2006 : 32-33]; 4) *кумулятивные* (SAVOIR VIVRE) концепты как конгломерат концептуальных черт, интегрированных в единое целое путём их

накопления, аккумуляции; 5) *картинные* (ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ) – те, которые легче визуализировать, нежели описать словесно; 6) *параболические* (ПРАЖСКАЯ ВЕСНА, АРАБСКАЯ ВЕСНА) – концепты, содержащие в максимально свернутом виде некую историю или мотив; 7) *картинно-параболические* (УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА) – параболические концепты, представленные не только вербально, но и с помощью некоей визуальной эмблемы; 8) *эссеистические* (МОДЕРНИЗМ, СИМУЛЯКР) концепты, т.е. те, которые, строясь по принципу минимализации [Степанов 2007 : 20], сохраняют в компрессированном виде большой объём философской и/или культурологической информации.

Отдельную проблему лингвопоэтологического плана составляет ***разграничение трёх типов концептов*** – текстовых, художественных и эстетических. *Текстовые концепты* принято толковать как "речемыслительные образования содержательного плана, характеризующиеся многосмысловой напряженностью и надкатегориальностью, имплицирующие на текстовом уровне совокупности определенных признаков метаобразов художественного произведения, приобретающих свою экспликацию в тексте" [Кагановська 2002 : 24]. *Художественные концепты* существуют в рамках определенной идиосферы как части художественной картины мира, обусловленной кругом ассоциаций творца, и возникают как намёк на возможные значения, как отзвук на предыдущий языковой и культурный опыт человека, выражающий индивидуально-авторское осмысление предметов и явлений [Ніконова 2008 : 172, 174]. С иной точки зрения, *ключевой художественный и/или текстовый концепт* – это глубинный смысл, максимально и абсолютно свёрнутая структура, воплощающая мотив, интенции автора и порождающая текст; своеобразная точка взрыва, вызывающая текст к жизни [Красных 1998 : 202].

Сопоставление приведенных дефиниций выявляет набор черт, общих для текстового, художественного и эстетического концептов, характеризующихся: 1) *многомерностью* вплоть до голографичности; 2) *компрессией*, свернутостью, программностью; 3) *внутренней напряженностью*; 4) *множественным смыслом* (по Р. Барту) [Барт 1994 : 12, 412]; 5) *энергиальностью*; 6) *эмоцио-*

генностью, воплощающейся как устойчивая или, напротив, изменчивая эмоциональная аура; 7) способностью выступать в качестве *текстового гена* (по Ю. М. Лотману) [Лотман 1996 : 123], т.е. порождать сюжет, служить катализатором развертывания текста; 8) *встроенной интертекстуальностью*, существуя как своего рода концепт-эхо; 9) *потенциалом приобретения черт антиконцепта* благодаря открытию чего-то нового в известном как проявления "диссидентства в семантике", опрозрачивания знака путём его отрицания [Степанов 2007 : 158"174; Степанов 2007а : 21]; 10) *вариативностью* по шкале "стереотипность (prêt-à-porté) :: идиотипность (haute couture) :: кенотипность (авторское лекало)", если воспользоваться типологией словесных поэтических образов Л. И. Белеховой [Бєлєхова 2002 : 312-378], спроектировав на неё фешн-терминологию. Так, концепт СЛОНЕНОК, в силу его кенотипной метафорической проекции на концепт ЛЮБОВЬ (*Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок*) в стихотворении Н. Гумилёва "Слоненок" [Гумилев 2003 : 246-247], с одной стороны, служит текстовым геном, направляя эмоционально изменчивое развертывание стихотворного повествования от деликатной нежности – *Он может съесть лишь дольку мандарина, кусочок сахару или конфету* – до отчаяния сочувствия – *Он сделается посмеяньем черни, чтоб в нос ему пускали дым сигары* – и далее до торжественного триумфа – *в парче и меди, в страусових перьях*. С другой стороны, ассоциативная аура этого концепта в её внутренней напряженности способствует возникновению интертекстуально насыщенной (*прикажчики под хохот мидинеток*; *Как тот, Великолепный, что когда-то нес к трепетному Риму Ганнибала*) текстовой голограммы, чей множественный смысл отпечатывается в читательском восприятии, приобретая абрисы эстетического концепта с его встроенной музыкальностью и резонантностью.

В то же время три названные разновидности концептов – текстовый, художественный и эстетический – могут отличаться своим объёмом, средой актуализации, семиотической привязкой, степенью идиосинкразии и, вероятно, иными специфичными чертами, которые ещё предстоит установить. Так, ни текстовые, ни эстетические концепты не привязаны исключительно к художественной литературе:

первые – в силу своей дискурсной “всеядности”, последние – благодаря потенциалу гетеро- и интерсемиотического воплощения. Именно художественные концепты как составляющие индивидуально-авторской картины мира или картины мира, генерируемой тем или иным литературно-художественным направлением, представляются наиболее идиосинкратичными по своей природе. В этом смысле текстовые концепты наиболее нейтральны и стереотипны, а эстетические – наиболее универсальны, хотя и вариативны по своему наполнению в культурно-историческом ключе.

Еще одним серьёзным достижением концептологии является разработка алгоритма ***моделирования концептов*** в соответствии с двумя типами моделей: *капсульной* (идея лингвистического применения которой к описанию грамматических и текстовых структур принадлежит Э. Я. Мороховской [Morokhovskaya 1984]) и *слоистой* [Степанов 1997 : 46-56; Карасик 2002; Луньова 2006; Приходько 2008 : 4-64 и др.], послойной, палимпсестной, на подобие китайской шкатулки (с ядром и периферией или без подобной дифференциации её состава), широко используемыми в разных своих модификациях. В одной из версий капсульная модель была усложнена до модели ментально-психонетического комплекса (по Е. А. Селивановой), включающего вербализованный компонент мышления (знания в языке и знания о языке), невербализованный компонент мышления (опытные знания, знания культуры и т.п.), вербальные и невербальные образы-гештальты, психические функции, коррелирующие с мышлением, и архетипы [Селиванова 2000 : 113-114]. Целесообразность послойного описания концептов была обоснована Ю. С. Степановым [Степанов 1997 : 46], который утверждал, что “поскольку концепт имет “слоистое” строение и разные слои являются результатом, “осадком” культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких разных методов (или, можно сказать, “методик”, – но это различие в словах не существенно)”.

Алгоритм моделирования концептов включает несколько последовательных этапов анализа. Традиционно это: 1) установление способов и средств *входжения*, или “*входа в концепт*” (термин А. Н. Приходько [Приходько 2008 : 49]) из речевой, дискурсной или

текстовой ткани; 2) *метаязыковое (вербальное) титулование* (термин А. Н. Приходько [там же : 51]) концепта; 3) *этимологический и/или компонентный анализ*; 4) *понятийный анализ* по справочным и энциклопедическим источникам; 5) построение *синонимических или семиотических рядов* [Степанов 1997 : 56-57]; 6) реконструкция *(перцептивно-)образного слоя* концепта с помощью маркеров вербализованной сенсорики и концептуальных тропов [Воркачев 2011 : 67]; 7) определение *ценностной (валоративной)* и *значимостной составляющих* концепта [там же : 68]; 8) установление *ассоциативных связей* между концептами путём построения их сети в рамках реконструируемой концептуальной / художественной картин мира, включая индивидуально-авторскую, в тексте/дискурсе или на их отдельных участках.

Приведенный алгоритм в целом срабатывает, когда речь идет о моделировании языковых или лингвокультурных концептов, однако буксует на своём завершающем этапе, как только мы переходим к анализу концептов художественных, обладающих неограниченной ассоциативной и эмоциональной аурой и широким диапазоном развертывания. На данный момент существуют три основные методики реконструкции художественных концептов, верифицированные не только на малых прозаических и поэтических, но и на крупных литературных формах: 1) модифицированная (в плане изменения вектора анализа) *методика метаописания* [Кагановская 2002], основывающаяся на способе анализа и интерпретации словесного художественного произведения, разработанном Андреем Белым и далее усовершенствованном акад. В. В. Виноградовым [см. Степанов 1965 : 289-297], который предусматривает инференциальное выведение иерархии метаобразов разного ранга вплоть до конечного метаобраза как основной идеи произведения; 2) *методика построения ассоциативных сетей* [Ніконова 2008] путём установления “синаптических” связей между ключевыми концептами художественного текста; и 3) *методика когнитивно-эмотивного анализа* с опорой на иконичность [Burke 2001] или на взаимосвязь иконичности и куматоидности (волнообразности) как источника эмоционального резонанса [Воробйова 2006] в контексте лингвотекстового преломления теории зеркальных нейронов. Еще

одна методика, *методика мультимодального анализа*, базирующаяся на концепции встроенной интерсемиотичности художественного текста, находится в разработке и только начинает применяться в рамках когнитивно-поэтологических студий [Воробйова 2012; Воробьёва 2010; Vorobyova 2012].

Просчеты и проблемы

Весомые достижения в области отечественной концептологии имеют и свою обратную сторону. Так, увлечение анализом отдельных концептов по чётко определенным лекалам приводит к доминированию в концептологических студиях инвентаризационного подхода, при котором теряется видение системообразующих связей, важных не только для раскрытия механизмов взаимодействия концептов, но и для постижения динамики концептуальной картины мира в целом и на её отдельных участках, срезах или в её разных измерениях, включая художественное. Преимущественно статический взгляд на концепты, за исключением некоторых попыток подключить их дискурсную динамику [Мартинюк 2011; Приходько 2008; 2009], мешает осмыслить те изменения, которые произошли и происходят в нашем представлении о картине мира. Её исследовательский образ, изначально заданный и самим термином, и его дальнейшими детализациями как сети концептов или концептуальных узлов, как своеобразного панорамного стоп-кадра, постепенно трансформируется, приобретая большую динамичность и изменчивость. Можно сказать, что в концептологии мы неизбежно движемся от Эвклида к Лобачевскому, отходя от одномерного плоскостного толкования концептосферы к её многомерной интерпретации как сложной конфигурации волнообразных искривленных плоскостей. Несомненно, мы по-прежнему набрасываем на мир концептуальную сетку, но поверхность этого мира все больше и больше напоминает волнующееся море, нежели степную равнину.

Говоря о проблемной зоне концептологии, нельзя не согласиться с С. Г. Воркачевым, отмечающем целый ряд логических парадоксов и болевых точек, характерных для этой области когнитологии [Воркачев 2011 : 70]. Некоторые из них, в том числе и отмеченные в данном обзоре, носят объективный характер, будучи вызва-

ны, в частности, и “болезнями роста”. Однако имеется и целый ряд субъективных просчетов, требующих осознания и устранения. Так, подмена при анализе концептов ментального собственно языковым и, наоборот, оторванность от языкового субстрата, незнание первоисточников, ссылки не на ключевых когнитологов, в том числе и зарубежных, а на случайных для когнитологии исследователей (что иногда диктуется их статусом оппонентов диссертаций), довольно распространённое неумение реконструировать концептуально-тропеические модели и выстраивать классификации (чего стоит, например, почти борхесианское деление метафор на концептуальные, антропоморфные и патологические [Бойко 2011 : 14]), что нередко наблюдается в диссертационных работах (и что, к слову, необходимо преодолевать с помощью педагогической концептологии), влекут за собой дискредитацию самого когнитивного подхода в лингвистических и лингвопоэтологических студиях. Поэтому неудивительно, что злоупотребление концептами нередко вызывает не столько конструктивную, сколько огульную критику концептологии как таковой. Иначе говоря, временами происходит подмена “белой книги” концептологии, т.е. критической оценки разных вариантов решения концептологических проблем, её “зеленой книгой”, т.е. скептическим отношением к самой целесообразности существования и развития концептологии и, шире, когнитивной лингвистики [см. Манакін 2011 : 28]).

Выводы

Суммируя стоящие перед концептологией проблемы, следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на такие её перспективы и нерешённые вопросы: 1) раскрытие энергиального потенциала концептов, в том числе художественных и эстетических, в их изменчивой динамике; 2) уточнение механизмов и способов организации концептов, включая фоноконцепты и грамматические концепты, в гомогенные и гетерогенные когнитивные структуры; 3) выработка принципов построения этно-, социо-, идио- и подобных концептуальных сетей и конфигураций, т.е. привязка концептов к среде их реализации; 4) разработка методик интерсемиотической реконструкции концептов в рамках общей методологии концептуального

анализа. Художественную концептологию ждет движение от единичности концептов к их кумулятивности, от статики к динамике, от малых форм к формам крупным, от микро- к мегареализациям концептов и концептосистем, к пониманию художественных и эстетических концептов как многомерных образований голографической природы, обладающих мощным энергетическим зарядом как источником эмоционального резонанса в художественном и эстетическом восприятии.

Примечания

[1] Этот раздел является уточненной и дополненной версией недавней украиноязычной публикации автора [Воробйова 2011а]. Содержание указанной статьи, появившейся практически параллельно со статьей С. Г. Воркачева [Воркачев 2011] и во многом перекликающейся с ней, свидетельствует о назревшей объективной необходимости подведения неких итогов в становлении и развитии концептологии и очерчивания новых путей её дальнейшей разработки.

[2] Самые солидные англоязычные справочники по когнитивной лингвистике [The Cognitive Linguistics Reader 2007; The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics 2007] не содержат каких бы то ни было упоминаний о концептах как объекте исследования. Концепт как общее понятие иногда фигурирует лишь в контексте теории прототипов при рассмотрении явления категоризации [напр., Croft and Cruse 2004 : 74-105]. Кроме того, встречаются отдельные англоязычные публикации, преимущественно польских и скандинавских лингвистов, посвященные анализу тех или иных единичных концептов [Bierwiaczonek 2002; Tissari 2003]. В последнее время интерес к концептам, в частности художественным, прослеживается и в рамках испанской когнитологической традиции [Romero and Soria 2012 : 74], в частности, в контексте теории Л. Барсалоу о спонтанных (*ad hoc*) категориях [Barsalou 1983 : 211-217]. Однако при этом вряд ли можно полностью согласиться с С. Г. Воркачевым, который рассматривает лингвоконцептологию как “чисто российское, автохтонное образование” [Воркачев 2011 : 71], хотя бы потому, что само понятие концепта как ментальной репрезентации, имеющей некое материальное воплощение, в том числе и вербальное, уходит своими корнями не только в российскую, но и в американскую лингвистическую традицию, а введение и анализ некоторых видов концептов, например, эмоциональных, связывается, изначально, с европейской когнитологией, в частности, с именем З. Кьовечеша [Kövesces 2000].

[3] О методологическом кризисе в российской концептологии, в частности лингвокультурной, пишет и С. Г. Воркачев в упомянутой выше публикации [Воркачев 2011 : 64-74], подчеркивая российскую автохтонность как лингвокультурологии, так и лингвоконцептологии [там же : 2-3].

[4] О распространенности исследований в области психолингвоконцептологии в России свидетельствует отдельная рубрика "Психолингвистика и концептология" в журнале "Вопросы психолингвистики", издаваемом Институтом языкознания РАН.

[5] Такое большое внимание полемике по поводу идей, высказанных в кандидатской диссертации, вызвано тем, что за ними, вероятно, стоит не только сама аспирантка, но и её научный руководитель, один из наших ведущих концептологов, проф. А. Н. Приходько, с которым интересно подискутировать. Пафос этой дискуссии в том, что художественный концепт – это чрезвычайно деликатная материя, с которой следует быть весьма осторожным, и красивые предположения, сформулированные как утверждения, могут сослужить плохую службу начинающим (и не только) исследователям, учитывая нашу слепую национальную веру в печатное слово.

Литература

Антология концептов : [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. – Волгоград: Парадигма, 2005 (Т. 1 – 348 с., Т. 2 – 356 с.), 2006 (Т. 3 – 381 с.).

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология : [под ред. проф. В. П. Нерознака]. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : [сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова]. – М.: Издат. группа "Прогресс", "Универс", 1994. – 616 с.

Бєлєхова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис. … докт. філол. наук : 10.02.04. – К., 2002. – 476 с.

Близнюк О. О. Концепти ЖИТТЯ і СМЕРТЬ: лінгвокультурологічний аспект (на матеріалі паремійного фонду української та італійської мов): автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.

Бойко Т. В. Лінгвокультурний концепт MINNE / КОХАННЯ в німецькій поезії мінезангу XII – XIV століть: структурний та семантичний аспекти: автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2011. – 20 с.

Болотнова Н. С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике Серебряного века: Мат-лы VII Всероссийского научно-практического семинара / 27 апреля 2004 г.: [ред. Н. С. Болотновой]. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. – С. 7 – 19.

Борисов О. О. Мовні засоби вираження емоційного концепту СТРАХ: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англомовної художньої прози): автореф. дис. …канд. філол. наук. – Донецьк, 2005. – 20 с.

Ваховська О. В. Вербалізація концепту ГРІХ в англомовному дискурсі XIV – XXI століть: автореф. дис. … канд. філол. наук. – Харків, 2011. – 20 с.

Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: Общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // Thesis. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 185 – 206.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Том 70, № 5. – С. 64 – 74.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

Воробйова О. П. Ідея *резонансу* в лінгвістичних дослідженнях // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя проф. М. П. Кочергана. Зб. наук. статей : [відп. ред. Тараненко О. О.]. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 72 – 86.

Воробйова О. П. Когнітологія як експерієнційний міф: методики концептуального аналізу тексту // Актуальні проблеми філологічної науки та педагогічної практики: Тези III Всеукраїнської науково-практичної конференції / Дніпропетровськ, ДНУ імені Олеся Гончара, 8 – 9 грудня 2011 р. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2011. – С. 8 – 10.

Воробйова О. П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011а. – Т. 14, № 2. – С. 53 – 64.

Воробйова О. П. Смак “Шоколаду”: інтермедіальність і емоційний резонанс // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2012. – Т. 15, №1 (в печати).

Воробьёва О. П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 764 – 776.

Воробьёва О. П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии // Когніція, комунікація, дискурс: Електронний збірник наукових праць. Серія "Філологія". – Харків. – 2010. – №1. – С. 47 – 74.

Гребенникова Н. С. Концептуальный комплекс "Человек – природа – культура" в контексте культурно-экологического дискурса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-lib.gasu.ru/konf/biodiversity/2008/2/44.pdf.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. – 288 с.

Демьянков В. З. "Концепт" в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. тр. / ИЯ РАН и др. – М.-Калуга: И. П. Кошелев А. Б., Изд-во "Эйдос", 2007. – С. 26 – 33.

Демьянков В. З. О *поколениях* и о научных парадигмах // Вопросы филологии. – 2010. – №3 (36). – С. 9 – 15.

Дженкова Е. А. Ассоциативная характеристика концептов вины и стыда в немецком и русском социумах (на материале экспериментальных данных) // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 93 – 97.

Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей : [під кер. Барбари Кассен] : пер. з фр. – К.: Дух і літера, 2011 (Т. 1, вид. друге, виправл. – 576 с., Т. 2 – 488 с.).

Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа file://A:\concept 2.htm.

Ізотова Н. П. Текстовий концепт ШЛЯХ ДО СЛАВИ в англомовних біографічних романах XX століття: семантико-когнітивний та наративний аспекти: дис. … канд. філол. наук. – К., 2006. – 252 с.

Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Колесник О. С. Мовні засоби відображення міфологічної картини світу: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі давньоанглійського епосу та сучасних британських художніх творів жанру фентезі): дис. ... канд. філол. наук. – К., 2003. – 300 с.

Корольова А. В. Діахронічний вектор дослідження структур свідомості й мислення // Вісник КНЛУ. Серія Філологія. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 52 – 58.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог, 1998. – 352 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальне поля порядка и беспорядка ; [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Луньова Т. В. Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика: дис. … канд. філол. наук. – К., 2006. – 352 с.

Манакін В. М. Мова і загальна симетрія універсуму // Мовознавство. – 2011. – № 3. – С. 26 – 40.

Мартинюк А. П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – 196 с.

Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект : монография. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.

Ніконова В. Г. Трагедійна картина світу у поетиці Шекспіра : монографія. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2008. – 364 с.

Поліна Г. В. Мовна об’єктивація концепту БОГ в англійському дискурсі XIV – XX століть: автореф. дис. … канд. філол. наук. – Харків, 2004. – 20 с.

Присяжнюк Л. Ф. Змінені стани свідомості: лінгвістичний вимір // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КНЛУ. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія. – 2011. – Вип. 22. – С. 59 – 64.

Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 331 с.

Приходько А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе // Дискурс, концепт, жанр : коллект. моногр. ; [отв. ред. М. Ю. Олешков]. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 125 – 139.

Радзієвська Т. В. Нариси з концептуального аналізу та лінгвістики тексту. Текст – соціум – культура – мовна особисттіть : монографія. – К.: ДП "Інформ.-аналіт. агентство", 2012. – 491 с.

Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология : монография. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

Серякова И. И. Невербальный знак коммуникации в англоязычных дискурсивних практиках : монография. – К.: Изд. центр КНЛУ, 2012. – 280 с.

Слухай Н. В. Етноконцепти і міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2005. – 167 с.

Слухай Н. В., Снитко О. С., Вільчинська Т. П. Когнітологія і концептологія у лінгвістичному висвітленні : навч. посібник. – К.: Вид-во КНУ, 2011. – 368 с.

Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі: монографія. – Харків: Константа, 2006. – 300 с.

Старко В. Ф. Концепт ГРА в контексті слов'янських і германських культур (на матеріалі української, російської, англійської та німецької мов): автореф. … дис. канд. філол. наук. – К., 2004. – 16 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки русской культуры, 2007. – 248 с.

Степанов Ю. С. "Понятие", "концепт", "антиконцепт". Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. тр. / ИЯ РАН и др. – М.-Калуга: ИП Кошелев А. Б., Изд-во "Эйдос", 2007а. – С. 19 – 26.

Степанов Ю. С. Французская стилистика. – М.: Изд-во "Высшая школа", 1965. – 355 с.

Троць О. В. Вербалізація концепту ДОЛЯ у давньогерманських

мовах: етнокультурний аспект: автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.

Федоренко Л. В. Вербальна репрезентація комічного у драматургічному дискурсі Фрідріха Дюрренмата: автореф. … дис. канд. філол. наук. – Харків, 2012. – 20 с.

Харкевич Г. І. Відображення стану тривоги персонажа в англомовній художній прозі: семантико-когнітивний та наративний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2007. – 20 с.

Черниговская Т. В. Нить Ариадны или пирожные мадлен: нейронная сеть и сознание // В мире науки. – 2012. – №4. – С. 1 – 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sciam.ru.

Черноватий Л. М. Основи теорії педагогічної граматики іноземної мови: автореф. дис. … докт. пед. наук. – К., 1999. – 30 с.

Шамаева Ю. Ю. Методологические проблемы нейросетевого моделирования распознавания вербализованных концептов эмоций // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2010. – № 896. – С. 6 – 12.

Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 40 – 49.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. – М.: Круг, 1925. – С. 7 – 20.

Barsalou L. *Ad hoc* categories // Memories and Cognition. – 1983. – No. 11. – P. 211 – 217.

Bierwiaczonek B. A Cognitive Study of the Concept of LOVE in English. – Katowice: Wydawnictwo Universytetu Śląskiego, 2002. – 228 p.

Bishop C. M. Neural networks for pattern and concept recognition. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 482 p.

Burke M. Iconicity and literary emotion // European Journal of English Studies. – 2001. – Vol. 5, No. 1. – P. 31 – 46.

The Cognitive Linguistics Reader : [eds. V. Evans, B. Bergen and J. Zinken]. – L.; Oakville: Equinox, 2007. – 974 p.

Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps : [eds. Geert Brone, Jeroen Vandaele]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 560 p.

Croft W. and Cruse D. A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

Damasio A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. –N.Y.: Quill, 2000. – 313 p.

Damasio A. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. – San Diego etc.: Harcourt, A Harvest Book, 1999. – 386 p.

Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists : [eds. W. Bahner, J. Schildt, D. Viehveger]. – Berlin: Akademie Verlag, 1987. – P. 168 – 179.

Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitive framework: Agendas for research // Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives: [eds. Kristiansen G., Archard M., Dirven R., Ruiz de Mendoza Ibàñes F.J.]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 379 – 402.

Historical Cognitive Linguistics : [eds. Margaret E. Winters, Heli Tissari, Kathryn Allan]. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. – 365 p.

Kostan D. Y-a-t'il une histoire des émotions? // ASDIWAL: Revue Genevois d'Anthropologie et d'Histoire des Religions. – 2006. – No. 1. – P. 23 – 35.

Kövesces Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223 p.

Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

Lakoff G. and Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

Lehrer J. Proust was a Neuroscientist. – Edinburgh etc.: Cannongate, 2012. – 242 p.

Nørgaard N. Multimodality: Extending the stylistic tool-kit // Language and Style: In Honour of Mick Short: [eds. Dan McIntyre and Beatrice Busse]. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 443 – 448.

Nørgaard N., Busse B. and Montoro R. Key Terms in Stylistics. – London; New York: Continuum, 2010. – 269 p.

Morokhovskaya E. Ya. Fundamentals of Theoretical English Grammar. – K.: Vyshcha shkola, 1984. – 287 p.

The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics : [eds. D. Geeraerts and H. Cuyckens]. – Oxford etc.: Oxford University Press, 2007. – 1334 p.

Pedagogical Stylistics: Current Trends in Language, Literature and ELT: [eds. Michael Burke, Szilvia Csábi, Lara Week and Judit Zerkowitz]. – L.: Continuum, 2012. – 219 p.

Romero E. and Soria B. Fictional ad hoc concepts as source domain in novel metaphor // Language, Narrative and the New Media: Book of Abstracts / PALA 2012 Conference, 16 – 18 July, 2012 / University of Malta, Department of English. – Valetta, 2012. – P. 74.

Seryakova I. I. Magic of Nonverbal Communication. Second ed., with additions and amendments. – К.: Освіта в Україні, 2009. – 161 p.

Tissari H. LOVEscapes: Changes in Prototypical Senses and Cognitive Metaphors since 1500. – Helsinki: Société Néophilologique, 2003. – 470 p.

Turner M. The Literary Mind. The Origins of Thought and Language. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 187 p.

Vorobyova O. Caught in the web of worlds II: Postmodernist wanderings through the ASC labyrinths in Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled*: Philosophy, emotions, perception // Languages, Literatures and Cultures in Contact. English and American Studies in the Age of Global Communication. Vol. 2: Language and Culture : [eds. Marta Dąbrowska, Justyna Leśniewska and Beata Piątek]. – Kraków: Jagiellonian University Press, 2012 (in print).

Vorobyova O. "The Mark on the Wall" and literary fancy: A cognitive sketch // Cognition and Literary Interpretation in Practice: [eds. Harri Veivo, Bo Pettersson and Merja Polvinen]. – Helsinki: Helsinki University Press, 2005. – P. 201 – 217.

Источники иллюстративного материала

Гумилев Н. Сочинения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 677 с.

Костенко Л. Вибране. – К.: Вид-во художньої літератури "Дніпро", 1989. – 559 с.

Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Переводы: [Сост., вступ. статья и примеч. Л. Озерова]. – М.: Изд-во "Правда", 1990. – 559 с.

1.2. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Щербин В. К.

Показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка.

А. А. Потебня

Авторы вводной статьи “Что такое когнитивная наука?” к четырехтомной “Encyclopedia of Cognitive Science” (2005) считают, что современная история этой междисциплинарной науки началась в 1930-е гг. [Nadel 2005]. В свою очередь, начало когнитивной лингвистики, как одного из направлений когнитивной науки, по мнению российских исследователей В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, приходится на 1980-е гг. [Демьянков 1997]. Тем не менее, несмотря на достаточно позднее (по сравнению с другими когнитивными направлениями) становление когнитивной лингвистики, полученные ею к настоящему времени результаты пользуются большим спросом среди когнитивистов. Столь впечатляющие результаты стали возможными благодаря быстро протекающим процессам дифференциации и специализации лингвокогнитивных исследований.

В частности, в рамках американской и западноевропейской когнитивной лингвистики сегодня доминируют такие ее направления, как когнитивная грамматика, теория концептуальной метафоры, теория ментальных пространств, теория концептуальной интеграции и др. [Fauconnier 2005]. В свою очередь, специфику восточнославянской когнитивной лингвистики составляет развитие в ее рамках таких направлений, как этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная поэтика, менталингвистика, лингвогносеология, когнитивная теория текста, философия языка и др. При этом наибольший интерес у отечественных лингвокогнитивистов вызывают проблемы когнитивной лексикологии и лексикографии. Одним из формальных проявлений данного интереса стало выделение в рамках

когнитивной лексикологии и лексикографии таких специализированных областей когнитивных знаний, как концептология, концептография, когнитивная ономасиология, когнитивная ономастика, когнитивная семасиология, когнитивное терминоведение, когнитивная энциклопедистика и др. [Щербин 2008]. Таким образом, процессы дифференциации и специализации лингвокогнитивных исследований продолжаются и внутри перечисленных выше направлений восточнославянской когнитивной лингвистики.

Рассмотрению того, как протекают указанные процессы в рамках одного из наиболее разработанных направлений восточнославянской когнитивной лингвистики, а именно в рамках концептологического направления, и посвящается данный раздел коллективной монографии.

Докогнитивный этап развития отечественных семантических исследований

Изучение истории отечественной науки показывает, что такие ее представители, как академики М.В. Ломоносов, И.А. Гульянов, И.И. Срезневский, член-кореспондент А.А. Потебня, писатель-демократ Н.Г. Чернышевский, профессор В.О. Ключевский, государственный деятель К.П. Победоносцев и ряд других исследователей, еще в XVIII и XIX столетиях изучали в своих работах ключевые понятия различных областей знаний (теперь такие ключевые понятия называют концептами), используя свою оригинальную терминологию для их обозначения: *первые и вторичные идеи, соплеменные понятия, сродственные понятия, коренные понятия, положительные понятия, отрицательные понятия, символы, образы* и др. Порой работы восточнославянских ученых по новизне предлагавшихся в них подходов к описанию ключевых когнитивных понятий на многие десятилетия опережали аналогичные работы их зарубежных коллег. Вот что, к примеру, писал в своем “Предисловии ко 2-му изданию” книги А.А. Потебни “Мысль и язык” (1913) харьковский исследователь М. Дринов: “Коснувшись сочинения Макса Мюллера, появившегося недавно и в русском переводе под названием “Наука о мысли”, кстати заметим, что некоторые из весьма важных научных положений, выработка которых тут приписывается новей-

шим западноевропейским ученым (Нуаре), давно развиты А.А. Потебнею в переиздаваемой теперь его ранней работе, аналогичной по содержанию с новой книгой английского языковеда” [Дринов 1993].

В справедливости подобных оценок мы можем убедиться сами, обратившись непосредственно к текстам работ перечисленных выше отечественных исследователей. К примеру, академик М.В. Ломоносов в 1748 г., т.е. за сто с лишним лет до выхода в свет “Тезауруса английских слов и выражений” П.М. Роже (1852), высказал идею осуществления понятийной классификации лексики русского языка и дал пример представления иерархической структуры тематической группы слов в виде таблицы [Ломоносов 1952]. В комментарии к этой таблице он писал следующее: “В сем примере хотя только первые и вторичные идеи и те из немногих мест риторических к терминам приложены, однако ясно видеть можно, что чрез сии правила совображение человеческое иметь может великое вспоможение и от одного термина произвести многие идеи… Мы учим здесь собирать слова, которые не без разбору принимаются, но от идей, подлинные вещи или действия изображающих, происходят и как к предложенной теме, так и к самим себе некоторую взаимную принадлежность имеют…” [Ломоносов 1952]. Таким образом, предложенную М.В. Ломоносовым понятийную классификацию русской лексики по первичным и вторичным идеям с полным правом можно относить к числу первых отечественных работ концептологического характера.

Аналогичный вывод напрашивается и после знакомства с проектом академика И.А. Гульянова по созданию “сродственного словаря”, очевидный понятийный характер которого позволяет сегодня с большой долей уверенности считать эту работу прообразом будущих идеографических словарей и концептуариев. Так, выступая на торжественном заседании Российской академии наук в 1821 г., И.А. Гульянов следующим образом раскрыл существо предлагаемого им “сродственного словаря” русского языка: “Познав посредством мыслеразъятия сродственную связь всеобщих разумений, мы возможем определить связь речений им присвоенных и, следовательно, умственную основу языков. Тогда удобно нам будет представить начертание соплеменных понятий видимого, умствен-

ного и нравственного мира, в лице словесном слиянных и строение смысла образующих. В сем словесном начертании трояких наших понятий найдем мы основания, готовые для составления Сродственного Словаря, коего призрак являют нам словари сословов (т.е. синонимов. – *В. Щ.*). Недостаток в Сродственном Словаре тем ощутительнее, что Философия твердит непрестанно о сродстве и согласии понятий. Сродственный Словарь, избавя речения от произволу азбучного беспорядка, разлучающего и смешивающего в груды все понятия, представит их по порядку в семейной их связи. Подчиняя всегда частные предметы коренному и общему им разумению, словарь сей определит нам в точности знаменование каждого речения, назначит приличное каждому место в порядке вещественных, умственных и нравственных предметов, сведет отрицательные понятия с положительными, покажет круг законных связей и отношений каждого понятия и отличит однажды навсегда то, что введено употреблением, от того, что положено природой… Разум языков, будучи основанием Сродственного Словаря, послужит между тем к исправлению многих словесных толкований, и в то же время восстановит в речениях естественный порядок знаменований, в разуме проначертанный” [Гульянов 1821].

Три с лишним десятилетия спустя академик И.И. Срезневский в своем “Обозрении замечательнейших из современных словарей” отметил следующие основные недостатки “Тезауруса английских слов и выражений” П.М. Роже: “Общий взгляд его до того отвлеченный, что Роджет и не замечал, как предметы очень близкие расходились у него по разным частям книги. Так, например, музыка отошла у него к разряду материи, к статьям о звуке, а живопись и ваяние к разряду разумной силы, к статьям о естественных средствах сообщения идей; гражданские власти отошли к разряду воли, к общим статьям об общежительной воле, а дворянство к разряду влечений, к статьям о влечениях внешних и т.д. Мне бы казалось, что чем более было бы положительности в общем взгляде, тем более было бы и возможности избегать сбивчивости в расположении статей” [Срезневский 1854].

Еще одним свидетельством того, что И.И. Срезневский много работал над выявлением понятийной основы древнерусской лексики,

служит исключительно полное, системное представление ключевых понятий отечественной духовной культуры в его “Материалах для словаря древнерусского языка” (1893 – 1912). Как справедливо отмечают современные исследователи этого единственного завершенного на сегодняшний день исторического словаря древнерусского языка, “словарь И.И. Срезневского – хранилище русской духовной культуры во всей ее полноте. В Словаре много внимания уделено наименованиям общих нравственных понятий и категорий (например, добро, зло, правда, ложь, истина), наименованиям, связанным с личностью и ее деятельностью (совесть, вина, грех, благодеяние, злодеяние), наименованиям собственно моральных качеств (храбрость, человечность, доброта, терпение)” [Архипова 2004].

Весьма оригинальную трактовку трансформации образно-понятийного содержания слова в направлении от его первичных, конкретных значений к более абстрактным, концептуальным конструктам еще в 1862 году давал харьковский языковед А.А. Потебня: “Мысль наша, по содержанию, есть или образ, или понятие… Слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само не составляет ее содержания. Если помнится центральный признак образа, выражаемый словом, то он … имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания; если вместе с образованием понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль, между его звуком и содержанием не остается для сознания говорящего ничего среднего… Слово может быть орудием, с одной стороны разложения, с другой – *сгущения* мысли единственно потому, что оно есть представление, т.е. не образ, а образ образа” [Потебня 1993].

Для сравнения, приведу современную трактовку трансформации образно-понятийного содержания слова, содержащуюся в монографии профессора Иерусалимского университета А. Соломоника. По мнению последнего, выражаемые словами “понятия имеют тенденцию вступать в ряды и иерархии от менее отвлеченных к более абстрактным. На этом пути обычный прагматический опыт очень скоро теряет свою силу. Чтобы строить такие ряды, человечество нуждается в формальной логике и науке. Лишь пользуясь

научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами” [Соломоник 2002].

Сравнение процитированных трактовок А.А. Потебни и А. Соломоника показывает, что отечественный ученый при помощи иных терминов (*образ, знак, символ, внутренняя форма, ближайшее и дальнейшее значения*) отразил тот же самый процесс семантического перехода от весьма конкретных понятий к наиболее абстрактным, т.е. концептам, который описан А. Соломоником с использованием терминов *конкретное понятие, абстрактное понятие, концепт*. Именно наличие в работах А.А. Потебни таких сущностных совпадений с современными когнитивными работами дало основание российскому ученому В.И. Болотову утверждать следующее: 1) “привлечение работ А.А. Потебни … может способствовать более глубокому пониманию концептологии” [Болотов 2008]; 2) “*дальнейшее значение* А.А. Потебни – это *концепт*, планом выражения которого является индивидуальный текст. Текст, свернутый до одной единицы” [Болотов 2008].

Идею создания словаря “идей” (т.е. концептов) вынашивал и российский писатель Н.Г. Чернышевский. Исследователь его творчества Б. Рюриков пишет об этом следующее: “В письме к жене из Петропавловской крепости 5 октября 1862 года Чернышевский делился планами литературной работы. Он думал о многотомной “Истории материальной и умственной жизни человечества”, о “Критическом словаре идей и фактов”, об общедоступной “Энциклопедии знания и жизни” [Рюриков 1980 : 9]. Косвенное представление о главном принципе организации концептуального материала в задуманном Н.Г. Чернышевским словаре “идей” дает демонстрируемый Рахметовым – главным героем романа “Что делать?” – подход к выбору книг для чтения: “Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг” [Чернышевский 1980 : 313]. Впоследствии подобный “рахметовский” принцип отбора из необъятного океана существующих знаний только самых необходимых, ключевых его фрагментов (концептов) станет основополагающим для концептологии – “науки о кратком”, как метафорически определил ее академик РАН Ю.С. Степанов [Степанов 2007 : 20]. Сам

же механизм реализации данного принципа, по мнению Ю.С. Степанова, основан на том, что “концепт всегда, по сравнению с развернутым текстом, есть нечто краткое” [Степанов 2007 : 63].

Если приведенные выше высказывания из работ М.В. Ломоносова, И.А. Гульянова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и Н.Г. Чернышевского можно в целом охарактеризовать как концептологические по содержанию, то специальный курс лекций “Терминология русской истории”, прочитанный профессором В.О. Ключевским в 1884/85 академическом году студентам историко-филологического факультета Московского университета, имеет все основания считаться, по мнению Ю.С. Степанова, первой практической работой по восточнославянской концептографии, т.е. первым отечественным словарем концептов [Степанов 2004 : 8]. Данный курс лекций оказал огромное влияние как на развитие отечественной исторической науки, так и на практику составления словарей исторических терминов. Исключительная значимость указанной работы в немалой степени была обусловлена тем, что в ней разъяснялись только **ключевые термины** русской исторической науки. Как писал сам В.О. Ключевский, для указанного курса лекций отбирались только те термины, которые “всего чаще встречаются или в основных источниках нашей истории или в наших исторических исследованиях” [Ключевский 1989 : 94]. Сформулированный В.О. Ключевским принцип отбора ключевых терминов используется и в настоящее время. К примеру, специалист в области информатики Б.В. Якушин пишет в своей статье, что “ключевыми терминами объявляются лишь максимально частотные” [Якушин 1968 : 312].

Вторым отечественным словарем концептов (на этот раз в области политологических знаний) стал опубликованный в 1896 г. “Московский Сборник”, составленный Обер-Прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым. В словарных статьях данного сборника не только представлены подробные описания понятийного содержания таких политологических концептов, как *ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО, НОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, СУД ПРИСЯЖНЫХ, ПЕЧАТЬ, НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ* и многих других, но и подробно описывается сам механизм функционирования таких концептов в общественном сознании.

К примеру, в статье концепта *Духовная жизнь* данный механизм раскрывается К.П. Победоносцевым следующим образом: “Старые учреждения, старые предания, старые обычаи – великое дело. Народ дорожит ими, как ковчегом завета предков… Старое учреждение тем драгоценно, потому незаменимо, что оно не придумано, а создано жизнью, вышло из жизни прошедшей, из истории, и освящено в народном мнении тем авторитетом, который дает история и … одна только история. Ничем иным нельзя заменить этого авторитета, потому что корни его в той части бытия, где всего крепче связуются и глубже утверждаются нравственные узы – в *бессознательной* части бытия… В глубине старых учреждений часто лежит *идея*, глубоко верная, прямо истекающая из основ народного духа, и хотя трудно бывает иногда распознать и постигнуть эту идею под множеством внешних наростов, покровов и форм, которыми она облечена, утративших в новом мире первоначальное свое значение, но народ постигает ее чутьем и потому крепко держится за учреждения в привычных им формах… Самые драгоценные понятия, какие вмещает в себе ум человеческий, – находятся в самой глубине поля и в полумраке; около этих-то смутных идей, которые мы не в силах привесть в связь между собою, – вращаются ясные мысли…” [Победоносцев 1996].

Тот факт, что первые отечественные словари концептов созданы В.О. Ключевским и К.П. Победоносцевым на понятийном материале политической истории России, носит отнюдь не случайный характер. По мнению Д.Г. Демидова, именно сопоставительный анализ ключевых понятий разных хронологических периодов российской истории быстрее всего позволяет выявить наиболее устойчивые из этих понятий, так называемые *исторические константы*: “Наука о концептах есть выражение самосознания, но не контрастивного знания. Вместо иностранных языков и ментальностей мы имеем для сопоставления свое собственное прошлое; и если при сопоставлении с иностранным материалом важнее оказывается различие, то сопоставлением со своим русским материалом выявляется тождество, историческая константа” [Демидов 2004 : 123]. Кстати сказать, исторический подход для выявления понятийных констант или концептов своей науки используют не только

гуманитарии, но и естествоиспытатели. К примеру, отечественные исследователи концептуальных систем химии В.И. Кузнецов и А.А. Печенкин считают, что необходимость ускоренного развития науки “требует выявления основных понятий научных теорий и исследования связей между ними. Такой анализ не может не основываться на обобщении данных истории науки, так как именно в ходе исторического исследования обнаруживаются те тенденции научного мышления, с которыми связаны формирование и “переходы” понятийных структур” [Кузнецов 1971 : 46].

Заложенные в XVIII – XIX веках отечественные традиции описания ключевых понятий или концептов получили свое дальнейшее развитие в XX веке. Так, в первой половине минувшего столетия были опубликованы следующие работы когнитивного характера: концептуальный (по принципам его организации) “Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться” Митрополита Киевского и Галицкого Антония (мирское имя А.П. Храповицкий) [Храповицкий 1998 : 192]; статья С.А. Аскольдова-Алексеева “Концепт и слово” [Аскольдов-Алексеев 1928]; “Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне” Н.П. Андреева (Л., 1929); “Словарь предметных обозначений (рубрик)” (М., 1929); книга выдающегося советского психолога Л.С. Выготского “Мышление и речь: Психологические исследования” (М.-Л., 1934); авторский концептуарий “Щедринский словарь” М.С. Ольминского (М., 1937); статья И.И. Мещанинова “Понятийные категории в языке” [Мещанинов 1945] и ряд других работ.

Во второй половине XX столетия, но еще до проведения первых отечественных лингвокогнитивных исследований в современном их понимании, были опубликованы такие работы концептологического характера, как серия статей В.И. Кузнецова и А.А. Печенкина о концептуальных системах химии, опубликованных в журнале “Вопросы философии”; статья белорусского фразеолога А.С. Аксамитова “Ключевые слова эпохи” [Аксамітаў 1975 : 4]; составленные Ю.Н. Карауловым алфавитный и систематический каталоги дескрипторов тезауруса русского литературного языка [Караулов 1980]; монография советского философа, академика Б.М. Кедрова “Классификация наук” (1985), в которой он назвал основные

научные понятия для многих естественных и общественных наук (в их числе такие понятия, как *энергия, геологическая формация, биологический вид, общественно-экономическая формация* и др.); книга В.В. Колесова “Мир человека в слове Древней Руси” (Л., 1986), в которой раскрыто содержание более полусотни “коренных понятий” древнерусского языка, таких как *брат, власть, враг, гость, держава, дом, друг, жизнь, заповедь, народ, род* и др.

Таким образом, еще до получения отечественной когнитивной лингвистикой своего дисциплинарного статуса (по аналогии с зарубежной когнитивной лингвистикой, которая получила такой статус на несколько десятилетий раньше) понятийно-концептологическая проблематика в течение по меньшей мере двух столетий активно разрабатывалась в работах восточнославянских гуманитариев, хотя используемая ими при этом терминология, по вполне понятным причинам, отличалась от принятой ныне в рамках современной когнитивной лингвистики.

Этап зарождения восточнославянской когнитивной лингвистики под влиянием западных когнитивных работ

Свой современный вид восточнославянская наука о концептах, как и другие направления когнитивной лингвистики, получила в последние десятилетия XX века. При этом ее современная терминология сформировалась под сильным влиянием западных (американских и европейских) работ по проблемам когнитивной науки вообще (иначе ее называют когнитологией) и когнитивной лингвистики в частности. В этом легко убедиться, открыв “Краткий словарь когнитивных терминов” под редакцией Е.С. Кубряковой [Краткий словарь когнитивных терминов 1997], в котором для многих русскоязычных реестровых терминов, таких как *категоризация, когнитивизм, когнитивная лингвистика, концепт, концептуализация, ментальный лексикон, прототипический подход, схема, сценарий, фрейм* и другие, приводятся их англоязычные, немецкоязычные и прочие эквиваленты. Вместе с тем, было бы большой ошибкой считать, что сама проблема взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры не рассматривалась восточнославянскими

учеными ранее, до их знакомства с работами современных зарубежных когнитивистов. По мнению Е.А. Пименова и Е.Е. Пименовой, “в России предпосылки существования когнитивной лингвистики наблюдались еще в 20-е гг. XIX в.: прежде всего это проблемы соотношения языка и мышления, традиции в изучении психологии речи” [Пименов 2006 : 54].

Иными словами, только незнанием отечественных лингвистических традиций можно объяснить попытки отдельных российских адептов западной когнитивной науки преуменьшить значение отечественных семантических исследований и вообще вывести результаты последних за пределы когнитивной лингвистики. Чтобы не быть голословным, приведем в качестве примера высказывание Т.Г. Скребцовой из недавно опубликованного ею в Санкт-Петербурге лекционного курса по когнитивной лингвистике, являющегося продолжением и развитием ее же монографии “Американская школа когнитивной лингвистики” (СПб., 2000): “В последние годы в отечественной литературе появилась тенденция причислять изучение концептов к когнитивной лингвистике. Более того, в силу недоступности большинства классических зарубежных трудов по когнитивной лингвистике у отечественного читателя нередко складывается о ней искаженное представление, так что широкая и оригинальная область исследований, известная на Западе под этим именем, фактически сводится к гораздо более узкому направлению, связанному с анализом концептов (точнее, даже подменяется им).

“Насколько это правомерно?” – спрашивает далее Т.Г. Скребцова, и сама себе отвечает: “По-видимому, учитывая уже упомянутую размытость термина *когнитивный*, в принципе можно согласиться с тем, чтобы рассматривать исследования концептосферы русской культуры в качестве своеобразного “национального” направления когнитивистики в России. При этом, однако, не следует преувеличивать его удельный вес в когнитивной лингвистике в целом, принимая во внимание разницу научного контекста и известную обособленность отечественной традиции от зарубежных исследований” [Скребцова 2011 : 32].

На наш взгляд, автором приведенного высказывания допущен ряд существенных неточностей. Во-первых, изучение концептов

относят к когнитивной лингвистике не только отечественные исследователи, но и зарубежные. В этом можно легко убедиться, открыв недавно изданную в Великобритании “Encyclopedia of Cognitive Science” (2005) и прочитав статьи “Cognitive Linguistics”, “Concept Learning”, “Concept Learning and Categorization: Models”, “Philosophical Issues about Concepts”, “Conceptual Change”, “Semantics and Cognition”, “Word Learning” и другие статьи, в которых раскрывается весьма значимая роль концептологических исследований в развитии основных положений западной когнитивной лингвистики [Encyclopedia of Cognitive Science 2005].

Во-вторых, явным преувеличением является ограничение Т.Г. Скребцовой тематики всей отечественной когнитивной лингвистики только рамками концептологических исследований. Выше мы уже приводили длинный перечень достаточно развитых направлений отечественной когнитивной лингвистики (в их числе – этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная поэтика, менталингвистика, лингвогносеология, когнитивная теория текста, философия языка и проч.), которые по своим целям, задачам и используемым методам резко отличаются от концептологических исследований. Знает об этих неконцептологических направлениях отечественной когнитивной лингвистики и Т.Г. Скребцова (это видно из подготовленной ею в соавторстве хроникальной заметки “Вторая международная конференция по когнитивной науке”, опубликованной в журнале “Вопросы языкознания” (№ 4. – 2007.).

В-третьих, рассуждениям Т.Г. Скребцовой о размытости термина *когнитивный* можно противопоставить следующее высказывание Е.С. Кубряковой: “Вряд ли можно согласиться с тем, что, например, термин “когнитивный” размыт и почти пуст: он скорее функционально перегружен, но отдельные его значения легко дифференцируются в разных контекстах” [Кубрякова 2004 : 6]. Подводя итоги этой небольшой дискуссии с отдельными положениями из книги Т.Г. Скребцовой “Когнитивная лингвистика” (СПб., 2011), можно сделать следующее заключение: если кому-то не дают покоя лавры интерпретаторов и толкователей западных когнитивных теорий, то это еще не повод для того, чтобы принижать значение уже давно ставшего для отечественного языкознания традицион-

ным проведения семантических исследований и недооценивать их весьма позитивный вклад в развитие восточнославянской когнитивной лингвистики. Как очень верно замечено в эпиграфе к недавно изданному сборнику материалов академической конференции по проблемам украинской лексикографии: “Не все сплива рікою часу…” [Гнатюк 2011 : 2].

В то же время бессмысленно отрицать тот факт, что свой современный вид восточнославянская когнитивная лингвистика во многом получила под сильным влиянием западных когнитивных работ, как итог постепенного “переложения” полученных в рамках отечественных семантических исследований результатов на язык современной зарубежной когнитивной лингвистики.

Этап “синтеза” отечественных семантических исследований и западных когнитивных подходов

На наш взгляд, именно проведение в рамках отечественной лексикологии многочисленных исследований, посвященных описанию разнообразных предметно-тематических групп, лексико-семантических групп, семантических полей и т.п. лексических группировок (начиная от семантических исследований М.М. Покровского конца XIX века и завершая работами по общей и русской идеографии Ю.Н. Караулова 1970-1980-х гг.), обеспечило надежную эмпирическую основу для быстрого развития концептологического направления отечественной когнитивной лингвистики в 1990 – 2000-х гг. В пользу данного вывода свидетельствует наш опыт тематической и методологической “миграции” от изучения лексико-семантического поля пространства и лексико-семантической категории пространства-времени [Шчэрбін 1982] к собственно концептологическим описаниям различных концепт-переменных базового концепта ***ПРОСТРАНСТВО***, таких как *ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО* [Щербин 2011], *ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО* [Щербин 2011], *ЕДИНОЕ ИННОВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО* [Дедков 2011] и др.

В свою очередь, известный российский историк языка В. В. Колесов находит зачатки современных описаний концептов в

лексикологических работах В.В. Виноградова [Колесов 2003], философско-языковых и литературно-критических трудах М.М. Бахтина [Колесов 2003] и других советских исследователей. Наконец, по мнению польской исследовательницы А.А. Камаловой, “многие аспекты и частные методики когнитивного подхода, часто без обращения к соответствующей терминологии, успешно разрабатывались в российской науке о языке” еще в 1970-1980-е гг. (в работах В.Г. Гака, И.П. Распопова, Р.М. Гайсиной, И.А. Мельчука, Л.А. Новикова и др.) [Камалова 2010].

Именно взятые в совокупности семантические, лексикологические, структурно-лингвистические, философско-языковые и прочие исследования отечественных лингвистов и филологов XVIII – XX столетий составляют, на наш взгляд, ключевые истоки восточнославянской науки о концептах, а не заимствованные лишь в конце XX столетия и весьма узко понимаемые “концептуальные” установки западных когнитологов. Как справедливо заметила И.Б. Левонтина по поводу предпочтительности тех или иных подходов (традиционных семантических или новейших, лингвокогнитивных) к описанию понятийного содержания языковых единиц, “современная семантика уже довольно много знает о смысле языковых выражений, и рутинное семантическое описание подчас бывает более концептуальным, чем “концептологический” анализ” [Левонтина 2008 : 126].

В пользу вывода о более широкой (по сравнению с постулатами американской когнитивной лингвистики) теоретико-методологической основе отечественной концептологии нас склоняют имеющиеся многочисленные доказательства того, что и в западной когнитивной науке подробные описания многих научных концептов появились задолго до формирования западной когнитивной лингвистики. К примеру, в среде американских социологов, по свидетельству Н.С. Тимашева, необходимость разработки единой “системы хорошо отобранных, определенных и интегрированных концептов” [Timasheff 1952 : 176] была осознана к 1930-м гг., а в 1960-е гг. многие американские учебники по общей социологии уже имели разделы, посвященные описанию понятийного содержания таких ключевых социологических концептов, как *ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА, СОЦИ-*

АЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, УБЕЖДЕНИЕ и др. [Bertrand 1967]. Иными словами, еще за двадцать с лишним лет до начала становления американской когнитивной лингвистики описания ключевых социологических концептов были представлены даже в учебной литературе США по социологии.

В конце 1980-х годов под сильным влиянием западных когнитивных теорий в рамках восточнославянского языкознания формируется современная парадигма лингвокогнитивных исследований. В частности, А.А. Камалова считает, что "развитие когнитивистики в России относится ко второй половине 80-х годов XX века, когда появились первые переводы работ Ван Дейка, Вежбицкой, Джекендоффа, Лэнекера, Лакоффа, Минского, Рош, Филлмора, Фодора и др." [Камалова 2010 : 25]. О сильном влиянии работ указанных зарубежных авторов на формирование отечественной когнитивной лингвистики наиболее наглядно свидетельствует тот факт, что "до сих пор эти работы составляют основу цитируемой литературы" [Пименова 2009 : 3] по проблематике постсоветских лингвокогнитивных исследований.

Тем не менее, заимствуемые из работ зарубежных лингвокогнитивистов термины, методы, подходы и прочее не могли полностью заменить тот весьма значительный пласт терминологических, методологических и прочих знаний, который был наработан отечественными языковедами в рамках проводившихся ими ранее семантических, лексикологических, структурно-лингвистических и прочих исследований. Начался активный синтез зарубежных лингвокогнитивных подходов и отечественного опыта проведения семантических исследований. Результаты такого "синтеза" регулярно печатались в отечественной научной периодике. В качестве примеров таких "синтетических" работ можно назвать монографию А.П. Бабушкина "Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка" (Воронеж, 1996), книгу А.С. Зеленько "Проблеми семасіології (від класичної описової через когнітивну до лінгвістичного детермінізму)" (Луганск, 2001), статью В.П. Васильева и Э.В. Васильевой "Ассоциативное поле как экспонент концепта" [Васильев 2002], статью Ж.П. Соколовской "Картина світу та ієрархія сем" [Соколовська 2002], учебно-методическое пособие

Л.В. Леванцевич “Лінгвакультуралогія: слова, значэнне, кантэкст” (Брест, 2009) и ряд других работ.

Параллельное использование в работах отечественных лингвокогнитивистов заимствованных когнитивных терминов *архетип, бихевиорема, гештальт, десигнат, когниотип, концепт, мыслительный паттерн, прототип, скрипт, сценарий, фрейм* и многих иных терминов, с одной стороны, и отечественных гуманитарных терминов *единица знания, идеологема, информема, ключевое понятие, конструкт, культурема, мифологема, образ, общее понятие, опорное слово, символ, смысл, философема, языковая категория* и множества иных терминов, с другой, не могло продолжаться слишком долго. Тому есть две основные причины. Во-первых, все это терминологическое многообразие (по нашим подсчетам, для обозначения во многом сходных ментальных феноменов использовалось более трехсот разных когнитивных терминов [Щербин 2007]) не способствовало институционализации отечественной когнитивной лингвистики, одним из основных показателей которой служит наличие единого научного языка. Во-вторых, одновременное использование большого количества плохо дифференцированных между собой терминов реально препятствует проведению исследований и неизменно вызывает раздражение у их участников. Здесь уместно будет привести слова академика РАН О.Н. Трубачева о том, что в славянской филологии “назрел кризис концептуализации и терминологизации; здесь все болезненно пестрит от преувеличений и метафор” [Трубачев 1998 : 3].

В этой связи безусловно оправданными были попытки многих отечественных исследователей унифицировать форму и содержание наиболее употребительных лингвокогнитивных терминов, дать им однозначные определения, позволяющие разграничить сферы их использования [Кубрякова 1997; Неретина 1999; Бочкарев 2003; Іващенко 2004; Іващенко 2005; Маслова 2004 : 10; Щербин 2009]. Не без влияния указанных попыток постепенно статус самого главного и наиболее употребительного термина в рамках различных направлений отечественной когнитивной лингвистики получил концепт. При этом, в отличие от этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной теории текста, философии языка и многих иных лингво-

когнитивных направлений, изучающих наряду с концептами и другие когнитивные объекты (архетипы, коды, образы, символы, стереотипы, фреймы и т.п. единицы), главным и единственным объектом изучения концепт является только для отечественной науки о концептах.

Таким образом, к середине 1990-х гг. благодаря усилиям Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, В.В. Воробьева, В.З. Демьянкова, В.В. Дубичинского, Ю.Н. Караулова, У.А. Карпенко, В.В. Колесова, И.В. Кононенко, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, С.Х. Ляпина, В.А. Масловой, С. Санько, Ю.С. Степанова, Г.М. Яворской, Е.С. Яковлевой и сотен других постсоветских исследователей в составе отечественной когнитивной лингвистики сформировалось новое научное направление – восточнославянская наука о концептах.

Этап выделения концептологии и концептографии в рамках восточнославянской науки о концептах

Дальнейшее развитие восточнославянской науки о концептах протекало в двух направлениях: 1) выявление и описание концептов посредством изучения текстов разных жанров и проведения разнообразных опросов носителей языка и культуры; 2) систематизация выявленного концептологического материала путем формирования соответствующих концептосфер, концептуальных систем и полей, а также представление последних (в целях их практического использования) в виде разнотипных словарей концептов. При этом развивались указанные направления восточнославянской науки о концептах в самом тесном взаимодействии друг с другом, обеспечивая практическое решение насущных информационных проблем: “В целях ускоренной разработки и систематизации наиболее проблемных областей современных знаний (политика, экономика, наука и др.) исследователями разных стран активно используются приемы языковой концептуализации мира, его категоризации и онтологизации. Практическое применение данных эвристических приемов позволяет разбить понятийное пространство каждой из названных выше областей знаний на несколько десятков или даже сотен крупных тематических блоков, ядерными элементами кото-

рых выступают базовые, ключевые понятия, идеи или концепты. В конкретных текстах, представляющих ту или иную область знаний, такие базовые, ключевые понятия, идеи или концепты репрезентируются посредством так называемых ключевых слов (терминов) или словосочетаний, дескрипторов, рубрик и т.п. формальных средств. Выявляя в текстах той или иной области знаний подобные ключевые слова, дескрипторы, рубрики и т.п. формальные средства и описывая их понятийное содержание с учетом существующих между ними связей, можно эксплицировать концептуальную картину мира данной области знаний, придав совокупности выявленных концептов и их репрезентантов (ключевых слов, дескрипторов, рубрик и т.п.) форму соответствующего словаря концептов (концептуария)" [Щербин 2008 : 431].

К середине 2000-х гг. деятельность большинства отечественных концептологов становится весьма специализированной, ограничиваясь рамками одного из двух указанных выше направлений восточнославянской науки о концептах, что в конечном итоге привело к выделению в ее составе двух вполне самостоятельных научных дисциплин: 1) **концептологии**, которая "ставит своими целями выявление концептов, определение их количества и частотности использования в текстах, описание свойств концептов и отношений между ними в тексте и соответствующей концептосфере, формирование разнообразных группировок концептов и т.п." [Щербин 2005 : 81]; и 2) **концептографии**, которая "осуществляет разработку новых типов концептуариев, отражает в них результаты комплексного анализа особенностей того или иного концепта, в том числе его дефиницию, синтагматические, сочетаемостные и парадигматические, родо-видовые характеристики, ранг концепта в списке сопредельных с ним понятий и т.п." [Щербин 2005 : 81].

С выделением той или иной научной дисциплины из состава более широкой области научных знаний процесс ее институционализации не заканчивается. Следующим этапом становления такой дисциплины является разработка ею собственных исследовательских методов и соответствующей инфраструктуры. К примеру, в рамках концептологии в настоящее время используются разнообразные методики выявления концептов в текстах и на материа-

лах всевозможных опросов носителей языка и культуры, а проводимые в ее рамках исследования дифференцируются, как будет показано ниже, в зависимости от языковой и дисциплинарной принадлежности изучаемых концептов, а также в зависимости от используемых в процессе такого изучения методов. В свою очередь, в рамках концептографии используются многочисленные лексикографические методы, а сама концептографическая деятельность дифференцируется в зависимости от типов составляемых словарей концептов. В частности, к настоящему времени в работах восточнославянских метаконцептографов уже обозначились такие словарные направления, как общая концептография, специальная концептография [Щербин 2005], авторская концептография [Караулов 2001; Михайлов 2006], энциклопедическая концептография [Штерн 1998], двуязычная концептография [Мусатаева 2008], этнолингвистическая лексикография [Толстой 1995; Садоўская 2011], концептуальная глоссография [Концептуальные глоссарии 1988] и др.

Существуя в рамках восточнославянской науки о концептах как отдельные научные дисциплины, концептология и концептография по-прежнему сохраняют свой взаимодополняющий характер. С одной стороны, без предварительных концептологических исследований, проводимых на материале текстов разных жанров и разнообразных опросов носителей языка и культуры, невозможно составить хороший концептуарий того или иного типа. С другой стороны, составление разнотипных концептуариев позволяет значительно повысить научный уровень концептологических исследований. В дальнейшем основное внимание будет акцентироваться на рассмотрении результатов, полученных в рамках собственно концептологии.

Этап формированая национальных вариантов восточнославянской концептологии

Во второй половине 2000-х гг., уже в рамках собственно восточнославянской концептологии, сформировались три ее национальных варианта (русский, украинский и белорусский). В частности, усилиями русских концептологов к настоящему времени выявлены и описаны несколько тысяч концептов с весьма отличающимися типологическими и языковыми характеристиками. К приме-

ру, только библиография к проспекту “Русского идеографического словаря” под редакцией Н.Ю. Шведовой (М., 2004) содержит около тысячи названий российских работ, посвященных описанию конкретных концептов [Шведова 2004]. Проведенное нами изучение тематики российских концептологических работ показывает необычайно широкий типологический охват описываемых в них концептов. Среди последних представлены следующие разряды концептов: 1) базовые макроконцепты, такие как *ВРЕМЯ, ДВИЖЕНИЕ, МИР, ПРИРОДА, ПРОСТРАНСТВО, СОСТОЯНИЕ, ФОРМА, ЧЕЛОВЕК, ЧИСЛО, ЯЗЫК* и др.; 2) весьма конкретные, “вещественные” концепты: *ГОРА, ДОМ, ЗЕМЛЯ, ЗЕРКАЛО, РУКА, МОРЕ, ХЛЕБ* и др.; 3) абстрактные концепты: *АРХЕТИП, БУДУЩЕЕ, ЗНАНИЕ, ИНОБЫТИЕ ОБЪЕКТА, КРЕАТИВНОСТЬ, НЕЗАНЯТОСТЬ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ОТКЛАДЫВАНИЕ НА ПОТОМ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СУБЪЕКТА, СРАВНЕНИЕ* и др.; 4) концептонимы: *АЛТАЙ, АМЕРИКА, ПРОВАНС, ХРИСТОС* и др.; 5) концепты общественных феноменов: *БЕДНОСТЬ, БОГАТСТВО, ВОЙНА, ГЛУПОСТЬ, ГРЕХ, ДРУЖБА, ЖИЗНЬ, ЗАКОН, ОБМАН, ПОЛИТИКА, СЕМЬЯ, СМЕРТЬ, ТРУД, УГРОЗА, УСПЕХ* и др.; 6) уникальные, национально специфические концепты: *ВОЛЯ, РУССКАЯ ИДЕЯ, РУССКИЙ НАРОД, РУССКИЙ ЯЗЫК, ТОСКА* и др.; 7) иноязычные концепты, в том числе а) англоязычные концепты: *BEAUTY, DIGNITY, DISGRACE, FAIR PLAY, FRIEND, GLORY, HOMO-SAPIENS, HONOUR, HOUSE, KIND, LAWYER, SELF, SOUL, TRUTH, VOYAGE, WAR, WORD, WORK* и др.; б) французкоязычные концепты: *L’HOMME, SAVOIR-VIVRE* и др.; в) немецкоязычные концепты: *HERZ* и др.; 8) метафизические концепты: *БОЛЕЗНЬ, ДУША, ИСТИНА, ЛЮБОВЬ, ПЕЧАЛЬ, СТРАХ, СТЫД, СЧАСТЬЕ, ТРЕВОГА* и др.; 9) узкодисциплинарные концепты: *АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ, ЛЕГИТИМНОСТЬ, МЕТАФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРИВАТНОСТЬ, СИНГУЛЯРНОСТЬ, ТЕРМИН* и др., а также многие десятки иных разрядов концептов.

При этом, если многие выявленные русские концепты описываются, как правило, только в одной или двух работах, то изучению таких концептов, как *БОГ, ВРЕМЯ, ДОМ, ЖЕНЩИНА, ЖИЗНЬ,*

ЛЮБОВЬ, ПРОСТРАНСТВО, СМЕРТЬ, СЧАСТЬЕ, ТРУД и ряд других, посвящены буквально десятки работ разных авторов, которые описывают содержание указанных концептов весьма по-разному. По нашим подсчетам, наличие у нескольких тысяч выявленных русских концептов общих типологических, дисциплинарных, языковых и прочих характеристик позволяет выделить на их материале более четырехсот типов концептов [Щербин 2008], а также несколько сотен концептосфер, концептуальных систем и иных дисциплинарно ориентированных групп таких концептов [Щербин 2009]. Результаты классификации и подробного описания понятийного содержания русских концептов отражены к настоящему времени в целом ряде монографий [Колесов 1986; Бабушкин 1996; Степанов 2007], концептуариев [Ферро 1989; Руднев 1997; Степанов 2004; Гагарин 2005; Муллагалиева 2006; Руднев 2009], антологий концептов [Карасик 2007], иных книжных изданий [Скидан 1997], а также во многих тысячах научных статей, посвященных описанию отдельных концептов.

В свою очередь, украинская концептология тоже имеет значительные достижения в деле выявления и описания концептов. В частности, собранный украинскими исследователями концептологический материал насчитывает несколько тысяч когнитивных единиц, который позволяет выделить концепты почти двух сотен различных типов [Іващенко 2006; Щербін 2008]. В числе последних – такие разные по своему понятийному объему, тематике, типологической и дисциплинарной принадлежности концепты, как *ВІЙНА, ВІРНІСТЬ/НЕВІРНІСТЬ ХРИСТИЯНСЬКОМУ ВЧЕННЮ, ВОЛЯ, ДУША, ЖИТТЕВИЙ ШЛЯХ, КОБЗАР, КРАСА, МОРЕ, ПОРЯДОК, ПРОСТОР, СЕРЦЕ* и др. Кроме того, украинскими концептологами выявлены и описаны десятки разнообразных концептосфер, концептуальных систем и полей.

По результатам изучения и систематизации выявленного концептологического материала в Украине к настоящему времени изданы монографии и тематические сборники научных статей по концептологии [Кагановська 2002; Кононенко 2004; Синельникова 2005; Іващенко 2006; Радзієвська 2010], разнотипные концептуарии [Штерн 1998; Кононенко 2002; Потапенко 2002; Жайворонок 2006; Іващенко

2006], а также многие сотни научных статей о концептах (см., например [Дубичинский 1998; Яворська 1999; Попова 2004; Мех 2005; Терехова 2005; Іващенко 2008; Яремко 2009]).

Наконец, в рамках белорусской концептологии к настоящему времени, по нашим подсчетам, выявлено и описано более трехсот разноязычных концептов. Из них две трети являются русскоязычными и более сотни выявленных концептов являются белорусскоязычными. Что касается типологической принадлежности указанных концептов, то в работах белорусских концептологов рассматриваются концепты почти семи десятков различных типов [Щербин 2009]. В частности, среди белорусскоязычных концептов можно в качестве примеров назвать следующие когнитивные единицы, каждая из которых используется в работах трех и более белорусских исследователей: *АШУКАНСТВА, БЕЛАРУСЬ, ДАРОГА, ДОЛЯ, ДОМ, ДРЭВА, ДУМКА, ДУША, ЗЯМЛЯ, МУЗЫКА, МЯЖА, ПТУШКА, РАДЗІМА, РОД, СВЯТА, СМЕРЦЬ, СЦЯНА, СЭРЦА* и др. Результаты белорусских концептологических исследований представлены в ряде книжных изданий научного и учебного характера [Маслова 1997; Санько 1998; Маслова 2001; Маслова 2004; Балуш 2005; Маслова 2007; Леванцэвіч 2010; Садоўская 2011], разнотипных концептуариях небольшого объема [Слоўнік 2000; Аляхновіч 2007; Коваль 2007; Чумак 2008; Маслова 2011] и нескольких сотнях научных статей (см., например [Абушенко 2001; Левяш 2001; Каллаур 2007; Кутузова 2007; Щербин 2009; Щербин 2010; Щербин 2011]).

Таким образом, на фоне достижений русской и украинской концептологий белорусская наука о концептах имеет более скромные результаты. Обратной стороной указанного отставания белорусской концептологии от аналогичных направлений когнитивной лингвистики, развиваемых в России и Украине, стало некритическое заимствование отдельными белорусскими исследователями методологических подходов, проблематики и даже объектов исследования (конкретных концептов) из российских и украинских работ, что уже не раз становилось предметом научных дискуссий (См. критические публикации белорусских исследователей на эту тему [Санько 1998; Антропаў 2007; Конюшкевич 2007]). В частности, именно

сильным влиянием достижений русской концептологии на исследовательскую практику Беларуси обусловлен тот факт, что две трети концептов, избранных белорусскими концептологами в качестве объекта исследования, являются русскоязычными концептами, понятийное содержание которых описывается на материале произведений русских писателей.

Этап формирования дисциплинарных и методологически обусловленных направлений восточнославянской концептологии

Отмеченные выше общие характеристики русской, украинской и белорусской концептологий: 1) исключительное многообразие существующих типов восточнославянских концептов; 2) неунифицированность их описания в работах разных авторов; 3) отсутствие четких понятийных границ между национальными вариантами восточнославянской концептологии и проч. – все эти характеристики, взятые в совокупности, привели российского исследователя Д.М. Рогозина к обоснованному выводу о том, что “скрупулезная разработка единичных концептов – бессмысленное занятие, если отсутствует общая идея, задающая жесткие координаты понятия в концептуальном пространстве” [Рогозин 2010 : 130]. Сравните также приведенные выше слова с выводом М. С. Шишкова о том, что “изучение взаимосвязанной группы концептов может быть более плодотворным, нежели исследование отдельных концептов” [Шишков 2007 : 68]. В качестве таких общих идей и критериев, позволяющих сгруппировать выявленные концепты с целью их взаимосвязанного описания, восточнославянскими исследователями первоначально использовались такие классификационные конструкты, как *концептосфера*, *концептуализированная область*, *концептуальная система*, *концептуальное поле*, *тип концепта* и ряд других [Проскурин 1990; Лихачев 1993; Бабушкин 1996; Арутюнова 2003; Іващенко 2004; Щербин 2004; Васильев 2005; Левченко 2006; Лясовіч 2008; Александрович 2009].

Со временем выделенные концептосферы, концептуальные системы и поля восточнославянские концептологи стали объединять в рамках более широких лингвокогнитивных образований, та-

ких как языковая (наивная) картина мира, научные (общенаучная и специальные) картины мира, концептуальная картина мира и т.п. [Соколовская 1993; Яковлева 1994; Кононенко 1996; Морковкин 1997 : 49-50; Урысон 1998; Голубовська 2002; Щербин 2007; Хайруллина 2009]. Российский исследователь М.Я. Блох по этому поводу пишет следующее: “Концепты, как известно, объединяются в концептосферы, то есть в ассоциативные множества концептов, относящихся к определенным участкам мира, отраженным сознанием… Значит, картину мира в этом смысле можно определить как совокупность концептосфер” [Блох 2007 : 101]. Процесс постепенного расширения объекта концептологических исследований (вначале таким объектом были отдельные концепты, затем концептосферы, концептуальные системы и поля и, наконец, языковая, концептуальная, общенаучная и специальные картины мира) не мог не привести отечественных концептологов к пониманию того, что развиваемое ими направление (концептология) является “междисциплинарным, интегративным когнитивным подходом к моделированию сознания, познания, общения, деятельности” [Медведь 2006 : 512].

Так широко понимаемая концептология неизбежно должна была выйти за пределы когнитивной лингвистики и включить в свой состав когнитивные направления различных общественных и естественных наук, представители которых выявляли, описывали и кодифицировали ключевые понятия (концепты) этих наук [Щербин 2012]. Здесь уместно будет привести слова американского экономиста Дж. Кэллахана о том, что “все науки исследуют один и тот же мир. Просто они рассматривают его в разных ракурсах, используя различные центральные понятия, что и делает их различными предметами” [Кэллахан 2006 : 29].

Формирование дисциплинарных концептологий

Процесс стремительного расширения круга изучаемых различными науками концептов воспринимается некоторыми исследователями негативно, как трансформация концептологии в концептоманию [Шапошников 2009 : 229], т.е. в модное поветрие, охватившее различные гуманитарные науки. Соглашаясь в целом со справедливой критикой наблюдающихся в работах отдельных

концептологов проявлений субъективизма и произвольности при определении понятийных границ тех явлений, для обозначения которых привлекаются концепты, следует все же иметь в виду, что в основе быстрого наращивания объемов концептологического материала и формирования различных дисциплинарных концептологий лежат достаточно объективные причины. Одной из таких причин является острая необходимость преодоления той ситуации дезориентированности и непонимания, которая сегодня наблюдается в области гуманитарных наук в результате резкого увеличения объема и интенсивности информационных потоков в современном обществе. На наш взгляд, отмеченная ситуация является именно тем случаем, о котором писал академик Д.С. Лихачев: “Увеличение знаний о явлении иногда ведет к уменьшению его понимания” [Лихачев 2007 : 328].

Особенно больно данная ситуация, сложившаяся в социогуманитарной сфере, бьет по студентам и аспирантам. Даже фиксация и систематизация новейших научных терминов и понятий в многих десятках и сотнях специальных учебных изданий, словарей и энциклопедий по гуманитарным дисциплинам не только не облегчает для них процесс знакомства с этими науками, но, наоборот, максимально усложняет его, поскольку в этом необъятном массиве полезной и многократно дублируемой научной информации, зафиксированной многочисленными учебными и справочными изданиями, не выделены центральные понятия или концепты, с которыми в первую очередь должен знакомиться каждый студент или молодой исследователь, планирующий работать в этой области знаний.

Между тем, не усвоив заранее понятийное содержание таких ключевых концептов, студент или молодой исследователь не сможет сформировать собственную систему координат (своего рода исследовательское поле, исследовательское пространство), в рамках которой каждое новое изучаемое научное понятие получало бы однозначную содержательную характеристику и соответствующие формы локализации в системе гуманитарных знаний. Во всяком случае именно к такому выводу в результате проведения совместных исследований пришли американские психологи Р. Бэрон, Д. Бирн и Б. Джонсон: “Данные исследований показывают, что новую ин-

формацию легче запоминать и использовать, если заранее создана структура для ее усвоения и сохранения” [Бэрон 2003 : 48].

Концептуальный подход к формированию такой познавательной структуры афористично выразили российские исследователи, отец и сын Ф.С. и А.Ф. Веселковы: “Необъятное не объять, но важное нельзя игнорировать” [Веселков 2007 : 10]. Иными словами, нельзя требовать от студента или начинающего исследователя знания всего понятийного аппарата той или иной науки, а вот помочь им с освоением центральных понятий или концептов такой науки мы просто обязаны. Причем, как показывает исследовательская практика, кратчайшим путем выявить эти самые центральные понятия или концепты в любой области знаний, для любой учебной дисциплины помогают специалисты по когнитивной лингвистике, осуществляя процесс концептуализации заданного массива научных текстов. Как справедливо заметил российский политолог М.В. Ильин, в результате реализации процесса “концептуализации происходит восхождение от слов и действий к понятиям или концептам и “фактам” на уровень более высоких обобщений и понятийного мышления” [Ильин 1997 : 394]. При этом смысл любого текста, подвергаемого концептуализации, “сжимается” в концепт, а сам процесс концептуализации выступает формой представления знаний о той предметной области [Палагин 2004 : 42], репрезентантом которой является данный текст. В конечном итоге всю процедуру концептуализации можно представить как выявление в исследуемой области знаний упорядоченного минимума ключевых концептов и установление их связи между собой [Абушенко 2001 : 379].

Чем же в таком случае является концепт, выявление и оформление которого является главной целью концептуализации? По мнению российского социолога Н.В. Романовского, концепт – это “начальная, первичная стадия “схватывания” понятия, формирования его, за чем следует концептуализация и появление концепции” [Романовский 2010 : 15]. Именно в силу того, что концепт является начальным этапом оформления нового понятия, в его состав включаются не только логические характеристики понятия, но и все связанные с ним фоновые знания, знания о среде обитания данного понятия: “Концепт может быть определен как

расширенное понятие: понятие без расширения – это предмет логики, описание наиболее существенных признаков предмета, его родовидовых отличий; концепт – предмет культурологии и описание типичной ситуации культуры. Концепт включает в себя не только предметно-логические признаки, но и компоненты психологических, художественных, научных явлений, эмоциональных и бытовых ситуаций. Поэтому концепты не только определяются, но и переживаются эмоционально. Изучение содержания концептов – это стремление открыть "по ту сторону" естественного языка некий глубинный язык (подсознания, архетипов или массовых действий людей)" [Опарина 2007 : 25]. В частности, Ю.С. Степанов прямо пишет об этом в предисловии к своему словарю русских культурных концептов: "Данный Словарь рассматривает не понятия, существующие в головах людей, а концепты, существующие в русской культуре" [Степанов 2004 : 9].

При этом, однако, трактовки и понимания концепта и связанного с ним процесса концептуализации существенно отличаются в разных гуманитарных науках. Российские исследователи А.Г. Зусман и З.И. Кернозе пишут о таких отличиях следующее: "В разных науках складывается различная точка зрения на термин "концепт". Представляется, что различие в трактовках объясняется, прежде всего, тем, какие концепты имеются в виду: внутренние (ментальные) или внешние (выраженные). Философы, логики, психологи часто оперируют "внутренними", "ментальными" концептами. Культурологов, социологов, историков, литературоведов и лингвистов интересует прежде всего "перевод" ментальных концептов из "внутренней речи" в разные типы "внешней речи". В фокус исследования попадает проблема "выраженности" концептов" [Зусман 2004 : 35].

Еще одной причиной активного формирования дисциплинарных концептологий в сфере гуманитарных и социальных наук является то, что сама специфика гуманитарного знания с необходимостью предполагает постоянное уточнение понятийного содержания используемых для его представления единиц анализа (концептов, понятий, идей и иных теоретических конструктов): "Строение гуманитарного знания сложнее и не столь прозрачно, как в точных и

эмпирических (опытных) науках. …гуманитарное знание имеет ряд специфических черт, делающих его логическую формализацию и представление в виде теорий трудно выполнимой задачей. Гуманитарное знание опирается не на понятия (точно определимые), а на идеи (часто понимаемые альтернативно), требующие уточнения", т.е. "уточнения идей, превращаемых в понятия" [Финн 2007 : 53].

Столь же объективными причинами обусловлена различная степень сформированности дисциплинарных гуманитарных концептологий. Вполне очевидно, что наибольший интерес исследователей и более широких слоев населения России, Украины и Беларуси вызывают проблемы и результаты формирования **политической концептологии**. Кстати сказать, аналогичная ситуация с повышенным интересом самой широкой общественности к достижениям политической концептологии наблюдается и в рамках западной когнитивной лингвистики.

По свидетельству М.В. Ильина, "в мировой гуманитарной науке уже с 60-х годов стали складываться мощные направления исследований, которые сумели объяснить ключевые моменты общественного и политического развития стран Запада с помощью анализа трансформации ключевых понятий и смысловых усложнений понятийно-терминологической номенклатуры. Это прежде всего школа Begriffsgeschichte Р. Козеллека, кембриджская школа Кв. Скиннера, а также ее ответвления и альтернативные начинания в англоязычном мире. В 90-е годы значимость данных научных направлений стала бесспорной. Концептный анализ превратился в один из основных методов приращения гуманитарного знания. Во многих ведущих университетах Европы и Северной Америки читаются курсы по анализу политических концептов и по их истории. Издаются многочисленные серии монографий, справочников, словарей. Осуществляются масштабные программы исследований, как на базе отдельных университетов, так и в виде особых национальных программ, например, в Финляндии и в Нидерландах. С 1998 года функционирует международная сеть исследователей политических понятий, координирующая деятельность почти двух десятков исследовательских центров и проектов, а также отдельных исследователей" [Ильин 2001 : 7].

Именно указанными выше причинами обусловлено то, что восточнославянская политическая концептология, в отличие от других дисциплинарных концептологий, включая хорошо разработанную лингвоконцептологию, уже в достаточной степени институционализирована: в Ростове-на-Дону издается специализированный журнал “Политическая концептология”, а при Южном федеральном университете успешно работает Центр политической концептологии. Главное же, результаты исследований в области политической концептологии отражены к настоящему времени в целом ряде монографий и тематических сборников статей [Ильин 1997; Ильин 2001; Макаренко 2002; Макаренко 2005], разнотипных концептуариях [Ферро 1989; Голованевский 1995; Слоўнік 2000; Гагарин 2005; Бусыгина 2006; Гараджа 2007; Махнач 2008] и множестве научных статей, посвященных проблемам политической концептологии (см., например [Иванов 2007; Кутузова 2007; Скиперских 2007; Чимирис 2008; Лубский 209; Макаренко 2009; Мирошниченко 2009; Неретина 2009; Фёдоров 2009; Гаврилова 2011]).

Высоким уровнем развития характеризуется также восточнославянская **лингвоконцептология**: результаты изучения языковых, вербализованных концептов отражены в ряде книжных изданий [Потапенко 2004; Балуш 2005; Сукаленко 2010; Слухай 2011], концептуариях разных типов [Убийко 1998; Аверинцев 2001; Караулов 2001; Шмелев 2002; Пирютко 2008] и многих тысячах научных статей (см., например [Ляпин 1997; Воркачев 2005; Болдырев 2006; Кононенко 2006; Воротников 2007; Щербин 2007; Щербин 2008; Кушнир 2010]). Вместе с тем, вопрос о создании институциональных лингвоконцептологических структур еще пока только обсуждается в среде отечественных лингвоконцептологов и далек от своего практического решения. В частности, российский исследователь Р. Е. Богачев пишет об этом следующее: “В настоящее время очень много работ посвящено анализу отдельных концептов, как части единой концептуальной картины мира, представляющих ее как лингвистический феномен. Однако нужно отметить, что при всех своих плюсах данный метод не лишен недостатков. Самым основным из них, по нашему мнению, является бессистемность. Нет на сегодняшний день мощного центра когнитивистики, который бы делал

обширный анализ всех работ по концептам и сводил их в общую картину мира. Хотя масштаб работ по данному направлению давно уже нуждается именно в таком аналитическом центре” [Богачев 2008 : 70].

Серьезные научные наработки имеются и у других дисциплинарных направлений восточнославянской концептологии. К примеру, исследователями, работающими в области **экономической концептологии**, выявлены и описаны сотни концепт-переменных таких базовых экономических концептов, как *ЭКОНОМИКА* [Щербин 2006], *БИЗНЕС, ТОРГОВЛЯ, МАРКЕТИНГ* [Науменко 2008]; *ИНФРАСТРУКТУРА* [Щербин 2010 : 78-94], *КАПИТАЛ* [Щербин 2008], *ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ* [Каллаур 2007] и др. Представителями **социологической концептологии** изучены такие базовые социологические концепты, как *БЮРОКРАТИЯ, ВЛАСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ДЕМОКРАТИЯ, НАРОД, ОБЩНОСТЬ, ПОСТСЕКУЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА, РЕВОЛЮЦИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИЯ, ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО* и др. (см., например, [Каныгин 2007; Шматко 2009; Белая 2010; Храпов 2010; Малюк 2011; Щербин 2011]).

Ряд книжных изданий [Кагановська 2002; Григорьева 2008; Тарнашинська 2008] и множество научных статей (см., например [Фрумкин 2004; Лазуткина 2006; Ильинова 2007; Хархун 2007; Махова 2008; Масарэнка 2009; Дубашынскі 2011; Каранеўская 2011]) посвящены исследователями стран Восточной Славии проблемам **литературоведческой концептологии**. Наработки **искусствоведческой концептологии** отражены в монографии В.Л. Иващенко “Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецтвознавчої термінології)” (К., 2006), в “Словаре терминов московской концептуальной школы” (М., 1999) и ряде научных статей (см., например [Ходанич 2008; Сяліцкі 2011]).

Наконец, можно привести данные о книжных изданиях, концептуариях и научных статьях, опубликованных представителями

и иных дисциплинарных концептологий: **культурологической** [Арутюнова 1991; Руднев 1997; Санько 1998; Слышкин 2000; Карасик 2004; Степанов 2004; Муллагалиева 2006; Брагина 2007; Карасик 2007; Воркачев 2007; Чумак 2008; Руднев 2009; Маслова 2011], **исторической** [Ключевский 1989; Митрошенков 2007; Яновский 2007; Проскуряков 2009], **географической** [Кочетов 2002; Замятин 2004], **философской** [Неретина 1999; Левяш 2001; Тульчинский 2003; Пойзнер 2007; Аликаев 2008; Филатов 2009; Румянцева 2011], **психолого-педагогической** [Снапкоўская 2008; Аллахвердов 2011; Петрашкевич 2011], **естественнонаучной** [Кузнецов 1971; Ильина 1994; Буйлова 2009] и иных дисциплинарных концептологий, а также представителями междисциплинарных концептологических направлений: **науковедческой концептологии** [Щербин 2010], **концептологии инноватики** [Щербин 2004] и др.

Рассмотренные выше дисциплинарные концептологии (политическая, экономическая, правовая или юридическая, культурологическая, экологическая, биологическая концептология и проч.), совокупность которых можно назвать концептуальной лингвистикой, становятся категориально-понятийной основой для конструирования новых, дисциплинарно ориентированных направлений современной лингвистики. В добавление к уже давно существующей математической лингвистике активно идет процесс формирования **политической лингвистики** (см. работы А.П. Чудинова и др.); **правовой** или **юрислингвистики** (см. работы Н.В. Артикуцы, Н.Д. Голева, И.В. Заец, Ю.Ф. Прадида, Т.В. Пузевич, А. Токарской и др.); **культурной лингвистики** или **лингвокультурологии** (см. работы С.Г. Воркачёва, А.К. Киклевича, В.А. Масловой, Л.Б. Савенковой и др.); **экологической лингвистики** (см. работы И.П. Петренко и др.); **биолингвистики** (см. работы А.В. Кравченко и др.) и др. Более того, от развития дисциплинарных концептологий, по мнению А. Соломоника, во многом зависит успех и в формировании ряда новейших направлений семиотики (**медицинской семиотики**, **биосемиотики, лингвосемиотики, археологической семиотики, химической семиотики** и др.) [Соломоник 2009 : 5-22].

Выделение методологически обусловленных вариантов концептологий

В зависимости от используемых в современных концептологических исследованиях подходов и методов они нередко объединяются в рамках таких специфических направлений отечественной и зарубежной концептологии, как **теоретическая концептология** [Сяліцкі 2011 : 115], **эмпирическая концептология** [Morton 2006], **сравнительная концептология** [Степанов 2001; Крюкова 2007], **сопоставительная концептология** [Приходько 2006 : 219] и др. От дисциплинарных концептологий приведенные выше методологически обусловленные варианты концептологий отличаются тем, что в качестве объекта их изучения могут выступать концепты самых разных научных и учебных дисциплин, описываемые с использованием того или иного конкретного метода (теоретического, эмпирического, сравнительного, сопоставительного и др.). Как правило, использование одного конкретного метода для изучения самого разного (по языку, описываемой предметной области и проч.) концептологического материала имеет своей целью дальнейшее совершенствование данного метода, а также определение его эвристических возможностей и пределов применения.

Выводы

Представленный обзор существующих течений и разделов современной восточнославянской концептологии не только отражает динамику изменения ее структуры в течение последних десятилетий, но и раскрывает те причинно-следственные связи, которые существуют между различными этапами развития данного направления отечественной когнитивной лингвистики, с одной стороны, а также между восточнославянскими семантическими исследованиями, проводившимися в период, предшествовавший зарождению когнитивной лингвистики, и собственно лингвокогнитивными (концептологическими) исследованиями на материале русского, украинского и белорусского языков и культур, с другой. Кроме того, приведенные в обзоре данные убедительно свидетельствуют о возрастающем влиянии современной когнитивной лингвистики на практику проведения гуманитарных, естественных и междисциплинарных исследований.

Фактически когнитивная лингвистика выполняет сегодня функцию методологического донора для различных областей научных знаний, нарабатывая новые способы и приемы выявления и описания концептов и иных теоретических конструктов. Знакомство представителей различных наук с методами и результатами лингвокогнитивных исследований, несомненно, содействует становлению и развитию многочисленных дисциплинарных концептологий, а последние, в свою очередь, выступают в качестве понятийно-категориальной основы при формировании новейших направлений лингвистики, семиотики и иных наук. Указанные успехи и достижения когнитивной лингвистики и такого ее направления как концептология в странах Восточной Славии, несомненно, способствуют повышению престижа всей восточнославянской филологической науки. Более того, эти успехи и достижения могут стать весомым аргументом при решении вопроса об увеличении госбюджетных расходов на проведение научных исследований в области филологии.

Литература

Абушенко В. Л. Концепт // Постмодернизм: Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 379 – 380.

Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. – 2-е изд. – К., 2001. – 460 с.

Аксамітаў А. Ключавыя словы эпохі // Настаўніцкая газета. – 1975. – 16 ліпеня. – С. 4.

Александрович Н. В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе. – М., 2009. – 184 с.

Аликаев Р. С. Особенности вербализации философских концептов в немецких научных текстах эпохи раннего Просвещения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 4. – М., 2008. – С. 291 – 302.

Аллахвердов В. М. Типология теоретических исследований в психологии: когнитивный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2011. – Вып. 2. – С. 6 – 16.

Аляхновіч М. М. Лінгвакультуралогія: даведнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў. – Брэст, 2007. – 71 с.

Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М., 2007. – 512 с.

Антропаў М. П. Беларуская этналінгвістыка паміж Масквой і Люблінам // Мова-Літаратура-Культура: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (да 80-годдзя Л.М. Шакуна). – Мн., 2007. – С. 143 – 145.

Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. – Вып. 2. – Л., 1928. – С. 28 – 44.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.

Балуш Т. В. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста. – Мн., 2005. – 113 с.

Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов / Под ред. Л. Н. Чумак. – Мн., 2008. – 111 с.

Белая Е. А. Концептуализация понятия “общность” в классической социологии // Социологический альманах. – Вып. 1. – Мн., 2010. – С. 114 – 121.

Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель. XXI век. – 2007. – № 1. – С. 101 – 105.

Богачев Р. Е. Фактор структуры языка в анализе языковой картины мира // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 3. – С. 70 – 74.

Болдырев Н. Н. Диалектные концепты и категории // Филологические науки. – 2006. – № 3. – С. 41-50.

Болотов В. И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. – 2008. – № 2. – С. 82 – 96.

Бочкарев А. Е. Семантический словарь. – Нижний Новгород, 2003. – 200 с.

Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. – М., 2007. – 520 с.

Буйлова Н. М. Ключевые слова для поиска публикаций по физике нанообъектов и нанотехнологии // НТИ. Сер. 2. – 2009. – № 6. – С. 45 – 47.

Бусыгина И. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. – М., 2006. – 240 с.

Бэрон Р. Социальная психология: ключевые идеи / Пер. с англ. – 4-е изд. – СПб., 2003. – 512 с.

Васильев В. П. Ассоциативное поле как экспонент концепта // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Филология. – 2002. – Вып. 4. – С. 24 – 43.

Васильев В. П. Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении. – Томск, 2005. – 117 с.

Веселков Ф. С. Сто идей резервов высшей школы России. – СПб., 2007. – 276 с.

Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76 – 83.

Воротников Ю. Л. Врожденные концепты, семантические кварки и смысловые исходы // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 47 – 52.

Гаврилова М. В. Концепт “власть” в инаугурационных выступлениях российских президентов // Социология власти. – 2011. – № 8. – С. 43 – 52.

Гагарин С. Н. Англо-русский толковый вербализационный словарь ключевых концептов политики. – М., 2005.

Голованевский А. Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX вв. – Брянск, 1995. – 170 с.

Голубовська І. О. Душа і серце в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російськоі, англійської та кітайської мов) // Мовознавство. – 2002. – № 4-5. – С. 40 – 47.

Григорьева Ю. С. Когнитивный аспект исследования концептосферы “воинственность” в рамках англосаксонской героической картины мира (на материале древнеанглийской героической поэзии): монография. – Владивосток, 2008. – 187 с.

Гульянов И. А. Речь о образовании и существе языков. Читанная в Академии Российской И. А. Гульяновым, 18 июня 1821 г. по случаю принятия его в члены оной Академии. – СПб., 1821. – 27 с.

Дедков С. М. Единое инновационное пространство как интеграционный мегапроект / С. М. Дедков, В. К. Щербин // Интеграция науки как фактор строительства Союзного государства. Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. – Вып. 3. – Мн., 2011. – С. 75 – 93.

Демидов Д. Г. Нехудожественные источники выявления кон-

цептов // Отражение русской ментальности в языке и речи. – Липецк, 2004. – С. 121 – 130.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 53 – 55.

Дринов М. Предисловие ко 2-му изданию // Потебня А. А. Мысль и язык. – К., 1993. – С. 5.

Дубашынскі Р. Канцэпты прыпавесцей Васіля Быкава // Полымя. – 2011. – № 6. – С. 90 – 99.

Дубичинский В. В. Идеографические этюды: концепт *время* // Vocabulum et vocabularium: Сборник научных трудов по лексикографии. – Х., 1998. – Вып. 6. – С. 100 – 106.

Жайворонок В. Знаки української етнокультури. Словник-довідник. – К., 2006. – 703 с.

Загальний перелік суспільно-політичних понять // Українська мова. – 2003. – № 3-4. – С. 143 – 149.

Замятин Д. Н. Метагеографический словарь // Пространство образов и образы пространства. – М., 2004. – С. 244 – 265.

Зусман В. Г. Межкультурная коммуникация и национальная концептосфера // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Второй межвузовский семинар по лингвострановедению. Сборник статей в 2-х ч. – Ч. 1 / Отв. ред. Л.Г. Веденина. – М., 2004. – С. 27 – 53.

Иванов Д. В. Борьба как концепт власти // Власть. – 2007. – № 12. – С. 60 – 63.

Іващенко В. Л. Типологічна диференціація концептуальних структур як одиниць ментального простору // Мовознавство. – 2004a. – № 1. – С. 54 – 61.

Іващенко В. Л. Металінгвістичне моделювання концептосфери предметноі галузі // Філологічні студії. – 2004b. – № 4. – С. 126 – 137.

Іващенко В. Л. Науковий концепт і наукове поняття: проблема диференціації // Українська мова. – 2005. – № 3. – С. 62 – 76.

Іващенко В. Л. Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецтвознавчої термінології). – К., 2006a. – 328 с.

Іващенко В. Л. Матеріали до Словника-мінімуму основних термінопонять концептуальної семантики // Лексикографічний бюллетень: Збірник наукових праць. – К., 2006. – Вып. 14. – С. 148 – 162.

Іващенко В. Л. Семантика ментальності концепту // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 37 – 43.

Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – 432 с.

Ильин М. В. Предисловие // Концептуализация политики: Сборник статей / Под ред. М. В. Ильина. – М., 2001. – С. 5 – 10.

Ильина Н. А. Геогностика сквозь призму языка (Лингвистический анализ языка и логики наук биосферного класса). – М., 1994. – 183 с.

Ильинова Е. Ю. Концептология вымысла в тексте авторской сказки // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 85 – 93.

Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя). – К., 2002. – 258 с.

Каллаур П. В. Концепт “финансовая стабильность” / П.В. Каллаур // Белорусский экономический журнал. – 2007. – № 1. – С. 25 – 37.

Камалова А. А. Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор) // Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / Науч. ред. А. Киклевич, А. Камалова. – Olsztyn, 2010. – S. 23 – 41.

Каныгин Г. В. Контекстно-ориентированная концептуализация исследовательских понятий / Г. В. Каныгин // Социологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 59 – 80.

Каранеўская А. Канцэпт “добрыя людзі” як мастацкі код // Слова ў мове, маўленні, тэксце: Зборнік навуковых прац маладых вучоных-філолагаў. – Вып. 3. – Брэст, 2011. – С. 30 – 33.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 390 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград, 2007. – 520 с.

Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1980. – 208 с.

Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сборник статей / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. – М., 2001. – С. 424 – 444.

Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. – М., 2008. – 800 с.

Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. – Т. 6. – М., 1989. – С. 94 – 224.

Коваль В. И. Гендерно маркированные концепты и их вербализация в художественных текстах / В. И. Коваль // Коваль В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: монография. – Гомель, 2007. – С. 128 – 203.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л., 1986. – 311 с.

Колесов В. В. Вхождение в концепт: В. В. Виноградов // История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб., 2003a. – С. 355-365.

Колесов В. В. Слово и концепт: Михаил Бахтин // История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб., 2003b. – С. 365 – 378.

Кононенко В. І. Словник символів культури України. – Івано-Франківськ, 2002. – 248 с.

Кононенко В. Концепты українського дискурсу: Монографія. – К.; Івано-Франківськ, 2004. – 248 с.

Кононенко В. І. Концептологія в лінгвістичному аспекті // Мовознавство. – 2006. – № 2-3. – С. 111 – 117.

Кононенко І. В. Національно-мовна картина світу: зіставний аспект (на матеріалі української та російської мов) // Мовознавство. – 1996. – № 6. – С. 39 – 46.

Константы русской политической культуры. Сборник / Сост. Н.В. Гараджа. – М., 2007. – 96 с.

Концептологія: світ – мова – особистість / Відпов. ред. Л. М. Синельникова. – Луганськ, 2005. – 298 с.

Концептуализация и смысл. – Новосибирск, 1990. – 239 с.

Концептуализация политики: Сборник статей / Под ред. М.В. Ильина. – М., 2001. – 314 с.

Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания. – М., 1988. – 223 с.

Концепты: научные труды Центроконцепта. – Вып. 1 / Сост. О.П. Скидан. – Архангельск, 1997. – 191 с.

Конюшкевич М.И. НИР и НИРС по языкознанию в вузах Рес-

публики Беларусь: состояние и проблемы // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции / Под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев, 2007. – С. 12-16.

Кочетов Э. Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Элементы механизма российской модели глобального стратегического управления): Сборник стратегических понятий-новел: в 2 т. – М., 2002.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1997. – 245 с.

Крюкова О. А. Centration sur l'apprenant / Личностно-деятельностный подход: Сравнительный анализ концептов // Вестник МГУ. Сер. 19. – 2007. – № 2. – С. 125 – 131.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3 – 12.

Кузнецов В. И. Концептуальные системы химии. Структурные и кинетические теории // Вопросы философии. – 1971. – № 1. – С. 46 – 56.

Кутузова Н. А. Идеология религиозно мотивированного политического радикализма: ключевые концепты политических доктрин новых религиозных организаций // Иппокрена. – 2007. – № 1. – С. 16 – 26.

Кушнир О. Н. Лексикографические источники в контексте задач лингвоконцептологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1, ч. 2. – С. 120 – 123.

Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей: Основы австрийской экономической школы / Пер. с англ. – Челябинск, 2006. – 324 с.

Лазуткина Е. Динамика концепта "свет" в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита" // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. – М., 2006. – С. 228 – 234.

Леванцэвіч Л. В. Лінгвакультуралогія: метадычныя рэкамендацыі. – Брэст, 2010. – 107 с.

Левонтина И. Б. Рец. на : Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М., Гнозис, 2007 // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 122 – 126.

Левченко Е. Украинская концептосфера и символарий (лингвокультурологический аспект) // Славянские языки в свете культуры: Сборник научных статей. – М., 2006. – С. 49 – 66.

Левяш И. Я. Постиндустриализм: проблемы адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 153 – 161.

Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: Монография / Под общ. ред. С. Г. Воркачева. – Волгоград, 2007. – 400 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН, Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3 – 9.

Лихачев Д. С. Русская культура. – СПб., 2007. – 440 с.

Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2003. – 640 с.

Логический анализ языка. Культурные концепты: Сборник статей / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1991. – 204 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11-ти т. – Т. 7. / М. В. Ломоносов. – М.; Л., 1952. – 995 с.

Лубский А. В. Политическая концептология как “захват мира политики” и приглашение к дискурсу // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 117 – 128

Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11 – 35.

Лясовіч С. М. Эматыўнасць як спосаб узаемадзеяння канцэптасферы колеру і канцэптасферы эмоцый у мастацкім тэксце // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – № 7. – С. 197 – 201.

Макаренко В. П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии / В. П. Макаренко. – М., 2002. – 416 с.

Макаренко В. П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М., 2005. – 368 с.

Макаренко В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 79 – 116.

Малюк А. Концепт глобализации сквозь призму идей Карла Поланьи // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2011. – № 3. – С. 26 – 46.

Масарэнка Ю. А. Канцэпталагічны падыход у даследаванні актуальных праблем тэорыі літаратуры / Ю. А. Масарэнка // Выяўленча-мастацкія, арганізацыйныя і ідэалагічныя праблемы сучаснай беларускай літаратуры ў яе сувязях з грамадскімі практыкамі: матэрыялы рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. – Мн., 2009. – С. 116 – 122.

Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. – М., 1997. – 206 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие. – М., 2001. – 202 с.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн., 2004a. – 256 с.

Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. – М., 2004b. – 255 с.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: монография. – М., 2007. – 318 с.

Маслова В. А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины. – Витебск, 2011. – 164 с.

Махнач В. Л. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. – М., 2008. – 288 с.

Махова В. В. Национально-культурные концепты в художественном произведении и их авторское представление // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Сер. Филологические науки. – 2008. – № 4. – С. 80 – 91.

Медведь М. Н. Концепт *счастье* в английской лексикографии // Вчені записки Харківського гуманітарного університету “Народна українська академія”. – Харків, 2006. – Т. 12. – С. 512 – 518.

Мех Н. Концепт *розум* у навуковій картині світу // Українська термінологія і сучасність: Зб. навук. праць. – Вип. 6. – К., 2005. – С. 61 – 64.

Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. – Вып. 1. – М., 1945. – С. 5 – 15.

Мирошниченко П. Н. К вопросу о статусе политической концептологии // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 137 – 140.

Митрошенков О. А. Основные концепты и особенности современной российской историософии // Русская философия. Имена и идеи: монография. – М., 2007. – С. 103 – 121.

Михайлов А. Д. [Рец. на:] Словарь Марселя Пруста. Под ред. А. Буйаге и Б.Дж. Роджерса. Предисловие А. Компаньона. Париж: Оноре Шампион, 2004. 1099 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65. – № 4. – С. 63 – 65.

Морковкин В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997. – 414 с.

Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь. – М., 2006. – 234 с.

Мусатаева М. Ш. О формировании двуязычной концептографии // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Сер. Филологическая. – 2008. – № 6. – С. 107 – 110.

Науменко Л. П. Сучасний англомовний бізнес-дискурс в комунікативно-прагматичному та концептуальному висвітленні: монографія. – К., 2008. – 360 с.

Неретина С. С. Тропы и концепты. – М., 1999. – 277 с.

Неретина С. С. Концепты политического сознания // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 17 – 78.

Опарина Е. О. [Реф. на:] Степанов Ю. С. Концепты: Тонкая плёнка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература / ИНИОН РАН. РЖ. Сер. 6. – 2008. – № 2. – С. 24 – 29.

50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. – М., 1989. – 560 с.

Палагин А. В. Основы знание-ориентированных технологий // Наука та наукознавство. – 2004. – № 1. – С. 39 – 43.

Петрашкевич Н. Н. Основные концепты, определяющие эмоциональные особенности человека // Карповские научные чтения: Сборник научных статей. – Вып. 5: В 2 ч. – Ч. 2. – Мн., 2011. – С. 18 – 21.

Пименов Е. А. Когнитивная лингвистика на современном этапе // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Международной научной конференции: в 3 ч. – Ч. 1. – Волгоград, 2006. – С. 52 – 62.

Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. – Вып. 4 / З.Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов / Под ред. М. В. Пименовой. – Севастополь, 2009. – С. 3 – 11.

Пирютко Ю. М. Питерский лексикон. – СПб., 2008. – 448 с.

Победоносцев К. П. Московский Сборник // К. П. Победоносцев: pro et contra. – СПб., 1996. – С. 80 – 275.

Пойзнер Б. Н. Репликация – латентный трансдисциплинарный концепт? // Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: Коллективная монография. – Вып. 4. – Екатеринбург, 2007. – С. 22 – 258.

Попова Т. О. Психосемантика універсальних етичних концептів в етномовній картині світу: Автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2004. – 20 с.

Потапенко С. І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу): Монографія. – К., 2004. – 360 с.

Потапенко О. І. Словник символів культури України. – К., 2002. – 260 с.

Потебня А. А. Мысль и язык. – К., 1993. – 192 с.

Приходько А. М. Концепт як об’єкт зіставного мовознавства // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя проф. М. Кочергана: Збірник наукових статей. – К., 2006. – С. 212 – 220.

Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб., 2003. – 512 с.

Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1990. – 23 с.

Проскуряков Д. Вечный двигатель российской истории, или Фантастика чистой воды // Полдень. XXI век. – 2009. – № 10. – С. 151 – 170.

Радзіевська Т. В. Нариси з концептуального аналізу та лінгвістики тексту: Текст – соціум – культура – мовна особистість. – К., 2010. – 491 с.

Рогозин Д. М. Порядок в понятийном аппарате: методо-

логические работы Н. С. Тимашева // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 127 – 137.

Романовский Н. В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 13 – 22.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М., 1997. – 384 с.

Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – 3-е изд. – М., 2009. – 543 с.

Румянцева Т. Г. Философия и литературоведение: взаимодействие посредством концептов // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук: международный сборник научных статей. – Новополоцк, 2011. – С. 25 – 27.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – Вып. 1. – М., 2004. – 318 с.

Рюриков Б. Люди высоких идеалов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. – М., 1980. – С. 3 – 26.

Садоўская А. Л. Этналінгвістычная лексікаграфія // Беларуская філалогія: зборнік навуковых прац маладых вучоных, прысвечаны 90-годдзю БДУ. – Мн., 2011a. – С. 78 – 90.

Садоўская А. Л. Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект. – Мн., 2011b. – 271 с.

Санько С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі. – Мн., 1998. – 190 с.

Скиперских А. В. Легитимация политической власти: становление и развитие концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 81 – 97.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб., 2011. – 256 с.

Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться / Сост. Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий). – София, 1921. (2-е изд. – М., 1998. – 192 с.).

Словарь текущей политики. Навигатор по Посланиям Президента РФ 2004 – 2005 гг. – М., 2005. – 135 с.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. – Вып. 1 / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 2001. – 444 с.

Слоўнік Свабоды. XX стагоддзе ў беларускай мове // Arche. – 2000. – № 7. – С. 4-207.

Слухай Н. В. Когнітологія та концептологія в лінгвістичному висвітленні: навчальний посібник / Н.В. Слухай, О.С. Снитко, Т.П. Вільчинська. – К., 2011. – 367 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.

Снапкоўская С. В. Педагагічная канцэпталогія Вацлава Ластоўскага ў кантэксце беларускай культуры // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2008. – № 4. – С. 82 – 86.

Соколовская Ж. П. “Картина мира” в значениях слов – Симферополь, 1993. – 231 с.

Соколовська Ж. П. Картина світу та ієрархія сем // Мовознавство. – 2002. – № 6. – С. 87 – 91.

Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. – 2-е изд. – Мн., 2002. – 408 с.

Соломоник А. Очерк общей семиотики. – Мн., 2009. – 191 с.

Специальная литература // Проспект. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2004. – С. 71 – 135.

Срезневский И. И. Обозрение замечательнейших из современных словарей // Известия Отделения русского языка и словесности. – Т. III, вып. 4. – СПб., 1854. – С. 145 – 164; вып. 5. – СПб., 1854. – С. 177– 187.

Степанов Ю. С. “Интертекст”, “Интернет”, “интерсубъект” (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – № 1. – С. 3 – 11.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М., 2004. – 992 с.

Степанов Ю. С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации. – М., 2007. – 248 с.

Страницы словаря // Уроки И. И. Срезневского: Сборник научно-методических трудов / Отв. ред. Е.В. Архипова. – 2-е изд. – Рязань, 2004. – С. 95 – 97.

Сукаленко Т. М. Метафоричне вираження концепту *ЖІНКА* в української мові: монографія. – К., 2010. – 240 с.

Сяліцкі А. Л. Беларускі мастацкі пейзаж і нацыянальная канцэпталогія (да пастаноўкі праблемы) // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага універсітэту імя М. Танка. Серыя 2. – 2011. – № 4. – С. 115 – 118.

Тарнашинська Л. Презумпція доцільності: Абрис сучасної літературознавчої концептології. – К., 2008. – 534 с.

Терехова С. І. Функціонально-семантична репрезентація топомнестичних концептів (на матеріалі української, російської та англійської мов) // Мовознавство. – 2005. – № 6. – С. 47 – 56.

Толстой Н. И. О словаре "Славянские древности" // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М., 1995. – С. 5 – 14.

Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. – М., 1998. – С. 3 – 33.

Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. – Уфа, 1998. – 737 с.

Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія / Відпов. ред. І. С. Гнатюк. – К., 2011. – 560 с.

Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3 – 21.

Фёдоров Е. И. Представление концептов "власть" и "сила" в дискурсе А. И. Солженицына // Научная жизнь. – 2009. – № 3. – С. 58 – 63.

Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий. Совесть как ключевое понятие воспитания / Митрополит Минский и Слуцкий Филарет // Проблемы управления. – 2011. – № 1. – С. 140 – 141.

Филатов В. П. Обсуждаем статью "Концепт" // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 161 – 170.

Финн В. К. Интеллектуальные системы и общество: Сборник статей. – 3-е изд. – М., 2007. – 352 с.

Фрумкин К. Г. Концепты волшебства и техники в фантастике // Философские науки. – 2004. – № 7. – С. 57 – 75.

Хайруллина Д. Д. Понятие картины мира и ее разновидности // Научная жизнь. – 2009. – № 1. – С. 79-81.

Хархун В. Концепти тоталітарноі онтології (на матеріалі драматургії Олександра Корнійчука) // Слово і Час. – 2007. – № 12. – С. 48 – 59.

Ходанич Л. П. Виховні константи мистецтва: спроба систематизації // Гуманітарні науки. – 2008. – № 2. – С. 160 – 166.

Храпов С. А. Концептуализация понятия “социальная память” в системе социально-гуманитарного знания // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 3. – С. 10 – 14.

Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. – М., 1980. – 528 с.

Чимирис Е. С. Революция. Опыт когнитивного осмысления понятия // Полития. – 2008. – № 1. – С. 126 – 141.

Шапошников В. Н. Вариации на неясную тему или “текст о “концептах” // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2009. – № 1. – С. 222 – 229.

Шишков М. С. Изучение концепта: от парадигматики к синтагматике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2007. – Вып. 2, ч. II. – С. 68 – 70.

Шматко Н. А. Национальные концепты российского социологического дискурса // Социологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 103 – 116.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М., 2002. – 224 с.

Штерн І. Б. Вибрані топики та лексикон сучасної лінгвістики: Енциклопедичний словник. – К., 1998. – 336 с.

Штерн И. Б. Энциклопедия в зеркале когнитивной парадигмы // НТИ. Сер. 2. – 1998. – № 1. – С. 1 – 11.

Шчэрбін В. К. Катэгорыя прасторы-часу ў лексіцы рускай і беларускай моў // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук. – 1982. – № 3. – С. 110 – 118.

Щербин В. К. Формирование концептосферы инновационной деятельности как науковедческая проблема // Наука и инновации. – 2004. – № 9. – С. 40 – 47.

Щербин В. К. Концептология и концептография как разновид-

ности текстового анализа // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Междунар. науч. конф.: В 2 ч. – Ч. 1. – Мозырь, 2005a. – С. 80 – 82.

Щербин В. К. Общая и специальная концептография // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных трудов по лексикографии / Отв. ред. Л.В. Рычкова. – Гродно, 2005b. – С. 26 – 31.

Щербин В. К. Инновационная экономика и экономика знаний // Наука и инновации. – 2006. – № 5. – С. 56 – 61.

Щербин В. К. Проблема дифференциации объектов и единиц лингвокогнитивных исследований: лексикографический аспект // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: Материалы Международной научной конференции. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2007a. – С. 64 – 66.

Щербин В. К. Одно- и разноязычные картины мира: концептологический аспект // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: Сборник научных статей. – Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Т. С. Нифанова. – Архангельск, 2007b. – С. 151 – 158.

Щербин В. К. Славянская концептология и концептография // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XIV Міжнар. з'езд славістаў (Охрыд, 2008): Даклады беларускай дэлегацыі. – Мн., 2008a. – С. 233 – 252.

Щербин В. К. Типы концептов и концептуариев // Русская словесность как основа возрождения русской школы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Липецк, 2008b. – С. 142 – 149.

Щербін В. Українська концептологія і концептографія: погляд із Білорусі // Українська мова. – 2008c. – № 3. – С. 26 – 40.

Щербин В. К. Социальный капитал науки среди сопредельных понятий // Социология. – 2008d. – № 1. – С. 35 – 42.

Щербин В. К. Лексикографические способы представления результатов языковой концептуализации мира // Культура народов Причерноморья. – 2008e. – № 142, т. 2. – С. 431 – 433.

Щербин В. К. Проблемы концептографического описания языковых картин мира разных типов // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: сборник научных статей. – Вып. 3 / Сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова. – Архангельск, 2009a. – С. 127 – 133.

Щербин В. К. Белорусская концептология: на этапе самоопределения // Etnolingwistyka: Problemy jezyka i kultury. – 2009b. – Т. 21. – S. 171 – 185.

Щербин В. К. Основные макро- и микроединицы белорусской когнитивной лингвистики (по данным контент-анализа текстов лингвокогнитивного характера) // Текст. Язык. Человек: Сборник научных трудов: в 2 ч. – Ч. 1 / Отв. ред. С.Б. Кураш. – Мозырь, 2009c. – С. 47 – 49.

Щербин В. К. Инфраструктурные составляющие инновационной экономики / Науч. ред. С. М. Дедков. – Мн., 2010a. – 312 с.

Щербин В. К. Концепт "научно-технический потенциал" среди сопредельных понятий // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010b. – № 2. – С. 181 – 191.

Щербин В. К. Концепт "постсоветское пространство" и его концепт-переменные // Постсоветское пространство в миропорядке XXI века: приоритеты, особенности,будущее: материалы международной научно-практической конференции. – Мн., 2011a. – С. 82 – 91.

Щербин В. К. Типология интеграционных пространств в аспекте контент-анализа // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография / Под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. – Нежин, 2011b. – С. 130 – 174.

Щербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. – 2011c. – № 2. – С. 18 – 42.

Щербин В. К. Лингвистическое изучение концептов в контексте взаимодействия различных гуманитарных наук // Кросскультурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О. И. Уланович. – Мн., 2012. – С. 3 – 6.

Яворська Г. М. Мовні концепти колеру (до проблеми категорізації) // Мовознавство. – 1999. – № 2-3. – С. 42 – 50.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – 344 с.

Якушин Б. В. Некоторые соображения о проблематике алгоритмических предметных указателей // Проблемы логики и теории познания / Под ред. И. С. Нарского. – М., 1968. – С. 304 – 318.

Яновский О. А. Национальная история в “тисках” терминов, дефиниций, парадигм… // Российские и славянские исследования: научный сборник. – Вып. 2. – Мн., 2007. – С. 225 – 235.

Яремко Я. П. Стратифікація концепту // Мовознавство. – 2009. – № 1. – С. 60 – 69.

Bertrand A. L. Basic Sociology: An Introduction to Theory and Method. – New York, 1967. – 447 p.

Encyclopedia of Cognitive Science: In 4 volumes. – Chichester, 2005.

Fauconnier G. Cognitive Linguistics // Encyclopedia of Cognitive Science: In 4 volumes. – Vol. 1. – Chichester, 2005. – P. 539 – 543.

Morton A. But are they right? The prospects for empirical conceptology // Journal of Cognition and Culture. – 2006. – Vol. 6. – № 1-2. – P. 159 – 163.

Nadel L. What is Cognitive Science? // Encyclopedia of Cognitive Science: In 4 volumes. – Vol. 1. – Chichester, 2005. – P. XIII – XLI.

Timasheff N. S. The basic concepts of sociology // American Journal of Sociology. – 1952. – Vol. 58. – № 2. – P. 176 – 186.

1.3. ПРОЦЕДУРЫ АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бессонова О. Л.

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес исследователей к изучению проблем семантики, поддерживаемый принципами антропоцентризма, функционализма, когнитивизма. В рамках антропоцентрической направленности лингвистической науки актуальными являются исследования, интегрированные в когнитивно-дискурсивную и лингвокультурологическую проблематику, которая концентрируется вокруг триады: “язык – языковая личность – культура”. В русле когнитивной семантики развиваются разнообразные подходы и направления, целью которых является изучение и понимание механизмов концептуализации и категоризации действительности, а также выявление природы соотношения языковой и концептуальной картин мира.

Анализ публикаций в области когнитивной лингвистики свидетельствует о широкой теоретико-методологической платформе, в рамках которой в современных лингвокогнитивных студиях сосуществуют разнообразные подходы (см. [Бєлєхова 2002; Воробйова 2011б; Жаботинська 1997, 2004; Кагановська 2002; Карасик, Красавский, Слышкин 2009; Когнитивная лингвистика 2011; Кубрякова 1992, 2001; Левицький 2007; Панасенко 2010; Пименова, Кондратьева 2011; Попова, Стернин 2007; Потапенко 2009; Приходько 2008; Селіванова 2008, 2011; Croft, Cruse 2004; Fauconnier 1994; Fillmore 1985; Geeraerts 2006; Historical Cognitive Linguistics 2010; Lakoff 1990; Langacker 1987, 1991; Taylor 2006]). Детальный анализ современного состояния концептологии в Украине представлен в статье О.П. Воробьевой [Воробйова 2011а]. По мнению В.А. Масловой, "метод когнитивной науки заключается прежде всего в попытке совместить данные различных наук, гармонизировать эти данные и найти смысл семантической непрерывности" [Маслова 2004 : 44].

Проблемы, которыми занимается когнитология, являются сложными и многоаспектными. Несмотря на определенные достижения когнитивной лингвистики, в частности лингвоконцептологии, ее проблемы продолжают привлекать внимание ученых. Об этом свидетельствуют как интенсивные исследования, посвященные анализу различных концептов, которые проводятся в современной лингвистической науке, так и научная полемика вокруг вопроса о формировании новой лингвистической парадигмы в свете существенных общенаучных изменений, которые происходят в настоящее время (см. [Белова 2002, 2007; Борисов 2005; Ваховська 2011; Гудавичюс 2006; Давиденко 2012; Змійова 2006; Левицкий 2009; Луньова 2006; Ляшик 2006; Манакін 2011; Мартинюк 2011; Нідзельська 2009; Огаркова 2005; Поліна 2004; Полюжин 2009; Приходько 2009; Проценко 2010; Сальтевська 2011; Слухай 2011; Чорновол-Ткаченко 2007; Шурма 2008; Яценко 2008] и др.). Как отмечает А.Н. Приходько, "в рамках контрастивного языкознания, перешедшего к этапу развития целых научных отраслей (сопоставительная фонетика / грамматика / лексикология), пришло время говорить о сопоставительной концептологии" [Приходько 2008 : 81].

Когнитивная лингвистика располагает широким инвентарем методологических процедур исследования, которые основываются на новейших теориях языкознания и являются основой для адекватного и всестороннего концептуального анализа (см., например, [Когнитивные исследования языка 2011; Мартынюк 2008]). Опираясь на свой терминологический аппарат и свои принципы исследования языкового материала, лингвоконцептология использует различные методики, включая пропозиционально-лингвистический метод, теорию категоризации, концептуальный анализ, фреймовый подход, теорию концептуальной метафоры, теорию "ментальных пространств", когнитивное картирование и т.д. Безусловным является одно: выбор тех или иных методов исследования зависит от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь.

Концептуализация как познавательный процесс и его связь с категоризацией как способом классификационной деятельности

Когнитивная лингвистика исходит из того, что концептуализация определенного ментального пространства фиксируется в его языковом обозначении. Следовательно, выявление концептуальной организации этого пространства возможно лишь посредством изучения семантики и употребления его языковых обозначений. Когнитивная семантика занимается в основном сверхглубинной семантикой, ее интересуют содержательные аспекты языковых форм. Одной из задач когнитивистики является выявление механизмов мышления и определение структуры категоризации. В контексте когнитивной лингвистики речь идет о связи языка и мышления, в частности, об интерпретации механизмов передачи концептов языковыми средствами, т.е. процесса вербализации и категоризации, иными словами, о репрезентации концептов посредством определенных значений, грамматических форм, синтаксических структур. Концептуализация и категоризация представляют собой классификационные процессы, которые отличаются поставленной целью и конечным результатом. Концептуализация направлена на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта и структур знания, а категоризация – на объединение подобных или тождественных единиц в бо-

лее крупные категории [КСКТ 1997 : 93]. Е.А. Селиванова так определяет связь концептуализации с категоризацией: “Первая направлена на организацию в сознании идеальных структур и связей между ними, вторая – на интеграцию этих структур в иерархию классов по принципу движения от конкретного к общему и к более общему, а также по принципу выбора лучших образцов в категориальной сети” [Селіванова 2010 : 299-300].

В лингвистических исследованиях выделяются два подхода по характеру соотношения концептуализации мыслительного пространства и значения языкового знака, который его обозначает. Первый подход сформулирован в работах Р. Ленекера. Согласно Р. Ленекеру, концептуализация непосредственно отождествляется со значением языкового обозначения (meaning reduces to conceptualization). Таким образом, Р. Ленекер предлагает “концептуальную” или “идеационную” (ideational) теорию значения, подчеркивая при этом его “субъективную” природу. Концептуализация (или *mental experience* “ментальный опыт”), по мнению Р. Ленекера, должна быть эксплицирована в терминах когнитивной обработки и интерпретирована с учетом широкого “охвата” конкретной сферы ментального опыта. Это означает, что концептуализация как значение должна включать в себя не только уже известные концепты, но и новые концепты, которые постоянно появляются, а также сенсорные, эмоциональные и кинестетические ощущения. Концептуализация должна учитывать и знание человеком физического, социального и непосредственно языкового контекста языковых событий [Langacker 1982 : 49-50].

Второй подход представлен в исследованиях Ч. Филлмора. Он рассматривает концептуальные основы смысловой организации на фоне семантики языковых единиц, не отождествляя при этом семантику единиц и те концептуальные структуры, которые формируют основу их значения. Согласно Ч. Филлмора, когнитивная теория стремится определить концептуальные основы лексического поля, характерные для конкретного языка, и этот “предполагаемый базис знания и практики” – сложный фрейм - является общей основой образа, которая может быть представлена каждым словом, входящим в состав поля [Филлмор 1988 : 54].

Вслед за Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2000] будем считать, что более перспективными являются многоуровневые концепции значения, которые поддерживают идею последовательного разграничения концептуального и семантического (языкового) уровней репрезентации знаний. В центре внимания в этом обзоре наряду с лексическими концептами, т.е. концептами, которые передаются отдельными словами, и содержание которых может изменяться, т.е. не является стабильным [Олійник 2008; Пефтієва 2011; Сарбаш 2008; Трофімова 2011], находятся и дискурсообразующие концепты [Стоянова 2009].

Когнитивный подход к семантике слова предполагает, что значение слова определяется не только признаками, необходимыми и достаточными для идентификации обозначаемого, набор которых четко ограничен и является достаточным для определения значения слова. Когнитивный анализ значения включает в себя весь комплекс знаний и внеязыковой опыт языкового сообщества, совокупность лингвистической и экстралингвистической информации. Лексическое значение связывается со своей понятийной основой, что делает возможным реконструкцию концепта с помощью анализа его языкового выражения. Итак, в основе когнитивного подхода лежит описание структуры концепта, мотивирующего процесс номинации и объясняющего название вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами.

Развиваясь как новая научная парадигма, лингвистический концептуализм реализуется не только как анализ самих вербально оформленных концептов, но и как анализ с помощью концептов. Лексическое значение относится к концептуальной сфере и связывает концепт и слово. Поскольку в словах закрепляются и фиксируются результаты познавательной деятельности человека, например, А.И. Новиков и Е.И. Ярославцева правомерно называют отношение “концепт – слово” когнитивным отношением [Новиков, Ярославцева 1990 : 79]. Следует подчеркнуть, что между словом и концептом нет однозначного соответствия, потому что один и тот же концепт может быть выражен разными словами (синонимические отношения), различные концепты могут быть выраженными одним словом (отношения полисемии и омонимии).

Концептуализация мира в различных лингвокультурных социумах имеет сходства и различия. Несмотря на определенную ограниченность межкультурной коммуникации в основе всех языков лежат изоморфные множества семантических элементов. Однако наличие в языках лексикализированных универсалий не означает абсолютной эквивалентности в языковом употреблении, потому что, несмотря на наличие универсалий, семантические системы разных языков уникальны и культуроспецифичны.

Концептуальный vs семантический анализ

В лингвистической литературе представлены различные мнения относительно трактовки метода концептуального анализа и набора процедур, а также его результатов. Большинство исследователей считают, что концептуальный анализ является продолжением семантического анализа. Предшественниками современного концептуального анализа считаются Л.В. Щерба, В.В. Виноградов. Возникновению концептуального анализа способствовали "ориентация новой лингвистики на субъект речи, сознание, культуру, знание и поведение и возрождение интереса к идеям В. Гумбольдта, Б. Уорфа, Э. Сэпира и др. относительно языковой картины мира, которые долгое время оставались на периферии лингвистики и в свое время были почти не признанными" [Рябцева 2008 : 57].

Соглашаясь с тем, что "смысл концептуального анализа в целом – в реконструкции знаний о мире, которые складываются в языковую картину мира, МКС: в "наивную", "практическую" картину мира, которая воплощена в языке, его словаре и грамматике, при этом воплощена в ней неявно, имплицитно, косвенно" [Рябцева 2008 : 63], лингвисты пытаются установить различия между семантическим и концептуальным анализом. М.В. Никитин считает, что эти два типа анализа отличаются знаковой репрезентабельностью семантического и ментальной отвлеченностью и специфицированностью концептуального анализа [Никитин 1988 : 74]. В качестве критериев разграничения семантического и концептуального анализа С.А. Жаботинская предлагает принимать во внимание степень абстрагированности и критерий композиционности [Жаботинская 2004 : 82].

Таким образом, концептуальный анализ представляет собой семантический анализ лексики, грамматики и прагматики языка, сочетаемости, идиоматики, этимологии и т.д. В центре внимания исследователей – толкование слова, что позволяет определять, сравнивать и описывать языковые явления и те представления, которые за ними стоят. По мнению Н.К. Рябцевой, сущностью концептуального анализа является "использование семантического анализа для извлечения из языка не только нетривиальных сведений о самом языке, но и о его носителе, его внутреннем мире и культуре" [Рябцева 2008 : 63]. С помощью концептуального анализа можно определить "каким образом человек осмысливает окружающий его мир и свой внутренний мир, в том числе свою ментальную сферу, "естественный интеллект", какие ментальные действия он при этом выполняет, какие знания и в каком виде сохраняет, использует и т.д." [Рябцева 2008 : 63]. Концептуальный анализ связан с осознанием сущности концепта, с выявлением особенностей организации концепта в нашем сознании и с разработкой принципов концептуального моделирования значения.

Концептуальный анализ направлен на раскрытие механизмов речевой деятельности в ее неразрывной связи с мышлением и реальностью. По мнению ряда лингвистов (см., например, [Апресян 1993]), часть концептуальной информации имеет языковую "привязку", т.е. средства языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иначе, т.е. ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами. Исследованию подлежит именно концептуальный слой семантики – уровень ментальных сущностей, которые структурируют и предопределяют содержание лексических единиц. Когнитивное описание языковых единиц предполагает построение концептуальных образов, следовательно, применив аппарат концептуального моделирования, можно описать значение в онтологическом измерении, что отражает влияние наивного знания на языковую структуру в процессе коммуникации.

Анализируя различные точки зрения на сущность концептуального анализа, следует обратить внимание на тот факт, что процедуры его применения разнообразны и зависят от "идеологии" научного направления или школы, которые представляют исследователи.

В контексте развернувшихся в последние годы активных лингвокогнитивных исследований особую значимость приобретает реконструкция на основе языковых концептов разных типов. В Донецком национальном университете на факультете иностранных языков в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы выполнен ряд сопоставительных исследований, в которых на материале английского, русского, украинского, новогреческого языков рассматриваются особенности выражения разноуровневыми языковыми средствами специфики концептуализации и категоризации мира, которая отражена в национальных языковых картинах мира (см. работы [Олійник 2008; Сарбаш 2008; Стоянова 2009; Трофімова 2011; Пефтієва 2011]). В указанных работах на материале разноструктурных языков реконструирован целый ряд концептов, которые относятся к “фундаментальным” или “базисным”. В процессе исследования авторы руководствовались последними наработками современной отечественной и зарубежной лингвистики по проблемам когнитивной семантики. Однако несомненным представляется их собственный, самостоятельный вклад в применение процедур определения семантических характеристик лексикализованных и дискурсивных концептов и средств их вербализации в английском, украинском, русском и новогреческом языках.

Следует также подчеркнуть давно назревшую необходимость системного описания не только отдельных концептов, но и создание общей и более или менее исчерпывающей картины определенных участков концептуальной картины мира. Одним из таких участков является ценностная картина мира, которая объективируется в оценочном тезаурусе языка. Исследование иерархического характера отражения ценностной картины мира в тезаурусе языка предлагается [Бєссонова 2003]. В работе заложены теоретические основы исследования оценочного тезауруса языка, который представлен в виде иерархической модели. Исходным является тезис о том, что национальный язык выступает инструментом познания действительности и воплощением мировосприятия человека, и связан с номинацией объектов мира, формированием и передачей мыслей и понятий. Совершенно справедливо оценочный тезаурус счи-

тается сложным средством вербализации универсальных ценностей. В рамках предложенной концепции на основе корпуса номинативных единиц современного английского языка и данных лингвистического эксперимента построена иерархия ценностей англоязычного сообщества, определены характеристики оценочного тезауруса английского языка.

Идеографический подход к описанию системной организации лексического уровня языка

Языковая ментальность отражается посредством законов системной организации, в первую очередь, лексического уровня языка. Системный характер лексики, в частности, различные типы семантических полей с иерархическим характером связи слов внутри поля, синонимические, антонимические, омонимические и другие типы лексических микросистем описаны в теоретических работах Й. Трира, А.А. Уфимцевой, Ю.Н. Караулова, Д.Н. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, С.А. Жаботинской, А. Уберман и многих других, а также в лексикографических работах (тезаурусы, идеографические словари, словари синонимов, антонимов, омонимов и др.). Одним из примеров нового подхода к исследованию лексической системы языка является “Русский семантический словарь” под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 1998]. Интересный опыт применения сложной системы семантических параметров к анализу, в частности, немецкой лексики освещен в работе П. Кюна [Kьhn 1979]. Автор преследует цель создать коммуникативно-ориентированный парадигматический словарь базисной лексики немецкого языка, комбинируя ономасиологический и семасиологический подходы.

Оценочный тезаурус английского языка является составной частью словарного состава языка и содержит систематизированную информацию о предметных и абстрактных понятиях, имеющих ценностную значимость для языковой личности. Тезаурус, вслед за Ю.Н. Карауловым, рассматривается в двух значениях: как материально существующий словарь и как картина мира. По мнению Ю.Н. Караулова, тезаурус-мир постоянно меняется, однако, фиксируется в виде тезауруса-словаря. Если зафиксировать таким обра-

зом тезаурус в тот самый момент у всех членов данного языкового сообщества, или наоборот, – в разные моменты у одного и того же индивида, то представления не будут идентичными. Несмотря на это, в индивидуальных тезаурусах можно выявить общее ядро, инвариант, обеспечивающий взаимопонимание.

Таким образом, семантическое описание должно быть сформулировано в виде универсальных концептов, представляющих ядро словаря. Под “основным лексическим ядром” понимаются единицы словаря 1) значения которых универсальны (или почти универсальны) в том смысле, что эти значения выражаются во всех или почти во всех языках простыми языковыми формами (т.е. словами или морфемами), 2) которые встречаются (и, очевидно, имеют наибольшую частотность) именно в повседневной речи людей (а не в научном или другим образом специализированном языке) и 3) которые во всех языках наиболее устойчивы к историческим изменениям или заимствованию [Swadesh 1955]. “Основное лексическое ядро” формируется под влиянием когнитивных и коммуникативных факторов.

Определение списка основного лексического ядра оценочного тезауруса, а также границ самого оценочного тезауруса позволяет создать необходимые предпосылки для дальнейшего наблюдения за восстановлением и изменениями, происходящими в этом достаточно многочисленном и коммуникативно значимом слое словарного состава языка, в том числе в сопоставительном аспекте. В связи с этим весьма значимым представляется открытие, сделанное М. Сводешем и заключающееся в том, что основная часть словарного состава (основное лексическое ядро) во всех языках изменяется или обновляется с постоянной скоростью [Swadesh 1955: 300]. Таким образом, выделение и описание составляющих оценочного тезауруса – базовых концептов – позволяет в дальнейшем сопоставить и выявить универсальные и специфические признаки ценностной картины мира носителей разных языков.

Инвариантным ядром и центральным понятием всех классификаций является человек. Центральность человека в любой классификации всегда является фактической. Ее большую значимость отмечали все лингвисты, занимавшиеся проблемой создания иде-

ографических словарей. Семантический объем и дифференцированность этого понятия могут варьироваться от языка к языку и обусловливаются как национальной спецификой носителей того или иного языка, так и социальной структурой общества.

Существуют различные списки понятий, составляющих тезаурус языка и культуры национального сообщества [Степанов 1997].

Вопрос об ограничении материала исследования является одним из проблемных и спорных. Предложенная в работе методика выделения лексических единиц, входящих в состав оценочного тезауруса английского языка, включает несколько этапов. На первом этапе работы был выделен предварительный набор базовых оценочных концептов, которые составили оценочный тезаурус английского языка. В базовую словарную выборку вошли оценочные существительные, прилагательные, глаголы, наречия, полученные методом сплошной выборки из идеографического словаря Longman Lexicon of Contemporary English. Базовая выборка была дополнена с помощью Roget's II Electronic Thesaurus. На втором этапе был использован метод словарных дефиниций, в которых представлено толкование значений компонентов оценочных концептов. Для этого использовался ряд наиболее авторитетных толковых словарей английского языка.

Базовая выборка содержит 5000 оценочных лексических единиц, что составляет примерно 14% от общего количества единиц словаря. Расширение массива оценочной лексики с целью поисков дополнительных оценочных единиц дало еще примерно 2600 единиц. На основании количественного анализа можно утверждать, что ядерная лексика, т.е. именно та, которая содержится в базовых словарях, в большей степени насыщена оценочными коннотациями, чем периферийная. Таким образом, оценочный тезаурус количественно расширился на одну треть. Стоит отметить, что доля стилистически сниженных оценочных единиц в материале выборки ограничена. Включение в массив анализируемого материала стилистически сниженных лексем, характеризующихся оценочной коннотацией, безусловно, увеличило бы количественный состав оценочного тезауруса. Но концентрация стилистически окрашенных единиц значительно больше в специализированных словарях (на-

пример, в словарях разговорной лексики, словарях сленга), идеографические словари содержат лишь наиболее распространенные стилистически маркированные оценочные единицы.

Рассмотрение оценочного тезауруса английского языка как сети образующих его концептов, находящихся в сложных отношениях, а также его количественных и частеречных характеристик позволяет акцентировать внимание на таких его чертах, как системность, иерархичность, иконичность, градуированность, наличие ядра и периферии, концептуальных универсалий. Во фрагменте английской языковой картины мира, связанном с оценкой, четко прослеживаются различные тематические фрагменты. Исследование показывает, что в сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, состоящей примерно из 90 концептов, выделяются ядерные и периферийные концепты.

Анализ материала показал, что ядро концептуальной структуры категории оценки составляют слова с прямым значением, которые ближе к когнитивному прототипу. Как правило, ключевые или ядерные слова концептов кодируются проще, то есть, являются, в основном, структурно непроизводными. Это единицы оптимальной длины, обозначающие наиболее простые и естественные с экстралингвистической точки зрения понятия. Эти наблюдения свидетельствуют о действии механизмов теории естественной морфологии относительно семантических особенностей оценочного тезауруса английского языка. В частеречной структуре оценочного тезауруса английского языка превалируют прилагательные (37% от общего количества) и существительные (36% от общего количества). Наречия и глаголы составляют 15% и 12% соответственно. Оценочный тезаурус английского языка является, в основном, негативно маркированным. В исследуемом материале негативно маркированная лексика составляет 62%, а положительно маркированная – 38%. Язык подробнее и более разнообразными средствами дифференцирует отрицательное, плохое, по сравнению с положительным, хорошим. С точки зрения теории маркированности это обусловлено тем, что человек чаще обращает внимание на “негативные” концепты как семантически более простые, чем на “позитивные”. В семантике оценочного тезауруса английского языка понятие

“семантически простое / сложное” и “семантически исходное / производное” не совпадают. Базовой категорией является категория “плохое, негативное”.

Приведенная [Бєссонова 2003] модель описания семантической структуры базовых оценочных концептов может выступать как один из типов когнитивных схем, обеспечивающих рациональную организацию и сохранение знаний.

Репрезентация оценочных концептов средствами английской и украинской фразеологии

Оценочные фразеологические единицы (ОФЕ) активно участвуют в объективации различных концептов, являющихся частью ценностной картины мира. ОФЕ содержат компоненты значения, отражающие национальные особенности восприятия действительности, что способствует исследованию этнического менталитета носителей определенных естественных языков как совокупности поведенческих и когнитивных стереотипов и выявлению лингвоспецифических характеристик этого менталитета путем анализа его семантических составляющих – концептов. В вербализованных ОФЕ концептах находят отражение общечеловеческие и этнокультурные ценности, определяющие личность человека и природу его поступков. Следует отметить, что сопоставительный подход способствует как выявлению универсальных формально-семантических черт разноязычных фразеологий, так и определению культурно маркированных смыслов и механизмов их вербализации. Безусловно, подобный анализ позволяет интерпретировать национально-культурную специфику образного мировосприятия языкового сообщества.

В контексте задач исследования (см. [Олійник 2008]) концептуальный анализ проводился с использованием процедур семантического анализа имени концепта для установления семантического объема вербализующих его фразеологических единиц, его этимологических характеристик, а также интерпретативного лингвокультурологического анализа понятийной, ценностной и образной составляющих оценочных концептов для определения культурно-маркированных концептуальных характеристик и ценностных доминант языковой личности. В ходе концептуального анализа С.В. Олейник

определил общую фреймовую структуру содержания концепта, а также установил когнитивные механизмы образования семантики оценочных ФЕ и их функционирования в картине мира англоязычного сообщества.

С помощью логико-семантического анализа языкового материала был обнаружен набор семантических параметров (классификаторов), принадлежащих к разным уровням абстракции и включающим также субкатегориальные признаки “лицо”, “предмет”, “животное” и другие. Наиболее частотными классификаторами оказались: *лицо; действие; предмет, объект, место, время, состояние; чувство, отношение, установка; явление; событие; заведение; вещество, материал; животное; растение; число, количество, степень, мера; символ, знак, сообщение, информация*. Такой подход, а также творческое осмысление отдельных принципов классификаций лексических единиц А.А. Уфимцевой [Уфимцева 1986] и М.А. Федотовой [Федотова 2006] послужили основой предложенной С.В. Олейником концептосистемы. В качестве дополнительных параметров также рассматривались все пометы, которыми маркируются ОФЕ и их ЛСВ: стилистические, диалектные, социолектные, терминологические, хронологические.

Применение комплексного когнитивно-лингвокультурологического подхода к изучению структуры и языковой реализации оценочных концептов современных фразеологических систем английского и украинского языков позволило С.В. Олейнику установить и описать принципы семантической организации фразеологических единиц, объективирующих ценностные концепты в этих языках, выявить общие и дифференциальные черты аксиологической концептуализации смыслового пространства и его репрезентации с помощью оценочных субстантивных фразеологизмов.

ОФЕ представляет в языковой картине мира значительный слой единиц, которые вербализируют различные участки концептуальной картины мира. В результате анализа фактического материала С.В. Олейником были выделены концептосферы ЧЕЛОВЕК и ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. В структуре концептосферы ЧЕЛОВЕК определены 5 групп концептов, находящихся в иерархических отношениях и характеризующих человека по различным аспектам,

в частности, по биологическим, социальным, эмоциональным. К отдельным группам отнесены концепты восприятия и смежные концепты, в которых пересекаются указанные выше признаки.

С.В. Олейник делает интересный вывод о том, что количественные различия (2131 ОФЕ в английском и 1812 ОФЕ в украинском языках, что, соответственно, составляет 10% и 23% от ФЕ, зафиксированных во фразеологических словарях) связаны с особенностью структуры изучаемых языков, характером вариативности (в украинском языке преобладает грамматическая вариативность, что проявляется в большем разнообразии структурных моделей, а в английском языке превалирует лексическая вариативность), а также с тем фактом, что зачастую ФЕ выступают единственным номинативным средством, компенсирующим ограниченные номинативные возможности слов и словосочетаний и заполняющим номинативные лакуны.

Как свидетельствует исследование С.В. Олейника, наиболее значимыми во фразеологическом тезаурусе языковой личности, а также англоязычной и русскоязычной ценностных картинах мира являются концепты *ВНЕШНОСТЬ, СПОСОБНОСТИ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОВЕДЕНИЕ, ХАРАКТЕР, ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ* (в обоих языках), *СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПРОФЕССИЯ, РОД ЗАНЯТИЙ, ВРЕМЯ, МЕСТО* (в англ. языке), *КОЛИЧЕСТВО* (в укр. языке). В концептосфере ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА в английском языке наиболее значимыми являются концепты *ПОЛИТИКА* (группа концептов общественного окружения), *ГЕОГРАФИЯ* (группа концептов природного окружения). Концептосфера ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА является периферийной в украинской фразеологической картине мира.

Обращает на себя внимание низкая степень полисемии, что связано со спецификой образа, составляющего основу ФЕ. В ходе анализа автор пришел к выводу, что семантический объем имени концепта в большинстве случаев эже семантического объема концепта. Тот факт, что имя концепта не является ОФЕ, свидетельствует о том, что фразеологический фонд является частью лексического состава языка и тесно взаимодействует с другими средствами создания оценочного значения. Название концепта в общем

виде может отражать содержание всего концепта, эта единица выступает его именем и является архилексемой. Концепт фиксирует неоднородность онтологической сферы посредством системы слотов своей фреймовой структуры. Предложенная концептуальная модель позволяет воссоздать связи и отношения между языком и реальностью, что проявляется во внутренней организации участка ценностной картины мира, вербализованного ОФЕ.

Семантическое описание концептуальных моделей в английском и украинском языках свидетельствует как о сходствах, так и о различиях в оценках представителей соответствующих этнокультурных социумов. Сопоставление семантического объема концептов в исследуемых языках показало, что в языках набора семантический объем может совпадать, быть шире или уже. Семантика практически всех концептов находится в зоне пересечения с другими концептами по ряду признаков, что свидетельствует об иерархическом, "переплетенном" характере ценностной картины мира. Это является универсальной чертой, которая отражается во фразеологической картине мира

Механизм оценочной фразеологической номинации основывается на закономерной связи дескриптивной и оценочной семантики во фразеологии. Эта связь базируется на сходстве семантических преобразований и опирается на такие характеристики ФЕ, как образность и эмотивность. Источником оценочной номинации может служить целостное значение всего прототипа ФЕ, т.е. сочетания слов. Также источником узуальной сигнификативной оценки является оценочная сема в буквальном значении одного из компонентов, которая расширяет оценочное значение на всю ФЕ. Возникновению аксиологического характера у ФЕ способствуют: наличие в структуре ФЕ компонента с параметрической семантикой, слова-символы, в коннотативном значении которых преобладает оценка, причем символы могут основываться как на оценке денотата, так и на возможности символа реализовать потенциальную сему оценки. В основе оценочной номинации может также лежать значение переменного сочетания-прототипа, от которого берет начало ОФЕ, непереосмысленное значение фразеоматизма, подвергающееся переосмыслению, значение исходного

ФЕ-прототипа при третичной номинации, значение заимствования, содержание какого-либо обычая, традиции, поверья, легенды, мифа, сказки, контекст литературного произведения, Библии, значение антропонима или топонима. В определенных случаях оценочная фразеологическая номинация мотивируется каким-либо экстралингвистическим фактором, при этом оценка связана только с контекстом своего возникновения.

Важной чертой фразеологической семантики является общая семантическая асимметрия фразеологической системы в сторону негативных оценочных значений. Это можно объяснить тем, что отрицательные характеристики, являясь отклонением от нормы, более интенсивно воздействуют на эмоции и поэтому воспринимаются острее. Доля негативных оценочных ФЕ в украинском языке выше, чем в английском и составляет 75%. Существуют также отличия в степени маркированности того или иного концепта по знаку оценки. В частности, в украинском языке концепт *ЖИЗНЬ* более позитивно окрашенный, чем в английском языке, а концепт *ВОЗРАСТ*, отличающийся смешанным характером в английском языке, в украинском является, в основном негативным. Оценка является эксплицитной в 96% ОФЕ.

Антропоцентричность, образность, семантическая моделированность и предикативная ориентация фразеологических единиц могут рассматриваться как их универсально-значимые тенденции, определяющие особенности структурно-семантического ядра фразеологической системы. Украинской оценочной фразеологии присуща более высокая по сравнению с английским языком степень проявления антропоцентризма.

Анализ эмпирического материала показал, что культурные компоненты в разных языках не совпадают или проявляют разную фразеологическую производительность, что объясняется важной ролью экстралингвистических факторов в возникновении национальной специфики ОФЕ. В работе С.В. Олейника [Олійник 2008] отмечается, что наиболее продуктивными источниками ФЕ с культурным компонентом в украинском языке являются реалии повседневной жизни и быта, обычаи, верования, фольклор, народно-поэтическое творчество, а в английском языке – различные обществен-

ные реалии, традиции, обычаи, суеверия, легенды, литературные произведения, изречения исторических личностей. Именно в этих ФЕ наиболее заметны национально-специфические моменты отражения и восприятия англичанами и украинцами окружающей действительности. Интернациональными является ОФЕ-библеизми, ОФЕ, связанные с античной мифологией, историей, литературой.

Фразеологическая объективация концептов негативных эмоций

Эмоциональная картина мира как фрагмент национальной картины мира, вербализуемой фразеологическими единицами, остается недостаточно изученной. Отсутствие системных сопоставительных исследований репрезентации негативных эмоций в английской и украинской картинах мира обусловливает необходимость обращения к фразеологическим средствам обозначения эмоций с целью определения универсальных и этноспецифических формально-семантических черт разноязычных фразеологий. Эту лакуну заполняет диссертация Е.В. Трофимовой, которая, исследуя структуру и семантику английских и украинских ФЕ как средств вербализации негативных эмоций в соответствующих национальных языковых картинах мира, делает интересные выводы о содержании и структуре концептов отрицательных эмоций и интерпретирует национальную специфику эмоциональной картины мира разных лингвокультур [Трофімова 2011].

Сложность фразеологической вербализации негативных эмоций обусловила использование комплексной методики исследования. Принимая во внимание тот факт, что эмоции находятся в фокусе интересов психологии, Е.В. Трофимова дополнила результаты исследования информацией из этой области, что позволило глубже изучить сущность понятия эмоций и раскрыть специфику взаимодействия эмоций и языка. Автор инвентаризировала перечень негативных эмоций, вербализованных фразеологическими единицами, взяв за основу классификацию базовых эмоций К. Изарда, в которую входят 6 базовых отрицательных эмоций (*горе, гнев, презрение, отвращение, страх, удивление*), и дополнив ее следующим образом: укр. *агресія, відраза, відчай, ворожість, гнів, горе,*

досада, жаль, жах, журба, заздрість, занепокоєння, злість, зневага, лють, незадоволення, ненависть, неприязнь, нервування, несхвалення, ніяковість, нудьга, образа, обурення, огида, паніка, переляк, пиха, подив, презирство, пригніченість, приниження, провина, розгубленість, роздратованість, розчарування, скаженість, сором, страждання, страх, сум, тривога, туга, хандра, хвилювання, шаленість; англ. *agitation, anger, annoyance, anxiety, bad mood, boredom, contempt, disappointment, dislike, distress, embarrassment, envy, fear, fright, grief, guilt, humiliation, impatience, insult, irritation, jealousy, neglect, nervousness, regret, sadness , scare, shock, sorrow, suffering, sulkiness, surprise, unfriendliness, upset.* Оказалось, что перечень негативных эмоций, которые передаются ФЕ, значительно шире, чем исходный список эмоций. Е.В. Трофимова объясняет это, с одной стороны, различиями между когнитивным знанием о действительности и языковой репрезентацией, воплощающей обыденные представления носителей языка относительно определенного фрагмента действительности, и, с другой стороны, тем фактом, что базовые эмоции – это “примитивы” в сфере эмоций, от которых образуются другие эмоции. Поэтому указанные шесть базовых отрицательных эмоций служат основой для функционирования множества других эмоций или их оттенков. Согласно данным Е.В. Трофимовой [Трофімова 2011], английская концептосфера отрицательных эмоций состоит из 26, а украинская – из 22 концептов.

Хотелось бы прокомментировать методику исследования, предложенную Е.В. Трофимовой. На первом этапе из фразеологических словарей английского и украинского языков методом сплошной выборки с учетом определенных критериев (подробно см. [Трофімова 2011 : 66-68]) был создан корпус эмпирического материала. На втором этапе с помощью метода концептуального анализа были выделены концепты, формирующие концептосферы негативных эмоций в англоязычном и украиноязычном сообществах, описаны особенности их вербализации в сопоставляемых языках. Анализ понятийного слоя выделенных концептов позволил выявить изоморфные и алломорфные черты в восприятии концептов в разных лингвокультурах. Автор доказала, что несмотря на то, что эмоции как явление

универсальны, их проявление и переживание национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой. В процессе фразеологической репрезентации негативных эмоций отражаются особенности общекультурного развития исследуемых этносов, специфика их коллективной психологии, исторической судьбы, культурного пространства в целом. Привлечение метода компонентного анализа имен концептов, а также анализа фразеологических средств реализации концептов отрицательных эмоций позволило выявить общие и отличительные признаки их семантического объема в сознании носителей разноструктурных английского и украинского языков. Также на этом этапе с помощью метода компонентного анализа была исследована семантическая структура ФЕ, в результате чего определен набор архисем в соответствии с выделенными семантическими группами ("негативное эмоциональное состояние", "негативное эмоциональное действие", "негативное эмоциональное отношение", "выражение негативной эмоции") и семантических признаков, которые конкретизируют значение ФЕ. Например, в структуре значения английского ФЕ *avoid smb / smth like the plague* 'избегать кого-то или чего-то как чумы' – *have such a strong fear, or dislike, of smb / smth that one habitually avoids contact with him / it as much as possible* сочетаются архисемы "негативное эмоциональное действие" и дополнительные семы "интенсивность", "длительность". Анализ семантической структуры украинских ФЕ *кидати / кинути в дрож (в холод, в лихоманку, в трясцю і т.ін.)* "вызвать у кого-нибудь состояние нервного возбуждения, чрезмерного волнения, страха и т.д." позволяет установить архисему "негативное эмоциональное состояние", а также дополнительные семы "физиологическое проявление негативной эмоции", "каузация негативной эмоции", "интенсивность". Сложная семантическая структура рассматриваемых ФЕ отражает комплексный, неустойчивый характер эмоциональных переживаний и стремление носителей сопоставляемых языков вербально зафиксировать актуальные аспекты переживания негативных эмоций. Таким образом, семантическая систематизация фразеологических средств, которые вербализируют негативные эмоции в обоих языках исследования, позволила выявить сложную структуру эмоциональных концептов. Изоморфизм

языков набора зафиксирован в наличии четырех универсальных семантических групп, которые называют различные аспекты переживания негативных эмоций: “негативное эмоциональное состояние”, “негативное эмоциональное действие”, “негативное эмоциональное отношение”, “выражение негативной эмоции”. Алломорфизм сопоставляемых языков проявляется в том, что в английском языке фразеологические средства чаще репрезентируют “негативное эмоциональное состояние”, а в украинском языке, по сравнению с английским, – “выражение негативной эмоции”, “негативное эмоциональное действие”. Классификация ФЕ, вербализующих негативные эмоции, учитывает различные параметры взаимодействия языка и эмоций: номинацию ((*feel flat* ‘плохо себя чувствовать, грустить’; *труса празнувати* шуточн. ‘испытывать страх, бояться’), дескрипцию (*strike smb dumb / speechless* ‘ошеломить, лишить дара речи’; *зуби скриплять (скрегочуть)* ‘кто-нибудь очень злой, испытывает гнев, ненависть’) и выражение эмоций (*holy cow!* ‘Боже мой! Батюшки!’; *чортів пеньок* ‘употребляется как ругательство и выражает недовольство кем-либо’). В ходе исследования Е.В. Трофимова установила, что совпадение между языками проявляется в примерно равном соотношении ФЕ дескриптивного типа, которые в обоих языках набора наименее продуктивны (англ. – 12%, укр. – 10%). Этноспецифические различия в кодировании эмоций представителями двух сообществ касаются того, что англичане значительно чаще обращаются к номинации негативных эмоций средствами фразеологии, чем украинцы (англ. – 73%, укр. – 68%), а для украиноязычной личности более характерным, чем для англоязычной, является выражение негативных эмоций (укр. – 22%, англ. – 15%) [Трофімова 2011].

В своем исследовании Е.В. Трофимова еще раз доказала, что фразеология языка предоставляет ценный лингвокультурологический материал, позволяющий установить взаимозависимость между языком и культурой. В частности, проработав эмпирический материал с точки зрения компонентного состава ФЕ, автор обнаружила основные группы компонентов в структуре исследуемых ФЕ, участвующих в кодировании эмоциональной сферы средствами фразеологии, подтвердила универсальную тенденцию продуктивно-

сти соматических компонентов, отражающих один из важнейших кодов культуры – соматический.

На всех этапах анализа для более объективной репрезентации результатов наблюдений, сделанных в ходе исследования, применялись элементы количественного анализа. Это позволило определить основные тенденции в превалировании определенных общих и специфических черт в структуре и семантике ФЕ, обозначающих негативные эмоции в английском и украинском языках.

Концепты в дискурсе

Методики концептуального анализа являются продуктивными в сопоставительных исследованиях различных типов дискурса. Заслуживает внимания актуальное исследование коммуникации в дискурсе антиутопии И.Д. Стояновой [Стоянова 2009]. Как динамическое явление в аспекте его лингвокогнитивных и коммуникативных особенностей дискурс антиутопии определяется автором как речемыслительная деятельность, имеющая два плана выражения: лингвистический и лингвокогнитивный. Лингвистический план выражения дискурса антиутопии отражается в использовании соответствующих языковых средств и проявляется в совокупности порожденных текстов. Лингвокогнитивный план выражения связан с языковым сознанием, что предопределяет выбор языковых средств коммуникации в дискурсе антиутопии. По типу речи дискурс антиутопии представляет собой диалог, в котором доминирует один из собеседников. Диалог происходит по схеме “вождь – народ”, причем вождь может быть и коллективным (например, газета, телеканал, радио). С точки зрения противопоставления общения, ориентированного на индивида или его статусную роль, дискурс антиутопии определяется как институциональный. По характеру коммуникации данный дискурс относится к авторитарному типу, в котором коммуниканты стремятся к покорению, принуждению и демонстрируют доминирование. Коммуникация в антиутопии обусловлена субъектно-объектными отношениями и имеет монологический и односторонний характер, в результате чего игнорируются информационные потребности реципиента [Стоянова 2009].

И.Д. Стоянова детально изучает особенности вербализации концептуального пространства и коммуникативной организации дискурса антиутопии, что позволяет выявить объективированные в английском, украинском и русском языках общие и дифференциальные черты национального мировосприятия лингвосоциумов. Она отмечает, что в основе концептуального пространства рассматриваемого типа дискурса лежит совокупность смысловых отношений, образующих так называемый “мир текста”, который, в свою очередь, состоит из концептов. Концептуальное пространство дискурса антиутопии образуют концепты *ГОСУДАРСТВО, НАРОД, ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИСКУССТВО, СМИ* и эмоциональные концепты *СТРАХ, НЕНАВИСТЬ, СЧАСТЬЕ, ДУША, ТОСКА*. Из этой совокупности концептов выделяются два базовых концепта *ГОСУДАРСТВО, НАРОД*, которые идентифицированы как ключевые, формирующие основу (ядро) данной разновидности дискурса. Выделенные концепты содержат понятийно-ценностный и образно-ценностный компоненты, актуализированные разноуровневыми языковыми средствами в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии. Во всех языках набора в дискурсе антиутопии понятия о государстве и народе осознаются практически одинаково, но периферийная часть пространства концептов *ГОСУДАРСТВО, НАРОД* содержит этноспецифические признаки. Наличие этих признаков обусловлено определенными культурными стереотипами, ассоциациями, эмоциями, историческими факторами, под влиянием которых сформировалось представление о государстве и народе в тоталитарном обществе, что и отражено в каждом из рассматриваемых языков. Семантическое описание концептуального пространства дискурса антиутопии в сопоставляемых языках свидетельствует о разной степени дифференциации семантических признаков, что отражается в характере семантической плотности соответствующих сегментов концептов. Сопоставление семантического пространства базовых концептов в дискурсе антиутопии в исследуемых языках показало, что одним из отличительных признаков является больший семантический объем концепта ***STATE*** по сравнению с концептами *ГОСУДАРСТВО, СТРАНА*, и концепта ***PEOPLE*** по сравне-

нию с концептом *НАРОД* в украинском и русском дискурсе антиутопии, что говорит о значимости, актуальности соответствующих сфер концептуальной картины мира для сознания англоязычного этноса, аксиологической ценности явлений, отображающихся в содержании соответствующих концептов. Своеобразие дискурса антиутопии проявилось также в сфере вербализации базовых концептов, что обусловлено внутриязыковыми факторами, в частности, продуктивностью языковых средств разных уровней.

В контексте задач исследования концептуальный анализ проведен с использованием процедур семантического анализа для определения семантического объема языковых единиц, вербализующих базовые концепты. В сопоставляемых языках проанализированы также дискурсивные реализации разноуровневых единиц, актуализирующих в английском, украинском и русском дискурсе антиутопии совокупность структурированных определенным образом знаний и представлений лингвосоциумов. С целью воссоздания смысловой структуры базовых концептов И.Д. Стоянова предложила фреймовую модель концептов и подробно описала особенности их вербализации в английском, украинском и русском языках. На основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа значения имен концептов, членов их синонимических рядов, их частеречных дериватов в английском, украинском и русском языках был определен набор признаков, формирующих семантическое пространство концептов в каждом языке. В результате контекстуального анализа дискурсивных реализаций семантическое пространство концептов было расширено и описано с помощью различных комбинаций предметного, таксономического, посессивного и акционального фреймов. Например, в структуре концепта *ГОСУДАРСТВО* выделено четыре концептуальных уровня, образованных иерархически подчиненными признаками, что подтверждает сложный характер семантической организации концепта во всех языках анализа. Первый уровень пространства концептов структурируется сегментами, представляющими семантические признаки, зафиксированные на основе анализа имени концепта, второй, третий и четвертый уровни структурируются сегментами, представляющими семантические признаки, зафиксированные на основе дискурсивных реализаций.

Решение поставленных в исследовании И.Д. Стояновой задач способствует не только более детальному познанию структурных, семантических и коммуникативных особенностей дискурса антиутопии в английском, украинском и русском языках. Разработанная модель сопоставительного описания дискурса антиутопии может быть использована в дальнейших исследованиях других типов институционального дискурса.

Выводы

Проанализированные выше фрагменты исследований по реконструкции общеуниверсальных и национально-детерминированных особенностей категоризации и концептуализации мира нельзя считать исчерпывающими. В этих исследованиях не только предлагаются оригинальные пути решения важных научных проблем, но и определяются возможные перспективы научных разработок в области сопоставительной концептологии.

Литература

Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 34 – 36.

Белова А. Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17 – 23.

Белова А. Д. Категоризация и концептуализация знаний в теоретической и прикладной лингвистике // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи / НАН України. Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов; редкол. А. Д. Бєлова (гол. редактор) та ін. – К., 2007. – С. 24 – 34.

Бєлєхова Л. І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект: монографія. – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.

Бєссонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти : дис. … д-ра філол. наук : 10.02.04. – К., 2003. – 463 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.

Борисов О. О. Мовні засоби вираження емоційного концепту *СТРАХ*: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англомовної художньої прози) : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – Донецьк, 2005. – 20 с.

Ваховська О. В. Вербалізація концепту *ГРІХ* в англомовному дискурсі XIV – XXI століть : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2011. – 20 с.

Воробйова О. П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки // Вісник КНЛУ. Серія Філологія. – 2011а. – Т. 14. – № 2. – С. 53 – 63.

Воробйова О. П. Когнітологія як експерієнційний міф: методики концептуального аналізу тексту // Актуальні проблеми філологічної науки та педагогічної практики: Тези III Всеукраїнської науково-практичної конференції / Дніпропетровськ. ДНУ імені Олеся Гончара, 8 – 9 грудня 2011 р. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2011б. – С. 8 – 10.

Гудавичюс А. Структурный и когнитивный аспекты в сопоставительной лексикологии // Мова. Людина. Світ. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 193 – 203.

Давиденко І. В. Лексична репрезентація концепту *ДІМ – HOUSE/ HOME* в англійській мові: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – Харків, 2012. – 20 с.

Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: к вопросу об уровнях концептуальных моделей // Вісник Черкаського університету: Серія “Філологічні науки”. – 1997. – Вип. 3. – С. 3 – 11.

Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: фреймовые сети // Мова. — Одесса, 2004. – № 9. – С. 81 – 92.

Жаботинская С.А. Онтологии для словарей тезаурусов: лингвокогнитивный подход // Філологічні трактати. – Том 1. – № 2. – 2009. – С. 71 – 87.

Змійова І. В. Лінгвокогнітивні характеристики засобів вербалізації концепту *ДОБРО* в англійській мові: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2006. – 20 с.

Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.

Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология : учеб. пособие. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.

Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. Серия “Концептуальные исследования”. – Вып. 15. – М.: ИЯ РАН, 2011. – 896 с.

Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. В.З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 562 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филолог. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 4 – 38.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина “когнитивный” // Вестник ВГУ. Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – 2001. – Вып. 1. – С. 4 – 10.

Левицький А. Е. Перспективні напрями зіставних досліджень у межах когнітивно-дискурсивної парадигми // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. – 2007. – Вип. 23. – Ч.2. – С. 119 – 127.

Левицкий А. Э. СОН и МЕЧТА в восточнославянских и западногерманских языковых картинах мира // Linguistics and Didactics in the 21st century – Trends, Analyses and Prognoses II/Ed. Adriana Pčolinská. – Praha: Kernberg Publishing, 2009 – P. 171 – 185.

Луньова Т. В. Лексикалізований концепт *ГАРМОНІЯ* в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2006. – 22 с.

Ляшик О. Л. Жанрова специфіка композиційно-смислової структури поетичного тексту: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі творів американського поетичного ренесансу) : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2006. – 20 с.

Манакін В. М. Мова і загальна симетрія універсаму // Мовознавство. – 2011. – № 3. – С. 26 – 40.

Мартинюк А. П. Перспективи дослідження концептів у світлі інтегративної теорії мови // Studia Germanica et Romanica. – 2008. – Т. 5. – 2 (14). – С. 20 – 33.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : [учеб. пособие]. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

Нідзельська Ю. М. Ключові концепти єврейської культури в сучасній англійській мові : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – Харків, 2009. – 20 с.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 165 с.

Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М.: Наука, 1990. – 136 с.

Огаркова Г. А. Вербалізація концепту *КОХАННЯ* в сучасній англійській мові: когнітивний та дискурсивний аспекти : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2005. – 20 с.

Олійник С. В. Оцінні фразеологічні одиниці в англійській та українській мовах: лінгвокогнітивний аспект: дис. … канд. філол. наук : 10.02.17. – Донецьк, 2008. – 243 с.

Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономасиологического и когнитивного анализа). – Черкассы: Брама-Украина, 2010. – 452 с.

Пєфтієва О. Ф. Образність як семантичний компонент лексичного значення слова: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі іменників-найменувань особи в англійській та українській мовах): дис. … канд. філол. наук : 10.02.17. – Донецьк, 2011. – 281 с.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.

Поліна Г. В. Мовна об’єктивація концепту *БОГ* в англійському дискурсі XIV – XX століть : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – Харків, 2004. – 20 с.

Полюжин М. М. Концепт *BARGAIN (ТОРГ)* в англійській та українській лінгвокультурах // Проблеми романо-германської філології : Зб. наукових праць. – Ужгород : Ліра, 2009. – С 4 – 11.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Потапенко С. І. Сучасний англомовний медіа-дискурс: лінгвокогнітивний і мотиваційний аспекти: монографія. – Ніжин: Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя, 2009. – 391 с.

Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики : монографія. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

Приходько А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе // Дискурс, концепт, жанр : кол. монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 125 – 139.

Проценко О. О. Імплікативний простір американської поезії XX століття: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2010. – 20 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией акад. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М.: "Азбуковник", 1998. – 804 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2008. – 640 с.

Сальтевська М. Ю. Метафоричне втілення концепту *КРИЗА* у сучасному англомовному газетному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2011. – 20 с.

Сарбаш О. С. Семантика позитивної емотивної лексики: лінгвокогнітивний та лексикографічний аспекти (на матеріалі англійської, української та новогрецької мов): дис. … канд. філол. наук : 10.02.17. – Донецьк, 2008. – 231 с.

Селіванова О. С. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : [підручник]. – Полтава: Довкілля-к, 2008. – 712 с.

Селіванова О. С. Лінгвістична енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.

Селиванова Е. А. Номинация и когниция: новая типология мотивации языковых единиц // Когниция, коммуникация, дискурс. – № 3. – 2011. – С. 64 – 85.

Слухай Н. В. Когнітологія і концептологія у лінгвістичному висвітленні : навч. посібник. – К.: Вид-во КНУ, 2011. – 368 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.

Стоянова І. Д. Дискурс антиутопії (на матеріалі англійської, української та російської мов): дис. … канд. філол. наук : 10.02.17. – Донецьк, 2009. – 257 с.

Трофімова О. В. Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу): дис. … канд. філол. наук : 10.02.17. – Донецьк, 2011. – 245 с.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания. – М.: Наука, 1986. – 239 с.

Федотова М. А. Мовна особистість у чужому лінгвокультурологічному просторі (на матеріалі англомовної прози XX – XXI ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – Одеса, 2006. – 20 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 52 – 92.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. – М.: Издательская группа “Прогресс”, 1999. – С. 303 – 351.

Чорновол-Ткаченко О. О. Вербалізація концепту *ВЛАДА* у сучасному британському газетному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2007. – 20 с.

Шурма С. Г. Поетика образу та символу в американському готичному оповіданні: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі новелістики Е. По, А. Бірса та Г. Лавкрафта): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : 10.02.04. – К., 2008. – 20 с.

Яценко М. О. Актуалізація аксіологічного змісту концептів *МАСКУЛІННІСТЬ* та *ФЕМІНІННІСТЬ* у сучасному англомовному художньому дискурсі : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2008. – 20 с.

Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 240 c.

Fauconnier J. Mental Spaces. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. – 6(2). – 1985. – P. 222 – 253.

Geeraerts D. Methodology in Cognitive Linguistics. In: G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. Ruiz de Mendoza IbàZez (eds.), Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives, 21-50. – Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 2006. – 320 c.

Historical Cognitive Linguistics / Ed. by Winters M.E., Tissari H., Allan K. – Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 2010. – 360 p.

Kühn P. Der Grundwortschatz. Bestimmung und Systematisierung. Reihe Germanistische Linguistik, 17. – Tübingen: Niemeyer, 1979. – 192 p.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 614 p.

Langacker R. Space Grammar, Analysability and the English Passive // Language. – 58. – 1982. – P. 22 – 80.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 303 c.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 2: Descriptive Application. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 222 c.

Swadesh M. Toward Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. – 21. – 1955. – P. 121 – 137.

Taylor J. R. Linguistic Categorization, 3d ed. – New York: Oxford University Press, 2006. – 308 p.

Uberman A. Modelling the English Lexicon in Applied Linguistics. – Rzeszw: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2006. – 226 p.

1.4. КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ СТУДИЙ

Потапенко С. И.

Развитие когнитивной лингвистики на постсоветском пространстве долгое время ограничивалось лишь исследованием концептов [Маслова 2004; Попова, Стернин 2007] с опорой на языковую семантику [Попова, Стернин 2007 : 27]. В эту сферу вложено массу

сил и энергии различных исследователей и даже появились свои гуру, цитируемые при каждом удобном случае. Естественно, что накопление значительных объемов эмпирического материала вызвало необходимость его обобщения для того, чтобы определить направление дальнейшего движения. Ведь с общенаучной точки зрения каждый подход несет в себе будущее отрицание, проявляющееся в формировании новых направлений. Поэтому закономерно, что в последнее время предпринимаются попытки осмыслить лингвоконцептологию как в России [Болдырев 2011 : 23; Воркачев 2011 : 64], так и на Украине [Воробйова 2011 : 53; Загнитко, Краснобаева-Черная 2011 : 85; Приходько 2008], на фоне радикальных предложений очистить понятие когнитивной лингвистики от различных наслоений, к которым относят культурную лингвоконцептологию [Скребцова 2011 : 4].

Начавшая рефлексия не затрагивает фундаментальных вопросов, решение которых имеет определяющую роль для установления места лингвоконцептологии в системе знаний. Они включают дефиницию концепта; способы дифференциации отдельных концептов, заполонивших диссертационные исследования; роль концептов в когнитивно-дискурсивных практиках. Учитывая, что ответ на каждый из указанных вопросов определяет решение последующего, рассмотрим каждый из них в отдельности.

Определение концепта

Распространенные дефиниции концепта образуют две основные группы – наивные и лингвистические.

Наивные, или интуитивные, трактовки компенсируют отсутствие общепринятого научного понимания концепта и скорее дают представление о вкусах исследователя, чем об определяемом. В этом русле концепты соотносят с облаком, снежным комом, капельками ртути, яйцом, в котором желток – базовый, чувственный опыт, а белок – интерпретационное поле [см. Кудрина 2005 : 428-429]. Поскольку основания этих метафор требуют объяснения, приведенные дефиниции мало помогают исследователю при анализе языкового материала, о чем свидетельствует отсутствие данных об их применении в конкретных работах.

Лингвистические исследования концепта подразделяются на системно-языковые и функциональные, соотносящиеся в более широком плане с двумя доминирующими в лингвистике типами мышления. Данная дифференциация заложена в широко цитируемом определении концепта как оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996 : 90].

Приведенная дефиниция трактует концепт в двух ракурсах: как оперативную единицу, т.е. в связи с его функцией в различных видах деятельности, и как единицу хранения знаний, т.е. в аспекте памяти. Именно последняя интерпретация оказалась доминирующей на постсоветском пространстве: концепты исследуются в статике за счет моделирования их внутренней организации с помощью более элементарных когнитивных структур, таких как конкретно-чувственный образ, схема, понятие, сценарий, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий, гештальт [Болдырев 2001 : 43-48]. Концепт либо рассматривается как многослойное явление, состоящее из образного и понятийного компонентов [Болдырев 2001 : 24], либо соотносится с одной из когнитивных структур – чаще всего с фреймом [см., напр., Шваб 2006 : 9]. Он скорее реконструирует знания (часто универсальные), активируемые отдельной номинативной единицей, чем отражает языковые аспекты воплощения концептов, о чем свидетельствует реконструкция концептов АМЕРИКА и РОССИЯ. На материале русского языка установлено, что концепт АМЕРИКА может быть представлен с помощью фреймов АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО, АМЕРИКА – СТРАНА / ТЕРРИТОРИЯ, АМЕРИКА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, АМЕРИКА – ЧЕЛОВЕК, АМЕРИКА – ЖИВОТНОЕ, АМЕРИКА – ПРЕДМЕТ [Антология 2007 : 254]. Сходные фреймовые структуры, определяемые как метафорические модели, выявлены при изучении дискурсивного воплощения концепта РОССИЯ: РОССИЯ – СТРАНА / ТЕРРИТОРИЯ, РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО, РОССИЯ – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ, РОССИЯ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ, РОССИЯ – АРТЕФАКТ, РОССИЯ – РАСТЕНИЕ, РОССИЯ – ЖИВОТНОЕ, РОССИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК [Анто-

логия 2007 : 452-453]. Результаты этих двух исследований убеждают, что представление двух государств средствами русского и английского языков опирается на идентичные фреймы, которые как средства хранения знаний содержат одинаковую информацию, большей частью независимую от используемого языка. Поэтому целесообразно рассматривать концепты РОССИЯ и АМЕРИКА как частное проявление более общей концептуальной структуры, представляющей государство, что свидетельствует об упрощенности постулата современной лингвоконцептологии о прямой и однозначной связи между языковым знаком и концептом. Представляется, что взаимоотношения между языком и ментальными структурами являются более иерархизованными и опосредованными, чем это принято считать.

Более того, приобретающая в последнее время популярность идея о мышлении для говорения (thinking for speaking), связывающая язык лишь с состоянием сознания, непосредственно предшествующим говорению [Sivonen 2010 : 263; Slobin 1991 : 12], дает основания для вывода о том, что существующие методики исследования не столько описывают концепты, хранящиеся в нашей памяти, сколько рассматривают языковое значение, представляя его на более высоком уровне абстракции, чем семантические теории [ср. Кубрякова 2004 : 372]. Поэтому идея о языке как средстве доступа к ментальным ресурсам индивида требует переосмысления в аспекте учета иерархии ментальных ресурсов, которые язык открывает перед нами. Связь когнитивной лингвистики с исследованием языкового мышления подтверждается распространенным в западной когнитивистике определением концептов как ментальных репрезентаций, соотносимых с семантической составляющей языковых выражений [Evans 2004 : 39], т.е. рассматриваемые в непосредственной связи со средствами выражения.

Другая проблема, требующая теоретического осмысления, состоит в направлениях лингвоконцептологических исследований, проявляющих подобие к традиционным лингвистическим подходам – семасиологическому, при выделении концептов на основе анализируемого языкового материала, и ономасиологическому, при рассмотрении средств вербализации ранее выделенных концептов. При этом

лингвистичность концептуальных семасиологических исследований вызывает сомнения, так как в этом случае реконструируются внеязыковые сущности, мало связанные с языком. В рамках существующей на постсоветском пространстве классификации специальностей – в том числе и лингвистической – более приемлем ономасиологический подход, при котором исследуется вербализация концептов, предварительно выделенных другими науками: философией, психологией, социологией, политологией и т.д.

На фоне отсутствия в лингвоконцептологии собственных методик дифференциации концептов удивляет игнорирование представителями этого направления существующих традиций философского обоснования языковедческих проблем. А зря. Ведь именно наука наук использовала этот термин с различными целями задолго до зарождения лингвоконцептологии. С одной стороны, философы привлекают концепты как способ отграничения и классификации исследуемого материала, как средство осмысления места вещей и характеристик мира в мыслях [Buchavarov 1970 : 5], делая это для более ясного, глубокого и адекватного осознания мира. С другой стороны, концепты рассматривались как средство обозначения смысла имени, т.е. того, что служит условием его адекватного восприятия и усвоения [ФЭС 1983 : 618]. Последняя трактовка концепта углубляется в психологии, моделирующей его структуру с опорой на теорию прототипов, рассматривающую концепты как сумму репрезентаций, получаемую в результате обобщения каждого члена категории, и теории наилучшего образца, служащего для дифференциации концептов [Murphy 2002 : 291]. С учетом того, что наилучшие образцы взаимодействуют с прототипической памятью, предлагается объединить эти два подхода [Murphy 2002 : 491].

Данные философии и психологии свидетельствуют о реальности концепта, ибо при дифференциации объектов внеязыковой действительности человек не может обойтись без ментальных структур, содержащих знания о категоризируемых сущностях и соотносимых с тем, что в психолингвистике называют эталонами опыта [Иванова, Шахнарович 1988 : 68]. Другое дело – роль языка в формировании и активации этих концептов-эталонов опыта: существующие описания отдельных концептов [см., напр., Антология 2007]

интуитивно исходят из того, что языковые средства напрямую связаны с концептами-эталонами и видят свою задачу в их описании без учета того, как они активируются языком.

Отсутствие непосредственной связи между словом и концептом, как он понимается в философии и психологии, создает впечатление, что доминирующий на постсоветском пространстве вариант лингвоконцептологии близок к внутрисистемным исследованиям языка, прибегающим к концепту как удобному средству выделения и описания материала по тематическому принципу [Попова, Стернин 2007 : 22]. В этом русле лингвоконцептология может рассматриваться как преемница семантических теорий поля, сдобренных идеями, заимствованными из психологии и когнитивной лингвистики. Ведь в украинской лингвистике до сих пор с концептами конкурируют другие понятия, используемые для вычленения исследуемого материала: тематическая группа [Орендарчук 2010; Просалова 2012 : 4], семантическое поле [Мохосоєва 2012 : 3; Тарасова 2009], лексико-семантическое поле [Загребельна 2012; Шуменко 2012], а также пространство. Привлекательность последнего как средства отграничения анализируемого материала обусловлена его связью с окружающей человека действительностью, а поэтому может использоваться как для дифференциации языковых подсистем, представленных частеречным [Левицкий 2011 : 175], номинативным [Недайнова 2011 : 207], идиоматическим [Фещенко 2011 : 281] пространствами, так и для моделирования дискурса и текста в виде образного [Белехова 2011 : 349] и паремийного пространств [Гулидова 2011 : 382], а также для объединения системных и функциональных характеристик в рамках ориентационного пространства [Потапенко 2011а : 13]. Близок к лингвоконцептологии анализ ключевых слов отдельных культур, направленный на исследование и сопоставление роли отдельных единиц языка, например дружбы и свободы [Вежбицкая 2001 : 63, 211].

Таким образом, можно дифференцировать три направления в понимании концепта: системно-языковое, при отграничении изучаемого материала; лингвокультурное, при рассмотрении концепта как содержания ключевого слова; лингвокогнитивное, при интерпретации концепта как фрагмента сознания или картины мира. Выбран-

ный подход к пониманию концептов – хотя во многих работах и не эксплицированный – определяет специфику их дифференциации и классификации, что представляет еще одну – пока не разрешенную – проблему лингвоконцептологии.

Дифференциация и классификация концептов

У лингвоконцептологии системноязыкового толка, использующей концепты как средства отграничения языкового материала, отсутствуют какие-либо критерии их различения. Ведь ни для кого не секрет, что при выделении концептов диссертанты опираются на свою интуицию. Она подсказывает им называть концепты абстрактными существительными, напр., БЫТ, ВОЛЯ, ДРУЖБА, ДУША, СЕРДЦЕ, УМ, или даже словосочетаниями напр., ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ, УМЕНИЕ ЖИТЬ [Антология концептов 2007], хотя иногда для обозначения концептов используются и конкретные существительные, напр., Олимпиада “Сочи 2014” [Пермякова 2011], ИНОПЛАНЕТЯНИН [Алимурадов 2011 : 43], БАБА [Досимова 2011 : 230] или ПРЕСТУПНИК [Горобець 2007], конкурирующий с концептом ПРЕСТУПЛЕНИЕ [Антология 2007 : 406]. При отсутствии критериев дифференциации концептов трудно сказать, какой из двух последних – ПРЕСТУПЛЕНИЕ или ПРЕСТУПНИК – имеет больше прав на существование. К тому же, соотнесение названий концептов с отдельными существительными и словосочетаниями делает их количество безграничным. Учитывая, что словарный состав английского языка перевалил за миллион, потенциально возможен миллион концептологических работ, а если согласиться, что концепты именуются словосочетаниями, именами собственными и могут исследоваться в сопоставительном аспекте, то количество таких трудов воистину станет безграничным.

В связи с отсутствием лингвистических критериев дифференциации концепта представляется целесообразным испробовать два подхода к их выделению как средств отграничения материала: междисциплинарный, опирающийся на данные других наук, и категоризационный, учитывающий уровни абстракции при концептуализации различных объектов.

Междисциплинарная дифференциация концептов, привлекаемых для анализа, состоит в обращении к другим наукам, имеющим давний опыт работы с концептами: к философии, социологии, политологии. При этом задача лингвиста состоит в установлении средств – и не только лексических, как это часто наблюдается в лингвоконцептологии – вербализации соответствующих концептов. Представляется, что ввиду отсутствия каких-либо методик, лингвистику не должна интересовать проблема выделения концептов, ее главная задача: разработка собственных – языковедческих – процедур анализа. Так, задача лингвиста видится в исследовании средств вербализации таких концептов, выделенных в социологии: “дифференциация”, “социализация”, “идентификация”, “социальное действие”, “интеракция”, “адаптация”, “иммиграция”, “неравенство”, “ценности”, “ожидания” [Щербин 2011 : 32]. Этот подход повысит практическую ценность системно-языковых исследований концептов, так как позволит проводить оценку адекватности употребляемых средств и создавать рекомендации по их более эффективному применению.

Категоризационная дифференциация концептов состоит в учете уровней обощения, предложенных Э.Рош: базового, на котором человек взаимодействует со средой, субординатного, т.е. уровня низшего порядка, и суперординатного, т.е. уровня наивысшего порядка [Rosch 1978 : 31]. Судя по тому, что для отграничения исследуемого материала большинство исследователей привлекают абстрактные единицы, для обеспечения единства классификации концептов их следует именовать единицами суперординатного уровня, ибо при дифференциации концептов на базовом уровне возникают пересечения, о чем свидетельствует неоднозначность концептов ПРЕСТУПНИК и ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Концепты, выделяемые на субординатном уровне (напр., РУССКИЙ ЯЗЫК [Стернин 2005 : 271-282] или ОЛИМПИАДА В СОЧИ 2014 [Пермякова 2011]), имеют много общего с другими объектами соответствующего класса, в нашем случае с другими языками или олимпиадами, что дает основания для их отнесения к ключевым словам, объединенным в рамках более общих концептов ЯЗЫК [Ромашко 1991 : 161] и ОЛИМПИАДА. Представляется, что единицы базового и

субординатного уровня обозначают не столько концепты, сколько являются ключевыми словами отдельных лингвокультур.

Интерпретация концепта как фрагмента сознания предполагает его воссоздание с помощью лингвокогнитивных методик. При опоре на основополагающую идею когнитивной лингвистики о перцептивном происхождении абстрактных структур сознания концепты могут быть подразделены на образные, возникающие под влиянием сенсомоторного опыта, и реактивные (responsive), отражающие состояние организма человека, в частности эмоциональный и темпоральный опыт [Evans 2004 : 258]. Более того, при опоре на сенсомоторный опыт существующее многообразие концептов может быть сведено к отдельным группам структур перцептивного происхождения. Основой их дифференциации могут служить образ-схемы, т.е. элементарные доконцептуальных единицы когнитивной деятельности человека, возникающие под воздействием сенсомоторного опыта и предназначенных для формирования сложных образов сознания [Johnson 1987 : 35]. Одни образ-схемы могут рассматриваться как основа одноименных концептов, таких как РАВНОВЕСИЕ [Багацька 2007; Magnusson 2012 : 172] или ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ [Федорець 2006], другие структурируют более сложные концептуальные структуры или представляют различные эффекты, например скромность [Потапенко 2011б : 102].

Итак, при дифференциации концепта как средства отграничения исследуемого материала наиболее приемлемы данные других наук и опора на различные уровни категоризации. При лингвоконитивной интерпретации концептов как фрагментов сознания учитываем разные источники их формирования. При функциональном подходе указанные методики подкрепляются установлением моделей поведения средств номинации в различных видах дискурса.

Дискурсивное воплощение концептов

Избранное толкование концепта – зачастую на интуитивном уровне – определяет способы исследования его дискурсивного воплощения. При системно-языковом подходе воссоздаются их иерархии в идиолекте писателей, представленные катаконцептами, макроконцептами, мезоконцептами и мегаконцептами [Кагановская

2003 : 10], или в рамках концептуальных пространств [Ніконова 2008]. Однако количество таких работ незначительно, хотя потребность в них чрезвычайно большая в связи с необходимостью обобщения массы диссертаций, посвященных отдельным концептам.

В отличие от доминирующих в настоящее время лингвоконцептологических студий системно-языкового толка, исходящих из постулата о непосредственной связи между знаком и концептом, статус которого зачастую приравнивается к значению, лингвокогнитивные исследования выстраивают иерархии, опирающиеся на концепты как кванты знаний, т.е. мельчайшие единицы сознания, привлекаемые для конструирования сложных ментальных образований и представленных ими смыслов. При этом концепты приравнивают к семантическим примитивам [Вежбицкая 1999 : 140-141], доменам [Langacker 2006 : 34-35; Giaz 2002 : 47], образ-схемам [Johnson 1987].

Приемлемость названных средств для проведения лингвокогнитивного анализа можно установить лишь в ходе рассмотрения отдельных видов дискурса. Наиболее привлекательным в этом отношении – журнальный дискурс, ибо номинативные единицы в составе названий разделов и рубрик активируют определенные фрагменты сознания, ныне трактуемые как концепты.

Анализ названий рубрик англоязычных журналов позволяет дифференцировать три группы языковых единиц и соответствующих фрагментов сознания: локативные, субъектные и содержательные. Локативные фрагменты сознания, обозначенные топонимами, представляют континенты (*Asia*), страны (*China*) и территории (*Kashmir*). Субъектные компоненты именуются антропонимами, дифференцирующими известных людей. Об отсутствии однозначной соотнесенности локативных и субъектных номинативных средств с соответствующими фрагментами сознания свидетельствует использование в журнальных заголовках одних и тех же высказываний для изображения различных стран, что наблюдаем на примере статей о жертвах землетрясения в Пакистане (***Pakistan:*** *Helping Hands* [Newsweek 24.10.2005 : 26]) и Китае (***Asia:*** *Helping Hands* [Time 2.06.2008 : 16]), а также об обретающих свое былое могущество Китае (***China:*** *The Empire Strikes Back* [Newsweek

12.09.2005, 51]) и России (***Russia:*** *The Empire Strikes Back* [Newsweek 30.01.2006, 26-27]). В двух первых заголовках топонимы *Pakistan* и *Asia* обозначают две территории, соотносимые на субординантном уровне категоризации с идиоэтническими фрагментами сознания и подчиняющиеся категории места на суперординатном уровне. Метафорическое обозначение в обоих заголовках помощи словосочетанием *helping hands* свидетельствует об универсальности и независимости этой идеи от культурной специфики.

Рассматриваемые заголовочные комплексы комбинируют фрагменты сознания на двух уровнях: идиоэтническом, или субординатном, представляющем место и участников событий, и универсальном, фиксирующем менее специфические составляющие событий. При развертывании статьи о Пакистане место землетрясения обозначено топонимами *Chakothi* и *Muzaffarabad*, а в тексте о Китае – единицами *Yingxiu* и *Zigong*. Участники событий именуются антропонимами *Chiragh Haider* и *Ayaz Amir* в статье о Пакистане, а онимами *Wu Guanglei* и *Wu Xiangping* в сообщении о Китае. Идиоэтнические – субординантные – концепты объясняются нарицательными существительными, категоризующими фрагменты сознания, связанные с отдельными лингвокультурами, напр., *Muzaffaradbad, the capital of Pakistani-controlled Kashmir.*

Еще более сложные отношения между знаком и обозначаемым наблюдаются в содержательных рубриках, обозначенных абстрактными существительными, напр., *Media*. Во-первых, текстовая вербализация фрагментов сознания, обозначенных отдельными единицами, характеризуется определенным сходством, что свидетельствует об отсутствии однозначного соответствия между языковой единицей и концептом, а о ее соотнесенности с доменами [Langacker 2006 : 32] или концептосферами (концептуальными системами) [Evans 2004 : 6]. Различия между ними состоят в степени абстракции: домены трактуются как репрезентационные пространства или поля с концептуальным потенциалом [Langacker 2006 : 32], а концептосферы рассматриваются как сферы организации и хранения информации, достигающие репрезентационного статуса, т.е. могут быть активированы, смоделированы, использованы для мышления, перенесения между сферами, абстрагирования [Evans 2004 : 6].

Во-вторых, концептосферы-домены дифференцируются по степени удаления от человека. В-третьих, с учетом степени близости к телу индивида различаем семь концептосфер:

• физиологическая, связанная с питанием (*food*) и здоровьем (*health, medicine, abortion*);

• соматическая, реконструирующая физическую угрозу организму от землетрясений (*earthquake*), лавин (*avalanche*), погодных условий (*weather*);

• перцептивная объединяет фрагменты, представляющие произведения искусства (*art*), фотографию (*photography*), моду (*fashion*), спорт (*sport*), кинофильмы (*movies*), театр (*theatre*), телевидение (*television*), музыку (*music*);

• познавательная ориентирована относительно мозга (*mind*) и включает образование (*education*), науку (*science*), окружающую среду (*environment*);

• деятельностная (*business*) охватывает разные виды бизнеса (*trade, retail, market, economy*);

• общественно-политическая распадается на юстицию (*justice, crime, terror*), религию (*religion*) и политику (*politics*);

• международные отношения включают иммиграцию (*immigration*), политику (*policy*), дипломатию (*diplomacy*), разведку (*espionage, intelligence*), оборону (*defence, warfare*) [см. Потапенко 2004 : 161-199].

Рассмотрим специфику вербализации в журнальном дискурсе фрагментов сознания, образующих перцептивную концептосферу и активируемых рубриками искусства (*art*), фотографии (*photography*), моды (*fashion*), спорта (*sport*), кино (*movies*), театра (*theatre*), телевидения (*television*), музыки (*music*). Дискурсивное воплощение каждого из названных фрагментов проявляет целый ряд сходных черт, соотносимых с операцией профилирования [Langacker 2006 : 34-35], т.е. выделения отдельных перспектив перцептивной концептосферы, формирующейся в ходе сенсорного взаимодействия человека со средой и структурируемой образ-схемой ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, представляющей ощущение или получение энергии для осуществления какого-либо действия [Johnson 1987 : 204]. Перцептивный вариант этой образ-схемы

состоит из трех компонентов: источника воздействия, вектора, т.е. направления, и цели. В ходе практической деятельности понимание этих компонентов и их взаимоотношений усложняется.

Различия между фрагментами сознания, образующими перцептивную сферу, в первую очередь обусловлены профилированием каналов восприятия и создаваемой ими специфики восприятия объектов. Влияние на органы слуха определяет выделение концептуального фрагмента музыки; органы зрения формируют концептуальные фрагменты фотографии, моды и спорта. Взаимодействие аудитивного и визуального каналов с условиями восприятия дифференцирует сферы театра, телевидения и кинематографа. Одновременное воздействие на несколько органов чувств проявляется в формировании концептуальных фрагментов развлечения и культуры, дифференцирующих социальную значимость и традиционность обозначаемых отношений.

Специфика журнальной вербализации концептуальных фрагментов, образующих перцептивную сферу, проявляется в том, что из огромного количества характеристик акцентируются лишь те, которые связаны с воздействием на органы восприятия, что обусловлено природой СМИ, продолжающих и усиливающих наше тело, органы ощущения и нервную систему [McLuhan 1997 : 116]. Перцептивная ориентированность медийной вербализации отдельных фрагментов сознания наиболее очевидна при изображении спорта, который, кроме зрелищности, акцентируемой журнальным дискурсом, имеет целый ряд других черт, включающих физические характеристики, развитие технологий, человеческих инстинктов соперничества и развлечения, деньги, политику [Hirt, Steele 2002 : 960], а также моды, ориентированной на визуальную презентацию тела, покрытого одеждой, которую сначала рассматривали как артефакт, предназначенный для защиты от окружающей среды и лишь иногда – как произведение искусства [Бондарчук 2002 : 188].

Наиболее важными компонентами перцептивной концептосферы являются источники воздействия, профилируемые в журнальном дискурсе именами актеров, компаний или созданных ими артефактов – изданий, произведений, их отрывков, содержания, героев и т.д. Так, в заголовке ***Media:*** *No downers in Downtown*

(Newsweek 23.01.2012, 12) обозначены герои фильма (*downers*) и сам сериал (*Downtown*).

Вербализация в журнальных заголовочных комплексах источника воздействия имеет целый ряд наслоений, представляющих его в разных перспективах – панорамной, оценочной и т.д. **Панорамность** источника перцептивного воздействия опирается на отношения ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ. Наиболее масштабные источники воздействия на аудиторию соотносятся с развлечениями (*entertainment*) и культурой *(culture*), о чем свидетельствует включение в заголовки статей названий других рубрик. Так, в заголовках рубрики *Entertainment* находим существительные *movies*, напр., ***Entertainment:*** *The Phantom Movies* (Newsweek 17.05.1999, 60), и *Hollywood*, напр., ***Entertainment:*** *Hollywood Goes Wall Street* (Newsweek 7.08.2000, 64). Номинативные единицы в заголовках рубрики о развлечениях (*Entertainment*) также обозначают современные средства воздействия на аудиторию: ритмы, напр., ***Entertainment:*** *The Beat Goes On* (Newsweek 22.05.2000, 94), или названия развлекательных программ, напр., ***Entertainment:*** *New Fire From the 'Ashes'* (Newsweek 8.03.1999, 60). В заголовки рубрики *Culture* выносится существительное *art*, напр., ***Culture:*** *Art for Autumn* (Newsweek 7.09.1998, 40), а подзаголовок идентифицирует представителей разных направлений искусства, т.е. подает эту сферу в панорамной перспективе – *Fall Preview: Mozart and Morissette, Oprah and Travolta, Stephen King, Alice Walker – even Elton John's "Aida". Happy Harvest.* Заголовки этой рубрики обозначают традиционные источники и средства воздействия на людей, например язык, ***Culture:*** *At a Loss for Words* (Newsweek 30.08.1999, 50). Приведенный заголовок отражает неспособность молодых японцев пользоваться словами, т.е. оценивает их культурный уровень, а подзаголовок повествует о трудностях использования родного языка: *More and more young Japanese have trouble expressing themselves in their native language*.

Именование в журнальном заголовке источника воздействия антропонимами, определенными фразами, нарицательными существительными, местоимениями профилирует различия в статусе источника воздействия, отсылая к СТАТУСНОЙ ВЕРТИКАЛИ, что определяет структуру заголовочных комплексов.

Имена собственные локализуют людей искусства как источник воздействия на вершине СТАТУСНОЙ ВЕРТИКАЛИ, напр., ***Movies:*** *Austin Powers is Back on Top* (Newsweek 21.06.1999, 100). В таких случаях подзаголовки идентифицируют результаты их деятельности – песни, диски, выступления. Так, именование эстрадной группы в заголовке ***Music:*** *Can Oasis Do It Again?* (Newsweek 6.03.2000, 58) предполагает обозначение ее альбома в подзаголовке *Only if their new sales beat the reviews*.

Нарицательные существительные, местоимения или же нулевые средства идентификации характеризуют в заголовках источник воздействия, обозначенный именем собственным в подзаголовке, таким образом понижая его статус. Словосочетания с нарицательными существительными называют в заголовках специфические черты исполнителей, напр., ***Film:*** *Hollywood's new tough girl* (Newsweek 23.01.2012, 57), и спортсменов, напр., ***Sports:*** *The Tiger Tamer* (Newsweek 22.02.1999, 56), а имена собственные обозначают их в подзаголовках: *With more wins than words and a remarkable record 59, David Duval rules*.

Сходную структуру имеют заголовочные комплексы с местоимением в названии текста, напр., ***Music:*** *Scenes From His Life* (Newsweek 30.08.1999, 51). В приведенном примере притяжательное местоимение *his* идентифицирует музыканта, обозначенного именем собственным в подзаголовке *A talent like African bassist Richard Bowe comes along once every decade*. Низкий статус героев статей отражается именами собственными не только в подзаголовках, но и в интродуктивных блоках статей. Так, заголовок ***Music:*** *Giving Voice to the Dark* (Newsweek 7.08.2000, 59) характеризует исполнителя, подзаголовок называет группу, в которой он участвует (*Forget Cantopop: A gritty rap band strikes a nerve*), а имя собственное как индивидуализирующий знак находим лишь в начале интродуктивного блока статьи: *Hong Kong hip-hop artist MC Yan knows how to make an impression.*

Обозначение в заголовке источника воздействия нарицательными существительными во множественном числе активирует отношения ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ. Соответственно, название команды *the Bulls* из заголовка ***Sports:*** *Good-bye – to the Bulls* (Newsweek

29.06.1998, 47) коррелирует со средствами идентификации тренера (*the coach*) и ведущего игрока (*Michael*) в подзаголовке *The coach of the 90's tells why he's walking away and why he thinks Michael will quit, too*. Отношение ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ также определяет структуру заголовочных комплексов о представлениях и их участниках. Так, в заголовке ***Movies:*** *An Epic for All Seasons* (Newsweek 1.05.2000, 72) неопределенная форма *an epic* обозначает произведение, соотносимое с ЦЕЛЫМ, а подзаголовок именует исполнителя главной роли: *Actor Russell Crowe leads the charge in 'Gladiator' and flashes the bullish, powerful charm that has him unconquerable*.

Профилирование источника воздействия, представленного исполнителями, осуществляется с помощью омонимов, активирующих ВОЗРАСТНУЮ ШКАЛУ (*young*) или отражающих степень привлекательности (*diamond*), напр., ***Music:*** *Diamond in the Rough* (Newsweek 8.08.2005, 52). Употребление в заголовке фразеологизма, обозначающего лиц с хорошими качествами [Hornby 2000 : 1114], определяет восприятие лексемы *diamond* как имени нарицательного. Вместе с тем, подзаголовок дает основания для его интерпретации как имени собственного: *At 64, Neil Diamond is a comeback kid, with a hot-ticket summer tour and a stripped-down new album*.

Характеристика источника воздействия осуществляется с помощью оценочных и эмотивных единиц, имплицирующих реакцию субъекта, соотносимого с целью воздействия. Оценка отражена лексемами с градуальным значением, напр., ***Art:*** *Degrees of Difficulty (*Newsweek 24.10.1994, 54), или предлогами, локализующими различные явления относительно ВЕРТИКАЛИ, напр., ***Theater:*** *Mind Over Matter* (Newsweek 3.04.1995, 52). Выбор единиц зачастую отражает специфику описываемой сферы, что наблюдаем в следующем заголовке о качества материала, напр., ***Fashion:*** *As Strong as Sheer Silk* (Newsweek 23.11.1998, 62), или привлекают оценочные единицы общей семантики, что отражено в заголовках о новом стиле, напр., ***Fashion:*** *Absolutely Not Fabulous* (Newsweek 3.04.1995, 47), и о русской моде в Нью-Йорке – ***Fashion:*** *Taking Out the Trash* (Newsweek 1.02.1999, 70).

Разная степень эмоционального воздействия источника профилируется эмотивными единицами, обозначающими страх, напр., ***Movies:*** *Fear Factor* (Newsweek 4.07.2005, 56), в отдельных случаях выдвигаемыми в названия рубрик для интенсификации чувств читателей, напр., ***Shock:*** *A Documentary – Or a 'Snuff' Film?* (Newsweek 3.07.1995, 17). Интенсификация воздействия обеспечивается повторением существительного *shock*, употребленного в приведенном заголовке, в начале текста: *Shock is a crusader's sharpest tool*.

Взаимоотношения между различными источниками воздействия отражаются с помощью образ-схемы УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, например представляющей взаимоотношение между ролями и их исполнителями или творцами. Так, заголовок ***Theater:*** *Brutus on Broadway* (Newsweek 2.05.2005, 61) взаимодействует с подзаголовком *Et tu, Denzel? Washington shakes up Shakespeare*, в котором антропонимы *Denzel* и *Washington* обозначают имя и фамилию исполнителя роли Брута в трагедии "Юлий Цезарь".

Цель перцептивного воздействия, соотносимая с целью ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, профилируемой в заголовках названиями наций, напр., ***Television:*** *Israel Looks Back* (Newsweek 30.03.1998, 53), а также обозначением действий аудитории, напр., ***Movies:*** *Witnessing the Inferno* (Newsweek 28.09.1998, 46), или особенностей визуальных процессов, напр., ***Photography:*** *Double Vision* (Newsweek 28.09.1998, 48). Соответственно, в подзаголовках к каждому из приведенных выше заголовков обозначены соотносимые с источником воздействия серия программ (*a historical series*), фильм (*Private Ryan*) и чета фотографов (*Helmut Newton and his photographer wife*).

Канал воздействия профилируется в заголовках рубрик о кинематографе и телевидении с обозначением источника воздействия в заголовке или подзаголовке. Условия непосредственного восприятия отражены в названиях статей пространственными дейктиками, напр., ***Music:*** *Here, There and Everywhere* (Newsweek 5.12.1994, 49), а термины указывают на ближнюю перспективу, напр., ***Movies:*** *Close-Up on Will* (Newsweek 22.02.1999, 48), технические средства создания изображений, напр., ***Television:*** *Candid Cameras*

(Newsweek 25.01.1999, 56), или мх распространения, напр., ***Television:*** *Changing Channels* (Newsweek 7.06.1999, 64). В подзаголовке к последнему из приведенных названий дополнения *programs* и *shows* обозначают источник воздействия на аудиторию, доступный благодаря современным каналам коммуникации: *For decades, Americans sold TV programs and Europeans bought them. Now Europe's making its own shows – and audiences are thrilled.*

Место воздействия профилируется названиями музеев, напр., ***Art:*** *Tate at the Top* (Newsweek 8.05.2000, 60), выставок, напр., ***Art:*** *Millennial Biennial* (Newsweek 10.05.1999, 64), и кинофестивалей, напр., ***Movies:*** *The Spectacle of Cannes* (Newsweek 22.05.2000, 64). В подзаголовке к последнему из приведенных названий номинативные единицы соотносят кинофестиваль в Каннах с верхними отметками шкал размера (*biggest*), количества (*richest*), оценки (*most varied*): *It's the festival everyone loves to loathe. But this year's is the biggest, richest and most varied ever*. Подобным образом при выдвижении названия фестиваля в рубрику, напр., ***Cannes:*** *The Death-Camp Game* (Newsweek 1.06.1998, 59), подзаголовок оценивает отдельный фильм антонимией единиц *tasteless* "безвкусный" и *masterpiece* "шедевр", активирующих нижнюю и верхнюю отметки ВЕРТИКАЛИ: *A tasteless joke or a tragicomic masterpiece? The Holocaust through the eyes of a clown*.

Комплексное профилирование наблюдается при синтезе перцептивных (*media, Hollywood, fashion*) и локативных фрагментов сознания.

В *локативных* разделах границы воздействия источника определены названиями государств и континентов, напр., ***Media:*** *El Tigre and His Mexico* (Newsweek 6.03.2000, 22), или описывают функционирование средств воздействия, чем обусловлено обозначение в заголовках движения, напр., ***Media:*** *Stirring the Fishbowl* (Newsweek 9.03.1998, 33), и в подзаголовках силы: *A power couple fights back against the press*. Перцептивные источники воздействия включаются в локативные рубрики при их стационарном размещении. Так, заголовок ***Art:*** *One Leonardo, to Stay* (Newsweek 7.06.1999, 31) находится в разделе *Europe*, ибо в статье речь идет о фреске европейского города, которую, в отличие от картин, нельзя транспортировать.

Включение рубрик, апеллирующих к перцептивной сфере, в раздел *Business* обусловливает профилирование в заголовочных комплексах компаний-производителей средств воздействия на людей, напр., ***Entertainment:*** *Just Call Him Grosser Vogel* (Newsweek 6.03.2000, 46), а также силовых отношений. В заголовках рубрики *Fashion* из раздела *Business* предикаты силовой семантики обозначают разные виды взаимодействия производителей одежды, напр., ***Fashion:*** *You Can't Touch This* (Newsweek 15.03.1999, 22). Употребление в приведенням заголовке дейктиков *you* и *this* обусловливает необходимость их толкования в подзаголовке. В его составе дополнение, выраженное именем собственным *Gucci*, объясняет указательное местоимение заголовка, а предикаты *covets* и *keep your hands* обозначают ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ между разными компаниями: *LYMH covets Gucci as part of its broader plan for U.S. expansion. Keep your hands to yourself, reply the guys who run fashion's hottest house.* О синтезе концептуальных сфер развлечения и бизнеса свидетельствует наличие отдельной рубрики *Showbiz*, обозначающей шоубизнес. При этом в заголовке единица *wrestling* со значением борьбы акцентирует силовые отношения – ***Showbiz:*** *Wrestling for Dollars* (Newsweek 16.08.1999, 31).

Специфика представления в журнальном дискурсе Голливуда обусловлена тем, что он одновременно обозначает часть города, где создаются фильмы, и киноиндустрию в целом [Longman 2003 : 777]: локативный компонент очерчивает пределы активности, а деятельностный – устанавливает отношения между производителями продукции и аудиторией: режиссерами, продюсерами и т.д. Поэтому в заголовочных комплексах номинативные единицы обозначают суды, аресты, соотносимые с ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ и ПРЕПЯТСТВИЕМ. Их источник и цель представлены отдельными лицами в разделе *Society and the Arts* и компаниями в секции о деловых отношениях. Характеристика Голливуда в разделе об общественных отношениях осуществляется существительным *scandal*, напр., ***Hollywood:*** *A Drive-By Scandal* (Newsweek 10.07.1995, 51), которое в подзаголовке соотносится со сказуемым *gets arrested*, акцентирующим препятствие, весьма далекое от сферы искусств: *Hugh Grant gets arrested for 'lewd*

conduct' – and it may actually help his career. That's showbiz. Отсылая к Голливуду в названии рубрики, единицы в разделе о бизнесе профилируют ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ и ПРЕПЯТСТВИЕ в заголовке или подзаголовке. При их идентификации в заголовке, напр., ***Hollywood:*** *Katz Bites the Mouse* (Newsweek 17.05.1999, 58), подзаголовок уточняет характер ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, сообщая о судебных разбирательствах – *A high-profile trial embarrasses Disney*. При обозначении ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ в подзаголовке (*It's Michael Ovitz, the sequel. Last week he actually nabbed a client – from the former agency*), заголовок характеризует лицо, соотносимое с источником или целью – ***Hollywood:*** *Old Dog, Old Tricks* (Newsweek 8.02.1999, 44).

Отношения, задаваемые перцептивным вариантом образ-схемы ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, структурируют не только заголовочные комплексы, но и статьи, организованные тактиками акцентирования, идентификации и корреляции, выбор которых определяется степенью знакомства аудитории с представителями искусства и их произведениями. Тактика акцентирования состоит в обозначении источника воздействия, представленного деятелями искусств, в инициальных предложениях всех абзацев, а тактика идентификации источника воздействия имеет два варианта воплощения: от изображения источника – к результатам его деятельности или в противоположном направлении.

Тактика акцентирования источника деятельности проявляется в обозначении в инициальных предложениях абзацев выдающихся людей, перед именами которых могут употребляться обстоятельства или определения, характеризующие индивида в разных ракурсах, напр., *Mozart has overtaken Beethoven – In our minds, Mozart has become the archetypal genius – Mozart was an astonishingly productive composer – Mozart was a piano virtuoso at 6 – Mozart was also in the right place – Even in maturity, Mozart often struggled for musical breakthrough – In his prime Mozart was no starving recluse* (Newsweek 30.01.2006, 26). В приведенном примере обстоятельство *in our minds* отражает восприятие Моцарта аудиторией, а темпоральные обстоятельства *even in maturity* и *in his prime* указывают на периоды его славы.

Тактика идентификации источника воздействия и результатов его активности обусловливает выдвижение в инициальные предложения абзацев первого основного блока имен деятелей искусств, а второго – результатов их деятельности, предназначенных для воздействия на аудиторию – фильмов, напр., *Johnny Depp – The Real Johnny Depp – "Pirates of the Caribbean: Dead Man's Chest"* (Newsweek 19.06.2006, 48), песенных альбомов, напр., *Ice Cube – Cube's new album* (Newsweek 17.07.2006, 67-68), выставок, напр., *Photographer William Klein – A few days before the show opened last month, Klein gave NEWSWEEK a personal tour* (Newsweek 9.01.2006, 46).

Согласно тактике идентификации результатов деятельности и их источников вначале профилируются произведения, а затем – их создатели, напр., *"Lost"* (телесериал) – *Some actors – O'Quinn* (Newsweek 22.05.2006, 60), дифференцируются направления искусства с последующим именованием полотен, напр., *The Enlightenment – Gothic sensibilities – The new focus on Gothic – The Tate shows – The Gothic – The appeal of Gothic – The potent mix of tensions animates Gothic art* (Newsweek 20.02.2006, 56-57), обозначаются темы с последующим именованием произведений, напр., *Movie marketers – the high church of horror – horror gets hold in Hollywood – "Saw 2" – "Hostel"* (Newsweek 3.04.2006, 48). Соотносимая с целью чувственного воздействия аудитория идентифицируется в интродуктивных блоках лишь отдельных статей, напр., *Judging by sales and airplay, lots of rap listeners still aren't tired of songs celebrating grills* (Newsweek 19.06.2006, 67), или в комментариях, напр., *Neither did most Americans. Box office was down 6.2. percent for 2005* (Newsweek 13.02.2006, 58).

Реляционные тактики предполагают использование номинативно-референциальных единиц для объединения абзацев с целью детального анализа источника, представленного деятелями искусств, что демонстрирует статья под заголовком ***Movies:*** *Talent is Optional* (Newsweek 5.06.2006, 61). Ее интродуктивный блок структурирован тактикой последовательного профилирования актера и его исполнения: (1) *Daniel Wu has already proven he's an actor of remarkable presence and versatility;* (2) *The film's warm*

reception proves Chinese audiences are ready to do so, even if it means turning a critical eye on themselves; (3) *With "King", Wu takes his film career in a whole new direction*; (4) *For now, Wu has no ambitions beyond the Asian market*; (5) *Wu's turn behind the camera has greatly impressed many in the local entertainment business*.

В приведенном отрывке тактика идентификации источника воздействия обуславливает обозначение актера (*Daniel Wu*) в первом абзаце и фильма ("*King*") с его участием в третьем абзаце, а тактика идентификации цели – именование аудитории (*Chinese audiences*) во втором абзаце. Реляционная тактика реализуется вначале второго абзаца определенной фразой *the film's warm reception*, отсылающей читателя к предыдущему абзацу. Дополнительное применение тактики обобщения отражает влияние актера за пределами национального рынка, на что в четвертом и пятом абзацах соответственно указывают обстоятельства *beyond the Asian market* и *in the local entertainment business*.

Выводы

Итак, понятие концепта используется для обозначения трех сущностей: отграничивает исследуемый языковой материал, проявляя подобие семантическим теориям поля; представляет реальность, стоящую за ключевыми словами, т.е. единицами, важными и показательными для отдельно взятой культуры; вычленяет фрагменты сознания, соотносимые со значением. Интерпретации концепта как средства отграничения исследуемого материала находятся в русле системно-языковых исследований, выполняемых в ономасиологическом или семасиологическом ключе. При системно-языковом подходе предпочтительны ономасиологические исследования, изучающие вербализацию концептов, выделенных в других науках, что способствует выработке рекомендаций относительно различных подъязыков, позволяя преодолеть проблему отсутствия собственно лингвистических методов дифференциации концептов. Семасиологические исследования не столько заняты реконструкцией языковых фрагментов, сколько описывают сумму знаний, стоящую за отдельным знаком, что ставит под

вопрос их лингвистичность. Понимание концепта как ключевого слова, равно как соотнесение ключевого слова с концептом, представляет сумму знаний носителя отдельного языка и представляется полезным для сопоставительных исследований. Когнитивно-дискурсивное исследование концептов при их интерпретации как фрагментов сознания предполагает замену однозначного соответствия между знаком и концептом изучением процессов профилирования составляющих концептосфер-доменов, образующих иерархию по степени удаления от тела индивида.

Литература

Алимурадов О. А. Этапность формирования и языковой реализации концептуальных структур // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. – М.: Флинта, 2011. – С. 35 – 47.

Антология концептов / Под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.

Багацька О. В. Концепт РІВНОВАГА в сучасних американських оповіданнях: лексико-граматичний та наративний аспекти: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2007. – 19 с.

Белехова Л. И. Образное пространство американской поэзии // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 349 – 382.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 23 – 32.

Бондарчук Г. Г. Именования одежды и их семиотические функции // С любовью к языку: Сб. науч. тр., посвящ. Е. С. Кубряковой. – М.; Воронеж: Институт языкознания РАН, Воронежск. гос. ун-т, 2002. – С. 188 – 196.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, №5. – С. 64 – 74.

Воробйова О. П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2011. – Т. 14, №2. – С. 53 – 64.

Горобець І. С. Мовні засоби відтворення концепту ЗЛОЧИНЕЦЬ у сучасній американській художній прозі та газетній публіцистиці: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2007. – 20 с.

Гулидова И. С. Паремийное пространство американской поэзии // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 382 – 406.

Досимова М. С. Макроконцептуальная структура концепта БАБА в русском языковом сознании // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. – М.: Флинта, 2011. – С. 230 – 238.

Загнитко А. А., Краснобаева-Черная Ж. В. Классификационные параметры современных толкований концептов: эпистемологически-парадигмальная типология концептов // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. – М.: Флинта, 2011. – С. 85 – 90.

Загребельна Н. В. Лексико-семантичне поле „водний транспортний засіб” як фрагмент англомовної наївної та професійної картини світу: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Одеса, 2012. – 20 с.

Иванова Г. В., Шахнарович А. М. Представление знаний и понимание текста // Высказывание и текст. – М.: Ин-т языкознания, 1988. – С. 67 – 71.

Кагановская Е. М. Текстовые концепты художественной прозы: когнитивная и коммуникативная динамика (на материале французской романистики середины XX столетия): Автореф. дисс. … д-ра филол. наук. – К., 2003. – 34 с.

Кубрякова Е. С. Концепты // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – С. 90 – 92.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кудрина Н. А. Когнитивная лингвистика: особенности формирования пространства прецедентности // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 413 – 433.

Левицкий А. Э. Частеречное пространство языка // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 175 – 206.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Мохосоєва М. М. Густативна лексика в англійській, німецькій та українській мовах: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2012. – 21 с.

Недайнова И. В. Номинативное пространство “игровой вид спорта” (на материале английского языка) // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 207 – 246.

Ніконова В. Г. Концептуальний простір трагічного в п’єсах Шекспіра: поетико-когнітивний аналіз: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук. – К., 2008. – 32 с.

Орендарчук О. Л. Валентністні відношення дієслів тематичної групи чуттєвої сфери в контрастивному аспекті (на матеріалі англійської та української мов): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2010. – 18 с.

Пермякова Н. И. Формирование концепта “ОЛИМПИАДА „СОЧИ-2014”” в региональном дискурсивном пространстве: лингвориторический подход: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Нальчик, 2011. – 22 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Потапенко С. І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

Потапенко С. И. Вербализация действительности в ракурсе ориентационного пространства // Язык и пространство: проблемы

онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011а. – С. 13 – 57.

Потапенко С. І. Вербальні ефекти публічного виступу: когнітивно-риторичний ракурс (на матеріалі інавгураційних звернень Барака Обами та Віктора Януковича) // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. – 2011б. – Т. 14, №1. – С. 102 – 108.

Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

Просалова Я. В. Найменування житлових і сільськогосподарських будівель у різноструктурних мовах: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2012. – 22 с.

Ромашко С. А. „Язык": структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 161 – 163.

Семенчук А. Б. Інноваційні засоби об'єктивації концепту ТЕРОРИЗМ (на матеріалі англійської мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Херсон, 2012. – 20 с.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

Стернин И. А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 2005. – С. 257 – 282.

Тарасова В. В. Семантичне поле „засоби пересування" в сучасних англійській, німецькій, російській та українській мовах: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2009. – 18 с.

Федорець О. Ф. Перспектива втілення концепту ПРОТИДІЯ в англомовних журнальних статтях // Вісник Житомирського державного університету. – 2006.

Фещенко Ю. И. Идиоматическое пространство "homo socialis" (на материале английского языка) // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. – Нежин: Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – С. 281 – 314.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Шваб Т. О. Еволюція концепту ГЕРОЇЗМ в англійській мові (на матеріалі текстів давньоанглійського, середньоанглійського та ранньоновоанглійського періодів): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2006. – 18 с.

Шуменко О. А. Денумеральні утворення у сучасних англомовних художніх текстах: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2012. – 20 с.

Щербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. – Минск, 2011. – № 2. – С. 18 – 42.

Bucharov P. Concept of Knowledge. – Evanston: Northwestern University Press, 1970. – 296 p.

Evans V. The Strucure of Time. – Amsterdam: John Benjamins, 2004. – 286 p.

Głaz A. The Dynamics of Meaning: Explorations in the Conceptual Domain of Earth. – Lublin: Maria Curie-Słodowska University Press, 2002. – 209 p.

Hirt E. R., Steele N. L. Sports and media effects // Encyclopedia of Communication and Information. – N.Y., etc.: Macmillan Reference Group, 2002. – P. 958 – 965.

Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: 6th ed. / Edited by S. Wehmeier. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 1537 p.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1987. – 233 p.

Langacker R. W. Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics: Basic Readings. – B.; N.Y.: Mouton de Gryuter, 2006. – P. 29 – 68.

Longman Dictionary of Contemporary English: New Edition. – Harlow: Longman, 2003. – 1950 p.

Magnusson U. Balance Dynamics as Complex Force Dynamics // What's in a Text? Inquiries into Textual Cornucopia. – Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 164 – 204.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1997. – 365 p.

Murphy G. L. The Big Book of Concepts. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 563 p.

Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1978. – P. 27 – 48.

Sivonen J. Lexicalizing indirect path: Focus on Finnish motion verbs // Cognitive Linguistics in Action: From Theory to Application and Back. – B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 2010. – P. 241 – 272.

Slobin D. I. Learning to think for speaking: Native language, cognition, and rhetorical style // Pragmatics. – 1991. – Vol. 1, N1. – P. 7 – 26.

1.5. ТАКСОНОМИЯ КОНЦЕПТОВ

Приходько А. Н.

Существующие в лингвистической литературе таксономии концептов в значительной мере ориентированы на языковые способы их репрезентации. Например, выделяются предметные, сценарные и качественные, антропомерные и конкретные концепты на основании частеречного критерия.

Наиболее распространенными подходами к упорядочению концептов являются следующие: тематико-идеографический (напр., эмоциональные [Красавский 2001] и др.); дискурсивно-текстовый (напр., концепты педагогического, религиозного, политического дискурсов / текстов [Слышкин 2000]); валоративно-аксиологический: ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (напр., семейные), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные), этнические и общечеловеческие, а также цивилизационные (напр., ценности современного индустриального общества, ценности средневекового христианства) [Карасик 2010].

Особую проблему представляют концепты, ререзентиремые абстрактными именами. Парадокс заключается в том, что, постигая умом, человек затрудняется вербально эксплицировать их значение. Делая попытку разграничения абстрактных и конкретных концептов, А.П. Бабушкин пишет, что предметы материального мира реализуются в когнитивных структурах, являющихся в большей мере

коллективными, тогда как концепты абстрактных имен более субъективны [Бабушкин 1996 : 39]. Подобным образом размышляет и А. Вежбицкая, когда говорит, что слова типа *вкус*, *запах*, *зрение*, *слух* должны толковаться через слова *язык*, *нос*, *глаза*, *уши* [Вежбицкая 2001 : 259].

Однако антиномия “конкретное – абстрактное” не является решающей в деле типологизации концептов, поскольку последняя является по своей сути феноменом более глобального масштаба, что кроется в таксономической упорядоченности концептов. Оперирование понятием “таксономия” необходимо для системного осознания лингвокультурных ценностей. Лингвофилософское понимание феномена “таксономия” предусматривает различение, по меньшей мере, двух ее сторон – типологии и классификации. Если первая выделяет сущностные свойства схожих явлений или объектов, относит их к какому-то типу или категории (по фамильной схожести, согласно Л. Виттгенштейну), то вторая объединяет их в один класс. Типологизация имеет дело с типами определенных лингвистических объектов, а классификация – с классами и подклассами. Этот момент и обусловливает необходимость осмысления существующих взглядов на проблему системно-типологического устройства концептокорпуса языка.

Типы концептов

Так или иначе, вопрос о типах концептов является важным и необходимым для системного понимания концептуального устройства той или иной лингвокультуры. Как и любой другой языковой феномен, концепт можно осмыслить в терминах прагмасемантики, что допускает его интерпретацию как холистической единицы в единстве формальных, когнитивно-семантических, коммуникативно-прагматических и аксиологических свойств. Этот подход позволяет рассмотрение концептокорпуса в рамках таких бинарных оппозиций, как “параметричность” – “непараметричность”, “универсальность” – “специфичность”, “регулятивность” – “нерегулятивность”, “позитивность” – “негативность” (рис. 1).

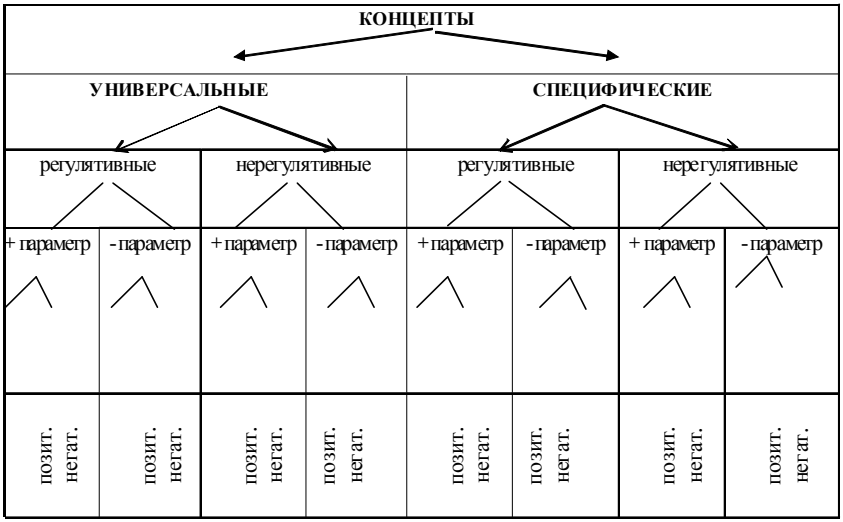


Рис. 1. ***Общая типология концептов***

Таксономизация концептов под **структурно-семантическим** углом зрения предполагает их противопоставление как параметрических и непараметрических ментальных образований [Карасик 2005 : 74], т.е. их (со)измеримости в каких-либо мерных величинах. К ***параметрическим*** относятся концепты, ассоциирующиеся в лингвокультурном сознании с определенными количественными и/или качественными показателями, т.е. метрические величины: размер (*ВЕЛИКАН, ЦАРЬ КОЛОКОЛ*), качество (*МОЛОДЕЦ, КРАСАВИЦА, МАЧО*), объем (*БОГАТСТВО, БЕДНОСТЬ*), функция (*ЗАКУСКА*), статус (*НАЧАЛЬНИК*) и пр. Речь может идти также и о заранее просчитываемых (ожидаемых, прогнозируемых) сущностях. Так, *СВАДЬБА* и *ГОСТЕПРИИМСТВО* связаны с представлениями об обрядовых традициях, *БРАТ* – о кровных узах, ХРАМ – об отправлении религиозных обрядов, *ДОМ, ВИЛЛА, ЮРТА*, – о способах обустройства домашнего очага. Параметрическими свойствами обладают и концепты-категории *ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ПРИЧИНА*, которые выступают в качестве классифицирующих для сопоставления определенных характеристик явлений и сущностей. ***Непараметрические*** концепты профилиру-

ются на уровне ощущений, представлений и ассоциаций (*ДУША, ЛЮБОВЬ, СЛАВА, ДОБРО, СТРАХ, ТОСКА*) – феноменов, к которым весьма трудно применить какие-либо критерии меры.

Параметричность концепта наиболее тесно связана с понятийной и ценностной составляющими, тогда как вариабельность образно-перцептивного компонента, его слабая выраженность – признак непараметричности. Параметрические концепты могут иметь как абстрактное, так и конкретно-предметное воплощение, непараметрические – только абстрактное, в результате чего в концептокорпусе естественного языка преобладают параметрические концепты.

Следует также обратить внимание и на структурный момент вербальной аранжировки концептов, в частности на тот факт, что они не всегда имеют однословное воплощение, а могут иметь и вид словосочетания (*ДЫМ ОТЕЧЕСТВА, НОВЫЙ РУССКИЙ*). Некоторые из таких концептов уже описаны в литературе: *БЕЛАЯ ВОРОНА* [Егорова 2000], *МИЛОСТЬ* И *ЖАЛОСТЬ* [Воркачев 2005], англ. *CRIME* и *PUNISHMENT* [Данилов 2005], фр. *SAVOIR VIVRE* [Грабарова 2004], *ГОРДОСТЬ / PRIDE* И *СТЫД / SHAME* [Малахова 2009], *ПАМЯТЬ / MEMORY* и *ЗАБВЕНИЕ / OBLIVION* [Сабадашева 2011], но большинство еще ожидает своего исследователя.

Типологизация концептов под углом зрения **когнитивной семантики** может быть осуществлена в когнитивно-семантической оппозиции “универсальность – специфичность”.

Универсальные концепты отличаются своей всеобщностью и наднациональным характером. Они имеют общечеловеческую значимость, а их валоративный компонент актуален для всей ойкумены. Исследователи подчеркивают, что ценностный компонент таких концептов является наведенным (адгерентным), перцептивно-образный осознается как прототипическое уточнение, а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе сущность, форму, бытие?), а понятийный – разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах [Карасик 2005 : 81]. Универсальные концепты неоднородны, в их составе имеют место как категориальные (фило- и теософские), так и обиходные ментальные образования (эмоциональные, биосоциальные, физиологические).

Отдельные представители этого типа иногда трактуются как “сверхконцепты” на том основании, что в определенных дискурсах они способны образовывать своего рода замкнутый круг. Например, в религиозном дискурсе такими единицами считаются *БОГ, ДУША, НАДЕЖДА, ВЕРА, ЛЮБОВЬ* [Арутюнян 2007]. О лингвокультурной специфике универсальных концептов можно говорить лишь с учетом привязки к определенной социодискурсивной среде. Нередко такие концепты материализуются в антиномических парах, и тогда наличие бинарной оппозиции становится их конститутивным признаком, способным уточнять их диалектически (*СУЩНОСТЬ – ЯВЛЕНИЕ, СВОБОДА – НЕОБХОДИМОСТЬ*), теософски (*ДОБРО – ЗЛО, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, РАЙ – АД)* или логически (*ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ*). Иногда универсальные концепты объективируются в триадном режиме (*ВЕРА – НАДЕЖДА – ЛЮБОВЬ, БОГ ОТЕЦ – БОГ СЫН – БОГ СВЯТОЙ ДУХ*).

Специфические концепты имеют привязку к определенной (суб)культуре – социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной и пр. Так, особую ценность для восточных народов имеет *ГОСТЕПРИИМСТВО,* для англосаксонской культуры – *ПУНКТУАЛЬНОСТЬ,* для восточнославянской – *СПРАВЕДЛИВОСТЬ* [Шмелев 2002 : 448]. По-разному оценивается и концепты *ЗАКОН, БОГАТСТВО, БЕДНОСТЬ, АРИСТОКРАТ* в разных культурах, социальных и профессиональных стратах. В целом же специфические концепты представляют собой наибольший интерес для лингвокультурологии ввиду их способности квантировать соответствующие когнитивно-семантические пространства. Нередко их называют *культурными концептами* – термин, на наш взгляд, не совсем удачный, поскольку подразумевает существование их “некультурных” коррелятов.

Исходя из смысла термина «универсальность», можно предположить, что соответствующие концепты вызывают во всех лингвокультурах переживание одинаковых эмоций, создание одинаковых образов и расстановку одинаковых оценок. Тем не менее, это далеко не так: в каждом из них скрыто много национально специфического. Есть основания полагать, что универсальные концепты также переживаются в разных культурах по-разному, ведь концепт “и всеобщ, и национально, и личностно специфичен” [Прохоров 2009 : 158].

Чувственный, исторический и социальный опыт человека образует «национальную палитру» оттенков вокруг того или иного концепта. Очевидно, ни один универсальный концепт не может быть универсальным на все сто процентов. Например, *ВЕРА* вызывает разные образы и ассоциации у разных национальностей и особенно у тех, кто принадлежит к разным конфессиям. Базовое ядро универсального концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ, который является, по своей сути, национально, исторически или конфессионально субъективным. Универсальные концепты, наверное, всегда имеют ростки национально-культурных особенностей.

Признавая концепт ментальной единицей когнитивно-семантического пространства, нельзя не заметить, что, кроме предметно-образной соотнесенности, он включает в себя и коммуникативно значимую информацию, связанную с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что полностью согласуется с переживанием концепта и интенсивностью восприятия ценностей. Типологическое постижение концептов под углом зрения **прагмасемантики** (телеологии, интенциональности) допускает их противопоставление как регулятивных и нерегулятивных ментальных образований.

В ***регулятивных*** концептах, иногда называемых калейдоскопическими [Бабушкин 1996 : 67], изначально заложена идея прескрипции – ориентира на некую норму, шаблон, конвенцию, определяющего фреймовые сценарии и культурные доминанты поведения человека в социуме. Так, прескриптивные импульсы, исходящие от *ПРАВДЫ, ДОБРА, ДРУЖБЫ, ПУНКТУАЛЬНОСТИ,* как бы задают линию поведения личности в этнокультурном коллективе, ориентируют ее на подчинение соответствующим правилам или устоявшейся системе отношений. В регулятивных концептах заложен кодекс жизненных установок человека, упорядочивающих его поступки и действия в мире. При этом норма здесь не обязательно соответствует принятому в обществе стандарту. Она может быть социальным (*LAW*), институциональным (*БДИТЕЛЬНОСТЬ*) и даже индивидуальным (*ЧЕСТЬ, ДОЛГ*) стандартом.

Иногда в связи с регулятивами говорят как об особом типе о ***сценарных концептах***, реализующих признаки ‘движение’, ‘развитие’ и имеющих сюжетный характер. Они структурируются как

последовательность динамично репрезентированных фреймов (этапов, эпизодов), которые разворачиваются во времени [Болдырев 2001 : 38]. Яркими представителями таких концептов являются рус. *ОСКОРБЛЕНИЕ*, англ. *CHALLENGE, CHRISTMAS, WEDDING*. Последний, например, инкорпорирует такие компоненты сценария, как выбор невесты / жениха, объяснение, сообщение о свадьбе, церемония, свадебное путешествие и пр.

Регулятивы суть нормативно-оценочные концепты с целевой основой, излучающей воспитательный или дидактический импульсы, незаметно определяющие нашу жизнь. Основанные на системе установок и поведенческих реакций, они имеют в своем базисе определенные архетипические образы, укорененные в коллективном бессознательном. Будучи подкрепленными опытом, регулятивные концепты наделены большой психической энергией.

Корпус ***нерегулятивных концептов*** весьма разнообразен. Он включает в себя категориальные, теософские, биосоциальные, биовитальные, этнокультурные, этноспецифические и пр. ментальные образования, лишенные прескриптивных интенций, а потому бытующие в языковом сознании без какого-либо нормирования моделей поведения. Так, лингвокультурная специфика концептов *ВРЕМЯ, МАТЬ, ПОКОЙ, БЕРЕЗКА, ПОДАРОК* и др. существует как бы в свернутом, а точнее, в „связанном“ виде [Карасик 2005 : 75]. По-видимому, их регулятивная функция оказывается приглушенной в языке, но при этом не исключена ее актуализация в речи: тот же *ПОДАРОК* может быть концептуальным феноменом, предписываемым или не предписываемым узусом межличностных отношений.

Вероятно, валоративный компонент нерегулятивных концептов тяготеет к своей актуализации в дискурсе, а по степени его концентрации можно говорить о концептах с высокой (*СЧАСТЬЕ, ДОЛГ, ЩЕДРОСТЬ, ДОБРОТА*) и низкой (*ПУТЕШЕСТВИЕ, СЮРПРИЗ*) регулятивной силой. В последнем случае речь может идти и о ***концептах-ярлыках*** (*ДУРАК, НЕУДАЧНИК, ТРУС*), валоративная составляющая которых имеет не пре-, а дескриптивный характер. В этом смысле концепты-регулятивы как бы излучают некую превентивную силу (нередко “профилактического” порядка), нацеленную на корректирование схемы вербального и невербального пове-

дения человека через осознание им необходимости подчиняться принятым в социуме конвенциям. Можно предположить, что регулятивы выполняют посредническую прагмаэпистемическую миссию между языком, сознанием и поведением. Группировки таких концептов составляют фреймовые сценарии лингвокультурного поведения человека в социуме.

Классы и подклассы концептов

На пересечении отмеченных выше типов концептов, являющихся ментальными образованиями гиперонимического порядка, бытуют и их гипонимические разновидности – классы и подклассы, выделяемые по когнитивно-семантическому принципу. Классы концептов являются наиболее спорным моментом концептологии, поскольку весьма зависимы от субъективного фактора – теоретической позиции исследователя. Для нашего анализа исходным пунктом классификации является онтологизация человека в мире, обществе, культуре и языке, а потому таксономически релевантными мы считаем факторы философского, телеономного, эмотивного, морально-нравственного, гуманитарного и социального порядка (табл. 1).

Таблица 1. Типы и классы концептов

	Регулятивные (+регул)	Нерегулятивные (-регул)	
Универсальные	**собственно-телеономные** **социо-универсальные** **морально-нравственные**	**категориальные** **биосоциальные** **биовитальные** **физиологические**	**параметрические** (+параметр)
	эмотивно-телеономные	**теософские** **эмоциональные**	**непараметрические** (-параметр)
Специфические	**этно-социономные** **этно-антропономные** **конфессиональные** **ритуальные** **профессиональные**	**этнокультурные** **артефактные** **символьные**	(+параметр)
		этно-психо-специфические	(-параметр)

Концепты логико-философского порядка. Они суть универсальные нерегулятивные ментальные образования, репрезентирующие наднациональные ценности, не имеющие прескриптивных установок и являющиеся аксиологически индифферентными. Такие концепты в полной мере подтверждают мысль о том, что усложнение ментальных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям [Шафиков 2007 : 16]; в зависимости от степени параметризации они могут выступать в двух основных ипостасях – категориальной и теософской.

Категориальные концепты отражают единый для всех когнитивный процесс и несут информацию о классах объектов, наподобие аристотелевских категорий *ВЕЩЬ, КОЛИЧЕСТВО, ПРИЧИНА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ*. М. Шварц называет их концептотипами [Schwarz 1996 : 88]), а И.А. Голубовская [2004 : 20] – общекультурными категориями. Впрочем, М.С. Всеволодова считает, что существуют всего шесть "универсальных общечеловеческих мыслительных концептов" – *БЫТИЙНОСТЬ, ВРЕМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ* [Всеволодова 2009 : 95].

Теософские концепты суть универсальные, нерегулятивные и непараметрические ментальные образования с абстрактной семантикой: *БОГ, ВЕРА, СВЕТ И ТЬМА, ВЕЧНОСТЬ, ГРЕХ, ДОЛЯ / СУДЬБА, ДУША И ДУХ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ,* нем. ***GEMÜT*** [Пименов 2002] и др. Нередко к этому типу относят и стихии типа *ОГНЯ, ВОДЫ, ГРОМА* [Маслова 2004 : 134], теософское истолкование которых допустимо, вероятно, лишь в рамках определенных мифологических или эзотерических вероучений.

Очевидно, что отнесение к логико-философским таких концептов, как *ФОРМА, ФАКТ, ИСТИНА* и др. не противоречит общей канве постулируемой нами классификации, но оно может идти вразрез с идеей трехслойности концепта в той ее части, где речь идет о ценностной компоненте. Все дело в том, что каждая фило- и теософская категория, преломляясь в языке, материализуется в нем через призму лингвокультурной специфики. По мнению М. Шварц [Schwarz 1996 : 59], такие концепты не лишены способности к воссозданию референции – в той мере, в какой языковое сознание может вызвать хранимые в них знания.

Концепты морально-нравственного порядка наиболее близко примыкают к теософским, но в отличие от них являются регулятивными, т.е. не только отражают общие представления человечества о морально-нравственных ценностях (*ДОБРО, ЗЛО, ГРЕХ, ЛОЖЬ, ДОЛГ, ЧЕСТЬ*), но и предписывают нормы поведения в мире и обществе: *ПРАВДА, СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ, ДОЛГ, БЛАГО, ДОБРО, ГОРДОСТЬ, ТЕРПИМОСТЬ, СМИРЕНИЕ, ЛОЖЬ, ЗАВИСТЬ*. При этом они как бы задают наиболее общую канву такого поведения, в результате чего каждый человек оказывается наделенным правом иметь свое собственное представление об этих ценностях, принимая или не принимая их в качестве эталонных. Стало быть, несмотря на свою универсальность, морально-нравственные концепты могут иметь не только индивидуально-субъективное, но и национально-специфическое воплощение.

Концепты телеономного порядка суть "высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни – идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть" [Воркачев 2005 : 39]. Будучи способными задавать цель жизни за пределами индивидуального бытия, такие концепты делятся на собственно телеономные и эмоционально-телеономные (*СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ДРУЖБА*). К ***собственно-телеономным*** относятся концепты *ЗДОРОВЬЕ, ПРАВДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, УСПЕХ, ДРУЖБА, СВОБОДА, ВОЛЯ*. К ***эмоционально-телеономным*** относятся: *РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, БЛАГОДАРНОСТЬ* и др. Отражая смысл жизни человека и представляя собой нечто дорогое или даже самое дорогое, телеономные концепты являются общечеловеческими феноменами с наиболее ярко выраженной ценностной составляющей (сверхценность), но нередко с индивидуально различной ассоциативной образностью. Такие концепты не могут быть отрицательными по определению.

Концепты антропоморфного порядка являются важной частью концептуальной системы языка. Они имеют прямое отношение к психическим и физиологическим состояниям человека, восходящим к его способности реагировать на раздражители внешнего мира и

переносить их на свой внутренний мир. Здесь можно различать эмоциональные и физиологические концепты.

Эмоциональные концепты отражают целую палитру внутренних реакций на актуальный раздражитель или проявление чувств в процессе общения. Они представляют собой “этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека” [Красавский 2001 : 53]. Эмоциональные концепты конституируются единицами с положительной (*РАДОСТЬ, УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, ПОКОЙ, ВОСТОРГ*) и отрицательной маркировкой (*ГНЕВ, РАЗОЧАРОВАНИЕ, ДЕПРЕССИЯ, ОБИДА, НЕНАВИСТЬ, СТРАХ* [Путий 2011]). Для лингвокультурологии такие концепты всегда были и остаются одним из наиболее привлекательных объектов изучения. Корпус эмоциональных концептов иногда называют эмотиконом.

Физиологические концепты отражают идею нормы и отклонения от неё, давая позитивную (*БОДРОСТЬ, ЗДОРОВЬЕ, СОН, СЕКС*) и негативную (*ГОЛОД, ЖАЖДА, ЖАР*) оценку физическому состоянию человека. К физиологическим следует отнести и ***биовитальные*** концепты (*ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ, СТАРОСТЬ*).

Вероятно, к антропоморфному классу можно отнести и такие подклассы, как ***фамильные*** (*МУЖ, ЖЕНА, МАТЬ, ОТЕЦ, СЕСТРА, БРАТ, ТЕЩА, ЗЯТЬ*), ***биосоциальные*** (*ДЕВОЧКА, ПОДРОСТОК, ВЗРОСЛЫЙ, СТАРИК*) и одновременно ***гендерные*** (*МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, МУЖ, МАТЬ, ОТЕЦ*). Гендер квалифицируется как социальный пол, синтезирующий в себе культурное и биологическое начала в человеке.

Концепты гуманитарного порядка отражают место и роль человека в лингвокультурной и социодискурсивной картинах мира. Они бывают социоуниверсальными, этно-антропономными и этно-социономными. *Социо-универсальные* концепты объективируют

универсальный для всего человечества способ осмысления межличностных отношений (*ДРУГ, ВРАГ, ГЕРОЙ, ТРУС, ХОЗЯИН, РАБ*).

Этно-антропономные концепты типа *ИНТЕЛЛИГЕНТ, АРИСТОКРАТ, ОТЛИЧНИК, ДУРАК, МОЛОДЕЦ* отражают национально маркированную специфику антропономинаций, связанных с укладом жизни народа и его традициями.

Близко к таким концепетам стоят т. н. *лингвокультурные типажи* (обобщенные образы, “модельные личности”), которые задают обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной (суб)культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2007; 2010]. Так, в концептах *РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ, РУССКИЙ КУПЕЦ, АМЕРИКАНСКИЙ СУПЕРМЕН, АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК, АНГЛИЙСКИЙ АРИСТОКРАТ, НОВЫЙ РУССКИЙ, ОТЛИЧНИК, ЧИНОВНИК, ДУРАК, ОТМОРОЗОК* содержится национально маркированная специфика антропономинаций, связанная с укладом жизни и традициями народа, а также с определенным этапом его социоэкономического развития. Такие концепты характеризуются узнаваемостью, яркостью, прецедентностью и пр. [Стулина 2010]. Как правило, они оказываются наделенными или абсолютно положительным, или абсолютно отрицательным смыслом, что делает их или образцом для наследования и копирования, или осуждения и отторжения.

Этно-социономными концептами являются антропонимы типа *ЦАРЬ, СУЛТАН, БОЯРИН, ГЕТМАН, КАЗАК, НАЧАЛЬНИК, ЧИНОВНИК, КУМ, СВАТ* и др., отражающие определенную структуру социально-ролевых отношений в том или ином этническом коллективе.

Концепты этно-психо-культурного порядка объективируются по большей части абстрактными существительными. Они отражают как специфику определенной этнической культуры, так и особенности национальной психологии и являются наиболее изученным классом ментальных объектов. А. Вежбицкая [1996] описала такие типично русские концепты, как *ДУША, СУДЬБА, ТОСКА*, к которым В.А. Маслова добавляет *ПРОСТОР, ПРИВОЛЬЕ, УДАЛЬ, УЮТ,*

РАДУШИЕ, НЕПРИКАЯННОСТЬ, МАЯТА, ПУСТОТА [Маслова 2004]. Глубокий анализ типично украинских (*ВОЛЯ, ДОЛЯ, ЛИХО*) и типично китайских (*QI, YIN, YANG, MING*) концептов осуществила И.А. Голубовская [2004]. В лингвистике известны и другие концепты этого класса: *АВОСЬ, БЛАГОРОДСТВО, ГОСТЕПРИИМСТВО, РАДУШИЕ,* англ. *DIGNITY,* нем. *ORDNUNG, PÜNKTLICHKEIT.*

К концептам культурно-сецифического порядка относятся *артефактные* (*ДОМ, ЮРТА, ПАГОДА*), *ритуальные* (*ПАСХА, РОЖДЕСТВО, РАМАДАН, САББАТ*) и близкие к ним *конфессиональные* (*ЦЕРКОВЬ, МЕЧЕТЬ, СИНАГОГА, ХРАМ, ПОП, МУЛЛА, РАВВИН, МОНАХ, ПАЛОМНИК, КОЛОКОЛ, ИКОНА, АЛТАРЬ, КРЕСТ*), *артефактные / реистические* (*МЕЧ, ФЛАГ, БУЛАВА*, англ. *FIRE-PLACE, HOME, PUDDING*). Последние еще называют *иконическими* [Болдырев 2001 : 36] на том основании, что они являются обобщенными чувственными образами предметов и явлений действительности. Их структура отличается гипертрофированной ассоциативной образностью, основу которой составляет визуализация определенного явления, объединенная с опытом его восприятия другими органами чувства. Наряду с этим в последнее время активизировались исследования *концептообразов*, особенно применительно к человеку, его внутреннему и внешнему миру [Коротун 2002; Пименова 2005].

Не последнее место в этой системе отводится и *концептам-символам* – географическим и ландшафтным ценностям, фольклорным и сказочным персонажам (*ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, БАБА ЯГА, ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, ИВАНУШКА ДУРАЧОК*), литературным героям (*АННА КАРЕНИНА, ОБЛОМОВ, НАТАЛКА ПОЛТАВКА*) и даже культовым писателям (*ШЕВЧЕНКО, ТОЛСТОЙ, CERVANTES, GOETHE*) и памятникам (*РОДИНА-МАТЬ, HERMANNS-DENKMAL, LA TOUR EFFEL, LIBERTY STATUE*).

А.П. Бабушкин обращает внимание на еще один тип концептов – *мифемы* (*КЕНТАВР, РУСАЛКА, ЛЕШИЙ, ДРАКОН*) пустых понятий, понятий с нулевым референтным объемом или безденотатных реалий, фактов воображения, которые не имеют соответствующего оригинала в окружающем мире [Бабушкин 1997 : 117].

Делая “чистый срез” таких концептов, он приходит к выводу о том, что каждый носитель языка, реализуя тот или иной концепт, вносит в его объективное содержание элементы субъективного опыта (аналогично [Слухай 2005]).

С другой стороны, существует немалое количество концептов, которые не могут быть подведены под ту или иную рубрику. Ярчайшим примером тому являются идиоконцепты – ментальные образования, отражающие мир ценностей отдельно взятой личности или авторские модификации общепринятых ценностей. Эти концепты являются также важной частью ментального мира человека, поскольку с их помощью языковая личность квантирует свое собственное когнитивно-семантическое пространство. Игнорировать такого рода концепты лингвист просто не имеет права.

Наряду с перечисленными возможностями таксономизации концептов исследователи выделяют еще много разных видов: инсайтные, калейдоскопические, гештальтные, текстовые, институциональные, синтаксические и пр. Поскольку о последних стали говорить все чаще [Волохина 2003; Всеволодова 2009; Фурс 2004], есть смысл остановиться на них немного подробнее. ***Синтаксическими концептами*** называют “типовую пропозицию, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения… – то отношение, которое уловлено говорящим как типовое (отношение бытия, инобытие, небытие и др.)” [Попова, Стернин 2005 : 31]. По нашему мнению, выделение синтаксических концептов – довольно дискуссионный вопрос. Пропозиция как амодальный инвариант предложения имеет лишь один из трех необходимых для концепта конституентов – понятийный (денотат ситуации), тогда как о ее перцептивно-образном и ценностном началах говорить довольно сложно.

Введение в научный обиход понятия “синтаксический концепт” является в определенной мере терминологической игрой, в которой традиционные грамматические категории (предложение, пропозиция) получают другие ярлыки. В результате этого синтаксическая наука прирастает не новым знанием, а новыми терминами, которые отнюдь ее не обогащают в силу того, что термин не терпит ни многозначности, ни синонимической конкуренции.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что синтаксис как эволюционно наиболее консервативная подсистема языка не может описываться в измерениях лингвокультуры в той мере, как лексика и фразеология. В этой связи уместно обратить внимание на градиент С.Г. Шафикова: “Чем выше мы движемся по шкале “конкретное – абстрактное”, тем явственнее происходит процесс перехода от концептов к категориям” [Шафиков 2007 : 16]. Но верен и обратный путь: чем ниже мы спускаемся по шкале “абстрактное – конкретное”, тем явственнее происходит процесс перехода от категории к концепту.

Культурные константы: базовые и символьные концепты

Не имея четких границ и жесткой структуры, концепт существует в ментальном мире человека как некоторая идея, овладевающая массовым сознанием в пределах определенной этно- и лингвокультуры на определенном этапе ее социоисторического развития. Поэтому нередко концепты рассматривают как индикаторы культуры, а культуру – как среду их бытования [Степанов 1997 : 38]. Довольно ярко это просматривается в особом типе концептов, которые принято называть ***культурными константами,*** и различать среди них базовые и символьные феномены.

Базовыми признаются такие этнокультурные сферы, как национальные гастрономические предпочтения (пища, питье), устройство дома, национальная одежда, валоризируемый растительный и животный мир, национальный антураж (одежда, танец, песня, музыкальный инструмент, сувениры), досуговые привычки, специфика межличностных отношений, ориентиры жизненного мира и т.п. Конечно, этот список не является идеальным, а во многом и спорным, но ясно одно: то, что задевает струны души, можно и нужно каталогизировать ради познания этноспецифических ценностей того или иного народа, воплощенных в его языке. Вместе с тем существует еще довольно значительная прослойка концептуальной лексики, подлежащая осмыслению с учетом иных тематических доменов, региональных отличий в рамках одного и того же этноса, вариантов национальных литературных языков, пересечений эквивалентных концептов в разных лингвокультурах и т.п.

В отличие от категориальных, список базовых культурных концептов является по определению открытым. Он может быть в любое время расширенным и/или дополненным новыми единицами в зависимости от постоянно меняющейся действительности, в которой существует культура, а также от теоретической позиции исследователя. Так, лингвистической общественности еще предстоит осмыслить концептуальную ценность таких ментальных феноменов, как рус. *УДАЛЬ, ТЕРПЕНИЕ, ТРОЙКА, РАЗДОЛЬЕ; укр. ГРОМАДА, ЗЛАГОДА, ОБЕРІГ, ДОБРОБУТ,* нем. *ARBEIT, PROJEKT, TERMIN, HAUSHALT, GEMÜTLICHKEIT, FLEIβ;* брит. *MONARCHY, PRIVACY, OWNER, GENTLEMAN, COZINESS, HORS RACE*; исп. *ABANICO, VIAJE* и пр. Естественно, по мере проникновения исследовательской мысли в глубины концептосферы этот список может быть продолжен.

Очевидно, такого рода перечни не могут быть сведены лишь к базовым единицам лингвокультуры. Наряду с ними в каждой национальной культуре существуют концепты еще более высокого уровня абстракции – символьные, или ***концептосимволы***. Это концепты, в которых имеет место “слияние” собственно концепта и символа.

Символ – это также единица лингвокультуры, основной функцией которой являются замещение по форме чего-то чем-то без серьезного сдвига в значении. Поскольку символ реализует свою функцию в жизни социума, государства, религиозного или культурного сообщества, идейного содружества, становится возможной проекция этого понятия не только на какое-либо конкретное этническое сообщество, но и на всю цивилизацию (например, *семь чудес света*). Вербализированный символ приобретает признаки национально, социально и культурно значимого понятия уже как осмысленный в пределах конкретной культуры образ [Кононенко 2006 : 159]. Самая же природа символа раскрывается в иерархии “слово $\longrightarrow$ образ $\longrightarrow$ символ $\longrightarrow$ смысл $\longrightarrow$ концепт”.

Если концепт воплощается и в слове, и в образе, и в материальном предмете, т.е. предполагает ассоциативное наслоение культурных смыслов (коннотаций) на основное (словарное) значение, то вербализированный символ при условии своей достаточной репре-

зентации через систему осознанных “переходов” обеспечивает реализацию всех трех форм воплощения концепта: он является одновременно и словом, и образом, и большей частью самим обозначенным материальным предметом (а во внеязыковой действительности – тем самым предметом).

К концептосимволам можно отнести различные валоративно значимые ментальные образования:

• географические и ландшафтные ценности (рус. *ВОЛГА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СОЧИ,* укр. *КАРПАТИ, ДНІПРО,* амер. *GRAND CONYON,* англ. *HYDE PARK, COMMON WEALTH*);

• культовые сооружения, храмы (рус. *ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ;* укр. *ЛАВРА, ХРЕЩАТИК;* фр. *NOTRE DAMME DE PARIS;* нем. *KÖLNER DOM;* австр. *STEPHANS DOM*; англ. *TOWER, WESTMINSTER ABBEY;* исп. *LA CATED-RAL DE ALMUENDA, LA CATEDRAL DE SEVILLA; ХРАМ КААБА* В МЕККЕ);

• госучреждения общенациональной значимости (рос. *КРЕМЛЬ;* укр. *МАРІЇНСЬКИЙ ПАЛАЦ;* нем. *BUNDESTAG;* амер. *WHITE HOUSE;* катол. *ВАТИКАН*);

• прецедентные личности: исторические фигуры и герои (рус. *БОГАТЫРЬ, ИВАН СУСАНИН, СУВОРОВ;* укр. *КОЗАК, КОБЗАР;* англ. *ROBIN HOOD;* нем. *HERMANN;* фр. *JEANNE D’ARC; пол. MATKA BOSKA CZĘSTOCHOWSKA*); литературные герои (укр. *НАТАЛКА ПОЛТАВКА;* рус. *АННА КАРЕНИНА, МАНИЛОВ, ОБЛОМОВ, ОСТАП БЕНДЕР;* нем. *FAUST;* исп. *DON QUIJOTE*); фольклорные и сказочные персонажи (*ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, БАБА ЯГА, ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, ИВАНУШКА ДУРАЧОК*) и т.д.

Концептосимволы способны вмещать в себя систему релевантных смыслов в свернутом виде. Свернутость концептосимвола – это свернутый фрейм или свернутый текст. Например, *КАЗАК* – мужчина-воин, одетый в вышитую сорочку, шаровары и сапоги, стриженный под селедку, носит усы, имеет саблю, живет среди таких же мужчин на острове Хортица, борется за освобождение от турков и польской шляхты. Свернутость концептосимвола во фрейм или текст является фактически обобщенной моделью организации культурного знания. Отсюда – своеобразная многомерность

концептосимвола с такими слоями, как рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этноспецифичное, общенациональное и индивидуально-личностное.

В целом же культурные константы представляют собой наибольший интерес для концептологии потому, что они наделены способностью квантировать соответствующие культурно-семантические пространства. Определение точного перечня культурных концептов – задача очень сложная. Не менее сложна и проблема непротиворечивого столкования лингвокультурной значимости концептов хотя бы потому, что концептуальная палитра языка – явление идеальное, к которому вряд применимо то, что в точных науках принято называть мерой. Если сами концепты материализуются в языке, то методики их анализа не всегда поддаются формализации, а потому любое их квалитативное и квантитативное ранжирование еще долго будет иметь налет филологического субъективизма.

Концепты и антиконцепты

Дискретизация концептов под углом зрения аксиологической семантики допускает их противопоставление по принципу позитива и негатива, поскольку концептуальный корпус языка формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус.

В ряде исследований термин “антиконцепт” трактуется как антоним имени другого концепта [Воркачев 2007; Пономарева 2011]. Ю.С. Степанов придерживается несколько иной точки зрения, считая антиконцепт “концептом, противопоставленным какому-то другому концепту” [Степанов 2007 : 20]: если концепт является формой выражения содержания, то антиконцепт – формой несогласия с содержанием, формой протеста [там же : 21]. Он отмечает, что антиконцепт не всегда несет в себе нечто плохое, обратное хорошему. В качестве примера подобных концептуальных коррелятов он приводит *ИСКУССТВО* и *КЭМП*, обращая внимание на то, что основой обоих является чувствительность, хотя и разного толка: в первом случае она естественная, а во втором – искусственная.

Обращение к проблематике концептуальной “противопоставленности” логично потому, что она выводит исследовательскую

мысль на более высокий уровень научного обобщения – на закон единства и борьбы противоречий, с одной стороны, и на проблему смены социодискурсивных формаций, – с другой. Такое обращение сопряжено с выделением в объекте исследования по крайней мере двух предметных сфер: а) антиконцепт как часть некоторого целого; б) антиконцепт как некая автономная сущность.

Антиконцепт как часть целого отражает идею единобытия с некоторым другим концептом, поскольку оба они суть не всегда антонимическая пара, а суть некий тесно сопряженный ментальный конструкт (дуальная монада), восходящий к вышестоящей идее – мезоконцепту, задающему разнонаправленные векторы ценностных доминант. Анализируя концепт *MAGIC* и антиконцепт *GLAMOUR*, она пишет, что превалирование морального над материальным маркирует концепт *MAGIC*, а материального над моральным – *GLAMOUR* [Ларина 2011 : 9].

Главным критерием идентификации концепта и антиконцепта Т.Б. Ларина выдвигает присутствие отношения внешней включённости базовых признаков концептов в одни и те же понятийные, ценностные, образные сферы при одновременной внутренней оппозитивности данных признаков. Речь идет о некотором третьем противочлене (tercius relationes), включающем в себя черты и концепта, и антиконцепта и являющимся точкой отсчета. В частности, для *MAGIC* и *GLAMOUR* ее выступает мезоконцепт *ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ*. Таким образом, система “концепт – антиконцепт – мезоконцепт” четко отражает гегелевскую “тезис – антитезис – синтез”, постулирующую диалектический закон о единстве и борьбе противоположностей.

В контекст сказанного четко вписывается и тот факт, что нередко негатив и позитив сосуществуют в виде диад (*СВЕТ / ТЬМА, ДОБРО / ЗЛО, ЛЮБОВЬ / НЕНАВИСТЬ, ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ, ГОРДОСТЬ / СТЫД, АЛЬТРУИЗМ / ЭГОИЗМ, МИР / ВОЙНА, РАЙ / АД, ДРУГ / ВРАГ, ГЕРОЙ / ТРУС*). Это дает право говорить о бинарности и противопосталенности как о двух основных принципах упорядочения концептокурпуса. В таких оппозициях происходит рапределение векторной семантики: один ее член предполагает отрицание того, что обозначает второй. В этом проявляется и еще одно

свойство концепта – его склонность объективироваться через рядоположенные единицы: нельзя понять *ДОБРО* без *ЗЛА*, *МИР* без *ВОЙНЫ*, *ТРУДОЛЮБИЕ* без *ЛЕНИ*, а *ПОРЯДОК* без *БЕСПОРЯДКА*. Это особый случай совмещения несовместимого: некая общая когнитивно-ассоциативная область как бы "поглощает" понятийно-валоративные сферы двух разноверкторных концептов.

Наличие в лингвокультурах мира бинарно организованных концептуальных пар натолкнула С.Г. Воркачева на мысль о том, что неудачная во многих отношениях (особенно в плане перевода на другие языки) терминологическая номинация "концепт" может быть заменена термином ***идея***. Он пишет: "Идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с "тезисом" в ней содержится и "антитезис", вместе с "концептом" и "антиконцепт". Идея успешности судьбы (счастья), например, неотделима от несчастья, справедливости – от несправедливости, патриотизма (национализма) – от космополитизма" [Воркачев 2007 : 53]. Поскольку термин "идея" все-таки является занятым в других отраслях гуманитаристики, возможной представляется его более удачная модификация в виде компромиссного термина "***концепт-идея***" [Путий 2009].

Антиконцепт как автономная сущность связан с бытованием в лингвокультуре таких ментальных единиц, которые не имеют конкретной привязки к какому-либо положительно заряженному концепту-корреляту. К таким антиконцептам можно отнести в нашей картине мира такие, как *ТОСКА*, *ДОСАДА*, *ВЗЯТКА*, *ХАМСТВО*, *ПОДЛОСТЬ*, *ЧИНОВНИК*, *ДУРАК*, *УРОД*, *СТУКАЧ*; в американской – *INTERFERENCE*, *OPPRESS*, *SEXISM*, *VIOLATION*, *REDNECK*, *THEFT*, *BRIBERY*, *WAR*, *CRIMINAL*, *SEXUAL HARRASSMENT* и др., в немецкой – *CHAOS*, *UNPÜNKTLICHKEIT*, *MIβHANDLUNG*, во французской – *CITÉ*, *VIOLENCE*, *CHÔMAGE*, *FRACTURE SOCIALE*. Однозначно отрицательными в большинстве лингвокультур являются *ДЕПРЕССИЯ*, *СТРЕСС*, *НЕТЕРПИМОСТЬ*, а также разного рода *ФОБИИ*.

Однозначно отрицательным концептом в большинстве культур является *НЕТЕРПИМОСТЬ* (англ. *INTOLERANCE*,

фр. *INTOLÉRANCE*, нем. *INTOLERANZ*, исп. *INTOLERANCIA*). При этом нужно иметь в виду, что один и тот же мультикультурный концепт может нести положительный заряд в одном языке (укр. *ІНОЗЕМЕЦЬ*, рус. *ИНОСТРАНЕЦ*) и отрицательный в другом (брит. *FOREIGNER*, фр. *LES ÉTRANGERS / NON RÉGULARISÉS*, исп. *EXTRANJERO*), как, впрочем, и быть концептуально нейтральным в третьем (нем. *AUSLÄNDER*). Наоборот, концепт *COURT* является положительным в американской картине мира, а его русский и украинский эквиваленты (*СУД)* – отрицательным, а также положительное англ. *AMBITIOUS* 'амбициозный = тот кто стремиться к профессиональному росту' и отрицательное в нашей культуре. Или другое: *ДОНОС* считается позорным актом у нас, а его немецкий аналог *ANZEIGE* и более зловещий вариант *DENUNTIATION* – вполне нормальным явлением в Германии. Аналогичное касается и *ИНДИВИДУАЛИЗМА*, положительно маркированного в британской, американской и французской ЯКМ, отрицательно – в русской, украинской, испанской, где он ассоциируется с эгоизмом, и довольно невыразительно объективируется в немецкой.

Более того, в рамках одной культуры наблюдаются и случаи разного отно-шения к одному и тому же концепту. Например, к нем. *FORMULAR* можно иметь страсть, его можно игнорировать или даже ненавидеть, но сегодня немцы не могут сделать и шага, не заполнив какой-нибудь формуляр. По-разному оцениваются такие сугубо этноспецифические концепты, как *БЛАТ* (нем. *VITAMIN B*), *КАНЦЕЛЯРИЯ, НОМЕНКЛАТУРА, ХРУЩЕВКА*, отношение к которым у разных представителей нашей культуры неоднозначное. Это отношение может различаться даже в рамках одного общества, как, например, полярно противоположные оценочные рефлексии в современной украинской культуре к концептам *ПОМАРАНЧЕВА РЕВОЛЮЦІЯ, МАЙДАН, КРАСНОЕ ЗНАМЯ* и др.

В некоторых случаях совокупные семантические отличия концепта и антиконцепта (*СЧАСТЬЕ / НЕСЧАСТЬЕ, НАДЕЖДА / ОТЧАЯНИЕ, ЧЕСТЬ / ПОЗОР, РАДОСТЬ / ПЕЧАЛЬ*) количественно менее значительны, чем семантические отличия его межъязыко-

вых вариантов (*СЧАСТЬЕ – HAPPINESS – GLÜCK, НАДЕЖДА – HOPE – HOFFNUNG, ЧЕСТЬ – HONOUR – EHRE, РАДОСТЬ – JOY – FREUDE*). Нельзя не отметить, что некоторые отрицательные концепты имеют общекультурную основу (*АГРЕССИЯ, НЕТЕРПИМОСТЬ, ТЕРРОРИЗМ*).

С другой стороны, существуют концепты, аксиологическая интерпретация которых не всегда однозначна. Так, актуализация концептов *ШТРАФ, БЛАЖЬ, НАЧАЛЬНИК, КОНФУЗ, ВЛАСТЬ* со знаком плюс или минус возможно только в дискурсе. Более того, в некоторых группах (телеономные, категориальные, ритуальные) вообще отсутствуют отрицательные концепты.

Негативными коннотациями чаще всего наделяются этнокультурные антропономинации, где релеватными являются такие рубрики человеческого бытия, как АМОРАЛЬНОСТЬ, КОРЫСТОЛЮБИЕ, СЛАБОУМИЕ, ПЬЯНСТВО, ЛЕНЬ, ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ, КРИМИНАЛ и пр. Ср.:

• рус. *подхалим, отморозок, растяпа, дебошир, болван, молокосос, страхолюдина, ловелас, кретин, неуч, невежа, повеса, тупица, бездарь, лицедей, прохиндей, злодей, негодяй, мерзавец, простофиля, предатель, растяпа, жулик, шулер, мошенник, вор, стервец, бирюк, нечисть, изгой, слюнтяй, кикимора, шалопай, ханжа, стяжатель, ветрогон, плут, антихрист, мироед, кровопийца, халявщик, пустельга, профан, бездельник, тунеядец, проходимец, извращенец, ублюдок, пьяница, алкоголик, шлюха, стерва, чудовище, монстр, пугало, дебил* и др.;

• англ. *toady, lickspittle, bootlicker, sycophan, dolt, lamebrain, chump, dunce, fool, nincompoop, knucklehead, dimwit, nerd, numbskull, thickhead, muddler, dunderhead, bungler, rowdy, debauchee, blockhead, dimwit, sucker, scarecrow, lovelace, womanizer, boor, churl, botcher, hypocrite, dissembler, rogue, scapegrace, swindler, dodger, villain, miscreant, malefactor, stinker, simpleton, traitor, betrayer, turncoat, blunderer, sharper, trickster, thief, pilferer, loner, riffraff, scum, vermin, ditherer, milksop, mollycoddle, fright, old hag, good-for-nothing, scapegrace, loafer, grabber, frivolous, cheat, swindler, knave, blackmailer, freeloader,*

moocher, layman, rascal, bastard, toper, tippler, drunkard, whore, slag, broad, bitch, monster, scarecrow, moron и др.;

• нем. *alki, amokläufer, arsch, dieb, dreck, dummkopf, feigling, gang-ster, gauner, gesindel, halunke, hanswurst, haudegen, henker, blöde kuh, hure, hurenbock, krimineller, miesepeter, mist, mistvieh, mörder, nazi, nichtsnutz, nutte, pop(p)el, raufbold, sauerei / schweinerei, saukerl / scheisskerl / mistkerl, stinker, verlogener schweinehund, scharlatan, schlamassel, schlampe, schuchtel, stasi, trotel, verbrecher, vergewaltiger, verrückter, (voll)idiot* и др.

Впрочем, ярко выраженный отрицательно-оценочный “окрас” данных концептов не исключает существования некоего положительного полюса, который, возможно, входит в сферу “норма”, в связи с чем положительная оценочность их концептуальных коррелятов скорее имплицитна, чем лакунарна. Так, например, положительно маркированным членом оппозиции (концептом), условно обозначенной как “*А – ХАМ*”, возможно, выступает идея о человеке (*А*), поведение которого не выходит за рамки установленной социальной нормы. В самом деле, поскольку антропономные антиконцепты так или иначе обыгрывают нарушителей основных заповедей, им должны противостоять концепты, отражающие идею неуклонного следования этим заповедям.

В пользу этого предположения говорят и ***этнономинации*** [Святюк 2005] – концепты, содержащие стереотипные представления одних народов в глазах других (аллоэтнонимы *ПРУССАК, МОСКАЛЬ, КАЦАП, МАКАРОННИК, OSTFRIESE чукча* у немцев), *SCHLAWINE (пройдоха* – у немцев), ***YANKEE*** (прозвище американцев), ***ARKIE*** (прозвище австралийцев), которые на поверку оказываются именами с отрицательной оценкой. Но все они имеют свой положительно заряженный коррелят в виде, по крайней мере, официальных этнономинаций. Аналогичное касается и стереотипизации образа страны – как своим, так и другими народами (этнотопонимы).

Чаще всего антиконцепты существуют в лингвокультуре в виде определенного рода ***стигматичних*** ментальных единиц (концепт-клеймо, концепт-ярлык), использование которых происходит в амплитуде от укоризненно-ласкательных до откровенно обсценных

речевых актов. При этом корпус таких единиц четко разделяется по гендерному принципу на женские и мужские концепты, а также на концепты, актуальность которых утрачивается для лингвокультуры (*АФРОНТ, АСПИД, КАНАЛЬЯ, СУПОСТАТ, ФАНФАРОН*) или наоброт, тех, что только начинают в ней появляться (*КИДАЛА, ОТМОРОЗОК, МАЖОР*).

Выводы

Безотносительно к конкретному языку, таксономическая сторона концептологии имеет еще довольно много белых пятен. Так, неясным остается вопрос о степени и глубине лексикографической освоенности концептов, путей и способов их тропеизации, неологизации и архаизации, а также их изо- и полиморфизма. Намеченными, но отнюдь не решенными являются такие проблемы, как мера транслированности концептов, соотношение концептов с реалиями и стереотипами. Особый узел проблематики составляют концепты, называемые константами (“сгустками”) культуры, в которых могут пересекаться и взаимодействовать сразу несколько параметрических признаков типологического и классификационного порядка. Проблемным остается и вопрос о семиотической объективации концептов.

Осмысление концептокорпуса естественного языка в терминах количества и качества дает ясное понимание того, что поиски в этом направлении могут быть как прескриптивного (то, что потенциально заложено в культурном сценарии), так и дескриптивного характера (то, чем реально оперирует речевая личность). Оба направления сходятся в одной точке: то, что задевает струны души, можно и нужно каталогизировать ради познания этноспецифических ценностей народа, воплощенных в его языке.

Вместе с тем, они дают мощный импульс для раздумий относительно дальнейших поисков в деле концептографической инвентаризации концептуальных доминант. И в этом отношении существует довольно значительная прослойка единиц, подлежащих осмыслению с учетом путей и способов пересечения соотносимых концептов в разных лингвокультурах и в разных тематических доменах, а также региональных отличий, вариантов национальных

литературных языков, где могут актуализироваться одни ценности, воплощенные в слове, и нивелироваться и/или игнорироваться другие. Особую значимость они приобретают в контексте этнических менталитетов.

Литература

Арутюнян Н. Л. Понятие “сверхконцепт” // Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева. Сб. ст. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 11 – 18.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.

Бабушкин А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности // Вестник ВГУ. – Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1997. – № 2. – С. 114 – 118.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. и отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: ЯСК, 2001. – 272 с.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского языка. – Воронеж: Истоки, 2003. – 131 с.

Воркачев С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства теленомных лингвоконцептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 214 с.

Воркачев С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева. Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 39 – 60.

Всеволовова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопр. языкознания. – 2009. – № 3. – С. 76 – 99.

Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу. – К.: Логос, 2004. – 284 с.

Грабарова Э. В. Концепт “savoir-vivre” во французской лингвокультуре и его русские соответствия: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 20 с.

Данилов К. В. Англо-американские правовые концепты Crime и Punishment в лингвокультурном освещении: Учебн. пос. – Саратов: Научная книга, 2005. – 128 с.

Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта “тоска” во французскую лингвокультуру: Автореф. дис… канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.

Егорова Е. В. Экспериментальные исследования концепта “белая ворона” в русском сознании // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2000. – Вып. 7. – С. 59.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 61 – 105.

Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.

Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу. – К.-Івано-Франквськ: Плай, 2004. – 248 с.

Коротун О. В. Образ-концепт “внешний человек” в русской языковой картине мира: Автореф дис. … канд. филол. наук. – Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2002. – 20 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

Ларина М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR): Автореф. дис. канд. филол. н. – Кемерово: КеГУ, 2011. – 19 с.

Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты “гордость” и “стыд” в русской и английской лингвокультурах: Автореф. дис. канд. филол. н. – Волгоград: ВГПУ, 2009. – 22 с.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. – Витебск : Изд-во УО “ВГУ им. П.М. Машерова”, 2004. – 214 с.

Пименов Е. А. Концепт Gemüt в немецком языке // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Серия “Филологический сборник”. – Вып. 3. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 79 – 82.

Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 133 – 185.

Пономарева О. Б. Векторная семантика концепта / антиконцепта революция (на материале романа Ч. Диккенса “Повесть о двух городах”) // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина. – Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – 2011. – С. 191 – 196.

Попова З. Д, Стернин И. А. Полевая модель концепта // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 12 – 45.

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – 2 изд. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 176 с.

Путий Е. С. Полидискурсивность концепт-идеи состояние человека: опыт экспансивного анализа // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – № 848. – Вип. 58. – Х., 2009. – С. 43 – 47.

Путий Е. С. Концептосистема немецкой фольклорной сказки // Когниция, коммуникация, дискурс: Междунар. электронный сб. нучн. трудов. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – № 3. – С. 53 – 63 [Электронный ресурс]. – Режим доступа http: // https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse

Сабадашева М. Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства “память/забвение” в русском и английском языках: Автореф. дис. канд. филол. н. – Волгоград: ВГПУ, 2009. – 16 с.

Святюк Ю. В. Семантика та функціонування етнономінацій у сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – 20 с.

Слухай Н. В. Етноконцепти та міфологія східних словян в аспекті лінгвокультурології. – К.: ВПЦ “Київський ун-т”, 2005. – 167 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа “ЯРК”, 1997. – 824 с.

Степанов Ю. С. “Понятие”, “Концепт”, “Антиконцепт”. Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. тр. – М.-Калуга: ИП Кошелев, 2007. – С. 19 – 26.

Стулина М. В. Немецкий постмодернистский дискурс: лингвоконцептуальный и лингвопоэтический аспекты: Автореф. дис.. … канд. филол. н. – Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2011. – 20 с.

Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Автореф. дис. … докт. филол. наук. – Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т., 2004. – 36 с.

Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопр. языкознания, 2007. – № 2. – С. 3 – 17.

Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность // Язык. Семиотика. Культура. – М.: ЯСК, 2002. – 496 с.

Schwarz M. Kognitive Semantiktheory und neuropsychologische Realität. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 163 S.

ГЛАВА II
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ

2.1. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *МЕЧТА* В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Левицкий А. Э.

Современный человек не мыслит себя без осознания не только своего настоящего и прошлого, но и будущего. Стремление преобразовать настоящее тесно связано с мечтами, в которых мы видим «желаемые фрагменты будущего». Данная способность человека объясняется тем, что, достигнув высочайшего уровня в своем эволюционном развитии, он стоит у границы, за которой находится мир воображаемый. В его понимание входят ситуации, которые мы представляем и желаем, чтобы они произошли [Radden 2007 : 172]. Это стремление отражается не только в планировании действий, но и в принятии «власти судьбы» [Арутюнова 2011 : 9]. Мечта как «игра с будущим» со стороны человека, желающего реализовать свои устремления, имеет свои конвенции.

Способность человека представлять будущее позволяет человеку воспринимать его как квазиреальное, т. е. как такое, что может быть / стать реальным в полном объёме. Однако мечты обладают разной степенью реализации, т. е. возможностью стать объективной реальностью. В обществе распространено мнение, что представление будущего позволяет определить не только цель для настоящего, но и разработать подходы для достижения желаемого либо предпринять меры для избежания возможных неприятностей. Мечта, таким образом, рассматривается как «слепок реальности», который имеет большой шанс реализоваться и стать фактом действительности.

Вымышленный мир в мечтаниях выдаётся за реальный мир. Причём его конструирование становится возможным лишь с опорой на мир реальный [Ильинова 2007 : 85], т. е. у всего вымышленного есть свои реальные истоки. Речь идет об активном взаимо-

действии различных миров, которые находятся в смежных плоскостях. Ещё Г. Лейбниц, давая философское обоснование идеи возможных миров, указывал, что понятие возможного логично предшествует понятию существующего, а реальный мир – это всего лишь один из возможных миров [Leibnitz 1969]. Данное положение применимо и к трактовке виртуальной реальности как «параллельной реальности» [Нікульшина 2010 : 14], т. е. возможное имеет непосредственную референцию к реальному миру, добавляя к нему новые черты. Следовательно, в мечтах невозможное становится возможным. Иными словами, «вымышленный мир» является воплощением возможного с позиций объективной реальности. Именно поэтому данный квазиреальный мир, хотя и максимально приближен к реальности, выступает как возможный, содержащий образы и символы грядущих или желанных событий. Опора на реальные события, действия и состояния способствует правдоподобности восприятия, заложенной в мечтах информации. Отделить потенциально возможное, вымышленное от реального представляется весьма сложным. Это вполне вероятно, учитывая открытый, личностный, изменчивый характер мира реального.

Категоризация объектов вымышленного мира

Как в реальности, так и в ходе конструирования вымышленного мира человек, прежде всего, отображает предметы, явления, события, состояния, действия на фоне самого себя. Сначала восприятие происходит в направлении «я — окружающий мир», а уже затем отображается сам объект. Именуется не столько сама вещь, сколько концепт, созданный человеком по поводу этой вещи. Сознание человека, антропоцентричное по своей природе, организует мир своих мечтаний по аналогии с пространством и временем мира, данного человеку в непосредственных ощущениях.

Физическая ориентация в окружающем мире служит основой для описания мира, которое закрепляется в языке. Внешние признаки предметов оцениваются носителями языка, в том числе, и по сравнению с собой как вертикально ориентированным существом. Динамичность же отражаемого мира бросает вызов сознанию и позволяет людям познавать новые предметы, явления, действия и

именовать их максимально адекватно нашему восприятию, основанному на жизненном опыте и бытующих этнокультурных и социальных стереотипах, т. е. подводить новые знания под старые (уже существующие) категории. Механизм категоризации новой сущности основывается на ассоциативном восприятии окружающего мира и «работает» в направлении поиска некоего прототипа, наиболее полно соответствующего ключевым параметрам рассматриваемого свойства, выводя из «фокуса внимания» [Ирисханова 2007] несущественные. Речемыслительные процессы отражают не только знания, но и фиксируют распространенные в обществе нормы сравнения. Понятие нормы в процессе категоризации познаваемых сущностей позволяет индивиду провести когнитивную операцию сравнения, определяя сходство и отличие, положение в пространстве, соотношение параметров определенного свойства, ситуацией использования.

Появление у известных предметов, явлений и т. д. новых свойств, равно, как и создание новых ставит перед человеком две проблемы: ментальную (под какую категорию подвести новую сущность) и, связанную с ней, вербальную (в какой языковой форме закрепить результат операции категоризации). Возможны случаи, когда полученные новые знания изменяют бытовавшие ранее представления о членах определённой категории, что приводит к необходимости перекатегоризации, т. е. мыслительной операции, в результате которой изменяются контуры мира, в котором мы живём. Так, прошедший XX и начало XXI века, не только подарил человечеству *холодильник (морозильную камеру, сумку-холодильник), телевизор (3D телевизор, домашний кинотеатр), пылесос (моющий пылесос), компьютера (ноутбук, нетбук, IPad), Интернета (Skype, ICQ, социальные сети)* и т. д., но значительно расширил наши представления о *телефоне*, дав возможность использовать его не только как средство мобильного дистанционного общения, но и передачи данных неголосовым путём, выполнения функций будильника, фонарика, калькулятора, радио, диктофона, записной книжки, компьютера, фотоальбома, фотоаппарата и даже видеокамеры. Такие изменения размывают категориальные границы, заставляя нас задумываться о выделении новых категорий.

Поскольку, «естественные категории объединяют такие единицы, признаки которых, повторяясь попарно, не повторяются по своему полному набору у каждого из их членов» [Кубрякова 2004 : 310]. Перекатегоризации подверглись даже наши знания о цветах – *василёк* может быть белого или розового цвета, *хризантема* – зелёного; о фруктах – появились *инжирный персик, нектарин*; о напитках – *безалкогольное пиво, кофе без кофеина* и многое другое. Безусловно, в данных случаях изменение отдельных категориальных характеристик не привело к признанию необходимости создания новых категорий, однако накопление новых показателей способно отразиться не только на номинации новых сущностей, но и вывести их в отдельную категорию. На этом пути находится *мобильный телефон*, который уже противопоставляется *стационарному телефону*, да ещё и стал основой образования новых слов (*мобильник, мобилка*), что свидетельствует о возможности выделения такого вида средства передачи информации в особую категорию. Более того, изобретение XXI века, *I-Phone*, позволило нам познать новый тип контакта «человек – техническое средство».

Реальность в ирреальном мире

Вместе с тем, вымышленный мир может выступать и как мир ирреальный, т. е. включающий ирреальные объекты или явления. В таких мечтаниях мы переносим наши наблюдения, оценки, суждения по поводу реальности на художественную основу. Таким образом, русалки, вампиры, привидения, инопланетяне и иные существа моделируются в нашем воображении на основе представлений о человеке. Если использовать теорию прототипов Э. Рош [Rosch 1978] к таким сущностям, то они не соответствуют прототипическим представлениям о человеке. Так, растиражированный американской массовой культурой вампир является особым гибридным, непрототипическим образованием нашей фантазии. Однако, данная непрототипичность является прототипической, т. е. вампир имеет черты, отличающие его от иных вымышленных существ, которые могут присутствовать в наших мечтах и фантазиях. В данном ментальном образовании на наивысшем уровне абстракции взаимодействуют концепты

ЧЕЛОВЕК, СМЕРТЬ, ЗЛОЙ ДУХ и НЕРЕАЛЬНОСТЬ. Именно их объединение создаёт концепт ВАМПИР.

Итак, для продуцирования параметров вымышленного мира опора на объективную реальность играет важную роль. Однако весомой оказывается и субъективность восприятия окружающего мира, существующая вне зависимости от конкретного индивида. Деятельность воображения, таким образом, выступает одновременно творческой и познавательной, своеобразной «высшей формой мышления» [Голосовкер 1987 : 12], благодаря которой реализуется искушение познать мир. В результате вымысел позволяет заглянуть туда, где реальность бессильна, [Rescher 2003 : 243]. Человек определяет сконструированные миры как подобие реальности, которая вербализуется с помощью семантики естественного языка [Jackendoff 1994].

Концепт *МЕЧТА* в возможном мире

Понятие возможного мира стало одним из наиболее полезных для лингвистов в русле логической и философской теории модальностей [Хинтикка 1980 : 228] в связи с тенденциями, ориентированными на анализ языковых явлений в рамках междисциплинарных исследований (см., напр., [Красных 1998; Обелец 2006; Kuczynski 2007; Semino 1997; Steinhart 2001]). Так, в изучении вымышленного мира долгое время доминировала сугубо философская направленность, так как науки, непосредственно определяющие комплекс знаний о путях человеческого развития (к примеру, антропология, этнолингвистика), были на начальной стадии своего развития. Сегодня интеграция фактов, полученных в рамках каждой из этих разделов знания, предоставляет возможность для всестороннего анализа проблем, связанных с порождением, вербальным отражением и восприятием квазиреальности. Как утверждает один из основоположников теории семантики возможных миров Я. Хинтикка, «возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и который свое реальное “я” проецирует в иные мыслительные пространства» [Хинтикка 1980 : 229].

Существенное значение для развития теории «возможных миров» имели теоретические и практические результаты исследова-

ния картин мира, которые являются отображением в психике человека мира вещей и процессов, в нем происходящих [Леонтьев 1983 : 16]. Если рассматривать картину мира как «концептосферу человека», то можно выделить, по меньшей мере, три особенности, которые ее характеризуют.

Во-первых, это ментальная (или рефлективная) деятельность, отображающая природу картины мира. Нужно различать объективный мир, то есть мир реальный, мир вещей, источник знаний, и мир, которым его воспринимает ментальная структура, то есть мир отображенный [Jackendoff 1994 : 28-29].

Другая особенность картины мира – это ее открытый, личностный, изменчивый характер. Вполне понятно, что «картина мира, которая отображается в сознании человека, чрезвычайно вариативна» [Вежбицкая 1996 : 6].

В-третьих, специфика картины мира определяет семантические особенности языка. «Общая картина мира и разнообразия миров представлены в семантике языка, а в первую очередь – в лексике» [Черемисина 1992 : 111]. Человек определяет свои сконструированные миры как подобие реальности [Jackendoff 1994]. Иными словами, семантика возможных миров «различна – как по сущности, так и по способам ее воплощения в языке» [Черемисина 1992 : 109].

МЕЧТА рассматривается нами как элемент квазиреальности, указывающей на то, что вербализованный фрагмент мира и наши знания о нем частично или абсолютно ложно отражают действительность. При этом субъективность восприятия окружающего мира оказывается в данном случае более весомой, нежели объективная реальность, поскольку отражает желания и устремления индивида. Таким образом, МЕЧТА в значительной степени больше иных концептов вербализует то, что относится одновременно к сфере сознательного и подсознательного.

Концепт *МЕЧТА* в американской лингвокультуре

Концепт МЕЧТА в английском языковом сознании обозначает чувства, образы или фантазии, которые приходят к нам во сне; сам процесс, когда это происходит; видение, мечта, образ, который мы видим или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не

спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; нечто, что мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в видении. Итак, МЕЧТА имеет два значения: 1) мысли и чувства, которые присущи человеку во время сна; 2) большое желание.

В американском варианте современного английского языка именно данный концепт получает новое значение, не представленное в других региональных вариантах. Оно стало решающим для определения современного концепта AMERICANISM, который рассматривается иммигрантами как очевидный контраст между характерным для людей образом жизни на прежней родине и тем, что можно было достичь в Америке. Следовательно, концепт МЕЧТА имеет ценностные признаки, предопределенные историей, традициями единой американской нации, ее духовно-психологической направленностью. Он воплощает представление человека о возможности достижения успеха в новой стране независимо от своего социального статуса и финансового состояния.

Место МЕЧТЫ в ценностной картине мира носителей американского варианта современного английского языка существенно. Он не только составляют основу сугубо национального концепта АМЕРИКАНИЗМ, но и другого – не менее значимого – АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. Их объединяют НАДЕЖДА, СВОБОДА, УСПЕХ, ДОСТАТОК, ЕДИНСТВО, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Если же МЕЧТА выделяет эти слоты в качестве перспективы и маркирует будущее, т. е. определяет приоритеты членов данного этносоциума, то АМЕРИКАНИЗМ фиксирует их наличие и важность для объединения нации. Что же касается концепта АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, то он определяет своеобразный результат деятельности индивида, достижение им желанной цели – полной интеграции в американское общество. Неоспоримой остаётся и аксиологическая значимость рассмотренных концептов. В американской картине мира они обладают лишь положительной коннотацией.

В случае же полного или частичного невыполнения поставленных целей активируются отрицательно маркированные слоты РЕЗЕРВАЦИЯ (для коренных жителей США); ЗАГРЯЗНЕНИЕ

ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (для всех жителей государства); РАЗОЧАРОВАНИЕ, ЖИЗНЬ В КРЕДИТ.

В то же время, для американцев МЕЧТА является, по выражению Дж. Стейнбека, далёкой и недостижимой, как для нас в своё время был КОММУНИЗМ [Steinbeck 1982 : 7]. Данный факт свидетельствует в пользу идеологической направленности рассматриваемого концепта. Действительно, концепт РАВЕНСТВО пронизывает публичные выступления А. Линкольна и Мартина Лютера Кинга. НЕЗАВИСИМОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ также выступают сущностными для данных концептов.

Американская идеология, основанная на единении ВОЗВЫШЕННОГО и ЗЕМНОГО, открывает широкие перспективы для вербальной репрезентации концепта МЕЧТА в современном газетно-журнальном дискурсе. В целом, апелляция к МЕЧТЕ традиционно является характерным приёмом в современной американской публицистике: *“Bombay **Dreams**” (“Newsweek”, 4/5/05), “Vatican’s “**Dream** Man”” (“Newsweek”, 5/22/00), “The End of a **Dream**” (“Newsweek”, 8/22/05), “Georgian **Dream**” (“History Today”, 9/09), “Mexico’s New **Dream** Equity Product Has ABS Accent” (“Asset Securitization Report” 10/09), “Magid Abraham’s American **Dream**” (“Marketing News”, 9/30/09), “The Residential Mortgage and the American **Dream**” (“Journal of Financial Service Professionals”, 9/09)* и т. п. Так, активно на передний план выдвигается концепт ГЛАМУР, возникший в результате взаимодействия ментальных структур более высокого уровня абстракции – УСПЕХ, СОВЕРШЕНСТВО, РОСКОШЬ, ВОСХИЩЕНИЕ. Он позволил по-новому «рассказать» сказку о Золушке (Cinderella myth), основанной на возможности реализации самой несбыточной мечты. В современном мире ГЛАМУР играет важную роль рекламы АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ и МЕЧТЫ по-американски с глобализационным подтекстом, призванным путём распространения по миру сделать притягательными, заложенные в них идеалы.

Кроме того, в последнее время в самих США стала остро ощущаться потребность скорректировать МЕЧТУ и для «внутреннего пользования». Это прежде всего связано с избранием Прези-

дентом Барака Обамы, что немедленно отразилось в заглавиях ряда газет и журналов: *“Dictator of My **Dreams**” (“Time”, 10/12/09), “Obama’s **Dream** Team” (“Time”, 10/5/09), “**Dream** Team” (“Finweek”, 9/10/09), “**Dreams** of a Different World” (“Economist”, 9/19/09), “Barack and Michelle, the Millennial Generation’s **Dream** Couple” (“Newsweek”, 2/23/09), “The American **Dream** Redefined” (“Advisor Today”, 9/09), “Keeping the **Dream** Alive” (“Family Business”, Autumn, 09), “Achieving the **Dream**” (“Bank Investment Consultant”, 10/09)* и др. Хотя всё же значительное количество упоминаний мечты в современном американском газетно-журнальном дискурсе связано с реализацией бытовой составляющей концепта МЕЧТА (см., напр., название журнала *“American **Dream** Homes”*; статей: *“Baby’s **Dream** Cube converts from crib to two full beds” (“Kids Today”, 9/09), “2009 Woodward **Dream** Cruise” – “AutoWeek”, 9/7/09*).

Неслучайно, даже на карте США можно встретить широкий спектр топонимов, отражающих ценности американского общества. Это – базовые для общества *Empire, Freedom, Liberty, Union, Unity, Republic, Independence, Concord, Liberal, Alliance, Industrial, Justice, Man,* важные для существования человека в обществе *Friendship, Friendly, Welcome, Pride, Champion, Success, Power, Blessing, Energy, Veteran, Telephone, Telegraph, Village,* указывающие перспективу *Paradise, Pioneer, Hope, Eden, Winner, Ideal, Happy, Enterprise, Endeavor,* сугубо личные *Eros, Surprise, Trade, Art, Loving, Comfort.*

Кроме того, для американцев МЕЧТА имеет глобализационный характер. Обратим внимание, например, на названия городов этой страны – среди топонимов есть значительное количество единиц с компонентом *New* (новый), что по сути доказывает, с одной стороны, ностальгию переселенцев по родному городу, а с другой – свидетельствует о стремлении американцев сделать свой город лучше: ср. *York :: New York, Orleans :: New Orleans, Brighton :: New Brighton, London :: New London, Prague :: New Prague, Florence :: New Florence, Berlin :: New Berlin, Troy :: New Troy* или даже «улучшить» целую страну (*New Sweden, New Germany, New Holland).*

Обратим также внимание и на то, что на названия ряда городов этой страны свидетельствуют о желании новых американцев реализовать свою мечту - вернуться не только в родной и /или любимый город, но и посетить отдельные наиболее значимые для них места *(Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park,)*, местности или административные единицы (*Livonia, Transylvania, Brittany, Normandy, Riviera, Westphalia, Lothian, Kent, Marlborough, Yorkshire, Cashmere*), реки *(Volga, Danube, Severn, Avon, Jordan),* озера *(Balaton),* горы *(Ararat, Etna, Vesuvius, Atlas),* острова *(Isle of Wright, Jersey, Java, Corsica, Cecilia)*.

Топонимы могут также содержать мечту о целой стране (*Lebanon, Russia, Angola, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haiti, Malta, Egypt, Italy, Ireland, Belgium*) или еще более обширной территории (*Iberia, Scandinavia, Palestine*), доводя мечту о «глобализации» до всемирного (*Earth*) и вселенского масштаба (*Altair*).

Выводы

Подобный ракурс исследования позволяет выявить сущностные ориентиры жизни американского народа, отраженные в концептуальной картине мира, а также вскрыть причины современного подхода к глобализации. Таким образом, представляется возможным по-новому подойти к анализу концептуализации мира. Перспективы данного подхода основываются на постулатах современной когнитивной лингвистики, активно занимающейся вопросами ословливания окружающего мира (см., напр., [Кубрякова 2006; Степанов 2007]). Следовательно, язык может рассматриваться не только как инструмент проникновения в ментальность, но и как ключ к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид. Язык при этом не просто отражает духовный мир человека и его культуру, а активно участвует в их формировании. Язык и культура одновременно, но с разных позиций влияют на мышление и мировосприятие, присущее определенному этносу. Подобные изменения особенно характерны современности – эпохи высоких информационных технологий, быстрого развития науки и

техники, что способствует активизации глобализационных процессов в жизни человеческого общества.

Итак, анализ вербальных репрезентантов концепта МЕЧТА с помощью средств современного английского языка дает новые сведения о конфигурации квазиреального мира как желанного в представлении американского народа. МЕЧТА имеет позитивное наполнение. Если же что-то человек видит в мечтаниях, то это значит, что он не отрицает возможности осуществления мечты и предпринимает шаги для ее реализации. Таким образом, МЕЧТА, существующая как параллельная реальность, воспринимается как нечто приятное, ожидаемое для индивида желание, поддерживающееся верой в будущее.

Литература

Арутюнова Н. Д. Будущее в языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд в будущее. – М.: Индрик, 2011. – С. 6 – 11.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.

Ильинова Е. Ю. Концептология вымысла в тексте авторской сказки // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 85 – 93.

Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М.-Калуга: Эйдос, 2007. – С. 69 – 80.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Институт языкознания РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.

Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3 – 13.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 318 с.

Нікульшина Т. М. Ірреальний світ англійською та українською мовами. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2010. – 186 с.

Обелец Ю. А. Темпоральная структура возможных миров художественного текста (на материале англоязычной прозы): Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 2006. – 240 с.

Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М.-Калуга, 2007. – С. 19 – 26.

Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

Черемисина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы. // Филологические науки. – 1992. – №4. – С. 111 – 117.

Jackendoff R. S. Patterns in the Mind, Language and Human Nature. – N.Y.: Basic Books, 1994. – 246 p.

Kuczynski J.-M. Does Possible World Semantics Turn All Propositions into Necessary Ones? // Journal of Pragmatics. – 2007. – Vol. 39, N. 5. – P. 872 – 916.

Leibnitz G. Philosophical Papers and Letters. – Dordrecht: D. Reidel Publishing House, 1969. – 542 p.

Radden G. Cognitive English Grammar. – N. Y.: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 374 p.

Rescher N. Imagining Reality: A study of unreal possibilities. – N.Y.: Open Court Publishing, 2003. – 298 p.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition & Categorization. – Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1978. – P. 27 – 48.

Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts. – L.: Longman, 1997. – 237 p.

Steinbeck J. Paradox & Dream // American Dream: Advanced Readings in English / Eds. Hochmard G., Sheram K. A., Sommers M., Wolff H. – Paris: Longman, 1982. – P. 6 – 7.

Steinhart E. Ch. The Logic of Metaphor: Analogous part of possible worlds. – Dordrecht: Kluwer Academic, 2001. – 261 p.

2.2. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ *СТРАХ* В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Борисов А. А.

Современные когнитивно-ориентированные лингвистические исследования направлены на определение общих принципов языковой категоризации окружающего мира. Это становится возможным посредством установления тех речемыслительных механизмов, которые отвечают за формирование и функционирование номинативных единиц естественного языка. В частности, речь идет о том, каким образом мир объективной действительности, к которому также относится отображённый в концептуальной системе индивида внутренний мир эмоций, получает свое идеальное оформление в виде языковых значений.

Изучение номинаций фрагментов эмоциональной сферы сознания и структурация знания про отдельные ее проявления правомерно остается актуальным в современном языкознании. Актуальность подчеркивается и тем, что одной из его основных проблем является исследование тематически организованных групп единиц, структурированных на основе полевого принципа в пределах интерпретационного поля определенного концепта [напр., Болдырев 2000; Вердиева 1986; Красавский 2001; Манакин 2004; Нижегородцева-Кириченко 2000; Скворцов 2001]. Именно поэтому интерес представляет изучение номинативного пространства “страх” современного английского языка, конституенты которого отражают категориальные аспекты эмоционального концепта (ЭК) СТРАХ.

Цель исследования заключается в лингвокогнитивном анализе субстантивных единиц репрезентации эмоции “страх” в современном английском языке. Описание структурированного концептом СТРАХ фрагмента современного английского языка позволяет глубже познать механизмы вербального воплощения эмоциональных смыслов в целом, и страха, в частности, а также раскрыть системные закономерности единиц, обозначающих данный ЭК. Поставленная цель раскрывается в следующих *заданиях*: определение термина “эмоциональный концепт”, структурация единиц

современного английского языка, репрезентирующих ЭК СТРАХ, в границах субстанционального лексико-семантического поля номинативного пространства “страх”, описание смыслового наполнения ЭК, построение лингвокультурной модели соответствующего концепта. До этого времени, изучалось субстантивное функционально-семантическое поле “страх” в современном английском языке [Казанцева 2001], рассматривался аксиологический аспект семантики англоязычных единиц объективации ЭК СТРАХ [Бессонова 2003].

Исследование эмотивной лексики, с одной стороны, анализ эмотивной речи с другой, свидетельствует о том, что в эмоциональных концептах отражаются и осмысливаются разнообразные фрагменты эмоциональной сферы человеческого существования, социализированные в конкретной культуре и имеющие специфические вербальные формы своего выражения [Красавский 2001; Шаховский 2002]. Принимая во внимание многоаспектность феномена “эмоция”, информативную насыщенность имеющихся знаний о нём, которые аккумулируются и структурируются соответствующим концептом, вербализированный *ЭК* можно определить как *сложный динамический структурно-смысловой конструкт человеческого сознания, специфика которого определяется единством этнокультурного, социокультурного и индивидуального опыта индивида об определенной эмоции* [см. напр., Бородкина 2002 : 5; Карасик 2002 : 21; Красавский 2001 : 51-53].

Изучение такого фрагмента англоязычной картины мира, которым является вербализированный ЭК СТРАХ, предполагает его рассмотрение в качестве информационного сгустка, сформированного в результате познания индивидом внутренних и внешних проявлений эмоции “страх”. Реализация обозначенной цели означает принятие во внимание гетерогенной природы знания о данной эмоции, что является основанием для проведения анализа семантической структуры исследуемого ЭК в разных плоскостях.

Сам же страх является фундаментальным свойством человеческого существа, естественной универсальной базовой эмоцией, которая отображает инстинкт самосохранения и играет ведущую роль в обеспечении жизнедеятельности человека [Изард 2000 : 34]. Поэтому ЭК СТРАХ выступает в качестве доминанты среди

ключевых концептов в концептуальной картине англоязычного мира [Шаховский 2002 : 53]. Подобные концепты имеют непосредственное отношение к мотивационному уровню индивида и тесно связаны с его ценностными установками. К тому же, ключевые концепты культуры передают специфику образа жизни и способа мышления народа, определяют его культурно-значимые состояния и потому являются бесценными ключами к пониманию культуры.

Функциональное предназначение страха заключается в том, что он проявляется в виде аффективно обостренного восприятия угрозы для жизни, благополучия или самочувствия человека и последующей его активной или пассивной реакции на неблагоприятные факторы окружающей среды [Изард 2000]. Следовательно, первопричиной появления страха является физическое или ментальное восприятие определенного положения вещей, которое категоризируется сознанием как опасная ситуация. При этом наблюдаются полностью или частично осознанные и контролируемые действия и языковые реакции субъекта на опасность: адаптация к окружающим условиям, борьба, или, наоборот, подчинение эмоциональному переживанию со следующими негативными или позитивными для индивида последствиями.

Специфика реакции человека на угрозу и возникновение страха определяется уровнем его социализированности в англоязычном этносе. Речь идет о наложении жестких общественных ограничений на способы эмоциональной экспрессии, а также об осознаваемых и непроизвольных действиях индивида, направленных на нахождение выхода из такой ситуации, среди которых главное место занимает выражение реакции на страх разнообразными единицами национального языка. Социальная детерминация объясняет происхождение эмоции, культурно-историческая – определяет формы ее выражения и способы регуляции, и эти знания включаются непосредственно в структуру ЭК и получают вербальное воплощение.

Имя эмоции – знаковое образование, которое фиксирует собой концепт не только как когнитивную структуру, но и как “сгусток культуры”. Изучение знака эмоции как когнитивно-культурного феномена является лингвосемиотическим способом

декодирования самого концепта, определения и построения его концептуальной структуры. Семантический анализ лексем английского языка, которые представляют ЭК СТРАХ, показал, что общее для элементов ЛСП “страх” понятие в наиболее “чистом” виде представлено в архилексеме *fear*. Она является доминантой и идентификатором поля, поскольку понятие, ею зафиксировано, в той или иной степени, представлено в дефинициях всех конституентов поля и их ЛСВ.

Определения семантики *fear* как базовой номинации страха является проблематичным вследствие абстрактности соответствующего денотата. Именно поэтому для анализа дефиниций мы применяем синтезирующий подход, который заключается в выведении единственного общего значения лексической единицы на основе определений, приведенных в нескольких словарных источниках. Такой подход позволяет более полно и точно представить содержание психических понятий, многие из которых являются онтологически близкими друг к другу. Полученная дефиниция симбиоза является расширенным вариантом толкования лексемы, характеризуясь полной семантической достаточностью.

Анализ словарных дефиниций лексемы *fear* позволил выделить следующие признаки ядра ЭК СТРАХ: *fear* is an unpleasant, painful **emotion** caused by the nearness or possibility of impending **danger** to oneself or others who are important accompanied by a **desire to avoid or to escape** it [CCELD : 261; LDCE : 578; OALDCE : 973; SDD : 522; OGEL : 340]. В семантике анализируемой лексемы содержится общая родовая сема “эмоция” (*emotion*), которая указывает на соответствующую денотативную сферу сознания человека. Среди видовых компонентов, которые служат конкретизации значения, выделяются: сема “характер эмоции” (*painful*), взаимодействующая с семой “негативная оценка” (*unpleasant* – неприятная), “опасность / угроза” (*danger*), “симптом эмоции” (*desire to avoid or to escape it* – желание избежать или уклониться от угрозы), “характер опасности / угрозы” (*nearness of impending danger* – неминуемая: реальная / близкая; *possibility of impending danger* – возможная / неминуемая), “объект угрозы” (*oneself or somebody who is important* – индивид / близкие ему люди).

В современном английском языке категориально разные аспекты единицы *fear* фиксируются производными словообразовательными единицами, которые эксплицируют:

1) **состояние индивида:** прилагательные *fearful* (ЛСВ1), *fearsome* (ЛСВ1) – *full of fear; frightened that something might happen* (*полный страха; напуганный тем, что может случиться*) [LDCE : 579], *fearable – to be frightened* (*наляканий*) [EWED : 115]; субстантивные синонимы в ЛСВ2: *fearsomeness* та *fearfulness – quality or state of being affected with fear* (*состояние напуганности*) [EWED : 115; LDCE : 579];

2) **черты характера индивида:** прилагательное *fearless – not afraid of anything* (*бесстрашный*) и существительное *fearlessness* – (*бесстрашие*) [LDCE: 579];

3) **негативную оценку объекта угрозы:** *fearful* (ЛСВ3) и *fearsome – very frightening* (*очень пугающий*) [LDCE : 579]; *fearable – giving cause for fear* [EWED : 115] и субстантивные синонимы в ЛСВ 2 *fearfulness, fearsomeness – quality of being fearsome* (*ужасность*) [EWED : 116];

4) **манеру поведения:** *fearfully – in a way that shows you are afraid* (*(вести) определённым образом, проявляя страх*) [LDCE : 579] или *fearfully, fearsomely – in a fearsome manner* (*угражающе, навевая страх*) [EWED : 115] (***негативная*** маркированность) и *fearlessly – in a way that shows you are not afraid* (*(вести себя) определённым образом, не показывая страха*) (***позитивная*** маркированность) [LDCE : 579].

Если информативная структура ЭК “отвечает” за денотативный аспект значения его номинантов, то их конотативний аспект фиксирует статус ЭК СТРАХ, который определяется отношением этноса к коррелирующей эмоции [Красавский 2001]. Семантическая структура единиц на обозначение эмоций содержит аксиологические семы, как результат оценивания человеком роли конкретной эмоции в своей жизнедеятельности. Имея биологическую почву, страх получает национально-культурную форму проявления, которая базируется на этно-специфическом отношении человека к эмоции как к социализированному феномену.

Коннотация в форме негативной оценки, которая фиксируется дифференциальными семами *unpleasant* и *painful* (*emotion*) лексемы *fear*, сопровождая массив единиц ЛСП “страх”, имеет не четко эксплицированный характер, поэтому указанный корпус относится нами к условно нейтральной лексике. В словарных толкованиях лексемы *fear* и номинаций всех других форм эмоции не фиксируется ее позитивная роль как сигнала опасности и потребности ее устранения или избежания. Поэтому позитивная оценочная сема, которая отображает чрезвычайную значимость страха в жизни человека, находится на периферии ЭК СТРАХ. Вышеуказанное является причиной локализации ЭК СТРАХ в негативно окрашенной части ядра оценочного тезауруса английского языка. Однако, периферия ЭК СТРАХ проникает в его позитивную часть, фиксируя конструктивный характер страха в плане выживания и ориентации человека в окружающем мире.

Описывая организационные связи, которыми характеризуются эмотивы номинативного пространства ЭК СТРАХ, мы придерживаемся той точки зрения, что базисные номинанты эмоций имеют лингвистический статус *гиперонимов*; другие номинанты эмоций одной онтологии выступают в качестве *гипонимов* [Красавский 2001 : 244], обнаруживая, таким образом, отношения синонимии между единицами одного или соседних уровней иерархии. Следовательно, учитывая то, что архилексемой поля выступает диффузная широкозначная единица, которая указывает на денотативную принадлежность анализируемых слов, констатируем выполнение лексемой *fear* роли гиперонима относительно всех других синонимических ей и друг другу номинантов состояния страха. Идет речь о концептуальных структурах значений синонимов, которые обозначают формы прототипической эмоции “страх”. Концентрируясь вокруг страха, они различаются интенсивностью переживаний и собственными качественно отличными признаками [Гамзюк 2001 : 85; Шаховский 2001 : 49]. Отмеченные синонимы высокого уровня абстракции, указывая на сложный и специфический объект исследования, выполняют роль *эквонимов* – единиц одного класса, включающих смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дифференциальными семами [Никитин 1996 : 450].

Иначе говоря, информационная структура ЭК СТРАХ включает другие сформированные вокруг его понятийного ядра субконцепты. Набор таких ЭК низшего уровня генерализации определяет комплексный характер концепта, который является отражением вышеописанной кластерности эмоции страх. Соответственно, значения эквонимических репрезентантов субконцептов, которые участвуют в структурации ЭК СТРАХ, содержат архисему *'fear'*, отличаясь рядом узуально детерминированных видовых сем [см. Гольдберг 1988 : 14; Манакин 2004 : 133].

Названия кластерных эмоций ЛСП "страх" современного английского языка выступают в качестве своеобразных стержневых элементов, превращая его в упорядоченную совокупность понятийно связанных синонимических группировок лексем. Среди них выделяется основной синонимический ряд (СР), который составляет базу логической структуры номинативного пространства, поскольку наиболее адекватно отображает его основную понятийную категорию [Караулов 1987 : 111; Колпакова 2004 : 135]. Лексема *fear* является синонимической доминантой (СД) и возглавляет основной СР, сформированный на основе таких стилистически нейтральных субстантивных единиц (30 единиц), как: *fear* (***fear***: *dread, apprehension, anxiety* (ЛСВ2), *fright, trepidation* (ЛСВ2), *fearsomeness, fearfulness, consternation, awe, horror, terror, dismay, alarm, panic, foreboding, unease / uneasiness, phobia, agoraphobia, claustrophobia, hydrophobia, jolt, tremor* (ЛСВ3), *frisson* (ЛСВ2), *hysteria* (ЛСВ2), *misgiving, misdoubt* (ЛСВ3), *chill* (ЛСВ3), *wobble* (ЛСВ2)) [см. LLCE; NRT].

В основном СР виделяются ряды синонимов во главе со вторичными **СД** *anxiety* (усього 15 единиц) (***anxiety***: *angst, trepidation* (ЛСВ1), *agitation* (ЛСВ1), *qualm* (ЛСВ1), *concern* (ЛСВ1), *fretfulness, unease / uneasiness* (ЛСВ2), *restlessness* (ЛСВ1), *suspense* (ЛСВ1), *frenzies* (ЛСВ1), *heartache* (ЛСВ2), *leaden* (ЛСВ2), *turmoil* (ЛСВ3)) и **СД** *fright* (5 единиц) (***fright***: *scare, nervousness* (ЛСВ3), *timorousness* (ЛСВ2), *nerves* (ЛСВ2)) [см. LLCE; NRT].

Наибольший вторичный СР составляют единицы с СД *worry* (41 единица) (***worry***: *agitation* (ЛСВ2), *nervousness* (ЛСВ2), *qualm* (ЛСВ2), *anguish* (ЛСВ2), *concern* (ЛСВ2), *fret, trouble* (ЛСВ2),

nervosity, bother (ЛСВ2), *strain* (ЛСВ1), *tension, tenseness, hypertension* (ЛСВ2), *anguish* (ЛСВ2), *stress, unease / uneasiness* (ЛСВ1), *flutter* (ЛСВ1), *suspense* (ЛСВ2), *fuss, disturbance* (ЛСВ3), *pulsation* (ЛСВ2), *stir, ripple* (ЛСВ3), *distress* (ЛСВ2), *upset* (ЛСВ2), *premonition* (ЛСВ2), *paranoia, embarrassment, excitement / excitability, harassment* (ЛСВ3), *discomfort* (ЛСВ3), *hypochondria*, nerves (ЛСВ1), *obsession* (ЛСВ2), *vexation, preoccupation* (ЛСВ2), *perplexity* (ЛСВ2)) [див. LLCE; NRT]. Анализ вторичных доминант констатирует ряд дистинктивных признаков, которые уточняют компоненты основного СР, обнаруживая отличия между другими подгруппами.

Значительное количество синонимических единиц, обозначающих страх, подчеркивает тот факт, что эта эмоция является гиперкогнитизированной с детальной разработанной когнитивной структурой: в англоязычной картине мира вербализированный ЭК СТРАХ (FEAR) выступает архиконцептом (прототипом) относительно таких его базовых составляющих, как концепты ТРЕВОГА (ANXIETY), ОБЕСПОКОЕННОСТЬ (WORRY) и ИСПУГ (FRIGHT). Семантическая общность и отличие единиц отмеченных СР позволяет рассмотреть ЭК СТРАХ во всем разнообразии присущих ему признаков.

Широта объема и разнородность семантики ЭК ставит вопрос моделирования его лингвоконцептуальной архитектоники. Решение этого вопроса позволяет выделить два критерия дифференциации зафиксированного в информативной структуре ЭК СТРАХ знания, а именно – *референционный* и *качественный*. Первый акцентирует привязанность фрагментов опыта к структурным элементам акта переживания эмоции страх. Второй касается “модусности” знания, что относится к понятийной, образной и оценочной сферам сознания.

Анализ информационной структуры ЭК СТРАХ по ***референционному*** принципу даёт основания для дискретизации отдельных частей концепта в соответствии с рядом событий, представленных прототипической лингвопсихологической моделью страха: 1) опасная ситуация; 2) собственно эмоция «страх» и непроизвольные реакции индивида; 3) определенным образом осознанные действия и

языковые реакции человека. Для описания трёх фундаментальных этапов (событие-страх-реакция) наиболее удачным оказывается привлечение фреймовой структуры, поскольку именно фрейм создает логично завершенную схематичную “картину” в процессе познания стереотипной ситуации, указывая на вербализированные участки выделенной области знания [Болдырев 2000 : 55; Ungerer 1999 : 211].

Фрейм ЭК СТРАХ, который содержит данные декларативного характера, отображает постоянные и неизменные черты ситуации возникновения страха: появление УГРОЗЫ предопределяет возникновение СТРАХА, который проявляется в физиологических и поведенческих РЕАКЦИЯХ человека. Отмеченные информационные блоки распределены по терминалам фрейма, которые коррелируют с соответствующими актуализированными концептами. Во время восприятия ситуации эти концепты активизируются вместе с теми связками, которые существуют между ними, и по мере заполнения терминалов в сознании человека воссоздается фрейм данной ситуации [Жаботинская 2002].

Анализ семантики ЭК СТРАХ по *качественному* параметру основывается на том, что, будучи маркерами эмоциональной сферы человека, ЭК отражают информацию об эмоционально-личностных качествах, психофизических состояниях индивида, физиологических реакциях организма, а также осуществляют активную интерпретацию окружающей реальности в ментальном мире человека. Описывая информативную структуру ЭК, Дж.Лакофф и М.Джонсон выдвинули предположение о его *диадной* структуре, которая состоит из ингерентного неметафорического скелета концепта и набора конвенциональных метафор, которые семантически разнообразно “облачают” этот скелет [Lakoff 1999 : 128]. С другой стороны, отечественные лингвисты В.И. Карасик, Н.А. Красавский придерживаются мысли о *триадной* архитектонике ЭК. Структура ЭК подразделяется на *понятийную* составляющую (отражает дефиниционную структуру лексемы), *образную* составляющую (фиксирует когнитивные метафоры, которые поддерживают концепт в языковом сознании) и *ценностную* составляющую (этимологические, ассоциативные параметры; место имени ЭК в лексической

системе и аксиологическом тезаурусе языка) [Карасик 2002 : 9-10; Красавский 2001].

Синтез представленных подходов к анализу структуры вербализированного ЭК результируется в выделении прототипических и непрототипических аспектов в каждой из составляющих триадной модели концепта. Так, в *понятийной* составляющей ЭК можно выделить ряд дистинктивных (прототипических) признаков, которые репрезентируют обобщенную сущность эмоции, отражённой в ЭК, и ряд дополнительных признаков разной степени конкретизации, которые специфицируют дистинктивные компоненты. *Образная* составляющая ЭК включает образность, связанную как с ментальным миром человека, испытывающего эмоцию, так и с ситуацией, в которой она переживается. К примеру, симптоматика эмоции – ассоциация конкретной эмоции с набором сенсорно-перцептивных и моторных реакций организма, а также знание о прототипических ситуациях, которые сопровождают или провоцируют ее возникновение. Всё это даёт основания развести 1) перцептивный образ эмоции как пучок прототипических ее симптомов разных модальностей (выразительные движения, характерное выражение лица, внутренние ощущения и т.п.) на фоне характерной ситуации, и 2) ассоциативный образ эмоции, который формируется в результате ее метонимического и метафорического осмысления [Kovecses 2002]. Значимая составляющая ЭК содержит представление об универсальной оценке этносом эмоции как позитивной или негативной, а также *нехарактерную* ее оценку как результат индивидуальных переживаний в определенной ситуации и осознания амбивалентности эмоций.

Учитывая всё вышесказанное, выделяем в структуре ЭК *ядро* как прототипический, “ингерентный скелет” знания про эмоции, и *периферию*, в состав которой включаем все другие знания. Применив разработанную стратификацию семантики ЭК к исследуемому ЭК СТРАХ, можем смоделировать его структуру в виде уровневой схемы, горизонтальное направление которой отбивает его триадну структурацию, а вертикальное направление – диадную. Ядро ЭК СТРАХ составляет эмоциональное понятие, которое формируется на *универсальных* перцептивных образах и оценке. Перифе-

рия формируется по мере “погружения” ЭК в англоязычное культурное пространство, когда понятие о “страхе” сообщается с развернутым оценочным *опытом индивида*, детерминированным миропониманием этноса, и обрастает дополнительными признаками, которые вписываются в глобальную систему его связей как компонент суммарного знания.

Итак, когнитивные, психологические и социокультурные характеристики являются главным фактором формирования смысловой сущности ЭК СТРАХ в английской концептуальной картине мира. Синтез полученных в результате проведенного двонаправленного анализа структуры ЭК СТРАХ знаний дает возможность утверждать, что каждый из выделенных его *референционных* блоков – УГРОЗА, РЕАКЦИЯ и СТАТАЛЬНЫЙ блок – содержит знания разного *качества*, которые относятся как к ядру, так и к периферии. Указанное позволяет говорить о *качественно-референционной модели* семантической архитектоники ЭК СТРАХ, горизонтальное строение которой отвечает качественному распределению знания о страхе, а вертикальная – референционному. Данная конфигурация формирует концептуальную основу, на которой выстраивается ядро значений номинаций ЭК СТРАХ в современном английском языке. Соответствующая модель успешно может быть применена для анализа семантической структуры других ЭК этнического сознания и определения принципов структурации единиц их репрезентации в языке.

Выводы

ЭК СТРАХ является базовым концептом английского этносознания. Он выступает как “квант” структурированной социокультурной информации, которая представляет знание про эмоцию “страх”. Архитектоника исследуемого концепта включает широкий спектр признаков физического, психологического, когнитивного, социального и национально-культурного характера, которые распределяются по ядерной и периферийной зонам, детерминируя конфигурацию значения его многочисленных разноуровневых языковых репрезентантов. Ядерная часть ЭК СТРАХ находится в негативной ассоциативно-образной зоне англоязычной картины мира;

периферия ЭК проникает в ее позитивную часть, фиксируя конструктивный характер страха в плане выживания человека в естественной и социальной среде обитания.

Структура ЭК СТРАХ моделируется в виде сложной ядерно-периферийной конфигурации знаний о прототипических и непрототипических понятийных, образных и ценностных признаках возникновения, переживания и устранения эмоции “страх”. Референционный аспект ЭК, который реконструируется при выделении в структуре концепта СТРАХ блоков УГРОЗЫ, РЕАКЦИЯ и СТАТАЛЬНОГО блока дополняет выделенную качественную конфигурацию знания. Блоки содержат информацию разного качества, которая принадлежит ядру и периферии. Выделенные смысловые грани ЭК являются основой для построения качественно-референционной модели семантической структуры ЭК СТРАХ. Соответствующая конфигурация выступает в качестве матрицы для построения значений номинантов анализируемого концепта в современном английском языке, и выступает основой семантических и структурных сдвигов, которые происходят в образованном ими номинативном пространстве ЭК СТРАХ.

В современном английском языке субстанциональное ЛСП “страх”, которое детерминирует построение полей разной частиречной принадлежности, состоит из упорядоченной совокупности понятийно связанных синонимических группировок лексем, обозначающих разновидности страха. Основным СР ЛСП “страх”, который составляет базу логической структуры номинативного пространства “страх”, наиболее концентрировано представляя ядро ЭК СТРАХ, является цепочка синонимов – абстрактных стилистически нейтральных именных лексических единиц, возглавляемый архилексемой *fear*. В пределах ряда выделяются СР с доминантами *anxiety*, *worry* и *fright*, анализ которых констатирует ряд дистинктивних признаков, уточняющих компоненты основного СР. Выделение основных доминант способствует пониманию того, что в англоязычной картине мира вербализированный ЭК СТРАХ (FEAR) является архиконцептом относительно таких его базовых составляющих как ЭК ТРЕВОГА (ANXIETY), ОБЕСПОКОЕННОСТЬ (WORRY) и ИСПУГ (FRIGHT). Такой подход может быть взят за

основу при рассмотрении семантической структуры ряда других базовых ЭК и объяснении причин того или иного расположения их вербальных репрезентаций в границах соответствующих лексических группировок.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Бєссонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти: дис. … д-ра філол. наук: 10.02.04. – Донецьк, 2003. – 463 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. – 123 с.

Бородкина Г. С. Концепты “Angst” и “Freude” в семантическом пространстве языка и его австрийского варианта: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002. – 22 с.

Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. – М.: Высшая школа, 1986. – 119 с.

Гамзюк М. В. Емотивність фразеологічної системи німецької мови (досвід дослідження в синхронії та діахронії): дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04. – К., 2001. – 386 с.

Гольдберг В. Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп (на материале английского, русского и немецкого языков). – Тамбов: ТГПИ, 1988. – 56 с.

Жаботинская С. А. Ономасиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку. – М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 115 – 123.

Изард К. Э. Психология эмоций: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.

Казанцева Е. А. Функционально-семантическое поле СТРАХА в английском языке // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2001. – С. 129 – 132.

Калимуллина Л. А. О концептуальном подходе к анализу текстового поля эмотивности // Теория поля в современном языкознании. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2001. – С. 90 – 94.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

Колпакова Г. В. Концептосфера в области антропонимии в немецком и русском языках // Лексикология и стилистика. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2004. – С. 132 – 138.

Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 700 с.

Скворцов О. Г. Методы исследования лексических систем. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2001. – 142 с.

Шаховский В. И., Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – №5. – С. 38 – 57.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 240 p.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Challenge to Western Thought. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 624 p.

Ungerer F., Schmid H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – L.-N.Y.: Longman, 1999. – 306 p.

Collins Cobuild English Language Dictionary / Ed. by J.Sinclair. – London: Harper Collins Publishers, 1991. – 1703 p.

Encarta World English Dictionary / Ed. by K.Rooney. – London: Bloomsbury Publishing Plc, 1999. – 2172 p.

Standard Desk Dictionary. A Funk and Wagnalls Book / Ed. by T.Crowell. – N.Y.: Published by T.Y.Cromwell, 1977. – 870 p.

Oxford Advanced Learner‘s Dictionary of Current English / Ed. by A.S.Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1982. – V. I. – 577 p.

The New Roget's Thesaurus in Dictionary Form / Ed. by S.Marrow. – N.Y.: G.P. Putnam's Sons, Inc., 1972. – 496 p.

The Oxford Guide to the English Language / Ed. by J. M. Hawking. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 577 p.

Longman Lexicon of Contemporary English / Ed. by T. McArthur. – Hong Kong: Longman Group, 1981. – 910 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. The Living Dictionary / Ed. by S. Bullon. – Harlow, England: Pearson Education Limited, 2003. – 1949 p.

2.3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА *РАВНОВЕСИЕ* В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ РАССКАЗАХ

Багацкая Е. В.

Значительное место в современных лингвистических работах занимают исследования лексического выражения концептов культуры [Степанов 1997; Карасик 2004; Воркачев 2002; Мещерякова 1999] как многомерных социопсихических образований коллективного сознания, которые обеспечивают вхождение культуры в ментальный мир человека и отображаются языковыми средствами [Степанов 1997].

В то же время недостаточно исследованными остаются концепты, которые представляют сенсомоторное взаимодействие человека с окружающей средой. К ним принадлежит концепт РАВНОВЕСИЕ, который формируется в результате постепенного осознания человеком ощущения статики тела [Johnson 1987 : 75], что приводит к возникновению представления о разных видах равновесия – физическом, психическом, социальном. Поскольку концепты, образованные под воздействием телесного опыта, отображаются в грамматике и базовой лексике [Кубрякова 2006 : 4], концепт РАВНОВЕСИЕ на языковом уровне представлен прежде всего лексическими и грамматическими средствами.

Заданием статьи является выявление и анализ лексических средств выражения исследуемого концепта в современных американских рассказах.

Языковое отображение концепта РАВНОВЕСИЕ детерминируется сенсомоторным опытом человека, который включает предконцептуальные представления о равновесии тела, и заключается в его обозначении лексическими и грамматическими средствами, которые выражают наиболее базовые значения [Кубрякова 2006 : 4]. Языковое воплощение концепта РАВНОВЕСИЕ связано с одноименной образ-схемой – одним из элементарных базовых конструктов, которые упорядочивают физический опыт взаимодействия с окружающим миром и определяют наше место в нем [Johnson 1987 : 75]. В этом термине компонент “образ”, с одной стороны, указывает на восприятие как источник создания этой концептуальной структуры, а, с другой, свидетельствует о ее использовании для формирования сложных образов сознания [Johnson 1987 : xix]. Компонент “схема” отображает чрезвычайно высокую степень обобщения образ-схем, предопределенную постоянным повторением связанных с ними ментальных операций [Johnson 1987 : 75].

Образ-схему РАВНОВЕСИЕ используем для моделирования структуры исследуемого концепта, в которой М. Джонсон выделил компоненты соматичности, вертикальности и силы. Компонент соматичности представляет человека как целостную совокупность физических, психических и социальных свойств. Компонент вертикальности отображает вертикальную осанку как основу равновесия. Компонент силы указывает на человека как целевой объект (target), на который действует внешний источник (source), вызывая потерю или восстановление равновесия [Johnson 1987 : 85].

Взаимодействие упомянутых компонентов при создании образа персонажа в исследуемой американской художественной прозе определяет три этапа отображения анализируемого концепта: описание начального равновесия как компонента образа персонажа, описание его нарушения и восстановления, которые коррелируют с возникновением и преодолением внутренних и внешних конфликтов действующих лиц.

В анализируемом материале глаголы обозначают компоненты 1) **соматичности**, который представляет человека как совокупность физических, психических и социальных качеств, и 2) **силы**,

которая вызывает потерю или восстановление равновесия. Рассмотрим каждую из этих групп глаголов в отдельности.

Активация концепта РАВНОВЕСИЕ происходит на фоне физического, психического, социального взаимодействия человека и пространства. Использование образ-схемы КОНТЕЙНЕР при анализе исследуемого концепта позволяет выделить внутреннее равновесие человека, соотнесенное с его физическим телом и эмоциональными состояниями (тело как КОНТЕЙНЕР), и внешнее, связанное с физической и социальной разновидностями КОНТЕЙНЕРА, которые воплощают физические объекты и, соответственно, социальные явления и институты (окружающая среда как КОНТЕЙНЕР).

В этом случае нарушение или восстановление равновесия происходит в результате лишения/обеспечения человека возможности сохранять целостность собственного тела/мира, или препятствие движению ВНУТРЬ/НАРУЖУ других физических и социальных структур, соотнесенных с КОНТЕЙНЕРОМ. Исходя из этого, актуализация образ-схемы КОНТЕЙНЕР как средство репрезентации концепта РАВНОВЕСИЕ непосредственно связана с силовыми гештальтами, вербализированными глаголами, которые мы разделили на две группы: глаголы со значением “**ограничение движения**” и “**нарушение целостности**”.

К глаголам с семантикой “**ограничения движения**”, которые обозначают ПРЕПЯТСТВИЕ для движения ВНУТРЬ/НАРУЖУ физического, психического или социального КОНТЕЙНЕРА, мы относим *catch*, *trap*, *confine*, *reserve*, *suspend*, *snare*, *restrain*, *exclude*, *capture*, *retain*, *debar*, *expel*, *eject*, *eliminate* и т.п. Их общей семантической особенностью является наличие в словарных дефинициях семы ‘***keep***’, которая указывает на препятствие для движения НАРУЖУ/ВНУТРЬ физического, психического или социального КОНТЕЙНЕРА, в результате чего нарушается равновесие.

Используя компонентный анализ глаголов со значением “ограничение движения”, мы выделяем их базовые семы ‘*keep in*’ и ‘*keep/force out*’, согласно которым классифицируем эти глаголы на те, которые обозначают препятствие для движения ВНУТРЬ

КОНТЕЙНЕРА, и те, которые указывают на препятствие для движения НАРУЖУ из КОНТЕЙНЕРА.

Глаголы, обозначающие препятствие для движения НАРУЖУ из физического КОНТЕЙНЕРА, содержат общую сему ***'keep in'***, которая сочетается с семой физического влияния, и указывают на нарушение **физического** равновесия: *catch* (семема *'restrain from escaping, capture in'* [COD : 176]), *trap* (семема *'stop and retain in'* [COD : 1299]), *confine* (семема *'keep or restrict within certain limits'* [COD : 240]), *reserve* (сема *'retain in'* [COD : 1023]), *snare* (сема '*catch in*' [COD : 1151]), *restrain* (семема '*keep within bounds*' [COD : 1027]), *capture* (семема '*take prisoner*' [COD : 167]), *retain* (семема '*keep in place*' [COD : 1028]).

Так, в примере *"I felt **trapped**", she said. "In that old building with a fire; it's like a nightmare"*. (AP : 6) глагол *to trap* вербализирует ПРЕПЯТСТВИЕ для движения НАРУЖУ из физического КОНТЕЙНЕРА (building), источником которого является огонь (fire), вследствие чего нарушается физическое равновесие женщины.

Глаголы, обозначающие препятствие для движения ВНУТРЬ социального КОНТЕЙНЕРА, содержат общую сему '***keep/force out***', которая сочетается с семой социального влияния, и указывают на нарушение **социального** равновесия: *suspend* (семема *'debar temporarily from office, privilege'* [COD : 1229]), *exclude* (семема *'keep out from a group, privilege'* [COD : 407]), *debar* (семема '*exclude from admission or from a right*' [COD : 297]), *expel* (семема '*force out or eject smth from its container*' [COD : 411]), *eject* (семема '*force from a building or other property*' [COD : 376]), *eliminate* (семема '*exclude from consideration, further participation*' [COD : 380]).

Так, в примере *The fact is, you are on probation right now. As you know, any student who is passing in less than half his work **is** automatically **suspended** from the university and must return to his home. Now one F more and out you'll go.* (TGSS : 74) глагол *to suspend* обозначает ПРЕПЯТСТВИЕ, источником которого является неудовлетворительная оценка (F), нарушающая социальное равновесие юноши, как результат его исключения из желательного социального КОНТЕЙНЕРА (university).

К глаголам, обозначающим “**нарушение целостности**” тела человека или окружающего его мира, которое приводит к потере равновесия, мы относим *snap* (семема ‘*break suddenly*’ [COD : 1150]), *disrupt* (семема ‘*separate forcibly, shatter*’ [COD: 338]), *set apart* (сема ‘*separate*’ [COD : 1109]), *shatter* (семема ‘*break suddenly in pieces*’ [COD : 1114]), *tear* (семема ‘*pull apart or to pieces with some force*’ [COD : 1252]), *smash* (семема ‘*bring into pieces, bring to sudden or complete destruction*’ [COD : 1147]), *break* (сема ‘*destroy*’ [COD : 136]), *ruin* (семема ‘*utterly impair or wreck*’ [COD : 1055]), *destruct* (семема ‘*destroy deliberately*’ [COD : 317]), *wreck* (семема ‘*completely ruin*’ [COD : 1415]), *impair* (сема ‘*damage*’ [COD : 590]), *damage* (семема ‘*inflict damage on*’ [COD: 291]), *distort* (семема ‘*put out of shape*’ [COD : 340]), *destroy* (сема ‘*break down*’ [COD : 317]), *burst* (семема ‘*break suddenly and violently apart by expansion of contents or internal pressure*’ [COD : 150]), *crack* (семема ‘*break without a complete separation of the parts*’ [COD : 268]), *split* (семема ‘*break forcibly into parts*’ [COD : 1175]) и т.п. Общей семантической особенностью перечисленных глаголов является наличие в их словарных дефинициях значения разрушения (семы ‘***break***’, ‘***destroy***’, ‘***ruin***’) или разрыва на части (семы ‘***separate*** ‘, ‘***pull apart*** ‘, ‘***bring into pieces***’) тела, соотнесенного с КОНТЕЙНЕРОМ, вследствие действия силы, нарушающей равновесие.

Применяя метод компонентного анализа к глаголам со значением “нарушение целостности”, мы выделяем их базовые семы, согласно которым делим эти глаголы на подгруппы по таким критериям: 1) **качественная характеристика силы (способ действия)**, нарушающей равновесие; 2) **направленность силы**, нарушающей равновесие; 3) **степень интенсивности силы**, нарушающей равновесие.

По **качественной характеристике** силы, нарушающей равновесие, глаголы со значением “нарушения целостности” делим на две группы: глаголы с семантикой “**разрушения**” и семантикой “**разделения**”. Глаголы с семантикой “**разрушения**” *snap*, *ruin*, *destruct*, *wreck*, *impair*, *damage*, *distort*, *destroy*, *burst*, *break* содержат общие семы ‘***break/destroy***’ и обозначают силу, которая нару-

шает физическое равновесие в результате разрушения целостности тела человека.

Так, в примере *But on his last day that I spent with Mr. Overend, he was fairly calm, although there were signs of the awful neurotic dance of his facial muscles which were later* ***to distort*** *him utterly before he died insane* (GABS : 128) глагол *to distort* обозначает силу, нарушающую физическое равновесие мужчины, источником чего становится невротический спазм мышц (*neurotic dance of his facial muscles*), который разрушает физическую целостность его тела.

Глаголы с семантикой "**разделения**" *crack, disrupt, set apart, tear, split, shatter, smash* содержат общую сему '***separate***' и обозначают силу, которая нарушает физическое, психическое и социальное равновесие в результате нарушения целостности тела человека, напр., *His new sense of maturity* ***set*** *him* ***apart****, made of him a half - tragic figure* (AP : 119). В приведенном примере глагол *to set apart* обозначает силу, источником которой является ощущение взрослости (*sense of maturity*), которая нарушает психическое равновесие юноши.

По **направленности силы**, нарушающей равновесие, глаголы со значением "нарушение целостности" делим на три группы: глаголы с семантикой **внешней**, **внутренней** или **внутренней и внешней** силы.

Глаголы, обозначающие "**внешнюю силу**" *snap, disrupt, set apart, shatter, smash, break, ruin, destruct, impair, damage, distort, destroy, split* имплицируют экстериорность, указывают на внешнюю направленность силы, которая нарушает целостность человека, в результате чего он теряет физическое, психическое или социальное равновесие, напр., *I* ***shattered*** *his head turning the back of his skull to flinders. The potential fornicator fell forward, his eyes rolled up in his head. Fell forward so hard he* ***smashed*** *three of his front teeth, broken at the gum-line* (TGSS : 88). Глаголы *to shatter* и *to smash* обозначают направленную наружу силу, которая нарушает физическое равновесие мужчины в результате разрушения его телесной целостности, что приводит к падению (*fell forward*), источником чего есть внешний объект – человек (*I*).

Глагол, обозначающий “**внутреннюю силу**”, которая нарушает равновесие, *burst out* имплицирует интериорность, указывает на внутреннюю направленность силы, разрушающую целостность человека, и употребляется в контексте негативных эмоциональных переживаний, вызывающих нарушение психического равновесия, напр., *The feeling of utter despair made her* ***burst out*** *crying* (CSS : 167). Глагол *to burst out* указывает на внутренне направленную силу, которая нарушает психическое равновесие женщины как результат внутреннего ощущения беспомощности (*feeling of utter despair*).

Глаголы, обозначающие “**внутреннюю и внешнюю силы**” *tear, wrack, crack* указывают на разно- или взаимонаправленные силы, которые разрушают человека или нарушают ее целостность, вследствие чего он теряет физическое или психическое равновесие, напр., *The illness* ***wracked*** *her: the body meager as an empty grain sack, her skin the color of wet ash, gray-blue and drowned* (CSS : 165). Глагол *to wrack* обозначает разнонаправленные силы, нарушающие физическое равновесие женщины в результате всеобъемлющего разрушения ее как целостного организма, источником которого является болезнь (*illness*).

По степени **интенсивности силы**, нарушающей равновесие человека, глаголы с семантикой “разрушения” делим на две группы: с семантикой **полного** и **частичного действия**.

Глаголы, обозначающие “**полное действие**” *snap, disrupt, shatter, smash, break, ruin, destruct, wrack, destroy, burst, split, set apart, tear* содержат общую семему ***‘forcible, complete destruction’*** и указывают на силу, нарушающую физическое, психическое и социальное равновесие в результате полного разрушения человека или социальных образований, к которым он принадлежит. В примере *This agony of feelings* ***torn*** *Millicent* ***apart*** (BASS 1993 : 32) глагол *to tear apart* обозначают силу, нарушающую психическое равновесие персонажа в результате полного разрушения его целостности, вызванное агонией чувств (*agony of feelings*).

Глаголы, обозначающие “**частичное действие**” *impair, damage, crack* содержат общую семему ‘***partial damage***’ и указывают на силу, нарушающую физическое, психическое и социальное равновесие в результате частичного разрушения человека или со-

циальных образований, к которым он принадлежит. Так, в примере *By the end of the summer their marriage* ***cracked***. (BASS 1994 : 195) глагол *to crack* обозначает силу, нарушающую социальное равновесие персонажей вследствие частичного разрушения их супружеской жизни (*marriage*).

Глаголы, обозначающие **восстановление равновесия**, мы разделили на две группы: глаголы с семантикой "**возможности выполнения действия**" и "**изменения исходного состояния**".

Глаголы со значением "**возможности выполнения действия**" *can* (семема '*be able to, be potentially capable of*' [COD : 161]), *be able* (семема '*having the capacity or power, ability*' [COD : 3]), *be capable* (семема '*able, having the ability or necessary quality for*' [COD : 165]) содержат общую сему '***ability***' ('возможность') и обозначают силу ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, восстанавливающую физическое, психическое или социальное равновесие. В примере *Her generous patience somehow* ***enabled*** *him* ***to feel*** *in place: he understood he could endure handling James in his helpless condition on home ground* (BASS 1993 : 51-52) глагол *to enable* в сочетании с глаголом *to feel*, обозначает силу, восстанавливающую психическое равновесие женщины как результат ее комфортных ощущений у себя дома (*to feel in place on home ground*), обеспеченными великодушным терпением хозяйки (*her generous patience*).

Глаголы со значением "**изменения исходного состояния**" содержат общую сему '***change***' ('изменение') и указывают на силу УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, которая восстанавливает физическое, психическое или социальное равновесие человека: *change* (семема '*undergo or subject to change*' [COD : 187]), *shift* (семема '*change or move*' [COD : 1117]), *grow* (семема '*increase in size, height, quantity, degree*' [COD : 522]), *alter* (семема '*make or become different, change*' [COD : 32]), *move* (семема '*change one's position or posture*' [COD : 775]), *convert* (семема '*change in form, character or function*' [COD : 252]), *transform* (семема '*make a thorough or dramatic change in the form, outward appearance, character*' [COD : 1298]), *vary* (семема '*undergo change or become different*' [COD : 1359]), *veer* (семема '*change direction, change in course, opinion, conduct, emotions*' [COD : 1360]).

Так, в примере *It was during this week – end that Jeffry went one night and looked at the river. He did it because it seemed the thing for a man as wretched as he was to do. He stopped; and in that dazzling split second, something* ***shifted*** *all his ideas about himself as a backfield shifts, in one swift simultaneous leap. He was in place again, mentally* (TGSS : 142-144) глагол *to shift* обозначает силу, восстанавливающую психическое равновесие мужчины в результате его ощущения на своем месте (*was in place again, mentally*). Источник силы не определен, поскольку вербализируется неопределенным местоимением *something*, а ее целью является представление персонажа о самом себе (*all his ideas about himself*).

Таким образом, при описании потери персонажами равновесия в анализируемом материале компонент соматичности активируют две группы глаголов: со значением "ограничение движения" с семами '*keep in'/'keep, force out'* и "нарушение целостности" с семами '*break'/'separate'*. Глаголы, обозначающие "ограничение движения", указывают на силу, которая препятствует движению НАРУЖУ/ ВНУТРЬ физического, психического или социального КОНТЕЙНЕРА, в результате чего нарушается равновесие. Глаголы, обозначающие "нарушение целостности", вербализируют силу, которая разрушает или делит на части тело, соотнесенное с КОНТЕЙНЕРОМ, вследствие чего нарушается равновесие. По качественной характеристике силы глаголы со значением "нарушение целостности" подразделяются на глаголы с семантикой "разрушения" тела с семой '*break*' и семантикой "разделения" тела с семой '*separate*'. По направленности силы указанные глаголы классифицируем на глаголы с семантикой "внешней, внутренней, разнонаправленной силы". По степени интенсивности силы глаголы со значением "нарушение целостности" делятся на глаголы с семантикой "полного" и "частичного действия", на что, соответственно, указывают семемы '*complete destruction*' и '*partial damage*'.

К средствам обозначения компонента соматичности при описании восстановления персонажами равновесия в анализируемых современных американских рассказах относим глаголы с семантикой "возможности выполнения действия" с семой '*ability*' и глаголы с семантикой "изменения исходного состояния" с семой

‘*change*’. Глаголы, обозначающие “возможность выполнения действия”, указывают на силу ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, а глаголы с семантикой “изменения исходного состояния” вербализируют силу УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, то есть силы, направленные на восстановление равновесия.

Теперь, рассмотрим детальнее глаголы, обозначающие компонент силы концепта РАВНОВЕСИЕ в современных американских рассказах

К языковым средствам отображения компонента **силы** концепта РАВНОВЕСИЕ в анализируемом материале мы относим глагольные единицы, обозначающие силы, которые вызывают потерю персонажами равновесия или его восстановление.

При потере равновесия персонажами глаголы обозначают компонент силы, представленный гештальтами ПРЕПЯТСТВИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

Динамическая природа глаголов маркирует их в когнитивном плане, что позволяет рассматривать эти языковые единицы как средства отображения определенного слоя человеческого опыта [Кубрякова 1992 : 84]. Прототипическими считаются акциональные глаголы, представляющие события, в которых агенс вызывает определенное изменение пациенса в результате физического действия [Болдырев 2001 : 45], напр., *I knew right away he* ***was*** *terribly* ***hurt*** *by the horse* (USL : 58). В приведенном примере акциональный глагол *to hurt* (“*cause bodily or mental pain or injury to*” [COD : 577]) обозначает физическое действие, источником которого является конь (*the horse*), вызывающий разрушительные изменения (*terribly hurt*) в физическом состоянии человека (*he*).

В следующем примере акциональный глагол *to restore* (“*bring back to health*” [COD : 1027]) указывает на физическое действие, источником которого является комплексная терапия (*the most comprehensive therapy*), восстанавливающая физическое равновесие (*restore his basic functions*) мальчика: *The doctor sat them down in a lounge and said that all of them had to face the worst: James would have to undergo the most comprehensive therapy merely* ***to restore*** *his basic functions* (BASS 1993). Следовательно,

акциональные глаголы мы рассматриваем как средства обозначения компонента силы концепта РАВНОВЕСИЕ, поскольку они отображают причины нарушения или восстановления равновесия персонажей в исследуемых рассказах.

Согласно концептуальной основе глагола, формирование глагольных значений предопределено репрезентацией признаков четырех гиперкатегорий: антропонимичности (ориентированность на автора высказывания); субъектности (степень активности, контроля субъекта); объектности (направленность, результативность) и качественной характеристики события (локализация во времени, степень реализованности) [Болдырев 2001 : 44].

Принципом классификации акциональных глаголов, обозначающих компонент силы концепта РАВНОВЕСИЕ, мы выбрали один из признаков их концептуальной основы – результат влияния на объект [Болдырев 2001 : 45], который вызывает нарушение или восстановление равновесия.

При обозначении **потери равновесия** акциональные глаголы именуют ПРЕПЯТСТВИЕ и ПРИНУЖДЕНИЕ, которые влияют на объект и вызывают нарушение равновесия. Это силовое влияние мы характеризуем как деструктивное, поскольку в результате его действия повреждается структурная целостность объекта и он не может (вообще или временно) выполнять ранее свойственные ему функции. По признаку влияния на объект среди акциональных глаголов выделяем глаголы с семантикой **силы**, обозначающие причины падения, предполагающие применение силы относительно человека, в результате чего он теряет равновесие.

Глаголы с семантикой **силы** *push*, *hit*, *slog*, *knock*, *charge at*, *make*, *hurl*, *pull*, *punch*, *force*, *strike* и т.п. указывают на ПРЕПЯТСТВИЕ или ПРИНУЖДЕНИЕ, которые приводят к падению, то есть потере человеком равновесия. Основываясь на лексикографических определениях, мы делим эти глаголы на те, которые обозначают **силу низкой**, **средней** и **высокой интенсивности**.

Глаголы, обозначающие **силу низкой интенсивности**, указывают на ПРЕПЯТСТВИЕ или ПРИНУЖДЕНИЕ, не акцентируя высокую степень интенсивности их влияния. Словарные определения глаголов, обозначающие ПРИНУЖДЕНИЕ низкой интенсивности,

push, *pull* (семема '*exert a force on smth tending to move*' [COD : 972, 967]), *make* (семема '*cause or compel to do smth*' [COD: 715]), *trip* (семема '*cause to stumble*' [COD : 1307]), *force* (семема '*constrain by force or against one's will*' [COD : 459]) содержат общую базовую сему '***force***' (заставить), указывающую на причину движения под воздействием внешней силы, которая потенциально может привести к падению и потере равновесия, поскольку интенсивность действия не определена как высокая.

В примере *But before I knew it someone got behind me and* ***tripped*** *me so that I* <u>*fell*</u> *on one knee. Then another of them* ***pushed*** *me, trying to make me* <u>*squat*</u> (TGSS: 154-155) глагол *to trip*, *to push* указывают на ПРИНУЖДЕНИЕ, вызывающее отклонение мужчины (*me*) от вертикальной осанки и движение ВНИЗ. Результат применения силы фиксируется в следующем предложении глаголами *to fall*, *to squat*, которые выражают нарушение физического равновесия.

Словарные толкования глаголов, обозначающих ПРЕПЯТСТВИЕ низкой интенсивности: *strike* (семема '*deliver a blow on*' [COD : 1207]), *hit* (семема '*strike with a blow*' [COD : 559]), *punch* (семема '*strike bluntly*' [COD : 969]), содержат общую сему '*strike*' (ударить), которая выражает остановку подвижного объекта или падение как результат столкновения с преградой, в результате чего человек теряет равновесие, напр., *I shoved someone and then someone* ***hit*** *me. And while I* <u>*was down*</u>*, my face was squeezed against some papers on the sidewalk* (TGSS : 154-155). В приведенном примере глагол *to hit* указывает на ПРЕПЯТСТВИЕ, вызывающее отклонение персонажа (*I*, *me*) от вертикальной осанки и движение ВНИЗ. Результат действия этой силы фиксируется наречием *down*, обозначающим падение как следствие нарушения физического равновесия.

В примере *I threw the teapot at him, hard. It* ***struck*** *him in the back, a clank, a rattle hollow as a far – off clap of thunder. He* <u>*stopped*</u>. (WCS : 168) глагол *to strike* также обозначает ПРЕПЯТСТВИЕ, однако, указывает на вынужденную остановку движения, которое фиксируется глаголом *to stop*, и только потенциально на возможное падение и потерю равновесия.

Глаголы, обозначающие **силу средней интенсивности**, акцентируют значительную степень действия ПРИНУЖДЕНИЯ или ПРЕПЯТСТВИЯ, которые нарушают равновесие человека. Словарные дефиниции глаголов, обозначающих ПРЕПЯТСТВИЕ средней интенсивности *slog* (семема '*hit hard and wildly*' [COD : 1144-1145]), *charge* (семема '*make a rushing attack*' [COD : 189]), *slash* (семема '*make a long narrow gash in, make a sweeping cut*' [COD : 1141]) имеют общую базовую сему '***hit***' (ударить), которая выражает перерыв в движении в результате столкновения с преградой и реальное или потенциальное падение, а следовательно, потерю равновесия, и '***hard***' (сильно), что указывает на значительную силу ПРЕПЯТСТВИЯ.

Так, глаголы *to charge* и *to slash* обозначают ПРЕПЯТСТВИЕ, вызывающее падение (to fall), которое указывает на нарушение физического равновесия в примере: *As they turned, he was spinning the dowel like a baton, faster and faster, and as the stouter of the two attackers* ***charged*** *him, he whipped it around his head and* ***slashed*** *straight across the boy's throat. He fell forward, his eyes rolled up in his head* (TGSS : 86-87).

Толкование глаголов, обозначающих ПРИНУЖДЕНИЕ средней интенсивности *throw* (семема '*move violently, quickly or suddenly*' [COD : 1273]) и *hurl* (семема '*throw with great force*' [COD : 576]) имеют базовые семы '*move, great, force*' (передвинуть с большой силой), выражающие значительное движение под воздействием внешней силы, которая приводит к падению и нарушению равновесия.

В примере *She heard a sound like a post struck and came around the corner where she'd taken cover and saw James, a ways from Apache,* ***hurled*** *down* (BASS 1994 : 58) глагол *to hurl* указывает на ПРИНУЖДЕНИЕ, которое является причиной падения женщины (*down*).

Глаголы, обозначающие **силу высокой интенсивности**, указывают на ПРЕПЯТСТВИЕ, в результате действия которого нарушается вертикальная осанка тела и человек падает, то есть теряет равновесие. Лексикографическая дефиниция глагола *knock* (семема '*strike to the ground with a blow*' [COD : 655]) имеет базовую

семему '***strike***, ***ground***' (сбить с ног), которая указывает на полную остановку движения, падение в результате столкновения с преградой и потерю равновесия.

Так, глагол *to knock down* обозначает ПРЕПЯТСТВИЕ, которое вызывает падение и, соответственно, потерю физического равновесия людей в примере: *Sometimes my father comes thundering up the steps behind grandparents as if he intended* ***to knock*** *the old couple* ***down*** (AP : 23).

Таким образом, глаголы с семантикой силы обозначают ПРЕПЯТСТВИЕ и ПРИНУЖДЕНИЕ низкой, средней и высокой интенсивности и указывают на причины нарушения персонажами равновесия. Интенсивность силы определяет степень вероятности потери равновесия. Глаголы, выражающие **силу низкой интенсивности**, указывают на причину движения под воздействием внешней силы, которая **потенциально** может привести к падению и потере равновесия. Глаголы, вербализирующие **силу средней интенсивности**, фиксируют перерыв в движении в результате столкновения с препятствием или значительное движение под воздействием внешней силы, которая приводит к **реальному** или **потенциально реальному** падению и потере равновесия. Глаголы, обозначающие **силу высокой интенсивности**, указывают на полную остановку движения, **падение** в результате столкновения с препятствием и потерю равновесия.

Определяющим критерием классификации глаголов с семантикой силы является базовая сема/семема, которая указывает на тип активированной образ-схемы и степень интенсивности силы.

Исследование глаголов, обозначающих компонент силы при потере равновесия получает дальнейшее развитие при анализе глагольно-приставочного выражения концепта РАВНОВЕСИЕ. Функциональная особенность глагольных единиц заключается в том, что они задействованы во всех знаковых уровнях языковой репрезентации, в частности, словообразовательном [Болдырев 2001 : 41]. Наиболее характерный способ глагольного словообразования – префиксация.

Обращение к словообразованию как средству обозначения концептов объясняется тем, что производные слова рассматрива-

ют как один из способов формирования новых понятий в современном английском языке [Кубрякова 2001 : 32]. При этом производное слово аккумулирует и представляет познавательную, когнитивно-коммуникативную и номинативную деятельность человека [Паславська 2004 : 109]. Словообразовательные элементы активируют когнитивную структуру существующих концептов и предопределены фундаментальной особенностью производной лексики – ее делимостью. В производной лексике концептуальное объяснение не только основывается на содержании лексических единиц, но и выражается формой, в которую “помещено” это содержание [Полюжин 1999 : 130-131].

В системе словообразования роль категоризаторов и классификаторов выполняют словообразовательные форманты (аффиксы), которым свойственно отдельное категориальное значение, отвечающее определенным разрядам внутри общих категорий, и которые являются главными носителями словообразовательного значения [Полюжин 1999 : 132]. Словообразовательный уровень выражения концепта РАВНОВЕСИЕ представлен префиксальными глаголами, обозначающими потерю равновесия персонажей и его восстановление.

В когнитивной лингвистике глаголы рассматривают как главный показатель динамики [Голубкова 2002 : 13] или силы [Talmy 2000 : 416], что объясняется их способностью сворачивать информацию о субъекте и объекте действия, акцентируя в своей семантике релевантную для каждой ситуации характеристику взаимодействия [Кубрякова 1985 : 148]. При исследовании языкового отображения концепта РАВНОВЕСИЕ речь идет о механизме силового влияния на объект и его последствиях, поскольку глагольные префиксы обозначают силу и указывают на причины нарушения или восстановление равновесия.

Потеря равновесия обозначается префиксальными глаголами, которые указывают на силу, нарушающую равновесие. Они делятся на три группы:

1) с префиксом ***sub-***, который трактуется как *из позиции ВНИЗУ* (“*at / from a lower position*” [COD : 1212]), напр., *subordinate*, *submerge*, *subdue*, *submit*, *subside*, *subvert*;

2) с префиксом ***over-***, который определяется как *ВНИЗ от вертикального положения* (“*downward from any erect position*” [COD : 846]), напр., *overbalance*, *overbear*, *overburden*, *overcome*, *overladen*, *overpower*, *overset*, *overthrow*, *overturn*, *overwhelm*;

3) с префиксом ***re-***, который имеет дефиницию *из, извне, ВНИЗ* (“*off, away, down*” [COD : 997]), напр., *repress*, *recline*, *restrain*.

Общей семантической особенностью приведенных префиксов является наличие в их словарных дефинициях семы ‘*down*’, которая указывает на движение ВНИЗ, сигнализирующем о потере равновесия. Исходя из того, что прототипическим признаком потери равновесия является падение человека (движение ВНИЗ) вследствие столкновения с физическим ПРЕПЯТСТВИЕМ или под действием ПРИНУЖДЕНИЯ, сема ‘*down*’ указывает на нарушение равновесия.

К группе глаголов с префиксом ***sub-*** мы относим *subordinate*, *submerge*, *subdue*, *submit*, *subside*, *subvert* и т.п. Беря за основу словарные дефиниции перечисленных глаголов и используя метод компонентного анализа, мы выделяем их базовую сему, которая соотносит значение глагола с ситуацией, которую воссоздает конкретная глагольная лексема. Исходя из базовой семы, глаголы с префиксом *sub-* мы подразделяем на две подгруппы в зависимости от разновидности равновесия, потерю которого они обозначают.

Глаголы первой подгруппы содержат сему физического влияния и вербализируют нарушение физического равновесия: *submerge* (семема ‘*place under, overwhelm*’ – располагать под, переполнять), *subdue* (сема ‘*conquer*’ – подчинять), *subside* (семема ‘*sink lower*’ – падать), *subvert* (сема ‘*overturn*’ – переворачивать сверху вниз), напр., *<u>That dreadful ache</u>* ***submerged*** *her* (TGSS с. 69). В этом примере глагол *to submerge* с семой ‘*overwhelm*’ [COD : 1214] обозначает потерю женщиной физического равновесия в результате переполнения физической болью (*dreadful ache*).

Глаголы второй подгруппы с семемой социального влияния указывают на нарушение социального равновесия: *subordinate* (семема ‘*treat as of minor importance*’ – относиться как к чему-то/кому-то незначительному), *submit* (семема ‘*yield to the control of another*’ – подчиниться контролю другого), напр., *<u>The power of his</u>*

character so persistent and so intense ***submitted*** *their will* (GABS : 156). Так, глагол *to submit* с семемой '*yield to the control of another*' [COD : 1215] обозначает нарушение социального равновесия в результате подчинения одного человека другому, источником которого является сила характера одного человека (*power of his character*), направленная на волю других (*their will*).

К глаголам с префиксом ***over-***, обозначающим нарушение равновесия, принадлежат *overbalance, overbear, overburden, overcome, overladen, overpower, overset, overthrow, overturn, overwhelm*. Основываясь на словарных дефинициях, мы делим их на две подгруппы в зависимости от разновидности равновесия, потерю которого они обозначают.

Единицы первой подгруппы содержат сему физического влияния и указывают на потерю физического равновесия : *overbalance, overturn, overset* (семема '*cause to fall*' – повлечь падение); *overcome, overthrow* (сема '*conquer*' – покорить, семема '*make helpless*' – сделать беспомощным); *overpower* (семема '*overcome physically*' – покорить физически); *overburden, overladen* (семема '*load to excess*' – перегрузить), напр., *The sky was nearly dark now, and the pain in her leg was threatening* ***to overcome*** *her. Now, it seemed that she is fainting, and this alarmed her* (GABS : 86-87). В приведенном отрывке глагол *to overcome* с семемой '*make helpless*' [COD : 847] обозначает потерю физического равновесия под воздействием физической боли в ноге (*the pain in her leg*), которая приводит к неспособности поддерживать вертикальную осанку (*she is fainting*).

Глаголы второй подгруппы в своих определениях имеют семы как физического, так и психического влияния, а следовательно выражают физическое и психическое равновесие: *overbear* (семема '*upset by force or emotional pressure*' – огорчить физически или эмоционально), *overwhelm* (семема '*ruin, overpower with emotion*' – разрушить физически или побороть психологически), напр., ***He was overwhelmed*** *with loneliness like with a bitter food he couldn't digest. Once it was so terrifying he dropped on his knees and clenched the small bushes to assure himself of his own reality* (AP : 172). Глагол *to overwhelm* с семемой '*ruin, overpower with emotion*' [COD : 851] обозначает потерю сначала психического (*was overwhelmed*

with loneliness), а потом физического (*dropped on his knees*) равновесия персонажа, источником чего становится одиночество (*loneliness*).

Глаголы с префиксом ***re-***, обозначающие нарушение равновесия, составляют сравнительно незначительное количество выборки: *repress*, *recline*, *restrain*. Исходя из дефиниций, мы делим эти глаголы на две подгруппы в зависимости от разновидности равновесия, потерю которого они вербализируют. Единицы первой подгруппы содержат сему физического влияния, то есть обозначают нарушение физического равновесия: *recline* (семема '*move from the vertical*' – отклонение от вертикальной позиции). Дефиниции глаголов второй подгруппы содержат семы физического и социального влияния и указывают на нарушение физического и социального равновесия: *repress*, *restrain* (семема '*keep down, keep under control*' – держать внизу, под контролем), напр., *The passenger* ***was restrained*** *by* <u>*four members of the cabin crew*</u> (USL : 657). Глагол *to restrain* с семемой '*keep down, keep under control*' [COD : 1027] указывает на нарушение физического и социального равновесия персонажа в результате его пребывания под контролем корабельной команды (*four members of the cabin crew*).

Таким образом, глаголы с префиксами *sub-*, *over-*, *re-* обозначают силы, вызывающие нарушение равновесия. Их семантической особенностью является сема '*down*', представляющая падение как признак потери равновесия. Определяющим критерием деления глаголов на группы является префикс и базовая сема/семема, которые предопределяют разновидность равновесия, нарушение которого обозначают префиксальные глаголы.

К глагольным средствам выражения компонента силы **при восстановлении** равновесия в анализируемом материале относим приставочные вербальные единицы, обозначающие силы, которые восстанавливают равновесие персонажей. Указанные вербальные единицы делятся на две группы: 1) глаголы с префиксом ***re-***, который трактуется как *назад, возвращение к начальному состоянию* ("*back, with return to a previous state*" [COD : 997]), напр., *renew*, *reinstate*, *reinforce*, *refresh*, *reanimate*, *recoup*, *recover*, *restore*, *revive*, *replace*, *retrieve*, *revert* и т.п.;

2) глаголы с префиксом ***un-***, который определяется как *отмена действия или положения* (“*cancellation of an action or state*” [COD : 1325]), напр., *unbar*, *unbend*, *unbind*, *unblock*, *unbolt*, *unchain*, *uncage*, *uncover*, *unburden*, *unclog*, *unclench* и т.п.

Общей семантической особенностью перечисленных префиксов является то, что их словарные дефиниции содержат семему ‘*back to the previous state*’ (*назад к начальному состоянию*), которая обозначает силы и указывает на причины восстановления равновесия в результате движения НАЗАД, к исходной вертикальной позиции тела.

К глаголам с префиксом ***re-***, указывающим на причины восстановления равновесия, относим *renew*, *reinstate*, *reinforce*, *refresh*, *reanimate*, *recoup*, *recover*, *restore*, *revive*, *replace*, *retrieve*, *revert*. Исходя из словарных дефиниций, мы разделили перечисленные единицы на две подгруппы в зависимости от разновидности восстановленного равновесия.

Глаголы первой подгруппы обозначают силу, направленную на восстановление физического и психического равновесия, поскольку содержат семы физического и психического действия, в частности, возвращение к начальному физическому/психическому состоянию: *renew*, *restore*, *reinstate* (семема ‘*bring back to the original/former state/position*’ – вернуть к начальному состоянию); *replace* (семема ‘*put back in place*’ – вернуть на место) и возвращение физических/психических сил человека: *reinforce*, *refresh* (семы ‘*strengthen*, *stimulate*’ – восстановить силы); *recoup*, *recover* (семема ‘*return to a normal state, position*’ – вернуть к нормальному состоянию); *revive* (семема ‘*bring back to consciousness, life, strength*’ – вернуть к сознанию, жизни, силе), напр., *The courage and faith in himself* ***revived*** *him to go forth to the long rage goal* (WCS : 142-144). Приведенный пример описывает восстановление потерянного равновесия, выраженного глаголом *to revive* с семемой ‘*bring back to life, strength*’ [COD : 1032], вследствие возвращения к начальному состоянию равновесия (*life*, *strength*). Сочетание глагола *to revive* с существительными *courage* (“*capable of dealing with danger or pain, without seeming to be frightened*” [COD : 161]), *faith* (“*a strong feeling that smth is true or real*”

[COD : 113]), которые указывают на приобретение персонажем смелости и веры, свидетельствует о восстановлении психического равновесия.

Глаголы второй подгруппы содержат сему социального влияния и обозначают силу, восстановляющую социальное равновесие: *reanimate* (семемы *'restore to life, activity'* – вернуть к жизни, деятельности), *retrieve* (семема '*regain possession*' – вернуть имущество, '*improve relationship that has been damaged*' – улучшить испорченные отношения), *revert* (семема *'return to a former state, practice, opinion'* – вернуть к предыдущему положению, практике, взглядам). Употребление перечисленных глаголов указывает на возвращение человека к начальному состоянию и восстановление потерянного равновесия в результате движения НАЗАД, напр., *The officials were trying* ***to retrieve*** *the problematic relationship with us* (USL : 658). Глагол *to retrieve* указывает на попытку восстановления потерянного социального равновесия персонажей.

К глаголам с префиксом ***un-***, обозначающим причины восстановления равновесия, относим *unbar*, *unbend*, *unbind*, *unblock*, *unbolt*, *unchain*, *uncage*, *uncover*, *unburden*, *unclog*, *unclench*. Исходя из словарных определений, мы разделили эти глаголы на две подгруппы в зависимости от разновидности восстановленного равновесия.

Единицы первой подгруппы содержат сему физического влияния и обозначают силу, восстанавливающую физическое равновесие: *unblock*, *unbar*, *uncover* (семема '*remove an obstruction from*' – устранить препятствие); *unbolt*, *unbind*, *unclog*, *unclench*, *unbend* (сема '*release*' – освободить); *unburden* (семема '*relieve of a burden*' – освободить от груза). Глаголы второй подгруппы содержат в своих определениях сему социального действия и обозначают силу, восстанавливающую социальное равновесие: *unchain*, *uncage* (сема '*liberate*' – получить свободу), напр., *Having received her divorce Lorna* ***felt uncaged*** *for she could at last manage her life in the way of her own* (GABS : 82). Причастие *uncaged* с семой *'liberate'* [COD : 1327] указывает на силу, восстанавливающую потерянное социальное равновесие женщины (*received her divorce*).

Критерием подразделения глаголов на группы является префикс и базовая сема/семема, предопределяющие разновидность равновесия, восстановление которого обозначают приставочные глаголы.

Таким образом, глаголы с префиксами *un-* и *re-* указывают на причины восстановления равновесия. Семантической особенностью всех глагольных префиксов этой группы является общая семема *'back to the previous state'*, которая обозначает возвращение к исходному вертикальному состоянию.

Выводы

Взаимодействие рассмотренных лексических средств обозначения начального равновесия персонажей, его нарушения и восстановления создает эффект их объемности (термин О.П. Воробьевой), то есть презентации не в форме плоских бумажных фигур, а в виде живых динамических индивидуальностей в совокупности физических, психических и социальных аспектов. Языковая репрезентация исследуемого концепта в проанализированной художественной прозе, а именно: описание начального равновесия, его потери и восстановления в физическом, психическом и социальном ракурсах, подчинено созданию образа персонажа как совокупности характеристик, воссоздающих в тексте образ человека, задействованного в повествовании. Раскрытие динамики "внешних" (физических), "внутренних" (психических) состояний персонажей, а также их социального взаимодействия придает образу персонажа эффекта реалистичности. Наличие, потеря или восстановление персонажами разных видов равновесия отображены в проанализированных рассказах по-компонентно: существительные указывают на источник потери или восстановления равновесия, глаголы – на компоненты соматичности, представляющей тело человека как целое, и силы, которая связывает потерю и восстановление равновесия с действием внешних сил, а прилагательные и наречия – на компонент вертикальности, который отражает прямое положение как основу равновесия.

Литература

Болдырев Н. Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия АН. Сер. лит-ры и языка. – 2001. – Т. 60, №2. – С. 40 – 55.

Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. техн. ун-та, 2002. – 142 с.

Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: Геос, 2002. – 174 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 476 с.

Кубрякова Е. С. Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики. – М.: Моск. гос. ин-т ин. яз. им. М.Тореза. – 1985. – Вып. 252. – С. 138 – 151.

Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 84 – 90.

Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С. 28 – 34.

Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. – 2006. – Т. 65, №2. – С. 3 – 13.

Мещерякова Ю. В. Концепт “красота” в английской и русской культурах // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 209 – 215.

Полюжин М. М. Функціональний і когнітивний аспекти англійського словотворення. – Ужгород: Вид-во “Закарпаття”, 1999. – 240 с.

Паславська Н. М. Структурно-семантична характеристика типової словотвірної парадигми дієслів із семантикою “знищувати, перетворювати на руїни” // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. – № 631. – Сер. Філологія. – Вип. 41. – 2004. – С. 109 – 113.

Степанов Ю. С. Концепт // Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа “Языки русской литературы”, 1997. – С. 41 – 83.

Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.

Talmy L. Force Dynamics in Language and Cognition // Concept Structuring Systems. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – Vol. 1. – P. 409 – 470.

Справочная литература

COD: Collins CoBuild English Language Dictionary. – London: Harper Collins Publishers, 1991. – 1703 p.

Источники иллюстративного материала

AP: American Patchwork / Ed. by B.Keene Taska. – New Jersey: US Information Agency, 1995. – 214 p.

BASS 1993: The Best American Short Stories 1993 / Ed. by L.Erdrich, K.Kenison. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1993. – 395 p.

BASS 1994: The Best American Short Stories 1994 / Ed. by T.Wolff, K.Kenison. – Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1994. – 364 p.

CSS: The Complete Short Stories of Ambrose Bierce. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1984. – 496 p.

GABS: The Go-Away Bird and Other Stories / Ed. by M.Spark. – N.Y.: Bantam Books, 1969. – 189 p.

TGSS: Twenty Grand Short Stories / Ed. by E.Taggard. – N.Y.: Bantan Books, 1963. – 225 p.

USL: United States in Literature / Ed. by J.E.Miller, C.Cardenas de Dwyer, R.Hayden, R.Hogan, K.M.Wood. – Illinois: Scott, Foresman & Co, 1982. – 721 p.

WCS: Williams T. Collected Stories. – N.Y.: Ballantine Books, 1987. – 611 p.

2.4. ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *ИРРЕАЛЬНОСТЬ* (на материале английского и украинского языков)

Никульшина Т. Н.

Проблема ирреального является актуальной для когнитивной лингвистики: с одной стороны, мы живем в реальном мире посредством позиционирования себя во времени и в пространстве, а с другой стороны, в мире ментальных образов, созданных нашим воображением. Различные аспекты ирреального уже являлись предметом исследований: ирреальный мир изучался с точки зрения семантических особенностей языка [Бабушкин 2001; Хинтикка 1980], философии возможного [Langacker 1999], подсознательного [Левицький 2009], однако полное и всестороннее лингвокогнитивное исследование этого важного и многоаспектного концепта пока отсутствует.

Концептуализация и вербализация феномена ирреального происходит в результате когнитивной обработки знаний о данной "реалии", накопленных современным английским и украинским социумом. Материалом изучения и анализа являются словарные статьи из лексикографических источников. Словарные дефиниции дают возможность провести членение значения на более простые компоненты – семантические составляющие (семы), а разные виды словарей гармонизируют объективные и субъективные подходы к лингвистическому пониманию исследуемого понятия.

С целью выявления языковых средств, репрезентирующих концепт ИРРЕАЛЬНОСТЬ, была проведена сплошная выборка существительных, в результате чего было выделено 4012 единиц: в английском языке – 2005, в украинском – 2007. Отобранные лексемы по-разному отражают и конкретизируют анализируемое понятие. В нашем исследовании в роли лексемы-репрезентанта выступает лексема *irreality//ірреальність*, являясь наиболее обобщенной, аксиологически и стилистически нейтральной, не несущей в себе сниженных или разговорно-бытовых коннотаций.

В *Dictionary and Thesaurus*, *Online Dictionary* та *Thesaurus and Encyclopedia* лексическая единица *irreality* обозначает 'the state

of being insubstantial or imaginary; not existing objectively or in fact' (иллюзорное состояние; то, что не существует объективно или действительно). Словарные толкования позволяют выявить классификационные признаки: для носителей английского языка важными являются два классификатора – ПРИДУМАННЫЙ, НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ.

Проведем анализ семантического наполнения исследуемого понятия, обращаясь к лексикографическим источникам, составляющим основу современной украинской лексикографии – *Великий тлумачний словник сучасної української мови* (укл. – В. Бусел, 2007) и *Словник української мови в 11 томах* (голова ред. кол. – І. Білодід, 1971 – 1980). Изучая семный состав анализируемой лексемы, отмечаем одинаковую тенденцию: определение дается опосредованно – с помощью статей-отсылок: *ірреальність* определяется как 'абстрактний іменник до ірреальний' [ВТС СУМ : 506; СУМ т.4 : 48]. Воспользуемся статьей-отсылкой: 'ірреальний' – 'книж. те саме, що нереальний' [ВТС СУМ : 506; СУМ т.4 : 48], а 'нереальний' определяется как '1) який не існує, якого не буває у дійсності; уявний; 2) неможливий для виникнення, здійснення, нездійснений' [ВТС СУМ : 777; СУМ т.5 : 375].

Дефиниционный анализ лексемы *ірреальність* позволил вычленить три признака, составляющих содержательный минимум, в которых конкретизируется исследуемое явление: ПРИДУМАННЫЙ, НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ, НЕВОЗМОЖНЫЙ. Признак НЕВОЗМОЖНЫЙ, отсутствующий в английском языке, детальнее и четче позиционирует исследуемое понятие в концептуальной картине мира украинцев.

Слово *irreality//ірреальність* как поверхностная языковая форма, как знак представляет собой средство сжатия обобщенной информации на основе знания языка и опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью, а содержание концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ объемнее одноименной поверхностной языковой сущности; оно объективируется в значительном количестве языковых средств и может быть структурировано. В нашей работе понятийно-образная сторона концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ представлена в виде фреймов – систематизированных фрагментов инфор-

мации, т.е. типичных моделей, через которые люди эксплицируют свои впечатления от окружающей действительности. Фрейм конкретизирует, что для данной культуры характерно и типично, а что – нет. Представленная фреймовая структура концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ на материале английского и украинского языков позволяет проследить особенности национального взгляда сопоставляемых сообществ на исследуемое явление, а также закономерности закрепления за объектами определенных свойств и качеств.

Фреймовая теория имеет свои лингвистические традиции, и включение данной когнитивной модели в наше исследование соответствует тенденциям развития современной науки о языке. Когнитивный подход к проблеме систематизации лексики является возможным и необходимым, поскольку осуществляется в аспекте отражения совокупности явлений действительности, знаний о мире. Мы предлагаем использовать фрейм как модель построения концепта по следующим причинам: 1) фрейм является наиболее удобной формой представления знаний, т.к. содержит основную и типичную информацию; 2) во фреймах знания структурированы по определенным направлениям, позволяя упорядочить хаотичные и разрозненные единицы, ассоциируемые с данным концептом; 3) различные уровни фрейма строятся на ассоциативных связях, что в целом отражает ассоциативный характер человеческого мышления.

Термин ‘фрейм’ был введен в широкий научный обиход М. Минским в 1975 году, когда вышла в свет его книга “Фреймы для представления знаний”, заложившая базис фреймовой семантики. В основе фреймовой модели представления знаний М. Минского лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов памяти и информации, получаемой из мира действительности [Минский 1979]. В разработке теории фреймов значительная заслуга принадлежит и Ч. Филлмору [Филлмор 1998]. Подчеркивая целесообразность использования фреймов для решения лингвистических задач, ученый указывал на несомненную близость фрейма понятию семантического поля: теория фреймов допускает возможность знания носителем языка значения слова, даже если ему неизвестны все лексемы, связанные по смыслу с данным словом, так как фрейм может быть связан с

одним словом, что обеспечивает его нормальное употребление в различных контекстах.

Используемый в нашей работе термин ‘фрейм’ означает структуру и является наиболее подходящим для отражения основного предназначения – служить основой для представления знаний об ирреальности. Теория фреймового моделирования помогает компактно эксплицировать представления об ирреальном в виде специально организованной модели мира – фрейма. Предложенная в работе модель отражает совокупность объектов ирреального мира и отношения между ними внутри фрейма, субфрейма, слота и субслотов.

Субфрейм, слот, субслот являются представителями единой схематизации знания – фрейма, и чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо понять, что они значат все: иерархическая структура основывается на отношениях “целое – часть”.

Фрейм отражает не конкретные, а наиболее характерные моменты, принадлежащие одному классу, тем самым их упорядочивая и структурируя. Во фрейме выделяются два уровня, иерархически связанных друг с другом: верхний уровень фрейма заполнен информацией, общей для всего класса объектов, определяемых данным фреймом, а нижние узлы – субфреймы, слоты и субслоты заполняются переменными данными, характеризующими особенности отдельных объектов, принадлежащих данному классу. Субфреймами считаются иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов [Кулаков 1979]. Слот является более мелкой составляющей фрейма, это фрагмент более значительной его сети – субфрейма. Подслот описывает атрибут в слоте.

В основе нашего подхода к фреймовому моделированию концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ лежит признак ‘одушевленность/неодушевленность объекта ирреального мира’. Во фрейме “ирреальность” выделяются два субфрейма – субфрейм “ирреальное существо” указывает на одушевленные объекты ирреального мира, а субфрейм “ирреальное несущество” – на неодушевленные. Наиболее представленным является субфрейм “ирреальное существо” – в английском языке 1724 единиц (85.98%), в украинском языке – 1670 единиц (83.21%).

В свое время В. И. Карасик ввел в научный обиход понятие “номинативная плотность концепта”, подразумевая “количество его номинаций в языке” [Карасик 2002 : 111]. Выступая как градуированная величина, “высокая плотность концепта свидетельствует о том, что соответствующая часть картины мира является важнейшей в образном мировосприятии носителей языка” [Карасик 2002 : 113]. Приведенные статистические данные свидетельствуют не только о характере восприятия исследуемого понятия сопоставляемыми социумами (ирреальность в их понимании представлена как биологическое существование – живое существо), но и указывают на его когнитивную важность в структуре анализируемого концепта.

Субфрейм “ирреальное существо” состоит из пяти слотов – “сверхъестественное существо”, “человек ирреального мира”, “животное ирреального мира”, “фантастическое существо” и “существо других цивилизаций”.

Слот “сверхъестественное существо” представлен тремя субслотами ***“Бог как Создатель мира”*** (например, God – ‘the spirit or being who Christians, Jews, Muslims etc pray to, and who they believe created the universe’ [LDCE : 695] (Бог – дух или существо, которому христиане, евреи и мусульмане молятся, и которое, как они полагают, создало мир), *Господь* – ‘одна із назв Бога у християн’ [СУМ т.2 : 142]), ***“бог как существо, управляющее частью мира”*** (например, *Cybele* – ‘a nature goddess of the ancient peoples of Asia Minor’ [WNCD : 282] (Сибела – богиня природи давніх народів Малої Азії), *Полель* – ‘бог світлого дня’ [ЗУЕ : 271]), ***“дух как существо менее значимое, чем бог”*** (например, *Dooiney-Oie* – ‘добрый дух, предупреждающий о надвигающихся штормах иногда криком, иногда являясь в дымке в образе человека и предостерегая моряков, порой трубя в рог, который звучит как швейцарский альпийский рожок’ [ЭВС : 321], *Доля* – ‘добрий дух, який захищає людину, приносить щастя та багатство усім, однак коли людина лінива або погана, то доля її покидає’ [Войтович 2005 : 160]).

В пределах анализируемого слота в английском языке субслот “дух как существо менее значимое, чем бог” обладает повышенной номинативной плотностью (437 единиц – 57.05%) по сравнению

с остальными конституентами данного слота и с таким же субслотом в украинском языке – 321 номинация (30.69%). В отличие от английского языка, в украинском языке базовым является субслот “бог как существо, управляющее частью мира”, который репрезентирован 592 единицами, составляя 56.6% от общего количества единиц исследуемого слота; в английском языке он вербализован 227 единицами (29.63%). Субслот “Бог как Создатель мира” является самым немногочисленным в данной триаде, включая 102 единицы (13.32%) в английском языке и 133 единицы (12.71%) в украинском языке.

Важное место в образном представлении исследуемого концепта занимает **слот “человек ирреального мира”** (в английском языке – 35.16%, в украинском языке – 21.97%), формируемый четырьмя субслотами – ***“человек, имеющий внешность, черты характера и способности обычного человека”*** (например, *Judas Iscariot* – ‘in the New Testament of the Bible, one of the Jesus’s disciples. He received “thirty pieces of silver” from the Jewish authorities as payment for betraying Jesus’ [LDELC : 711] (Иуда Искариот – в Ветхом Завете – один из учеников Иисуса, получивший тридцать серебренников за предательство свого учителя), *Марко Проклятий* – ‘популярний герой українських легенд […]; в основі лежить легенда про зрадника Марка, що вдарив Христа залізною рукавицею перед його хресною смертю, за що Господом був покараний вічно ходити під землею навколо стовпа, не спиняючись ні на хвилину’ [ЗУЕ : 354]), ***“человек с необычными внешними и физическими данными”*** (например, *Helen of Troy* – ‘in ancient Greek stories, the wife of Menelaus, the king of Sparta. Helen was famous for her great beauty’ [LDELC : 617] (Елена Троянская – в греческой мифологии – жена Менелая, короля Спарты, известная своей необычайной красотой), *Дафніс* – ‘у давньогрецькій міфології – сицилійський пастух надзвичайної краси, складач пісень’ [ВТС СУМ : 274]; *Antaeus* – ‘a giant overcome by Hercules’ [WNCD : 47] (Антей – гигант, побежденный Геркулесом), *Балда* – ‘могутній богатир […]. Він може давати такі щиглі, що від них падають мертвими бик і ведмідь, і такі щипки, що у найсильнішого бика злазить уся шкіра’ [Войтович 2005 : 22]), ***“человек с необычными умственными***

способностями" (например, *Miss Jane Marple* – 'a character in crime novels by Agatha Christie. Miss Marple is a very polite old English lady who also clever at discovering criminals, especially murderers' [LDELC : 834] (Мисс Марпл – главный персонаж в детективных историях А. Кристи; очень умная вежливая пожилая английская леди, расследующая криминальные истории и находящая убийц), *Аріадна* – 'у давньогрецькій міфології – дочка критського царя Міноса, що вивела Тезея з лабіринту за допомогою клубка ниток' [ВТС СУМ : 39]), ***"человек, обладающий сверхъестественными способностями"*** (например, *Dorian Grey* – 'an imaginary character who leads a bad life in a novel by Oscar Wilde. Every time he does something evil, a picture of him changes and begins to look older and more evil, while he remains young and attractive' [MEDAL : 413] (Дориан Грей – в произведении О. Уальда – вымышленный персонаж, который ведет распутный образ жизни. Каждый раз, когда он поступает недостойно, картина, на которой он изображен, меняется – на ней он становится старше, а в жизни – моложе), *Мафусаїл* – 'біблійський міфічний патріарх, який нібито прожив 969 років' [СІС]).

У субфрейма "ирреальное существо" в английском языке два слота являются практически равновеликими, с незначительным преимуществом в 61 единицу (3.04%) сверхъестественного существа над человеком ирреального мира. В украинском языке стержневым является слот "сверхъестественное существо", который включает более половины (52.12%) всех лексических единиц, формирующих исследуемый концепт.

Широко и разнообразно представлен **слот "фантастическое существо"**, реализуясь в 163 единицах (8.13%) в английском языке и в 143 единицах (7.13%) в украинском языке. Исследуемый слот моделируется пятью субслотами ***–"человекоподобное существо как симбиоз человека и животного"*** (например, *Triton* – 'in Greek Mythology, son of Poseidon who was half man and half fish and lived at the bottom of the sea' [SD : 1064] (Тритон – в греческой мифологии – сын Посейдона, который жил на дне моря; получеловек-полурыба); *мінотавр* – 'у давньогрецькій міфології – чудовисько з тілом людини і головою бика, яке начебто пожирало живих людей' [ВТС СУМ : 677]), ***"существо как симбиоз животных"*** (*unicorn* –

‘a fabulous animal generally depicted with the body and head of a horse, the hind legs of a stag, the tail of a lion, and a single horn in the middle of the forehead’ [WNCD : 1278] (единорог – вымышленное животное с туловищем и головой лошади, конечностями оленя, хвостом льва с одним рогом посередине лба), *химера* – ‘у давньогрецькій міфології – страховище з головою лева, тулубом кози й хвостом дракона, з пащі якого вивертається полум’я’ [СУМ т.11 : 57]), ***“человекоподобное существо как симбиоз человека и несущества”*** (например, *cyborg* – ‘a living organism some of whose vital parts have been substituted by electronic or mechanical devices’ [NWDThEL : 238] (киборг – живой организм, некоторые части которого были заменены на электронные и механические), *Тал* – ‘мідний велетень на Кріті, що відганяв від острова чужинців’ [ВТС СУМ : 1428]), ***“человекоподобное существо как симбиоз людей”*** (в обоих языках зарегистрирован единственный пример: *Hermaphrodite* – ‘a son of Hermes and Aphrodite whose body coalesces with that of a nymph who is in love with him’ [WNCD : 536], *Гермафродит* – ‘у давньогрецькій міфології – син Гермеса й Афродіти, якого боги з’єднали із коханою в нього німфою Салмакідою так, що їхні тіла утворили одну (але двостатеву) істоту’ [СТСУМ 2006 : 189]), ***“человекоподобное существо как симбиоз человека и растительного мира”*** (например, *Черчик-Васильчик* – ‘людина-квітка’ [Войтович 2005 : 582]; в английском языке фантастическое существо, в котором соединяются человек и представитель флоры, не зафиксирован).

Следующим по численности является **слот “животное ирреального мира”** – 81 номинация (4.04%) в английском языке и 37 номинаций (1.84%) в украинском языке. Анализируемый слот репрезентируется тремя субслотами – ***“животное со сверхъестественными способностями”*** (например, кот появляется и исчезает – *Cheshire cat* [LDELC : 213], птица живет более 500 лет и снова возрождается из пепла – *фенікс* [ВТС СУМ : 1531]), ***“животное с необычными для данного класса способностями”*** (например, свинья не может ходить на двух ногах – *Piglet* [LDELC : 1014]; змей должен ползать, а не летать – *металець* [ЕСУМ т.3 : 447]), ***“животное с необычными способностями для животного как представителя биологического класса”*** (например,

медведь придумывает и поет песни, стихи – *Winnie the Pooh* [LDELC : 1530], птица помогает воинам побеждать в войне с врагами – *перуниця* [СДМ : 190]).

При моделировании субфрейма “ирреальное существо” наименее представленным является **слот “существо других цивилизаций”**, состоящий из двух субслотов – ***“человекоподобное существо”*** и ***“существо без принадлежности к определенному классу”.*** Низкая наполняемость данного слота (9 номинаций (0.45%) в английском языке (*alien, E.T., humanoid, little green men, the man in the moon, Martian, mutant, spaceman, Superman*) и 3 номинации (0.15%) в украинском языке (*гуманоїд, Марсіанин, прибулець*)) подчеркивают его периферийность в общей структуре концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ.

По мере поступления новой информации структура фрейма становится более разветвленной. Так, слот ‘существо других цивилизаций’ является ‘новым’ с точки зрения хронологической последовательности его появления, и связан с развитием науки и техники, когда добавляются новые понятия в результате новых знаний.

Статистические данные свидетельствуют об одинаковом – главенствующем – позиционировании субфрейма “ирреальное существо” в рамках концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ для английского и украинского социумов.

Несущество ирреального мира моделируется субстанциональными предметами, а также несубстанциальными элементами (качества, состояние, процессы, действия, события, психические состояния и т.д.). В **субфрейме “ирреальное несущество”** выделено четыре слота – “местность”, “абстракции”, “предмет” и “растение”. В представленном субфрейме в английском языке наиболее многочисленной является парадигма единиц, семантика которых отражает локус: 152 единицы (7.58%), в украинском языке доминируют абстрактные понятия – 134 единицы (6.68%).

Слот “местность” представлен четырьмя субслотами – ***“административно-территориальное деление”*** (например, *Yoknapatawpha County* – ‘imaginary county in the state of Mississippi in the story written by W. Faulkner’ [OGBAC : 154] (Йокнапатофа – в романе В. Фолкнера – придуманное графство, расположенное в

штате Миссисипи), *Кам'яна держава* – 'держава, що знаходиться під землею' [Войтович 2005 : 588]), ***"особенности рельефа"*** (например, *Shangri-La* – 'a distant, beautiful, imaginary place where everyone is happy, from the book "Lost Horizon" by J. Hilton, about an imaginary valley in Tibet' [LDELC : 1236] (Шангрі-Ла – в книге Дж. Хилтона "Потерянный горизонт" – придуманная далекая прекрасная местность, где все счастливы; про выдуманную долину в Тибете), *Хорив* – 'міфічна гора у центрі світу, навіть Всесвіту. Вершина її сягає Полярної зірки, низ указує вхід у потойбічний світ. Основа гори на землі, там, де проходить її вісь, тобто це "пуп землі' [Войтович 2005 : 562]), ***"особенности организации Вселенной"*** (например, *cloud nine* – 'the ninth and highest heaven of Dante's Paradise, whose inhabitants are most blissful because nearest to God' [WNCD : 212] (в произведении Данте "Рай" – девятое небо – девятый, наивысший уровень Небесного Рая, жители которого являются самыми счастливыми, поскольку ближе всех находятся к Богу), *Krypton* – 'the imaginary planet where the character Superman is supposed to have been born' [LDELC : 731] (Криптон – придуманная планета; полагают, что на ней родился Супермен); *Емпіреї* – 'у давньогрецькій міфології – найвища частина неба, наповнена вогнем і світлом, де жили боги' [ВТС СУМ : 349], *пекло* – 'потойбічне місце під землею, куди потрапляють душі померлих грішників для вічних мук' [ЗУЕ : 436]), ***"инфраструктура движения"*** (например, *Ramsay Street* – 'the imaginary street in which the main characters live in the Australian television soap opera "Neighbours" [LDELC : 1101] (Ремсей Стрит – вымышленная улица, на которой живут главные герои австралийского сериала "Соседи"); *Божа дорога* – 'дорога в Рай (Вирій)' [ЗУЕ : 46]).

Слот "абстракции" составляет в английском языке 4.09%, в украинском – 6.68%, насчитывая 82 и 134 единицы соответственно. Исследуемый слот включает три субслота – ***"качественные абстракции"*** (например, *fantasy* – 'the power or process of creating especially unrealistic or improbable mental images' [WNCD : 415] (фантазия – сила или процесс создания нереалистических и невозможных ментальных образов), *оборотництво* – 'у стародавніх віруваннях – перетворення (магічне перевтілення) людей на звірів,

птахів і навпаки; таку здатність мають передусім чаклуни, відьми' [ЗУЕ : 407]), ***"явления"*** (например, *mirage* – 'an optical phenomenon in which remote objects are seen inverted, as if mirrored in water' [NWDThEL : 637] (мираж – оптическое явление, в результате которого удаленные объекты изображаются в инвертированном виде, как-будто отображаясь в воде), *марево* – 'зорове явище в атмосфері, при якому біля горизонту з'являються уявні зображення наземних предметів або ділянок неба; міраж' [СУМ т.4 : 626]) и ***"географические абстракции"*** (например, *axis* – 'an imaginary line through the middle of an object that turns' [OWD : 39] (ось – вымышленная линия, которая проходит через середину предмета, который поворачивается); *тропік* – 'уявне коло на поверхні земної кулі, паралельне екватору, віддалене від нього на 23^0 27 на північ або на південь' [СТСУМ : 866]).

В исследуемых языках немногочисленным является **слот "предмет"** – в английском языке – 39 лексических единиц, в украинском языке – 80, составляя от общего количества 1.95% и 3.99% соответственно. Слот "предмет" состоит из двух ***субслотов – "твердое состояние"*** (например, *Kryptonite* – 'a type of rock that comes from the planet Krypton in the Superman Stories' [LDELC : 731] (криптонит – в историях про Супермена – тип камня с планеты Криптон), *чарівна паличка* – 'предмет у вигляді невеликого жезла, який має чудодійні властивості' [СУМ т.6 : 29]) и ***"жидкое состояние"*** (например, *philtre* – 'a magic drink intended to make a person fall in love' [OALDCE : 947] (магический напиток, цель которого заставить человека влюбиться), *еліксир* – 'чудодійний напій, який намагалися одержати алхіміки, щоб продовжити людське життя, зберегти молодість' [СУМ т.2 : 474]).

Имея два ***субслота "дерево" и "цветок"***, **слот "флора"** обозначен в английском языке 8 лексемами (0.4%), в украинском – 18 (0.89%) и занимает последнее место, что свидетельствует о его периферийности в общей модели фрейма.

Фреймовый подход к организации лексики – это выделение лексических групп, каждая из которых, представляя единое целое, является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта на когнитивном уровне, и чтобы понять значение одной

из лексических групп как конституента, необходимо соотнести ее с фреймом как целостной сущностью, состоящей из набора таких же конституентов.

Обобщенная фреймовая модель концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ представлена на Рис. 1.

1.1. Слот “сверхъестественное существо”: 1.1.1. Субслот “Бог как Создатель мира”, 1.1.2. Субслот “бог как существо, управляющее частью мира”, 1.1.3. Субслот “дух как существо менее значимое, чем бог”;

1.2. Слот “человек ирреального мира”: 1.2.1. Субслот “человек, имеющий внешность, черты характера и способности обычного человека”, 1.2.2. Субслот “человек с необычными внешними и физическими данными”, 1.2.3. Субслот “человек с необычными умственными способностями”, 1.2.4. Субслот “человек, обладающий сверхъестественными способностями”;

1.3. Слот “фантастическое существо”: 1.3.1. Субслот “человекоподобное существо как симбиоз человека и животного”, 1.3.2. Субслот “существо как симбиоз животных”, 1.3.3. Субслот “человекоподобное существо как симбиоз человека и несущества”, 1.3.4. Субслот “человекоподобное существо как симбиоз людей”, 1.3.5. Субслот “человекоподобное существо как симбиоз человека и растительного мира”;

1.4. Слот “фауна”: 1.4.1. Субслот “животное со сверхъестественными способностями”, 1.4.2. Субслот “животное с необычными способностями для данного класса”, 1.4.3. Субслот “животное с необычными способностями для животного как представителя биологического класса”;

1.5. Слот “существо других цивилизаций”: 1.5.1. Субслот “человекоподобное существо”, 1.5.2. Субслот “существо без принадлежности к определенному классу”.

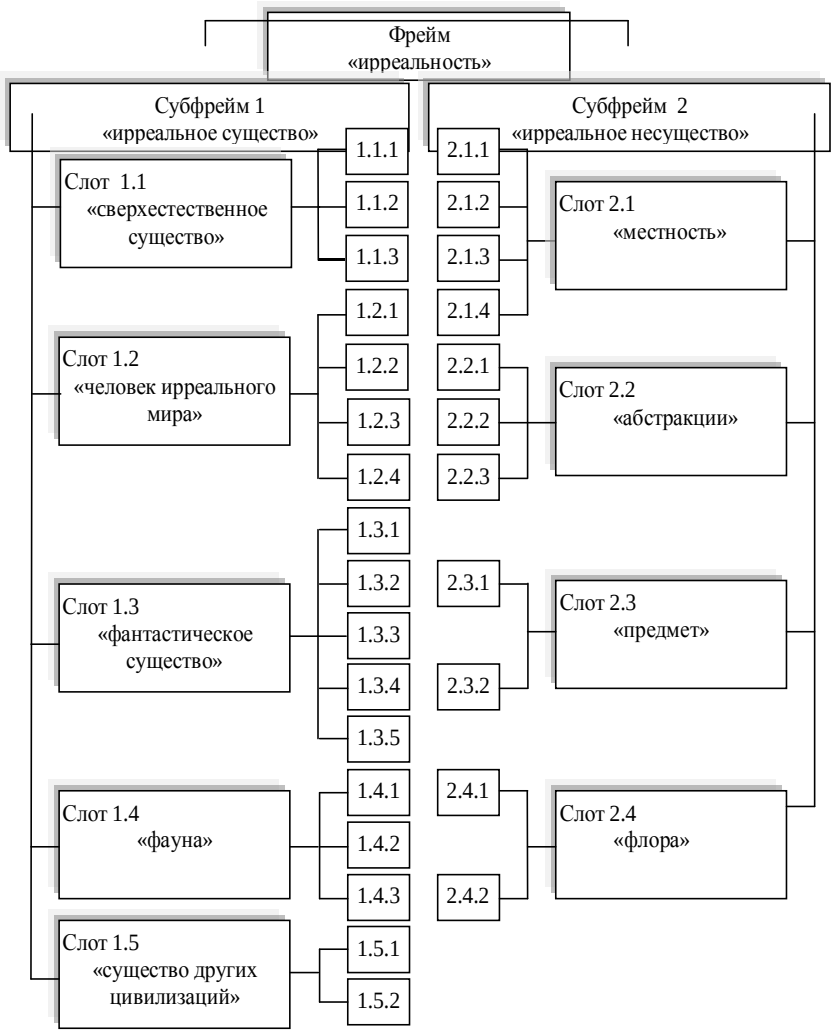


Рис. 1 – *Фрейм “ирреальность”*
(на материале английского и украинского языков)

Количественные данные, приведенные в Таблице 1, демонстрируют понимание исследуемого феномена английским и украинским социумом в сопоставительном аспекте.

Таблица 1. Количественная структура концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ в сопоставительном аспекте

Субфрейм, слот	Количественный состав			
	Английский язык		Английский язык	
	Абсолютное количество	Относительное количество (%)	Абсолютное количество	Относительное количество (%)
I. Ирреальное существо	**1724**	**85.98**	**1670**	**83.21**
Сверхъестественное существо	766	38.2	1046	52.12
Человек ирреального мира	705	35.16	441	21.97
Фантастическое существо	163	8.13	143	7.13
Животное ирреального мира	81	4.04	37	1.84
Существо других цивилизаций	9	0.45	3	0.15
II. Ирреальное несущество	**281**	**14.02**	**337**	**16.79**
Местность	152	7.58	105	5.23
Абстракции	82	4.09	134	6.68
Предмет	39	1.95	80	3.99
Растение	8	0.4	18	0.89
Всего	**2005**	**100**	**2007**	**100**

Такие свойства фрейма как категориальный принцип организации знания, четко выстроенная иерархическая структура и динамический характер позволили детально проанализировать особенности восприятия ирреального носителями английского и украинского языков.

Выводы

Когнитивный анализ фреймовых образований разных уровней в структуре концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ позволил не только выявить языковое наполнение фрейма, но и получить полное представ-

ление об особенностях строения и восприятия изучаемого концепта в английской и украинской лингвокультурах в кросскультурном аспекте. Несмотря на то, что анализ проводился на материале неблизкородственных языков, обращает внимание высокая степень соответствия, что приводит к совпадению основного набора звеньев фреймовой структуры. Исследование показало, что в сопоставляемых языках в основе фрейма “ирреальность” лежит одинаковое понимание ирреального мира английским и украинским социумом, что свидетельствует, с одной стороны, про общность образной семантики продуктов ассоциативной деятельности жителей Великобритании и Украины, а с другой стороны, про подобие и аналогичность мышления этносов, говорящих на разных языках. Доминирование изоморфных характеристик связано с тем, что сравнивались европейские культуры, которые имеют много общего. Отдельные национально-культурные особенности в составе данного фрейма также имеют место, но такие расхождения принципиально не меняют общую структуру фрейма.

Говоря о количественном наличии тех или иных субфреймов, составляющих их слотов и включенных подслотов, можно сделать выводы о специфике восприятия ирреального мира представителями разных культур:

– изоморфизм для английского и украинского социумов проявляется в а) одинаковом представлении ирреального как одушевленного объекта – человекоподобного существа; б) отсутствии генерализующих лексем для объективации ирреального мира: нет одной лексемы-репрезентанта ни для ирреального существа ни для ирреального несущества. Лексические единицы, эксплицирующие исследуемый концепт, отражают разные стороны анализируемого понятия; в) хотя ирреальность – абстрактное понятие, оно трактуется через призму конкретного, получая зрительно-наглядный образ, конкретизируясь за счет приобретения определенной “формы”;

– в сопоставляемых языках зарегистрирована разная плотность двух лидирующих слотов: в английском языке практически с одинаковой наполняемостью зафиксированы два слота “сверхъестественное существо” и “человек ирреального мира”, тогда как в украинском языке явно доминирует слот “сверхъестественное суще-

ство”, отражая представления украинцев о существе ирреального мира прежде всего как о сверхъестественном существе.

Концепт ИРРЕАЛЬНОСТЬ не является структурой с постоянным набором существенных признаков, поскольку является продуктом и результатом ментальных операций человека, что говорит о развивающем характере концепта ИРРЕАЛЬНОСТЬ.

В дальнейшем нам представляется перспективным исследование когнитивных и ментальных аспектов языковой деятельности на текстовом уровне, где когнитивный анализ позволяет проследить эволюцию языковой единицы – от ее словарной ипостаси до гипертекстуальной. Этап выделения лексических единиц из словаря является начальной стадией анализа и представляет собой слабо организованное множество элементов – однородно знаковых единиц. Обогащение семной структуры слова происходит в динамике – в процессе его употребления. Наращивание содержания наблюдается на текстовом уровне, когда слово обрастает дополнительными семами.

Литература

Бабушкин А. П. “Возможные миры” в семантическом пространстве языкн. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

Войтович В. М. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.

Карасик В. И. Языковой круг: Личность. Концепты. Дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // М. Минский. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: «Энергия», 1979. – С. 122 – 144.

Левицький А. Е. СОН та МРІЯ як номінації квазіреальності у східнослов’янських і західногерманських лінгвокультурахкий // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць. – 2009. – Вип. 26. – Ч. 3. – С. 410 – 416.

Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. – М.: «Энергия», 1979. – 152 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике XX века. – 1998. – Вып. 23. – С. 52 – 93.

Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования / [ред. д. филос. н. В. Н. Садовский, д. филос. н. В. А. Смирнов]. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 628 p.

Список лексикографических источников

ВТС СУМ: Великий тлумачний словник сучасної української мови / [укл., голов. ред.: В. Т. Бусел]. – К., Ірпінь: ФТФ “Перун”, 2007. – 1736 с.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови : у 7 т. [редкол. О. С. Мельничук та ін.]. – К.: Наук. думка, 1982 – 2006.

ЗУЕ: Знаки української етнокультури. Словник-довідник / [авт.-укл.: В. В. Жайворонок]. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.

СДМ: Словник давньоукраїнської міфології / [укл.: С. П. Плачинда]. – К.: Велес, 2007. – 240 с.

СІС: Словник іншомовних слів / [редкол. О. С. Мельничук та ін.] [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://wwwhttp://www.rozum.org.ua/index.php?a=index&d=18.

СУМ: Словник української мови : в 11 т. / [АН УРСР, редкол. : І. К. Білодід (голова) та ін.]. – К.: Наук. думка. – 1971 – 1980.

СТСУМ: Сучасний тлумачний словник української мови / [за ред. В. В. Дубічинський]. – Харків: “ВД ШКОЛА”, 2006. – 1008 с.

DTh: Dictionary and Thesaurus / [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://irreality/askdefine.com.

LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English / [ed. by A. Gadsby]. – Harlow: Pearson ESL, 2006. – 1968 p.

LDELC: Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Addison Wesley Longman, 1998. – 1568 p.

MEDAL: Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / [ed. by M. Rundell]. – London: Macmillan Publishers Limited, 2006. – 1692 p.

NWDThEL: New Webster’s Dictionary and Thesaurus of the English Language / [ed. by B. S. Cayne]. – Danbury, CT: Lexicon Publications, 1986. – 1248 p.

OALDCE: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / [ed. by S. Wehmeier]. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 1540 p.

OCD: Online Collins Dictionary / [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.diclib.com.

OGBAC: Oxford Guide to British and American Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 542 p.

OWD: Oxford Wordpower Dictionary / [ed. by S. Wehmeier]. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 746 p.

SD: Scribner Dictionary / [ed. by William D. Halsey]. – N.Y.: Scribner Educational Publishers, 1986. – 1190 p.

ThE: Thesaurus and Encyclopedia [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.thefreedictionary.com.irreality.

WNCD: Webster's New Collegiate Dictionary. – Springfield, Mass.: G. & C Merriam Co, 1974. – 1536 p.

ГЛАВА III
КОНЦЕПТЫ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

3.1. КОНЦЕПТ *ЖИЗНЬ* В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Белехова Л. И.

Несмотря на то, что в современной концептологии, уже сложившейся отдельной отрасли когнитивной науки, описаны почти все концепты, разработана методика их моделирования [см., напр., Карасик 2002; Карасик, Прохвачева 2005; Приходько 2008], выявлены способы и механизмы их представления в различных типах дискурса [Мартынюк 2010; Приходько 2008], концепт ЖИЗНЬ как один из основных продолжает привлекать внимание лингвистов ввиду многомерности и полиаспектности его природы. Так, например, в русской языковой картине мира выявлены архаичные символические признаки в структуре концепта ЖИЗНЬ [Пименов, Пименова 2004], в украинской лингвистике изучены средства воплощения этого концепта в паремиях, английской авторской сказке [Гулидова 2005; Солодова 2009].

Объектом данного исследования является концепт ЖИЗНЬ в образном пространстве стихотворных текстов американской поэзии, а предметом – лингвокогнитивные механизмы его образного воплощения в поэтической картине мира как отдельного автора, так и целого литературно-стилевого направления.

Целью работы является выявление способов и средств прототипического и идиотипного образного осмысления анализируемого концепта в американской поэзии путем выявления лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов (далее СПО) как доминантных единиц в создании образности поэтического текста.

В задачи входят определение когнитивной сущности СПО, концептуального и языкового картирования как механизмов их формирования и функционирования в поэтическом тексте, построение прототипической модели концепта ЖИЗНЬ в американской поэзии с целью выяснения специфики концептуализации понятия жизни в постмодернистских поэтических текстах.

Актуальность исследования определяется, во-первых, общей направленностью современной концептологии на определение онтологического статуса разнообразных концептов, описание их структуры, во-вторых, на выявление лингвокогнитивных операций и процедур, обеспечивающих своеобразие образной актуализации в разных типах художественного дискурса. Описание способов образной реализации концепта ЖИЗНЬ в американском поэтическом дискурсе позволит выявить общие и специфические особенности его осмысления в поэтических текстах различных авторов, раскрыть лингвокогнитивные механизмы его словесного воплощения и тем самым определить характерные признаки когнитивного стиля отдельного поэта и особенности постмодернистского восприятия жизни, ценностных ориентиров бытия американской лингвокультуры.

Исследование основывается на мысли о том, что каждый поэтический образ существует не сам по себе, а оказывается встроенным, вписанным в семантическое пространство всего поэтического текста и, шире, во всё семантическое пространство американской поэзии, которое, вслед за Ю.М. Лотманом, рассматриваем как часть семиосферы, семиотического пространства мировой культуры [Лотман 2000 : 433]. Образное пространство поэтического текста – это картина “места проживания” и взаимодействия типологически различных образов [Гаспаров 1996 : 144]. Образные “ландшафты” текстов разнятся между собой тем, как словесные поэтические образы вплетены в ткань стихотворного произведения. Раскрытие лингвокогнитивного механизма встроенности СПО в поэтический текст обеспечивает адекватную интерпретацию его содержания.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция СПО вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связана с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического

творчества [Аверинцев, Андреев и др. 1994 : 3-6; Гачев 1972 : 8; Эпштейн 1988 : 378; Бєлєхова 2002 : 23-25].

В русле когнитивной лингвистики СПО понимается как трёхмерная величина, инкорпорирующая предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [Бєлєхова 2002 : 7].

Предконцептуальная сторона СПО – это **смысл** образа, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями [Lakoff, Johnson 1999 : 10-13]. В контексте работы когнитивное бессознательное понимаем как предкатегориальную деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящегося в коллективном бессознательном [Воробьёва 1995 : 240; Tsur 1992 : 56-62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [Юнг 1997 : 63; Campbell 1988 : 18]. Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [Юнг 1997 : 64, 90-98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [Daneš 1987 : 180]. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции мотивируют познание [Шаховский 2009 : 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В.И.Шаховскому, “внутренний эмоциональный лексикон”, который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [Шаховский 1997 : 132].

Предконцептуальная ипостась СПО структурирована образ-схемами (image-schemas) базовых концептов и архетипов, лежащих в его сновании [Lakoff 1987: 684]. Методика описания образ-схем или схемных образов разработана в когнитивной лингвистике [см. напр.: Lakoff, Johnson 1999 : 161-164; Жаботинская 2002; 2009; Потапенко 2004 : 20-24]. Используя эту методику с некоторыми

модификациями, мы предлагаем метаязык семантического описания образ-схем архетипов и базовых концептов в терминах семантических узлов или слотов, содержащих информацию о физическом или эмоциональном опыте, структурных элементах и базовой логике. С помощью слота "*физический опыт*" описывается телесный опыт человека, в результате которого признаки, свойства и качества предметов, явлений и событий становятся компонентами значений концепта и используются в номинативной деятельности. Слот "*эмоциональный опыт*" заполняется описанием лингвокогнтитивных процедур активации эмоциогенного знания в формировании предконцептуальной структуры СПО. Слот "*структурные элементы*" содержит набор концептуальных признаков, присущих базовому концепту и концептуальные импликации, активируемые архетипами. В слоте "*базовая логика*" объясняется логика связей и отношений между концептуальными признаками концепта и физическим опытом человека.

Описание предконцептуальной структуры представим на примере СПО Э.Паунда "*a new day glistens in the old day's room*" (Pound). Основой приведенного СПО выступает базовый концепт области источника ВМЕСТИЛИЩЕ и архетип СВЕТ. В слоте "*структурные элементы*" образ-схемы архетипа СВЕТ содержатся концептуальные импликации: *причастность к космосу бытия, стремление к возвышенному, стремление к познанию сути бытия, стремление к знаниям, ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего, ощущение жизненной энергии, чистоты, величия, вечности мироздания*. В СПО объективируются лишь некоторые импликации – *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего*, что и составляет его смысл. Из образ-схемы базового концепта ВМЕСТИЛИЩЕ в СПО реализуется лишь концептуальный признак *помещение вовнутрь*, воплощенный вербально в предлоге *in*, и признак *ограниченное пространство*, который актуализируется в семантике слова *room*.

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом СПО, отражающим обобщенное **содержание** СПО. Формирование концептуальной ипостаси СПО осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source

and target domain) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лигвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации [см. Lakoff, Johnson 1999; Fauconnier 1997; Turner 1998; Fauconnier, Turner 2002; Freeman 2000; Gibbs 1993; Grady 1997; Kövecses, Radden 1998].

Обобщенное содержание СПО структурировано концептуальными схемами, которые моделируются путем концептуального анализа сущностей, т.е. компонентов СПО, представляющих области цели и области источника, на основе выявления концептуальной метафоры, метонимии и оксюморона. Последние считаются концептуальной базой для формирования всех тропов без исключения [Lakoff, Turner 1989; Kövesces 1998, Gibbs 1993]. Концептуальный анализ СПО – это выявление концептуальных характеристик сущностей концептосфер путем анализа семантики языковых единиц, актуализирующих эти сущности в объектной и субъектной частях СПО.

В зависимости от того, в русле какой семантической теории (прототипической, концептуальной, когнитивной) проводится исследование, метаязык и методика семантико-концептуального анализа словесных поэтических образов оказывается разной. Суть анализа номинативных единиц в терминах прототипической семантики заключается в определении “наилучшего представителя” – прототипа, который служит эталоном, центральной фигурой, вокруг которой сосредоточены члены прототипической категории [Rosch 1977; Taylor 1995]. Анализ словесных поэтических образов в рамках концептуальной семантики предусматривает определения концептов, под которые подводятся сущности областей источника и цели, и выявление концептуальных схем, служащих когнитивной основой поэтических тропов.

Построение прототипической концептуальной схемы СПО осуществляется путем концептуального анализа ряда образов, объединенных общим концептуальным референтом, то есть образов, в которых область цели структурирована одним и тем же концептом: ЖИЗНЬ. Так, например, в СПО: “*my life, station /*

after station, / to be tried" (Duncan); "*where pangs and terrors in his pathway lie"* (Robinson); *"life is lighted highway to the tomb"* (Robison); *"The outward wayward life we see"* (Whittier); "*launching our lives to voyage again"* (Robinson); "*But I have promises to keep / And miles to go before I sleep"* (Frost); "*Two roads diverged in a wood, and I – / I took the one less traveled by"* (Frost) – область источника структурирована сущностями, которые в речевой цепи представлены следующими лексическими единицами: *station – станция, pathway – тропа, highway – автострада, wayward – направление пути, voyage - путешествие, road – дорога.* Под весь этот ряд слов можно подвести один концепт ПУТЬ с помощью лингвокогнитивной процедуры **обобщения** признаков, которые содержатся в семантике этих единиц. Таким образом прототипическая концептуальная схема получает символьное представление в виде записи, общепринятой для концептуальной метафоры: ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЬ.

СПО, в основе которых лежит общая прототипическая концептуальная схема, называем **изотипными** (с древнегреческого isos – похожий). Ряд изотипных СПО составляет **изотипическое пространство** американской поэзии. Так, ряд непохожих на первый взгляд СПО: *"the corners of the evening*" (Eliot) – "*закоулки вечера*"; "*the borders of the day*" (Emerson) – "*границы дня"*; "*I have measured out my life with coffee spoons"* (Eliot) – "*Я измерил мою жизнь ложками кофе"*; "*Who joked him into life"* (Sandburg) – "*Кто же над ним посмеялся, пустив в жизнь"*; "*She re-enters her life / the way a parachutist re-enters / the corser atmosphere of earth*" (Pastan) – "*Она снова возвращается к жизни, как парашютист в плотные слои атмосферы*" – можно объединить в изотипическое пространство благодаря наличию общей прототипической концептуальной схемы: ЖИЗНЬ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ. Возможность объединения приведенных выше примеров СПО в одну прототипическую категорию объясняется наличием общих свойств, а именно: области цели всех образов структурированы одинаковой образ-схемой концепта ЖИЗНЬ, а сущности областей источника содержат онтологические соответствия, то есть родственные признаки, с сущностями образ-схемы концепта

ВМЕСТИЛИЩЕ: очерчивание, очертание пространства содержимого (*the corners of the evening, the borders of the day*); нахождение в определенном месте (*on the shore of the future; in the center of life*); помещение, вхождение кого-то/чего-то во вместилище (*Who joked him into life; She re-enters her life*); измерение содержимого чем-то (*I have measured out my life with coffee spoons*).

В свою очередь набор прототипических концептуальных схем, полученных с помощью концептуального анализа структуры каждого поэтического образа изотипического образного пространства, рассматриваем как прототипическую модель фрагмента образного пространства американской поэзии.

Концептуальный анализ СПО американской поэзии путем реконструкции прототипических концептуальных схем дал возможность вычленить в образном пространстве концепта ЖИЗНЬ двенадцать прототипических концептуальных схем, каждая из которых является концептуальной базой изотипных СПО (Рис. 1).

Каждая створка веера на рис. 1 представлена прототипической концептуальной схемой, являющейся обобщенным содержанием целого ряда СПО, что позволяет рассматривать их как изотипическое образное пространство, как часть образного пространства американской поэзии. Изотипическое пространство, или пространство изотипных СПО, охватывает архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные образы, которые размещены в нем по принципу членов прототипической категории. Это означает, что изотипическое образное пространство имеет центр и периферию. В центральной части располагаются СПО, содержащие только одну прототипическую концептуальную схему. Как правило, такими оказываются стереотипные СПО или идиотипные, которые характеризуются простотой синтаксического построения, то есть представлены словосочетанием или простым предложением. Периферию занимают идиотипные СПО, объективирующие более чем одну концептуальную схему.

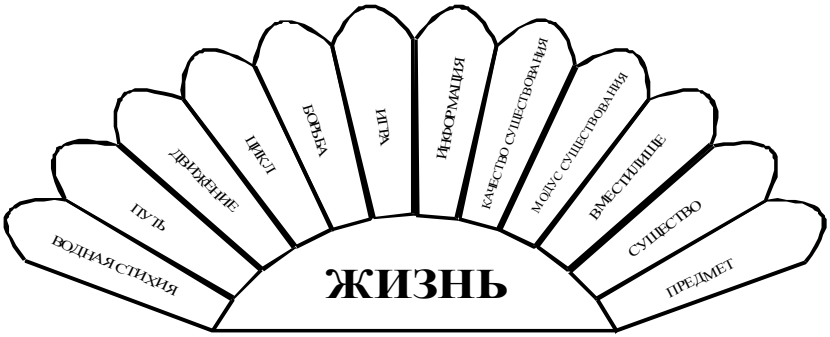


Рис. 1. ***Прототипическая модель образного пространства концепта ЖИЗНЬ в американской поэзии***

Представляя образное пространство в таком виде мы, говоря словами М.К. Мамардашвили, “получаем не хронологическую последовательность, а некую вертикаль или веер, створки которого располагаются не линейно, а сосуществуют. Это как бы не ускользающая, а скользящая точка современности. Какое-то вертикальное или веерное сечение, позволяющее нам соприкоснуться с Платоном, Декартом, Буддой” [Мамардашвили 1992 : 62].

Реконструкция концептуальной стороны СПО позволяет выявить прототипические концептуальные схемы, что, в свою очередь, ведёт к очерчиванию прототипической образной картины мира американской поэзии. Классификация СПО на архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные осуществлена с целью выявления механизмов их формирования и функционирования в поэтическом тексте и в образном пространстве всей американской поэзии.

Таким образом, концептуальный анализ словесных поэтических образов в терминах прототипической семантики осуществляется для определения общих прототипических концептуальных схем с целью очерчивания обобщенного представления о прототипическом образном пространстве, например, американской поэзии [Белехова 2000]. В то время как анализ семантики каждого отдельного словесного поэтического образа проводится в терминах когнитивной семантики, ориентированной на выявление “выделенного” (salient, prominent [Langacker 1990 : 6-10]) значения определенной

номинативной единицы объектной части словесного поэтического образа. Такой анализ позволяет обнаружить лингвокогнитивные операции, которые объясняют формирование идиотипных и кенотипных словесных поэтических образов, т.е. новообразов.

Итак, моделирование прототипических концептуальных схем ориентировано на определение устойчивых схем поэтического мышления, являющихся базой формирования стереотипных СПО. Выделение идиотипных концептуальных схем, отражающих особенности когнитивного стиля разных поэтов, служит для выявления видов поэтического мышления и специфики концептуального и языкового, конструктивно-творческого картирования как основной лингвокогнитивной операции формирования новых образов.

СПО как трехмерная величина гибко изменяет свои контуры в зависимости от когнитивных и языковых операций, доминирующих в формировании образа, от вида поэтического мышления, предопределяющего характер и направление картирования. В когнитивной лингвистике картирование понимается как проецирование структур знания с одной концептосферы на другую, как аналоговое картирование признаков и свойств сущностей области источника на онтологически родственные сущности области цели [Fauconnier 1994; Freeman 2000 : 260-264; Grady 1997 : 12-18].

Помимо аналогового мы выделяем и другие виды картирования, разграничивая концептуальное (аналоговое, субститутивное, контрастивное, нарративное) и языковое (конструктивно-творческое). Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: *“The shoots green as paint and leaves like tongue”* (Logan). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: *“There’ll be many a dry eye at his funeral”* (Sandburg). Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастивного* картирования [Gibbs 1993; Бєлєхова 2002 : 188-190], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается

с другой: “*My father moved through griefs of joy”* (e.e. cummings). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [Молчанова 2000 : 77; Turner1998 : 253-289]: *“She stared at him in a “Et-tu-Brutus” look”* (Snyder). И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется в работе как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру СПО (подробнее см.: Белехова 2002: 178-207): “*He sang his didn ‘t and danced his did”* (e.e. cummings), *“heads of the flowr**iest** flowers dew**ed** with the dew**iest** dew”* (Stevens), “*his better**ing** himself*” (e.e. cummings), “*but-not-altogether-satisfactory lady*” (Pound).

Выявление видов картирования служит критерием разграничения типов образов. В образном пространстве американской поэзии на основе комплекса критериев, разработанных с учетом функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров образа, мы выделяем старые: архетипные, стереотипные – и новые: идиотипные и кенотипные СПО (с древнегреческого: idios – новый, особый, kainos – новый, непривычный).

Архетипные СПО в американской поэзии отображают мифопоэтическую картину мира. Стереотипные СПО, в основе которых лежит синкретическое поэтическое мышление, отражают устойчивые прототипические схемы стихотворной речи, укоренившиеся в художественном сознании вследствие длительного историко-культурного развития поэзии. Идиотипные СПО являются результатом индивидуально-творческого осмысления мира. Кенотипные СПО разрушают обычные концептуальные схемы, их смысл создает концептуальный прорыв в понятийной системе человека, в них отражена кристаллизация нового опыта человечества.

Механизмы создания новизны СПО обнаруживаются путем выявления лингвокогнитивных процессов, операций и процедур, которые обеспечивают их формирование и функционирование в стихотворном тексте.

Формирование нового вида СПО – метаболы – вызвано тенденциями стихотворной речи к конвергенции, которая выражается в концентрации тропов и активизации стилистических фигур в пределах определенного отрезка поэтического текста, и дивергенции, проявляющейся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, в лишении образа предметно-чувственной конкретности [Бєлєхова 2002 : 94].

Особенности СПО американской поэзии **постмодернизма** детерминированы господствующими художественными принципами этой эпохи, такими как антропокосмизм, децентрация структуры текста, эклектичность и фрагментарность в отображении мира, деконструкция [Гассан 2000 : 24; Ильин 1996 : 214, 222, 225, 235; Бабелюк 2009 : 4, 5, 12-19]. Художественные приёмы модернизма: коллаж, пастиш, игра, пародия, ирония, – приобретают в постмодернизме новые качества, благодаря развитию ***эссеистического*** поэтического мышления. Последнее понимается как “мышление в разные стороны”, вследствие чего фрагментарность и эклектичность описания придают тексту панорамность его восприятия [Эпштейн 2005 : 12, 84, 91, 375]. В нашем исследовании *эссеистический* вид поэтического мышления трактуется как процесс поэтического осмысления реального или возможного мира, в результате которого путем индивидуально-творческого преломления свойств и признаков привычных предметов, явлений и событий жизни создается новый ракурс их видения или новый образ. Эссеистическое мышление предполагает привлечение разных способов художественного освоения действительности.

В американской поэзии постмодернизма *эссеистическое* и *параболическое* поэтическое мышление обусловили трансформацию метафоры в метаболу, переплетение означаемого и означающего. В стихотворной речи этой эпохи наряду с тенденцией к конвергенции образов прослеживается противоположная тенденция – дивергенция, проявляющаяся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, что создает эффект “диффузных эмоций” [Tsur 1992 : 372], размытой эмотивности текста. Дивергенция трактуется в работе как развертывание образного пространства, ведущее к созданию безгештальтных (gestalt-free), свободных от

предметной определенности (thing-free) образов [Tsur 1992 : 20-21], то есть образов, лишенных конкретно-чувственной явленности, картинности.

Словесный поэтический образ, построенный на метаболе, – это образ, который невозможно разделить надвое, на прямой и переносный смыслы, на описываемый предмет и привлеченное сходство [Эпштейн 1988 : 169]. В метаболе прямой и переносный смыслы сливаются, нет сходств и перенесения признаков по аналогии, как в традиционной метафоре. Содержание СПО-метаболы формируется путем интеграции образов, рассеянных по всей ткани поэтического текста. В отличие от параболы, в которой образы сцеплены единой темой, каждый из них является иносказательным выражением предыдущего, в метаболе наблюдается центробежный характер развертывания образного пространства. Каждый образ иррадиирует свой смысл, зачастую прямо противоположный, расположенному рядом с ним образу, что создает специфическую эмотивность поэтического текста постмодерна.

В античной поэтике метабола трактуется как **сплетение**, сплока, объединение в одной фигуре видоизмененных тропов и повторов, в результате чего обновляется значение [Квинтилиан 1996 : 232]. Современная метабола – это целостный образ, неделимый на субъект и объект, но открывающий в себе разные измерения [Эпштейн 2005 : 173].

С целью выявления особенностей современной метаболы, рассмотрим словесный поэтический образ американской поэтессы, лауреата Пулицеровской премии, Грейс Шульман *“Spending our suns like out-of-date coins, / until we reached the present-perfect tense – that have-been state / where past and future merge”* (Shulman BAP, 197). На первый взгляд, в этом СПО трудно определить субъект и объект, область-цель (target domain) и область-источник (source domain), поскольку концептуальные схемы в нем переплетены, образуя неразрывный узел из как будто бы переплетенных кореньев, создавая своего рода клубни – ризому [Eco 1984 : 74]. Метабола – это образ-загадка. Его энигматичность порождена когнитивным диссонансом, который возникает из-за семантического напряжения, созданного конвергенцией различных стилистических приёмов и

экспрессивных средств в одном и том же словесном поэтическом образе: *our suns* – метонимия, *like out-of-date coins* – метафорическое сравнение, *spending our suns like out-of-date coins* – поэтическая метафора, в основе которых лежат концептуальные метафоры и метонимии: LIGHT IS LIFE, SUN IS THE LIGHT Of LIFE, SUN stands for JOYFUL PERIOD OF HUMAN'S LIFE or TIME; TIME IS MONEY. Поскольку названные концептуальные метафоры и метонимия являются базовыми, первичными (primary) в терминологии Дж. Грейди [Grady 1997 : 11], когнитивной основой которых являются архетипные и стереотипные концептуальные схемы, входящие в Большую Цепь Бытия (Great Chain of Being) [Lakoff, Turner 1989 : 221-223], восприятие первой части СПО не вызывает затруднения. Смысл образа "*счастливое и беззаботное времяпровождение*" вычленяется путем анализа концептуальной интеграции значений в эмерджентной области. Блендинг, т.е. слияние денотативных значений лексем *sun, out-of-date* и *coin,* осуществляется на основе аналогового и ассоциативного картирования семантических признаков концептов LIGHT, SUN, LIFE, TIME, MONEY. Энигматичность образа создаётся метафорой: *reached the present-perfect tense – достигли настоящего-совершенного времени*, в результате конструктивно-творческого картирования, что обусловливает семантическое напряжение из-за неоднозначности номинативной единицы *tense*, означающей *время* в роли существительного, а в роли прилагательного – *напряжение*. Помимо этого дефисное написание словосочетания *present-perfect* создает эффект "остранения" по В. Шкловскому и таким образом ориентирует читателя на лингвокогнитивную процедуру перспективизации – поиска выгодной позиции (vantage point), или ракурса интерпретации, что обеспечивает адекватность трактовки содержания СПО. Осмысление *the present-perfect tense* через *have-been state* и соотношение содержания *настоящее совершенное время + напряжение + совершенное состояние = непревзойденный, совершенный сегодняшний период жизни* с метафорой-метонимией *where past and future merge* приводит к пониманию содержания *have-been state* как *старости,* а отсюда смысл всего словесного образа можно выразить так: *старость – это период жизни, когда человек на основе опыта постиг мудрость бытия.*

Когнитивным основанием СПО-метаболы помимо концептуальной интеграции служит концептуальная амальгама – обмен значений, не смесь, а **взвесь**, не блендинг, сплав или слияние, а их параллельное сосуществование, что и образует сопричастность текстовых миров. Термин амальгама заимствован из химии, где он используется для объяснения химического процесса, в результате которого образуется суспензия, взвесь жидкости и твердых частиц, которые не растворяются, а пребывают в зависшем, взвешенном состоянии [БСЭ : 503]. Явление амальгамации подмечено и в других науках, в физике в частности. Амальгамой называется сплав ртути с другими металлами [Там же : 504]. Амальгамацией называют способ извлечения металлов при помощи ртути [Там же : 503]. В результате такого процесса или амальгамации поверхность предмета приобретает иной облик. Однако со временем амальгамированный поверхностный слой частично стирается и первозданный материал просматривается. В лингвистику термин “синтаксическая амальгама” ввел Дж. Лакофф, понимая под ним неразложимую, далее не делимую на непосредственно составляющие синтаксическую конструкцию, интерпретация которой неоднозначна [Лакофф 1981 : 365]. В работах Н.Ф. Алефиренко амальгамация трактуется как процесс вторичной номинации, ведущий к возникновению сложного, состоящего из нескольких слов косвенного наименования [Алефиренко 2002 : 37]. Смысловой спектр такого многокомпонентного знака обусловливается не только сращением нескольких отношений именования в одно (концептуальная интеграция, блендинг), но и взаимодействием различных форм отражения действительности – первичного, зафиксированного в семантике знаков первичной номинации, и вторичного, вызывающего необходимость вторичной, косвенной номинации [Там же : 37]. Иными словами, пояснение нового значения языковой единицы осуществляется сквозь призму уже существующих, известных значений. Семантическое пространство образа понимаем как некий контейнер, в котором происходят различные процессы взаимодействия значений его номинативных единиц.

Графически конфигурацию семантического пространства метаболы с ризомным переплетением образов покажем на рис. 2.

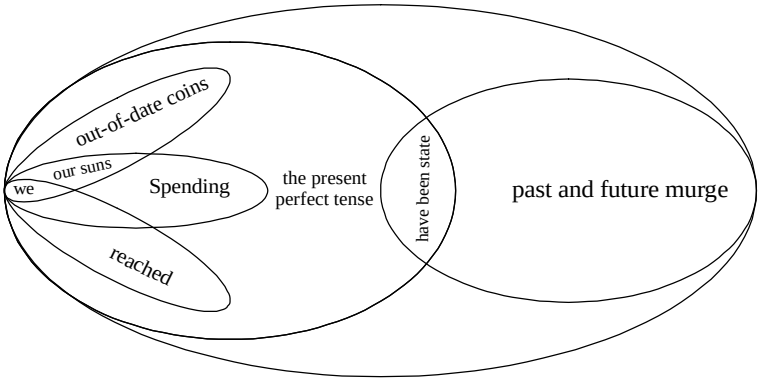


Рис. 2. ***Конфигурация семантического пространства словесного поэтического образа-метаболы Г. Шульман “Spending our suns like...”***

Конфигурация семантического пространства метаболы обусловлена конвергенцией и дивергенцией образов, объединённых между собой цепочечными (конвергенция) и радиальными (дивергенция) связями.

Таким образом, словесный поэтический образ, создаваемый метаболой, – это образ, который невозможно разделить на прямое и переносное значение, на описываемый предмет и предполагаемое подобие, это образ сопричастных друг другу миров. Значение в метаболе формируется в процессе сложной перегруппировки денотативних и коннотативных смыслов в семантической структуре СПО. Концептуальная амальгама способствует ризоматическому переплетению смыслов и предопределяет сохранение первичного архетипного смысла и взаимодействие его с новыми.

Выводы

Концептуальный анализ словесных поэтических образов в терминах прототипической семантики осуществляется для определения общих прототипических концептуальных схем с целью очерчивания обобщенного представления о прототипическом образном пространстве американской поэзии. В то время как анализ семантики каждого отдельного словесного поэтического образа проводится в

терминах когнитивной семантики, ориентированной на выявление “выделенного” значения определенной номинативной единицы объектной части словесного поэтического образа. Такой анализ позволяет обнаружить лингвокогнитивные операции, которые объясняют формирование новообразов.

Разные типы СПО американской поэзии составляют ее образное пространство. В его рамках выделяем изотипические пространства СПО. Так, например, изотипическое пространство СПО концепта ЖИЗНЬ является составной частью образного пространства американской поэзии и содержит архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные СПО. По аналогичной методике можно очертить образные пространства других концептов областей цели (например, ЛЮБОВЬ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и т. п.), воплощенных в СПО американской поэзии или любой другой лингвокультуре.

Дальнейшей *перспективой* научного поиска может быть сопоставительное изучение когнитивных стилей разных поэтов, выявление культурологических и синергетических особенностей словесных поэтических образов, способствующее очерчиванию культурно-ценностной картины мира в американской поэзии.

Литература

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие. – 1994. – С. 3 – 38.

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

Бабелюк О. А. Принципи постмодерністського текстотворення сучасної американської прози малої форми: Монографія. – Дрогобич: ТзОВ Вимір, 2009. – 296 с.

Бєлєхова Л. І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії) : Монографія. – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.

Воробьёва О. П. Эмотивность художественного текста и читательская рефлексия // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена. – 1995. – С. 240 – 246.

Гассан І. Чим є постмодернізм і чим він стане? Літературний і культурний аспекти: Пер. з англ. // Американська література після середини XX століття: Матеріали міжнародної конференції, Київ, 25 – 27 травня 1999 року. – К.: Довіра, 2000. – С. 19 – 28.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Гринцер П. А. Сравнительное литературоведение и историческая поэтика // Серия литературы и языка. – 1990. – Т. 49, № 2. – С. 99 – 108.

Гулідова І. С. Пареміологічний простір американської поезії XX століття: досвід семантико-концептуальної класифікації // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія Лінгвістика. – 2005. – Вип. II. – С. 345 – 351.

Жаботинская С.А. Ономасиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку: Сб. научных трудов, посвященных Е.С. Кубряковой. – М., Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 115 – 123.

Жаботинская С. А. Принципы создания ономасиологических моделей и событийных схем // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки словянских культур, 2009. – С. 381 – 400.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В. И., Прохвачева О. Г. и др. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

Квинтилиан. Метабола // Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Сост. И. Троцкий. – Спб.: Алетейя, 1996. – С. 232.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350 – 369.

Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи; Исследования. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 415 с.

Мартынюк А. П. Опыт модусного моделирования концепта // Когниция, Коммуникация, Дискурс: Международный электронный сборник научных трудов № 1, Харьков 2010. – С. 93 – 101.

Молчанова Г. Г. Имя собственное и слияние концептов (К основаниям когнитивной лингвистики) // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Материалы Круглого Стола, апрель 2000. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 75 – 81.

Пименов Е. А., Пименова М. В. Категоризация и концептуализация жизни (в политических мемуарах) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 13. – Екатеринбург, 2004. – С. 56 – 67.

Потапенко С. І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (Досвід лінгвокогнітивного аналізу): Монографія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем’єр, 2008. – 322 с.

Шаховский В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки словянских культур, 2009. – С. 671 – 683.

Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.

Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.

Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.

Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion. – N.Y., Toronto: Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language / U. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – 242 p.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

Fauconnier J., Turner M. Principles of conceptual integration // Discourse and Cognition: Bridging the Gap; [Ed. by J.R. Koenig]. – Stanford: CSLI Publications. – 1998. – P. 269 – 283.

Fauconnier J., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.

Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253 – 283.

Gibbs R. W., Jr. Process and products in making sense of tropes // Metaphor and Thought; [ed. by A. Ortony]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 252 – 276.

Grady J. Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: Ph.D. dissertation. – Berkley: University of California, 1997. – 180 p.

Kövecses Z. Radden G. Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View // Cognitive Linguistics. – 1998. – № 9-1. – P. 37 – 77.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.

Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.

Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

Большая советская энциклопедия (В 30 томах) / Гл. ред. : А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – Т. 1. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.

3.2. КОНЦЕПТ *СОПЕРНИЧЕСТВО* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Савчук И. И.

Проблема взаимосвязи онтологии мира, сознания с языком и речью приобретает особое *значение* в современных лингвистических исследованиях в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2004; Левицький 2004 : 75; Полюжин 2002; Привалова 2005]. Анализ языкового явления с позиций коммуникативно-когнитивного подхода предполагает учет его взаимосвязи с ментальной сферой человека и его вербальной поведением во время общения [Бендетович 1998; Заботкина 1997; Кубрякова 2004 : 14; Левицкий 2002 : 3; Poluzhyn 2004 : 1].

Целью исследования является выявление когнитивных особенностей текстового воплощения концепта СОПЕРНИЧЕСТВО на материале современных англоязычных художественных призведений.

Формой представления понятийного компонента структуры концепта СОПЕРНИЧЕСТВО выступает мегафрейм, который является сочетанием предметного и акционального фреймов. Он является когнитивной моделью референтной ситуации соперничества, в которой отражено набор ее взаимосвязанных элементов. В мегафрейме зафиксована пропозиция: [СТОЛЬКО$_1$ ТАКОЙ$_1$ НЕКТО$_1$/ НЕКТО$_2$: агенс *чувствует* (ТАКОЙ$_2$ НЕЧТО$_1$: чувства) ДЕЙСТВУЕТ *по причине* НЕЧТО $_2$: причина ТАК (ТАК$_1$: характер действия / ТАК$_2$: тактика) *с помощью* (СТОЛЬКО$_2$ ТАКОЙ$_3$ НЕЧТО $_3$: инструмент) *с участием* (ТАКОЙ$_4$ НЕКТО $_3$: посредник ДЕЙСТВУЕТ) *согласно с* НЕЧТО $_4$: стратегия *ради* (СТОЛЬКО$_3$ ТАКОЙ$_5$ НЕЧТО $_5$: цель) ТУТ (ТАКОЙ$_6$ НЕЧТО $_6$: место / ТАКОЙ$_7$ НЕЧТО $_7$: сфера) СЕЙЧАС СТОЛЬКО$_4$ *с результатом* (ТАКОЙ$_8$ НЕЧТО $_8$: результат *из-за* НЕЧТО$_9$: причина результата *с* НЕЧТО $_{10}$: последствия соперничества)].

Концепт СОПЕРНИЧЕСТВО получает речевое воплощение в современной английской прозе. Фреймовая модель концепта СОПЕРНИЧЕСТВО, актуализированная в семантическом пространстве художественного произведения, является динамической когнитивной структурой коммуникативной ситуации соперничества.

У роли последней выступает референтная ситуация соперничества, представленная в художественном тексте. Она является моделью соперничества, выступающего фрагментом действительности в концептуальной картине мира автора как носителя культуры.

Языковой плотью художественного произведения является текст [Чернейко 2002 : 450], который в современных исследованиях рассматривают чаще всего как вербальный продукт мыслительно-речевой деятельности [Кагановська 2002 : 145; Науменко 2005 : 40; Онипенко 2002 : 11] с позиций коммуникативно-когнитивного подхода. Следовательно, в художественном прозаическом тексте совмещаются взаимосвязанные языковой, когнитивный и коммуникативный аспекты.

Рассмотрение текста с позиций теории коммуникации базируется на такой его функции, как передача сообщения [Гринев 1999 : 17]. В зависимости от способа организации текст выступает как монолог или диалог, которые являются формами коммуникации [Гринев 1999 : 30]. Она происходит в вербальном акте письменной или устной речи, которым является текст [Загнітко 2006 : 56; Ішмуратов 1996 : 145; Приходько 2001 : 58; Ракитина 2003 : 251]. В таком понимании он воспроизводит определенную коммуникативную ситуацию как фрагмент общения, коммуникативный акт и речевой процесс [Бацевич 2004 : 338; Гринев 1999 : 17; Загнітко 2006 : 59; Halliday 1989 : 10]. Участниками коммуникативной ситуации являются адресант, то есть автор, который создает текст, и адресат, а именно, читатель / слушатель [Загнітко 2006 : 60; Кухаренко 1988 : 8; Ракитина 2003 : 248].

Языковой уровень текста представляет категорию формы, которая связана с содержанием [Кайда 2004 : 83; Кухаренко1988 : 9; Пасік 2003 : 10]. Язык в художественном тексте проявляется как динамическая система, которая отражает функциональные особенности ее единиц в высказывании [Левицкий 2006 : 61]. Понятие содержания является материалом действительности, явлением, которое подлежит воплощению в речи [Одинцов 2004 : 42] как сложный информационный комплекс, то есть сообщение о референте текста [Лузина 1996 : 36]. Последний является вербальным воплощением определенного знания [Болотнова 2001 : 19; Науменко 2005 : 60].

Сущность когнитивного измерения художественного прозаического текста заключается в том, что он выступает субъективным отображением объективного мира, то есть выражением сознания, которое отображает объективный мир [Жителева 2004 : 100]. Художественный текст как прозаичная форма речи является интерпретацией мира человеком и отображает, а не копирует [Кагановська 2002 : 12] специфические для определенной культуры формы социального взаимодействия. В нем отражена картина мира автора [Быдина 2002 : 61] как представителя культуры. Именно содержание художественного произведения отражает авторскую картину мира [Болотнова 2001 : 34]. Для его интерпретации важными являются особенности текстовой категории информативности [Лефтерова 2005 : 310]. Информация распределяется в тексте через реализацию когнитивных структур как системы знаний писателя [Лузина 1996 : 40]. Интерпретация текста является постиганием авторского способа познания и отображения действительности [Кухаренко 1988 : 189; Новикова 1991 : 50].

Текстовое воплощение фреймовой модели соперничества: коммуникативно-композиционный ракурс

Результатом соотношения содержания и формы является структура текста, которая определяется писателем [Кухаренко 1988 : 148; Виноградов 1959 : 229], его намерением [Лефтерова 2005 : 37], знаниями и представлением о ситуации. Содержательные и формальные аспекты текста объединяются в композиции – построении литературного произведения, которое объединяет его элементы в единое целое [Гринев 1999 : 31; Землянова 2004 : 73], особенной форме расположения материала [Кагановська 2002 : 17], элементов содержания, по определенной схеме [Одинцов 2004 : 133]. В роли последней выступает фрейм, поскольку именно содержание выступает актуализатором когнитивных структур и детерминирует композицию [Гринев 1999; Лузина 1996 : 23]. Следовательно, когнитивная модель определенной ситуации, изображенной в тексте, соотносится с его композицией. Ее разновидностями являются содержательная, или содержательно-логическая, и

формальная композиция, или архитектоника. Первая предусматривает разделение текста на вступление, основную и заключительную части, или на экспозицию, завязку, развитие действий, кульминацию, развязку [Гринев 1999 : 31-32], то есть на фабульни фрагменты текста, которые приводят в движение сюжет [Мороховский 1984 : 207]. Фрейм как схема осмысления событий [Болдырев 2003: 191] является основой фабулы и реализуется в сюжете. Сюжет – поочередная актуализация, наполнение слотов фрейма, их инверсии [Шестак 2003 : 168]. Фабула является совокупностью событий в их хронологической, естественной последовательности. Сюжет представляет события в том порядке, в котором их организовал автор. Архитектоника – текстовое построение [Кухаренко 1988 : 70], объемно-прагматичное членение текста на формальные части от тома до абзаца [Гринев 1999 : 32].

Текстом считается отдельное высказывание, сложное синтаксическое целое, или сверхфразовая или логико-семантическая единство, и полностью завершенное произведение [Данилов 2005 : 63]. Сверхфразовым единством выступает завершенный в смысловом, коммуникативном и структурном плане отрезок речи [Кухаренко 1988 : 68]. Он является фрагментом текста [Пасік 2003 : 30]. В зависимости от принципа разделения текстовые фрагменты могут предстать как композиционные (вступление, основная, заключительная часть) и тематические [Матвеева 1995 : 53]. Последние выделяются в тексте за темпоральным, локативним показателем, каузальнистью, присутствием определенных персонажей, их целью, специфическим ощущением, результатом и т.п. [Miall 2004 : 127]. Деление текста на фрагменты осуществляется с учетом категорий сегментации и связности, которая делится на содержательное, или внутрисмысловое единство (когерентность), и формальную, или внеязыковую спаянность (когезию) [Кухаренко 1988 : 5]. Содержательное единство эпизодов, которые изображают определенную ситуацию, обеспечивается принадлежностью ее компонентов, которые реализуются в разных частях, одной фреймовой модели. Теоретическим принципом такого вывода является утверждение о том, что именно содержание выступает в роли актуализатора когнитивных структур [Лузина 1996].

Композиционные особенности активации компонентов фрейма соперничества

Вербализация составляющих когнитивной модели ситуации соперничества предопределена значимостью текстового фрагмента. Человек воспринимает и делит действительность неравномерно: некоторая информация оказывается для него базовой, исходной. Для отображения этого феномена в теории коммуникативной организации текста существуют единицы „упаковочного компонента" смысла текста – выделенное/фоновое. Особенность этих категорий – нежесткость, градуальность. Переход от выделенной информации к фоновой и наоборот связан с созданием эффекта „передышки" в информационной обработке текста. Это связано с ограниченной способностью человека сконцентрировать внимание на одном объекте в течении некоторого времени [Григорьева 2001 : 165; Emmott 2006 : 1]. Материал, представляющий основные моменты текста, является выделенным. Выделенные части текста формируют его базовую структуру [Hopper 1980 : 281]. Поэтому выделенная информация входит в базовую ситуацию соперничества, представленную в тексте, а второстепенная ситуация является фоновой. Выделенная информация находится на первом плане и воплощает значимую, центральную информацию для раскрытия темы текста – отображения в произведении определенного участка действительности [Кухаренко 1988 : 5; Лузина 1996 : 44; Tomlin 1985 : 89]. Она противопоставляется фоновой – второстепенной, дополнительной [Лузина 1996 : 68]. Такое разделение информации соотносится с понятием фигуры и фона. Фигура находится в центре внимания, более определенная, интегрированная. Выделенная, освещенная информация входит в центральную сюжетную линию [Кайда 2004 : 6; Лузина 1996 : 70; Reinhart 1984 : 785]. Фоновая информация менее структурирована и более расплывчатая [Лузина 1996 : 46], она уточняет, объясняет, детализирует и развивает значимый материал текста [Tomlin 1985 : 90; Лузина 1996 : 69]. В небазовой ситуации могут действовать не главные, а второстепенные, эпизодические персонажи. Разделение ситуаций соперничества на базовую и второстепенную осуществляется с учетом содержания текста, в зависимости от их значимости.

Прототипическая последовательность текстового воплощения фреймовой модели соперничества

Ряд компонентов фрейма активируется в постоянной для них части текста, некоторые зависят от соседних слотов, а остальные свободно реализуются, не зависимо ни от содержания, ни от других элементов когнитивной структуры.

Часть слотов имеет ***фиксированное место*** и последовательность актуализации в содержательно логической структуре текста. Так, во вступительной части вербализуються слоты ТАКОЙ НЕКТО: агенс, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС, а затем за необходимостью ТАКОЙ НЕКТО: контрагенс / опосредствованные участники / коагенс. Однако информация об участниках может вводиться впервые в ходе развития событий. Представление этих слотов во вступительной части предопределенно ее целью – ознакомить читателя с предметом сообщения, подать исходные данные, обстоятельства и условия явлений и событий, которые описываются [Гринев 1999 : 33]. Информация о временной перспективе связана с информацией о месте события и предусматривает ее.

В основной части актуализируется способово-инструментальный узел, который содержит информацию о характере и средствах действий, стратегической цели, стратегии, тактиках и ходах персонажей. Его представление детерминировано целью основной части – отобразить развитие основной мысли, намеченной во вступлении [Гринев 1999 : 33]. Слоты неЧго: результат, неЧго: причина результата и неЧго: следствие соперничества расположены в заключительной части текста, где обычно подводится итог сообщения, формируются выводы, указывается путь их реализации [Гринев 1999 : 34]. Исключение составляют случаи, когда автор фокусирует внимание на определенном слоте, акцентирует и сознательно актуализирует его несколько раз в разных частях произведения. Например, в произведении “Professions for women” слот НЕЧТО: результат представлен во вступительной *(‘I killed her’)*, основной *(‘I did my best to kill her’)* и заключительной частях *(‘I killed her in the end’)* [Woolf 1988 : 258]. Писатель повтором обращает внимание читателя на победу писательницы в соперничестве с фантомом, который

олицетворяет ее второе, неправдивое „Я”. В следующем произведении автор акцентирует слот НЕЧТО: следствие соперничества, посвящая весь текст его детальной вербализации, задавая во вступлении незначительную информацию о ходе ситуации соперничества: *„In February 1975* [СЕЙЧАС], *they* [НЕКТО: агенс] *won* [НЕЧТО: результат] *the big prize* [НЕЧТО: цель] *of the Illinois* [ЗДЕСЬ: место] *lottery* [ЗДЕСЬ: сфера]*: a million dollars”* [Terkel 1988 : 507]. Дальше писатель детально раскрывает разнообразные последствия соперничества для победителей лотереи.

Актуализация в тексте ряда слотов ***зависит от других*** и закреплена за другими. Так, НЕЧТО: ощущение представленный обычно после терминалов НЕКТО: агенс в завязке [Lipsyte 1985 : 60]; в основной части рядом с компонентами способово-инструментального узла: до [Cheever 1982; Maugham 1988] или после [Cheever 1982]; в заключительной части после терминала НЕЧТО: результат [Boyd 1994; Moggach 1994]. Слот НЕЧТО: причина актуализируется рядом с терминалами способово-инструментального узла: перед ним в завязке [Byatt 1994; Laverty 1994; Williams 2001]; в основной части посреди хода событий [Borges 1995; Cheever 1982; Fasteau 1988; Lipsyte 1985; Maugham 1988; Singer 1995] или после них [Bontemps 1995]. Редким является информирование читателя о причине соперничества в конечной части текста после результата [Cheever 1982]. Возможной является реализация этого слоту одновременно во всех отмеченных случаях как в произведении “Profesions for women”, где писатель, целеустремленно сосредоточивает на нем внимание читателя. Слот НЕЧТО: цель актуализируется во вступлении после вербализованого локативно-темпорального и актантного узлов [Lipsyte 1985] или в основной части посреди развития событий [Cheever 1982].

Некоторые слоты не имеют четкого места реализации в тексте и являются ***независимыми*** от активации других компонентов. Так, терминал столько способен активизироваться в любой части текста: вступительной [Guy 1985], основной [Fasteau 1988], заключительной [Lipsyte 1985] после результата [Woolf 1988] или одновременно в нескольких, например, в завязке и конечной части [Chopin 1995]. Слоты ЗДЕСЬ: сфера, ТАКОЙ участник (агенс, контрагенс,

опосредствованный участник, коагенс) также реализуются в любой логической части текста.

Выделенные закономерности порядка активации слотов фреймовой модели касаются как базовых, так и второстепенных, ситуаций соперничества, и нарушаются в случае тезисного ее представления. Прототипическая последовательность фреймового развертывания ситуации соперничества проиллюстрирована в завязке текста: *"In the interim, Mrs Smith* [НЕКТО: агенс] *read the newspaper placards.'Famous Novelist Dies'. She bought an early paper and it turned out it was E.m. Forster* [НЕКТО: контрагенс] *who was dead* [ТАКОЙ: контрагенс]. *He was, or had been, ninety one* [СЕЙЧАС]. *Forster, much more than Lawrence, corresponded to Mrs Smith's ideal of the English novel* [НЕЧТО: причина]…

...In Cambridge [здесь], *Mrs Smith had had a friend whose window had overlooked Forster's writing desk. She had watched him* [действия агенса] *pass midly to and fro, rearranging heaps of papers. Never writing. She honoured him. She was surprised therefore, to feel a kind of quick, delighted, automatic survivor's pleasure* [НЕЧТО: ощущение агенса] *at the sight of the placards.'No', she thought wordlessly, 'Now I have room to move, now I can do as I please, now he can't overlook or reject me'* [НЕЧТО: стратегическая цель контрагенса]. *Which was absurd, since he did not know she was there, would not have wished to overlook or reject her. What she meant, she decided, pacing Jermyn Street* [ЗДЕСЬ: место], *was that he was removed, in some important sense, by his death, as a measure. Some obligation she had felt, which tugged both ways, to try to do as well as he did, and yet to do differently from him* [НЕЧТО: стратегическая цель агенса], *had been allayed. She envied him his certainties. She enjoyed her own difference* [НЕЧТО: ощущение агенса]. *She thought, 'On the day that E.m. Forster died I decided to write a long novel* [НЕЧТО: цель]' (основная часть).

She went to see a surgeon in the Marylebone Road. She had a pain in her side, not much, not a bad pain, a small lump, a hernia. She had a thought of growth, said the surgeon, a thickening of old scar tissue [НЕЧТО: причина результата]. *Mrs Smith, during the three weeks* [СТОЛЬКО] *that in fact supervened before she entered*

the hospital, went [действия агенса] *as usual to the London Library* [ЗДЕСЬ: место]. *She stared a lot out of the window and tried to think of short tales, of compressed, rapid forms of writing, in case there was not much time* [НЕЧТО: результат] (концовка) [Byatt 1994 : 73-85].

В завязке активируются слоты НЕКТО: агенс, ТАКОЙ НЕКТО: контрагенс, которые имеют фиксированное место реализации в тексте. Информация о причине представлена в завязке перед действенным узлом и закрепленная за ним. В основной части активируется действенный узел, который содержит информацию о действиях, стратегической цели персонажей, поскольку она является постоянным местом их вербализации. В ней также представленные слоты НЕЧТО: ощущение; НЕЧТО: цель, закрепленные за данными о действиях участника. В заключительной части активируются НЕЧТО: причина результата, НЕЧТО: результат. Слоты ЗДЕСЬ / СЕЙЧАС вербализованы во всех частях текста, поскольку не имеют постоянного места реализации. Эта же причина обьясняет актуализацию слота СТОЛЬКО в заключительной части. Непрототипической является реализацией информации о действиях агенса в концовке, что составляет особенность текстового развертывания приведенной ситуации соперничества.

Качественное варьирование текстовой реализации элементов фреймовой модели соперничества

Для выделения текстового прототипа ситуации соперничества как гибкого инварианта важно учитывать не просто выраженность или невыраженность компонентов ситуации (и соответственно, представление слотов фрейма), но и степень их выраженности [Fairclough 1995 : 106]. В тексте одни слоты элиминируются, другие оказываются в фокусе внимания – варьируется структура фрейма [Тарасова 2003 : 299].

Способ изложения информации в тексте делится на открытый, эксплицитный, и скрытый, имплицитний [Кухаренко 1988 : 179]. В связи с этим, по характеру выраженности в тексте различаем такие виды слотов: 1) эксплицитно активированные, то есть

вербально представленные; 2) латентные слоты, которые делятся на неактивированные, отсутствие которых, с точки зрения автора, не мешает воссозданию ситуации, и имплицитно активированные. Авторские импликатуры читатель реконструирует благодаря формальным или содержательным сигналам, маркерам, в тексте [Лекомцева 2003 : 216].

С учетом невозможности експликации всего объема информации, заложенной в художественном произведении, определенная его часть подается в имплицитном виде [Кагановська 2002 : 66]. Способность текста моделировать мир в логично и вербально экономном виде представляет его эстетичную функции [Науменко 2005 : 64]. Импликация – когнитивное явление: в художественном тексте она предусматривает существование скрытой информации относительно изображаемой ситуации.

В базовых ситуациях соперничества вербально эксплицированы большинство слотов фрейма. Неактивированными могут оставаться слоты НЕКТО: опосредствованные участники или НЕКТО: коагенс [напр., Cheever 1982; Chopin 1995; Guy 1985; Maugham 1988] или оба сразу [напр., Woolf 1988]. Репрезентанты этих слотов именуют дополнительных, необовязательных участников ситуации, без которых возможна реализация взаимодействия соперника.

Имплицитно активироваться могут любые слоты, кроме НЕКТО: агенс и НЕКТО: контрагенс: 1) НЕЧТО: результат, как в произведении [Lipsyte 1985], где конечный результат читатель по содержанию реконструирует как таковой, что предусматривает продолжение соревнований между учениками в написании стихотворений; или в произведении “Respectable Woman” вербальные сигналы победы физического влечения замужней женщины к другу своего мужчины над этическими нормами представлены в диалоге между ней и мужчиной, где она соглашается на его визит к ней в следующем году: *“I am glad, chere amie, to know that you have finally overcome your dislike for him; truly he did not deserve it’. ‘Oh’, she told him, laughingly, after pressing a long, tender kiss upon his lips, ‘I have overcome everything! You will see. This time I shall be very nice to him”* [Chopin 1995 : 25]; восклицательное предложение

демонстрирует приподнятое настроение героини, что сигнализирует завершение ее внутренней борьбы, а обещание быть с другом мужчины любезной свидетельствует о результате соперничества женщины с собой; 2) НЕЧТО: цель и НЕЧТО: стратегическая цель, которые, например, совпадают в произведении “She”: перехитрить, обойти соперника в смекалке; их формальный сигнал содержится в вербализированном результате соперничества между мачехой и падчерицей: *“She had tricked me – and she had won”* [Guy 1985 : 152]; глагол *tricked* является експлицитним маркером цели и стратегической цели в тексте; 3) СТОЛЬКО: длительность действий устанавливается через наполнение слоту СЕЙЧАС: время действий; СТОЛЬКО, что является подслотом к НЕКТО: агенс / контрагенс и НЕЧТО: инструмент, читатель, реконструирует, подсчитывая участников действий или их средства, соответственно; 4) ТАКОЙ как подслот к НЕЧТО: результат: да, характер результата „предыдущий / конечный” устанавливается по содержанию в произведении “Future tense” [Lipsyte 1985].

В случае ***второстепенности*** изображаемой в тексте ***ситуации*** соперничества большинство составляющих ее фреймовой модели есть латентными неактивированными или активированными имплицитно, как во фрагменте: *“In the country – a village about thirty miles south of here* [НЕЧТО: место]. *The circus* [НЕЧТО: сфера] *would come through about twice a year. In the summer and maybe at Christmas* [СЕЙЧАС]. *I* [НЕКТО: агенс] *just loved the whole thing* [НЕЧТО: причина действий] ... *Anyway I was about sixteen* [ТАКОЙ: агенс] *at the time and they’d organized a speed-drinking* [НЕЧТО: цель] *contest. I didn’t want to win* [НЕЧТО: стратегическая цель] *in case my mother found out – she was very wary of the drink – but I could pour a pint down like that. Like down a funnel. I have no thrapple* [НЕЧТО: причина результата], *y’see. It was a fire eater who told me this – I thought I was just normal. He took me under his wing and got me at the sword-swallowing* [НЕЧТО: последствия соперничества] [Laverty 1994 : 125-126]. Таким образом, модель ситуации соперничества юноши на соревнованиях в скорости употребления спиртных напитков отвечает пропозиции [ТАКОЙ НЕКТО: агенс *действует из-за* НЕЧТО: причина действий *для*

НЕЧТО: цель *с* НЕЧТО: стратегическая цель ЗДЕСЬ (НЕЧТО: место / сфера) СЕЙЧАС *из-за* НЕЧТО: причина результата с НЕЧТО: последствия соперничества].

Эксплицитным формальным маркером имплицитно активированного слота НЕЧТО: результат является предложением с сочинительным союзом *but*: *'I didn't want to win but I could'*. На победу юноши опосредствовано указывают также содержательные вербализованные данные о причине результата и следствиях соперничества. Чем меньше фрагмент текста, в котором описывается соперничество, с точки зрения архитектоники, тем больше слотов не активируются. Таким фрагментам присущее пунктирное развертывание – тип композиции, который заключается в выборочном изложении отдельных моментов явления [Одинцов 2004 : 148]. Так, в произведении "Boy in Rome" [Cheever 1982] ситуация соперничества представлена несколькими строками, в которых эксплицированые слоты образуют пропозицию [НЕКТО: агенс *соперничает с* НЕКТО: контрагенс ЗДЕСЬ СЕЙЧАС *в* НЕЧТО: сфера *с* НЕЧТО: результат]. Нереализованными слотами оказываются те, которые несут информацию о причине, характере действий, цели, тактике, стратегической цели, ощущениях участников, средствах действий, коагенсе, опосредствованных участниках, длительности действий.

Выводы

При коммуникативно-когнитивном подходе к англоязычному художественному тексту одним из ключевых заданий исследователя является установление определенных соответствий между ситуациями объективного мира, их логико-семантической структурой и композиционными особенностями их художественного воплощения. Динамическое представление фреймовой структуры концепта реализуется как последовательная активация слотов в текстовой ткани, а также как развертывание цепи событий, которые составляют ситуацию соперничества. Последовательность вербального представления автором слотов фреймовой модели в тексте соотносится с композиционным разделением содержания текста. Характер выраженности слотов фрейма в англоязычном художественном произведении соотносится с типом представленной ситуации –

базовой / второстепенной, диференциация которых осуществляется с учетом содержания текста, в зависимости от их значимости.

Литература

Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр „Академія”, 2004. – 342 с.

Бельтюкова С. О. Абсолютний дієприкметниковий зворот з прийменником як засіб мовної репрезентації в художньому тексті елементів концептуальної картини світу // Художній текст в культурному, філологічному та лінгвістичному аспектах: Тези доповідей міжвуз. конфер. – К.: КДПІІМ, 1991. – С. 9 – 10.

Бендетович Г. Б. Когнитивно-прагматическая ориентация в лексикографии // Тез. Междунар. конф. „Проблемы семантического описания единиц языка и речи”. – Минск: МГЛУ, 1998. – С. 54 – 55.

Болдырев Н. Н. Концептуализация отрицаниия в языке // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. Научные статьи. – С. 189 – 195.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. – Ч.1. – 129 с.

Быдина И. В. Проблемы коммуникативно-прагматического анализа поэтического текста // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. – Волгоград: Перемена, 2002. – № 1 (01). – С. 61 – 64.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Государств. изд-во худож. литер-ры, 1959. – 652 с.

Григорьева Ю. Б. Текстовые единицы логического обоснования и их роль в информационной структуре английского нарративного дискурса XVIII века // Грамматические средства выражения когнитивно-функциональной семантики: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2001. – Вып. 460. – С. 165 – 182.

Гринев С. В. Введение в лингвистику текста. – М.: МПУ, 1999. – 60 с.

Данилов К. В. Англо-американские правовые концепты crime и punishment в лингвокультурном освещении. – Саратов: Научная книга, 2005. – 128 с.

Жителева Е. А. Коммуникативный статус высказывания как элементарной операционной единицы в аргументативном учебном тексте // Человек лживый / Homo Mendax: Игра с личностью или игра со смыслами. – М: Тверь: Золота буква, ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2004. – С. 91 – 107.

Заботкина В. И. О когнитивно-прагматическом подходе к лексическим исследованиям // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации). – М.: ИЯ РАН, 1997. – С. 31 – 33.

Загнітко А. П. Теорія сучасного синтаксису: – Донецьк: ДонНУ, 2006. – 378 с.

Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.

Ішмуратов А. Т. Конфлікт і згода. – К.: Наукова думка, 1996. – 189 с.

Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.

Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции к декодированию – М.: Флинта, 2004. – 208 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получений знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

Левицкий А. Э. Предпосылки функциональной переориентации языковых единиц // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 61 – 63.

Левицкий А. Э. Роль кластера градуальности признака в процессе категоризации объектов простанства // Філологічні науки. – Суми: СДПУ, 2002. – С. 3 – 12.

Левицький А. Е. Основи функціональної лінгвістики. – Ніжин: Ред.-вид. відділ НДПУ, 2004. – 124 с.

Лекомцева Н. В., Иванова Н. С. Лингвистические аспекты имплицитности текста // Проблемы вербализации концептов в

семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. Научные статьи. – С. 214 – 223.

Лефтерова О. М. Категорія інформативності в творах Корнелія Непота // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. – Вип. 18, Кн. 1. – С. 310 – 315.

Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматический аспекты). – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 139 с.

Матвеева Т. В. Текст-риторика: ключевые понятия и модель преподавания // Герменеутыка. Стылістыка. Рыторыка: Матерыялы першай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДЛУ, 1995. – С. 52 – 53.

Науменко А. М. Філологічний аналіз тексту (основи лінгвопоетики). – Вінниця: Нова книга, 2005. – 416 с.

Неймовірно можливі світи: референтність, фікційність, текстуалізація: Мон. / Ред. Р. Гром'яка . – Тернопіль: Ред.-вид. відділ ТНПУ, 2005. – 291 с.

Новикова Н. М. Взаимодействие топонимической и антропоцентрической подструктур в структуре художественного текста // Художній текст в культурному, філологічному та лінгвістичному аспектах: Тези доповідей міжвуз. конфер. – К.: КДПІІМ, 1991. – С. 49 – 51.

Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.

Онипенко Н. К. Г. А. Золотова в современной лингвистической науке // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста / Сб. статей, посвящ. юбилею Г.А. Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 6 – 12.

Пасік Н. М. Лінгвістичний аналіз художнього тексту. – Ніжин: Вид-во НДПУ ім. М. Гоголя, 2003. – 206 с.

Полюжин М. М. Когнітивно-прагматичні механізми іллокутивних моделей мовлення // Проблеми романо-германської філології. – Ужгород: Патент, 2002. – С. 9 – 15.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.

Приходько Г. І. Способи вираження оцінки в сучасній англійській мові. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001. – 362 с.

Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивный поход в изучении научного текста // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч.1. Научные статьи. – С. 247 – 252.

Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К.: Вища школа, 1984. – 272 с.

Тарасова И. А. Фрейм „Петербург" и его языковая реализация в поэзии Г. Иванова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч.1. Научные статьи. – С. 294 – 300.

Чернейко Л. О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста / Сб. статей, посвящ. юбилею Г.А. Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 449 – 460.

Шестак Л. А. Фреймовая семантика языка и текста // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. Научные статьи. – С. 163 – 171.

Bontemps A. A. Summer Tragedy // The McGraw-Hill Introduction to Literature. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. – P. 54 – 61.

Borges J. L. The South // The McGraw-Hill Introduction to Literature. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. – P. 154 – 158.

Boyd W. Gifts // Contemporary British Stories. – Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994. – P. 49 – 66.

Byatt A. S. On the Day that E.M. Forster Died // Contemporary British Stories. – Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994. – P. 67 – 85.

Cheever J. Boy in Rome // Stories. – M.: Просвещение, 1982. – С. 77 – 94.

Cheever J. The Angel of the Bridge // Stories. – M.: Просвещение, 1982. – С. 106 – 115.

Cheever J. The Season of Divorce // Stories. – M.: Просвещение, 1982. – С. 5 – 16.

Cheever J. The Worm in the Apple // Stories. – M.: Просвещение, 1982. – С. 61 – 65.

Chopin K. A Respectable Woman // The McGraw-Hill Introduction to Literature. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. – P. 22 – 25.

Emmott C., Sanford A. J. Morrow L. I. Capturing the Attention of Readers? Stylistic and psychological perspectives on the use and effect of text fragmentation in narratives // Journal of Literary Semantics. – Berlin; N.Y., 2006. – Vol. 35, №1. – P. 1 – 30.

Fairclough N. Media Discourse. – L.; N.Y.: Edward Arnold, 1995. – 275 p.

Fasteau M. F. Friendships among Men // The Borzoi College Reader. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1988. – P. 330 – 339.

Fasteau M.F. Friendships among Men // The Borzoi College Reader. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1988. – P. 330 – 339.

Guy R. She // Sixteen. Short Stories by Outstanding Writers for Young Adults. – N.Y.: Laurel-Leaf Books, 1985. – P. 147 – 152.

Halliday M. A. K., Hasan R. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 126 p.

Hopper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. – Baltimore, 1980. – Vol. 56, № 1/2. – P. 251 – 299.

Laverty B. M. The Great Profundo // Contemporary Britiesh Stories. – Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994. – P. 111 – 127.

Lipsyte R. Future Tense // Sixteen. Short Stories by Outstanding Writers for Young Adults. – N.Y.: Laurel-Leaf Books, 1985. – P. 60 – 69.

Maugham W. S. Lord Mountdrago // English Short Stories of the 20th century. – M.: Raduga Publishers, 1988. – P. 167 – 189.

Miall D. S. Episode Structures in Literary Narratives // Journal of Literary Semantics. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2004. – Vol. 33, №2. – P. 111 – 129.

Moggach D. Empire Building // Contemporary Britiesh Stories. – Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994. – P. 128 – 146.

Poluzhyn M. M. Lecture Notes on Historiography of Linguistics. – Vinnitsa: Foliant, 2004. – 272 p.

Reinhart T. Principle of Gestalt Perception in the Temporal Organization of Narrative Text // Linguistics. – Hague; Paris: Benjamins, 1984. – Vol. 22, №6. – P. 779 – 809.

Singer I. B. Gimpel the Fool // The McGraw-Hill Introduction to Literature. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. – P. 61 – 70.

Terkel S. Carol and Tony Danlow // The Borzoi College Reader. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1988. – P. 507 – 509.

Tomlin R. Foreground-background Information and the Syntax of Subordination // Text. – Berlin: Hillsdale, 1985. – Vol. 5, №1/2. – P. 85 – 122.

Williams S. If You Need Me // May Anthologies 2001. Short Stories. – Cambridge: Varsity Publications Ltd, 2001. – P. 11 – 23.

Woolf V. Professions for Women // The Borzoi College Reader. – N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1988. – P. 257 – 261.

3.3. КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

Могельницкая Л. Ф.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы концепт стал одной из центральных проблем лингвистических исследований [Бабушкин 1996; Вежбицка 1999; Полюжин 2001; Попова, Стернин 1999; Степанов 1997; Дж. Фодор 1998 и др.]. Ученые уделяют значительное внимание изучению ключевых концептов той или иной культуры. Так, например, А. Вежбицка определяет *добро, истина, судьба* как культурные концепты, или слова-ключи, которые закрепляют в языке базовые понятия духовной жизни общества [Вежбицка 1999 : 263]. Ю.С. Степанов выделил целый ряд концептов, которые являются базовыми для русской культуры: *любовь, душа, “свои”, “чужие”, грех, тоска* и др. [Степанов 1997]. А.Д. Белова, В.В. Воинов, Е. Керни исследуют ключевые концепты, ценности американской культуры [Воинов 1994; Керни 1984]. Однако базовые концепты современного американского кинематографа до этого времени еще не изучались системно.

Приемом изучения культурных концептов считается анализ сюжетов наиболее известных художественных произведений, а именно книг и фильмов [Карасик 2002 : 118]. В художественных фильмах отражаются определенные фрагменты картины мира или концептосферы этноса [Белова 2001 : 27] как системы знаний, представлений о мире, верований, духовных и материальных ценнос-

тей общества. Художественное кино реагирует на смены ценностей в обществе [Генисаретский 2002 : 7], отображает интересы зрителя и выступает индикатором вкусов массового сознания [Почепцов 1999 : 24]. Знания о художественных фильмах содержатся в семантике текстов кинематографической проблематики (ТКП), анализирующих такие кинофильмы, и выявляются с помощью языковых средств. На основе языковых данных мы воспроизводим фрагменты действительности, отображенной в художественных фильмах, в том виде, как она воспринимается разными участниками кинопроцесса: сценаристами, режиссерами, актерами, критиками. В процессе коммуникации участники кинопроцесса представляют не целый фрагмент мира, а только те составляющие, которые, по их мнению, являются наиболее значимыми и полнее всего характеризуют фрагмент действительности [Почепцов 1998 : 111].

ТКП современной американской периодики информируют о художественных фильмах, анализируют и оценивают их с позиций разных участников кинопроцесса. Сценаристы, режиссеры и актеры анализируют художественные фильмы в интервью. Критики же информируют о новинках кинопродукции в аннотациях и оценивают кинокартины в кратких обзорах, кратких и развернутых рецензиях. Отобранные разножанровые ТКП посвящены анализу художественных фильмов, названных лучшими Американской академией киноискусства в 1998-2002 годах.

Анализ тематического репертуара ТКП и различных средств речевой реализации позволил определить вербализованные концепты современного американского кинематографа, значимые для сценаристов, режиссеров, актеров и кинокритиков. Участники кинопроцесса вербализуют концепты реальной действительности, отраженной в кинематографе, в соответствии с их видением этой реальности. Группа изоморфных концептов реализуется в ТКП всеми участниками кинопроцесса: ЗЛО, ЧЕЛОВЕК (описан в [Ваховська 2003]), ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ЖИЗНЬ, БОЛЕЗНЬ, ПОЛИТИКА. По количеству фрагментов текстов, описывающих данные концепты, они делятся на ядерные и периферийные. Указанные выше концепты относятся к ядерным. Изоморфными периферийными

являются концепты БИЗНЕС, КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА, ПУТЕШЕСТВИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, ЦЕННОСТИ, СМИ. Алломорфные концепты вербализованы в высказываниях лишь той или иной группы участников кинопроцесса. Для сценаристов, режиссеров и актеров, как людей непосредственно причастных к творческому процессу, значимым является концепт ИСКУССТВО, для критиков важными являются концепты СВОБОДА, ЭКОЛОГИЯ, ДОБРО, РЕЛИГИЯ.

В процессе познавательной деятельности и коммуникативной практики человека содержание концепта в его сознании усложняется [Кагановська 2002 : 7; Карасик 2002 : 163; Степанов 1997 : 46]. Этот процесс отражается и на структуре концепта и на его иерархическом строении. Так, концепты ВОЙНА, НАРКОТИКИ, ПРЕСТУПНОСТЬ, НАСИЛИЕ составляют концепт более высокого уровня абстрактности ЗЛО. Вокруг этих концептов разворачиваются целые фильмовые и текстовые возможные миры (см. [Ваховська 2004]). Лексические единицы, используемые участниками кинопроцесса для воссоздания возможных миров, выступают одновременно вербальными средствами реализации данных концептов и демонстрируют их сложную структуру. Концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ структурируется более мелкими концептами СЕМЬЯ, ЛЮБОВЬ, СЕКС, ДРУЖБА.

Рассмотрим содержание ядерных изоморфных концептов, средства их языкового воплощения в высказываниях сценаристов, режиссеров, актеров, критиков.

Культурный концепт ЗЛО выражается участниками кинопроцесса в ТКП языковыми единицами *evil, wickedness, dark side, darkness*. Языковые единицы, используемые **критиками**, свидетельствуют о том, что зло представлено в их сознании как разрушительная сила: *the power to destroy the world, destructive power.* Зло является настолько распространенным, что охватило целые миры: *world of darkness, the ghost world, the dark realm, a blurry, blustery realm.* Многие языковые единицы обозначают злые темные силы: *the Dark Lord, Black Riders, dark forces, creatures of evil, the evil wizard, baddies, the bad guys, evil beings, negative images.* Уродливые, ужасные существа названы лексемами *evil*

beasties, monsters, a satanic like being, monstrous misshapen Orcs, a horrific cave troll and the dreaded Balrog, dire Uruk-hai. Такие существа объединены в армии: *the armies of the Dark Lord, platoons from his monster and goblin army, armies of screeching.* Зло кроется в человеческой природе, и герои фильмов вынуждены вести внутреннюю борьбу, оказывая сопротивление влиянию злых сил: *Many of Tolkien's main characters have a moment of confrontation with their dark side – they have to choose between taking on the evil power of the Ring or resisting it* (http://www.eonline.com). Использование критиками языковых единиц *destroy all the evil in the world, good vs. evil* указывает на высокое обязательство героев – спасти мир от зла, выстояв в вечном противостоянии добра со злом: *But when he's [Gandalf] focused, he's the right man for the job which is to help the Hobbits and destroy all the evil in the world (http://www.scifitalk.com); … "The Lord of the Rings" is at heart a parable of good vs. evil* (WP 19.12.01).

Перенасыщенность современных фильмов насилием и агрессией привела к активации концепта НАСИЛИЕ, связанного с концептом ЗЛО. На вербальном уровне этот концепт реализуется участниками кинопроцесса с помощью лексических единиц, которые называют собственно насилие *violence, violent*. Для обозначения убийства **актеры** употребляют языковые единицы *to get killed, killing, a killer,* **критики** – *to dispatch, to kill, massacre, murder, to thrust swords into one's gut, to decapitate, carnage, to butcher, mutilations, stabbings.* Выявленные в высказываниях критиков языковые единицы *deaths, blood and destruction, severed limbs, bloodlust, crowds thirsting for violence; blood and guts in the arena* означают, что они выделяют в концепте НАСИЛИЕ смерть и кровь.

Анализ лексических репрезентаций концептов ЗЛО и НАСИЛИЕ позволяет смоделировать их структуру с помощью предметно-акционального фрейма (в терминах С.А.Жаботинской [Жаботинская 2002 : 119-120]):

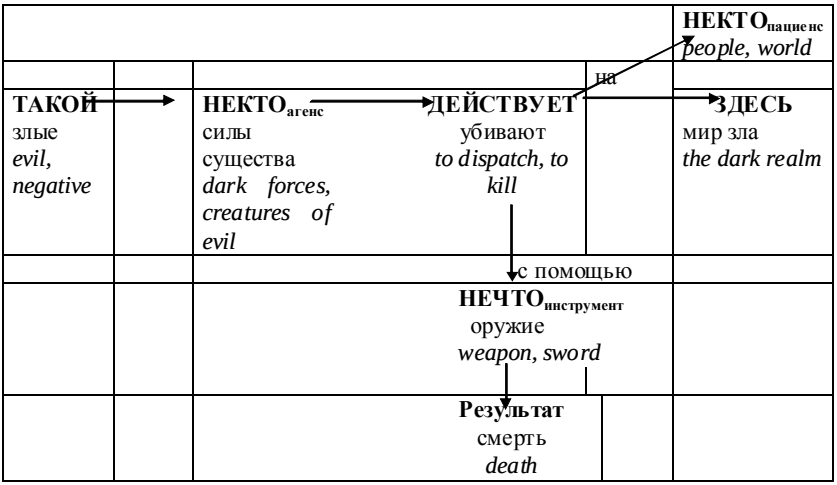


Рис. 1. ***Фреймовая структура концептов ЗЛО и НАСИЛИЕ***

Слот НЕКТО$_{агенс}$ заполняется лексическими единицами, которые именуют тех, кто творит зло и насилие: *the Dark Lord, Black Riders, dark forces, creatures of evil, Orcs, cave troll, wizard, baddies, the bad guys, evil beings, monsters, a killer* с указанием их качеств [ТАКОЙ]: *bad, dark, Black, evil, monstrous, misshapen, horrific*. Злые силы творят [ДЕЙСТВУЕТ] зло и насилие – убивают, разрушают мир: *to dispatch, to kill, to thrust swords into one's gut, to decapitate, to butcher, to destroy the world.* Долгий синонимический ряд лексем, обозначающих убийства, свидетельствует о том, что оно является самым распространенным актом насилия. Слот НЕКТО$_{пациенс}$ означает тех, кто или что испытывает акты насилия, влияние злых сил: *people, world, gut, head*. Лексемы *weapon, sword, Ring* означают инструменты [НЕЧТО$_{инструмент}$] зла – оружие и волшебные предметы. Слот ЗДЕСЬ актуализирует место, где происходят акты насилия и действуют силы зла: *the Colosseum, the arena, café, world of darkness, the ghost world, the dark realm*. Результат зла и насилия – смерть, кровь, разрушение *deaths, blood, destruction, severed limbs.*

С помощью языковых единиц *a slice of life, expressing life* участники кинопроцесса отмечают, что насилие на экране отображает наличие этого явления в реальной жизни, напр., *How do you feel about violence in movies in general? – "It's a slice of life. This happens in life. A film is an artistic venture. It's expressing life, so why not?" (http://www.aboutfilm.com).* Однако изображение насилия в кино имеет разное направление. Насилие во время военных действий в киноленте „Спасение рядового Райана" имеет целью показать весь ужас событий войны и предостеречь людей от их повторения. Актеры и режиссер этого фильма утверждают, что такие акты насилия (*violence*) не вызовут у человека желания имитировать их в реальной жизни (*Kids cannot go out and really imitate [war violence]*): *It would bring into account what a horrible thing it is to pull a trigger on a weapon and send a hot piece of metal through somebody's head … (http://www.sunnews.com); Showing war as it really is a different kind of violence. Kids cannot go out and really imitate it* … (LAT 15.7.98).

Человек не может существовать вне общества или вне сообщества, в таком случае он беззащитен. Только вместе с другими он может противостоять злому и страшному миру: *… it's about communication. It has a message in communication and what bad things happen when you don't talk to each other (*http://www.geocities.com*).* Отношения между героями фильма поражают больше всего*: When I saw The Insider, I was just completely taken with how Michael's camera works and the character's relationship and all that (http://www.maximumcrowe.net).* Поэтому для участников кинопроцесса важным является концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, обозначенный в их высказываниях лексемой *relationship*. **Сценаристы** реализуют данный концепт через лексемы *fellowship, disconnection, rift* и словосочетания *to get together, an alienation factor, sense of community, racial attitudes.* **Актеры** для обозначения этого концепта употребляют, кроме лексем *relationship, communication*, словосочетание *to deal with people.* Номинативные единицы, употребляемые сценаристами, режиссерами, актерами, означают концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ и такие его элементы, как установление контакта *(to get*

together, to make friends, courtship, fall in love), поддержка отношений, единства *(relationship, fellowship, communication, sense of community, to deal with people, to make love, to stick together*), разрыв отношений *(disconnection, rift, an alienation factor, divorce):*

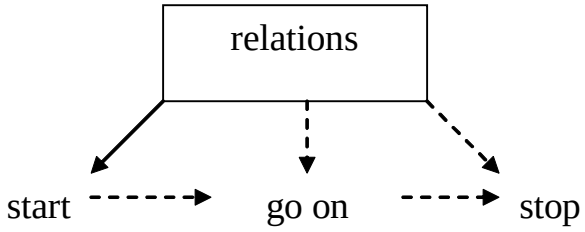


Рис. 2. ***Схема концепта ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ***

Вербализация концепта ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в высказываниях критиков свидетельствует о выделении ими в рамках этого концепта отдельных фрагментов, которые соответствуют разным видам отношений, обозначенных лексемами *compete, betrayal, credibility, trust, fascinated, protect, empathy, ignore, hostile, conflict, adoration*. Например, отношения Нэша („Игры разума”) со студентами в Принстоне превратились в конкуренцию из-за его выдающихся способностей: . : … *he competes with the other students in Princeton's brutally competitive math department* … (http://www.romanticmovies.about.com). Герои „Умника Вилла Хантинга” сочувствуют друг другу, любят и заботятся: *There's empathy between them (SB 25.12.97); The pals … love and protect Will in a way that, apparently, no one else has* (NYT 5.12.97).

Концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ включает концепты ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, СЕКС, СЕМЬЯ.

Концепт ДРУЖБА актуализируется в ТКП с помощью лексических единиц *friendship, friend, cronies, buddy, companion*, словосочетанием *to make friends*. Анализ речевого материала показал, что в фильмах демонстрируется серьезное отношение к дружбе, напр., *The movie is a lot about friendships, and how strong we are if we stand together. How important is friendship in your life? –*

Oh, it's very, very important. Both friends and family! Jobs, money, fame – it can go away in a second. Friends you know will always be there for you (http://www.romanticmovies.about.com); *Here is a character who has four friends who love and want to help him …* (CST 12.12.97). Дружба делает людей сильными (*how strong we are if we stand together);* друзья и семья для них крайне важны (*very, very important*), поскольку работа, деньги, слава могут исчезнуть в мгновение (*Jobs, money, fame – it can go away in a second*), друзья же всегда остаются рядом, готовы прийти на помощь (*Friends will always be there for you; love and want to help*).

Как правило, художественный фильм не обходится без изображения пылких любовных страстей, которые разворачиваются на фоне всевозможных опасностей, приключений, недоразумений, трагических случаев. В связи с этим в высказываниях художников активируется концепт ЛЮБОВЬ, который вербализуется всеми участниками кинопроцесса в ТКП лексемами *love, romance, love story*. Кроме того, **сценаристы** означают этот субконцепт словосочетаниями *romantic comedy, to fall in love;* **режиссеры** – *intimate story,* **актеры** – *emotions, affection, courtship, passion, the love scenes, to stick together, the love relationship,* **критики** – *to fall in love, to fall for somebody, the eternal romantic triangle, love affair, affection, passion, deep feelings, lovers.* Например*: "Moulin Rouge" is about … contemplation of truth, beauty and love* (WP 1.6.01). *… he [director] paid attention to the details of what was going on in the love relationship between Kate and me (http://www.omnileonardo.com).* Настоящая любовь никогда не бывает счастливой: *The course of true love never did run smooth* (SFC 25.12.98).

Критики выделяют в концепте ЛЮБОВЬ проблемы, которые препятствуют, являются преградами на пути влюбленных – классовое неравенство, бедность, болезнь: *… he falls in love with Lady Viola de Lesseps ... But there's a problem: She's upper class and he's working class (MST 25/12/98). … story … concerns a poet, Christian, who adores courtesan Satine, star of the Moulin Rouge nightclub. His poverty, her consumption and a rich rival are some of the obstacles to his love* (FJI).

Любовь приводит к сексуальным отношениям (*love resulting in gauzy sex scenes*), например: *Will meets Viola, doesn't realize she is also the new actor, and they fall in love (resulting in gauzy sex scenes)* (SFE 25/12/98). Сексуальные фантазии современного экрана являются проекцией массовых представлений о любви, эротике, об отношениях двух полов. Эротическая тема с особой силой разрабатывается в современном кинематографе, поскольку тело рассматривается как возможность любви между человеческими сущностями [Азархин 1991 : 5]. В ТКП находим лексемы, обозначающие обнаженное сексуально привлекательное тело: *nudity, naked, her nubile body*. Наличие в ТКП языковых единиц, которые называют сексуальные отношения, свидетельствует о том, что кинофильмы активируют концепт СЕКС в сознании участников кинопроцесса. **Сценаристы** называют сексуальные отношения *emotionally intense relationships*, **режиссеры** употребляют такие лексические средства, как *the sexual tension, a sexual activity, sexuality, to be intimate, graphic sex scenes,* **критики** – *pleasures of the flesh, to bed somebody, to make love to smb., to have sex,* например: *Soon they're fucking and the iambic pentameter is flowing back and forth between them* (VV 9-15/12/98).

В высказываниях **критиков** означаются проблемы, связанные с сексуальной неудовлетворенностью: *masturbate, repressed sexual longing, sexually closeted person, to pleasure oneself in one's morning shower, voyeur, sexual frustration*. Из-за сексуальных разладов в отношениях с женой Лестер Бурнхем („Красота по-американски") занимается самоудовлетворением (*masturbates*), мечтая о молодой подруге своей дочери: *Lester masturbates a lot, especially when he gets to thinking about his daughter's friend Angela, the American Beauty of the title (Time 20/9/99).* Отобранные из высказываний участников кинопроцесса номинативные единицы *homosexuality, gay, bisexuality, sexual bonds with other men, soliciting sex in a men's room, a gay couple, a homosexual pair* означают нетрадиционные сексуальные отношения, отражают сексуальные отклонения*: The subjects of my films have sort of … they were about gay characters* (http://www.findarticles.com).

Концепт СЕМЬЯ считается ключевым в сознании американского общества [Белова 2002; Воинов 1994; Kearny 1984]. В результате анализа мы установили, что сюжетная линия 12 из 16 исследуемых кинофильмов связана с проблемами семьи и семейных отношений. В корпусе исследуемых ТКП концепт СЕМЬЯ активируется лексическими единицами *family, husband, wife, couple, parents, father, mother, children, babies, kids, daughter, son, widow.* Контекстные употребления лексических единиц позволяют рассмотреть характеристики данного концепта, представленные в ТКП и описанные в [Ваховская 2003].

Вербализация концепта ЖИЗНЬ в ТКП свидетельствует о том, что все деятели кино обращают внимание на разные аспекты человеческой жизни, отраженной в кинематографе. Словосочетания *the traumatic life of mathematics genius, Lester's / Nash's / his life* обозначают жизнь одного человека, лексемы *personal, sexual, social, home, family, professional* – соответственно личную, интимную, общественную, домашнюю, семейную, профессиональную жизнь человека. Лексемы *modern, urban-suburban* описывают современную городскую и пригородную жизнь, напр.*: If Lester's home life is bad, his professional life is even worse (SB 24.9.99). American Beauty is a brilliant satirical diagnosis of what's most screwed up about life in this country, especially when it comes to sexual frustration and kiddie porn* (www.spacefinder.chicagoreader.com). Приведенные примеры демонстрируют связь и взаимозависимость разных аспектов человеческой жизни. Неурядицы в личной жизни (*home life is bad*) негативно влияют на профессиональную жизнь (*professional life is even worse*), и все это происходит на фоне всеобщего упадка страны (*life in this country*).

Номинативные единицы *themes, the meaning of life* указывают, что одной из основных тем, поднимаемых кинематографом, является значение, смысл жизни: *There are many themes in GOOD WILL HUNTING – materialism versus human values, particular people's importance in our lives, even the meaning of life itself. – We cared about all of those things …* (www.whyy.org).

В лингвистической литературе концепт ЖИЗНЬ метафорически осмысливается в терминах концепта ПУТЬ: *Without looking down*

at life, he passes it off as easy (http://www.well-rounded.com). Эта схема знания включает несколько основных структурных элементов: начало пути, этапы пути, препятствия на пути, конец пути. Конец жизненного пути – это смерть. Для его обозначения **сценаристы** используют лексемы *mortality, death*; **режиссеры** – *to die a death*, **актеры** – *to die, to murder, to kill*, **критики** – *death, dead, departed, dead bodies, corpses and hangings, to die, to face death, to commit suicide, funeral, to bury*, напр.*: She sings, she dances and then she dies (http://www.iofilm.co.uk).* Старение и смерть воспринимаются деятелями кино как неминуемые явления, с которыми нужно смириться: *We took from that the idea that aging and death can't be changed, but must be accepted* (http://www.wga.org).

Концепт БОЛЕЗНЬ получил обозначение в высказываниях всех четырех участников кинопроцесса. Номинативные единицы, употребляемые разными деятелями кино, показывают разную перспективу восприятия концепта и позволяют обнаружить его структуру. Они вербализуют те разные слоты этого концепта, которые выделяют в нем сценаристы, режиссеры, актеры, критики. Эти слоты формируют предметно-акциональный фрейм, представленный на рис. 3.

Болезнь [НЕЧТО$_{агенс}$] является обязательным слотом, вокруг которого сгруппированы другие слоты фрейма и который представлен в высказываниях всех **деятелей кино** лексическими номинациями болезней (*illness, disease, malady, schizophrenia, delusions, madness, hallucinations, paranoia, breakdown, dementia, drug addiction, cough, consumption, cancer, tumors*) с возможным обозначением видов [ТАКОЕ] (*mental illnesses, paranoid schizophrenia, psychological problems*) и признаков болезни (*a heavy psychological toll, severe psychological problems, nasty cough, malignant tumors*). В приведенном ниже примере актер говорит, что основной задачей фильма „Игры разума" было показать природу болезни шизофрения: *"The basic concept was the nature of schizophrenia," he says. "Fifty percent of what he believed to be absolutely real was actually false. A complete half of one's life was only his imagination"* (http://www.maximumcrowe.net).

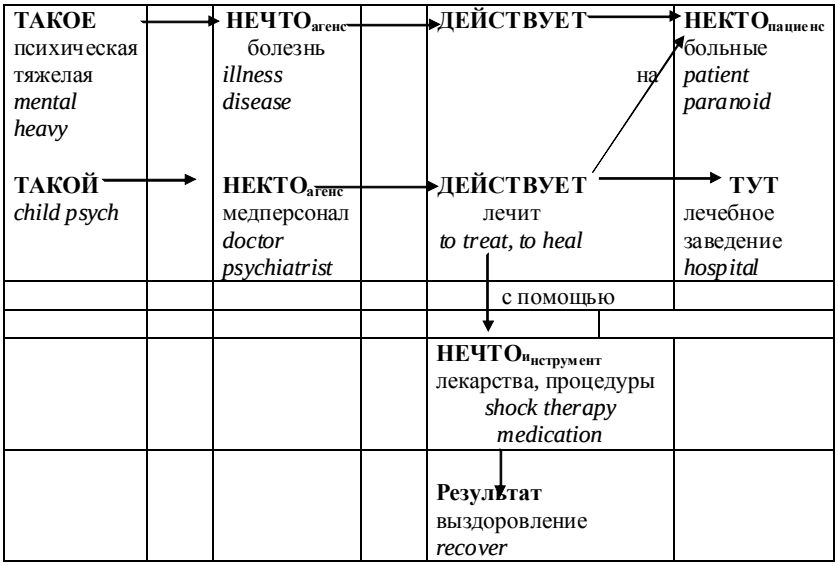


Рис. 3. ***Фреймовая структура концепта БОЛЕЗНЬ***

В высказываниях **критиков** концепт БОЛЕЗНЬ реализуется с помощью лексем, обозначающих больных *patient, paranoid.* Этими единицами заполняется слот НЕКТО$_{пациенс.}$ Критики также актуализируют слот НЕКТО$_{агенс,}$ вокруг которого разворвчиваются ТАКОЙ, ДЕЙСТВУЕТ, НЕЧТО$_{инструмент,}$ ЗДЕСЬ. Слот НЕКТО$_{агенс}$ означает медперсонал, который проводит лечение [ДЕЙСТВУЕТ] больных [НЕКТО$_{пациенс}$] с помощью лекарств и процедур [НЕЧТО$_{инструмент}$] в лечебных заведениях [ЗДЕСЬ]. Слот НЕКТО$_{агенс}$ заполняется номинациями врачей: *doctor, psychiatrist, therapist, psychologist, professor, psychotherapist.* Слот ТАКОЙ указывает специализацию врача: *child psychologist, a psych professor.* Слот ДЕЙСТВУЕТ представлен лексемами *treatment, to treat, to heal.* Слот НЕЧТО$_{инструмент}$ активируется языковыми единицами *drugs, cure therapy, agonizing courses of insulin shock therapy, medication*, слот ЗДЕСЬ – *psychiatric hospitals, a mental hospital.* Вербальное воплощение данных слотов демонстрирует следующий пример: *The movie traces his treatment by an understanding psychiatrist*

(Christopher Plummer), and his agonizing courses of insulin shock therapy. Medication helps him improve somewhat – but only, of course, when he takes the medication (CST 21.12.01).

Сценаристи активируют в концепте БОЛЕЗНЬ слот выздоровление (*recover, to get their lives back, anti-psychotic drugs, his remission from schizophrenia, the diet of the mind*), возможное только лишь при поддержке семьи и друзей (*the support of their families and communities*), напр., *Not only did Nash recover, but millions of young people – who now have the added benefit of new drugs developed since Nash's illness – are managing to get their lives back with the support of their families and communities* (http://www.geocities.com).

В сюжетах исследуемых фильмов имеются элементы политики. Например, лишения главного героя "Гладиатора" имеют политическую окраску: *The mythic tale of a hero's odyssey is given a political polish* (www.christophernoxon.com). Этот факт нашел отражение в ТКП. Концепт ПОЛИТИКА выражается в ТКП участниками кинопроцесса с помощью языковых единиц *political instability, democracy, oligarchy, politics, the politics of compromise, political games: I hadn't read the books, but found myself engaged by the diverse cultures and fantasy-world politics of Middle-earth (RDC 19.12.01).* Понятие демократии находится в центре системы политических ценностей всех демократических государств. Поэтому император Маркус Аурелий в фильме "Гладиатор" хочет вернуть власть народу: *Marcus . wants the incorruptible Max to restore power to the people ... (VV 3-9.5.00).* Возобновления демократии хочет и конгресс: *As the emperor Commodus, Joaquin Phoenix tries to outmaneuver a squabbling congress that seeks the restoration of democracy* (www.christophernoxon.com).

Политикой занимаются властные структуры, обозначенные в высказываниях деятелей кино номинативными единицами *power, rulers of the land, senators, United States government officials, the government, beggars wearing $1,500 suits who don't say 'please' and 'thank you'*. Власть может быть в руках одного лица, например, у императора Маркуса Аурелия и его сына-преемника Комодуса в "Гладиаторе". В фильме "Траффик" власть представляет

правительство страны и правительственные чиновники, обозначенные лексемой *government* и словосочетанием *the president's chief of staff*. Они изображены языковыми средствами *beggars wearing $1, 500 suits who don't say 'please' and 'thank you'* как попрошайки, одетые в костюмы стоимостью 1500 долларов, которые не употребляют слов "пожалуйста" и "благодарю", : *"Traffic" is no friend of the government. When Wakefield returns from Washington, where he has been briefed by the president's chief of staff …, he describes the experience to his wife … and daughter… as like being "in Calcutta, surrounded by beggars wearing $1,500 suits who don't say `please' and `thank you'"* (NYT 27.12.00).

Выводы

Итак, анализ сюжетов наиболее известных художественных фильмов позволяет выявить значимые концепты той или иной культуры. В исследуемых нами ТКП содержатся знания о кинофильмах, признанных лучшими Американской академией киноискусства в 1998 – 2002 годах. Анализ ТКП позволил определить вербализованные концепты современного американского кинематографа, значимые для актеров, режиссеров, сценаристов, кинокритиков. Принадлежность этих деятелей кино к одному языковому сообществу обусловила изоморфность концептов современного американского кинематографа, реализуемых данными участниками кинопроцесса. По количеству фрагментов ТКП, в которых описываются выделенные концепты, последние разделяются на ядерные и периферийные. Общими для всех участников кинопроцесса оказались такие ядерные концепты: ЗЛО, ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ЖИЗНЬ, БОЛЕЗНЬ, ПОЛИТИКА. Концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ структурируется концептами ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, СЕКС, СЕМЬЯ. Концепт ЗЛО включает концепты ВОЙНА, ПРЕСТУПНОСТЬ, НАРКОТИКИ, НАСИЛИЕ. Для реализации одних и тех же концептов в ТКП участники кинопроцесса используют разные номинативные единицы, обозначающие разные фрагменты этих концептов. Выделенные концепты моделируются с помощью предметно-акционального фрейма.

Литература

Азархин А. Киноэротика и культура // Запретный плод экрана, или мера дозволенного в современном кино: Тезисы выступлений участников круглого стола. – К., 1991. – С. 4 – 7.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.

Бєлова А. Д. Лексична семантика і міжкультурні стереотипи // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – № 7. – К., 2002. – С. 43 – 54.

Белова А. Д., Михненко М. К. О некоторых лингвистических аспектах американизма // Філологія і культура: Зб. наук. пр. – К., 1996. – С. 15 – 20.

Бєлова А. Д. Мовні картини світу: принципи утворення та складові // Проблеми семантики слова, речення та тексту: Зб. наук. статей. – Вип. 7. – К., 2001. – С. 26 – 30.

Ваховська Л. Ф. Репрезентація позамовної дійсності в можливих світах текстів з кінематографічної проблематики (на матеріалі сучасної американської публіцистики) // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2004. – Т. 7, № 1. – С. 98 – 105.

Ваховська Л. Ф. Вербальне втілення концепту СІМ'Я в американському кінематографі (на матеріалі сучасної американської публіцистики) // Наука і сучасність: Зб. наук. пр. – Т. 37. – К., 2003. – С. 155-161.

Ваховська Л. Ф. Засоби вербалізації концепту ЛЮДИНА в американському кінематографі (на матеріалі сучасної американської публіцистики) // Проблеми семантики слова, речення та тексту: Зб. наукових праць. – Вип. 10. – К., 2003. – С. 3 – 11.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 780 с.

Воїнов В. В. Соціально-оціночні номінації у контексті культури США. – К., 1994. – 144 с.

Генисаретский О. И. Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры к креативной антропологии и автопоэзису // Материальная база сферы культуры: научно-информ. сб. – Вып. 1. – М., 2002. – С. 4 – 21.

Жаботинская С. А. Ономасиологические модели в свете современных направлений когнитивной лингвистики // С любовью к языку: Сб. научных тр. – М.-Воронеж, 2002. – С. 115 – 123.

Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини XX сторіччя): Монографія. – К.: Вид.центр КНЛУ, 2002. – 292 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Полюжин М. М., Венжинович Н. Ф. Концепт як базова когнітивна сутність // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – № 5. – К.: КНУ ім. Т.Г. Шевченка, 2001. – С. 182 – 184.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – 30 с.

Почепцов Г. Г. (мл.) Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1999. – 352 с.

Почепцов Г. Г. (мл.) Теория и практика коммуникации. – М.: Центр, 1998. – 352 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Fodor J. A. Concepts. Where cognitive went wrong. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 174 p.

Kearny E. N. The American Way. An Introduction to American Culture. – New Jersey: Prentice Hall Regents, 1984. – 244 p.

Список периодических изданий

CST: Chicago Sun-Times
FJI: Film Journal International
LAT: Los Angeles Times
MST: Minneapolis Star Tribune
NYT: The New York Times
RDC: Rochester Democrat and Chronicle
SB: Sacramento Bee
SFC: San-Francisco Chronicle
SFE: San-Francisco Examiner
VV: The Village Voice
WP: The Washington Post

3.4. КОНЦЕПТ *ОЛИМПИАДА “СОЧИ-2014”* В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

Ворожбитова А. А., Пермякова Н. И.

Актуальность исследуемой тематики обусловлена необходимостью изучения специфики вербализации концептов в дискурсивном пространстве определенного региона, а также вопросов, связанных с бытованием общественного языкового сознания в условиях внедрения инноваций дискуссионного характера. Анализ системы репрезентаций формирующегося концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» на материале текстов региональных средств массовой информации (СМИ) и реакций респондентов позволил установить особенности субъекта дискурсивного пространства – региональной языковой личности (ЯЛ) – как носителя общественного языкового сознания в его территориальной модификации, выявить систему средств воздействия на него со стороны СМИ в ситуации нововведения с неоднозначными социально-экономическими и экологическими последствиями.

Значимость предпринятого изучения концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» на стадии его формирования в региональном дискурсивном пространстве в ситуации трансформации статуса г. Сочи от летнего курорта России до столицы зимних Олимпийских игр определяется также комплексным характером лингвориторической парадигмы. Данный подход базируется на пересечении уровней структуры ЯЛ (вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный), этапов универсального идеоречевого цикла (инвенция – изобретение, диспозиция – расположение, элокуция – языковое оформление), идеологических аспектов речемыслительного процесса (этос, логос, пафос) [Ворожбитова 2005; 2010 и др.]. Соответственно теоретическую базу и методологическую платформу исследования составили достижения в области антрополингвистики (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.), лингвокогнитологии (А.П. Бабушкин,

[1] Работа выполнена в рамках проекта НИР № 6.3660.2011, МОиН РФ

Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин и др.), лингвокультурологии (Н.Д, Арутюнова, В.А. Маслова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов и др.), неориторики (Н.А. Безменова, М.Р. Львов, О.И. Марченко, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский и др.); работы, посвященные публицистическому функциональному стилю и языку СМИ (Е.Л. Вартанова, А.А. Грабельников, М.Н. Кожина, Г.Я. Солганик и др.), языковой экспрессии (Е.М. Вольф, В.Н. Гридин, В.Н. Телия и др.).

Рабочей гипотезой стало предположение о том, что изучение с позиций лингвориторического подхода репрезентаций в региональном дискурсивном пространстве (на материале контекстов СМИ и реакций респондентов) формирующегося концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» позволит выявить особенности вербализации данного концепта, определить стратегию и тактики СМИ в его репрезентации и установить определенные закономерности бытования общественного языкового сознания в условиях внедрения социокультурного феномена инновационного типа. Методами исследования выступили контекстуальный, концептуальный, лингвориторический анализ; анкетирование, опрос, психолингвистический (свободный ассоциативный) эксперимент; описательный, сопоставительный, количественный методы; методики сплошной выборки, наблюдения, описания, языкового и внеязыкового соотнесения.

Цель данной статьи – эксплицировать общий алгоритм изучения концепта-инновата в региональном дискурсивном пространстве на примере лингвориторического анализа концепта «Олимпиада “Сочи-2014”».

Первым этапом реализации разработанного исследовательского алгоритма явилось установление теоретико-методологических основ лингвориторического изучения формирования концепта в региональном дискурсивном пространстве. На данном этапе необходимыми логическими шагами стали: 1) рассмотрение с позиций лингвориторического подхода субъекта дискурсивного пространства – региональной ЯЛ, носителя общественного языкового сознания в инновационной ситуации; 2) характеристика средств массовой информации (СМИ) как инструмента формирования общественного мнения и языкового сознания в региональном

дискурсивном пространстве; 3) установление соотношения базовых понятий как теоретической призмы рассмотрения регионального дискурсивного пространства в условиях внедрения инновации «Олимпиада “Сочи-2014”».

Региональная ЯЛ понимается как «член территориально обособленного языкового коллектива, функционирующего в рамках данного дискурсивного пространства, обладающий регионально маркированными знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации, общими с другими членами данного сообщества» [Зубцов, Ворожбитова : 2005]. Данный тип языковой личности выступает носителем территориальной модификации репрезентирующего тот или иной концепт *общественного языкового сознания*. Ситуация внедрения инновационного проекта, каковым является зимняя Олимпиада-2014 в Сочи, с 2007 г. актуализирует особенности региональной языковой личности как носителя общественного языкового сознания. *Инновация* как социокультурная модель объективации нового этапа развития требует *всесторонней вербализации соответствующего концепта*. В региональном дискурсивном пространстве инновационный концепт репрезентируют прежде всего контексты СМИ и данные, полученные от респондентов. *Дискурс СМИ* как эмотивный, оценочный, манипулятивный формирует имидж инновационного социального феномена. Зимняя Олимпиада-2014 сохраняет статус инновации с 2005 г. и выступает для сочинских СМИ *долговременным информационным поводом*.

Когнитивная категория *концепт*, имеющая междисциплинарный статус, фиксирует, в русле антропоцентрических устремлений, *смысловую субстанцию описательно-образного и ценностно-ориентированного характера*. Аспекты осмысления концепта в рамках лингвокогнитологического и лингвокультурологического подходов различаются, согласно В.И. Карасику, противоположными векторами: направление от индивидуального сознания к культуре (лингвокогнитивный концепт) и от культуры к индивидуальному сознанию (лингвокультурный концепт) [Карасик, Слышкин 2001]. Нами были систематизированы и уточнены производные терминологические сочетания, связанные с аспектами рассмотрения концепта,

на основе учета родо/видовых соотношений, структурных, онтологических, медийных, хронологических, идеологических характеристик, содержательной основы (традиция – инновация) и др. Так, в плане соотнесения масштабности когнитивных единиц (макроконцепт / концепт / микроконцепт) концепт «Олимпиада “Сочи-2014”» выступает, по отношению к родовому концепту «Олимпиада» («производящее имя концепта»), как *микроконцепт*; в аспекте структуры – как *составной концепт*, включающий топоним Сочи (синонимическими именами концепта выступают словосочетания «Сочинская Олимпиада», «Олимпиада в Сочи»); в онтологическом отношении – как *событийный концепт*, актуализирующийся, по Ю.А. Сорокину, в процессе концептуального освоения реального события, получившего в тексте статус вербального факта.

Применительно к дискурсу СМИ «Олимпиада “Сочи-2014”» предстает в ипостаси *медиаконцепта*, под которым понимают когнитивную категорию медиатизированной культуры, характеризующейся сильным влиянием глобализирующихся моделей масс-медиа в результате фетишизации рыночных отношений [Землянова 2004 : 207]. Медиаконцепты – «лингвосемантические феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедшие в миросознание носителя языка с началом формирования информационного общества и ставшие средством формирования и трансформации массового сознания» [Орлова 2011 : 59] (например, «кризис», «гламур», «нано», «нефть» и др.). Одной из базовых характеристик, позволяющих провести валидную процедуру анализа медиаконцепта (как и вообще концепта. – Авт.), признается его жизненный цикл, т.е. «траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования; либо – в случае приобретения концептом стабильных культурно значимых субстанциональных смыслов и оценочных характеристик – к закреплению в коллективной концептосфере в качестве константы культуры» [Там же]. Для медиаконцепта «Олимпиада “Сочи-2014”» как событийного рассматриваемый в работе период 2005–2010 гг. включает фазы зарождения и начального развития (дособытийные), вплоть до зимы 2014 г.; пик траектории развития соответствует проведению Игр

(собственно событийная фаза) и непосредственному аналитическому резонансу на постсобытийной фазе. Далее интерес к событийному концепту неизбежно пойдет на спад в соответствии с «теорией жизненного цикла», и сочинская Олимпиада-2014 перейдет в разряд концептов – исторических фактов.

В идеологическом аспекте исследуемый концепт представляет собой *«новоидеологему»*: идеологизация концепта «Олимпиада 2014» служит примером когнитивного процесса выделения в структуре концепта, не принадлежащего к собственно идеологической или политической сфере, идеологически маркированного признака / признаков [Малышева 2011].

В плане традиционности / новизны содержательной основы концепт «Олимпиада “Сочи-2014”» выступает в качестве *концепта-инновата*, ментально концентрирующего некое новое понятийное пространство, новый для текущей социокультурной ситуации содержательно-смысловой спектр. В функционально-стилистическом аспекте языковых репрезентаций ипостась *медиаконцепта-инновата* терминологически фиксирует способ его внедрения в сознание региональной ЯЛ – посредством СМИ, чаще всего властными структурами.

По результатам первого этапа было установлено, что формирующийся концепт «Олимпиада “Сочи-2014”», фиксирующий инновационный социокультурный феномен государственного и мирового значения, выступает тематической доминантой регионального дискурсивного пространства. Он является долговременным информационным поводом для СМИ и предметом живых обсуждений граждан, в силу чего квалифицирован нами в качестве *событийного концепта-инновата*, имеющего ярко выраженный дискуссионный характер. *Концепт-инноват* – ментальный комплекс, образующий принципиально новый (абсолютно или относительно, т.е. в рамках сложившейся ситуации) смысловой спектр, приобретающий, в случае неоднозначных последствий нововведения, дискуссионный характер и генерирующий коннотативную поляризацию интерпретаций; в качестве *медиаконцепта-инновата* внедряется в общественное языковое сознание посредством СМИ, чаще всего властными структурами. При анализе медиаконцепта-инно-

вата должна учитываться современная корреляция характеристик СМИ по степени свободы выбора точки зрения при освещении инновации (позиция власти; суждения независимых экспертов; мнения граждан).

На втором этапе реализации исследовательского алгоритма изыскания были посвящены феномену коннотативной поляризации репрезентаций событийного медиаконцепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”» в дискурсе региональных печатных СМИ». Методологические шаги были выстроены в следующей последовательности: 1) установлены принципы группировки и анализа исследуемого текстового материала; 2) определены базовые *инвентивные сегменты* (ИС), раскрывающие содержательно-смысловой спектр событийного медиаконцепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”»; 3) представлена эмоционально нейтральная лексическая репрезентация исследуемого концепта в дискурсе СМИ как исходный пункт коннотативной поляризации (положительная / отрицательная оценочная экспрессия); 4) охарактеризованы, с учетом временных этапов, мелиоративный и пейоративный векторы интерпретации концептуального содержания в дискурсе региональных СМИ в рамках выделенных инвентивных сегментов.

Принципами классификации собранного методом сплошной выборки эмпирического материала явились следующие:

– *периодизация* (выделение двух основных периодов: до / после присвоения городу олимпийского статуса);

– *сегментация* (выделение 12-и ИС содержания концепта в денотативном аспекте; денотат и коннотат выступают как своего рода «ось абсцисс и ось ординат», вскрывающие сигнификат понятийной сути концепта на фоне фазовой динамики «“олимпийская гонка” / присвоение статуса»);

– *векторизация* (распределение контекстов употребления ключевых лексем-репрезентантов исследуемого концепта на 2-е основные группы: с положительными / отрицательными коннотациями – как реализующие мелиоративный / пейоративный векторы речемыслительного процесса по репрезентации концепта и формированию его содержательно-смыслового интерпретационного поля в дискурсе региональных СМИ.

Как показали результаты анализа, в текстовом массиве дискурса СМИ олимпийской проблематики на фоне ограниченного числа нейтральной, т.е. собственно «денотативной» лексики ярко выражены *два* альтернативных *вектора интерпретации – мелиоративный и пейоративный*. В таких контекстах инвентивно-элокутивную координацию организуют, на основе пафоса как эмоционального движителя речевого действия, *коннотации* (созначения лексической единицы, обусловливающие ее экспрессивность). Коннотации эмоционально-оценочного плана – ведущий инструмент речевого воздействия в дискурсе СМИ, тем более при освещении столь спорных проблем развития страны, региона, как «Олимпиада “Сочи-2014”». В основе коннотативной поляризации положительной и отрицательной оценочной экспрессии в региональном дискурсивном пространстве контекстов СМИ (и реакций респондентов), репрезентирующих концепт-инноват дискуссионного характера, лежит, по А.Н. Баранову, объективный феномен *вариативной интерпретации действительности* [Баранов 2001], осложненный статусом нововведения с неоднозначностью социально-экономических и экологических последствий.

На первом этапе, в *2005 – 2007 гг.*, в публикациях актуализирован ИС **«Заявка»**; ассоциативно-интрпретационные ряды как опорные точки развертывания содержания сегмента: *заявка -> сроки проекта, заявка -> общественное мнение, заявка -> правовое сопровождение проекта*. В данных рядах, включающих и лексические единицы с положительными / отрицательными коннотациями, превалируют контексты информационного характера; тон инвентивно-элокутивной координации задают языковые единицы, нейтральные в эмоционально-экспресивном отношении.

Пример ИС «Заявка»: Сочи стал аутсайдером в борьбе за **Олимпиаду-2014**. За месяц до выборов столицы зимней **Олимпиады 2014** года, которые пройдут 4 июля в Гватемале, на официальном сайте МОК опубликован 76-страничный доклад оценочной комиссии, которая сделала свои выводы после посещения городов кандидатов. Слабой стороной заявки российского города-курорта Сочи названо отсутствие спортивных объектов для проведения соревнований. Согласно выводу комиссии, планы Сочи по возведению

инфраструктуры «должны быть тщательно проверены». Самой сильной названа заявка корейского Пхенчхана, в которой не отмечено слабых мест (Деловой Сочи (г. Сочи), 04.06.2007 – 10.06.2007).

После присвоения Сочи олимпийского статуса (в 2007–2010 гг.), по мере расширения лексико-семантического поля репрезентации концепта за счет включения разнообразных сфер деятельности, увеличивается количество контекстов, выдержанных либо в негативно-критическом, либо в позитивно-пропагандистском ключе. Это обусловлено как многочисленными скандалами, связанными с нарушениями прав граждан, ухудшением экологии, так и достижениями, значительно повышающими международный престиж России, служащими мощным импульсом к развитию региона, спорта и физической культуры в стране, их популяризации и доступности для молодежи, детей, инвалидов. Именно во второй период начинают складываться выделенные нами в качестве базовых на основе частотных тематических блоков остальные ИС событийного медиа-концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”»: ***«Капиталовложения», «Строительство олимпийских объектов», «Городская инфраструктура», «Экология», «Федеральная власть», «Региональная и местная власть», «Сочинцы», «Специалисты», «PR-деятельность», «Контроль», «Безопасность», «Спорт»***. Названные ИС функционируют как звенья «инвентивной сетки» регионально дискурсивного пространства в аспекте исследуемого концепта, реализуемые в контекстах СМИ и (за редким исключением) в реакциях респондентов.

Мелиоративный интерпретационный вектор репрезентации концепта реализован в контекстах, включающих лексемы с положительными коннотациями, которые в 2005–2007 гг. (т.е. до официального объявления России в лице Сочи хозяйкой зимних Олимпийских игр 2014 г.) немногочисленны, что связано с неопределенностью статуса. Тем не менее, в текстах репортажей и аналитических статей акцентируются положительные стороны проведения игр в г. Сочи: развитие инфраструктуры, экологическая безопасность, уникальность проекта, беспрецедентное по своему размаху строительство «с нуля» и т.д. При этом региональные печатные СМИ стремятся избежать острых углов, занимая пропагандистс-

кую позицию и подчеркивая сильные стороны сочинской заявки путем риторического выдвижения положительных коннотаций лексем-репрезентантов концепта «Олимпиада “Сочи-2014”»: *престиж, уникальность, популярность среди населения страны, повышение уровня международного престижа России*. В качестве аргументов авторы часто используют ссылки на мнения представителей власти, бизнеса и спорта о значении проведения Олимпиады в г. Сочи, ее роли в укреплении международного авторитета России. В публикациях с июля 2007 г. ИС событийного медиаконцепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”», широко представлены лексемами-репрезентантами с положительными коннотациями.

Пример ИС «Капиталовложения»: *«***Олимпиада** *спасла Сочи», – это мнение в городе-курорте разделяют все.* Благодаря тому, что 4 июля 2007 года Международным **Олимпийским** комитетом было принято решение провести зимние **Олимпийские** игры 2014 года в самом теплом месте России, *на город пролился многомиллиардный дождь инвестиций*. (Бизнес журнал (г. Сочи), 01.12.2009).

Пейоративный интерпретационный вектор репрезентации концепта реализован в контекстах, включающих лексемы с отрицательными коннотациями. Перечисленные выше ИС концептуального содержания демонстрируют обратную сторону медали – лексемы-репрезентанты с отрицательными коннотациями; преимущественно данные тексты отражают дискуссионный характер концепта-инновата, выражая мысль по антитезисному принципу.

Пример ИС «Городская инфраструктура»: Есть огромная необходимость в создании такого комплекса, потому что будущая **олимпийская** *столица может не дожить до* **Олимпиады** *и утонуть в собственном мусоре*. Естественно, на строитель-ство комплекса нужны средства. Однако пока *никаких движений* со стороны **«Олимпстроя»** и муниципалитета *не наблюдается*. «*Мусорная проблема» является одной из главнейших проблем города и должна решиться немедленно во избежание экологической катастрофы* (Черноморская здравница (г. Сочи), 02.09.2008).

Обретение Сочи в 2007 г. социокультурного статуса столицы Игр привело к изменению соотношения коннотативных компонен-

тов содержания событийного медиаконцепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”», о чем свидетельствуют данные выборки контекстов с июля 2007 г. по 2010 гг. **Лексемы с положительными/отрицательными коннотациями, вербализующие различные аспекты содержательно-смыслового спектра концепта «Олимпиада “Сочи-2014”», выступают** доминантами дискурса региональных СМИ; тем самым они **актуализируются и внедряются в сознание региональной ЯЛ реципиента.**

Третий этап реализации исследовательского алгоритма был нацелен на выявление специфики вербализации и функционирования событийного концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”» в рамках выделенных инвентивных сегментов в двух основных формах бытования общественного языкового сознания: контексты СМИ и реакции, мнения респондентов. Основными исследовательскими действиями на заключительном этапе явились следующие: 1) охарактеризовать технологию воздействия на реципиента в текстах олимпийской тематики региональных печатных СМИ; 2) представить в сопоставлении (в системе ранее выделенных ИС) репрезентации концепта «Олимпиада “Сочи-2014”»: контексты СМИ и реакции респондентов на одноименный стимул; 3) проанализировать данные формы самовыражения региональной ЯЛ в аспекте ядра (интегральных компонентов) и периферии (дифференциальных признаков) концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”».

В региональном дискурсивном пространстве общественное мнение по поводу внедряемой инновации формируют СМИ – путем реализации *модели речевого воздействия* от изменения информационного поля реципиента к трансформации его эмотивной оценки к регулированию поведения. Генеральные линии направленности речемыслительного процесса региональной ЯЛ, продуцента и реципиента, проанализированы нами в рамках трех групп лингвориторических параметров: пафосно-вербально-элокутивных, логосно-тезаурусно-инвентивных; этосно-мотивационно-диспозитивных. Таким образом, показано, что комплексная лингвориторическая стратегия СМИ воплощается в системе тактик: инвентивной, диспозитивной, элокутивной – в аспекте внедрения этоса, логоса и пафоса на всех уровнях региональной ЯЛ реципиента.

Пафос публицистических контекстов, раскрывающих событийный медиаконцепт-инноват «Олимпиада “Сочи-2014”», варьируется от восторга до негодования в зависимости от избранного пишущим вектора интерпретации, оценки самого факта проведения данного мероприятия в курортной зоне.

Рассмотрим контекст, являющийся примером **восторженного пафоса**:

«СТРОИМ СЕЙЧАС, СМОТРИМ В БУДУЩЕЕ. **Олимпиада-2014** *больше, чем просто спортивные состязания.* Это *наша национальная идея.* Это *наше будущее и будущее наших детей. Колоссальная ответственность за* **Олимпиаду-2014** *ложится на всех россиян.* Но в первую очередь этот проект *поистине мирового значения* поднимает государственная корпорация **«Олимпстрой»,** создан-ная специально для управления всеми работами по проектированию, строительству, реконструкции и эксплуатации **олимпийских** объектов в Сочи» (Бизнес журнал (г. Сочи) 01.09.2008).

Отметим гиперболизацию («**Олимпиада-2014** *больше, чем просто спортивные состязания», «проект поистине мирового значения»);* поэтапную амплификацию для раскрытия мощи корпорации-исполнителя. Синтаксический параллелизм в сочетании с лексической анафорой и Мы-повествованием (*«Это наша национальная идея. Это наше будущее и будущее наших детей»)* звучит как слоган. Средствами выражения **негодующего пафоса** выступают лексемы с отрицательной коннотацией (*позор, сподвижников, выгоняя, лишая, страшная*), риторические вопросы и др.

Ассоциативно-вербальная сеть (АВС) региональной ЯЛ актуализируется эмотивным спектром смыслового содержания концепта «Олимпиада “Сочи-2014”». Для маркирования эмотивного компонента концепта (В.И. Карасик) язык располагает совокупностью смыслопорождающих взаимосвязанных операторов: лексических и синтаксических. Эти операторы, «как правило, накладываются и взаимодействуют в процессе порождения смысла, дублируя друг друга, повышая эмотивную «плотность» высказывания» [Трофимова 2011].

В качестве *лексических операторов эмотивного смысла* рассмотрены экспрессивная метафора; оценочная лексика – существительные, прилагательные, глаголы, наречия, междометия, сопровождающие в текстах СМИ информацию об «Олимпиаде в Сочи» и выражающие состояние продуцента, вызываемое объектом, отношение, субъективную обусловленность оценки. По результатам анализа, наиболее частотные лексемы – единицы *ядра концепта* на уровне АВС совокупной ЯЛ сочинского журналиста, т.е. «профессиональной региональной языковой личности», – следующие:

а) с положительными коннотациями: *благоустройство, развитие, победа, достижения; победители, чемпион; комфортабельный, грандиозный, благоприятный, качественный, первоклассный, позитивный, ресурсосберегающий, уникальный, профессиональный; модернизировать, сэкономить; достойно и др.*;

б) с отрицательными коннотациями: *нарушения, конфликты, снос, ущерб, угроза, барыши, пробки, произвол, жертвы, уничтожение, изъятие, правонарушения, преступления, выселение, деградация, катастрофа; сподвижники, гастарбайтеры; низкокачественный, бессистемный, аляповатый, коррупционный; отобрать, сносить, лихорадить, загрязняя; долго, мучительно и др.*

Таким образом, сочинские печатные СМИ, представляя широкую палитру мнений и эмоциональных оценок, демонстрируют на уровне АВС специфику репрезентации событийного концепта-инновата дискуссионного характера в рамках мелиоративного и пейоративного векторов интерпретации мероприятий, связанных с Играми 2014 г.

К *синтаксическим операторам эмотивного смысла* относят разнообразные структурные модели предложений. Для усиления экспрессивности высказывания журналисты прибегают к эллиптическим конструкциям, привлекающим внимание и обладающим бо́льшим интерпретативным потенциалом: адресат с развитым воображением и широкими знаниями воспринимает дополнительные окказиональные имплицированные смыслы, «строит» привычные ему фигуры речи в рамках рецептивного дискурса-интерпретанты.

Элокуция как риторический этап собственно вербализации референта предполагает целенаправленное применение изобразительных и выразительных языковых средств (тропов и фигур, «цветов красноречия»), от которого напрямую зависит эффективность речевого воздействия. Письменный текст, благодаря визуальному каналу восприятия, возможности повторного чтения и т.п., обладает в этом отношении значительно большими возможностями, чем устный, т.к. в нем могут использоваться языковые и речевые средства любого объема и любой сложности [Шарафутдинова 2010 : 11], оригинально и творчески применяться выразительные возможности языка, риторические структуры, характерные для публицистического стиля.

В контекстах региональных СМИ – репрезентантах концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» – среди эксплицитных средств речевого воздействия, характеризующих событие и обладающих выраженной оценочной коннотацией, на элокутивном уровне нами выделены:

1) **тропы** (***эпитет***: *великая* миссия, событие *планетарного масштаба, успешные и грандиозные* Игры, *возбужденный* патриотизм, *агрессивное* неверие; ***сравнение***: пресса сегодня – *чуткий и верный барометр настроений в обществе;* снаряжали, *как солдат на войну;* растущая в сочинском огороде петрушка стоит на рынке, *как мандарины на Северном полюсе...;* ***метафора***: *принесет драгоценные жертвы олимпийским богам, Олимпийским локомотивом по чужой земле, по нервам и головам!;* ***метонимия***: *Путин выиграл Сочи!, «золото» Чемпионата мира-2008, весь мир смотрит на нас;* ***фразеологическая единица***: *плевое дело, больные места, удар ниже пояса, не победа, а участие; войти в пике, место под солнцем, кузница кадров;* ***газетный штамп***: *суждено сбываться, решающая роль, наглядный пример*;

2) **фигуры** (***восклицание***: *Горим, братцы, горим! Люди, одумайтесь! Остановитесь!;* ***риторический вопрос***: *Сколько стоит борьба за* **Олимпиаду-2014***? Какое будущее готовят городу? Зачем Сочи нужна зимняя* **Олимпиада***? И кто тогда ответит за уничтожение курорта?;* ***антитеза***: *бренд «Сочи»: блеск и нищета...; Украл рубль – вор. Украл миллион – инвес-*

тор?; ***умолчание***: *Но, как говорится, лучше поздно...; <...> мы никак не начнем строить ледовые дворцы, а тут…*).

Сильным средством риторического воздействия является ***ирония*** («...им покажут, как всегда, *красивую картинку. С вертолета;* под благовидным предлогом *выстроить высоточку* на побережье; *купить квартирку* в новом комплексе»). Распространенным стилистическим приемом в дискурсе СМИ является ***аллюзия***: повышение значимости текущего события путем апелляции к широко известному историческому факту («*И наша страна «шагнула в космос». И весь мир облетели слова Юрия Гагарина: «Поехали!». Сегодня настала очередь новых свершений. И мы уже на этом пути. Будущее действительно началось. Мы констатируем: точка невозврата пройдена, старт дан, двигатели запущены... ПОЕХАЛИ!*» (Стиль жизни (г. Сочи), 01.12.2009)).

Итак, вербализации концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» в региональных СМИ свойственно *усиление изобразительности и выразительности*, т.е. намеренное и концентрированное введение в текст языковых средств и риторических структур с целью стимулирования наглядно-образных представлений реципиента с целью более эффективного внедрения в языковое сознание мелиоративного или пейоративного интерпретационного вектора речемыслительного процесса.

Логос событийного медиаконцепта «Олимпиада “Сочи-2014”» базируется на представлении о спортивном мероприятии международного и государственного значения, вербализуемом по антитезисному принципу, – как в период «олимпийской гонки» 2005-2007 гг. (***ИС «Заявка»***: *уникальность проекта, общественное признание, оригинальная концепция / психологическое давление, отсутствие условий для реализации проекта, политическая фикция, дополнительный социальный контроль*), так и после победы Сочи в 2007–2010 гг.: ***ИС «Капиталовложения»*** (*эффективное инвестирование / неэффективное капиталовложение*); ***ИС «Строительство олимпийских объектов»*** (*реализация масштабных строительных проектов в соответствии с заявкой / несоблюдение графика строительства и создание конфликтных ситуаций*); ***ИС «Городская инфраструктура»*** (*улучшение качества проживания*

и отдыха в г. Сочи / выявление слабых сторон г. Сочи как курорта в свете строительства олимпийских объектов); ***ИС «Экология»*** *(решение экологических проблем / обострение экологической ситуации);* ***ИС «Федеральная власть»*** *(обеспечение государственной поддержки / принятие «трудных» решений);* ***ИС «Региональная и местная власть»*** *(координация деятельности по подготовке к Олимпийским играм / политическая и социальная нестабильность);* ***ИС «Сочинцы»*** *(повышение благосостояния города и его жителей / отсутствие диалога с властью);* ***ИС «Специалисты»*** *(рациональное использование имеющихся трудовых ресурсов и подготовка квалифицированных кадров / отсутствие грамотной миграционной политики);* ***ИС «PR-деятельность»*** *(освещение Олимпиады как национальной идеи, укрепление статуса государства, повышение престижа г. Сочи в общероссийском и мировом масштабе / создание городу Сочи имиджа столицы Зимней Олимпиады в ущерб развитию санаторно-курортной сферы);* ***ИС «Контроль»*** *(соблюдение закона при реализации мероприятий, связанных с подготовкой и проведением Олимпиады, своев-ременное выявление и пресечение его нарушений / отсутствие должного контроля процесса подготовки к Олимпиаде-2014);* ***ИС «Безопасность»*** *(обеспечение безопасности при проведении Олимпиады-2014 / сбои в системе безопасности);* ***ИС «Спорт»*** *(развитие спорта, пропаганда здорового образа жизни / отсутствие условий для подготовки спортсменов и развитого спортивного менеджмента).*

Тезаурус как конкретизация очерченного выше логоса в системе понятий и идей, формирующих концепт «Олимпиада “Сочи-2014”» на лингвокогнитивном уровне профессиональной ЯЛ сочинского журналиста, служит источником имплицитных средств речевого воздействия, в том числе с суггестивным потенциалом, воспринимаемых массовым адресатом на ментально-эмоциональном уровне (прежде всего прецеденты разного уровня). К таким единицам правомерно отнести, в частности, прецедентные имена (*Наш соотечественник – Юрий Гагарин; И общий наш великий Беломор не одолеет дядька Черномор!);* прецедентные ситуации *(А впрочем, могут дать совет в Чилях?);* прецедентные

высказывания: цитаты из литературных текстов и фольклора (*Помните – Россия за вами, Задрав штаны, а с ними и тарифы, в конце туннеля в десять миллиардов зажгите свет своей ОлимПИАРды, чтоб знал народ: еще могучи мифы; Туннель в горе? Резвяся и играя!, Гром грянул – Олимпстрой перекрестился!)*, фильмов *(Есть такая профессия – Родину защищать)*, текстов песен *(Здесь птицы не поют… Деревья не растут…; Все хорошо, прекрасная маркиза…; И вновь продолжается бой!)*. В строящихся по готовому шаблону высказываниях наблюдается классическое «сочетание стандарта и экспрессии» (В.Г. Костомаров).

В выборке контекстов региональных СМИ широко представлены местные топонимы – как своего рода прецеденты-реалии: *Сочи, Адлер, Лазаревское, Красная Поляна, река Мзымта, Грушевый хребет, Имеретинская низменность, река Псоу, плато Роза Хутор, хребет Псехако, Нижне-Имеретинская бухта* и др.

Инвенция печатных СМИ в региональном дискурсивном пространстве в концептуальной сфере «Олимпиада “Сочи-2014”» – выбор темы статьи, членение ее на микротемы, подбор аргументативной базы, фактического материала – осуществляется в рамках описанных выше ИС содержания концепта-инновата с учетом жанровых характеристик текста. Наиболее широко представлены информационные жанры (заметка, репортаж) и аналитические (корреспонденция, статья). Информационные жанры отличают событийность, документальная насыщенность, оперативность реагирования; в качестве «предмета речи» «Олимпиада “Сочи-2014”» выступает как предстоящее событие грандиозного масштаба. Аналитические жанры обладают более широкими возможностями для реализации оценочности в русле мелиоративного / пейоративного векторов интерпретации концепта-инновата. Они изобилуют лексемами с положительными / отрицательными коннотациями, альтернативно представляя 12 основных тематических блоков, соответствующих представленным выше ИС.

Этос риторического воздействия дискурса печатных СМИ в рамках событийного медиаконцепта «Олимпиада “Сочи-2014”» реализуется в системе приоритетов: государственного (*престиж страны)*, регионального (*развитие края)*, личностно ориентиро-

ванного (*интересы жителей Сочи*). В названных аспектах поляризованы «этос мелиоратива» (развитие спорта высших достижений, внимание к Паралимпийскому движению, поддержка спортивных инициатив, забота об уровне жизни хозяев Олимпиады) и «этос пейоратива» (защита уникального природного комплекса, прав местного населения, акцентирование социальных проблем).

Мотивационный уровень продуцентов дискурса печатных СМИ об Олимпиаде-2014 в качестве основной деятельностно-коммуникативной потребности включает стремление внедрить в общественное языковое сознание позицию редколлегии, обусловленную тем или иным интерпретационным вектором, представить целостную картину позитивных / негативных факторов, присутствующих в денотативном поле воплощения в жизнь концепта-инновата на фоне нейтрального государственного сценария разработки и реализации проекта:

(+) национальная идея, престиж России, инновационная площадка, импульс для развития региона, инвестиционный подъем, строительство спортивных объектов, олимпийский статус санаторно-курортного комплекса;

(–) неоправданная финансовая нагрузка, неграмотное планирование, экологические последствия, нереализованные социальные потребности горожан, олимпиада как миф.

Диспозиция как общая архитектоника, принцип построения дискурса СМИ в ракурсе репрезентации концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» связана с футуральностью события, интерпретацией предстоящего факта преимущественно в нейтральном или негативном ключе (2005–2007 гг.) и в резко поляризованном позитивном / негативном (2007–2010 гг.). Композиция отдельной публикации опирается на ключевые текстовые позиции; например, нередки заголовки – вопросительные конструкции, особенно пейоративной направленности: *Сколько стоит борьба за Олимпиаду-2014?* («PRO Сочи», 27.07.2005); *Какое будущее готовят городу?* («Деловой Сочи», 01.09.2008); *«Все хорошо, прекрасная маркиза…». Почему так неуважительно относятся к интересам сочинцев на самом высоком уровне?* («Курортная неделя», 18.04.2010).

Анализ контекстов СМИ позволил установить, что в условиях социокультурной инновации с неоднозначными социально-экономическими, экологическими последствиями *лингворитори-ческая стратегия региональных СМИ* при формировании общественного мнения заключается в целенаправленном, «векторном» продуцировании концентрированного спектра ценностных смыслов коллективного реципиента в избранном идеологическом ключе. ЛР тактики СМИ по обеспечению максимального коммуникативного эффекта в масштабах региона дифференцированы нами, согласно этапам универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову», на инвентивную, диспозитивную, элокутивную. *Инвентивная тактика* региональных СМИ нацелена на дифференциацию лексико-семантической реализации концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» на необходимое и достаточное количество инвентивных сегментов, раскрывающих социально значимые содержательные пласты. *Диспозитивная тактика* базируется на активизации и выдвижении в рамках общей архитектоники дискурса масс-медиа определенных инвентивных сегментов в тот или иной временной отрезок (в период «олимпийской гонки» (2005-2007 гг.) и после получения статуса олимпийского города (2007-2010 гг.). *Элокутивная тактика* заключается в использовании разнообразных приемов риторического воздействия при создании выразительного публицистического текста с эксплицированной коннотативной доминантой.

Субъект вербализации концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”» – региональная ЯЛ – представлен нами в качестве двукомпонентного феномена: а) профессиональное журналистское сообщество; б) «рядовые жители», в том числе реальные или потенциальные реципиенты СМИ, демонстрирующие специфику «обыденного сознания» [см.: Кимов 2009 : 393]. В целом общественное языковое сознание в условиях инновации, примером которой является Зимняя Олимпиада в Сочи 2014 г., развивается под непосредственным воздействием СМИ, о чем свидетельствует вкрапление в разговорный стиль участников психолингвистического эксперимента таких публицистических клише, как *экономический подъем, материальные затраты, разнообразие спортивных комплексов,*

узаконенное уничтожение кавказского заповедника, улучшение всех сфер городской жизни, повышение уровня жизни горожан, появление рабочих мест, оздоровление нации, развитие физической культуры и т.д. Проанализировав совокупность реакций и развернутых ответов респондентов как представителей региональной ЯЛ, мы смоделировали (с опорой на работу [Попова, Стернин 2007]) структуру событийного концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”».

Большинство ИС, выделенных в результате анализа публицистических контекстов, в той или иной степени присутствуют в реакциях и ответах респондентов, которые, в отличие от текстов СМИ, содержат, при незначительном количестве нейтральных лексем, либо положительные, либо отрицательные коннотации (по принципу «белое – черное»). Как правило, сегменты представлены двумя типами коннотаций, однако при обращении к ИС «Экология», «Контроль», «Безопасность», «Региональная и местная власть», респонденты использовали лексические единицы в пейоративном ключе. Наибольшее число репрезентаций с позитивной оценкой относится к ИС «Спорт», что связано с сущностью предстоящего события, а также восприятием спорта как национальной идеи. Нейтральные реакции-ассоциаты представлены лексемами с прямым номинативным значением *(Красная Поляна, олимпийские объекты, масштабная стройка, строительство, спорт, иностранцы, национальные сборы, олимпийская деревня, дороги, состязания, спортсмены, молодежь, гости, спортивные игры, стрельба, парусный и горнолыжный спорт, катание на лыжах, футбол, горные лыжи, соревнования, футбол, лыжи, санки, большое количество людей).* В некоторых случаях респонденты указывают на отсутствие ассоциаций на стимул «Олимпиада “Сочи-2014”» *(вообще это хорошо, но мне все равно, никаких, мне все равно, без разницы, возникают цифры 2014 и все, ассоциаций нет, параллельно, я затрудняюсь, ничего определенного);* изредка констатируют неоднозначность оценки *(смешанные; для людей – хорошо, а для природы – плохо; смешно и грустно; иногда смешные, иногда серьезные, но в большинстве просто кажется, что это какая-то игра и не больше).*

Частотными являются такие ***реакции-мелиоративы***, как: *хорошие; здорово; я за Олимпиаду; отлично; супер!; радость; восхищение; круто и т.д.* Примеры распространенных ***реакций-пейоративов***: *отрицательные; ужасные; я против!; очень негативные; мне не нравится эта идея; ужас; полный бред; сарказм; только отрицательные эмоции; эх, мечты, мечты; кошмар и т.д.*

По результатам анализа реакций-мелиоративов и ответов респондентов выделена типология речемыслительных ассоциаций:

конструктивные *(развитие города и воспитание молодежи; повышение уровня жизни горожан; рабочие места; прогресс; развитие, улучшение всех сфер городской жизни; международные контакты; развитие физической культуры и др.);*

креативные (укрепление нравственности молодежи; здоровый образ жизни; положительные!; Спорт – это наше здоровье! Люди! Занимайтесь спортом!; Быть может, молодое население будет больше уделять времени спорту; спорт надо развивать; оздоровление нации и др.);

«идеалистические» *(это хорошо будет, если будут спортивные объекты; Наши дети будут здоровы; спорт в Сочи необходимо развивать; веселые, здоровые дети; много детей с флагами, все бегают и прыгают и др.);*

волюнтативные *(гордость за свой город, только позитивные ассоциации, Оле – Оле – Оле! Россия – вперед!; Все, что связано со спортом, вызывает только хорошие ассоциации!; очень хочется, чтобы в Сочи было побольше спортивных кружков и заведений; наконец-то мы всех сделали и получили этот статус; надеемся, будут спортивные комплексы, достойные нашей страны; нереальный праздник и др.);*

футуроцентрические *(будут дороги, спорт, дома, мосты к Красной Поляне; появятся новые машины и дороги; появятся новые дороги, не будет пробок; олимпийские объекты останутся жителям, это способствует развитию круглогодичного курортного сезона, а значит и материальное состояние местных жителей улучшится; построят в школе спортзал; наш город станет еще красивее и богаче; у нас будут хорошие*

дороги, развлекательные комплексы и квалифицированные работники; Сочи станет еще более красивым городом и др.).

Развернутые ответы на вопросы (с аргументацией) позволяют респондентам осуществить в рамках концепта-инновата более четкую категоризацию и концептуализацию: (+) *укрепление статуса города и страны; развитие спорта; улучшение качества жизни; повышение благосостояния / (-) ухудшение экологической ситуации; нарушение привычного образа жизни (до Олимпиады – на стадии строительства; во время Олимпиады – на стадии проведения); расходование значительных денежных средств на возведение объектов и организацию мероприятий; слабость администрирования; наличие более важных проблем; усиление межнационального напряжения*.

Сопоставительный анализ в лингвориторической парадигме контекстов СМИ и реакций респондентов как основных проявлений региональной ЯЛ в ситуации внедрения инновации с неоднозначными последствиями позволил выявить *ядро* концепта «Олимпиада “Сочи-2014”», включающее *интегральные компоненты*, характерные для обеих форм бытования общественного языкового сознания: 1) контрарная актуализация ассоциативно-вербальной сети при элокутивном воплощении восторженного / негодующего пафоса (*пафосно-вербально-элокутивные параметры*); 2) логосные противоречия («решение экологических проблем» / «обострение экологической ситуации» и др.) с тезаурусной опорой на прецеденты на фоне четкости инвентивной сегментации (*логосно-тезаурусно-инвентивные параметры*); 3) этос альтернативных мотиваций (*национальная идея, престиж России, инвестиционный подъем* и др. // *неграмотное планирование, экологические последствия, олимпиада как миф* и др.) определяющих архитектонику диспозитивной организации дискурса исследуемого периода или его части (*этосно-мотивационно-диспозитивные параметры*).

Периферию концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» в региональном дискурсивном пространстве характеризуют *дифференциальные компоненты:*

– *в СМИ*: 1) наличие эмоционально нейтральных контекстов-репрезентантов как фона для выражения противоположного пафоса;

разнообразие ассоциативно-вербальной сети, соседство положительной / отрицательной оценочной лексики; широкий спектр тропов и фигур на уровне элокуции; 2) частичная логосная нейтрализация тезиса / антитезиса; усложненный тезаурус; вариативность коннотаций в рамках одного инвентивного сегмента, информационно-содержательное расширение; 3) разноплановость этосных приоритетов: государственного, регионального, личностно ориентированного; мотивационная установка на активное формирование общественного мнения; диспозитивная вариативность на базе сосуществование двух коннотативных векторов;

– *в реакциях респондентов*: 1) непримиримость на уровне пафоса, отсутствие нейтральной оценки на фоне однозначного выбора одного из двух типов коннотаций; ограниченность АВС; стереотипность используемых выразительных средств; 2) четкость логосных противопоставлений; упрощенный тезаурус, включающий широко известные прецедентные феномены; однозначное восприятие инвентивных сегментов «PR-деятельность», «Экология»; 3) категоричность в отстаивании избранного этосного ориентира; стремление выразить свое личное мнение; диспозитивный монизм в плане устойчивости реакций того или иного типа.

В результате исследования предлагаются ориентировочные формулировки принципов, или закономерностей, бытования общественного языкового сознания на региональном уровне в условиях масштабной инновации с неоднозначными социально-экономическими и экологическими последствиями:

1. Принцип двух основных форм репрезентации той или иной инновации в качестве одноименного концепта-инновата в региональном дискурсивном пространстве, в общественном языковом сознании: *позиции СМИ / мнения граждан* – продуктов речемыслительного процесса с учетом двух основных составляющих совокупной региональной языковой личности, профессиональной (журналистское сообщество, транслирующее установки правящих сил – офиц. власти и олигархии) / непрофессиональной («рядовые» граждане, мыслящие в рамках структуры концепта-инновата: а) исходя из личных наблюдений и опыта; б) в рамках внедряемого медиаконцепта).

2. Принцип структурного единства регионального дискурсивного пространства, общественного языкового сознания в его территориальной модификации, технологии риторического воздействия дискурса СМИ *в рамках трех групп ЛР параметров: пафосно-вербально-элокутивных, логосно-тезаурусно-инвентивных, этосно-мотивационно-диспозитивных.*

3. Принцип ведущей роли СМИ в оценке и интерпретации инновационного проекта для общественного языкового сознания в условиях *корреляции* характеристик региональных СМИ в аспекте свободного выбора точки зрения в освещении того или иного медиаконцепта и мнений граждан (позиции власти / владельцев изданий / простого населения).

4. *Принцип мелиоративной / пейоративной поляризации интерпретаций внедряемой инновации* с неоднозначными социально-экономическими и экологическими последствиями в лексико-семантическом наполнении структуры одноименного концепта по антитезисной модели топа «противопоставление» «Добро (польза) / Зло (вред)»

5. Принцип инвентивной дифференциации лексико-семантического поля концепта-инновата с выделением базовых инвентивных сегментов как опорных пунктов альтернативных интерпретаций действительности

6. Принцип диспозитивного выдвижения инвентивных сегментов: а) наиболее характерных для периода прогнозирования инновации и периода ее реального внедрения (временной аспект архитектоники регионального дискурса – репрезентанта концепта-инновата); б) наиболее показательных с точки зрения избранной коннотативной доминанты (положительная /отрицательная) для интерпретации концепта-инновата в мелиоративном или пейоративном ключе (оценочный аспект архитектоники регионального дискурса).

7. Принцип элокутивного насыщения структуры концепта-инновата лексемами с положительными / отрицательными коннотациями на фоне нейтральной лексики как «денотативной» в аранжировке (для СМИ) тропов и фигур специализированных технологических средств речевого воздействия.

Выводы

Концепт «Олимпиада “Сочи-2014”» постулирован нами как событийный медиаконцепт-инноват, актуализированный в общественном языковом сознании в качестве долговременного информационного повода. В теоретическом плане это потребовало предварительного уточнения понятий *концепт, макро- / микроконцепт, событийный концепт, медиаконцепт* в их взаимном соотношения, а также обоснования терминов *долговременный информационный повод, концепт-инноват, медиаконцепт-инноват, коннотативная поляризация, мелиоративный / пейоративный интерпретационный вектор*. Как показали результаты анализа, концепт «Олимпиада “Сочи-2014”» по отношению к родовому концепту «Олимпиада» выступает как *микроконцепт, составной концепт*. Это *событийный концепт*, имеющий свой жизненный цикл; для сферы дискурса СМИ – *медиаконцепт, концепт-«новоидеологема»*. В качестве *концепта-инновата* «Олимпиада “Сочи-2014”» ментально концентрирует новое понятийное пространство, относительно новый (в рамках сложившейся ситуации) смысловой спектр, изначально имеющий дискуссионный характер и генерирующий в общественном языковом сознании коннотативную поляризацию интерпретационных векторов речемыслительного процесса. *Медиаконцепт-инноват* «Олимпиада “Сочи-2014”» есть внедряемый посредством СМИ властными структурами в сознание региональной языковой личности новый в смысловом отношении, дискуссионный вследствие неоднозначных социально-экономических последствий нововведения ментальный комплекс.

Необходимым этапом явилось исследование концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» в рамках системы инвентивных сегментов данного когнитивно-эмотивного образования в региональном языковом сознании с позиций мелиоративного и пейоративного векторов интерпретации, т.к. контексты-репрезентанты концепта носят дискуссионный, зачастую полемически заостренный характер. Для этого потребовалось выделить основные инвентивные сегменты, структурирующие смысловое поле исследуемого событийного медиаконцепта, которые выступают в каче-

стве денотативной основы инвентивно-элокутивной координации для коннотативно поляризованных интерпретационных векторов речемыслительной деятельности региональной ЯЛ. В свою очередь, на базе данного типа координации выявляются лингвориторические особенности репрезентации в региональном дискурсивном пространстве событийного концепта-инновата «Олимпиада “Сочи-2014”».

Далее были выявлены основные черты лингвориторического инструментария воздействия региональных печатных СМИ на коллективного реципиента в аспекте репрезентации концепта «Олимпиада “Сочи-2014”», сформулированы определения общей лингвориторической стратегии и тактик региональных СМИ по воздействию на общественное языковое сознание в условиях внедрения инновации дискуссионного характера.

Закономерным завершением изучения концепта «Олимпиада “Сочи-2014”» на текущем этапе его формирования явилось сопоставление двух источников репрезентаций формирующегося: контекстов СМИ и реакций респондентов – в качестве основных способов самовыражения субъекта регионального дискурсивного пространства, носителя общественного языкового сознания, в инновационной ситуации; это позволило установить их интегральные и дифференциальные признаки.

По результатам исследования были сформулированы принципы и закономерности бытования общественного языкового сознания на региональном уровне в условиях масштабной инновации с неоднозначными социально-экономическими и экологическими последствиями.

Литература

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма как интегративная исследовательская призма в филологической науке // European researcher. – 2010. – № 2. – P. 183 – 190.

Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.

Зубцов А. С., Ворожбитова А. А. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования: Монография. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. – 212 с.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75 – 80.

Кимов Р. С. О концептуализации действительности и представлении знания в языках // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. трудов / Гл. ред. серии Е. С. Кубрякова; отв. ред. выпуска Н. Н. Болдырев. – М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 392 – 399.

Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования. Автореф. дис. … докт. филол. наук. – Омск, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://dibase.ru/article/07022011_malyshevaeg

Орлова О. В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник ТГПУ. – 2010. – Выпуск 6 (96). – С. 78 – 82.

Трофимова Н. А. Эмотивный смысл высказывания и операторы его порождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/trofimova_11_78_154_160.pdf. 2011

Шарафутдинова С. В. Формирование социальной оценки (на материале спортивного дискурса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 26 с.

3.5. КОНЦЕПТ *УСПЕХ* В ПСИХОЛОГО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОПУЛЯРНЫХ КНИЖНЫХ СЕРИЙ[2]

Берсенева О. Ю., Ворожбитова А. А.

Актуальность исследования обусловлена антропоцентрической ориентированностью современного языкознания, рассматривающего язык, текст, дискурс в качестве продукта речемыслительной деятельности языковой личности. Интенсивное развитие когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, аксиолингвистики, неориторики создало перспективы комплексного рассмотрения текста и дискурса в рамках лингвориторической (ЛР) парадигмы [Ворожбитова 2000; 2011]. Обращение к избранному эмпирическому материалу обусловлено тем, что в современном обществе особая роль принадлежит мировоззренчески направленным, ценностно насыщенным текстам, которые носят предписывающий или рекомендательный характер, содержат определенные установочные нормативы и воздействуют на значительные массы людей. К таковым правомерно отнести корпус текстов ряда популярных книжных серий («Успех!», «Деньги, карьера, успех» и подобных), широко издаваемых в последнее десятилетие и призванных научить российского читателя в изменившихся социально-экономических условиях гарантированно достигать успеха в различных областях жизни и деятельности. Совокупность американских переводных и оригинальных русскоязычных текстов названных книжных серий составляет выделенный нами в качестве самостоятельного объекта исследования психолого-прагматический дискурс – дискурс по самопроектированию успешной личности («дискурс успеха»). В данном исследовании как концептологически ориентированном в центре внимания находятся не теория и практика перевода, а сами переводные тексты американских авторов о достижении успеха, вошедшие в русскую картину мира в эпоху перестройки, начиная с книг

[2] Работа выполнена в рамках проекта НИР № 6.3660.2011, МОиН РФ

Д. Карнеги, и ставшие частью российской масс-культуры. По их образцам и шаблонам впоследствии были созданы тексты российских авторов – от единичных изданий до целого пласта отечественного дискурса аналогичной проблематики.

Издания, аккумулирующие современное представление о способах достижения успеха, приобрели в начале XXI вв. массовый характер, оказывая, судя по их разнообразию, большим тиражам и высокому спросу, существенное влияние на коллективную языковую личность российского реципиента. Несмотря на очевидные лингвистические и риторические особенности текстового массива популярных книжных серий о достижении успеха, специфика репрезентируемого ими типа дискурса еще не подвергалась исследованию. Адекватной концептуальной основой для выявления системы механизмов речевого воздействия «дискурса успеха» является ЛР парадигма: ряд научных подходов и направлений интегрируется в их взаимной соотнесенности на пересечении теоретических аппаратов антропоцентрической лингвистики и неориторики.

Цель исследования – выявить особенности ЛР организации психолого-прагматического дискурса («дискурса успеха»), репрезентированного корпусом текстов книжных серий, востребованных российским реципиентом в современной социокультурной ситуации.

Материалом послужили пользующиеся массовым спросом тексты (более 100) американских и российских авторов, изданные в рамках таких книжных серий, как «Успех!», «Деньги, карьера, успех», «Деньги. Карьера. Успех: Бизнес-план», «Технология успеха», «На волне Успеха», «Студия благополучия и успеха Наталии Правдиной», «Счастливый мир Натальи Правдиной», «Карнеги XXI века», «Библиотека практической психологии», «Популярная психология», «Психологические этюды», «Сам себе психолог», «Амазонки XXI века», «Будет по-моему!», «Он + она», «Только для женщин» и др.

Как показали результаты теоретического анализа проблемы исследования, антропоцентризм «ставит во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования» человека [Кубрякова 1992 : 212], языковую личность [Караулов 1987; 2002], «антропотекст», учитывающий «проявления человека во всех сторонах

его бытия» [Голев, Чернышева : 2009]. Среди антропоориентированных языковедческих подходов выделяются лингвокогнитивный, лингвокультурологический, аксиолингвистический, демонстрирующие диалектическую взаимообусловленность. *Лингвокогнитивный подход* исследует «разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [Демьянков 2009 : 35], *лингвокультурологический подход* изучает национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях; все, что составляет «языковую картину мира» [Воробьев 1997]. Для когнитивистов дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации, для лингвокультурологов – к прагматической ситуации; концепты для первых есть единицы и способы ментального кодирования и преобразования информации; для вторых – элементы культуры. Поскольку «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, «любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование» [Карасик, Слышкин 2003]. В социолингвокультурологическом ракурсе формируется *аксиолингвистический подход*, реконструирующий ценностную картину мира, отраженную в языке и отграничивающий «анализ общества «как оно есть» <…> от проповеди о том, каким ему следует быть» [Барышков 2005 : 161].

В отличие от институциональных типов дискурса, ориентированных на определенную сферу человеческой деятельности, дискурсивный пласт популярных книжных серий по достижению успеха образует самостоятельный тип в рамках когнитивно-коммуникативной типологии дискурса (А.Н. Приходько), согласно трем определяющим факторам: «среда общения», «режим/модус общения», «стиль общения». Данный тип дискурса правомерно квалифицировать как «психолого-прагматический дискурс» («дискурс по самопроектированию успешной личности», «дискурс успеха»). Психологический аспект связан с фактором «среда общения»: дискурс рассчитан на представителей субкультурной социальной группы, которую можно определить как «психологи-любители». Прагмати-

ческий аспект соотносится с фактором «режим/модус общения»: активное внедрение в языковое сознание реципиента прагматических установок, следование которым должно качественно изменить жизнь человека. Фактор «стиль общения» определяет научно-популярный характер дискурса, обеспечивающий взаимодействие с реципиентом-неспециалистом посредством отбора и комбинаторики языковых средств. Термин «прагматический» в названии дискурсивного пласта акцентирует также аспект достижения конечной цели (успеха), согласно философской платформе американского прагматизма, воплощаемой в традиционных для данной лингвокультуры «пособиях по самопомощи», что включает аспект внутреннего самостроительства», самопроектирования личности.

При изучении языкового способа выражения национально-ценностной специфики дискурсивных феноменов необходимо понимание диалектического соотношения членов категориальной триады «ментальность – менталитет – ментальное пространство». Если *менталитет* включает «общий тонус» долговременных форм поведения и мнений индивидуумов в пределах группы» [Граус 1996 : 80], то *ментальность* подразумевает «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего «умственного инструментария», «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя» [Гуревич 1988 : 56-57]. *Ментальное пространство* (Ж. Фоконье, М. Тернер и др.) определяется нами как актуализированное текущим культурно-историческим этапом развития коллективной языковой личности пересечение менталитета и ментальности в динамике социумных представлений. Параметры, установки и предписания актуального ментального пространства репрезентируются с помощью лингвистических и риторических средств в дискурс-универсуме, т.е. массиве текстов, продуцируемых и воспринимаемых коллективной языковой личностью этносоциума в данный культурно-исторический период, при этом источником изучения ментальности, является «любой текст» (А.Я. Гуревич), но в большей степени – аксиологически насыщенный «антропотекст», шире – «антроподискурс».

Когнитивное поле дискурс-универсума данной эпохи и культуры, вербализованное в текстовом массиве, отражает ментальность и менталитет нации, доминирующие черты этнокультурного ментального пространства в его самом широком понимании. На основе проведенного анализа и научного обобщения *ментальное пространство дискурсивного пласта и корпуса текстов-репрезентантов* определено как конкретизированное сквозь призму тезауруса его продуцента в соответствии с актуальной авторской интенцией и коммуникативной сверхзадачей данного типа дискурса вербальное выражение общего духовно-мотивационного настроя коллективной языковой личности, т.е. относительно целостной совокупности образов, идей, верований, «навыков духа», отражающей представления о социально востребованной личности с учетом трактовки основополагающих человеческих ценностей в дискурс-универсуме данной эпохи и этнокультуры. Особое ментальное пространство личностной эффективности формируется в корпусе текстов популярных книжных серий о достижении успеха. При этом русскоязычные тексты исследуемого дискурсивного пласта, переводные (американских авторов) и оригинальные, пользуясь спросом у массового читателя, активно влияют на мировоззрение россиян сквозь призму этнокультурных особенностей двух менталитетов, исторически различающихся по целому ряду основных позиций. Анализ устоявшихся суждений философов, психологов, социологов, лингвистов демонстрирует альтернативные характеристики американского // русского менталитетов, релевантные по отношению к концепту «Успех» на разных уровнях: характер ассоциаций (успех – «карьера, богатство и слава» // успех – «победа в бою, достижения в познаниях, завоевание симпатий» (В.И. Карасик); представление о процессе достижения успеха (целенаправленность усилий, зависимость «материальные блага – упорный труд» / удача, счастливый случай, судьба); уровень религиозно-этнических представлений (успех – результат собственного труда (индивидуализм) // установка на труд коллективный (соборность, коллективизм); личностная и национально-культурная ценность («американская мечта» / приоритет межличностных связей в настоящем перед мифическим успехом в будущем) и др.

«Современный социокультурный контекст включает в себя конструкт “успех”» [Нефедова 2004; 2009], концепт «Успех» занимает одно из центральных мест среди лингвокультурных концептов, кумулирующих аксиологические представления, однако анализ языковедческих работ, посвященных категории и концепту «Успех», демонстрирует их фрагментарность. Между тем, «тип текста как продукт практики письма, взятый в качестве *социокулътурной симптоматики*» [Козлова, Сандомирская 2003], в данном случае корпус текстов популярных книжных серий, объединенных идеей аксиологической значимости успеха, требует комплексного научного рассмотрения. Речевое воздействие как движущая сила процесса формирования ментального пространства личности и общества переводит рассуждение из области лингвистики в сферу риторики – теории убеждающей речи, оказывающая влияние на ментальные установки. В когнитивно-коммуникативной модели риторики субъект коммуникации одновременно является субъектом морали; его этические представления обусловлены мировоззренческими, из которых принципиально важны антропологические, охватывающие реальное человеческое существование и определяющие место человека в мире и его отношение к миру [Варзонин 2001]. Тексты-репрезентанты «дискурса успеха» нацелены на трансформирование ментального пространства реципиента путем его самопрограммирования вербальными средствами суггестивной направленности в режиме «автокоммуникации»; сама организация подобных контекстов призвана оказывать воздействие на ментальное и эмоциональное, духовное и физическое состояние воспринимающей языковой личности. В качестве оснований для типологизации подобных контекстов актуальные разработанные нами ранее «направления ЛР диагностики» [Ворожбитова 2000]. В рамках реализации интегральной ЛР компетенции языковой личности различаются языковые операции, текстовые действия и коммуникативная деятельность; на уровнях дискурса и текста действия формируют соответствующие тактики, а деятельность – стратегию речевого воздействия. В главе охарактеризована ЛР парадигма как интегративный исследовательский подход на пересечении подсистем терминологических координат, сформулированы принципы ЛР анализа «дискурса успеха».

Результаты исследования обширного пласта эмпирического материала позволили заключить, что реализация в текстах-репрезентантах «дискурса успеха» целенаправленных *инвентивных, диспозитивных, элокутивных текстовых действий* (на уровне продукта речемыслительного процесса – одноименных *тактик*) в рамках классического риторического канона выступает основой комплексной ЛР модели ментального пространства личностной эффективности.

Инвентивные характеристики последнего выявлены нами по различными основаниями классификации:

I. Уровень «целого текста»:

1) по масштабу тематики (общее / частное):

1.1) тексты, раскрывающие общие психологические основы успешной жизнедеятельности (Б. Трейси «Достижение цели»; Б. Трейси «Измени свое сознание – изменится твоя жизнь»; У.У. Дайер «Сила намерения»; Р. Гейдж «Установка на благополучие»; Н. Правдина «Я привлекаю успех» и др.);

1.2) тексты, содержащие конкретные рекомендации в том или ином аспекте повышения личностной эффективности (М. Феннел «Как повысить самооценку»; Дж. Мерфи «Как привлекать деньги»; И.А. Крискунова «Как стать сексапильной»; Д.Д. Еникеева «Как избавиться от соперницы» и др.);

2) по кругу проблем:

2.1) тексты, направленные на достижение финансового благополучия (Дж. Витале «Фактор притяжения: пять шагов к финансовому (и не только) благополучию»; Р. Гейдж «Богатство рядом! Почему мы должны быть богатыми»; Р.Т., Кийосаки, Ш.Л. Лечтер «Богатый папа, бедный папа»; А. Свияш «Что вам мешает быть богатым»; Д.В. Чумичкин «Где взять деньги? Пособие для начинающих богачей» и др.);

2.2) тексты, ориентированные на карьерный рост (Д. Аслетт «Как успевать жить и работать»; **Дж. Максвелл «**Воспитай в себе лидера»; Ч. Ричардсон «51 способ сделать карьеру. Как добиться хорошей зарплаты и повышения»; Д.И. Дудинский «Как угодить своему начальнику-женщине» и др.);

2.3) тексты, нацеленные на общее развитие личности (Н.И.

Козлов «Книга для тех, кому нравится жить, или Психология личностного роста» и др.);

2.4) тексты, помогающие обрести молодость, красоту и здоровье (Н. Правдина «Я привлекаю любовь и счастье: Новый эффективный метод создания гармоничной и радостной жизни для себя и своих близких» и др.);

2.5) тексты, способствующие преуспеванию в личной жизни (Д.Д. Еникеева «Как перевоспитать мужа»; А. Дамская «Как завести мужчину»; А.С. Заславский «Охота на возлюбленного. Секреты женского обольщения»; А. Ильичев «Практическое пособие по охоте на мужчин» и др.);

2.6) помогающие преодолеть вредные привычки (К. Аллен «Легкий способ бросить курить»; К. Аллен «Легкий способ бросить пить» и др.).

II. Уровень текстовых фрагментов / контекстов по риторической цели:

1) побуждение: *«Уверьтесь*, что ваше занятие, ваше призвание в жизни, хорошее, честное, и затем будьте непоколебимо верны ему. *Вложите* весь ваш ум, ваши силы, сердце и душу в вашу деятельность и вы добьетесь успеха для вашего дела. *Разверните* всю вашу энергию, *поучитесь* лишь однажды выполнять вещь во всей ее полноте, и вы сделаетесь другим человеком» (И. Добротворский);

2) убеждение, типологизированное с учетом взаимно корреспондирующих классификационных дихотомий ***аргументов:***

2.1) естественные («эвиденция» – фактические доказательства: свидетельства очевидцев, данные экспертизы, статистика и т.п.): «*В 1900 году в Америке проживало 5 000 миллионеров. К 2000 году их число увеличилось до 5 000 000, большинство из которых всего добились сами. По прогнозам экспертов, в следую-щие два десятилетия число миллионеров возрастет до 10 000 000 – 20 000 000.* Ваша цель – стать одним из них. А как это сделать, вы узнаете, прочитав эту книгу» (Б. Трейси) // ***искусственные*** (логические (индуктивные и дедуктивные), этические, чувственные как формулируемые путем рассуждения доводы к логосу, этосу, пафосу) (см. ниже).

2.2) логические («ad rem», «к делу», «по существу») – эвиденция (присоединена позднее) и доводы «к логосу» ***// психологические*** («ad hominem», «к человеку») – доводы «к этосу» и «к пафосу» [Хазагеров, Ширина 1999]. ***Доводы «к логосу»*** содержат обращенные к читателю рассуждения: «Говорят, что, научившись однажды ездить на велосипеде, уже не разучишься. С ответственностью за свою жизнь и умением преодолевать препятствия дело обстоит точно так же. *Осознав однажды, как создавать собственную реальность, вы обретете способность прокладывать курс к своим желаниям*. Эта способность кажется волшебной – она изумит вас» (Дж. Витале); ***доводы «к этосу»*** апеллируют к этическим представлениям, закрепленным в менталитете: «Есть одно чувство, которое как бы вставало воочию перед вашими глазами, словно возвышалось над этим миром, чувство величественное и гордое, – это чувство любви к себе и близким, без которого нет мира на земле!» (Г. Браун); ***доводы «к пафосу»*** обращаются к чувствам реципиента: «Решимость рождается из мужества, мужество рождается из веры в себя и из Божественной Силы, скрытой в каждом из нас. *Зачем упорно рисовать в своем воображении продолжение тех же проблем и трудностей, которые окружают вас сегодня? Покончите с ними, решительно изменив картинку и дав таким образом вашей внутренней силе власть, чтобы изменить ваше будущее – конечно же, к лучшему!*» (К.М. Бристол, Г. Шерман). Система аргументативных шагов, образуемая доводами «к пафосу», «к этосу», «к логосу», – базовый аргументативный комплекс, формируемой продуцентом «дискурса успеха» на первом этапе идеоречецикла «от мысли к слову».

2.3) универсальные, применимые в любой аудитории доводы «по существу», эмпирические (прямое / косвенное эмпирическое подтверждение) и теоретические (аргументация-рассуждение): «Возможно, вам будет полезно узнать, что многие известные люди (среди которых *знаменитый президент США Джордж Вашингтон и основатель фирмы «Кодак» Джордж Истман*) достигли вершины успеха и славы лишь потому, что в огромной степени опирались на интуицию, делая по внутреннему наитию нелогичные, но (как оказалось впоследствии) единственно правильные ходы»

(И. Ларин, М. Беловодская) // ***неуниверсальные***, создаваемые для данной аудитории доводы «к человеку»: аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др. [Ивин 1997]: «Вспомните замечательный *монолог Жванецкого: «...И никогда уже»*. Автор трагическим голосом перечисляет все, чего он никогда в жизни уже не добьется: «...И никогда уже корабль под моим командованием не выйдет в открытое море, и никогда уже мои картины не будут продаваться за бешеные деньги, и роман я уже не напишу и Нобелевскую премию за него никогда уже не получу…». С точки зрения заядлого неудачника, его жизнь – это сплошная цепь бесконечных «никогда уже». Он тратит большую часть своей мыслительной деятельности на то, чтобы осознать все, в чем он проиграл или когда-нибудь проиграет» (И. Ларин).

2.4) сильные – «по степени воздействия на ум и чувства людей» [Скаженик 2006] и значимости для обоснования авторской точки зрения (суждения о точно установленных фактах; свидетельства очевидцев; документы; заключения экспертов; цитаты из публичных заявлений, книг, признанных авторитетов («Слово – как маленький посланец, который знает, что он делает и как именно он это делает. Мы выражаем в слове интеллект, присущий нам, и, подкрепленное неизмеримо большим интеллектом Универсального Разума, слово становится законом осуществления того, что мы говорим. Христос понимал это намного лучше нас. В самом деле, он абсолютно верил в это, поскольку сказал: *«Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут»*. Поэтому наше слово неотделимо от Абсолютного Разума» (И. Добротворский)) *// **слабые*** – умозаключения, основанные на разрозненных фактах; уловки и суждения, построенные на алогизмах; доводы личного характера; догадки, предположения; ссылки на неизвестного аудитории автора, представляемого оратором авторитетным источником; отсутствие точности, фактографичности («Автор этой книги однажды принимал *шестидесятилетнего мужчину*, одного из тех, кто считает шансы на успех потерянными, и, обучая его в течение года принципам этой книги, превратил его *в преуспевающего бизнесмена*. Теперь у него все в порядке, и никогда прежде он не был так счастлив. Во время последней беседы он сказал, что бизнес

расширяется с каждым днем, так что он еще только начинает. Каждый день, стоя в своем магазине, он провозглашает мысленно, что торговля пойдет еще активнее. Он обращает эти слова к Духу и постоянно реализует их на деле» (И. Добротворский).

В рамках инвентивно-диспозитивного каркаса аргументы линейно выстраиваются в цепочки, которые по логике развертывания в тексте делятся на ***восходящие*** («Во-первых, в стоимость успеха входит *цена непосредственная*: то время и силы, которые ты тратишь прямым образом. И чем выше ты ставишь планку, тем выше эта цена. Во-вторых, *в накладные расходы жизненного успеха* входят *потери других жизненных возможностей*. Всякая медаль имеет оборотную сторону, и, выбирая что-то, вы отказываетесь от другого. Выбирая один путь, вы зачеркиваете все остальное: все и навсегда. В-третьих, за крупные жизненные успехи приходится *платить серьезными личностными изменениями: вы становитесь другим и теряете себя прежнего*» (Н. Козлов) // ***нисходящие***. «Дискурсу успеха» свойственен амплифицирующий (от лат. amplificatio – «расширение») принцип построения аргументации: ее последовательное наращивание, в результате которого все сомнения читателя рассеиваются, а автор воспринимается как все более компетентная личность.

На уровне **диспозитивных характеристик** «ментального пространства личностной эффективности» нами проанализированы свойственные психолого-прагматическому дискурсу различные виды ***вступления:***

– ***«естественное»***, создающее деловую атмосферу (сообщение причины / цели выступления; обоснование темы; постановка проблемы; указание на единомышленников; исторический обзор; ироническое замечание или шутка в связи с содержанием речи; проблемный вопрос). Например: «Почему я перед вами, дорогой читатель, раскрываю свою душу? Почему я сегодня взялся за эту книгу, понимая, что мне придется ворошить старую боль, старые воспоминания и переживать их заново. Только с одной целью – показать вам, дорогой читатель, что у вас тоже есть шанс добиться успеха. Даже если вы, на ваш взгляд, находитесь на самом дне социальной лестницы, больны, одиноки, бедны и заброшены,

поверьте, все равно у вас есть шанс добиться успеха, богатства, счастья и здоровья!» (В. Довгань);

– ***«искусственное»***, способное привлечь внимание, заинтересовать реципиента (притча, легенда, сказка; афоризм; аналогия; ироническое замечание или шутка вне связи с содержанием речи; вопросы философского или оценочного характера, имеющие к теме косвенное отношение; общественная или моральная оценка обсуждаемого события; оценка аудитории). Например: «*Для начала предлагаем вам маленькую притчу!* В раю проходит экскурсия для обычных людей и бизнесменов. Гид проводит инструктаж: – А сейчас мы как можно тише пройдем и заглянем во многие двери. / – Почему тихо? / – За каждой дверью сидят представители разных конфессий, и каждый из них думает, что он в мире один» (М. Норбеков);

– ***«внезапное»***, с установкой неожиданность, разрушающую сложившееся представление о том, каким должно быть вступление. Например: «**КОНЕЦ**. Пожалуй, это необычный способ начинать книгу, но ведь и сама книга тоже «необычная». Она написана про вас, про вашу семью, ваше будущее и про то, как вы можете больше получить от жизни и людей, больше давая каждому из окружающих. Мы убеждены, что это – действительно «конец» или, по крайней мере, начало конца негативного мышления, негативных действий и негативных реакций; конец пораженчества и уныния; конец согласию на меньшее, чем вы заслуживаете иметь и способны получить; конец пребывания под влиянием мелких людишек с мелкими умишками, которые обдумывают мелкие мыслишки про разные тривиальные пустяки, являющиеся уделом и промыслом господина Посредственного и госпожи Заурядности. Короче говоря, для вас эта книга станет концом наиболее смертоносной болезни в мире, которая называется «гнилая психологическая установка». Добро пожаловать в книгу, которая сделает вашу жизнь богаче и насыщеннее» (З. Зиглар).

Результаты анализа иллюстрируют разные типы ***заключения*** (подведение итогов, заострение проблемы, повторение основных этапов развития темы, демонстрация путей выхода из проблемы, выдвижение конкретного предложения, высказывание пожелания

аудитории), в которых используются различные средства выразительности (цитаты, сравнения, парадоксы, лозунги, призывы), позволяющие усилить воздействующую силу речи. Например: «Великие уроки карьеры Джека Уэлча не должны быть забыты: меняйся, пока все идет хорошо. Меняйся сейчас, чтобы победить конкурентов в будущем. Если будешь медлить, тебя вынудят измениться» (С. Крейнер).

В ходе анализа выявлены следующие «сильные позиции» диспозитивной организации «дискурса успеха», маркированные:

– особым ***положением в тексте: заглавие*** (О. Мандино «Величайший успех в мире»; Н.В. Пил «Живите всегда полноценной жизнью»; **Дж. Максвелл «**Путешествие от успеха к успеху»; Р.А. Трунин «От мечты до успеха»; И. Ларин «Формула успеха: Практическое пособие по искусству жить на земле»); ***подзаголовок***, как правило, содержащий императив: «*Проснитесь!* Вы должны знать, что происходит вокруг вас! Вы должны понять это!» (К.М. Бристол, Г. Шерман); ***эпиграф:*** «Если и существует секрет жизненного успеха, то он сводится к одному: к умению поставить себя на место другого. Генри Форд» (Н. Козлов); ***посвящение:*** «Эта книга посвящается человеку, которым я восхищаюсь. Другу, чьи объятия согревали меня, Учителю, чья мудрость направляла меня, Вдохновителю, чьи слова поднимали мой дух, Лидеру, за которым я так люблю следовать... Моему отцу Мелвину Максвеллу» (Дж. Максвелл);

– ***графическими приемами*** привлечения внимания, акцентирующими смысл: ***прописные буквы:*** «Ваш истинный союзник тот, кто ДЕЙСТВИТЕЛЬНО изменяет собственную жизнь и реализует свои мечты» (Дж. Витале), ***разные шрифты***, в том числе сочетающиеся в одном контексте: «*Чтобы диалог легко читался, мы решили оформить книгу специальным образом. В ней используются два разных шрифта – для текста* ***М.С. Норбекова такой:*** абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя; *и для текста* ***Г.В. Волкова такой:*** абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя. *Авторство читаемого фрагмента вы сможете установить по разному написанию шрифтов, а также по различному «звучанию» текстов)*» (М. Норбеков, Г. Волков); ***цветовые решения***

слоганов на обложке: «Великими не рождаются – великими становятся!», «Хотите воплотить в жизнь свои самые смелые мечты? ЭТА КНИГА ДЛЯ ВАС!», «ЧЕЛОВЕК – СУДЬБА – БОГАТСТВО, или Уникальный метод личного благополучия» (С.Н. Попов).

Ментальное пространство личностной эффективности диспозитивно организует и особым образом маркирует символика числа. ***Нумерологический компонент***, оказывающий психологическое воздействие на реципиента, содержат:

– названия книг (Р. Гейдж «7 духовных законов вашего процветания», «37 секретов вашего процветания», «101 ключ к вашему процветанию»; С. Александер «10 минут магических заклинаний: привлечение любви, удачи и денег мгновенно»; Дж. Витале «Фактор притяжения: пять шагов к финансовому (и не только) благополучию», С. Крейнер «Бизнес-путь: Дж.Уэлч. «10 секретов величайшего в мире короля менеджмента», Дж. Максвелл, Л. Пэррот «25 способов завоевать расположение людей», Э. Роббинс «Советы друга: 11 уроков по достижению успеха», Б. Трейси «100 абсолютных законов успеха в бизнесе», «21 секрет успеха миллионеров», Д. Чопра «Семь Духовных Законов Успеха», Р. Шарма «Супер-Жизнь! 30-дневное путешествие к настоящей жизни» А.В. Курпатов «5 великих тайн мужчины и женщины», «27 верных способов получить то, что хочется»; Н.И. Козлов «17 мгновений успеха: стратегии лидерства»; Л. Мусса «3000 способов не препятствовать удаче, или Кладовка Лисси Муссы» и др.);

– различные ***типы контекстов***: ***описания магических ритуалов:*** «Используйте *девять* кристаллов для исполнения *девяти* желаний» (С. Александер); ***перечисления этапов достижения успеха*** (например, семь этапов формирования установки на процветание в книге Р. Гейдж «Почему вы глупы, больны и бедны... И как стать умным, здоровым и богатым!»); ***указания на возможные качественно-количественные изменения:*** «Человек, который познал сам себя, становится *вдвое больше, втрое красивее, вчетверо желаннее, впятеро умнее, вшестеро интереснее, всемеро удачливее, ввосьмеро счастливее, вдевятеро любимее и вдесятеро богаче!*» (А. Альпеншталь); ***инструкции медитативных практик:*** «Начните обратный отсчет с *50* на каждый

выдох. <...> Начинайте с *пятидесяти*, и пока доберетесь до *одного*, вы будете глубоко в Альфе» (А. Альпеншталь).

Числовые показатели служат в «дискурсе успеха» специальными приемами риторического выдвижения. Предпочтение отдается числам, ассоциирующимся с гармонией: целым или оканчивающимся на пять (3000; 100; 30; 25; 10), обладающим эмоционально-коннотативным ореолом (3; 7; 9). Однако активно применяются и числа, «диссонирующие» с указанными (11; 21; 101; 37; 27) и, тем самым, привлекающие внимание читателя.

К элементам диспозиции, несущим дополнительную смысловую нагрузку, относятся также ***прецедентные феномены:***

– ***прецедентные высказывания,*** апеллирующие к авторитетному мнению и усиливающие степень воздействия на реципиента (известные библейские изречения, комментируемые в аспекте достижения успеха; афоризмы с позитивной оценкой активной самореализации): «Для молитвы большое значение имеет вера; эту аксиому в той или иной форме слышали мы все. Достаточно вспомнить великие слова Иисуса: «*по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно...*». Но большинство людей забывает о второй половине Его высказывания: «*и ничего не будет невозможного для вас*»*. (* См.: Мат. 17 : 20. – *Прим. перев.*)» (Дж. Витале); «Я отыскал латинскую фразу XVI столетия, имеющую отношение к проблеме постановки цели, – «*Aude aliquid dignum*». Вот ее перевод: «Рискните взяться за что-нибудь стоящее». О, в этой фразе есть все, что нам нужно!» (Дж. Витале); «*Лучше всего достичь успеха там, где вы находитесь, и теми средствами, которыми располагаете. Чарльз Шваб*» (Д. Аллен); «А Вы в своем стремлении к Богатству познали сами себя? Кто Вы есть – тварь *дрожащая или право имеете*?!» (А. Альпеншталь);

– ***прецедентные имена, ситуации, тексты***, хорошо известные массовому российскому читателю: «Можете ли вы представить, как чувствовал себя *граф Монте-Кристо*, когда ему, наконец, удалось убежать из своей тюрьмы? Именно так чувствовал себя и я, выбравшись из никотиновой ловушки. Именно так чувствуют себя миллионы бывших курильщиков, использовавших мой

способ. ИМЕННО ТАК БУДЕТЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ И ВЫ к концу чтения этой книги! СТРЕМИТЕСЬ К ЭТОЙ ЦЕЛИ!» (А. Карр); «Вас ожидает *Госпожа Удача*» (И. Крискунова); «Если начнешь с того, чего не хватает, то уподобишься *старухе у разбитого корыта*, которая осталась недовольна даже тогда, когда стала царицею» (М. Литвак).

В рамках **элокутивных характеристик** ментального пространства личностной эффективности в главе проанализированы примеры использования в «дискурсе успеха» ***метабол*** разных типов (на основе представлений о риторических элементах, выделенных в рамках Льежской школы неориторики [Дюбуа и др. 2006]), придающих речи убедительность за счет самой речевой формы:

1. ***Металогизмы: антитеза:*** «Представьте, дорогой читатель, что некто всесильный предложил вам провести жизнь в двух разных компаниях. Одна – сборище жутких, грязных, холодных, склизких, вонючих существ, негодяев и уродов. И с ними вам предстоит каждый день засыпать и просыпаться, завтракать и обедать, отдыхать и работать. Прожить всю свою жизнь. Будьте знакомы, их называют Разочарование и Болезнь, Боль и Страх, Нищета и Бедность, Катастрофа и Смерть. В другой компании – те, кого я люблю. Это добрые, красивые, светлые ангелы. Смотрите, какие красивые у них имена! Любовь, Богатство, Счастье, Гордость, Смелость, Дружба, Долголетие… И каждый несет людям свет, добро, радость, каждый дарит здоровье, силу, счастье, любовь. Уроды или ангелы – это наши мысли. Так с кем вы? Выбор за вами! Со злобными тварями или со светлыми ангелами? С дьяволом или с Богом? Что вы выбираете? Ад или рай?» (В. Довгань); ***парадокс:*** «*Успех на вашу голову и как его избежать*» (М. Норбеков, Г. Волков); ***антиметабола:*** «*Люди хотят изменить свои жизни, но они не желают изменений в своей жизни*» (В.М. Роаци).

2. ***Метасемемы: метафора:*** «Попробуйте нижеследующий рецепт, и я гарантирую, что вам удастся *испечь счастливый брак*. Вам потребуется: *1 стакан любви 5 ложек надежды / 2 стакана лояльности 2 ложки нежности / 3 стакана умения прощать 4 литра веры / 1 стакан дружбы 1 бочка смеха. Возьмите*

любовь и лояльность, тщательно смешайте их с верой. Затем соедините полученную смесь с нежностью, добротой и пониманием. Добавьте дружбу и надежду. Обильно полейте смехом. Испеките все это на жарком солнечном сиянии. Ежедневно подавайте всей семье щедрые порции» (З. Зиглар); ***метонимия:*** «Один из академических трудов этого дуэта всех времен и народов называется «Капитал». На протяжении 73 лет народ одного известного всем государства пытался воплотить их теорию на практике. Сотни миллионов людей пострадали, но все равно ничего не вышло! А сколько таких *карлов, марксов, фридрихов и энгельсов* перед вами на книжной полке находится?.. И каждый день выстраиваются все новые и новые... Мораль ясна?» (М. Норбеков, Г. Волков); ***синекдоха:*** «Посмотрим, на ком держится история. *Целая эпоха рухнет*, если убрать одного такого *«маленького» человека* с круглой головой, одним носом и двумя дырками в нем. Точь-в-точь, как у вас» (М. Норбеков); ***ирония:*** «Представьте, что вы идете по улице. И вдруг видите идущую навстречу давнюю подругу. А рядом с ней… Рядом с ней вы видите нечто ужасное. Лицо! Рот!! Глаза!!! А уши какие! Нет, вы на уши поглядите! А нос!! Это же не нос. Это лошадиная оглобля! Кошмар какой! Ну просто смотреть жутко. *Просто Квазимодо в первозданном своем виде! Нет, даже хуже Квазимодо! Тот хоть французское гражданство имел, в центре Парижа жил. А этот натуральной местной выпечки. Причем, судя по внешнему облику, сильно бракованной выпечки. Где то ли в рецепте что-то перепутали, то ли пекарь был пьян*» (А. Ильичев); ***гипербола:*** «Вы созданы для величия и успеха. *Вы в состоянии достигнуть любой цели, какую только вы пожелаете перед собой поставить*» (Б. Трейси); ***мейозис:*** «Думая об истории, вы невольно думаете о гигантах, о великих личностях, в сравнении с которыми *Эверест – горка в детской песочнице*» (М. Норбеков); ***сравнение***: «*Фэн Шуй работает как световой луч*, который позволяет вам увидеть перспективу в своей жизни и избавиться от тьмы незнания и бедности» (Н. Правдина); ***эпитет***: «Куда бы Вы ни пришли, и, чем бы ни занялись, Вам сопутствует *тотальный, всепоглощающий* Успех» (А. Альпеншталь).

3. ***Метатаксис: повтор:*** «Начните улыбаться и делайте это всегда. Когда бы вы ни встречались с людьми УЛЫБАЙТЕСЬ! УЛЫБАЙТЕСЬ! УЛЫБАЙТЕСЬ! Улыбайтесь всем и каждому. Улыбайтесь своим родным, друзьям и коллегам. Улыбайтесь нахмуренным людям. Улыбайтесь в транспорте. Улыбайтесь в лифте, в магазине, в банке, на улице. Улыбайтесь сторожу, официантке, банковскому служащему» (И. Добротворский); ***эпимона*** – недифференцированное название различных фигур речи, состоящих в повторении одного и того же слова или словосочетания с небольшими вариациями: «Чтобы быть счастливым, нужно *иметь цель*. / Чтобы *иметь цель*, необходимо иметь *личные ценности*. / Ваши *ценности* формируют соответствующую *жизненную философию*. / Ваша *философия* претворяется в *жизнь* только если вы *живете* соответственно принципам, которые поддерживают эту *философию*» (Р. Гейдж); ***анафора:*** «*Чем выше вы поднимаетесь, тем* больше времени уходит на подъем / *Чем выше вы поднимаетесь, тем* выше уровень обязательств / *Чем выше вы поднимаетесь, тем* легче вести людей за собой / *Чем выше вы поднимаетесь, тем* больше рост (Дж. Максвелл); ***синтаксический параллелизм:*** «*Рискните взяться за что-нибудь стоящее – и вы высвободите* заключенную в вас энергию! *Рискните взяться за что-нибудь стоящее – и вы услышите* пение собственного сердца! *Рискните взяться за что-нибудь стоящее*. Сегодня же!» (Дж. Витале); ***парцелляция:*** «Но цель «взяться за что-нибудь стоящее» – более высокого порядка. Для вас это может быть возможность достичь гармонии в жизни. *Или побить все известные рекорды в вашей сфере бизнеса. Или осуществить мечту, которая окажет влияние на всю планету*» (Дж. Витале); ***градация (климакс):*** «Заставьте <…> *волю к победе, эту веру, это убеждение работать на вас каждую минуту – 24 часа в сутки – 365 дней в году*. И я обещаю вам, что, если вы поступите так, вы совершите молниеносный рывок вперед, оставив далеко позади остальных людей!» (К.М. Бристол, Г. Шерман); ***эллипсис:*** «Скорее! *Все – за мной*! Пользуетесь моими советами» (З. Зиглар); ***риторическое восклицание:*** «Не надо постоянно со всем и каждым соглашаться! Не нужно все и всех отрицать! Не становись попутчиком! Будь самим

собой! Только так можно добиться успеха!» (И. Добротворский); ***риторический вопрос и вопросно-ответный ход:*** «Как же остановить эту порочную круговерть? Как научиться выстраивать добрые отношения? Что делать, чтобы тебя уважали?» (И. Ларин, М. Беловодская); «Что вы хотите получить» Любовь? Богатство? Процветание? Великолепное здоровье? Почему вы должны делать выбор? Вы обладаете полным правом на все радости жизни. На все, без исключения» (Д. Уэбб). Тропы и фигуры как эксплицируемые «речевые жесты» (В.Н. Топоров) облекают смысловую специфику ментального пространства личностной эффективности на элокутивном уровне в разветвленную систему изобразительных и выразительных средств.

Обращение к структурным компонентам языковой личности позволяет выделить в психолого-прагматическом дискурсе определенную векторность общей коммуникативной стратегии целенаправленного речевого воздействия.

Вербально-семантический уровень структуры языковой личности как эксплицированный срез объективации взаимодействий продуцента и реципиента дискурса в системе коммуникативного круга «референт – адресант – язык – речь – адресат – референт» регулирует сферу языковых операций (в случае переводных американских текстов речь идет о специфических, «двусторонних» языковых операциях переводчика). Их особенности в проанализированных текстах демонстрируют лингвистические приемы формирования ЛР конструкта «дискурса успеха» как особого ментального пространства.

Фонетические операции конструирования «дискурса успеха» заключаются в звуковых повторах, аллитерациях и ассонансах, которые, акцентируя внимание реципиента на определенных словах и словосочетаниях, делают их запоминающимися: *«**С**ориться или **с**порить», «Му**ж** не подру**ж**ка», «Я лю**б**лю лю**д**ей и лю**д**и лю**б**ят меня»* (Б. Ньюмен). *«Зажигайте как **м**ожно ярче свой **м**аяк, свою **м**ечту»* (В. Довгань).

Лексические операции направлены на некоторое «языковое сближение» продуцента с реципиентом. В силу этого на лексическом уровне преобладает ***разговорно-просторечная лексика:*** «Так

называемая *Банда Трёх* (Сократ, Платон и Аристотель) в своё время выдвинула суждение о том, что “чистого знания” вполне достаточно и что, коль есть знание, за ним последует всё остальное» (И. Вагин). «Итак, найден первый минус – мелкое *тявканье* конкурентов. *Наплевать!* Идем дальше» (В. Довгань). Достаточно активно используется также ***терминология практической психологии*** («...более адекватное *самоутверждающее поведение* вызывает *позитивную реакцию окружающих*; эта *позитивная реакция* ведет к лучшему *самовосприятию*; и *улучшенное самовосприятие* ведет *к дальнейшему самоутверждению»* (Р.Е. Альберти, М.Л. Эммонс). Наблюдается обилие единиц лексико-семантического поля ***дорога / путь,*** упоминаний смежных явлений, указывающих на поступательное (или стремительное) ***движение вверх («ступени», «лестница»)***. Особенно показательны заголовки изданий: **Дж. Максвелл «**Как превратить неудачи в *ступени к успеху*»; Б. Ньюмен «Как избежать *окольных дорог на пути к успеху*»; Н.В. Пил «*Путь к уверенной жизни*»; Д. Деарлав «*Бизнес-путь*: Билл Гейтс. 10 секретов самого богатого в мире бизнес-лидера»; З. Зиглар До Встречи *на Вершине*»; **Дж. Максвелл «***Путешествие от успеха к успеху*»; Н. Хилл «Законы успеха. Волшебная *лестница к процветанию*»; Р. Шарма «Супер-Жизнь! 30-дневное *путешествие* к настоящей жизни»; В.В. Синельников «*Путь к богатству*. Как стать богатым, и счастливым». В названиях широко распространены лексемы ***«секрет», «ключ», «формула», «закон»*** в сочетании с числовыми показателями: Б. Трейси 21 *секрет* успеха миллионеров»; Р. Гейдж «101 *ключ* к вашему процветанию»; Б. Трейси «100 абсолютных *законов* успеха в бизнесе»; И. Ларин «*Формула* успеха: Практическое пособие по искусству жить на земле» и др.).

Морфологические операции отражают тенденцию к упрощению в сочетании с активизацией душевного потенциала реципиента и моделированием его поведения. В связи с этим на первый план выходят *глаголы обыденного содержания со значением результативного действия (похудеть, заработать, получить, найти и т.д.)*. При этом *категория наклонения*, реализуемая в форме повелительного наклонения как непосредственного побуждения

к действию, является одним из основных средств воздействия на читателя: «*Перестаньте обвинять* других. Будьте решительным» (Б. Ньюмен). «*Не сдавайтесь. Побеждайте. Не позволяйте* неприятностям остановить вас» (Дж. Манган). «*Отдайте* себя себе, а не кому-то еще» (Н. Правдина).

Синтаксические операции обеспечивают упрощение и типизацию структур, например: «То, что мы *думаем*, определяет то, во что мы *верим*. То, во что мы *верим*, влияет на то что мы *выбираем*. То, что мы *выбираем*, определяет то, что мы *имеем*» (И. Добротворский).

Лингвокогнитивный уровень структуры языковой личности как центральная область коммуникативных взаимодействий выступает в роли гармонизирующего опосредованное общение автора и читателя начала (ср.: Н.С. Болотнова), связывая воедино концепт «Успех» с близкими ему понятийными сферами, представленными рядом концептов: «Счастье», «Богатство», «Любовь», «Красота», «Здоровье», «Благополучие». Это достигается инвентивной разноплановостью популярных книжных серий, которые учат читателя, в соответствии с философией прагматизма, целенаправленно добиваться своих целей во всевозможных областях жизнедеятельности: в карьере, в профессии, в семье, в любовных делах, в борьбе с вредными привычками и т.д. ***«Успех»:*** «*Успех* – это ответ на призыв *меняться, расти, развиваться и становиться* – на призыв *продвинуться на лучшее место*, чтобы *получить более выигрышную позицию*. Но прежде всего ***успех*** **– это способность сделать Вашу жизнь такой, какой Вы сами хотите, чтобы она была.** <…> Помните, *успех* – это вовсе *не набор стандартов*, заимствованных из нашей культуры, а скорее коллекционное *собрание* четко определенных и окончательно достигнутых *личных ценностей*. **Сделать свою жизнь такой, какой Вы сами хотите, чтобы она была – в этом состоит *успех*»** (Дж. Рон); ***«Счастье»:*** «<…> не отказывайтесь от денег, которыми можно прикормить ваше *счастье*» (А. Ильичев); ***«Богатство»:*** «*Отдавая Вселенной* настоящие жизненные ценности, вы таким образом приобретаете *богатство*» (Р. Гейдж); ***«Любовь»:*** «*Любите* всего себя так, *как* любит вас *ваша мама* (то есть, *безусловно*, просто

за то, что вы есть)» (Н. Правдина); ***«Красота»:*** «Путь к *красоте* и здоровью начинается *с любви к себе*, а еще точнее – с выражения *любви к* своему единственному и неповторимому *телу*» (Н. Правдина); ***«Здоровье»:*** «ЖИВЯ С РАДОСТЬЮ, вы станете свободным и энергичным. Это может даже *улучшить* ваше *здоровье* и стимулировать ваш энтузиазм» (Н.В. Пил); ***«Благополучие»:*** «*Благополучие* есть *состояние разума*» (Дж. Мэрфи).

Мотивационный уровень структуры языковой личности как глубинно-психологический ярус взаимодействий продуцента с реципиентом способствует запуску и реализации всех механизмов самопроектирования в русле повышения успешности. В аспекте прагматикона корпус текстов дифференцируется с позиции ***«фактор адресата»***: *для широкого круга читателей* (рекомендации по обогащению всех сторон жизни); *для женщин* (рецепты завоевания сердца и кошелька мужчины); *для предпринимателей* (секреты развитие собственного бизнеса). Разнообразные ***типы контекстов-инструкций*** с предлагаемыми реципиенту способами привлечения успеха классифицированы таким образом:

1) «магические» – наделение предметов, веществ, событий таинственными (сакральными) свойствами, притягивающими успех; инструкции по совершению ритуалов. Пример из кн. «*10 минут* магических заклинаний: привлечение любви, удачи и денег *мгновенно*» (отмечен контекстуальный оксюморон, очевидно, невольный – от стремления привлечь читателя): «Пальцем либо какимнибудь другим предметом *напишите пожелание удачи* (например, «Желаю успеха, удачи») *на оранжевой свече*. *Обмажьте* ее *эфирным маслом* сладкого апельсина, бергамота, кедра или сандалового дерева, затем зажгите. Пусть она горит *десять минут*» (С. Александер). Особое внимание уделяется строгости соблюдения ритуала, а именно: качественным характеристикам предметов, используемых в магических целях; последовательности ритуальных действий; временным параметрам; периодичности воспроизведения ритуала;

2) «программирующие» – описание техник самовнушения; детализация и закрепление мыслительных ходов и психических реакций как способов самопрограммирования, носящих суггестивный

характер и стимулирующих систему практических действий по достижению успеха: ***2.1) создание особого душевного настроя*** путем установки на прощение слабостей себе и другим; на достижение гармонии с собой, окружающими, миром, Вселенной; на обретении уверенности в своих силах – что в совокупности притягивает удачу и успех. Пример из кн. «Утраченное руководство к жизни: Наставления, которые вы должны были получить при рождении»: «Когда я подружился со *Вселенной*, она ответила мне *взаимностью*, обеспечив *достаток*. ... И затем, прощая, я натолкнулся на *самый большой дар*. Я *простил себя*! Я, привыкший быть себе врагом, узнал, что могу *любить себя и прощать* свое несовершенство. Теперь жизнь доставляет мне *удовольствие*, ведь тот, чье отражение я вижу в зеркале, – *мой друг*» (Дж. Витале); ***2.2) медитативные комплексы***: ***2.2.1) формулы аутотренинга:*** «Скажите себе: «*Каждый день я буду совершенствоваться* и в конце концов избавлюсь от своих недостатков. *Каждый день я смогу лучше контролировать* свои мысли и эмоции...» (К.М. Бристол, Г. Шерман); ***2.2.2) молитвы:*** «У меня есть для вас напутственный подарок – простая молитва, которую я создал для своей книги «Исцеленный утром». Надеюсь, она вам поможет. *Господь Бог, Ты – мой Создатель. Я люблю Тебя. Я – часть Тебя и не могу потерпеть неудачу, потому что Ты не можешь ее потерпеть...*» (Дж. Витале); ***2.2.3) аффирмации:*** «*Произносите вслух, занимаясь вашими повседневными делами: «Я добьюсь! Я добьюсь! Я добьюсь! Я добьюсь!»* Сделайте эту мысль частью вашего сознания, укрепите решимость настолько, чтобы ничто не смогло ее поколебать» (К.М. Бристол, Г. Шерман); ***2.2.4) мыслеобразы:*** «*Образ банкноты*. Возьмите в руки крупную денежную купюру. Внимательно рассмотрите ее с одной стороны, потом переверните, рассмотрите с другой стороны. А потом мысленно воспроизведите по памяти и одну, и другую сторону банкноты. Пусть ваше подсознание усвоит образ крупной денежной купюры. Пусть оно привыкнет к нему, пусть ваше подсознание будет ориентировано на деньги» (И. Вагин).

На уровне прагматикона «дискурс успеха» репрезентирует интенциональный спектр убежденности в безграничных возможно-

стях человека, освоившего разнообразные техники самовнушения, в основе которых – устойчивое ощущение позитивного результата как уже существующего; эта убежденность внедряется в языковое сознание реципиента особенностями ЛР организации психолого-прагматического дискурса. Ментальное пространство личностной эффективности базируется на дискурсивных доминантах: большое желание добиться успеха; ясная конечная цель и план конкретных действий; благодарное отношение к миру; непоколебимая вера в свою уникальность и поддержку высших сил.

По результатам исследования охарактеризован с онтогносеологических и аксио-праксеологических позиций общечеловеческий *инвариант ЛР конструкта* обоих пластов «дискурса успеха» – переводного американского и российского: общность текстовых тактик (инвентивной, диспозитивной, элокутивной) коррелирует с общностью **коммуникативной стратегии**, которая квалифицирована нами как **«гармонизирующее воздействие проективно-мировоззренческого и стимулирующего характера».** Несмотря на принадлежность продуцентов к своего рода «лингвокультурам-антиподам», этнокультурная специфика отечественного психолого-прагматического дискурса представлена лишь отдельными элементами. Отмечена попытка эксплицитного позиционирования самостоятельности российского «дискурса успеха» *(«Автор, подобно знаменитому Наполеону Хиллу, обучает личному успеху и процветанию,* ***но ориентируется на наш, российский менталитет, на нашу действительность, на непредсказуемую судьбу отечественного рынка»)*** в книгах «Думай и богатей ***по-русски***», «Думай и богатей ***по-русски-2***» С.Н. Попова – аллюзия на бестселлер Н. Хилла, дискурсивная антитеза установке идти на жертвы ради богатства, основанная на схеме «Успех = Судьба + Удача + Магия» («Возьмите *судьбу* в свои руки! Примите эту жизнь на 100%! Не смотрите на нее отрешенно, окунитесь в ее бурный поток, и *удача* не заставит Вас ждать!»). Опорой на обряды древних славян (ночь на Ивана Купалу) продиктованы подзаголовки книги С.Н. Попова «Как стать обеспеченной (практическая эзотерика)»: «Когда *любовь* приносит ***деньги***», «*Секс* – нерв и ритм ***обеспеченности***» «Какая *любовь* «отводит» ***деньги***, а какая «притягивает» и т.п.

В авторской трактовке взаимопроникают инвентивные сегменты «языческая любовная магия» и «восточный гороскоп»: деньги приходят именно благодаря соответствию сексуальных партнеров зодиакальным характеристикам: «*Воздушные знаки отводят удачу от водных и земных, водные – от огненных*. В эпоху перемен особенно важно, чтобы рядом находился *партнер*, отношения с которым ***позитивно влияют на финансовое положение*** семейной пары». Элементом своеобразия отечественного «дискурса успеха», дополняющего американский образец на восточно-транскультурной основе, служит и тематический блок «Фэн-Шуй – ключ к успеху», активно внедряемый в российский менталитет многочисленными текстами Н. Правдиной: «Моя практика показывает, что использование только *Фэн Шуй* или только *нового сознания* не дает таких прекрасных и быстрых результатов, как *сочетание этих двух видов знаний*. Это ***весьма ценное дополнение*** к классическому Фэн Шуй является ***моей собственной разработкой***». Созвучны исконному стремлению русского Емели получать блага жизни не упорным трудом, а волшебным путем апелляция автора к менталитету соотечественников и искренняя вера в реальность чуда: «Отличие данной книги в том, что *мне удалось наложить американский опыт на* ***наш отечественный менталитет.*** Я убеждена, что ***у нас, так любящих сказки и чудеса,*** есть все возможности для ***успешного претворения данной методики в жизнь***».

Широкое распространение в российском социуме в начале XXI в. «дискурса успеха» – не свойственного традиционной русской культуре, подражательного, «дискурса вторичного типа» – обусловлено тенденциями глобализации, трансформирующей традиционные этнокультурные ментальные пространства.

Выводы

Психолого-прагматический дискурс («дискурс успеха») определяется как научно-популярный дискурс личностно-развивающего характера, проективно-мировоззренческой направленности, объективирующий прагматическую ситуацию «Успех!» (достижение успеха как процесс и результат) и нацеленный на стимулирование в языковом сознании реципиента процессов самопроекти-

рования успешной личности. Психолого-прагматический дискурс репрезентирует *ментальное пространство личностной эффективности,* образуемое системой репрезентаций фактуального, образного и ценностного компонентов лингвокультурного концепта «Успех», раскрывающих все многообразие аспектов достижения жизненного успеха. Типология современного русскоязычного «дискурса успеха» включает два основных пласта, текстов-репрезентантов американских переводных и отечественных. Когнитивное содержание и эмотивная форма психолого-прагматического дискурса внедряют в языковое сознание реципиента, благодаря особенностям их ЛР организации, общий инвариант, а также определенную этнокультурную специфику американского и исконно русского менталитетов.

В инвариантной части ЛР модель психолого-прагматического дискурса характеризуют: широкий инвентивный репертуар (достижение успеха в различных областях – карьера, профессия, личная жизнь, здоровье, победа над вредными привычками и др.) и разнообразие доводов – к этосу, логосу, пафосу; четкость диспозитивных маркеров; метаболическая амплификация элокутивного слоя. В рамках общей стратегии проективно-мировоззренческого и стимулирующего воздействия (коммуникативная деятельность) на лингвокогнитивном уровне взаимодействий продуцента и реципиента в коммуникативном круге «референт – адресант – язык – речь – адресат – референт» взаимодействий общение продуцента и реципиента дискурса успеха гармонизируется в рамках комплекса близких к концепту «Успех» понятийных сфер – концептов «Счастье», «Богатство», «Любовь», «Красота», «Здоровье», «Благополучие». Последние репрезентируются на вербально-семантическом уровне (языковые операции), обеспечивая инвентивные, диспозитивные, элокутивные тактики (текстовые действия). На мотивационном уровне продуцента и реципиента доминирует интенциональный спектр убежденности в безграничных возможностях человека, воодушевленного идеей успеха и освоившего механизмы вербального самопрограммирования.

Инвариант ЛР конструкта «дискурса успеха» представляет собой комплексный жанр инструктивно-медитативного типа, вербали-

зующий психолого-прагматические способы формирования ментального пространства личностной эффективности (создание особого внутреннего настроя; медитативные комплексы: формулы аутотренинга, молитвы, аффирмации, мыслеобразы), которые носят суггестивный характер. Общая функция различных типов контекстов-инструкций: «магических» и «программирующих» – стимулировать пробуждение внутреннего потенциала читателя путем активизации процессов самопрограммирования для достижения успеха в разных жизненных областях. Систему дискурсивных доминант ментального пространства личностной эффективности образуют конкретизированные установки общего самонастроя на успех, стимулирующие деятельностно-коммуникативные потребности прагматикона реципиента с переходом в режим автокоммуникации.

Отечественный пласт русскоязычного психолого-прагматического дискурса объективно соотносится с переводным американским как подражательный, «дискурс вторичного типа», имеющий лишь отдельные элементы этнокультурного своеобразия: акцентирование инвентивных сегментов, отражающих логосные схемы русского менталитета (ср.: поступательное движение к цели, упорный труд, планирование // судьба, удача, счастливый случай), тематику славянских магических ритуалов и восточных заимствований (данные гороскопа, система Фэн-Шуй), гендерную специфику российского социума («удачное замужество», «личное счастье»); на диспозитивном уровне – отсутствие компонента «благодарность людям, оказавшим влияние»; наличие русских, общероссийских прецедентов как маркеров организации текстового пространства; разнообразие элокутивного слоя, более широкая сочетаемость лексемы «успех».

Перспективы исследования связаны с установлением типового адресата, «образцового реципиента» современного психолого-прагматического дискурса посредством психолингвистического эксперимента, учитывающего социальный, гендерный, возрастной показатели; с определением принципов восприятия разными типами реципиентов эксплицитной и имплицитной информации ценностно маркированного дискурса рекомендательного, инструктирующего характера, формирующего мировоззренческие аспекты жизненной позиции в современных условиях.

Литература

Барышков В. П. Аксиология личностного бытия / Под ред. В. Б. Устьянцева. – М.: Логос, 2005. – 192 с.

Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. – 312 с.

Варзонин Ю. Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики: Дис. ... докт. филол. наук. – Тверь, 2001. – 268 с.

Ворожбитова А. А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Поморского университета. – №1. – 2011. – С. 77 – 83.

Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Сочи: СГУТиКД, 2000. – 317 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

Голев Н. Д., Чернышова Т. В. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v85.html

Граус Ф. Ментальность в средневековье. История ментальностей и историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Академия, 1996. – 80 с.

Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 56 – 70.

Демьянков В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой / Отв. ред. Н. К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009 (Studia philologica). – С. 27 – 37.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.

Ивин А. А. Теория аргументации. – М.: Высшая школа, 2007. – 320 с.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сб. статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. “Я так хочу назвать кино”. Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. – М., 1996. – 256 с.

Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 4 – 38.

Нефедова Н. И. Социальные представления об успехе: Дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2004. – 186 с.

Нефедова Н. И. Эмпирическое исследование структуры социальных представлений об успехе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.volsu.ru/rus/structure/facult/philos/plg/art6.doc

Скаженик Е. Н. Деловое общение. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 278 с.

Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов / Отв. ред. Е. Н. Ширяев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320 с.

Список проанализированных текстов американских авторов

Александер С. 10 минут магических заклинаний: привлечение любви, удачи и денег мгновенно. – М.: Рипол Классик, 2006. – 255 с.

Аллен Д. Как привести дела в порядок: искусство продуктивности без стресса: Пер. с англ. – М.: И.Д. Вильямс, 2007. – 368 с.

Альберти Р. Е., Эммонс М. Л. Умейте постоять за себя. Ключ к самоутверждающему поведению. – М., 2003. – 28 с.

Аслетт Д. Как успевать жить и работать / Дон Аслетт, Кэрол Картаино; пер. с англ. И. Машковой. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 159 с. (Технология успеха).

Браун Г. Девичник. Мужчина и женщина от первого свидания до последнего звонка. – Ростов-на-Дону, 2005. – 252 с.

Браун Л. Имидж – путь к успеху. – СПб.: Питер, 2001. – 188 с.

Бристол К. М., Шерман Г. Сила внутри нас! Мн.: ООО «Попурри», 2003. (Серия «Успех!») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Витале Дж. Фактор притяжения: пять шагов к финансовому (и не только) благополучию / Пер. с англ. А. В. Гарбарук. – М.: Эксмо, 2007. – 288 с. (Бизнес-бестселлер).

Витале Дж. Утраченное руководство к жизни: Наставления, которые вы должны были получить при рождении» / Перев. с англ. В. Демьянова. – М.: София, 2006. – 192 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Гейдж Р. 7 духовных законов вашего процветания / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2007. – 96 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Гейдж Р. 37 секретов вашего процветания / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2007. – 48 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Гейдж Р. 101 ключ к вашему процветанию. – СПб.: ДИЛЯ, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Гейдж Р. Богатство рядом! Почему мы должны быть богатыми. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 90 с.

Гейдж Р. Почему вы глупы, больны и бедны... И как стать умным, здоровым и богатым! / Пер. с англ. – СПб.: ДИЛЯ, 2007. – 224 с.

Гейдж Р. Установка на благополучие. – СПб.: ДИЛЯ, 2004. – 96 с.

Гласс Л. Я читаю ваши мысли / Пер. с англ. Е.М. Пестеревой. – М.: АСТ: Ермак, 2003. – 251 с. (Библиотека практической психологии).

Дайер У. У. Сила намерения / Пер. с англ. П. А. Самсонов. – Мн.: Попурри, 2006. – 320 с.

Деарлав Д. Бизнес-путь: Билл Гейтс. 10 секретов самого богатого в мире бизнес-лидера. – СПб.: Крылов, 2003. – 208 с.

Зиглар З. До Встречи на Вершине. – Мн.: ООО «Попурри», 2002. – 544 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Карр А. Легкий способ бросить курить. – М.: Добрая книга, 2006. – 208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Карр А. Легкий способ бросить пить. – М.: Добрая книга, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Кийосаки Р. Т., Лечтер Ш. Л. Богатый папа, Бедный папа / Пер. с англ. Е. А. Мартинкевич; Худ. обл. М. В. Драко. – 3-е изд. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 272 с. (Серия «Успех!»).

Кийосаки Р. Т., Лечтер Ш. Л. Богатый ребенок, умный ребенок. – Мн.: ООО «Попурри», 2001. – 336 с. (Серия «Успех!»).

Кийосаки Р. Т., Лечтер Ш. Л. Квадрант денежного потока / Пер. с англ. Л. А. Бабук; Худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 336 с. (Серия «Успех!»).

Крейнер С. Бизнес-путь: Джек Уэлч. 10 секретов величайшего в мире короля менеджмента. – СПб.: Изд-во «Крылов», 2004. – 192 с.

Кэнфилд Д., Свитцер Ж. Думать и богатеть! Правила успеха / Пер. с англ. М. Котельниковой. – М.: Эксмо, 2005. – 560 с.

Кэнфилд Дж., Хансен М. В. Осмельтесь преуспеть. – Мн.: ООО «Попурри», 2006. – 288 с.

Максвелл Дж. Воспитай в себе лидера. – Мн.: ООО «Попурри», 2006. – 400 с.

Максвелл Дж. Как мыслят преуспевающие люди, или мыслите, чтобы измениться. – Мн.: ООО «Попурри», 2006. – 194 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Максвелл Дж. Как превратить неудачи в ступени к успеху. – М.: Эксмо, 2003. – 50 с. (Серия «Успех!»).

Максвелл Дж. Путешествие от успеха к успеху / Пер. с англ. В. М. Баженов. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 288 с. (Серия «Успех!»).

Максвелл Дж., Пэррот Л. 25 способов завоевать расположение людей / Пер. с англ. С. Э. Борич. – Мн.: ООО «Попурри», 2007. – 240 с.

Манган Дж. Живите без проблем: секрет легкой жизни. – М., 2001.: Покупки на дом. – 152 с.

Мандино О. Величайший успех в мире / Пер с англ. М. И. Гавриловой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 192 с.

Мандино О. Миссия: Успех! / Пер. с англ. А. Озерова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 224 с.

Мандино О. Секреты успеха и счастья / Пер. с англ. А. Г. Скоморохова; Худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2007. – 288 с. (Серия «Успех!»).

Мэрфи Дж. Как привлекать деньги / Пер. с англ. Т. И. Василинчик. – Мн.: ООО «Попурри», 2007. – 96 с.

Мэрфи Дж. Чудеса законов разума / Пер. с англ. И. В. Гродель. – Мн.: ООО «Попурри», 2006. – 272 с.

Ньюмен Б. Как избежать окольных дорог на пути к успеху / Пер. с англ. В. М. Баженов; Худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 112 с. (Серия «Успех!»).

Ньюмен Б. Парите вместе с орлами / Пер. с англ. Е. Г. Гендель; Худ. обл. М. В. Драко. 2-е изд. – Мн.: ООО «Попурри», 2002. – 112 с. (Серия «Успех!»).

Пил Н. В. Живите всегда полноценной жизнью / Пер. с англ. Л. А. Бабук; Худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: Попурри, 2004. – 320 с. (Серия «Успех!»).

Пил Н. В. Путь к уверенной жизни. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 224 с.

Ричардсон Ч. 51 способ сделать карьеру. Как добиться хорошей зарплаты и повышения. – М., 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Роаци В. М. Установка на успех. Как стать богатым честным путем. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Роббинс Э. Разбуди в себе исполина. – Мн.: ООО «Попурри», 2008. – 720 с. (Серия «Карнеги XXI века»).

Роббинс Э. Советы друга: 11 уроков по достижению успеха / Пер. с англ. Л. А. Бабук. – Мн.: ООО «Попурри», 2007. – 112 с.

Роббинс Э. Удача и успех – ежедневно / Пер. с англ. Л. А. Бабук. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 240 с.

Рон Дж. 7 стратегий достижения богатства и счастья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Скот С. Записная книжка миллионера. – Мн.: ООО «Попурри», 2005. – 352 с. (Серия «Успех!»).

Трейси Б. 100 абсолютных законов успеха в бизнесе / Пер. с англ. П. А. Самсонов. – Мн.: ООО «Попурри», 2001. – 256 с. (Серия «Успех!»).

Трейси Б. 21 секрет успеха миллионеров / Пер. с англ. К. Смирнова. – М.: Колибри, 2001. – 52 с.

Трейси Б. Достижение цели. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 304 с. (Серия «Успех!»).

Трейси Б. Измени свое сознание – изменится твоя жизнь / Пер. с англ. Пашутин Н.А. – Мн.: Глобус, 2004. – 236 с.

Уэбб Д. Как добиться успеха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.book.narod.ru/soder.htm

Феннел М. Как повысить самооценку. Серия «Сам себе психолог». – СПб., 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Фишер М. Игрок в гольф и миллионер. Техника чемпионства. – СПб., 2006. – 136 с.

Хилл Н. Думай и богатей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Хилл Н. Думай и богатей 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Хилл Н. Законы успеха. Волшебная лестница к процветанию. – М.: Хранитель, 2007. – 188 с.

Чопра Д. Семь Духовных Законов Успеха. – М.: Нобел, 2005. – 49 с. (Серия «София»).

Шарма Р. Путь к величию: Практическое руководство / Пер. с англ. – М.: Изд-во «София», 2007. – 288 с.

Шарма Р. Супер-Жизнь! 30-дневное путешествие к настоящей жизни. – М.: Нобел, 2003. – 89 с. (Серия «Успех!»).

Энел Ч. Мастер-Ключ исполнения желаний / Пер. с англ. – М.: София, 2007. – 256 с.

Список проанализированных текстов российских авторов

Альпеншталь А. Хочешь быть богатым? Будь БОГатым внутри! –М.: НТ Пресс, 2006. – 96 с. (Промывка мозгов для будущих миллионеров). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Вагин И. О. Выиграй у судьбы в рулетку. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с. (Серия «Сам себе психолог») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Вагин И. Заяц, стань тигром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Вагин И. Имейте Деньги. Психология Богатства. – СПб.: Питер, 2001б. – 224 с.

Вагин И. Умейте мыслить гениально! – СПб.: Питер, 2004. – 224 с. (Серия «Сам себе психолог») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Ветлицкая А. Оторва в большом городе. Приказано выжить! – СПб.: Невский проспект, 2005. – 80 с. (Серия «Будет по-моему!»).

Голубовская Л. Деньги – от Бога. – 2-е изд. – М.: Амрита-Русь, 2006. – 128 с.

Гущина Л. Как избежать окольных дорог на пути к Успеху! – М.: Нобел, 2003. – 45 с. (Серия «Успех!») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Гущина Л. Мужчина и методы его дрессировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Дамская А. Как завести мужчину. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2005. – 84 с. (Серия «Популярная психология») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Добротворский И. Л. Величайший секрет, как достичь успеха. – М.: Профит Стайл, 2007. – 91 с.

Добротворский И. Л. Деньги: Стань преуспевающим человеком. – М., 2004 а. – 306 с.

Добротворский И. Л. Постройте ваше будущее: психология успеха. Практическое руководство для решения повседневных проблем. – М., 2004 б. – 330 с.

Добротворский И. Л. Технологии успеха для учащихся. – М., 2004 в. – 384 с.

Довгань В. Я был нищим – стал богатым. Прочитай, и ты тоже сможешь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Дудинский Д. И. Как угодить своему начальнику-женщине. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 40 с.

Евстегнеев В. Психология и философия предпринимательского успеха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.absek.ru

Еникеева Д. Д. Как избавиться от соперницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Еникеева Д. Д. Как перевоспитать мужа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Еникеева Д. Д. Секреты семейного счастья. – М.: Нобел, 2005. – 47 с. (Серия «Он+она»).

Еникеева Д. Д. Хотите быть счастливы? Так будьте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Ермолов А. Фабрика счастья, или кому на Руси жить хорошо. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2003. – 192 с. (Серия «Деньги. Карьера. Успех: Бизнес-курс).

Заславский А. С. Охота на возлюбленного. Секреты женского обольщения. – СПб.: Невский проспект, 2005. – 70 с. (Серия «Амазонки XXI Века»).

Ильичев А. Практическое пособие по охоте на мужчин. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Кириллов А. А. Что скрывают мужчины. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2004. – 288 с. (Серия «Он и она»).

Козлов Н. И. 17 мгновений успеха: стратегии лидерства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Козлов Н. И. Книга для тех, кому нравится жить, или Психология личностного роста. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 45 с.

Козлов Н. И. Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека. – М.: Аст-Пресс, 2002. – 304 с.

Криксунова И. А. Вас ожидает Благосостояние. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 84 с. (Серия «На Волне Успеха»).

Крискунова И. А. Вас ожидает Госпожа Удача [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Куропаткина М. В. Женские штучки. Настольная книга женского успеха... В жизни, карьере, любви. – М.: Нобел, 2003. – 45 с.

Курпатов А. В. 3 роковых инстинкта: жизнь, власть, секс. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2006. – 256 с.

Курпатов А. В. 5 великих тайн мужчины и женщины. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 256 с.

Курпатов А. В. 27 верных способов получить то, что хочется. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 256 с.

Ларин И. Формула успеха: Практическое пособие по искусству жить на земле. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2000. – 160 с.

Ларин И., Беловодская М. Азбука лидерства. – СПб.: Невский проспект, 2001. – 185 с.

Левшинов А. Эта книга принесет вам деньги. Самые действенные рекомендации. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 288 с. (Серия «Академия здоровья и удачи»).

Литвак М. Е. Как узнать и изменить свою судьбу. – СПб: Невский проспект, 2005. – 89 с. (Серия «Психологические этюды») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Мусса Л. 3000 способов не препятствовать удаче, или Кладовка Лисси Муссы. – СПб.: Питер, 2005. – 200 с.

Норбеков М. С. Где зимует кузькина мать, или как достать халявный миллион решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Норбеков М. С., Волков Г. В. Успех на вашу голову и как его избежать. – М.: АСТ-Астрель, 2005. – 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

Петровец Т. Г. Лучший способ соблазнить мужчину. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2005. – 65 с.

Печникова А. Ю. Искусство охоты. Женский флирт. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2005. – 56 с. (Серия «Амазонки XXI века»).

Полеев А. Сексуальная охота. Хищники и жертвы. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2004. – 70 с.

Попов С. Н. Думай и богатей по-русски. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 336 с.

Попов С. Н. Думай и богатей по-русски – 2. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 256 с. (Настольная книга бизнесмена).

Попов С. Н. Как стать обеспеченной (практическая эзотерика). – 2-е изд. – М.: Росткнига, 2001. – 208 с.

Правдина Н. Б. Держим курс на удачу! – М.: Астрель: Издательский дом Наталии Правдиной, 2007. – 158, (2) с. (Студия благополучия и успеха Наталии Правдиной).

Правдина Н. Б. Семь ступеней золотой лестницы. – М.: Астрель: Издательский дом Наталии Правдиной, 2007. – 158, (2) с. (Студия благополучия и успеха Наталии Правдиной).

Правдина Н. Талисманы любви и удачи: Средства Фэн-Шуй для привлечения счастья и успеха. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2003. – 160 с. (Серия «Деньги, карьера, успех»).

Правдина Н. Я привлекаю деньги. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2006 а. – 192 с. (Серия «Счастливый мир Натальи Правдиной»).

Правдина Н. Я привлекаю любовь и счастье: Новый эффективный метод создания гармоничной и радостной жизни для себя и своих близких. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2006 б. – 192 с. (Серия «Деньги, карьера, успех»).

Правдина Н. Я привлекаю успех: Как достигнуть успеха и реализовать свои желания, получая удовольствие. Практическое руководство Наталии Правдиной, мастера Фэн-Шуй, специалиста по трансформации сознания. – СПб.: Невский проспект, 2003. – 192 с. (Серия «Деньги, карьера, успех»).

Свияш А. Что вам мешает быть богатым. – М.: Нобел, 2007. – 379 с.

Синельников В. В. Сила Намерения. Как реализовать свои мечты и желания. – М.: Центрполиграф, 2006 а. – 159 с.

Синельников В. В. Путь к богатству. Как стать богатым и счастливым. – М.: Центрполиграф, 2006 б. – 219 с.

Трунин Р. А. От мечты до успеха / Р.А. Трунин. – М.: Эксмо, 2006. – 256 с. (Бизнес-бестселлер).

Чумичкин Д. В. Где взять деньги? Пособие для начинающих богачей. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2005. – 80 с. (Серия «Все Обо Всем»).

Шацкая Н. Любовница экстра-класса. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 71 с. (Серия «Только Для Женщин»).

Шубин А. Путь к успеху. Как стать богатым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru

3.6. КОНЦЕПТ *ПОЛИТИК* В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (на материале английского и украинского языков)

Славова Л. Л.

Взаимосвязь языка, мышления и культуры определяет национально-культурную специфику представления концепта с позиций анализа способов его вербализации, которая состоит в прототипическом представлении носителей той или иной культуры об определенном явлении окружающего мира. На основе выделенных С.А. Жаботинской [Жаботинська 1997, 1999, 2002] основных типов фреймов мы исследуем структуру концепта ПОЛИТИК и моделируем понятийную, аксиологическую и образную составляющие.

Концепт ПОЛИТИК – это сложное ментальное образование, ядром которого является понятийная составляющая, представляющая самые существенные признаки социокультурного феномена политик в отдельной лингвокультуре. Образность обуславливается повышенной ассоциативностью мышления политика: активное употребление вместе с тематически необходимой нейтральной лексикой метафорических средств, которые способствуют эффективному манипулированию сознанием избирателей или политических оппонентов. Наличие аксиологического компонента объясняется тем, что оценочность является одной из основных черт политического дискурса, и политики склонны к оценке себя и других, преследуя при этом определенные цели. В своих действиях и поступках они выражают оценочный компонент, который проявляется в выборе средств описания или его представления, независимо от речи и поступков, оценка входит во фрейм.

Национально-культурная специфика состоит в прототипическом представлении носителей определенных лингвокультур об определенных явлениях окружающего мира. В частности, анализ концепта ПОЛИТИК делает возможным определение его составляющих путем сочетания результатов семантического и концептуального анализа. Именно такая последовательность исследования данного концепта кажется нам наиболее уместным, поскольку для

проведения контрастивного анализа необходимо выделить единицы, уровни и аспекты сравнения. Таким образом, определение семантической структуры предшествует определению концептуальной структуры.

Структуру значения любой лексемы можно представить с помощью сем, самым удачным способом выделения которых считают компонентный анализ. Семы являются конкретным вербальным отображением слотов фреймовой структуры концепта. Структурно-семантический анализ моделирует концептуальный анализ и выстраивает структуру концепта:

ПОЛІТИК *1. Той, хто займається питаннями політики; політичний діяч. // ірон. Той, хто цікавиться питаннями політики, любить говорити про політику. 2. перен., розм. Особа, яка вміє тонко влаштовувати складну справу. 3. розм. У дореволюційній Росії – політичний в'язень* [http://www.slovnyk.net/?swrd=ПОЛІТИК].

Для проведения анализа концепта ПОЛИТИК в современном украинском языке берем значение ЛСВ1 (лексико-семантический вариант) лексемы *политик*, поскольку оно является стилистически нейтральным, адекватно отображает логическое-предметное содержание концепта, другими словами, его ядерную часть. Все остальные ЛСВ являются производными.

Ведущей дифференциальной семой лексической единицы политик является *политика*.

Політика *– загальний напрямок, характер діяльності держави, певного класу або політичної партії* [ВТССУМ 2004 : 849].

Дифференциальной семой выступает компонент *государство*:

Держава *– апарат політичної влади в суспільстві; влада, керівництво* [ВТССУМ 2004 : 215].

Следующими дифференциальными семами являються *власть* и *право*:

Влада *– право керувати державою* [ВТССУМ 2004 : 151].

Право *– обумовлена певними обставинами підстава, здатність, можливість робити, чинити що-небудь, користуватися чим-небудь* [ВТССУМ 2004 : 917].

В связи с тем, что одна из дифференциальных сем (*государство*) имеет абстрактное значение, мы уточняем дефиницию *политик*:

Политик – это тот, кто занимается вопросами деятельности государства.

Политик – это тот, кто занимается вопросами управления аппаратом политической власти.

Пользуясь методикой, предложенной С.А. Жаботинской [Жаботинська 1997, 1999, 2002], мы выстраиваем фреймовую структуру концепта ПОЛИТИК. Фреймовая репрезентация концепта ПОЛИТИК состоит из таких блоков:

[НЕКТО 1: агенс/часть/целое (политик) *имеет* НЕЧТО 2: часть (право) *действует* ТАК].

[НЕКТО 1: часть (политик) [есть частью НЕЧТО 1: целое (государство)] *действует* ТАК *с результатом* [*имеет* НЕЧТО 2: часть / результат / собственность (право)]].

[НЕЧТО 1: агенс (государство) *предоставляет* НЕКТО 1: пациенс (политик) НЕЧТО 2 (право)].

Фреймовая репрезентация концепта ПОЛИТИК происходит в виде выделения пропозиций и расширяется путем прибавления дополнительных узлов:

[НЕЧТО 1: целое/ собственник/ агенс (государство) [*состоит* из НЕКТО 1: агенс, часть (политик)] *действует* ТАК [на СТОЛЬКО: много НЕКТО 2: пациенс, часть (человек)]].

[ТАКОЙ НЕКТО 1: агенс, часть (политик) [*имеет* НЕЧТО 2: часть (право)] *действует* ТАК].

Центральний слот НЕКТО 1: агенс, часть (политик) получает уточнение в украинском политическом дискурсе и представлен такими тематическими группами:

1) принадлежность к определенной политической партии, силе: *нашоукраїнці, НУНСівець, БЮТівець, тимошенківці, симоненківці, януковці, регіонали*;

2) характеристики человека: *ентузіасти, трудоголіки*;

3) имена собственные: *Віктор Ющенко, Юлія Тимошенко, Володимир Литвин, Петро Симоненко, Наталія Вітренко, Віктор Янукович, Арсеній Яценюк, Віктор Бологa*;

4) должность: *спікер, президент, голова Верховної Ради, голова Секретаріату Президента*.

Слот НЕЧТО 2: часть (право) в украинских СМИ репрезентируется в основном лексической единицей *власть:*

«... ми отримуємо багато телеграм зараз зі сходу і з півдня України, що через нестачу газу і через те, що ***влада*** (1) *не змогла забезпечити країну газом за доступними цінами, підприємства змушені зупинятися і ще більш масово росте безробіття», – обурюється у коментарі «Українській правді» пані Герман* [Україна Молода 5.06.2009].

Доки ж засиджені в опозиціонерах «регіонали» обмежуються лише критикою. Сварячи ***владу*** (2) *за неготовність до світової економічної кризи, опозиціонери так і не спромоглися подати жодної реальної пропозиції для економіки, і як допомогти простому громадянину вижити в цих умовах зокрема. Нарікання ж на те, що* ***вони не влада*** (3) *і не голосуватимуть у парламенті, виглядає абсурдним. Ба, більше, у тому ж парламенті набиралося понад 400 голосів, коли голосувалися політичні, вигідні лідерам фракцій законопроекти. Усе це свідчить, що нинішні опозиціонери прагнуть будь-якою ціною* ***повернути собі владу*** (4) [http://www.politdumka.kiev.ua/index.php?main_num=].

Власть, кроме основного своего значения – *право руководить государством*, в приведеннях фрагментах (2, 3, 4) выступает синонимом к таким понятиям как руководство государством, правительство, сила. В лексикографических источниках используется сочетание *мати (отримувати) владу*, а материал средств массовой информации позволяет расширить вариативность вышеупомянутого словосочетания: *привести до* ***влади,*** *перебувати при* ***владі****, повернути собі* ***владу,*** *мати бажання* ***влади*** та *набратися жаги* ***влади***.

Манифестация слота ТАКОЙ вербализуется такими единицами *українські, засиджені, професійний, ситуативних, достойні, корумповані, порядні*;

СТОЛЬКО: много*: найбільша (фракція)*;

НЕЧТО 1: целое (государство): *парламентська фракція, правителі України, бандити*;

НЕЧТО 3: пациенс/часть (человек): *громадяни, населення,*

люди, союзник, народ, суспільство, громада; *провладна опозиція, опозиціонери, політична еліта*;

ТУТ: *у Севастополі, тернопільські вибори*;

СЕЙЧАС/ТОГДА: *колишній, сьогоднішні, реформа 2004 року, нинішній, теперішній*;

ОЦЕНКА: *пафосно розказав, оцінив негативно, зробив сенсаційну заяву, оцінив ситуацію*.

Проанализируем английскую лексему *politician* на основе словарных дефиниций:

A politician *is someone whose job is* <u>*politics*</u>*, especially one who is a member of parliament or who is involved in some way in governing a* <u>*country*</u> [CCELD 1993].

Politician *– person taking part in* <u>*politics*</u> *or very interested in politics* [Hornby 1984 : 484].

Центральной дифференциальной семой единицы *politician* является *politics: **Politics** refers to the actions or activities which people use to achieve* <u>*power*</u> *in a* <u>*country*</u>*, society or organization or which ensure that power is used in a particular way* [CCELD 1993].

Дифференциальными семами являются *country, power, control*:

Country *is one of the political and economic units of the world which has its own government, people, language, and culture* [CCELD 1993].

*The **country** means the people who live in a particular country* [CCELD 1993].

Power*. If someone has **power**, they have **control** over other people or other events or activities* [CCELD 1993].

Power *– right,* <u>*control*</u>*, authority* [Hornby 1984: 490].

Control *of a country or an organization is the power to make all the important decisions about the way it is run* [CCELD 1993].

На основе выделенных дифференциальных сем определяем лексему *politician* следующим образом:

A politician *is someone whose job is to achieve power in a country, to have control over people, and who is a member of parliament or who is involved in some way in governing a country.*

Набор признаков, определенных в результате компонентного анализа, дает нам прототипическое представление об *politician.*

Указанные семы маркируют языковую картину мира и дают представления о структуре концептуальной картины мира представителей американской и украинской лингвокультур.

Фреймовая репрезентация концепта POLITICIAN содержит такие слоты:

[НЕКТО 1: агенс/собственник/часть (политик) [*имеет* НЕЧТО 3: результат (власть)] *действует* ТАК: способ на [НЕЧТО 1: целое (страна) *имеет* НЕЧТО 3: результат (власть)]]

[НЕКТО 1: агенс/собственность/часть (политик) [*есть частью* НЕЧТО 2: собственник (парламент)] *действует* ТАК *на* НЕЧТО 1: целое (страна)]

Узел НЕЧТО 1: целое (страна) количественно уточняется:

[НЕКТО 1: собственность/часть (политик) *является частью* [СТОЛЬКО НЕЧТО 1: целое (страна)] *имеет* НЕЧТО 3 (власть)].

Фреймовая репрезентация концепта POLITICIAN расширяется путем прибавления дополнительных узлов:

[НЕКТО 1 агенс/собственность/часть (политик) [*является частью* НЕЧТО 3: целое, собственник (парламент)] *действует* ТАК 1 на НЕЧТО 1 целое (страна)]

[ТАКОЙ: волевой-мотивационный НЕКТО 1 агенс/собственность/часть (политик) [имеет НЕЧТО 3: результат (власть)] *действует с целью* на [НЕКТО 2: пациенс/ часть/ агенс (члены партии, оппоненты) действует ТАК 2]]

Центральный слот НЕКТО 1: агенс/собственность/часть (политик) представлен такими лексическими единицами в американских СМИ: *Republicans, Democrats, State Representative John Fritchey, a former deputy secretary of state, Mr.Holbrooke, Republican Senator, President Obama.*

Слот НЕКТО 2: пациенс/ часть/ агенс (члены партии, оппоненты) представлен такими единицами, как *democratic nominee, opposing party, rivals, House colleagues.*

Слот НЕЧТО 1: целое (country) вербализируется единицами *voters, employees, audience, area residents, Americans, nation, public.*

Слот НЕЧТО 3: целое, собственник (parliament) репрезентирован единицами *the White House, the government, administration, the Senate, Congress, parties.*

Слот ТАКОЙ волевой-мотивационный представлен лексемами *experienced, rich, selfless, obsessive, purative.*

Слот ЗДЕСЬ репрезентируется: *at a bus manufacturer in St.Cloud Minn., plant, airport.*

Слот ТОГДА/СЕЙЧАС манифестируется единицами *Friday, recent weeks, fall campaign, last fall, recently, for several minutes, former, last week.*

В американских СМИ слот НЕЧТО 3: результат (власть) также приобретает дополнительные оттенки значений по сравнению со словарной дефиницией – иметь контроль над кем-то, иметь власть: *If you really believe in what we did these last eight years, you do not have to be in the position of power in government to advance those causes* [http://www.whitehouse.gov/news/releases/] або її відсутність: *As much as Mr. Steele has appeared to relish being the high-visibility face of the Republican Party, one of the most important tasks for the leader of a party out of power is to raise money* [http://www.whitehouse.gov/news/releases/].

В частности, политики могут:

– использовать власть:

These charges are quite literally bizarre, particularly with Limbaugh calling anyone else a racist. Newt Gingrich has joined Limbaugh in a duet of stupidity. This is appropriate since Gingrich is the architect of the power (1) and policies used by Republicans to drive the nation into its current crisis [http://www.apj.us/index.php];

– иметь полномочия для совершения определенных действий:

The government is a tool. The people can use it. But if the people have the direct power to use it, now you get to see government as a real tool, not the tool you have where the special interests determine how the tools of government is handled by the lobbyists and the bundling to pay for the people who pay for their campaign to manipulate you to vote for them [http://www.johnedwards.com/news/speeches/20071029-moral-test/].

Для сравнения полученных данных сгруппируем слоты, которые репрезентируют концепт ПОЛІТИК/POLITICIAN, в таблице:

Таблица 1. Сравнение фреймовых структур концептов ПОЛИТИК/POLITICIAN

Слоты	ПОЛИТИК	POLITICIAN
НЕКТО 1: политик	+	+
НЕКТО 2: опонент	–	+
НЕЧТО: человек/люди	+	–
НЕЧТО: страна	–	+
НЕЧТО: парламент	–	+
НЕЧТО: власть	–	+
НЕЧТО: государство	+	–
ТАК действует на	+	+
ТАК 2 действует с целью	–	+
ТАК 3 оценивает	+	+
СТОЛЬКО	+	+
ТАКОЙ	+	+
ЗДЕСЬ	+	+
ТОГДА/СЕЙЧАС	+	+

Выводы

Таким образом, концепт ПОЛІТИК/POLITICIAN репрезентирован предметно-акциональным фреймом, основным узлом которого НЕКТО является политик. Другие узлы фрейма описывают разные его характеристики и действия, локализированные в пространстве и времени деятельности. Фреймовая репрезентация концепта ПОЛИТИК в американском и украинском дискурсах имеет разную структуру. Содержание слотов фреймов в украинской лингвокультуре носит более абстрактный характер, в то время как в американской лингвокультуре находится на поверхностном уровне. Национально-культурная специфика обусловлена наличием разных сем в семантической структуре базовых единиц репрезентации концепта ПОЛИТИК, что отражается в различных концептуальных представлениях, запакованных во фреймовые структуры двух лингвокультур. Их специфическая организация в структуре фреймов и отражает лингвокультурную специфику. При семантическом

анализе лексических единиц английского и украинского языков, представляющих концепт ПОЛИТИК, не выявлено позитивных и негативных оценочных сем, поэтому эти единицы принадлежат к нейтральному стилю языка. Наличие алломорфных черт обусловлено национально-культурной и социальной вариативностью американской и украинской лингвокультур.

Литература

ВТССУМ: Великий тлумачний словник сучасної української мови / [укл. і гол. редактор В. Т. Бусел]. – К.-Ірпінь: ВТФ Перун, 2004. – 1440 с.

Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вісник Черкаського університету. Сер. Філол. науки. – 1999. – Вип. 11. – С. 12 – 25.

Жаботинская С. А. Ономасиологические модели в свете современных направлений когнитивной лингвистики // С любовью к языку: Сб. научных тр. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 115 – 123.

Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. – Черкаси: Сіяч. – 1997. – Вип. 2. – №15. – С. 3 – 11.

Україна Молода. – 5.06.2009.

Хорнби А. С. Учебный словарь современного английского языка / А. С. Хорнби. – М.: Просвещение, 1984. – 769 с.

CCELD: Collins Cobuild English Language Dictionary. – L.: Harper Collins Publishers, 1993. – 1703 p.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.slovnyk.net/?swrd=ПОЛІТИК.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johnedwards.com/news/speeches/20071029-moral-test/.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apj.us/index.php?option=com_content&task=view&id=2434&Itemid=2.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politdumka.kiev.ua/index.php?main_num.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/news/releases.

ГЛАВА IV
КОНЦЕПТЫ В СТРУКТУРЕ КАРТИНЫ МИРА

4.1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, АВСТРИЙСКОЙ И ШВЕЙЦАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КАРТИНАХ МИРА

Фомина З. Е.

Изучение феномена “эмоции” в семантико-когнитивном пространстве языка является одним из важнейших направлений современной коммуникативно-ориентированной лингвистики – *лингвистики эмоций*. В рамках этого актуального направления ключевыми задачами являются исследование процессов концептуализации и категоризации человеческих эмоций, изучение и описание эмоциональной картины мира vs. концептосферы эмоций, выявление сущности эмоциональных концептов и их когнитивных структур, определение корпуса языковых репрезентантов эмоций, описание специфики и роли когнитивной метафоры как одного из доминантных средств их языковой объективации и др.

По вопросам, касающимся исследования эмоциональной сферы человека, отмечается, как известно, многочисленность и гетерогенность выдвигаемых концепций, что обусловлено сложностью, неоднозначностью и противоречивостью самого феномена “Эмоция”, разными подходами к его изучению, особенностями эмпирического материала исследований, этнокультурной спецификой и т.п. Достаточно сказать, что уже само определение искомого конструкта представлено в современной науке в более чем 100 дефинициях [Фомина 1999]. В настоящее время ставится актуальная задача создания системной (комплексной) *лингвистической теории эмоций*, которая соединила бы в себе новейшие результаты исследования эмоций, полученные как в рамках языкознания, в частности, в русле когнитивных, лингвокультурологических и других исследований, так и в сопряженных отраслях научных знаний, коррелирующих с лингвистикой.

Языки, как известно, различаются в зависимости от того, как (качественно и количественно) их лексические системы отражают те или иные конкретные стороны реальности. В то же время “практически не исследовано то, как *различаются* языки *в передаче* абстрактных идей и отношений, таких, *как каузация, время, человеческие эмоции* и пр., что, хотя бы в силу своей неочевидности, ***гораздо более ценно и значимо с научной точки зрения”*** [Вежбицкая 1997 : 13]. Та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке и не всегда может быть выведена из различий в “условиях его бытования”. Различия в концептуализации требуют объяснения и одним из возможных объяснений является ссылка на национальный характер [Вежбицкая 1997 : 21].

Психологи, занимающиеся эмоциями и эмоциональными концептами, обычно сосредотачивают свое внимание на тех из них, которые лексикализованы в их родном языке. Однако, как справедливо замечает А. Вежбицкая, для понимания того, как человек концептуализирует эмоции, необходимо также обратиться к *эмоциональным концептам*, лексикализованным в других языках мира. Более того, важно попытаться понять эти концепты “с точки зрения носителя языка”. “Мы должны постараться открыть *понятийный мир других людей* и отказаться от нашей “англо”-перспективы в интерпретации этого мира” [Вежбицкая 1997 : 334]. По образному выражению А. Вежбицкой, *поиски алфавита человеческих мыслей* следует связать – непосредственно и эксплицитно – с поисками *лексических универсалий*, то есть понятий, которые могут быть лексикализованы (в виде отдельных слов или морфем) во всех языках мира.

Данная работа посвящена изучению доминантных эмоциональных концептов в русской и немецкоязычной художественной картине мира, в частности, выявлению специфики их категоризации в художественных дискурсах разных лингвокультур (русской, немецкой, австрийской и швейцарской), определению особенностей их когнитивных структур и их концептуальных составляющих, а также исследованию когнитивных метафор как средств языковой экспликации эмоциональных концептов.

Результаты исследования концептосферы эмоций, осуществляемого нами в рамках разрабатываемой лингвистической теории

эмоций, находят отражение как в работах самого автора, так и его учеников, в частности, в диссертационных трудах аспирантов и соискателей [Ряполова 2000; Бородкина 2001; Сыромятникова 2002; Мокшина 2003; Чечетка 2005; Демидкина 2007 и др.]. Сформулируем кратко некоторые теоретические положения и понятия, положенные нами в основу изучения эмоциональных концептов и представленные в соответствующих работах.

О некоторых исходных понятиях теории эмоциональных концептов

Одним из наиболее важных вопросов когнитивной психологии эмоций, является вопрос о способах и характере репрезентации знаний об эмоциях в сознании человека. *Когнитивное осмысление эмоций* – это сложный ментальный процесс, формируемый на основе эмпирических данных (психофизиологический фактор) и социально-культурных параметров, целью которого является формирование и оперирование определёнными структурами, аккумулирующими знания о конкретной эмоции. Знания в памяти человека не являются аморфными, а организованы в виде так называемых "концептов – наиболее абстрактных, обобщённых понятий, отражающих различные сферы жизнедеятельности" [Колшанский 1965 : 212]. Понятие "концепт" является основополагающим в когнитивной лингвистике. В лингвистических определениях "концепт" характеризуется как *ментальная единица, глобальная мыслительная единица, "квант структурированного знания"* и др. [Кубрякова : 1996; Попова, Стернин 1999 : 4].

Концепты как ментальные образования могут относится к разным типам: "представление, схема, образ, фрейм, понятие, сценарий и гештальт" [Бабушкин 1996 : 19]. Среди концептов выделяются индивидуальные и коллективные, а также концепты *абстрактных и конкретных* имён. Система знаний об эмоции – **эмоциональный концепт**, относится к группе абстрактных концептов. *Эмоциональный концепт* (далее также: ЭК) является по своей природе невербальным комплексным образованием, базируемым на психофизиологических репрезентациях индивида. *Эмоциональный концепт* понимается в данной работе как ментальное, нацио-

нально-специфическое образование, планом содержания которого является некая совокупность знаний об эмоциях, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих эмотивные сущности. Концепты *абстрактных* имён (эмоций) не могут быть соотнесены с вышеперечисленными типами концептов, так как они (в отличие от концептов-сценариев, концептов-представлений и т.п.) не релевантны для так называемого "видимого мира", т.е. не обнаруживают признаки эвиденциальности и, кроме того, характеризуются известной диффузностью. Эмоциональные концепты как абстрактные сущности относятся к "миру идеального" (миру чувств, волеизъявлений), который репрезентируется гештальтом. Гештальт понимается как комплексная, целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании" [Попова, Стернин 1999 : 20]. Гештальт какой-либо эмоции, отражаемый в языковом сознании, может быть наделён как субъективными (личностный слой концепта), так и культурными характеристиками (национальный слой).

Эксплицируемый гештальт какой-либо эмоции содержит различные структуры и может быть интерпретирован посредством *фреймового* подхода. Гештальт, как форма репрезентации ЭК, представляет собой ассоциативное поле, имеющее непрерывно зонную структуру, где узуальные ассоциации коррелируют с личностными представлениями, находящимися под влиянием национально-культурных факторов. "Эмоции человека, его оценка окружающей действительности детерминируются как социальными факторами …, так и *национальным сознанием"* [Фомина 1995 : 28].

На сегодняшнем этапе развития когнитивной лингвистики и лингвистики эмоций проблема **семантического представления эмоций** решается в рамках *смыслового* и *метафорического* подхода [Апресян 1993 : 28]. Согласно *смысловому подходу* (А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская) ЭК могут быть истолкованы через универсальные семантические примитивы типа "хорошо", "плохо", "делать", "происходить", "знать" и "хотеть". Иными словами, отмечается сведение ЭК к одному прототипу, который, по определению Э. Рош, рассматривается как типичный представитель категории, содержащий

важнейшие категориальные признаки и характеристики [Rosch 1975]. “Наши определения эмоциональных концептов оказываются такими же дискретными знаками, как и все другие языковые знаки, – эмоции же имеют изменчивую непрерывно-зонную структуру” [Винарская 2001 : 11]. Любая эмоция как сложное соматическое состояние, получившая вербальную экспликацию, обретает в действительности лишь вторичное её понимание. В результате ощущения описываются *метафорически*. “Метафорический уровень ЭК основывается на конкретном базисном уровне категорий и базисных образных схемах, глубоко коррелирующих с концептуальной структурой эмоций” [Ungerer, Schmid 1996 : 112].

Когнитивная метафора рассматривается не как средство номинации, а как принцип *познания*, позволяющий абстрактные явления представить в виде образов чувственного познания мира, имеющихся в опыте говорящих. Метафорическая концептуализация эмоциональных сущностей имеет весьма разветвлённую структуру. Сложное взаимодействие когнитивных и языковых механизмов в метафоре говорит о том, что её природа объясняется концептуальными (обусловленными спецификой человеческого мышления) факторами, т. е. способностью сознания к точному переносу знаний, к ассоциативному мышлению. При этом когнитивный механизм проявляется во всех видах метафоры. Это объясняется тем, что “природа языковых единиц (а метафоры состоят из отдельных лексических единиц) определяется тремя факторами: онтологическим, концептуальным и собственно лингвистическим” [Лакофф 2004].

Е.С. Кубрякова обращает внимание на неотъемлемость процессов ***категоризации*** **и** ***концептуализации***. Концептуализация представляется как “… один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека” [Кубрякова 1996 : 93]. Разница между этими двумя процессами заключается в том, что концептуализация направлена на *выделение* в сознании единиц человеческого опыта, а категоризация на их *объединение*.

Эмоциональные концепты являются важнейшими составляющими любой национальной концептосферы. Концептосфера языка – это в сущности концептосфера культуры. Выявление и сопоставление национально-культурного слоя ЭК возможно на основе анализа *дискурса*, “представляющего собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста” [Дейк 1989 : 14]. Анализ ***художественного дискурса*** позволяет выявлять образно-ассоциативные и оценочные признаки структуры ЭК, эксплицируя тем самым общие и отличительные представления индивидуумов о данном социально-психологическом явлении, являющимся неотъемлемым компонентом художественной картины мира любого народа.

Языковой картине мира, отражающей коллективное достояние и опыт людей, противостоит, в некоторой степени, художественная картина мира, где осуществляется созидание новых, индивидуальных образов мира. Очевидно, что ЭК, присутствующие в разных типах картин мира, будут обладать более вариативным и аналитичным содержанием в художественной картине мира, теснейшим образом коррелирующей с *эмоциональной* и *метафорической* картиной мира. Однако первично-понятийное, в некоторой степени, стереотипное знание об эмоции, фиксируется в языковой картине мира, получающее новое осмысление в других картинах мира [Мокшина 2003]. Исходя из общего (философского) определения *картины мира*, мы определяем *эмоциональную картину мира* как сложноструктурированную целостность, включающую три базовых компонента – *воззрение* на эмоции, *восприятие* эмоций и *ощущение (переживание)* эмоций. Эти компоненты объединены в эмоциональной картине мира специфическим для данной *эпохи, этноса или культуры* образом.

Языковые ресурсы художественного дискурса как средство репрезентации эмоциональных концептов

Языковую базу для художественной вербализации эмоций в текстах *русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественной* литературы образует, по результатам нашего исследования, *эмоционально-психологическая* лексика, и это не

случайно, так как основополагающей темой и задачей художественного творчества является раскрытие *внутреннего мира* человека. “Поэтому именно в данной сфере возникает потребность в разработке наиболее тонких и точных средств для вербальной концептуализации мира человеческой души, поэтому именно здесь возникает и формируется необходимый для решения этой задачи лексикон” [Арутюнова 1976]. Так, центральное место в текстах ***русской, немецкой, австрийской, швейцарской*** художественной литературы занимает: 1) лексика “состояния”, которая репрезентируется: лексемами *“страха”, “гнева”, “печали”, “отчаяния”, “одиночества”, “радости”, “счастья”, “надежды”, “любви”* и др.; 2) ассоциативно-эмотивная лексика [сюда относятся: лексемы, коррелирующие *с явлениями природы, временами года, народными традициями, ритуалами, космическими понятиями, цветовыми феноменами, морально-этическими категориями* (добродетелями т.п.)]; 3) интеллектуально–культурологическая (лексика из сферы философии, мифологии, истории, медицины, физики, астрономии, астрологии и т.п.); 4) *эмотивно-патетическая*; 5) *эмотивно-бризантная (интенсивы, бризантные слова, суперлативы и т.п.);* 6) *эмотивно-сакральная*, 7) *эмотивно-образная* 8) *разговорная лексика* и др. [Фомина 2006; 2011]. Знаковым признаком немецкоязычного литературного дискурса, является широкое использование эмотивных *композитов*, которые не свойственны русскому лексическому полю эмоций.

Результаты проведенного анализа контекстов с описанием эмоционально психологических переживаний человека в русской и немецкоязычной художественной литературе позволили сделать вывод о том, что как для немецкоязычного, так и русского художественного дискурса релевантными являются следующие типы **универсальных концептов**: а) ***психологические*** (в частности, концепты: “любовь”, “страх”, “тоска”, “печаль”, “гнев” и др.); б) ***физиологические*** концепты, являющиеся конституирующими элементами базовых эмоциональных концептов (“холод”, “тепло”, “боль” и др.); в) ***соматические*** константы (“сердце”, “кровь” и др.); г) ***абстрактные/ философские*** (“душа”, “жизнь”, “судьба” и др.); д) ***природные*** (“природа”, “фауна”, “флора”) и др.

В целом, языковое пространство эмоций тематизируют в русской и немецкоязычной художественной литературе восемь доминирующих типов лексем-репрезентантов, объективирующих эмоциональные конструкты. Каждая группа эмоциональных концептов, манифестируемых лексическими единицами, в свою очередь, детально структурируется, причем наивысшую степень детализации языковых эмоциональных переживаний обнаруживает подавляющее большинство эмотивов в русском художественном дискурсе. Так, в русском литературном дискурсе выделяют несколько *разновидностей* ***состояния печали***: *"печаль", "грусть", "тоска", "уныние", "кручина", "скорбь, хандра, "томление""* и др. В немецкоязычной художественной картине мира такого детализированного разграничения эмоциональных переживаний, связанных с печалью, не прослеживается. В целях вербализации "Печали" в немецком языке используются, как правило, *не восемь единиц (как в русском языке*), а только *две лексемы: "**Trauer**" ("траур") und "**Traurigkeit**"* ("печаль"). Ср.: 1) "Печаль" (Trauer, *Traurigkeit*, Betrübnis); 2) Грусть (Trauer, *Traurigkeit*, Wehmut); 3) Скорбь (in tiefer *Trauer*, Gram (skorbet' – trauern um etw., über A.); 4) Тоска (Gram, Schwermut, *Trauer*); 5) Уныние (Verzagtheit, Mutlosigkeit, Niedergeschlagenheit, *Trauer*); 6) Кручина (*Trauer*). Это объясняется, на наш взгляд, спецификой русского *национального характера* и может рассматриваться как некий самобытный знак русского менталитета, психологии и культуры русского этноса.

Склонность русского этноса к чрезвычайно утонченной дифференциации эмоционально-психологических реальностей, несомненно, находит свое отражение и в русской художественной картине мира.

Эмоциональные концепты в русской художественной картине мира

Приоритеты в сфере концептуализации эмоционально-психологических состояний, как в *квантиативном*, так и *квалитативном* аспектах, в русском и немецкоязычном художественном дискурсе обнаруживают заметные различия.

В ***немецкоязычных*** художественных текстах на первый план выступают преимущественно следующие **одиннадцать типов**

эмоциональных концептов: 1. Angst (страх); 2. Liebe (любовь); 3. Verzweiflung (отчаяние); 4.Traurigkeit (печаль); 5. Zorn/Wut (злоба, гнев); 6. Glück (счастье); 7. Mitleid (сострадание); 8. Einsamkeit (одиночество); 9. Leere (пустота); 10. Hoffnung (надежда); 11. Altersleid (страдание, связанное со старением) [Фомина 2006; Фомина, Коновалова 2011].

В ***русской*** языковой художественной картине мира иерархия вербализуемых эмоциональных концептов выглядит иначе. Главенствующее положение занимает *состояние любви*. Далее следует назвать: 2. Traurigkeit (печаль); 3. Sehnsucht (тоска); 4. Leid (страдание); 5. Mitleid/Erbarmen (жалость); 6. Zorn/Wut (злоба, гнев); 7. Leere (пустота); 8. Verzweiflung (отчаяние); 9. Verwunderung (удивление); 10. Neid (зависть); 11. "Etwas-Zustand" (состояние неопределенности) u.a.

Примечательно, что в русской художественной картине мира, в отличие от немецкоязычной, некоторые доминантные состояния лишь обозначаются (упоминаются), но не описываются, что относится, в частности, к таким состояниям, как: "*одиночество*" ("Einsamkeit"), "*смерть*" ("Tod"), "*надежда*" ("Hoffnung"), "*время как эмоциональное переживание*" ("Zeit als ein emotionales Erlebnis"), "*страдания, связанные с приходом старости*" ("Altersleid") u.a. Напротив, в немецкоязычном художественном дискурсе именно эти психологические состояния составляют предмет многогранного и детализированного описания.

К числу так называемых *культурно-специфических состояний*, которые чаще всего описываются в **русской художественной картине мира**, относятся пять состояний: "*ПЕЧАЛЬ*", "*ТОСКА*", "*СТРАДАНИЕ*", "*СОЧУВСТВИЕ/ СОСТРАДАНИЕ/ ЖАЛОСТЬ*", "*СОСТОЯНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ* и др. Обратимся к характеристике некоторых из них.

Так, одним из ключевых национально маркированных составляющих не только русской концептосферы эмоций, но и русской культуры в целом, является феномен "**ТОСКА**". По мнению многих исследователей, особенности русского национального характера отражаются в трех самобытных понятиях русской культуры: "***душа", "судьба", "тоска***", "вербальные эквиваленты которых

образуют своеобразный смысловой универсум русского языка" [Вежбицкая 1997; Litschev 2001; Зусман 2001].

Этимологически внутренняя форма слова "*тоска*" соотносится со следующими признаками: "*стеснение*", "*давление*", "*тиски*", "*натиск*" и т.п. *Тоска*, по мнению Н.А. Бердяева, направлена на высший мир. Тоскует человек по чему-то иному, чем этот "тленный мир". Склонность русского человека к тоске обусловлена в значительной степени природными и пространственными факторами (ср.: "тоской бесконечных равнин" (С.Есенин), "пустынными, бесконечными дорогами" (И.Бунин), "властью пространства над русской душой" (Н.А. Бердяев) и т.п.

Феномен *тоска* соотносится с целым рядом других главенствующих концептов русской культуры, к числу которых относятся: "*ПРОСТРАНСТВО*", "*СОБОРНОСТЬ*", "*УДАЛЬ*", "*ВОЛЯ*", "*ДОРОГА*", "*ПРОСТОР*", "*ДАЛЬ*", "*БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ*" и др. [Зусман 2001; Norbert 2002].

Тоска как некий этнопсихологический знак русской эмоциональной картины мира находят яркое и чрезвычайно филигранное отражение в художественных произведениях русских писателей. Разнообразные типы слов и словосочетаний рефлектируют, как правило, ***предельную или запороговую*** *степень выражения* эмоционального концепта "***Тоска***". Ср.:

а) *страдание, мука, отчаяние, исступление, истязание, раскаяние, мучение* и т.п.;

б) "*Мучительная острота воспоминаний*", "*душащее, полное страха предчувствие ожидания удара судьбы*", "*мрачный, смутный мир души*", "*отчаянная тоска*" и т.п.

В таких описаниях тоски отмечается идея определенной "*надрывности*", "*запредельности*", "*крайности*" проявлений эмоций, переживаемых русской душой.

Метафорические образы "тоски" репрезентируются во всей многоликости ее проявления и в высшей степени образности и перзуазивности. Весьма показательными в этом отношении являются следующие примеры из русской художественной классической литературы. Ср.:

а) ***функционально-прагматическая направленность*** гештальта "Тоска": тоска "*заела*", "*замучила*", "*терзала*",

“извела”, “душила”, “врезалась”, “тоска гложет”, “переполняет душу”, “умер от тоски” и т.п.;

б) ***Концептуальные дескрипторы*** “тоски” как средство определения ее онтологии: *“зеленая”, “страшная”, “смертная”, “мрачная”, “судорожная”, “холодно-мертвящая”, “особенная”, “млеющая”, “сердечная”* (ср.: *“то разгулье удалое, то сердечная тоска”*) и мн. др. Гетерогенность релевантных признаков “тоски” подчеркивает многосложную сущность данного ментально-психологического конструкта.

Небезынтересно, что при описании тоски используются, главным образом, глаголы “***насилия***” (*мучить, душить, терзать* и т.п.), которые усиливают высшую степень проявления эмоциональных переживаний, связанных с тоской.

Описание *русской души* также неизменно коррелирует с переживанием тоски [Fomina 2003], причем представленной зачастую в стереотипных **метафорических образах.** Так, “Тоска” в корреляции с **ДУШОЙ** репрезентируется как некое *монстрообразное* существо, которое имеет облик *червя*, шаг за шагом уничтожающим человека. “Тоска”, подобно червю, способна точить, грызть душу (ср.: тоска гложет, точит душу). В поле осмысления попадет идея *квази-пожирания, квази-высасывания, квази-удушения* человеческой души. В соответствии с русскими архетипическими представлениями тоска способна “удавообразно” сжимать, сдавливать душу человека. Ср.: *тоска сжала душу (сердце, грудь)* и т.п.

Конституирующим элементом наиболее часто встречающихся метафорических образов *тоски* выступает *феномен “Вода”*, с которой тоска часто идентифицируется (*тоска разлилась, переполнила душу* и т.п.). Сравните, например, описание *тоски* в одноименном рассказе А.П. Чехова:

“Глаза Ионы *тревожно* и *мученически* бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из *этих тысяч* людей хоть *один*, который бы выслушал его. Но толпы бегут не замечая *ни его*, ***ни тоски…Тоска* громадная**, не знающая границ. Лопни грудь Ионы ***и вылейся из неё тоска,*** так она бы кажется***, весь свет залила,*** но тем не менее её не видно. Она суме-

ла поместиться в такую ничтожную скорлупу, что её не увидишь днем с огнем" (Чехов А.П. "Тоска").

В русской лингвокультуре концепт "*Тоска*" коррелирует *с зеленым цветом*, так как в представлениях русского этноса тоска нередко ассоциируется с неподвижной, застывшей, "мертвой" водой или болотом, покрытым непроницаемым слоем зеленого покрова. Этот признак относится к числу идиосинкратических, поскольку в немецкоязычной культуре подобных ассоциативных признаков не отмечается.

Красной нитью проходит через контексты с описанием тоски мысль о *неисчерпаемости*, *безграничности*, *бесконечности* человеческого страдания. Ср.: "навсегда утраченное (счастье)", "невосполнимое (невозвратимое)", "безграничная способность к страданию" и т.п.

Помимо тоски, в русской художественной и языковой картине мира такие психологические феномены, как *"СОСТРАДАНИЕ", "СОЧУВСТВИЕ", "МИЛОСЕРДИЕ", "ЖАЛОСТЬ", "БЛАГОДЕЯНИЕ"* и т.п., занимают одно из доминирующих мест в общей иерархии эмоциональных концептов. Чувство *СОСТРАДАНИЯ* в русском сознании теснейшим образом связано с понятием "*ЖАЛОСТЬ*". Лексемы "сострадания", объективирующие одноименный концепт, выражают сильное чувство душевного участия/соучастия в чужом горе, которое переживается как свое собственное. Отметим, что в немецкоязычных литературных текстах семантически адекватного вербального эквивалента лексеме "*жалость*" не обнаруживается. "Сострадание" является одним из важнейших морально-этических канонов русского этноса. Не случайно Ф.М. Достоевский определяет его следующим образом: "Сострадание – это важнейший и может быть единственный закон всего человечества" (Ф.М. Достоевский "Идиот").

В русском языке лексемы *СОСТРАДАНИЯ И ЖАЛОСТИ*, вербализующие одноименные концепты, представлены в большом разнообразии. Ср.: *жертва, мученик, изгой, униженные, оскорбленные, несчастные, бедные, горемыка, скитальцы, обездоленные, страдальцы, великомученики, одинокие, покинутые, (богом) забытые, сироты, убогие, отверженные, заброшенны*е и мн. др.

Любопытно подчеркнуть, что лексемы "*ЖАЛОСТИ*", как репрезентанты одноименного концепта, в русском языке широко используются и в качестве оценочных предикатов или дескрипторов, с помощью которых эксплицируются разнообразные аспекты человеческой деятельности, поведения, отношения и т.п. Ср.: *жалостливо (глянули), жалко, жалкий, жалостный, жалобный (голос)* и т.п.

Наличие большого и разнообразного количество лексем сострадания в русском языковом пространстве эмоций, их структурированность объясняется не в последнюю очередь влиянием русской православной веры, которая рассматривает сострадание как своеобразную вершину, высший идеал "любви к ближнему". Это подтверждают, в частности, следующие культовые Библейские заповеди, возведенные в русской культуре в ранг высших морально-этических ценностей: "*Будите милосердии, якоже и Отец вашъ небесный милосерд есть* (Лук. 6б, 36)*;" "И как душа драгоценнее тела, так и милость, оказанная душе, больше оказанной телу", "Слово благо паче даяния" и т.п.* [Авва 1895 : 177-180].

Чувство жалости может быть направлено и на самого субъекта. Например:

Проникнутый *разрывающей жалостью*, сидел он перед нагоревшей свечой (Гоголь Н.В. "Невск. Проспект").

Культурно-специфическим является, на наш взгляд, и следующий факт. В соответствии с русскими православными нравоучениями *сочувствия* заслуживают даже "враги", за благо, милость и усмирение которых подобает молиться. Во всех русских церквях хранится, например, икона "*Утоление злых сердец*", перед которой совершается соответствующий молитвенный обряд.

В русской художественной картине мира в целом и эмоциональной картине мира, в частности, особое место занимает эмоциональный концепт *НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*, феномен *невыразимого*. Это особое состояние, которое не поддается какой-бы то ни было дефиниции, интерпретации. Это доказывают многочисленные контексты, в которых вербализация *неясных, смутных переживаний* реализуется через категорию неопределенности, вербальным манифестатором которой является *феномен* "***ЧТО-ТО***".

Ср.: Что-то ***тяжелое****, ужасное; Что-то* ***неподвижное, тяготящее****; Что-то* ***ужасное, безобразное*** *; Что-то* ***давило****; Что-то* ***занозило****; Что-то* ***надрывает****; Что-то* ***раздирает****; Что-то* ***вонзилось****; Что-то скребло; Что-то* ***стерлось****; Что-то* ***закупорилось****, Что -то* ***леденило*** *(душу) и т.п.*

Приведенные примеры указывают лишь на одно из возможных направлений мысли автора, поскольку, как подчеркивал В. фон Гумбольдт, даже “для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова *есть борьба с мыслью*, в которой чувствуется то сила, то бессилие” [Гумбольдт 1985 : 379**]**. По мнению В.фон Гумбольдта, некоторые народы беспрестанно *углубляя мысль*, считают *невозможным выразить ее* когда-либо в достаточной мере, найти подходящее для нее выражение […]. Народы, озабоченные больше *формой* – пусть даже в ущерб содержанию, ищут в *одних случаях логичного, ясного и легкого* понимания выражения своих мыслей, *в других* – более *чувственного,* соответствующего силе выражения” [Гумбольдт 1985 : 379].

В связи с осмыслением ментально-психологического конструкта “ЧТО-ТО”, репрезентирующего категорию неопределенности, категорию невыразимого, нам представляются весьма значимыми следующие рассуждения одного из русских мыслителей 19 века: “Ответить на вопрос, что есть “невыразимое”, “неясное переживание” – *значит познать механизм самого рождения человеческих чувств, ощущений,* но подобное невозможно: этот механизм – *великая тайна*, и никогда мы научно не узнаем, как может *физическая форма*, материя наполняться *нематериальным*, бесплотным содержанием, и почему наша *физическая оболочка* так *мала*, а это содержание так огромно, даже безгранично, оно – весь мир”. Далее автор продолжает: “Да, мы не знаем и не узнаем, *что есть Невыразимое*, но мы е*го чувствуем* [….]. Способ общения мира с поэтом – *именно слово*, но ведь на языке слов, как уже говорилось выше, язык чувств не переводится, словом эту великую тайну не разгадать… Афанасий Фет не пытался *назвать*,

разъяснить невыразимое, а стремился только “***навеять на душу***. […] Пожалуй, лучшего названия для его отношения с *Невыразимым* не придумаешь…”.

Необходимо подчеркнуть, что “СОСТОЯНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ” с компонентом “что-то” не релевантно для текстов немецкоязычной художественной литературы. По-видимому, это объясняется тем, что в русской картине мира, в том числе в русской *языковой* картине мира, категория “*неопределенности*” является одним из культурно знаковых признаков. А. Вежбицкая подчеркивает, что в русском языке, гораздо богаче, чем во многих других, *поле неопределенности*. Речь идет не только о том, что “в русском языке на месте *одного разряда* неопределенных местоимений имеется *три* – местоимения *-то, -нибудь и кое-* (если не четыре, учитывая *некий, некто*): обращает на себя внимание отчетливо *национально специфическое тяготение к неопределенным модальным показателям*: бесконечные “*почему-то”, “что-то”, “должно быть*” и проч., как правило, опускаются при переводе, скажем Чехова, на европейские языки” [Вежбицкая 1997 : 23].

Таким образом, одним из основополагающих (знаковых) элементов русской эмоциональной картины мира, отражаемой в художественном пространстве русского литературного дискурса, является эмоциональный концепт “ТОСКА”. Важно подчеркнуть, что “*Тоска* в русском языковом сознании не существует как некая автономная сущность. Как правило, *тоска* “иррадирует” (лат. irradiare – освещать лучами, сиять), т.е. обусловливает, предпосылает соответствующий эмоциональный фон и облигаторно представляется в корреляции с другими концептами и, прежде всего, такими, как: *“страдание”, “сочувствие/сострадание/жалость”), “состояние неопределенности”*. Когнитивный базис искомого концепта образует эпистемологическая триада:

1) <u>эмоционально-психологический</u> фрейм *тоски: “страдание”, “сочувствие/сострадание/жалость”, “состояние неопределенности”;*

2) <u>пространственный</u> фрейм *тоски*: *“дорога”, “простор”, “даль”, “беспредельность”*;

3) характерологический фрейм *тоски*: *“соборность”, “удаль”, “воля”*.

Когнитивным способом репрезентации ТОСКИ является “**гештальт”** как один из инвариантных типов концептов. Гештальт как способ ментальной репрезентации эмоций представляет собой на вербальном уровне “имплицитный вспомогательный субъект метафоры, выводимый из буквального *прочтения глагола (или имени*), сочетающегося с эксплицитным основным субъектом метафоры. Гештальт – результат глубинного сопряжения гетерогенных сущностей – абстрактной и конкретной. Поэтому гештальт предопределяет сочетаемость абстрактного имени. При том эксплицированное общее свойство абстрактного и конкретного – основание имплицитной метафоры” [Чернейко 1997 : 382]. Гештальтная экспликация концепта тоски реализуется на основе семантики наиболее частотных глаголов, находящихся в синтагматических корреляциях с одноименной лексемой: *тоска “заела”, “замучила”, “терзала”* и т.п.

Тоска репрезентируется как некая *запороговая, запредельная* сущность, сопровождаемая признаками надрывности, стремлением во всем дойти до края. Когнитивные метафоры объективируют “*Тоску*” в *мифологических* образах (“тоска-монстр”), *зооморфных* (“тоска-удав”, “тоска-червь”), *гидронимических* (“тоска-потоп”), *физиологических* (“тоска-смерть”) и т.п. С позиции эмотивно-ценностного наполнения она может быть *позитивной*: “тоска-сердце”, “тоска-душа”, “тоска-простор”. В аспекте сопоставления категорий статики и динамики “русская” тоска *статична* (неподвижна). Колористическим классификатором тоски является ***зеленый цвет***. *Тоска* как ***категория невыразимого*** выступает в корреляции с категорией *неопределенности*, эксплицируемой феноменом “Что-то”. В русской художественной картине мира она овнешняется посредством множественного спектра вербальных дескрипторов (тоска: *“страшная”, “смертная”, “мрачная”, “судорожная”* и т.п.). *Тоска* категоризируется в русском языковом сознании как некая сущность, не имеющая границ (безмерная).

Вышеописанные гносеологические детерминанты русских эмоциональных концептов (на примере концепта “Тоска”) обусловлены целым рядом факторов: социально-исторических, политических, этнокультурных, этнопсихологических и, не в последнюю очередь, географических, климатических и др. При этом важно подчеркнуть, что эмоциональные концепты, отражаемые в *индивидуальных* художественных картинах мира в значительной степени подвержены процессу социологизации, поскольку литературные пространства разных авторов детерминированы параметрами общего кода того культурно-языкового сообщества, членами которого они являются. Это объясняет тот факт, что независимо от описания эмоциональных концептов в художественной картине мира Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. создаваемые ими художественные когнитивные модели эмоциональных концептов по своим онтологическим свойствам во многом обнаруживают относительно *идентичные* концептуальные признаки, *схожую метафорику, эмотивные ситуации, идентичные каузаторы эмоций* и т.п.

При выборе языковых репрезентантов эмоциональных концептов создатели русской классической литературы демонстрируют высокую художественную силу и возможности языковых ресурсов русского языка и, вместе с тем, способность тонкого проникновения в невидимые миры человеческих переживаний и умение оные отражать во всем их многообразии и субтильности. Эту мысль весьма убедительно выразил Э. Мюллер-Камп, один из немецких знатоков русской литературы конца 19-го и начала 20-го века: “Русская литература характеризуется *особой силой изображения* и *живописной* репрезентацией душевных переживаний. […]. Причем следует иметь ввиду, что это характерно не только для *поэтического* осмысления человеческих чувств, но и в целом для непосредственного *воздействия русского искусства слова, сила и могущество которого превзошло все границы* и продолжает ощущаться как и прежде в новейшей литературе мира” [Мюллер-Камп 1947 : 313].

Концепт TRAURIGKEIT “ПЕЧАЛЬ” в немецкоязычной художественной картине мира

Концепт TRAURIGKEIT занимает четвертое место в корпусе доминантных эмоциональных концептов в немецкоязычном художественном дискурсе (после концептов “ страх”, “любовь” и “отчаяние”) [Фомина 1999; Мокшина 2003]. Прослеживается тесная взаимосвязь описания “*ПЕЧАЛИ*” с “*ОДИНОЧЕСТВОМ*”, которое может рассматриваться и как один из возможных каузаторов печали. Проблематика одиночества служит предметом философского осмысления как в немецкоязычной классической, так и современной литературе. “Для нас, людей в западном мире, является само собой разумеющимся во всем, различать между субъектом и объектом. Мы разделяем между “Я” и окружающим нас миром (“Оно-мир”/”Es-Welt”). […] В “Палестрине” Пфютцнера маэстро жалуется: “Как чужды и неизвестны люди друг другу, *сущность мира есть одиночество*” [Kölbele 1980 : 159]. Этой мысли об одиночестве вторят следующие строки из стихотворения Германа Гессе: “*Seltsam, im Nebel zu wandern! Leben ist einsam sein. Kein Mensch kennt den anderen, jeder ist allein*” [“Странно бродить в тумане! *Жизнь – это быть одиноким*. Ни один человек не знает другого, каждый – один”] [там же: Kölbele 1980 : 159].

Концепт TRAURIGKEIT, являясь релевантным для немецкоязычной художественной картины мира, коррелирует , главным образом, со следующими негативными реалиями: “Schmerz” (“*БОЛЬ*”), “Tod” (“*СМЕРТЬ*”), “Krankheit” (“*БОЛЕЗНЬ*”), “physische, psychische und geistige Defekte” (“*физические, психические и духовные ДЕФЕКТЫ*”), “Unvollkommenheit” (“*несовершенство*”), “Mängel” (*недостатки*”), “auf den Untergang angewiesene Umwelt” (“Apokalypse”) (“*мир природы, обреченный на ГИБЕЛЬ*”, “*Апокалипсис*”), “sterbende Natur” (“*умирающая природа*”), “negativ charakterisierende Fauna” (“*негативно характеризуемая ПРИРОДА*”), “Gewalt” (“*НАСИЛИЕ*”), “Mord” (“*смерть*”), “Blut”(“*КРОВЬ*”), Terror (“*ТЕРРОР*”), die Farbe “Schwarz” (“*ЧЕРНЫЙ цвет*”), “technokratische Welt” (“*технократический мир*” (“МИР МАШИН”)) u.a.

Обратимся к рассмотрению корреляций концепта “Traurigkeit” с вышеназванными реалиями.

Итак, базовым когнитивным классификатором состояния “Traurigkeit” является физиологическая детерминанта “*ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БОЛИ*”. Боль выступает перманентным признаком печали, причем речь идет, главным образом, о нравственной, душевной боли, доставляющей человеку много страданий и от которой невозможно избавиться. Ср:

Mit oder neben ihm wohnten andere durchaus ein wenig *nach Schiffbruch aussehende Menschen*, und über einige von ihnen schien *ein höhnisches Schicksal* in Abständen immer wieder *Scheitern*, ***Schmerz*** und *Verdruss* auszuschütten, sodass nicht gerade selten *wildes Stöhnen* und *gewaltig rasende Verzweiflungsausbrüche* Einzug hielten [E. Einzinger “Das wilde Brot”].

Характерным признаком эмоциональной картины мира в немецкоязычном художественном дискурсе является корреляции концепта “ПЕЧАЛЬ” с физиологической категорией “СМЕРТИ”, в целях языковой репрезентации которой используется так называемая “***лексики смерти”,*** т.е. мортоморфная лексика (от лат. *morte* (смерть)). Важно отметить, что лексемы с семой “TOD” (“Смерть”) входят в ядерную зону номинативного поля концепта “Traurigkeit” и чаще всего актуализирует в своем значении *биологическую смерть* [Фомина 2010]. Ср.:

Eine Art *grauslichen Todes* hineingestolpert, hineingestьrzt war: Einfach, weil sie das Leben ohne ihn langweilig, nicht mehr der Mьhe wert fand [K. Raeber “Der Kopf”].

Нередко содержится указание на *места*, связанные с захоронением людей. Например:

Friedhof (*кладбище*”); Wir sind im *Totenreich*. *Farbloses im Farblosen* (M.Walser “Ein fliehendes Pferd”); “*Царство мертвых. Бесцветное в бесцветном*”); Der See eine Raffel aus Blei. Die Insel ein *Totenschiff* (M.Werner “Festland”) [Озеро – щетка из свинца; Остров – “мертвый корабль”]; …fürchte mich nicht vor freigeschaufelten *Gräbern*, weil die Erde ja offen ist, um uns wieder aufzunehmen (B.Schwaiger “Wie kommt das Salz ins Meer”) [“Не испытывал страха перед свежевырытыми *могилами*, так как земля уже открыта для того, чтобы снова забрать нас к себе”] и т.п.

Небезынтересно подчеркнуть, что с семантико-когнитивном пространстве “***смерти***”, коррелирующей с концептом “Печаль”, человек обозначается не как “ЧЕЛОВЕК”, а как “*ЭКЗИСТЕНЦИЯ*”. Ср.:

“*Tragödien* aller beendeten schweizerischen ***Existenzen***” [Jürg Laederach “Mördli”] [“трагедии всех закончивших свой путь экзистенций”]. Сама жизнь детерминируется как “***шок***”: Live ist das Leben allemal ein *Schock* [M. Baur “Alle Herrlichkeit”].

Массивное проникновение *мотива смерти* в современную европейскую литературу отмечается многими учеными. Так, с точки зрения одного из известных австрийских литературоведов, Клауса Цойрингера, данная тенденция объясняется “стремительным распадом ценностей *ведущих идеологических структур*. Параллельно с этим неудержимый рост *категории субъективности* отражается в каждом отдельно взятом индивидууме – и особенно в ситуациях повседневного бытия” [Zeyringer 1992 : 243]. В рамках *субъективистской* литературы *мотив смерти* приобретает особое значение. Однако в сравнении с опытом второй мировой войны взгляд на мотив смерти решительно меняется. “Опасаются не исчезновения какого- либо отдельного социума (например, Дунайской монархии), *а мира как такового*. В новейшей литературе второй половины 20 века *мотив с*мерти прослеживается под другими знаками, но со все более расширяющимся значением и чаще всего с апокалипсическими тенденциями” [Zeyringer 1992 : 243-249]. Как подчеркивает К. Цойрингер, кривая самоубийств в Австрии выше, чем в подавляющем большинстве европейских государств. Тема самоубийства присутствует во многих литературных произведениях и соотносится, как и собственно тема смерти, с “одиночеством”.

Следующим знаковым признаком номинативного поля концепта “Traurigkeit”, объективируемого в немецкоязычных художественных текстах, является наличие гетерогенного спектра лексем с архисемой “*БОЛЕЗНЬ*”. Ср.: (Der Kopf eines *Märtyrers*, nein, eines *Todkranken* [E. Loest “Nikolauskirche”]; Der Mensch ist “*ein krankes Wesen*” [B. Strauss Paare, Passanten) etc.). Любопытно подчеркнуть, что в современном немецкоязычном художественном дискурсе при описании состояния печали весьма часто используются вербальные

манифестаторы конкретных болезней, а также сопряженных с ними явлений, характерных именно для эпохи 21-го века. Например: *Euthanasiehaftes* (“автоназия”), *Lethargie* (“летаргия”), *Leukämie* der Geschichte (“лейкемия”) и др.

Ср.: … so waltet doch über dem letzten Akt dieser zu besinnlichen Lehrstücken umgewandelten Tragödien aller beendeten schweizerischen Existenzen etwas ganz und gar *Euthanasiehaftes* [Jürg Laederach “Mördli” , Schweizer Erzählungen, Bd. II].

Alles ist gut, um nur dieser Leere zu entkommen, dieser *Leukämie* der Geschichte und Politik … [B.Strauss “Paare, Passanten”].

Когнитивная модель “печали” облигаторно содержит эпистемологические составляющие, семантическое содержание которых образуют ***физические и психические*** ДЕФЕКТЫ человека (Например: eine Gruppe von *Behinderten* (“группа инвалидов”), über all *kalten Krüppel (“*над всеми холодными калеками”), aus *zerstörten augen* (“из разрушенных глаз”), *Blindgänger* (“слепец”), Der *Mensch* sei […] *ein Fehler der Natur*, человек … “ошибка природы” и т.п.). Ср.:

Ich wurde diesmal in Gestalt einer Bombe ins Dasein geworfen, aus der ein *Blindgɔnger* geworden ist [B.Frischmuth “Machtnix”].

Der *Mensch* sei zweifellos *ein Fehler der Natur*, aber der Kleinbärger sei die Erhebung des Fehlers zum Programm [M.Walser “Ein fliehendes Pferd”, S. 48].

Одним из системообразующих элементов концептуальной структуры концепта “Traurigkeit” является ***ментальный фрейм***, представляющий негативные характеристики *интеллектуальных* качеств современного человека. Ср.: *verrückt* (“сумасшедший”), *schwachsinnige* Zigaretten-Reklamen (“слабоумные рекламы сигарет”) и т.п. Ср: Eine kulturelle Egalität, die jedem Ding gleichen Erscheinungswert zubilligt, ist *die Wüste des Bewusstseins;* und sie wächst, sie drängt an den Rand des *Idiotismus* ... [B. Strauss “Paare, Passanten”, S. 196].

Неотъемлемой конституирующей частью когнитивной модели искомого концепта в немецкоязычном художественном пространстве выступает НАТУРОМОРФНАЯ составляющая. Природа соответствует состоянию человека и квази страдает вместе с ним.

В то же время, рассуждая о природе, человек говорит о себе самом, так как "…описания природы как ничто другое повествуют доверительно о *счастье или несчастье самого автора*. Ландшафт (природа) всегда имеет окраску души ("Seelenfärbung")" [18]. Печаль коррелирует с такими образами природы, как: *"Finsternis" ("мрак"), "Gräue" ("серость"), "Dämmerung" ("сумерки"), "Schwärze" ("чернота"), "Abend" ("вечер"), "Untergang" ("закат"), "Tod" (смерть") и т.п.*

Когнитивной преференцией (предпосылкой) или каузатором печали в немецкоязычной художественной картине мира зачастую является феномен "*НАСИЛИЕ*", языковые манифестаторы которого характеризуются *предельной степенью пейоративности*. В номинативном пространстве концепта "*Печаль*" лексемы "насилия" входят в ближнюю периферию. Приведем примеры:

Als *Zerschmetterte* aber leben wir weiter [M. Walser "Ein fliehendes Pferd"] ("Раздавленные (раздробленные на мелкие кусочки), но все же мы живем дальше"); …*blutige Reste gemordeten* Daseins [B. Strauss "Paare, Passanten"] ("кровавые остатки убитого существования"); Dies Leben hat […] sein *Riesengefängnissystem von Ehren und Pflichten* [P. Nizon "Canto auf die Reise als Rezept"]; ("Жизнь имеет систему огромной тюрьмы, состоящей из прав (почестей) и обязанностей") и т.п.

Насилие во всем его многообразии направлено на человека. Его вербальными репрезентантами выступают глаголы ***"разрушения" и "уничтожения",*** которые, в свою очередь, сопряжены с глаголами ***"убийства", "смерти"***. Ср.:

Der *Mörder*, wenn er sein Werk getan, seine Pflicht erfüllt, wenn er diejenige, die er nicht mehr ertragen konnte, deren Leben sein eigenes Leben, deren Gegenwart seine eigene Gegenwart *erdrückte, erstickte, zermalmte, getötet hatte* […] [K. Raeber "Der Kopf"]).

В качестве ключевых вербальных манифестаторов насилия используются следующие лексемы: "*Mord*" *("убийство"),* "*Tod*" ("смерть"), "*Blut*" ("кровь") и т.п.

Феномен "Traurigkeit" как следствие современных взаимоотношений между миром человеком и миром природы объективируется нередко *экологической лексикой* ***(эколексемами)***, которая

по своему эмотивно-аксиологическому статусу является *экстремно-негативной* и выступает в качестве важного конституирующего элемента когнитивной модели “печали”.

Ср.: *Smog* (“смог”), die *Abgaswolken* (“газовые облака”), nur die *öde graslandschaft* (“только пустынный травяной ландшафт”) и т.п. Например: In welche Sprache wollten die *Abgaswolken* hinter den Büschen, die die Allee begrenzten, übersetzt werden? [E. Einzinger “Das wilde Brot”]. (Ср.: “На какой язык хотят быть переведенными *газовые облака*, скрывающиеся за кустарниками?” *Vorabendschwere* auf Landschaft und Herz. Der See eine *Raffel aus Blei.* Die Insel ein *Totenschiff* [M. Werner “Festland”].

В номинативном поле концепта “печали” отмечается также ***сакральная лексика,*** использующаяся в качестве дескриптора искомого состояния. Например: *Märtyrer, Paradies, Hölle и т.п.* Ср: *[…] Der Kopf eines Märtyrers, nein, eines Todkranken [E. Loest “Nikolauskirche”].*

Составной частью концептуально-языковой модели “печали” являются ***мифологемы***. Ср.: *monsterfaden* “монстробразная нить (неба)”, “*keine Königin von Saba* (“не королева Саба”, *Apollo* (“Апполон”), der *Einsamkeits-Kasper* (“Каспер”), “Снежный человек” и т.п. Например:

• …Der *Einsamkeits-Kasper*, der seinen äusseren Anschein allein dazusitzen am Restauranttisch, kaum ertragen kann ... [B. Strauss “Paare, Passanten”].

• Man ist ja heutzutage ein *schneemensch*, völlig aus wolle bestehend, und zieht man am faden, dann löst sich der ganze sic-beulen-pulli-auf [K. Röggla “Abrauschen”].

Нередко ЭК “Traurigkeit” описывается в немецкоязычной художественной картине мира в терминах vs. понятиях *чужих культур*, вербализуемых посредством лексических единиц иностранного происхождения. Как правило, речь идет об ***иностранных словах***, заимствованных преимущественно из английского, французского и латинского языков. Ср.: *“life is shopping”, “optimiert”, “Euthanasiehaftes”, “Narretei”, “dressierst”* и т.п. Ср.:

• Jeder weiss, dass wir zu viele sind: jeder ahnt, dass die Städte *kolabieren* werden; dass die *Natur keine Zukunft* hat; dass unsere

Kultur Zeichen der Infantilität zeigt; dass die Balance zwischen Vernunft und Gefühl beim Teufel ist [M. Krüger “Himmelfarb”].

• Der *Fanatismus* und die *Kanonenlust* und jede andere Niedertracht und *Narretei* ist letzten Endes nichts als Wärmemangel, und nicht umsonst heisst es vom Teufel, sein Schwanz sei kalt wie Eis [Markus Werner “Ausgezappelt”.

Перцептивная парадигма “печали” в европейском литературном дискурсе коррелирует прежде всего с *ЧЕРНЫМ* или *серым* цветом. Ср.: (*pechschwarz*, *lavaschwarz*, aus den *dunkelgrauen* Schatten, die *finsterste* (Gräue), am *steingrauen* Himmel, “jede *alltagsgrau* verhängte Stunde”, *gewaltige schwarze* Rauchwolken etc.).

В моделировании концептуальной структуры “печали”/“одиночества” в немецкоязычных художественных текстах активно “участвуют” многочисленные ***когнитивные*** **метафоры**, которые в своем большинстве маркированы негативно. В когнитивное поле концепта *печали* входят метафорические **образы фауны,** соотносящиеся априори с пейоративно коннотатированными обозначениями животных.

Человек, общество идентифицируются с: *а)* ***мышами***: […] die gesellschaft ist […] ganz dicke mit den ingenieuren und nicht etwas mit *so frequenzmäusen an philosophie* [K. Röggla “abrauschen”]; б) ***пресмыкающимися:*** ... auf meinem Nacken hockt schon jahrelang ein Doppelzentnersack […], ein Gemisch aus Traurigkeit und Sünden, ein schwarzes *Kriechtier* bin ich, behüt Euch [M. Werner “Ausgezappelt”]; в) ***морскими свинками:*** […] arbeitsamt: da sind sie schon, *die meerschweinchen – taten*, in die man hineingeschwenkt wird, menschen in erwerbsgrössen, im *pavlowschen hund* festgefroren die meute. [K. Röggla “Abrauschen”] и т.п.

Особую значимость при категоризации “печали” имеют разнообразные типы когнитивных ***техногенных метафор.*** Сферой-источником таких метафор служат современные *технические* реалии (как результат научно-технического прогресса). Ср.: *Techno-Konservenmusik* (“технократическая консервная музыка”), ich …als *fischfanggerät*, als *holzschachtel*, als *kopiermaschine* (я […]: как “приспособление к рыбной ловле”, как “музыкальная шкатулка”, как “копировальная машина”, “робот”,

“диктофон”, *Bürogummi*, (“канцелярская резинка”), “асфальтный литератор” и т.п. Приведем примеры:

Einer Jugend, die sich beim *HipHop* […] bereits zu sehr mit politischen Inhalten […] konfrontiert sieht, muss der biedere Minimalismus *der Techno-Konservenmusik* sozusagen *zu rettenden Offenbarung* werden [E. Einzinger “Das wilde Brot”].

Ich war ein *Roboter*, dessen Leben in einem sich ständig wiederholenden Ritual von Gewohnheiten verlief [E. Schmidt “Zwischen der Zeit”].

[…] und heraus kommt die innenfüllung: *papierfetzen*, *dosen*, *bleiche gestalten*, *gesichter_wie autos* …[K. Röggla “Abrauschen”].

Ein zum *Asphaltliteraten* verkommener Ingenieur. *Eine gescheiterte Existenz* [M. Roda Becher “Augenblicke in Montevideo”].

Перечисленные выше *метафорические “техногемы”* (лексемы, соотносящиеся с достижениями технического прогресса) составляют один из ключевых культурно-специфических признаков современного немецкоязычного дискурса.

Глубина печали, ее безграничность при взаимодействия природы и человека эксплицируется в немецкоязычной художественной картине мира посредством обширного корпуса средств с формальными экспликаторами эмоций*: суперлативов, префиксальных и суффиксальных дериватов, тотализаторов, редупликаторов, квантификаторов* и т.п. Например:

а) <u>превосходная степень</u> соответствующих адъективных лексем [z. B. Die *finsterste* Gräue (M. Baur, “Aller Herrlichkeit”) ; Die Schweissperlen des *einsamsten* Sich-überlassen-Seins [B. Strauss “Paare, Passanten”];

б) различные *<u>типы префиксации и суффиксации</u>* [z. B. Kykladischer *Überhelle* (G. Bachmann); *Unüberwindliche*, *unausschaltbare* Lebensmüdigkeit (B.Strauss); *überlange* Schatten (M. Baur); *Unerheblichkeit* seiner Existenz (B.Strauss)];

в) *адвербиальные <u>тотализаторы</u>* [*Glanzlos grau* die Seen [M. Baur]; Es ist ein jämmerlicher Traum, *ungeheuer*, mein Leben [F. Philipp Incold “Aida N.”, Schweizer Erzählungen, Bd. II].

г) *“черные” цветовые <u>композиты</u>* […die *das dunkle Grau* beider Vulkankegel in der Caldera *pechschwarz* erscheinen lässt.

[G. Bachmann “Der Engel der Vergangenheit”] …am *lavaschwarzen* Strand unter *lavaschwarzem* Wolkenhimmel; Morgendämmerung am *steingrauen* Himmel [B. Strauss “Paare, Passanten”].

д) квантитативная характеристика печали [*Vorandendschwere* auf Landschaft und Herz (M.Werner); Was uns *zentnerschwer* drückt (G. Grass); Der Überdruss, die *Unbeweglichkeit*, eine *grosse Müdigkeit*, eine gezielte Stummheit, die Trägheit bilden die Kehrseite des Denkens – oder vielmehr seine Begleitung… [B. Strauss “Paare, Passanten”]. Эпистемологическими квантификаторами концепта “*Traurigkeit*” выступают (см. пункт [д]) таксономические признаки “тяжести”, “неподъемности”, “неподвижности” печали. Мерой тяжести печали выступает, в т.ч. “центнер” как единица измерения печали (“*…что давит на нас подобно центнеру”* Г. Грасс).

Концепт “*Traurigkeit*” объективируется лексемами, семантика которых актуализирует *высшую степень депрессии*, *страха* перед окружающим миром. В контексте сказанного следует отметить, что интенсивная лексикализации (тематизация) депрессии как высшей точки проявления печали обнаруживается как в современных *немецких*, так и *австрийских*, и *швейцарских* литературных произведениях. Базельский университет (Швейцария) изучил вопрос о том, какое воздействие оказывает на *здоровье* швейцарского населения чрезвычайная концентрация угрожающих событий последних лет. Как пишет немецкая газета “Zeit”, результат оказался ошеломляющим: “40,5 % населения испытывают чувство “*угрозы*”. Более четверти опрошенных (всего было опрошено 1000 швейцарцев) считает многие “важные сферы их жизни (работа, свободное время, семья) *неконтролируемыми*”. “Значительная часть швейцарского населения, по мнению экспертов, ощущает себя в “*состоянии беспомощности*”. Факт “увеличения депрессионного риска” подтверждает и сопоставление с результатами опроса, полученными психологом Юргеном Марграфом. Легкие депрессивные расстройства удвоились на 16 %. “Болезненные депрессии с высокой степенью вероятности” возросли более чем на половину (9,4%)” (Urs Willmann // Zeit. 46, 8.11.01, S. 35).

Отличительной чертой языковых репрезентантов концепта “Traurigkeit” является тот факт, что среди них значительную часть

представляют ***композиты*** – *двух-, трех-, четырехэлементные* слова, что позволяет существенно аккумулировать, семантически уплотнить разнородные эмоциональные признаки печали и тем самым усилить степень их прагматического воздействия и перзуазивности. В подобных (композитных) языковых репрезентациях печали наиболее рельефно проявляются гештальтные образы искомого концепта.

Ср.: *"Vor-sich-hin-Leben"*, *"Sich-überlassen-Seins"*, *«"pluspunkte-sammeln-im-lebe"*, *"die meerschweinchen – taten"*, eine Tränensackexistenz» и т.п.

• Die Schweissperlen des einsamsten *Sich-überlassen-Seins* [B. Strauss "Paare, Passanten"]; arbeitsamt: da sind sie schon, *die meerschweinchen – taten* …[K. Röggla "Abrauschen"]

• Dabei war das Schildchen entbehrlich, denn die Nicht-Blicke der Flanierenden verraten, was man geworden ist: eine Zumutung, eine *Tränensackexistenz*, ich nehme zur Not den *Tod* in Kauf, niemals das Ende der Anziehungskraft [M. Werner "Festland", S.39].

Таким образом, эмоциональный концепт "Traurigkeit", репрезентированный в немецкоязычной художественной картине мира взаимодействует с многочисленными, зачастую пейоративно маркированными, реалиями, что находит отражение в структуре (ядре и периферии) номинативного поля искомого концепта. Лексические средства, использующиеся для художественной репрезентации переживаний печали, гетерогенны по своему семантическому составу. ***Ядро*** номинативного поля концепта "Traurigkeit" структурируется преимущественно лексемами с эмоционально- психологическим и интеллектуально–культурологическим содержанием. В качестве языковых репрезентантов искомого эмоционального состояния используются слова из различных парадигм человеческих знаний: *философии, медицины, естествознания, физики, культурологии, экологии, мифологии, политологии, социологии, экономики* и т.п. Важная роль отводится *эколексемам, теологемам, техногемам, колоремам,* а также *неологизмам*, нередко манифестируемым *композитами*. ***Периферию*** номинативного поля анализируемого концепта составляют диалектизмы и *стилистически*-сниженная лексика.

Концептуальные метафоры печали образуют базис *когнитивного* поля концепта “Traurigkeit”. Важно подчеркнуть, что на первый план выступает лексика с экстремно-пейоративным содержанием – лексика боли, смерти, болезней, дефектов, физических недостатков, безумия, насилия, убийства, крови и т.п. Важное значение имеют языковые ресурсы ***с формальными экспликаторами эмоций****: суперлативы, префиксальные и суффиксальные деривaты, тотализаторы (усилители) эмоциональности (экспрессии), редупликаты, квантификаторы* и т.п.

Базовые элементы когнитивной модели эмоциональных концептов

Эмоциональные концепты, по мнению А. Вежбицкой, “могут быть истолкованы через так называемые “универсальные семантические примитивы” типа “хороший”, “плохой”, “делать”, “происходить”, “знать” и “хотеть” […], в том числе, через “*субстантивы*”, “*детерминаторы*”, “*квантификаторы*”; “*ментальные предикаты*”, “*действия и события*”, “*оценки*”, “*дескрипторы*”, “*время и место*”, “*метапредикаты*, “*интенсификаторы*”, “*таксономию и партономию*, и *прототипы*” [Вежбицкая 1992 : 331] и т.п.

По результатам наших наблюдений, как в русских, так и немецкоязычных художественных текстах прослеживается наличие не только *универсальной лексической типологии*, служащей целям вербализации эмоциональной картины мира человека, но целого ряда *универсальных* **системообразующих элементов концептуальной модели** эмоционально-психологического состояния человека.

Когнитивная модель наиболее частотных эмоциональных сущностей, репрезентируемых в художественном дискурсе разных культур (русской, немецкой, австрийской, швейцарской) конституируется, как следует из проведенного нами анализа, на основе широкого спектра гетерогенных эпистем, детерминируемых ментальными, психологическими, физиологическими, пространственными, темпоральными, акциональными, сенсомоторными, модификационными, онтологическими, перцептивными и др. таксономическими

классификаторами. Модусная (периферийная) часть когнитивной модели эмоций обнаруживает *этнокультурную* специфику в репрезентации эмоций в разных национально-культурных пространствах, однако **ядерные зоны** концепта облигаторно включают *универсальные* когнитивные признаки. Итак, представим когнитивную модель доминантных эмоциональных концептов с их гносеологическими составляющими и слотами в соответствии с фреймовым подходом к рассмотрению когнитивной структуры концептов:

1) темпоральный фрейм как элемент когнитивной структуры ЭК и его слоты:

*а) “**внезапность**” наступления чего-либо* (“вдруг”, “неожиданно”): (plötzlich, unerwartet) “Aber *plötzlich* überfiel mich eine andere Angst, die jagende, grauenhafte Angst.” (St. ZWEIG).

б) “***невозвратимость***” (“безвозвратно”, “навсегда”): Unwiederbringliche Verlorene (безвозвратно потерянное) и т.п.;

2) ментальный фрейм с указанием доминантных слотов:

а) “***ирреальность происходящего***” (“как будто”, “как если бы”):

ирреальное воображение чего-либо/ игра сознания/ (als hätte man... [как будто-бы…]; “Als die Tür zufiel, war ihm, als schließe sich ein *Sarg*.” (St. Zweig) [Когда дверь закрылось, ему казалось, что как-будто бы закрылась крышка гроба] и т.п.

б) “***компаративность***” “(как”, “словно”): wie die Spinne im Netz [Как паук в паутине…], wie eine Ameise [как муравей…], wie ein Verurteilter [как приговоренный…] и т.п.;

в) “***селективность/возможность выбора***” (“лучше бы”): Lieber hätte ich... [Лучше бы я…]) и т.п.;

3) физиологический фрейм структуры ЭК и его слоты:

а) *психо-физиологические* ***ощущения*** “brannte” (“горело”), “würgte” (“душило”), “drückte”(“давило”), т.е. квазиощущение удушья, ловушки, сети и т.п;

б) ***квазиоцепенение*** (Er wurde starr [“Он остолбенел”]);

4) пространственный фрейм ЭК и его базовые слоты:

а) “*безграничность/* ***беспредельность/запороговость***” переживаемых эмоций (одноименные лексемы): unerträgliches Leid, unerträglicher Schmerz [невыносимое страдание, невыносимая боль] и т.п.;

*б) “**безысходность”/тупик”*** (“конец”, “предел”, “ до дна”): Der Mensch ist zu Ende; Der Becher ist ausgetrunken [“Человек на грани”, “Чаша выпита до дна”]);

5) антиномический фрейм ЭК:

*“**полярность**/ амбивалентность”* (“холодно-жарко”): “kalt”/ “hei*ß* [“холодно”/жарко”: “*kalt*”: “Ich lag *kalt* in allen Gliedern.” (St. ZWEIG).

6) сенсомоторный фрейм структуры ЭК:

*а) “**неосознанность** действий”* (mechanisch, automatisch “механически”, “машинально”, “автоматически*”)*: “Sie schleppte sich in das andere Zimmer mit *automatischen* Bewegungen und *entseelten* Sinnen.” (St. ZWEIG).

*б) “**хаотичность** движений” (*“беспорядочно”, “из стороны в сторону*”);*

7) экзистенциональный фрейм ЭК:

*“**изменчивость** состояния” (“застыть”, “окаменеть”, “одеревенеть);*

8) акциональный фрейм ЭК:

“***незавершенность”*** каких-либо действий (“почти”, “чуть было”): Ich hätte fast... [Я почти …]);

9) социально-ограничительный фрейм ЭК:

Признак социального отчуждения/признак *отрицания* (*Nirgends* wartete eine Freude, *nirgends* ein Zuruf auf mich) [“*Нигде* не ждала радость, *нигде никто* не звал меня] и др.;

Эпистемологическую основу фреймов, конституирующих когнитивную структуру ЭК, составляет стратегия противопоставления/поляризации категорий *разума и чувства*, где первое (разум) под влиянием тех или иных каузаторов вытесняется или существенно подавляется сенсуалистическими константанами. К числу когнитивных стратегий (способов), позволяющих конституировать типичную (универсальную) модель эмоций в художественных дискурсах разных культур и, соответственно, эксплицировать релевантные концептуальные признаки репрезентируемых эмоциональных переживаний, следует отнести:

• Внезапность создания эмоциональной ситуации (*вдруг….. внезапно…. неожиданно…*).

• Сожаление о выборе (предпочтении) того или иного действия (поступка) (*лучше бы я…*).

• Ирреальность происходящего: Все происходит не наяву (*“как будто”, “как если бы”*).

• Tertium comparationis: Сравнение исходной эмоциональной ситуации с уже известной (*как паук (муравей)…; как приговоренный…*).

• Появление психофизиологических симптомов (*как-будто душило, горело …*).

• Контрастность переживаний (*холодно-жарко*).

• Хаотичность предпринимаемых действий (*механически, машинально, автоматически ходила, слушала, передвигалась …*).

• Запороговость эмоций (*невыносимое страдание* и т.п.).

• Колористическая составляющая (тоска: зеленая, черная, серая).

• Изменчивость состояния или квази прекращение существования (*остолбенел, одеревенел*).

• Квази незавершенность действий (*почти, чуть было…*).

• Безысходность или невозможность выхода из ситуации (*безвозвратно”, навсегда*).

• Социальное отчуждение или утрата веры в возможность изменения сложившейся ситуации и (*нигде не ждала…, никто не мог…, никогда…*) и др.

Резюмируя сказанное, мы можем заключить, что чаще всего эмоции репрезентируются не как действительное, существующее в данный момент времени состояние, а как некое ***ирреальное (виртуальное) состояние***, причем, независимо от того, идет ли речь о личностной эмоции, переживаемой говорящим, т.е. о само-репрезентации эмоции или о чужой эмоции, опосредованно эксплицируемой повествующим лицом.

Вышеуказанные когнитивные симптомы переживаемого эмоционального состояния лежат в основе любой когнитивной структуры ЭК, преимущественно негативно маркированного, раскрывают его семантическое содержание, ценностное наполнение и формируют представление о специфике его отражения в языковом сознании представителей разных этнокультурных языковых сообществ (русской, немецкой, австрийской, швейцарской).

Общее и различное в языковой репрезентации эмоциональных концептов в русской и немецкоязычной художественных картинах мира

Исследование специфики категоризации эмоциональных концептов в разных художественных картинах мира, анализ их семантико-когнитивного содержания, особенностей моделирования их когнитивных структур, выявление и сопоставление их концептуальных признаков, определение корпуса их языковых репрезентантов, а также описание специфики их метафоризации обнаруживает как относительную *идентичность* концептуализации и категоризации эмоциональных концептов в русской и немецкоязычной художественной картинах мира, так и определенные идиосинкратические черты.

Относительная *идентичность* категоризации эмоциональных концептов в русской и немецкоязычной художественной картинах мира во многом мотивируется тем, что "все наиболее значимые идеи и представления человечества восходят к *архетипам*. "Они являются вариантами древних представлений, так как функция сознания заключается в том, чтобы не только воспринимать органами чувств и распознавать внешний мир, но и уметь творчески переводить внутренний мир во внешний" [Jung 1931 : 175].

К **универсальным** признакам категоризации эмоциональной картины мира в четырех проанализированных художественных дискурсах следует отнести: 1) доминирование ***негативного*** спектра в сфере языковых средств, объективирующих эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественной картине мира; 2) высокая степень ***экспрессивности*** при языковой репрезентации эмоциональных переживаний; 3) преобладание ***динамического*** (интенсивного/конденсаторного) способа языкового отражения эмоций (в сравнении с их экстенсивным описанием); 4) широкое использование ***когнитивных метафор*** как средств объективации ЭК; 5) в парадигме когнитивных метафор доминируют преимущественно *антропоморфные (физио- и психоморфные), натуроморфные, гидроморфные* типы метафор; 6) Интенсивное использование ***эмотивно-ассоциативных*** слов и др.

Различия в сфере категоризации ЭК в русской и немецкоязычной художественной картине мира проявляются как в сфере

иерархии доминантных ЭК, особенностях их когнитивных структур, наборе концептуальных признаков, выделении ядра и периферии, эго- и социоцентричности, так и в выборе языковых репрезентантов, отличающихся по стилевой принадлежности, семантической плотности, степени детализации и др. Так, в сфере языковой категоризации эмоций в художественной картине мира разных культур отмечается: 1) относительно высокая степень присутствия *патетической*, торжественной лексики в русском художественном дискурсе, *менее выраженная степень патетики* в немецкоязычном дискурсе; 2) доминирование слов, как языковых манифестаторов ЭК, относящихся к *высокому стилю* в русской художественной литературе, преобладание *нейтрального* в немецкоязычных литературных текстах; 3) активное использование *архаичной* лексики как способа объективации эмоциональных реалий в русских художественных произведениях в сравнении с приоритетностью (предпочтением) *современной* лексики в аналогичных контекстах в немецкоязычных литературных текстах; 4) эгоцентрическая тенденция в отражении ЭК в русском литературном дискурсе, социоцентрическая – в немецкоязычном; 5) семантическая *плотность* описания эмоциональных реалий ***существенно выше*** в *русской* художественной картине мира в сравнении с *немецкой, австрийской и швейцарской*; 6) русский литературный дискурс обнаруживает более высокую степень *детализации* категоризируемых эмоций в сравнении с немецкоязычными литературными текстами; 7) сферами-источниками метафорических образов служат, как правило, различные реалии в разных языковых культурах (например, машинные, техногенные, экологические, мортоморфные метафоры не используются в целях объективации русской концептосферы эмоций);

Важно заметить, что ***сходства и различия*** в аспекте изучения языковой категоризации ЭК прослеживаются не только на уровне дальнеродственных лингвокультур (русской и немецкоязычной), но и на уровне сопоставления *близкородственных культур*. Так, по результатам нашего исследования, ценностно-смысловое наполнение эмоциональных концептов в *немецкой, австрийской и швейцарской художественной* картинах мира обнаруживает как общие,

так и отличительные черты, зафиксированные в модусном сегменте их когнитивных структур.

Эмоциональная детерминанта личностной и этнической идентичности, отражаемая в художественной картине мира *немцев, австрийцев и швейцарцев* формируется на основе общей *духовной настроенности общества*, детерминируемой эпохой, которая апостериори накладывает значительный отпечаток на картину мира, фиксирующуюся в языке, на ценностно-смысловое наполнение концептов и характеризуется определённой *доминирующей моделью мироустройства*. ***Общая*** для немецкого, австрийского и швейцарского общества ***негативная*** эмоциональная составляющая складывается на основе разных факторов, обусловливающих национально-культурную специфику художественной картины мира.

Современная объективная действительность Западной Европы представляет собой весьма гетерогенную картину: в условиях относительно стабильного социально-экономического положения обнаруживает себя сложная *психологическая и морально-нравственная ситуация*. Работы многих современных философов и культурологов посвящены данной проблематике [см., например, работы З.Я. Фрейда 1989; О. Шпенглера 1991; К.Г. Юнга 1991; А. Дж. Тойнби 1999; К. Лоренца 1992 и др.]. По мнению большинства учёных, цивилизация как форма существования современного общества, вместе с практическим благоустройством несёт в себе большую опасность – она убивает *внерациональное*, пытается “сублимировать бессознательное” в целях разума. *Недостаток позитивных эмоций и избыток отрицательных переживаний* фиксируется в языке – культурном “ядре”, а точнее в художественной картине мира. Широкая представленность эмоций из группы “негативных” приводит к более богатым и вариативным возможностям их вербальной экспликации в сравнении с языковыми рефлексиями ЭК с позитивным содержанием.

Современные художественные произведения ***немецких, австрийских и швейцарских*** авторов изобилуют описанием событий, аккумулирующих негативные чувства и состояния. Так, например, по наблюдениям литературоведов, в ***австрийской*** литературе причиной доминирования *отрицательного эмоционального фона*

являются следующие проблемные ситуации: 1) *Противостояние женщин против власти "мира мужчин"* (см. художественные произведения: Bruha 1984; Welsh 1988; Frischmuth 1994 и др.), 2) *Проблема духа и тела*. Спор между сексуальностью и её общественным значением. Насаждение культа секса и тела (см. произведения: Mitgutsch 1985; Grill 1985; Schmölzer 1982 и др.), 3) *Жизнь ребёнка в узких рамках, диктуемых взрослыми* (см. романы: Handke 1981; Bernhard 1986; Pelinka 1985 и др.) [K. Zeyringer, 1992].

В произведениях современных ***швейцарских*** авторов, в особенности женщин-писателей, наиболее значимыми в аспекте мотивации превалирования отрицательного фона являются следующие темы: *СПИД, гомосексуальность, бесчувственность* (No-future-gefühl), *наркотики, разрушение карьеры, давление со стороны мужчин и общества* и др. [Matt 1998 : 96].

Важно подчеркнуть, что вербализация эмоциональных концептов в ***австрийском*** художественно-семантическом пространстве обнаруживает в большей степени *культурно-специфические* вариации в сравнении, например, со ***швейцарской*** художественной картиной мира. Это объясняется тем, что в австрийской лингвокультуре в целом, причем как в ее языковой, так и эмоциональной парадигме, отмечается заметное историческое влияние языковых и культурных контактов с другими этносами, в частности, *чехами и словаками* (особенно в Вене), *хорватами и венграми* (в Бургундии), *словенцами* (Кертнен и Штайермарке), *цыганами и синти* (в Вене и Бургундии). Указанные этнические группы в значительной степени обогащают австрийский вариант немецкого языка и, несомненно, влияют на его эмотивный лексикон [Haumann 1998].

Что касается языковой репрезентации эмоциональной сферы в ***швейцарском*** художественном дискурсе, то следует подчеркнуть, что швейцарским авторам "явно *не хватает основного стандартного лексикона* немецкого языка, когда, например, речь идет о *еде, кухне, о предметах мебели*, или *об эмоциональных* реальностях" [Haas 1990]. Поэтому в целях языковой репрезентации ЭК в швейцарском художественном дискурсе авторы обращаются, как правило, не к традиционным швейцарским диалектам, повсеместно использующимся во всех сферах коммуникации (в 24 кантонах

Швейцарии), а к языковым ресурсам стандартного немецкого литературного языка.

Выделенные нами универсальные и культурно-специфические признаки категоризации эмоциональных концептов отнюдь не исчерпывают емкость, многосложность и противоречивость эмоциональных сущностей, а также средств их экспликации, поскольку, по ёмкому выражению В. фон Гумбольдта, “Der Mensch geht zwar über seine Sprache hinaus; er ist mehr, als er in Worten auszusprechen vermag” [*Человек выходит за пределы своего языка; он значительно больше того, что он может выразить словами*] [Humboldt 1876]. В то же время сама попытка выявления таких когнитивных эпистем, лежащих в основе моделирования эмоций, нам представляется вполне целесообразной, поскольку она позволяет в известной степени судить о специфике когнитивных механизмов экспликации эмоциональных конструктов в концептуальной картине мира, их когнитивных структурах, особенностях метафоризации, о приоритетности их классификаторов в художественных пространствах разных культур.

Литература

Авва Д. Душеположные поучения и послания. – Калуга: Типография А. Михайлова, 1895.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом пространстве эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – №1. – С. 27 – 35.

Арутюнова Н. Д. Предложение и смысл. – Москва: Наука, 1976.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, изд-во ВГУ, 1996. – 103 с.

Вежбицкая А. Семантика грамматики. – Москва: Наука, 1992.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Наука, 1997.

Винарская Е. Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ: Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – 2001. – №2. – С. 9 – 12.

Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. – Москва: Прогресс, 1985.

Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Процесс, 1989. – 310 с.

Зусман В. Г. Межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: “DEKOM”, 2001.

Колшанский Г. В. Логика и структура языка. – М., 1965. – 240 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

Мокшина Е. А. Когнитивная метафора как средство объективации эмоциональных концептов “Traurigkeit” и “Glück” в немецкой, австрийской и швейцарской картине мира: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Саратов, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2002. – 192 с.

Фомина З. Е., Коновалова Ю.С. Геронтологические категории Молодость и старость в англо-американских языковых рефлексиях в аспекте идиосинкразии // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Серия “Современные лингвистические и методико-дидактические исследования”. – № 2. – 2011. – С. 27 – 43.

Фомина З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. – 336 с.

Фомина З. Е. Немецкие национально-культурные максимы в номинациях сказок братьев Гримм // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Серия “Современные лингвистические и методико-дидактические исследования”. – № 2. – 2010. – С. 25 – 36.

Фомина З. Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1995. – С. 4 – 28.

Чернейко Л. О. Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах: дисс. … док. фил. наук. – М., 1997. – 550 с.

Bickel Hans. Deutsch in der Schweiz als nationale Varietät des Deutschen. Sprachreport. – IDS, Heft 4/2000. – S. 21 – 26.

Fomina Sinaida. Emotional wertende Lexik der deutschen Gegenwartssprache. – Woronesh: Istoki, 1999.

Gollner H. Österreichische Literatur der 2 // Republik. – Wien: Verlag Jugend und Volk. – 2001. – Band 12.

Haas W. Mundart und Standardsprache in der deutschen Schweiz // Dialect and Standard Language. Dialekt und Standardsprache in the English, Dutch, German and Norwegian Language Areas. – 1990. – S.312-336.

Haumann S., Rath O. Gespräche unter den Österreichern. Proben regionaler Varietäten // Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. – Band 11. (Hrsg.) Bundesministerium für Unterricht und kulturelle Angelegenheiten. – Wien: Verlag Jugend & Volk, 1998.

Humboldt von W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einflu*ß* auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Band 1. – Berlin: Verlag von S. Calvary & CO. – 1876.

Jung C. G. Seelenprobleme der Gegenwart. – Leipzig und Stuttgart: Racher & C. IE. A. – G.Verlag, 1931.

Kölbele A. Ostasien und das Abendland (zwei Wege zum Menschen in polarer Begegnung) // Polarität. Ihre Bedeutung für Philosophie der modernen Physik, Biologie und Psychologie (von Dr. Walter Bloch). – Berlin: Dunker & Humblot, 1980. – S.159-166.

Litschev A. Russland verstehen. Schlüssel zum russischen Wesen. – Düsseldorf, 2001.

Müller-Kamp E. Wirkungen und Gegenwirkungen des westlichen Geistes in der russischen Literatur des XIX. Jahrhunderts // Beiträge zur geistigen Überlieferung. – Godesberg: Helmut Küpper Verlag. – 1947.

Norbert P. F. Lexikon der russischen Kultur. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 2002.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of experimental psychology. – N.Y., 1975.

Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London and N.Y., 1996. – 305 p.

Zeyringer Klaus. Innerlichkeit und Öffentlichkeit: österreichische Literatur der achtziger Jahre. – Tübingen: Francke, 1992.

4.2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА АНТИГЛОБАЛИЗМА

Недайнова И. В.

Важные события, происшедшие в конце XX столетия (падение Берлинской стены, распад Советского Союза и коммунистических режимов восточноевропейских стран), привели к принятию демократического западного стиля общения в политике и закреплению рыночных отношений в Европе. Такое положение вещей казалось будет неизменным, однако после многолетней дезинтеграции и поражений левых сил на современной политической арене появилось новое движение, которое проявляет свою активность в разных уголках мира. Это движение не объединяется вокруг одной идеи, а наоборот, фокус его интересов довольно разнообразен: его активисты выступают против объединения экономической и политической инфраструктур, смело борются за идентификацию национальных культур, открыто наступают на известные влиятельные корпорации и всемирные объединения (такие как Всемирный Экономический Форум или очередная встреча Большой Восьмерки). Активисты этого движения отстаивают интересы широких слоев населения нашей планеты в борьбе против социальной несправедливости в современных условиях глобализации.

Эффективная борьба данной силы уже не воспринимается в “global village” как анархические выступления или утопическая теория. Этот процесс уже имеет свое название – АНТИГЛОБАЛИЗАЦИЯ, и он распространяется, крепнет и иногда шокирует мир своими радикально-революционными действиями. С перемещением акцентов внимания антиглобалистов с одной области общественного порядка на другую расширяются и сферы коммуникации антиглобалистов между собой и с другим миром, миром глобализма. Сегодня антиглобализационное движение представляет собой новую социально-политическую силу, новый тип современного деятеля: это транснациональная сила, которая имеет своеобразную гибкую организацию, свою собственную стратегию и тактики борьбы и даже свой консолидирующий орган – Всемирный Социальный

Форум (the World Social Forum), призванный объединять усилия антиглобалистских организаций в работе над альтернативными социально-экономическими проектами [Мегорский 2003].

Как любое движение, организованное вокруг некой идеи, антиглобализм также имеет свою идеологическую основу. Ее специфика, на наш взгляд, состоит в том, что антиглобалистское движение является формой протеста почти против всех сфер глобальных объединений, которые сегодня мы наблюдаем в политике, экономике, культуре. Многие теории конца XX – начала XXI столетий, посвященные проблемам глобализма, являются ничем иным, как совокупностью идейно-ценностных установок, направленных на его критику, и привлекают внимание многих современных ученых в различных сферах современной науки. Новый для мировой общественности процесс, как и новая идеология – антиглобализм (в научной и публицистической сферах известный также и под другим названием – альтерглобализм), привлекает интерес многих ученых. Особого внимания заслуживают исследования И. Левина и Д. Эриксон, которые выделяют определенные этапы формирования данного движения, М. Чешкова и Н. Рогожина, изучающих вопросы становления антиглобализма и его соотношение с ориентирами глобализма. Ценности антиглобализма изучаются ими на фоне явлений, вызываемых глобализацией, и анализируются сквозь призму современных культурных, демографических, политических и экономических проблем [Кузнецов 2008].

На данном этапе развития научной мысли антиглобализм выступает как более многоформатное и менее изученное явление, готовое предложить миру новый путь общественного развития. Проводя данный анализ мы выявили тот факт, что антиглобалистская тематика является относительно новой для концептуальной лингвистики – в основном, эта проблема интересует ученых в сфере политических наук. Именно поэтому нам и представляется актуальным обращение к тематике антиглобализма, его представление как когнитивного явления претендует на новизну в сфере лингвоконцептологии. Целями нашего исследования в данном случае являются выявление основ формирования антиглобализма как концепта в современной картине мира и анализ средств, с помощью

которых данный концепт находит свою реализацию в лингвистическом пространстве. В основе нашей работы лежат теории антиглобализации, рассматривающие как социальные условия, при которых появились и развиваются антиглобализационные процессы [Эриксон 2002], так и описывающие концептосферы как упорядоченные совокупности концептов.

Социальные основы формирования концептуальной картины мира антиглобализма

Преобразование ценностных ориентаций определенной части западного – прежде всего европейского – сообщества в конце XX века привело к появлению новых социальных структур, которые формировали свое собственное видение глобальных процессов и способствовали распространению своих альтернативных взглядов по всему миру.

Поскольку идеи глобализма нацелены на представление интересов определенных сил, укрепляющих капиталистические отношения среди существующих трендов мирового развития, то противостоящий этим идеям новый тип политического сознания (антиглобализм) призван привлекать внимание к социальной несправедливости, которая является, по мнению антиглобалистов, результатом этих глобальных капиталистических отношений. Естественным для становления сил антиглобалистски настроенных объединений является именно сегмент отрицательного отношения к глобализации как к мировой политической идеологии.

Социальными предпосылками для формирования антиглобализма как концепта в современной картине мира и его отличия от других протестных течений можно считать следующие.

Во-первых, позиции антиглобализма в мире крепнут благодаря тому, что участники этого движения, как мы уже говорили ранее, берут на вооружение современные инновации в развитии глобальных технологий, то есть, для быстрого реагирования и кардинального влияния на те или иные процессы антиглобалисты активно используют инструменты, созданные их противниками-глобалистами (мобильные телефоны, электронная почта, Интернет, факсы и т.д.). Использование преимуществ современных способов

коммуникации в обмене информацией, обращение к ним при планировании протестов и маршей, координация и мобилизация действий – все это делает эффективными антиглобалистские мероприятия и приводит к появлению новых стратегий в борьбе с глобализмом. Естественным сегодня является именно сетевое проведение таких мероприятий, поскольку сетевая структура способов коммуникации дает удобную и быструю возможность вести дискуссии и дебаты в пространстве, не подчиняющемся цензуре и контролю властьимущих структур [Эриксон 2002]. Большую роль в этом играет и тот факт, что в своем арсенале современных средств информации антиглобалисты имеют известные медиа-агенства и средства периодической печати, независимые службы новостей, которые не связаны с медиа-корпорациями и сами выступают как инструмент антиглобализационной борьбы (см., напр., сайты Independent Media Center, Alternative Press Review, openDemocracy, mediactivism).

Во-вторых, особой спецификой отличается и идеологическая основа антиглобализма: нет некой единой, объединяющей всех идеи, ведь антиглобалистские настроения сегодня слышатся во всех социальных сферах. Идеи и настроения рассматриваемого нами явления формируются в совокупность идейно-ценностных установок, которые направлены на критику глобализации на фоне вызванных ею явлений, и рассматриваются эти явления сквозь призму современных политических, экономических, демографических и культурных проблем [Кузнецов 2008].

В-третьих, несмотря на то, что данное движение уже зарекомендовало себя в мире как одно из самых массовых, то есть, коллективных течений, которое имеет определенную структуру, свою стратегию и тактики борьбы, в тоже самое время участие в этом движении может быть и индивидуальным, то есть, выражать волеизлияние одного конкретного члена современного социума, который, благодаря первой указанной нами специфичной черте, может также легко присоединиться к той или иной антиглобалистской акции, как и не менее просто отделиться от нее.

Именно поэтому в нашем исследовании формирования концептов антиглобализма как явления в современной картине мира мы основываемся на одном из преимуществ, которым обеспечивает

когнитивный подход, а именно, на возможности изучать деятельность социальных течений на уровне индивидуального сознания. Рассматривая концептуальную картину мира антиглобализма, мы опираемся на когнитивные основы ее формирования как на базис продуктирования высказывания в системе отображения языковых явлений в современном мире для понимания ментальных репрезентаций знания об этом мире и процессов переработки этого знания. То есть, когнитивной основой языкового поведения личности в данном концептуальном отрезке мы считаем сознание индивида, основанное на знаниях об антиглобализме как социальном явлении, которое корректирует поведение человека в анализируемом концептуальном пространстве и реализуется с помощью языковых средств, помогающих участнику событий ориентироваться в этом постранстве.

Концептуальная картина мира антиглобализма

Поскольку неоднородность концепта как предмета научных исследований очевидна, то вполне понятно, что существуют разные подходы к его структуризации. Так, Ю.С. Степанов выделяет в концепте сущность, которая известна всем носителям языка, ту, которую знают только некоторые люди, и историческую информацию [Степанов 1997]; В.И. Карасик видит в концепте образно-перцептивный и понятийный компоненты, а также ценностную составляющую [Карасик 2004 : 118]; Г.Г. Слышкин описывает в структуре концепта интразону, экстразону, квазизону и квазиэкстразону [Слышкин, 2004 : 6, 17-18]; С.Г. Воркачев говорит о понятийной, образной и значимостной составляющей [Воркачев 2004 : 7]; М.В. Никитин описывает в концепте образ, понятие, когнитивный и прагматичный импликационалы [Никитин 2004 : 59-60].

В нашем случае мы будем следовать теории В.И. Карасика, который описывает трехкомпонентную структуру концепта, и представлять понятийно-дефинитивное измерение АНТИГЛОБАЛИЗМ как мегаконцепт, являющийся базовым фрагментом картины мира антиглобализма, в структуру которого включаются менее обобщенные концепты, и каждый из них обладает образно-перцептивным и понятийным компонентом, а также имеет ценностную составляющую.

В ходе данного исследования четко обозначились и концепты, подчинительные мегаконцепту АНТИГЛОБАЛИЗМ и сосредоточенные вокруг других важных фактов, отражающихся в сознании человека, а именно: СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИДЕОСФЕРА.

Когнивное моделирование выбранного для анализа мегаконцепта мы строим на исследовании дискурсной реализации языковых единиц, которые вербализуют деятельность субъектов антиглобализационных практик, руководствуясь особенными идейно-ценностными установками по отношению к объектам данной картины мира в англоязычных дискурсах. В качестве иллюстрации мы выбрали материалы статьи Ч. Морса “Theory of Anti-Globalization Movement” [Morse 2003], в которой он представляет обзор работ “Globalization from Below: The Power of Solidarity” [Brecher, Costello, Smith 2000] и “Naming the Enemy: Anti-Corporate Movements Confront Globalization” [Starr 2001], а также публикацию “Anti-Globalization Movement” в Интернет-издании “Global Corporate Media Cover” [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e].

Рассмотрим первую составляющую в структуре анализируемого мегаконцепта “ СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, в которой, на наш взгляд, проявляется как коллективное поведение активистов движения, так и спонтанная индивидуальная деятельность его приверженцев. Кроме того, среди участников движения есть и такие, кто своим индивидуальным восприятием глобальных (и, по их мнению, негативных) изменений, очень активно влияет на развитие антизлбализма как социального процесса в аспектах организации его сплоченности и борьбы. Именно они выступают идеологами, той силой, которая дает надежду антиглобалистам на дальнейшее глобальное объединение.

Понятийный компонент первой структурной составляющей, выбранной для исследования концептосферы, СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ прослеживается в следующих примерах: *Finally, after years of disintegration and defeat on the Left, a new movement has erupted upon the political landscape. It is not organized around a single issue, identity based, or somehow “implicitly” radical… It is bold, anti-authoritarian, and truly global…*

[Morse 2003]; *Trade unions play a major role in the campaigns against financial speculation and in support of debt cancellation. The debt cancellation has a noticeable religious presence, too, so far dominated by Christian churches, but sure to include other religious institutions as it grows. Environmental groups are active in the financial reform movements, and, in the form of the Green Lobby, have played a major role in the campaign against the WTO. Consumers groups, workers guilds and farmers associations have also played important roles in building the anti-WTO campaign. All of the movements have in their front lines the youth of various societies, who are tired of watching TV and their future being sold to transnational corporations…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *…the movement for "globalization from below" can transform the world by leading people to withdraw their consent from dominant social relationships, which will prevent the reproduction of the social order, and thus create a situation in which the movement can impose different, more just norms upon society as a whole* [Morse 2003].

Из приведенных примеров мы можем выделить группу лексических единиц, которые передают спектр агентов антиглобализации, а именно: *a new movement upon the political landscape, trade unions, religious institutions, environmental groups consumers groups, workers guilds and farmers associations, the youth of various societies, leading people,* то есть, те, что отображают понятийный компонент концепта СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ.

В сознании носителей языка с помощью метафорических ассоциаций, связанных с определенными событиями или с персоналиями, течениями, партиями формируются конкретные образы. Так, для большинства людей, говорящих на английском языке, кто хотя бы смотрит телевизор или слушает радио в своих автомобилях, слова, приведенные нами выше, ассоциируются, например, с движением хиппи в семидесятые годы XX столетия; с первым погромом ресторана "MCDonald's" во Франции в 1993 году или с его инициатором Жозе Бове, который организовал после этого Французскую федерацию крестьян; с субкомандante Маркосом, лидером мексиканских крестьян (1994 г.);

с известной организацией *GreenPeace* и ее проектами в разных точках мира; с российской или кубинской компартиями; с отчаянными выступлениями антиглобалистов по всему миру против ВТО, МВФ, НАТО; с уже традиционными маршами протестов против Международного экономического форума и встреч лидеров стран Большой Восьмерки и т.д.

Для более подготовленного или более интересующегося человека этот лексический ряд в их дискурсном пространстве будет обозначать одну из самых первых инициативных груп антиглобалистов “Глобальное действие народов”, в состав которой входят профсоюзы, различные негосударственные организации, экологические группы и группы социального действия; известная на Западе организация АТТАС, возникшая во Франции в 1998 году и являющаяся сейчас наиболее мощной силой антиглобалистской борьбы; антиглобализационные выступления, статьи и книги известных в мире персоналий, таких, например, как канадская журналистка Наоми Кляйн, лингвист Ноам Хомски, кинорежиссер Эмиль Кустурица и другие.

То есть, как первая группа ассоциативных событий, так и вторая включаются в образно-перцептивный компонент концепта СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ и формируют у носителя языка определенные ориентационные соотношения с конкретной сферой человеческой деятельности.

Рассмотрим развертывание ценностных характеристик, которые формируют анализируемый концепт. В выбранных текстах находим языковые единицы, придающие определенные характеристики субъектам антиглобализационного движения и, тем самым, вызываюшие у участников дискурса соответствующие оценностные выводы о деятельности этих субъектов, например: *…the emergence of a democratic, direct action-based movement against global capital is an indication of the success of the anti-authoritarian tradition. Years ago they might have called for a small “c” communism or some form of Green Party-like electoralism but, instead, they praise this anti-authoritarian movement for its democratic sentiments, commitment to protest, and oppositional stance. They want to speak the language of the growing movement*

against global capitalism… [Morse 2003]; *…This movement has already introduced a radical critique into the debate on the global economy and demonstrated the capacity to physically shut down meetings of trade ministers. It seems possible that this movement will continue to grow, deepen its radicalism, and revolutionize the world according to the radically democratic principles it embraces…* [Morse 2003]; *…the anti-globalization movement to a broader revolutionary project in a way that is coherent, concrete, and irrefutable…* [Morse 2003]; *…There is a steadily mounting grassroots movement against globalization, and it is a lot more nuanced, united and sophisticated than the global media would have viewers believe…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *…the anti-globalization citizens movement is presently centered around four well-organized and active international campaigns that work on opposing the World Trade Organization, calling for Third World debt cancellation…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *…While the four campaigns have their distinct agendas, leaderships and strategies, there is also a great deal of shared operations and agreement on tactics. Organized at the local, regional, national and international levels, the campaigns have become a widespread yet difficult to pinpoint counter-movement on a global scale…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e].

Из этих примеров понятно, что деятельность субъектов антиглобализма получает положительную оценку, и в данных дискурсах такая тактика направлена на формирование образа демократического, прогрессирующего и организованного деятеля, который входит в структуру мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ.

Понятийный компонент второй составляющей мегаконцепта – ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ – проявляется в следующих примерах: *…this movement directly attacks global capital's economic and political infrastructure with a radically democratic politics and a strategy of confrontation…* [Morse 2003]; *…this interconnection, they assert, could potentially serve the interests of people and the earth, not just the elites...* [Morse 2003]; *…They want to build a world structured by "human values other than greed and domination," one "less dominated by the culture and values of global capital…*

[Morse 2003]; *…try to concretize these norms with a detailed program for reducing poverty, limiting environmental destruction, and enhancing democratic control over the economy* [Morse 2003]; *…active international campaigns that work on opposing the World Trade Organization, calling for Third World debt cancellation, reforming international financial organizations (e.g., World Bank and International Monetary Fund), and countering global financial markets by way of new taxes on financial transactions…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *…the propaganda regime would cover up the mounting dissent, the fourfold movement shattered their dreams of a smooth transition to absolute corporate rule* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *… the campaigns against financial speculation and in support of debt cancellation…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *...Issues that are sure to be on the agenda will include drawing attention to problems of economic development while carrying massive international debt, the increasing necessity for transparency in financial institutions, further calls for taxes on speculation, an end to corporate welfare and other forms of public support for private investment, taxes based on ecological concerns, and further debates on the role of sovereignty in an age of globalization…* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e].

Отсюда вырисовывается образ этих объектов, фиксирующий когнитивные метафоры в сознании индивида, а именно: МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, в языковом выражении в данных примерах проявляющихся как *global capital's economic and political infrastructure, the (economic) elites, values of global capital, control over the economy, the World Trade Organization, international financial organizations, global financial markets, absolute corporate rule, financial speculation, private investment;* МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА (*global…political infrastructure, the (political) elites, the propaganda regime*); ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР: *the culture …of global capital, sovereignty in an age of globalization;* ЭКОЛОГИЯ, лингвистически выраженная как *environmental destruction, ecological concerns*.

Ценностные характеристики, направленные в данном случае на формирование осознания глубины и пагубности вышевычлененных

образов, выражены непосредственно в эмоционально заряженной лексике и словах, несущих в своем значении глубокие коннотации, например: *a radically democratic politics and a strategy of confrontation, greed and domination, global capital, poverty, environmental destruction, control over the economy, the propaganda regime, absolute corporate rule, massive international debt, the increasing necessity for transparency in financial institutions.*

Что касается третьей выделенной составляющей в структуре мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ, названной нами ИДЕОСФЕРА, то весь дискурс здесь построен на явном сопротивлении глобализму как явлению в современной картине мира. Формирование данного концепта внутри мегаконцепта идет по двум направлениям: критика идей глобализма и противостояние глобализационным процессам. Но, на наш взгляд, именно ИДЕОСФЕРА как часть мегаконцепта и определяет, по сути, первые две составляющие, описанные выше: СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ и ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, поскольку именно в данном концептуальном отрезке и раскрываются особенности формирования и трансформации ценностей антиглобализма в современном обществе. Ценностный базис антиглобализма строится на его отношении к глобальным практикам, в которые включены все социальные сферы современной жизни, являющиеся, вобщем-то, последствиями технического прогресса и процессов глобализации [Богуславский 2009; Кузнецов 2003; Соколов 2011].

Большинство анализируемых нами материалов представляют собой статьи и выступления антиглобалистского характера. Тем более интересным в качестве примера реализации универсального для оппозиционного дискурса коммуникативного задания “ программирования адресата на формирование позитивного образа “своих” и отрицательного отношения к противоборствующим “чужих”, нам показался именно критический материал статьи Ч. Морса “Theory of Anti-Globalization Movement”, а именно те ее части, где автор выступает третьим лицом, не выражая свого собственного мнения, а, при этом, отражая ценности антиглобализма в контрасте с его противником, опирается на его представление авторами анализи-

руемых книг, где “свои” получают определенные ценностные характеристики именно в контрасте с “чужими”:

…In Globalization from Below, Jeremy Brecher, Tim Costello, and Brendan Smith (BCS) argue that the economic, political, and cultural interconnectedness signified by globalization is irreversible and possibly a good thing: this interconnection, they assert, could potentially serve the interests of people and the earth, not just the elites. Although the rich and powerful have shaped globalization in their interest thus far (BCS call this “globalization from above”), there is a counter-movement that seeks to reshape our interconnected world in the interests of people and the planet (which BCS call “globalization from below”)... They believe that the movement for “globalization from below” can transform the world by leading people to withdraw their consent from dominant social relationships, which will prevent the reproduction of the social order, and thus create a situation in which the movement can impose different, more just norms upon society as a whole. BCS try to concretize these norms with a detailed program for reducing poverty, limiting environmental destruction, and enhancing democratic control over the economy ….

Amory Starr’s Naming the Enemy is a comparative analysis of the ways activists in the anti-globalization movement criticize global capital and the types of alternatives they envision. She offers a panoramic view of the movement structured around three responses to global capital: restraining it, democratizing it, or building local alternatives to it…Her second category is “globalization from below,” or movements that want to democratize globalization by making governments and corporations accountable to people instead of elites…Her final category is “delinking,” in which she treats movements that want to separate from global capital and build locally based alternatives to it… anti-globalization activists articulate how they “understand their enemy and envision rebuilding the world” [Morse 2003].

Ценностная оппозиционная картина проявляется в дискурсах обеих книг и ее компоненты даже имеют свои названия – “globalization from above” и “globalization from below”, и лексичес-

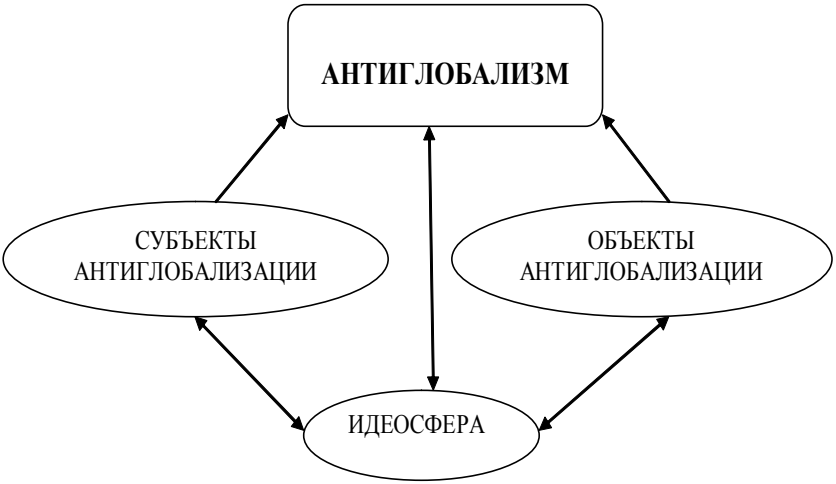
кая ее реализация в данном случае выражена оппозиционными предлогами.

В ходе анализа ИДЕОСФЕРЫ мы пришли к выводу о том, что данная составляющая является ядром мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ, в котором четко определяется ценностная составляющая, а образно-перцептивный и понятийный компоненты полностью сливаются с ней, формируя оппозицию, построенную на отношении к глобализму на основании принципа “свой – чужой”.

В общем и целом, анализ данной составляющей в структуре АНТИГЛОБАЛИЗМА дает нам право говорить о формировании системы ценностей антиглобализма, построенной на поиске и описании социальной несправедливости, вызванной развитием капиталистических отношений и распространением процессов глобализации, на ориентации субъектов движения на борьбу с несправедливостью, которая, в конечном счете, выражается в борьбе со всей существующей социально-политической системой, реализующей глобальные практики.

Учитывая вышеприведенный анализ, отражение концептуальной картины мира антиглобализма может быть представлено схемой разворачивания представляемого нами мегаконцепта:

Схема № 1.



И поскольку в данном противоборстве так или иначе участвуют практически все страны мира, вынужденные, в зависимости от своего развития и положения в мире, поддерживать ту или иную сторону оппозиционных отношений “глобализм-антиглобализм”, то дискурс их идеологий оказывает существенное влияние на политические процессы, происходящие сегодня, а ценностная основа данных концептов выступает официальной политикой ряда государств и международных институтов и, несомненно, влияет на развитие современного мира в том или ином направлении.

Выводы

Преобразование ценностных ориентаций мирового сообщества в конце XX века привело к появлению новых социальных структур, которые формировали свое собственное видение глобальных процессов и способствовали распространению своих альтернативных взглядов по всему миру. Именно эти процессы и послужили социальными предпосылками для формирования антиглобализма как концепта в современной картине мира и дали почву для развития антиглобалистского движения, которое, на наш взгляд, отличается от других протестных течений по нескольким признакам, а именно: активное использование современных инноваций в развитии глобальных технологий в своей деятельности и поддержка современных средств массовой информации; формирование идейно-ценностных установок, которые направлены на критику глобализации, через призму современных политических, экономических, демографических и культурных проблем таким образом, что эти проблемы касаются каждого человека; формирование массовости своих рядов через мобильные и гибкие стратегии и тактики, позволяющие совмещать в этих рядах как самоотверженные группы и персоналии, так и случайных, временых приверженцев.

Именно поэтому, рассматривая концептуальную картину мира антиглобализма, мы опирались на когнитивные основы языкового поведения личности в данном концептуальном отрезке, где сознание индивида опирается на знания об антиглобализме как социальном явлении, которое корректирует поведение человека в анализируемом концептуальном пространстве и реализуется с помощью

языковых средств, помогающих участнику событий ориентироваться в этом пространстве.

Проведенный анализ основ формирования антиглобализма как концепта в современной картине мира показал, что в его структуре, которую мы рассматриваем как мегаконцепт АНТИГЛОБАЛИЗМ, присутствуют стойкие структурные компоненты. Когнивное моделирование исследуемой концептуальной единицы мы построили на исследовании дискурсной реализации языковых единиц, которые вербализуют деятельность субъектов антиглобализационных практик, руководствуясь особенными идейно-ценностными установками по отношению к объектам данной картины мира в англоязычных дискурсах.

В ходе исследования дефинитивное измерение АНТИГЛОБАЛИЗМ нами описано как трехкомпонентная концептуальная структура, являющаяся базовым фрагментом картины мира антиглобализма, состоящая из менее обобщенных концептов (СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИДЕОСФЕРА), каждый из которых обладает образно-перцептивным и понятийным компонентом, а также имеет ценностную составляющую. Выделение структурного компонента ИДЕОСФЕРА как ядерного, в котором четко определяется ценностная составляющая, а образно-перцептивный и понятийный компоненты полностью сливаются с ней, формируя оппозицию, построенную на отношении к глобализму на основании принципа “свой – чужой”, дает нам право говорить о том, что в пространстве концепта СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ осуществляется деятельность в отношении ОБЪЕКТОВ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, которая в конечном итоге направлена на формирование мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ как прогрессирующего фрагмента картины мира XXI века.

В перспективе исследования нам видится интересным дискурс идеологий глобализма и антиглобализма как элемента развития процессов антиглобализации в вычлененных нами фрагментах ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, таких как МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР, ЭКОЛОГИЯ. Подходом к рассмотрению дискурса этих идеологий может служить анализ включенных в них ценностных систем, построенных на оппозиции

“свой – чужой”. Позиционирование ценностных систем антиглобализма относительно ведучих лозунгов глобализации в рамках их дискурсных практик может предстать как ресурс для дальнейшего более детального рассмотрения мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ в современной картине мира.

Литература

Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 2. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.

Богуславский А. Первый кризис «антиглобализма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// perspectivy.info/oykumena/ekdom/pervyj_krizis_antiglobalizma_2009

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.

Карасик В. В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

Кузнецов А. О. Дискурс глобализма и альтерглобализма в современном политическом процессе : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Пермь, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/index-48800.html

Мегорский Б. В. Антиглобалистское движение в современном политическом процессе : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Санкт-Петербург, 2003. – 182 с.

Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53 – 64.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika.

Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38 – 45.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.

Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный поход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – С. 40 – 76.

Ферклоу Н. Диалектика дискурса: пер. с англ. // Современный дискурс-анализ: электронный журнал. – Вып. 1. – Т. 1. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org.

Эриксон Д. Ф. “Антиглобалистские” движения: истоки, стратегии, состав, ресурсы, культура, цена участия // Дискурс Пи. – Вып. II. – 2002. – С. 99 – 142.

Anti-Globalization Movement // Global Corporate Media Cover [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://academic.brooklyn.cuny.edu/e

Brecher J., Costello T., Smith B. Globalization from Below: The Power of Solidarity. – N.Y.: South End Press, 2000. – 424 p.

Held D., McGrew A. G. Globalization/anti-globalization: beyond the great divide. – Cambridge, UK: Polity Press, 2007. – 326 p.

Morse C. Theory of the Anti-Globalization Movement // New Formulation. – No. 1. – V.2. – 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://flag.blackened.net/nf/1antiglobalization.htm

Oral Y. Critical Approaches to Discourse: Language and Power [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ingilish.com/critical-approaches-to-discourse.htm.

Starr A. Naming the Enemy: Anti-Corporate Movements Confront Globalization. – N.Y.: Zed Books, 2001. – 288 p.

4.3. КОНЦЕПТ *ИНОСТРАНЕЦ* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Святюк Ю. В.

Современная лингвистика характеризуется возрастанием роли антропоцентрического, когнитивного и культурологического подходов к изучению языка, выступающего источником сведений о концептуальных структурах сознания. Данное исследование выполнено в русле важнейших направлений современной лингвистики:

лингвокультурологии, когнитивистики, этнолингвистики – и посвящено комплексному анализу объективации концепта ИНОСТРАНЕЦ в английском языке. Целью нашей работы является выявление этнокультурной специфики и моделирование смысловой структуры данного концепта, для чего применяется метод концептуального анализа и исследуются средства номинации иностранцев в современном английском языке.

Понимание языка как когнитивного процесса получает на современном этапе развития лингвистики новое преломление при исследовании таких языковых феноменов, как значения языковых единиц, их категоризация и использование в актах номинации. Особый интерес как объект номинации по-прежнему представляет собой человек. Одной из причин этого внимания является, по мнению Н. Д. Арутюновой, то что «меняя свои роли, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных действий и поступков, человек в своих разнонаправленных проявлениях становится референтом многих функциональных, реляционных и других имен» [Арутюнова 1998 : 179].

Представляется интересным проследить, каким образом наименования лица по национальному признаку отражают явление, которое стало обязательной предпосылкой для ориентации в окружающем мире, а именно – различие людей по линии ‘свой’– ‘чужой’.

Ярким и социально значимым признаком лиц является, по нашему мнению, семантический признак ‘чужой/иностранец’, выступающий как часть бинарной оппозиции ‘свой’ – ‘чужой’. Эта оппозиция относится к ряду важнейших, она строит мир вокруг человека, общество, в котором он живет, и играет существенную роль в изучении и моделировании той группы наименований лица, которые обозначают национальную принадлежность, происхождение людей. В зависимости от того, какой коллектив исследуется, в нем выделяется особенное, но четкое разграничение ‘свои – чужие’, что является основой ментальной единицы, представленной концептом ИНОСТРАНЕЦ.

Вопрос формирования, передачи, использования и соотношения структур знаний, которые образуются в сознании человека, со значением языковых средств, продолжают привлекать внимание

лингвистов [см., например, Болдырев 2000; Вежбицкая 2001; Попова, Стернин 2001; Fauconnier 1997]. Приоритетной задачей когнитивной лингвистики является выявление продуктов концептуализации человеком окружающего мира, существующих в нем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними, которые получили название концептов.

В современной лингвистике при определении термина концепт большинство ученых соглашаются с тем, что концепт является ментальной, идеальной сущностью, которая формируется в сознании человека [Болдырев 2000 : 23; Фрумкина 1992 : 2; Fodor 1983 : 23]. Объектом концептуального анализа выступают смыслы, передаваемые отдельными словами, фразами, текстами или даже целыми произведениями. Предметом когнитивной лингвистики является изучение языковых средств, которые представляют в языке и речи определенные концепты [Попова, Стернин 2001 : 20]. Лингвокогнитивный анализ ментальной единицы ИНОСТРАНЕЦ, выявление концептообразующих элементов и построение общей модели данного концепта становится возможным благодаря изучению семантики единиц современного английского языка, которые вербализируют этот концепт.

В когнитивной лингвистике анализируются компоненты концепта в семантическом пространстве языка (то есть те, которые вошли в его семантику, стали семемами и семами лингвистических единиц) [Попова, Стернин 2001 : 20]. Таким образом, семантика единиц, которые представляют концепт ИНОСТРАНЕЦ в языке, является предметом лингвокогнитивного исследования структуры данного концепта.

Часто представление концепта в языке отводится слову [Арутюнова 1998 : 543-640; Вежбицкая 1999 : 434-484], и слово получает статус имени концепта – языкового знака, который наиболее полно и адекватно передает содержание концепта [Воркачёв 2001 : 68].

Если исходить из того, что лингвокультурный концепт семантически является определенной абстракцией, которая обобщает значение ряда своих языковых реализаций, конкретная форма концепта ИНОСТРАНЕЦ задана объемом лексико-семантической парадигмы. Последняя формируется единицами, актуализирующи-

ми этот концепт в языке [Воркачёв 2001 : 69]. Таким образом, концепт ИНОСТРАНЕЦ является базой для выделения определенного набора языковых средств, которые реализуют его в языке и речи.

Выявление этнокультурных компонентов значения концепта ИНОСТРАНЕЦ возможно при всестороннем изучении семантики единиц, которые вербализируют данный концепт в современном английском языке. Понимание концепта как ментального образования позволяет не только реконструировать концептуальный мир человека, но и воссоздать его этнокультурный образ. Существенным оказывается культурно-этнический компонент, который определяет специфику семантики единиц природного языка и отражает языковую картину мира его носителей [Вежбицкая 2001 : 120; Воркачёв 2001 : 66].

Всякий лингвистический анализ, идущий по направлению от семантики слова к содержанию концепта, дает возможность при помощи сем, которые актуализируются в совокупности случаев употребления слова, вычленить концептообразующие признаки. Отсюда и необходимость применения концептуального анализа, который является фактически выявлением содержания концепта ИНОСТРАНЕЦ на базе установления системных значений и речевых употреблений лексических единиц, называющих индивида по национальному признаку. В структуре данного концепта в современном английском языке выделяется обязательный компонент, указывающий на страну или место проживания человека, например: *Belgian* [LDELC 1992 : 98] – гражданин Бельгии, *British* [LDELC 1992 : 146] – гражданин Великобритании, *German* [LDELC 1992 : 543] – гражданин Германии, *Indian* [LDELC 1992 : 669] – гражданин Индии.

Хотя концепт является результатом субъективного индивидуального познания, обобщения, категоризации, его содержание подпадает под определенную стандартизацию на общенациональном или коллективном (групповом) уровне [Болдырев 2000 : 30; Fodor 1983 : 25]. Соответственно, концепты имеют общенациональные, групповые и индивидуальные компоненты, которые объективируются при этнической номинации. Так, для обозначения определенного этноса используются этнонимы *Finn* [LDELC 1992 : 479] –

финн, *French* [LDELC 1992 : 517] – француз, *Hungarian* [LDELC 1992 : 649] – венгр, *Swede* [LDELC 1992 : 1339] – швед. При вербализации концепта ИНОСТРАНЕЦ может актуализироваться сема принадлежности к одной социальной группе в рамках определенного этноса, которая выступает групповым компонентом концепта, например: *Aunt Jemima, Mr. Tom, house nigger* [TST 1986 : 113] – афроамериканец (подчиненный, подхалим).

В рамках когнитивной лингвистики исследуются все зафиксированные в языке и возможные в нем средства вербальной репрезентации определенного концепта, что позволяет раскрыть разные компоненты содержания концепта и судить про содержание и структуру определенного концепта как единицы мышления данного социума [Попова, Стернин 2001 : 22]. В современном английском языке концепт ИНОСТРАНЕЦ вербализируется при помощи отдельной группы номинативных единиц, представленной системой этнономинаций. Последняя включает собственно автоэтнонимы (*Englishman* [LDELC 1992 : 425] – англичанин, *Paddy* [TST 1986 : 112] – ирландец), внешние этнонимы (*Slav* [LDELC 1992 : 1243] – славянин, *Russian* [LDELC 1992 : 1158] – русский) и этнофобизмы (*chopstick, slope* [TST 1986 : 113] – представитель Востока, *kraut, kraut-eater, krauthead* [TAS 1990 : 524] – немец), которые несут соответствующие структуры знания и предоставляют наиболее объективный путь понимания специфического видения и членение мира коллективным этническим сознанием. Слова-прозвища, употребляемые по отношению к другим этническим группам, получили название этнофобизмов и этнических прозвищ. В некоторых исследованиях для их обозначения используются термины ‘этнические эпитеты’, ‘клички’ [Каргаполова 1997 : 80; Маруневич 2009 : 54], а в работах зарубежных ученых встречаются термины ‘ethnic slurs’, ‘nicknames’, ‘ethnophaulisms’, ‘terms of abuse’ [Allatson 2006; Allen 1983; Hughes 1991 и др.].

Стереотипное восприятие представителей других культур, их предпочтений и образа жизни фиксируется чаще всего именно этнофобизмами и этнонимами-прозвищами, например: *Frenchie, froggy* [TST 1986 : 113] – француз; *Chinky, yellow, ricer* [TST 1986 : 113] – китаец; *spaghetti, dago* [TST 1986 : 113] – итальянец; *Aussie, ocker*

[TAS 1990 : 262] – австралиец; *squarehead, sauerkraut, Cousin Michel* [TST 1986 : 113] – немец; *spinach, Diego* [TAS 1990 : 382] – испанец; *bagel bender* [TAS 1990 : 287] – еврей; *bogtrotter* [TST 1986 : 113] – ирландец; *bean bandit, greaseball* [TST 1986 : 113] – мексиканец; *Jock, Sandy* [TAS 1990 : 126] – шотландец. Такие обозначения иностранцев отражают реальные или мнимые качества, которые приписываются тому или иному сообществу.

В процессе категоризации человек оперирует концептами, которые возникают благодаря способности выделять стойкие, типичные признаки явлений из общего фона информации о мире и группировать их соответствующим образом. Отсюда выплывает, что концепты формируются в процессе отождествления или размежевания объектов, вычленения их характеристик. При этнической номинации в современном английском языке имеет место отождествление или отчуждения себя говорящим относительно определенного этнического сообщества. Например, употребляя этнонимы *Englishman* [LDELC 1992 : 425] – англичанин, *Irishman* [LDELC 1992 : 695] – ирландец, *Welshman* [LDELC 1992 : 1489] – уэльсец, *Scotsman* [LDELC 1992 : 1180] – шотландец, говорящий отождествляет себя с соответствующим этносом. В то же время, упомянутые единицы выражают противопоставление этих этносов на государственном уровне объединению жителей Великобритании: *British* [LDELC 1992 : 145] – британец. Подобное размежевание зафиксировано в семантике этнонимов *German* [LDELC 1992 : 543] – немец (с позиции ‘своих’), *squarehead* [TAS 1990 : 160] – немец (с позиции ‘чужих’).

Для выявления смыслового наполнения концепта ИНОСТРАНЕЦ обратимся к лексикографическому представлению языковых средств, объективирующих данную ментальную сущность. Словарные дефиниции лексической единицы **‘foreigner’** являются следующими:

– *a person who comes from another country [CIDE 1995 : 549].*

– *1. a person from a foreign country; alien*

2. an outsider or interloper [CCELD 1993 : 607]

– 1. a person born in or coming from a country other than one’s own.

2. (informal) a person not belonging to a particular place or group; *a stranger or outsider [LDELC 1992 : 630].*

Соответственно, основными компонентами концепта ИНОСТРАНЕЦ, которые эксплицируются в семантике приведенной лексической единицы, являются *'a person'*, то есть человек как представитель определенного социума, и '*from another country*' – указание гражданства, проживания на территории определенной страны. В семантической структуре концепта ИНОСТРАНЕЦ можно выделить кроме составляющих *'a person'* и *'from another country'* общий концептообразующий компонент, выражающий оппозицию 'свой – чужой' и представленный лексемами *'an alien', 'an outsider', 'a stranger', 'an interloper'*. Данный компонент относит человека к определенному сообществу (свой – чужой, знакомый – незнакомый, соотечественник – чужестранец, близкий – посторонний).

Однако, как правило, концепт соотносится более чем с одной лексической единицей и репрезентируется в языке с помощью различных синонимических единиц. Семантическая плотность, то есть наличие у слова большого числа синонимов, признается концептологически значимой характеристикой. Синонимический ряд лексемы *'foreigner'* представлен следующими единицами: *alien, stranger, immigrant, migrant, emigrant, incomer, newcomer, outlander, outsider, refugee*.

В значении 'иностранец' абсолютными синонимами понятия *foreigner* являются *stranger* и *alien*. Вместе с тем, между ними наблюдается ряд существенных различий. Лексема *stranger* обозначает незнакомого человека, а также индивида, не принадлежащего конкретной группе (социальной, профессиональной, религиозной или национальной), сближаясь со значением слова *outsider*. *Alien*, являясь термином официальных документов, акцентирует внимание на правовом различии граждан и не-граждан данного государства. Синонимами лексемы *foreigner*, обозначающими различные явления миграционного процесса, выступают слова *immigrant, emigrant, migrant*, имеющие в своей основе глагол *to migrate – to move from one place to another* [CCELD 1993 : 783].

Концепт как любая дискретная единица коллективного сознания отражает предмет реального или идеального мира, сохраняется в национальной памяти носителей языка и занимает соответ-

ствующую нишу в национально-обусловленной концептосфере. Характерно, что некоторые общечеловеческие концепты, среди которых мы выделяем концепт ИНОСТРАНЕЦ, по-разному вербализируются в разных ситуациях в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов.

Концепты формируются в сознании человека из его непосредственного жизненного опыта – восприятия действительности органами чувств; из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами, что приводит к возникновению новых концептов, а так же из языкового общения [Болдырев 2000 : 24-25; Левицкий 2001 : 12].

Как показывает исследование языкового материала, в ситуации использования номинативных единиц для обозначения иностранцев в современном английском языке идет речь, как о месте жительства, так и о национальной принадлежности. Для сравнения приведем две ситуации использования этнонимов *English, American* и *German*:

I lied and told her Holland was only twenty miles away. I told her that **the English** and **the Americans** would be there within weeks, days even [Edric 2002 : 279].

Находясь на территории Германии, главный герой ожидает прибытия военных сил союзников – подразделений Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Используя номинативные единицы *the English* и *the Americans,* говорящий имеет в виду не национальную принадлежность, а гражданство, происхождение людей. В нижеприведенной ситуации актуализируется сема *'a person who comes from another country'*, то есть территориальная отнесенность:

'Mathias said that you were reluctant, that Lynch was angry at something.'

'What would he know? ***A German'*** [Edric 2002 : 229].

Номинативная единица *'a German'* в дополнение к семе 'житель другой страны' имеет имплицитное значение 'человек, который принадлежит к другому социуму, другой культуре' и неспособен понять условия жизни английской деревни.

С учетом приведенного выше примера предположим, что в структуру концепта ИНОСТРАНЕЦ в современном английском языке кроме компонента *‘a person who comes from another country’* входит не менее важный и существенный – ‘*nationality, nation’*. В лексикографических источниках ‘nation’ определяется, как:

– *a country, esp. when thought of as a large group of people living in one area with their own government, language, traditions, etc.;*

– *a large group of people of the same race who share the same language, traditions and history, but who might not all live in one area [CIDE 1995 : 938].*

Существует и другое определение лексемы ‘nation’:

– *an aggregation of people or peoples of one or more cultures, races, etc., organized into a single state;*

– *a community of persons not constituting a state but bound by common descent, language, history, etc.;*

– *a) a federation of tribes;*

*b) the territory occupied by such a federation [*CCELD 1993: 1038 – 1039].

Приведенные определения доказывают, что в семантической структуре лексической единицы ‘nation’, кроме выделенных в первом определении сем и семем *‘страна, территория страны’, ‘группа людей’, ‘раса’, ‘язык’, ‘правительство страны’, ‘традиции’, ‘история’*, присутствуют не менее значимые элементы *‘культура’, ‘общее происхождение’ ‘конгломерат, объединение, союз людей/народов’*.

Отдельно отметим специфику и важность при объективации концепта ИНОСТРАНЕЦ компонента *‘common descent’ / ‘общее происхождение’*. Если проанализировать конкретные случай определения национальной принадлежности при двойном гражданстве, то решающим оказывается именно происхождение лица, а не только территория проживания и другие признаки, связанные с проживанием в конкретной стране. Например, при определении национальности героя, гражданство может являться предметом выбора, а решающим фактором выступает происхождение:

Simon Ben Naim was ***an Algerian Jew*** *who became* ***Israeli****, at least in part, because at the last minute he decided he didn't want to become* ***a French*** [Blincoe 1999 : 131].

Освещение одного из концептообразующих компонентов, например, **'culture**', является достаточным для объективации всего концепта ИНОСТРАНЕЦ в его этнокультурном своеобразии. Даже описание традиционной национальной одежды становится показателем материальной культуры определенного этнического сообщества и содействует национальной идентификации, что приводит к актуализации концепта ИНОСТРАНЕЦ благодаря языковой презентации семантического компонента *'culture'* /*'культура'*.

A real mix, trudging along: women in long black dresses with embroidered pinafore fronts, some carrying boxes or plastic baskets on the tops of their heads; a few women in veils and a few others in jeans and shirts; men dressed in Western clothes, jumble-sale suits on the older and poorer men, jeans and sweatshirts for the boys; again, a few in Arab smocks, sheets and pillowcases. He knew he was back among ***Arabs*** [Blincoe 1999 : 54].

Развитие следующего компонента '*nationality*'/'*национальность*' привносит еще один элемент в структуру концепта ИНОСТРАНЕЦ современного английского языка. Определение соответствующей лексической единицы 'nationality' доказывает, что для идентификации национальной принадлежности существенным является не только отнесение индивида к некоторой группе людей одной расы, с общими традициями, которые не всегда проживают в политически независимой стране, но и определение религии, вероисповедования индивида:

– a group of people of the same race, religion, traditions, etc. but not always from politically independent country [CIDE 1995 : 938].

Исследования подтверждают существование в лингвокогнитивной модели концепта ИНОСТРАНЕЦ компонента '*religion*' / '*религия*', который эксплицируется при указании религиозных предпочтений и обычаев представителей различных этнических сообществ, и, как правило, служит показателем или основанием отнесения индивида к определенной этнической группе. Например, для

характеристики персонажа как представителя соответствующего национального сообщества (индийцы) автор неоднократно обращает внимание на его религиозный статус:

*'… there was that much of **the Hindu** in him, he would never have endangered the life of a fly* [Green 2002 : 156].

*I believe he was **a Roman Catholic**, but I had no evidence for it beyond his name and the place of his origin – for all I knew from his conversation, he might have worshipped Krishna or gone on annual pilgrimages, pricked by a wire frame, to the Batu Caves* [Green 2002 : 155].

При назывании людей по вероисповеданию (преимущественно в неофициальной речи) автоматически актуализируются семы 'свой' – 'чужой'. 'Своими', например, русский или украинец будет соответственно считать христиан, православных, 'чужими' – нехристиан, мусульман, иногда католиков. Для англичанина же, человек, который исповедует индуизм, является представителем группы 'чужих', даже без уточнения его национальности.

Содержание концепта постоянно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик [Степанов 1997 : 46], или благодаря освещению и выходу на первый план уже существующих элементов. Таким образом, целесообразным оказывается специальный анализ возможной модификации и дополнения концепта ИНОСТРАНЕЦ в современном английском языке путем разворачивания компонента *'race'* [Hardimon 2003 : 450]. Основными элементами в семантической структуре лексической единицы 'race' в английском языке выступают:

– *a group, esp. of people, with particular similar physical characteristics, who are considered as belonging to the same type, or the fact of belonging to a particular such group;*

– *a group of people who share the same language, history, characteristics, etc.* [CIDE 1995 : 1165].

Таким образом, при условии актуализации составляющего компонента *'race'*, смысловая структура концепта ИНОСТРАНЕЦ обогащается и уточняется благодаря семе '*наличие особых физических признаков'*, что зафиксировано словарными дефинициями: *a group of people of common ancestry, distinguished from others*

by physical characteristics, such as hair type, colour of eyes and skin, stature, etc. [CCELD 1993 : 1276]. В следующем отрывке из романа А. Бэнкса “Бизнес” в ситуации этнической номинации особое внимание уделяется физическим характеристикам представителей разных рас и этнических групп:

The food had been Mexican, served by small and wondrously deft and inconspicuous ***Mexican men*** [Banks 2001 : 129].

Вышеприведенная лексическая единица *small* также активирует семантический компонент ‘*расовая принадлежность*’ концепта ИНОСТРАНЕЦ при номинации тайца Прена:

One of Colongai’s assistants, ***a small Thai*** *called Pran whom I vaguely knew from a company conference a few years earlier, slid the helicopter’s door open for me and mouthed a welcome over the scream of the engine* [Banks 2001 : 156].

Концепт ИНОСТРАНЕЦ как принадлежность к другой нации в сознании и в речи носителя английского языка может играть разную роль, в зависимости от прямых наблюдений, от исторического опыта и от взаимоотношений между народами. Данный концепт как фрагмент английской языковой картины мира отражает наивное знание о представителях различных наций, которое оказалось запечатленным в лексической системе языка.

Выводы

Обобщение точек зрения на концепт и его определение в лингвистике позволяет сделать вывод, что концепт ИНОСТРАНЕЦ является единицей коллективного знания, которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой.

В современном английском языке концепт ИНОСТРАНЕЦ вербализируется при помощи группы номинативных единиц, представленной этнонимами, в семантике которых фиксируется отождествление (автоэтнонимы) или отчуждение (внешние этнонимы) себя говорящим относительно определенного этноса. В семантике данных единиц присутствуют стереотипные знания и представления о ‘чужих’ этнических группах, которые существуют в британском обществе и выражаются этнофобизмами и этнонимами-прозвищами (неофициальными названиями этнических групп).

В ходе проведенного исследования выявлено семантическую структуру и особенности вербализации концепта ИНОСТРАНЕЦ средствами современного английского языка.

В семантической структуре концепта ИНОСТРАНЕЦ присутствуют обязательные компоненты, указывающие на страну или место проживания индивида, на принадлежность к определенной этнической группе. Концептообразующими элементами исследуемой ментальной единицы являются '*человек*' (чужестранец, незнакомец, чужак, посторонний), '*страна/территория*', '*нация*', '*национальность*', '*группа / объединение людей с определенными характеристиками*' (раса, традиции, культура, язык, происхождение, история, религия и т.п.). Отмеченные смысловые компоненты вербализируются в современном английском языке при помощи системы этнономинаций.

Концепт ИНОСТРАНЕЦ фиксируется в языке и в речевом поведении людей, являясь вариантом бинарной оппозиции 'свой' – 'чужой'. Исследование данного концепта важно для описания языковой картины мира, так как представляет универсальную для любого человеческого сообщества оппозицию, которая выступает одной из основных для познания, описания, членения и изучения окружающего мира.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка: Пер. с англ. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №2. – С. 64 – 72.

Каргаполова И. А. Этнические эпитеты: оскорбление или языковая игра? // Языковая система и социокультурный контекст. – СПб, 1997.

Левицкий А. Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. – Житомир: ЖГПУ, 2001. – 168 с.

Маруневич О. В. Концепт иностранец: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты (на материале русского и английского языков): диссер. канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Маруневич; Таганрогский государственный педагогический институт. – Пятигорск, 2009. – 249 с.

Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.

Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 1992. – №3. – С. 1 – 8.

Allatson P. Key Terms of Immigration Law Text. – Blackwell Publishing, 2006. – 314 p.

Allen I. L. The Language of Ethnic Conflict. Columbia University Press, 1983. – 275 p.

Banks I. The Business. – London: Abacus, 2001. – 393 p.

Blincoe N. The Dope Priest. – London: Scepter, 1999. – 291 p.

Carré le J. Tinker. Tailor. Soldier. Spy. – London: Hodder and Stoughton, 1974. – 382 p.

Edric R. Peacetime. – London: Doubleday, 2002. – 357 p.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

Fodor J. A. Concepts. Where Cognitive Went Wrong. – Cambridge: The MIT Press, 1983. – 320 p.

Green G. The Quiet American. – Moscow: The Higher School Publishing House, 1968. – 267 p.

Hardimon M. O. The Ordinary Concept of Race // The Journal of Philosophy. – 2003. – Vol. 1, №9. – P. 437-455.

Hughes G. Swearing. A Social History of Foul Language, Oaths and Profanity in English. – Oxford and Cambridge, 1991.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago-London: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Лексикографические источники

CCELD: Collins Cobuild English Language Dictionary – London: Harper Collins Publishers, 1993. – 1703 p.

CIDE: Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1774 p.

LDELC: Longman Dictionary of English Language and Culture. – London: Longman, 1992. – 1528 p.

ODMS: Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 299 p.

TAS: Thesaurus of American Slang / Ed. by L.Chapman – London and Glasgow: Collins, 1990. – 489 p.

TST: Green J. The Slang Thesaurus. – London: Penguin Books, 1986. – 280 p.

4.4. КЛАСТЕРНЫЙ КОНЦЕПТ *ВАМПИР* В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Онищук И. Ю.

Культурологический концепт ВАМПИР рассматривается как конституент концептуальной картины мира (ККМ) и как вербализованный компонент англоязычной картины мира (ЯКМ), причем последняя представлена в двух неодинаковых воплощениях: как собственно языковая КМ (на материале словарей) и речевая КМ (на материале романов-триллеров).

Эмоциогенность концепта ВАМПИР коренится в архаическом делении мира на “своих” и “чужих”. В культурной памяти человечества вампир позиционируется как демонический носитель зла, как могущественный и опасный для человека инфернальный персонаж. Мы исходим из того, что познание и отражение мира крис-

таллизуется в концептах, которые Е.С. Кубрякова называет “квантами знания” и указывает на то, что эти знания могут касаться как реального мира, так и воображаемых миров. “Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира” [КСКТ 1997 : 90]. Концепты, суть разновидности психических образований, которые В.В. Красных называет общим термином “ментефакты”, утверждая, что они, в свою очередь, “суть элементы содержание сознания”, которое отражает действительность, т.е. “все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, плодов фантазии)” [Красных 2002 : 35-36].

Вампир является безусловно нереальным, вымышленным мифологическим персонажем, который однако присутствуют в культурологической памяти многих народов и, соответственно, отражен в языковой картине мира каждого из этих народов, т.к. “базовые оппозиции культуры закреплены в языке … и проступают сквозь призму языка как древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами” [Красных 2002 : 13]. В своей фундаментальной работе “Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики” А. Вежбицкая писала о возможности “построить концепт БОГ из универсальных концептов в качестве фонового допущения для всех библейских толкований… БОГ – это некто, не такой, как кто-либо еще; этот некто есть некто хороший, этот некто не такой как мы, этот некто может сделать все” [Вежбицкая 2001 : 227].

Отчасти ориентируясь на данный тезис А. Вежбицкой, мы “построили” универсальный концепт ВАМПИР, как холистический феномен, чьи характеристики сгруппированы нами в четыре тематических сектора КТО такой вампир?, КАКОЙ он?, ЧТО ДЕЛАЕТ?, КОГДА/ГДЕ? Концепт ВАМПИР встроен в ККМ человечества как культурологический ментальный слепок некой контрфактной мифологической сущности, вредоносной по отношению к человеку, имеющей набор характеристик, иерархически структурированных в холистическую модель концепта. Предлагаемая нами модель организует конституенты концепта по качественно-количественному принципу.

Количественный признак отражается в зональном членении, а именно: характеристики концепта, эксплицированные во всех справочных источниках (100% заявленность), составляют ядерную зону; характеристики, заявленные в 99% – 20% словарной выборки, составляют медиальную зону; те, которые фигурируют менее, чем в 1/5 части выборки (от 20% и ниже) входят в периферию.

Качественная дифференциация признаков проявляется в группировании их по 4 тематическим секторам, обозначенным как секторы КТО?, КАКОЙ?, ЧТО ДЕЛАЕТ?, ГДЕ/КОГДА?. Сектор КТО? содержит сведения о том, что вампир – неумерший мертвец, а также сведения о терминальных фазах его существования: появлении и уничтожении. Сектор КАКОЙ? объединяет информацию об абсолютной контрфактности, ирреальности, потусторонности данного фигуранта мифологической и литературной картины мира. В секторе ЧТО ДЕЛАЕТ? собраны зарегистрированные в справочниках сведения о вредоносной деятельности вампира, а также об ограничении этой деятельности и способах защиты от нее. Хронотопосный сектор концепта ВАМПИР ГДЕ/КОГДА? членится на сегменты, в которых зарегистрированы сведения о временных и пространственных параметрах бытия вампира как актанта определенных пропозиций (“вампир обитает в гробу”, “вампир выходит из могилы ночью”). Микрохронотопос вампира абсолютно инфернален и наряду с другими смысловыми компонентами вносит свою лепту в эмоциогенность концепта. Макрохронотопос отражает пространственно-временные параметры существования самого концепта ВАМПИР: с древнейших архаических времен и до наших дней, зародился в фольклоре восточных славян, в настоящее время существует в европейской и североамериканской культуре, преимущественно массовой, складывающейся из романов-триллеров, фильмов ужасов, компьютерных игр-страшилок, комиксов и т.п.

Рассмотрим также *языковую проекцию* культурологического концепта ВАМПИР, а именно англоязычную вербализацию данного ментефакта как она отражена в англоязычных словарях и справочниках. По нашим наблюдениям англоязычный вербализованный концепт ВАМПИР является одним из этнокультурноспецифических воплощений общечеловеческого концепта. Его смысловая

структура складывается из тех же компонентов и в той же иерархической упорядоченности, расхождения со славянской версией концепта наблюдаем в незначительных деталях периферийных сегментов (орудие уничтожения – *осиновый кол* у славян, просто *деревянный кол* – в англоязычной версии, “вампир может перевоплощаться в филина”, “боится колокольного звона” – таких семантических компонентов нет в англоязычной вербализованной модели концепта ВАМПИР).

Анализ словарной выборки подтвердил, что “крупная калибровка” семантических признаков концепта группирует их в секторы, каждый из которых покрывает некоторую семантическую общность признаков, объединенных собственной гиперсемой. Так, все семантические признаки, сгруппированные в секторе КАКОЙ?, гипо-гиперонимически подчинены гиперсеме ***unreal***; признаки, входящие в сектор КТО?, подчинены гиперсеме ***undead***. Аналогичным образом семантические признаки вредоносной деятельности вампира, входящие в сектор ЧТО ДЕЛАЕТ?, гипонимически номинируют ***harmful*** *activity*; хронотопосные характеристики (сектор ГДЕ/КОГДА?) бытия вампира объединяются квалификатором ***anomalous***. В результате секторное членение языкового концепта ВАМПИР маркируется с помощью гиперсем: *unreal*, *undead*, *harmful*, *anomalous*. Гиперо-гипонимическими, ассоциативными, партитивными и причинно-следственными отношениями гиперсемы связаны с семами лексических единиц, входящих в ядерные, медиальные и периферийные зоны вербализованного концепта. Семантические связи сильнее всего проявляются в пределах одного сектора, однако нередко они прослеживаются и на кроссекторном уровне. В ходе исследования мы также выделили прототипические компоненты вербализуемого концепта ВАМПИР. В памяти социума это – инфернальный персонаж, который ночами выходит из могилы и пьет кровь живых людей. Вербальной квинтэссенцией такого культурологического мотива служат слова *night, grave, sucks blood*.

Вербализация концепта ВАМПИР в англоязычной картине мира существует не только в виде собственно *языкового* воплощения (зафиксированного лексикографически), но и в виде конгломерата литературных образов вампира из многочисленных беллетристичес-

ких произведений жанра триллер. Совокупность этих литературных образов, выделенных из 10 романов-триллеров, рассматривается нами как обобщенное *речевое воплощение* концепта ВАМПИР. Изучив языковую и речевую версии англоязычного вербализованного концепта ВАМПИР, приходим к выводу об их изоморфности друг другу, т.е. частичном (но не полном) совпадении как архитектонической структуры всего концепта, так и смыслового наполнения и оценочной окрашенности отдельных его сегментов.

Общее структурное членение концепта на четыре тематических сектора (КТО?, КАКОЙ?, ЧТО ДЕЛАЕТ?, ГДЕ/КОГДА?) сохраняется, однако наблюдается некоторая переструктурация самих секторов за счет зонального перемещения образующих их сегментов. Так, например, бывший в языковом концепте медиальным сегмент “конец существования вампира” в речевом концепте перемещается в ядерную зону, поскольку все без исключения произведения (100% заявленность признака) так или иначе, содержат тематический узел “убийство вампира”. В секторе КАКОЙ? появляется дополнительный сегмент “как выглядит вампир”, которого не было в языковом варианте концепта, т.к. словари и справочники не содержат портретных характеристик данного мифологического персонажа. В свою очередь речевой концепт включает набор стандартных портретных характеристик, которые приписываются персонажу-вампиру в большинстве романов-триллеров: горящие глаза, белые зубы-клыки, необыкновенно белая кожа, руки с остро заточенными ногтями, атлетическое сложение, грация движений, черное одеяние, обычно накидка или плащ. Прототипическим вампиром является граф Дракула, герой прецедентного произведения Бр. Стокера “Дракула”.

Структура сектора ЧТО ДЕЛАЕТ? речевого варианта концепта ВАМПИР также расширяется за счет введения информации о полезной деятельности вампира, сосредоточенной в периферийном сегменте данного сектора, т.к. в некоторых романах персонаж-вампир своими действиями (высасыванием крови) приносит избавление от недугов или удовлетворяет желание “жертвы”.

Изменение смыслового наполнения речевой вербализованной версии культурологического концепта ВАМПИР прежде всего заметно

в элиминации ядерного сегмента КАКОЙ? – контрфактный, ирреальный. Тема ирреальности вампира в изображенном мире романов обсуждается во многих произведениях, но каждый раз персонаж-скептик оказывается посрамлен “действительным ” существованием вампира, с которым ему приходится вступать во взаимодействие иногда кооперативного, чаще конфронтационного плана. В рамках квазиреальности всего изображенного мира, о чем авторы нередко предупреждают в предтекстовом комментарии, персонажи-вампиры наделены такой же степенью достоверности, как и прочие действующие лица сюжетных коллизий.

Смысловое содержание сегментов “что умеет”, “чего боится”, “чего не может” вампир варьируется в широком диапазоне: от полного подтверждения всех ограничений и сверхъестественных способностей, приписываемых вампиру как мифологическому персонажу (боязнь солнечного света, чеснока, креста, возможность перевоплощаться, невозможность отражаться в зеркале, пересекать текущую воду и т.п.), до полного или частичного отрицания этих особенностей в разных комбинациях (что-то подтверждается, что-то отрицается и даже высмеивается). Однако сам набор сверхъестественных характеристик, как правило, поддается рефлексии со стороны персонажей, а следовательно данная мифологически закрепленная информация актуализируется в текстах массовой литературы.

Главным смысловым сдвигом, наблюдаемым в речевом воплощении культурологического концепта ВАМПИР по сравнению с его языковым воплощением, считаем изменение аксиологической окрашенности образа вампира. На смену однозначно негативной оценке, наблюдаемой в языковой картине мира (вампир – носитель вселенского зла, нечистая сила), приходит амбивалентная оценка: в романах о вампирах можно встретить как хрестоматийного злодея-кровопийцу, так и вампира-романтика, бунтаря-одиночку и даже спасителя людей.

Изучая эмоциогенность концепта ВАМПИР, мы сочли целесообразным, во-первых, рассмотреть языковые ресурсы английского лексикона для номинации эмоций СТРАХ и ОТВРАЩЕНИЕ и, во-вторых, проанализировать речевые средства выражения этих

эмоций в романах-триллерах с целью дальнейшего выяснения механизма индуцирования соответствующих эмоциональных состояний у читателя романа о вампирах.

Языковые ресурсы номинации эмоции СТРАХ и ОТВРАЩЕНИЕ изучались на основе выделенных нами лексико-семантических полей (ЛСП), основное внимание уделялось анализу семного состава конституентов каждого поля. В результате были сделаны следующие выводы. Эмоция СТРАХ – как она лексикографически обозначена – это неприятное, болезненное чувство, спровоцированное наявной или умозрительной угрозой отталкивающего характера, проявляющееся целым спектром физиологических и психических реакций экспериенцера (дрожь, паралич, побледнение, реакция волосяного покрова, отупение, обморок, выкрики, потеря речи). Номинанты эмоции СТРАХ чрезвычайно активны в плане семантической девиации. Во-первых, они нередко являются семантическими производными: *chill* = холодеть Ю пугаться; *petrify* = каменеть Ю пугаться; *consternation* = паралич Ю испуг. Во-вторых, они сами служат источниками вторичной номинации: *frightwig*, *dreadlock* = волосы дыбом от испуга Ю соответствующая прическа. Глубинная связь ЛСП “СТРАХ” и концепта ВАМПИР проявляется в семантике и этимологии отдельных конституентов ЛСП: *spooky* = *suggestive of ghosts, of a supernatural, mysterious*; *nightmare* = (М.Е.) *a female demon that afflicts sleeping people* Ю *dream arousing feeling of intense fear, horror*. Семный анализ конституентов ЛСП “СТРАХ” показывает, что смесь страха и отвращения – часто встречающаяся комбинация эмоций, которая разнообразно и многочисленно номинируется в английском языке, в частности дефиниционный анализ выявил следующие семантические признаки в пяти кластерах слов, номинирующих страх: *aversion, disgust, repugnance, repulsion, distaste, unpleasant, reluctant*, что свидетельствует о тематической близости двух изучаемых нами ЛСП.

Дефиниционный анализ ЛСП “ОТВРАЩЕНИЕ” показал, что семантический признак “страх” присутствует в семном составе двух кластеров этого поля: HATE и ABHORE. Из этих наблюдений можем сделать вывод о том, что в комбинации страха и отвращения доминирующей эмоцией оказывается страх. Этимоло-

гический анализ ЛСП “ОТВРАЩЕНИЕ” подтвердил глубинную связь сенсорных и эмоциональных впечатлений в психике человека: тактильные, обонятельные, вкусовые ощущения экспериенцера часто кладутся в основу эмотивных номинаций: *disgust* < (O.Fr.) *desgouster = to loose appetite*, *nausea* = *отвращение* от *nausea* = *тошнота*. Семный состав конституентов данного ЛСП часто эксплицирует чувственно воспринимаемый источник эмоции: отвращение вызывает нечто дурно пахнущее, имеющее отталкивающий вид, издающее неприятные звуки. Источником антипатии может быть нарушение провокатором эмоции моральных, этических норм, что осуждается экспериенцером: *repugnance* = *strong dislike often mixed with moral disapproval*; *abominable* = *detestable, morally reprehensible*. Многие номинанты эмоции ОТВРАЩЕНИЕ являются производными от этимонов, называющих физическое удаление, отталкивание объектов друг от друга: *repulse* < (L) *repellere = drive back*; *aversion* < (L) *turning away*; *revolt* < (L) *revellere = tear back*. Удаление объектов друг от друга – наглядный образ, переосмысленный в терминах эмоционального поведения человека. Данное явление еще раз подтверждает тезис о том, что пространственные аналогии лежат в основе многих когнитивно-ономасиологических процессов человеческого сознания, языкового в том числе.

Обе эмоции – СТРАХ и ОТВРАЩЕНИЕ – находятся в негативной зоне, каждая из них выражается разнообразными единицами, более вариативным и обширным является ЛСП “СТРАХ”, нежели ЛСП “ОТВРАЩЕНИЕ”. Первое из них охватывает 140 различных лексических единиц, объединенных нами в 21 кластер (в кластере собраны однокоренные единицы), второе поле насчитывает 85 единиц, сгруппированных в 14 кластеров. Дефиниционный анализ словарных статей показал, что ресурсы английского лексикона достаточны для того, чтобы номинировать тончайшие оттенки этих негативных эмоций, вписывая саму эмоцию в фоновую рамку причинно-следственых и темпоральных параметров, психофизических и этико-социальных особенностей переживания субъектом-экспериенцром соответствующего эмоционального опыта.

Структурация романов-триллеров выступает фактором эмоциогенности соответствующих произведений за счет своеобразия нарративной техники и темпорального моделирования, которые нацелены на “втягивание, вовлечение” читателя в изображенный мир. Этому в частности способствует техника перепорученного повествования, т.к. появление фигуры нарратора (рассказчика) предполагает наличие его коммуникативного партнера наррататора (слушателя) [Воробьева 1993], с этой коммуникативной ролью читатель идентифицирует себя. Как известно, нарратор выполняет функцию фокализатора, носителя сознания, через которое преломляется окружающий квазиреальный мир, что придает повествованию индивидуальность восприятия и убедительность свидетельства “из первых рук”.

В анализируемой выборке мы дифференцируем три типа нарраторов: наивный, осведомленный и нарратор-вампир. Запас культурологических знаний читателя, включенность концепта ВАМПИР в индивидуальный тезаурус читателя наиболее востребованы в литературном произведении с фигурой наивного рассказчика или же любого другого источника речеведения, при котором от читателя скрывается (некоторое время) ключевая информация о том, что в действии участвуют потусторонние силы, вампиры. Опираясь на культурологически важные детали (*чеснок, зеркало, распятие* и т.д.) читатель самостоятельно выстраивает гипотезу о присутствии вампира среди действующих лиц произведения. Это активизирует его внимание, воображение, создает мощный эмоциональный стимул к продолжению чтения.

Введение шокирующей фигуры нарратора-вампира нацелено на иную коммуникативную деятельность читателя. Догадке здесь отведена более скромная роль. Зато актуализируются эмпатия и любопытство. Следя за откровениями вампира, читатель узнает о деталях его повседневного быта, проходит вместе с ним процесс инициации в вампира, безнаказанно пересекает непреодолимую в реальной жизни черту между жизнью и смертью, вживается в телесный опыт перевоплощения (в пар, волка, и т.п.) и узнает “из первых рук”, что чувствует вампир, высасывая кровь у жертвы. По нашему убеждению возможность заглянуть за кулисы жизни

вампира, увидеть скрытую сторону трагических и невероятных событий глазами столь экзотического наблюдателя составляет главную привлекательность данных произведений.

Осведомленный рассказчик-персонаж, не являющийся вампиром, но все о них знающий, не очень эффективен для эмоциогенности нарративной схемы. Поэтому чаще всего авторы предпочитают детально изображать *действия* подобных персонажей и очень скупо представлять их *рассказы* о том, что происходит. Такое положение наблюдаем, например, с профессором Ван Хельзингом в романе “Дракула”, где только 3% текстового пространства принадлежит его нарративной партии, при этом его действия описываются в большинстве сюжетных эпизодов, связанных с борьбой с Дракулой.

Говоря о роли структурации романов о вампирах в создании их эмоциогенности, упомянем особую роль сильных позиций текста – начала и конца. Начало как структурный компонент играет свою решающую роль в эмоциональном нагнетании повествования либо за счет инициального “ошеломления” читателя введением шокирующей фигуры повествователя-вампира, либо за счет конвергенции негативно эмоционально окрашенных языковых единиц, либо за счет ретардации логического объяснения того, что происходит.

Еще одним средством, усиливающим эмоциональное напряжение в романах-триллерах, служит темпоральная организация повествования с использованием мотива истекания срока, грозящего непоправимой катастрофой, как для главного персонажа, так и для всего человечества. Естественно, финалом такой темпоральной эскалации служит обязательный happy end.

В целом отмечаем, что культурологический концепт ВАМПИР не только обретает плоть в образе персонажа-вампира, но и прорастает в сюжетную схему, нарративную ткань всего литературного произведения.

Как автор, так и читатель триллера о вампирах, естественно, находятся вне изображаемого мира, страшного, опасного и отвратительного. Эффективная деятельность автора триллера должна привести к тому, чтобы читатель триллера “позабыл” о своей невключенности в этот мир, о своей неподвластности пагубной силе

вампира и в результате стал экспериенцером эмоций страха и отвращения. Индуцирование этих негативных эмоций автором у читателя происходит опосредованно: 1) через изображение внутритекстового провокатора эмоции, через наглядное, чувственно воспринимаемое вербальное описание чего-то, что традиционно трактуется как страшное или отталкивающее; 2) через показ поведения и/или рассказ об ощущениях, переживаемых персонажем, который выступает внутритекстовым (изображенным) экспериенцером негативных эмоций; 3) через объективацию эмоции как таковой, это происходит в рассуждениях нарратора об оттенках и разновидностях страха и отвращения как объектов изображения.

Эмоциогенная атмосфера романа-триллера создается не только нарративными приемами, но и сугубо языковыми, лексическими средствами. Мы объединяем их в тематические группы (ТГ) “СТРАХ” и “ОТВРАЩЕНИЕ”, которые вербализуют соответствующую тему и тем самым реализуют прагматическую установку романов-триллеров

Лексические единицы, номинирующие страх, используются в изобилии, нередко образуя семантически избыточные описания чего-либо страшного либо участвуя в рассуждениях о природе страха и его разновидностей. Конвергенция идентично заряженных словарных единиц на небольших участках текста создает своеобразные сгустки эмоциональной напряженности. В совокупности с многочисленными и разнообразными маркерами симптомов страха они способствуют погружению читателя в эмоционально-напряженную атмосферу романа-триллера.

ТГ “ОТВРАЩЕНИЕ” в анализируемых романах по сравнению с группой “СТРАХ”, представляет собою значительно менее обширное множество единиц (соотношение примерно 1:3), которые, однако, по силе своего эмоционального воздействия на читателя вряд ли уступают группе “СТРАХ”. Им не свойственно группироваться с помощью приема конвергенции в сгустки эмоциональной окраски. Сила их воздействия на читателя (создание эффекта эмоционального отторжения, отталкивания, желания прервать контакт) слишком велика. Злоупотреблять ею авторы массовой литературы не решаются.

Особую группу языковых средств создания эмоционального напряжения в романах о вампирах составляют лексические единицы ассоциативно связанные с эмоцией отвращения. Они лишены собственно эмотивной семы в своем лексическом значении, но, тем не менее, весьма эффективно индуцируют эмоцию отвращения у читателя романа-триллера. Механизм их эффективности состоит в апелляции к сенсорной памяти читателя, прежде всего к той части сенсорного спектра, которая аккумулирует неприятные ощущения (тактильные, зрительные, обонятельные, акустические). Эту группу конституентов ТГ "ОТВРАЩЕНИЕ" называем "сенсорными квалификаторами" и отмечаем, что в анализируемой выборке она самая объемная и разнообразная. С использованием этих лексических единиц создаются откровенно натуралистические отталкивающие описания, лишенные традиционных митигирующих тактик литературного изображения реальности. Пренебрегая т.н. "принципом Полианны", который предписывает избегать неприятных тем в общении или же смягчать их, авторы триллеров "щекочут нервы" читателей, индуцируя у них эмоции страха и отвращения, что парадоксально приводит к гедонистическому эффекту утоления эмоционального голода и развлекает массового читателя романов-триллеров.

Выводы

Концепт ВАМПИР как совокупность знаний о мифологическом персонаже существует в культурной памяти человечества с архаических времен до настоящего дня. Все секторы концепта ВАМПИР содержат, эмоциогенную информацию, т.к. характеризуют существо инфернальное, страшное, попирающее все законы человеческого мироустройства.

Языковая картина мира содержит в частности англоязычную вербальную версию концепта ВАМПИР, которая была нами выделена, структурирована и описана по разработанной зонально-ядерной модели, что и культурологический концепт ВАМПИР. Причем, рассмотрен он не, только в собственно языковой проекции, но и в речевой версии. На основе выборки из 10 романов-триллеров мы выделили совокупность литературных персонажей, воплощающих

культурологический концепт ВАМПИР. Сравнивая речевую и языковую версии англоязычного концепта ВАМПИР, приходим к выводу об их структурной изоморфности: зонально-секторное членение в целом сохраняется. Отличие одной версии от другой заключается в переструктурации отдельных сегментов. Например, сегмент “как убить вампира”, бывший в медиальной зоне языкового концепта, перемещается в ядерную зону речевого концепта, т.к. все без исключения романы (100% заявленность) так или иначе содержат тематический узел “убийство вампира”.

Одной из задач настоящего исследования было определение психологии читательского восприятия романов-триллеров. Как показал выполненный нами анализ специальных научных исследований, секрет успеха литературы жанра ужасов заключается в парадоксальной притягательности отталкивающих эмоций страха и отвращения, индуцируемых у читателя как содержанием (диктумом), так и формой презентации (модусом) этих романов. Описание откровенно отталкивающих своим натурализмом сюжетных эпизодов и эмоционального напряжения, переживаемого персонажем-экспериенцером, согласно механизму эмпатии, эмоционального заражения вовлекает читателя в изображаемый мир, индуцируя у него аналогичные, но “дистиллированные” эмоции страха и отвращения.

Эмоционально напряженная атмосфера создается лексическими единицами, номинирующими эмоцию страха, вербализующими симптоматику испуга, а также эмоциогенными сенсорными квалификаторами, апеллирующими к сенсорной памяти читателя (словами, называющими неприятные тактильные, обонятельные, звуковые и зрительные ощущения).

Лексические средства, способствующие реализации эмоциогенного потенциала концепта ВАМПИР в его речевом воплощении, сгруппированы нами в тематические группы “СТРАХ” и “ОТВРАЩЕНИЕ”.

Использование перепорученного повествования и драматически окрашенных темпоральных моделей (тема истекающего срока, чреватого катастрофой) служат цели еще большего вовлечения читателя в эмоциональную атмосферу триллера. Эстетический эффект катарсиса непременно венчает подобное произведение,

освобождая читателя от пережитого эмоционального напряжения, вознаграждая его гедонистическим ощущением восстановленной гармонии мира.

Литература

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 272 с.

Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993. – 199 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. – М.: МГУ им. М. Ломоносова, 1997. – 245 с.

ГЛАВА V
КОНЦЕПТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

5.1. КОНЦЕПТ-МИФОЛОГЕМА *СИЛА* В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Колесник А. С.

В контексте современных лингвистических исследований, ориентированных на анализ информационных структур, являющихся основой единиц языка и речи [Колшанский 1990; 10, Кравченко 1996 : 5-11; Кубрякова 1997 : 3-5; Сулимов 2006 : 41-42; Lakoff 1990], актуальной оказывается лингвосемиотическая характеристика номинативных единиц, вербализирующих элементы мифологического пространства.

В процессе образования и реализации моделей рационалистической категоризации мира обработка и интерпретация входящей информации осуществляется с опорой на некие аксиоматические структуры (знаки-интерпретанты, в терминах Ч. Пирса [Пирс 2000 : 7-51]), недоказуемые в рамках одной парадигмы мышления. Аксиоматичность основ семиозиса, основанная на иррациональном компоненте культуры и мышления, а также универсальность механизма восприятия на веру аксиом, позволяет определить миф как основу концептуальных и языковых картин мира языковых сообществ разных исторических периодов. Мифологическое пространство (МП) является контейнером прототипичных информационных структур, отображающих опыт предыдущих поколений, в широком смысле – первичный образ мира. Под МП мы понимаем вербально-информационный континуум, охватывающий концепты-мифологемы, системно (нелинейно, ассоциативно и полицентрично) организованные в мифологические сценарии. Соответственно, концепт-мифологема определяется как квант вербализированной информации, основа и базовая составляющая МП. Он отображает определенный аспект архаического природо-центричного варианта устройства мира; содержание его первичного

варианта является результатом образно-ассоциативной рефлексии, которая не предусматривает вторичной интерпретации и символизации [Колесник 2011 : 52].

Осуществление социальных практик, протекание социокультурных, политических, геоклиматических и других процессов связано с действием разнообразных “движущих” сил. Соответственно, среди факторов, содействующих развертыванию стереотипных сценариев в контексте концептуальной (мифологической, в частности) картины мира (ККМ) социума, значимое место занимает концепт СИЛА. Данное явление, словами Аристотеля, оказывается “причиной и деятельной силой … разумом, [что] существует отдельно, не касается страданий, является простой (amiges)… по своей природе чистой силой” [Антология 2001 : 377]. Указанный концепт содержит опыт человечества об абстрактной энергии, стихии, силах природы (“…если тело … окруженное извне теплом, холодом и другими могущественными силами” [Платон 1994 : 436]), в разные эпохи соотносимых с божественной силой, а в научной картине мира – с непознанными свойствами материи или с паранормальными явлениями. Содержание этого концепта может также рассматриваться как универсальная информационная система в функциональном аспекте, информационное поле ноосферы, структурирующее “мир проявленный”. Как императивный компонент межсистемных отношений, СИЛА оказывается концептом-связкой, объединяющей мифологические сценарии в динамическую надсистему. Об универсальном связующем характере указанного концепта свидетельствуют этимологические соответствия на лексическом уровне наподобие “узел, связь” ↔ “сила”, например: д.а. *streng* (герм. **strangiz;* англ. *string*) ↔ д.а. *strengð* (герм. **strangiðo*; англ. *strength*); “кишка, внутренности” ↔ “сила”: д.а. *þearm* (внутренности) ↔ д.а. *þrymm* (слава, сила) [EDME], присутствуют и в современных вариантах языков: *to have no guts = to have no courage / power to do sth*, “*кишка тонка*” и т.п. В свою очередь, выделяются такие параллели в осознании содержания концепта СИЛА в картинах мира европейцев: “могущество” / “мощь”: OE *mægen*, укр. *могутність*, рос. *могущество*, OE *miht*, укр. *міць*, OE *magan* (гот. *magan*), укр. *могти* (общеслав. **mogti*) [ЕСУМ : (5), 229].

С другой стороны, данные единицы отображают лишь сегменты сложного концептуального образования. Этнокультурная специфика концепта также проявляется в этимологии и семантике единиц, используемых как родовые имена концепта СИЛА. Так, укр. *сила* отвечает лит. *Siela* (душа), нем. *die Seele* (душа) и *die See* (море), д.а. *sawol* < герм. **saiwalo* “тот что исходит из моря” [Маковский 1996 : 293]. Подобная корреляция обусловлена представлениями о потустороннем мире, связанном с водой, а именно – с „низом”, холодным и мокрым Нифльхаймом [Топорова 1998 : 43-45]. В свою очередь, в британской картине мира *miht* и *strengþ* выражают отдельные аспекты исследуемого феномена, и выступают гиперонимичным названием концепта POWER, или, по крайней мере, FORCE. Обе единицы являются образованиями более поздней исторической эпохи (13 ст.), заимствованными английским языком. Они отображают рационалистическое видение силы как *способности / могущества*: англ. *power* < англ.-фр. *pouair,* д.фр. *povoir* (мочь) < лат. *potis* (могучий); англ. *force* < д.фр. *force,* < лат. *fortia,* < лат. *fortis* (сильный) [EDME].

Универсальны, на наш взгляд, представления европейцев о СИЛЕ как энергии. Например, соотношения англ. *craft* “ловкость, умение”, д.а. *cræft*, дс., двн. *kraft*, нл. *kracht*, дисл. *kraptr* “сила, колдовская сила”, н. *Kraft*, шв. *kraft* “сила”; а. crave “страстно желать”, да. crafian “требовать”, дисл. krefja “требовать”, *krof* “требование”; < герм. **krab- / *kraf-* (ие. **grep- / grəp* < ие. gerə- “вить, крутить, вращать” позволяют рассматривать природу СИЛЫ как энергию, выделяемую при вибрации (“вращении”), так и ассоциировать ее с иллокутивной силой вербальных конструкций (“требование” как стимул / источник действия). Соотношения типа дисл. *krof* “туловище тело”, норв. *krov* “разделанное, убитое животное”, дисл. *kryfia* “выпотрошить , снл. *krocht* “холм”, да. *croft* “небольшое поле” < герм. **kruf- / kruft-*. Значение “тело, туловище” развивается на базе семы [вить, плести]; значение “потрошить” возникло, очевидно, на основе значения “тело убитого животного” [Левицкий 2010 : 329]. Можно предположить, что такое понимание силы вызвано явлением высвобождения энергии из тела как контейнера материи и реализатора электрохимических процессов,

отвечающих за жизнедеятельность, при убийстве / вскрытии (ср. народные верования о нежелательности пребывания человека у головы умирающего, а также свидетельства о разрушении помещений в которых умирает ведьма).

Если допустить близость ие. * *gerə-* и ие. **ker-* “крутить”, возможно соотнести **ker-* “издавать звуки” > и сему “связывать чарами”. Учитывая физическую природу звуковых волн, акустические свойства внешней формы языковых знаков мы рассматриваем как параметрические особенности энергетических взаимодействий в мире. Отсюда – наличие в МП разных етносов представлений про сакральную роль песни и слова: д. англ. *lēoþ*, двн. *liod*, н. *Lied*, дсев. *Ljōð* < ие. **lei-* “лить”. Представления о “литье” звука отображает понимание движения материи и присущей ей энергии , ср. ие. **lĕ-*, **lău-*, **lā-*, **lē-* “издавать звуки”, а также ие. *lei-dh* “соединяться”, ср.: н. *Lied* “песня”, ирл. *laidir* “сила”; двн. *galan* “петь”, лит. *galia* “сила”; ие. *eer-* “звук”, лтш. *vara* “сила” [Pokorny 1959 : 574, 683].

Итак, в универсально-обобщенном виде данный феномен понимается как результат взаимодействия разнообразных систем, следствием которого является активный опыт, порождающий новое пространство и новую систему [Поляков 2004 : 309]. Вообще, в разных стереотипных социокультурных сценариях функционируют родственные концепты: ЭНЕРГИЯ, МОЩНОСТЬ, МОГУЩЕСТВО, МОЩЬ, ВЛАСТЬ, НАСИЛИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ и т.п.

В зависимости от конфигурации и сущности систем, а также от характера их взаимодействия (в смысле бенефактивного или энтропичного влияния на ту или другую систему) СИЛА ситуативно приобретает оценочную окраску, оказывается творческой или деструктивной. Своеобразной ценностной нагрузкой отмечен концепт МАГИЯ. В отдельных культурных контекстах кроме корреляций с концептами СИЛА, МОГУЩЕСТВО, ВЛАСТЬ в его содержании могут профилироваться отрицательные оценочные компоненты. Например, во время ссоры Локи с богами на пиру у Эгира, Один и Локи спорят, придерживаясь стратегии доминирования, прибегают к инвективным речевым ходам, обвиняют друг друга в неподобающем для мужчины поведении, при чем свое обвинение Локи

основывает на магических практиках, осуществляемых оппонентом: *En þik siða kyðu // Sámseyu í, // ok draptu á vétt sem völur, // vitka líki // fórtu verþjóð yfir, // ok hugða ek ʁoat args aðal.* (А ты, я слышал, на острове Самсей бил в барабан, колдовал среди людей, как это делают ведьмы, ты – муж женоподобный [Lok : 24].

Специфическим проявлением СИЛЫ в мифологической ККМ является МАГИЯ. Енерго-креативный потенциал языковых знаков отображен в их этимологии, ср. н. *Zauberei*, соотносимого с *schneiden, zeichnen* [Levickij 2011 : 8-68]. Действие МАГИИ (прежде всего, вербальной) обусловлено информационными взаимодействиями, объемом и наполнением внутренней формы номинативных единиц, которые обозначают концепты-мифологемы и включены в речевые структуры, связанные с магическим вариантом развертывания стереотипных мифологических (мифологически окрашенных) сценариев. Сила концептуально-семантических взаимодействий [Колесник 2001 : 110] порождает своеобразную образность указанных знаков, которая как бы “подсказывает” социокультурно релевантный вариант развертывания соответствующего сценария. В свою очередь, отметим иллокутивную силу магических заклятий как перформативных речевых актов, а их перлокутивный эффект: применение магических формул изменяет конфигурацию фрагмента картины мира социума (часть собственно мира).

В разные исторические эпохи концепт СИЛА присутствует во всех мифологических сценариях, которые представляют мифологическую ККМ (или мифологический фрагмент национальной ККМ). Вообще, концептуальная область “силовых взаимодействий” систем, с учетом универсологического подхода к анализу явлений языкового, культурного, энергоинформационного планов [Колесник 2011], а также критериев “природа”, “частность :: обобщенность” и “ориентированность” составляет такую иерархическую структуру: (1) СИЛА ИНДИВИДУАЛЬНАЯ (физические свойства индивида, энергетический потенциал неживого предмета); (2) СИЛА МЕНТАЛЬНАЯ (способность к концептуализации – аналитической или образной); (3) СИЛА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (построение межличностных отношений, влияние на других индивидов с использованием собственных способностей); (4) МАГИЯ (сила трансцендиро-

вания информационных структур в мир материальный и наоборот, способность влиять на индивида, социум и другие параметры мира); (5) СИЛА МЕЖГРУППОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ (комплекс движущих факторов, определяющих изменения на уровне культурных типов); (6) СИЛА ИНФОРМАЦИОННАЯ (потенциальная энергия семиосферы, ноосферы в общем, общая энергия информационного поля, в котором разворачивается Бытие); (7) ЭНЕРГИЯ (феномен межсистемных отношений, природа которых не всегда доступна для понимания представителями современной цивилизации, универсальный фактор, обеспечивающий динамику систем разных уровней). Поскольку энергия оказывается свойством элементов всех уровней известного (а также смоделированного, ментального) мира, то соответствующие концептуальные области в широком понимании мы рассматриваем как энергосистемы, организованные по полевому принципу.

Например, на "реверберационном" этапе (или же границе "лингво-демиургического" и "реверберационного" периодов [Колесник 2011 : 72-81], в ходе установления христианства как господствующей идеологии в Европе) СИЛА отличается по своей природе, источникам происхождения и сферам применения. Так, СИЛА является свойством стихий, божественных существ, оказывается физической, физиологически детерминированной (врожденной, специально развитой или "дарованной"(*mægenes strenge, gimfæste gife ðe him god sealde* (могущественная сила, знаменитый дар, посланный ему Богом) [Beo : 1270-1271]), ментальной, духовной (*frod ond god* (мудрый и храбрый) [Beo : 279]), магической. Физическая ипостась данного концепта, по обыкновению, аксиологически положительно окрашена, а потому является ингерентной характеристикой ВОИНА как типичного представителя архаического социума (*Тїи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побэждаютъ* [СП : 52], или прототипичного ВЛАСТИТЕЛЯ как наилучшего воина: *mihtigan drihtne* (могущественный властитель) [Beo : 1397]; или как носителя чрезвычайных свойств, родственного с божествами или стихиями: *Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука* [СП : 44], *святослав… плъковъ половецкихъ яко вихръ, выторже* [СП: 48]. В древнеанглийском эпосе зафиксированы номинативные

единицы, семантика которых указывает на наличие концептуальных коррелятов СИЛА ↔ СНОРОВКА ↔ МАСТЕРСТВО, касающихся прототипических видов деятельности – военного дела, мореходства и т.п., например: *merestrengo* (сила-в-море) [Beo : 533], *feðewiges* (мощь в пешем поединке) [Beo : 2364].

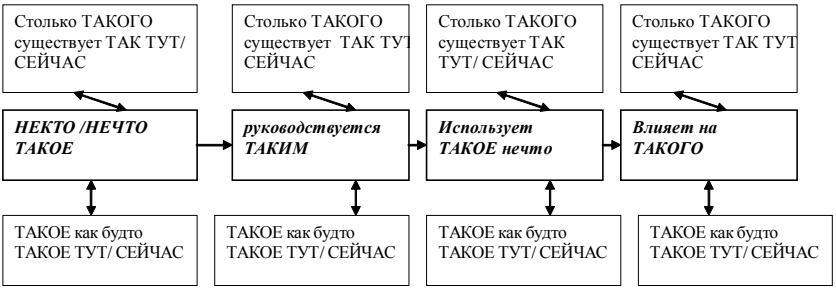
Сила ментальная соотносится, прежде всего, с “силой ума”, т.е., с концептом МУДРОСТЬ, которая позволяет индивиду вырабатывать адекватные стереотипным ситуациям варианты поведения: *ealda fæder Ealhelm haten, // wis ealdorman* (старик по имени Элхельм, мудрый старейшина) [Mald : 219-220]. *Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дэло* [СП : 56]. Данный концепт проявляется также как сила убеждения, обмана и т.п. и вербализируется, как правило, с помощью синтаксических конструкций сверхфразового и текстового уровня. Например, для древнеанглийской (древнегерманской) картины мира типична фреймовая ситуация “восхваление перед битвой”. Ее речевым воплощением является набор промисивных и декларативных (иногда инвективных относительно прогнозируемого неприятеля) речевых актов. Так, накануне стычки с Гренделем Беовульф проговаривает „слова силы”, т.е., обещает одолеть врага и, с учетом лингвокреативного характера номинативных единиц в контексте мифологической ККМ, моделирует желательный для себя вариант развертывания сценария: *on healle þryðword sprecen* [Beo : 643-644]. Более того, владение силой (как физической так и духовной, которая определяет жизненную стратегию и детерминирует использование индивидом всех личных ресурсов) разрешает ему даже изменить собственную судьбу – т.е., модифицировать сценарий, заложенный надсистемой: *ic me mid Hruntinge dom gewyrce* (с Хрунтингом обрету (“сотворю”) славную судьбу) [Beo : 1490-1491]. Соответственно, князь Игорь декларирует свои намерения добраться до „границы известного мира”, получить славу, или умереть: *хощу бо рече копїє приломити конець поля половецкаго съ вами русици хощу главу свою приложити а любо испити шеломомь дону* [СП : 30]. Данный призыв стимулирует подданных к действиям в поддержку своего господина, активирует аксиологические концепты, устанавливает цель деятельности и выступает силой-связкой, объединяющей отдельные

фреймы в динамический сценарий. В данном случае духовная / ментальная сила индивида оказывается фактором, определяющим иллокутивную силу декларативно-комиссивного речевого акта.

Сила магическая понимается как проявление специфического информационного обмена, вследствие которого происходят изменения в конфигурации мира. По связи с носителем такая СИЛА является врожденной, добытой или развитой. Она присуща живым существам, является признаком определенного класса артефактов, а также средством влияния на мир и его жителей (прежде всего, заклятия перформативного типа), например: *þæt yrfe, eacencræftig, iumonna gold galdre bewunden* (Ибо все огромное наследство, золото ушедших людей, замкнуто заклятьем) [Beo : 3052-3053]; *всеславъ князь людемъ судяше княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ кыєва дорискаше до куръ тмутороканя, великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше* [СП : 62], *I сие весек род правісе коудеснце жртве твуряе* (И вот род всякий управлялся колдуном, приносившим жертвы) [ВК : 209]. Текст последнего источника создан средствами „близких к древнерусскому языку диалектов” [ВК : 243] и записан некириллическим письмом, поэтому примеры из него приводятся современной графикой в морфо-фонемической интерпретации переводчика.

Божественная сила как проявление концептуально-семантической сакральной сферы, рассматривается как воздействие надсистемы, несущей „программу” взаимодействия систем низших уровней. Поскольку представители мира проявленного не владеют адекватным инструментарием для расшифровки намерения и смысла влияния надсистемы, ее природа оказывается непонятной, табуизированной, “неисповедимой”. Тем не менее, божественная сила понимается как творческая, защитная, карающая по отношению к миру людей: *твряшу богом силку сооузрехом в себі то так как дан дар бъгов* (творимую богом силу увидели в себе, так как это дар богов) [ВК : 137], *Wyrd oft nereð unfægne eorl* (Вирд часто спасает ярла не-обреченного) [Beo : 573].

При включении в стереотипные мифологические фреймовые ситуации [Жаботинская 1993; Жаботинська 2006], языковые знаки, воплощающие концепт СИЛА, выполняют такие роли:



Агенс (в акциональном сегменте сети): *Gæð a wyrd swa hio scel* (грядет доля, как ей желанно) [Beo : 455], *seo byrne sang gryreleoða sum* (пропели кольчуги песнь ужасной судьбы) [Mald : 285-286] (типичная для мифологического контекста персонификация оружия, владеющего собственной силой). При наличии описания свойств индивида (при чем номинативные единицы отмечаются имплицитной оценочной окраской, в то время как включения денотата в реальную фреймовую ситуацию факультативно) такая дескрипция оказывается проявлением предметоцентричного (компаративного, поссессивного и т.п.) субфрейма: *а уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моєго ярослава* [СП : 52]; *Pan vei veint byt // Hard bard bud an gnawt // Ar wawt y tuedaf a traetho tauawt* (до упорядочивания мира волшебный дар барда создал нас – в стихе я живу, в том, что говорит язык [CG : 187-189]. В последнем случае отметим определенную ролевую контаминацию: СИЛА как творец и, одновременно, инструмент демиурга.

Стимул – входил в фреймовую ситуацию имплицитно: [военная] СЛАВА > РЕПУТАЦИЯ / СОКРОВИЩЕ > ВЛАСТЬ > СИЛА > … [новые достижения] > [СЛАВА] > …, например: *Ond ða Beowulfe bega gehwæþres eodor Ingwina onweald geteah* (прежде обоих Беовульфа наделил покровитель Ингвеонов правами и властью) [Beo : 1041-1042], *þæt hie healfre geweald* [Beo : 1088] (“половина власти” в землях фризов как аргумент в переговорах); *An deilas blaen bedw // An dathrith datedw // An maglas blaen derw // O warchan maelderw.* (наше возрождение – снятие зимнего заклятия; верхушки дубов захватили нас заклятьем Мелддера) [CG : 145-148].

Инструмент: (боевые руны) *ðurh anes cræft* (собственными силами) [Beo : 699], *þeah ic eal mæge* (будь то в моей власти [убить]) [Beo : 680], *his fingra geweald* [Beo : 765], *sylfes cræfte, sundnytte dreah* (своей силой и мастрством пловца) [Beo : 2360], *mid ofermægene* (с силой) [Beo : 2918]; *Rúnar munt þú finna ok ráðna stafi,// mjök stóra stafi, mjök stinna stafi,// er fáði fimbulþulr ok gerðu ginnregin// ok reist Hroptr rögna.* (Руны найдешь и постигнш знаки, сильнейшие знаки, крепчайшие знаки, Хрофт их раскрасил, а создали боги и Один их вирезал) [Hbv : 142-144], *Аще и вЂща душа въ друзэ тэлэ* [СП : 62], *Полечю рече зегзицею по Дунаєви* [СП : 64], *А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростю и бэлымъ гоголемъ на воду. Въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него бусымъ влъкомъ* [СП : 68] (имплицирована магическая способность перевоплощения);

***Локатив-контейнер*:** *on geweald gehwearf woroldcyninga* (попал под власть властителя народа) [Beo : 1685], *gedeð him swa gewealdene worolde dælas* (подчиняет своей силе обширные земли) [Beo : 1733];

Пациенс: *ðeah þe hine mihtig god mægenes wynnum* (через него создатель одарил силой) [Beo : 1717], *swa me gifeðe wæs* (так мне было даровано = дана сила отомстить) [Beo : 2492]. Владение СИЛОЙ зачастую приводит к оценочным номинациям субъекта-носителя, например: *þú ert fordæða* (ты злая ведьма (Фрейя) [Lok : 32], *völu vilmæli* (ведьмы лести (не верь) [Hbv : 87].

Таким образом, СИЛА является неотъемлемым компонентом любого фрейма, в котором задействован ЧЕЛОВЕК. Стремление к силе (и, соответственно, к овладению с помощью ее ценностями, релевантными для определенного культурно-исторического типа) является чертой, типичной как для индивида, как и для его противника, ЧУДОВИЩА. В данном случае отметим определенный изоморфизм конфигурации картин мира древних англосаксов и восточных славян. В обоих случаях СИЛА как средство реализации личных интенций оказывается причиной конфликтов и средством решения противостояния между контрарными мирами.

Вместе с тем, проведенный анализ позволяет выделить и алломорфные признаки, присущие видению мира обеими этносами:

1) в германских текстах акцент на силе как индивидуальной характеристике; 2) в древнеанглийских текстах номинации (даже при использовании кеннингов – композитов или фраз) СИЛЫ включают лексические единицы, в значении которых реализованные семы “сильный”, “могущественный” наподобие *cræft* (сила) [Beo : 418], *mægnes* (сила) [Beo : 670, 1716, 1761], *miht* (мощь), *swiðe* (сильный) [Beo : 1743]. Вместе с тем, в восточнославянских текстах СИЛА как признак денотата имплицирован при использовании описательных и сравнительных конструкций синтаксического уровня: *Высоко плаваєши на дэло въ буєсти, яко соколъ на вэтрехъ ширяяся* [СП : 56], *отъ желэзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ яко вихръ выторже* [СП : 48]. 3) О фокусном характере данного концепта в ККМ англосаксов свидетельствует значительное количество номинаций-кеннигов с избыточным значением типа *mжgenstrengo* (могущественная сила) [Beo : 2677]. Гиперболизованные номинации СИЛЫ в восточнославянских текстах касаются, прежде всего князя: *ты так как можеши волгу веслы раскропити, а донъ шеломы выльяти! … ты так как можеши засуху живыми шереширы стрэляти* [СП : 52]; 4) В древнеанглийских текстах номинации СИЛЫ касаются и оппонента человека – ВРАГА / ЧУДОВИЩА типа *mжre mжrscheaюa* (могущественное болотное существо) [Beo : 103]. Признание СИЛЫ как признака ВРАГА отвечает древнегерманским представлением о чести и славе, которые приобретаются при победе над действительно достойным неприятелем [Колесник 2007 : 8]. В восточнославянских текстах такое свойство представителя контрарного мира не акцентируется, что наталкивает на мысль об одновекторном движении системы культуры восточнославянского социума, который оказывался несбалансированным (слабость внешних врагов стимулировала центробежные процессы внутри общества, которые проявились в виде междоусобиц).

Отметим также магическую ипостась СИЛЫ в ККМ древних кельтов, где магия соотносится со знаково-речевыми конструктами: *Is de dobert Finn a hordain ina beolo. Addonich as eisib afrithisi fortnosna a imbus // dichan dichetel* (Тогда Финн положил большой палец в рот. Когда он его вытащил, осветило его знание и пропел он

заклятие) [Калыгин 2003 : 27], *Dichan brichtu forsan crand sin* (поговорил заклятье под деревом) [Калыгин 2003 : 28], языковыми знаками в сочетании с материальными “катализаторами” энергетических процессов: *yg kenneir or peir // pan leferit* (моя поэзия… проговорена из котла) [PA : 13]; способами трансформации (т.е. инструментом конфигурации мира): *Bum cledyf yn aghat // Bum yscwyt ygkat // Bum tant yn telyn // Lletrithawdc naw blwydyn* (я был мечем в руке, я был щитом в битве, я был струной арфы, призраком девять лет) [CG : 17-20], *Pan swynhwyt godeu // Y gobeith an godeu* (Когда деревья были заколдованы – их надежда в форме деревьев) [CG : 57-58]. Указанные номинации акцентируют творческий характер СИЛЫ, прежде всего магической, способной изменять как объекты реальности, так и объединять разнообразные миры, структурированные вокруг определенных базовых концептов.

Выводы

Таким образом, природа и характеристики системных взаимодействий, в которые входит концепт-мифологема СИЛА в разных своих проявлениях, проявляют этноспецифические черты в разных культурных традициях и в разные исторические эпохи. В то же время, этимологические, семантические и лингвокогнитивные особенности знаковых репрезентаций этого концепта свидетельствуют о его универсальности. Поэтому СИЛА рассматривается как стимул и инструмент, определяющий протекание мифологических сценариев и, соответственно, характер создаваемых языковыми средствами картин мира, особенности взаимодействия субъектов в них.

Литература

Антология мировой философии: Античность. – Мн.: Харвест; М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001. – 960 с.

ВК: Велесова книга: Легенди. Міти. Думи / Заг. ред. В. Довгича. – К., 1995. – 316 с.

Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. – М.: РАН ИНИОН. – 1994. – С. 32 – 86.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови: В 7 томах / Укл. Болдирєв Р. В та ін. – К.: Наукова думка, 1982 – 2006. – Т. 1–5.

Жаботинская С. А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – К.: ИСИО, 1993. – С. 58 – 66.

Жаботинська С. А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи // Мова. Людина. Світ.: До 79-річчя професора М. Кочергана. Збірник наукових статей. – К.: КНЛУ, 2006. – С. 178 – 192.

Иванов В. В. О соотношении этимологии и реконструкции текста // Этимология 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 66 – 70.

Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии / Общ. ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 128 с.

Колесник О. С. Особливості засобів творення образності в творах жанру фентезі // Проблеми семантики слова, речення та тексту. – Вип. 7. – Київ. – 2001. – С. 109 – 111.

Колесник О. С. Номінації концепту ВОРОГ в архаїчній мовній картині світу: зіставний та лінгвокогнітивний аспекти // Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 339-340: Германська філологія. – Чернівці: Рута. 2007. – С. 3 – 10.

Колесник О. С. Міфологічний простір крізь призму мови та культури: Монографія. – Чернігів : РВВ ЧНПУ імені Т.Г. Шевченка, 2011. – 312 с.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.

Кубрякова Е. С. Вступительное слово // Категоризация мира: пространство и время: матер. научн. конф. – М., 1997. – С. 3 – 14.

ЕСГЯ: Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. – Винница: Нова книга, 2010. – Т.1. – 610 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

Пирс Ч. Начала прагматизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 352 с.

Платон. Тимей // Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 421 – 500.

Поляков В. А. Универсология. – М.: Амрита-Русь, 2004. – 320 с.

СП: Слово о плъку игорьвь, игоря, сына святъславля, внука ольгова // Злато слово. Век XII. – М., 1986. – С. 27 – 75.

Сулимов В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 40 – 46.

Топорова Т. В. Об оппозиции “темный мир” – “светлый мир” в древнегерманской космогонии // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 39 – 47.

Элиаде М. Аспекты мифа: Пер. с фр. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.

EDME: Etymological Dictionary of Modern English / Ed. By d. Harper. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etymonline.com

Beo: Beowulf [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fordham.edu/halsall/sbook2.html#lit2

CG: Cad Goddeu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.celtnet.org.uk/texts/llyfr_taliesin/cad_goddeu_eng.html

Hav: Havamál [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/edda/hava.html

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. – 306 p.

Levickij V. Die Begriffe ‘Schneiden’ und ‘Zauberei’ im Indogermanischen und Slawischen / Viktor Levickij // Studia Etymologica Cracovensia. – Kraków: Jagellonian University Press, 2011. – № 16. – P. 63 – 73.

Lok: Lokasenna [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/edda/lokasenna.html

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / Julius Pokorny. – Bd. 1–2. – Bern : Francke. – 1959. – 1183 S.

PA: Preiddeu Annwn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/annwn.htm

Mald: The Battle of Maldon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fordham.edu/halsall/sbook2.html#lit15

5.2. *ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ* В АМЕРИКАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Шурма С. Г.

Итак, исшел на свет совершеннейший
из тварей венец сложений вещественных,
царь земли, но единоутробный сродственник,
брат всему на земле живущему,
не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому,
черепокожному, полипу, но и растению, грибу,
мху, плесне, металлу, стеклу, камню, земле.
[Радищев 1949 : 281]

Понятие ВЕЛИКОЙ ЦЕПИ БЫТИЯ существовало еще со времен Платона и Аристотеля [Лавджой 2001 : 64] и было предметом исследования философии [напр., Лавджой 2001; Hintikka 1981], культурологии [напр., Frank 2003], религиоведения [напр., St. Augustine : 280-281] и пр. Идея иерархии «материя-разум-дух» [Лавджой 2001 : 194-196] нашла свое отражение и в когнитивной лингвистике [Lakoff 1980 : 179; Forcewill 2009 : 27], и поэтике [Tsur 2003 : 158], введенная Дж. Лакоффом и М. Тернером как культурная модель, которая по вертикальной шкале размещает “высших” созданий и их качества над “низшими” созданиями и их качествами [Lakoff 1980 : 166]. Таким образом, концептуальная модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ основана на градации форм существования – человек, животное, растения, неживые объекты – и качеств, которые характеризуют эти формы существования – смысл, инстинктивное поведение, биологические функции, физические атрибуты и пр. [Lakoff 1980 : 170]. В соответствии с моделью ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ человек является венцом иерархии; далее следуют животные, растения, комплексные объекты или артефакты и, наконец, объекты природы [Lakoff 1980 : 170]. Такое иерархическое восприятие мира отображается в повседневной речи и образной речи писателей и поэтов. К сожалению, исследования именно этой модели носят в современной лингвистике фрагментарный

характер [см.: Левченко 2007 : 45; Бєлєхова 2002 : 23; Forceville 2009 : 25], поэтому реконструкция и сравнение особенностей реализации модели ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ в языках двух различных между собой культур – американской и украинской – является актуальным.

Культурная модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ отображена рядом концептуальных метафор, где коррелят и референт представлены концептосферами, или своеобразными моделями организации знания или опыта, таксонами, объединяющими [http://www.ingentaconnect.com/content/ imp/jcs/2003/00000010/00000011/art00005; Лихачев 1993 : 3-4] набор ассоциаций или концептов, прямо или опосредствовано связанных с языковым знаком, отражающим различные уровни модели, напр., ЧЕЛОВЕК – это животное. Вербально модель проявляется как фразеологические единицы, стертые и оригинальные тропы, например, *he is like a bull in a china shop* [Laflin 1993 : 9], и позволяет проанализировать то, как обнаруживает себя культурная модель в концептуальной картине мира народа.

Так, ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ в украинской культуре уходит своими корнями в дохристианскую эпоху и нашла свое отражение в традициях, сохранившихся и несколько изменившихся в христианскую эру и до сегодня. Культурная память об иерархии всего сущего прослеживается в символике украинских артефактов, мифах и письменных памятках, и является универсальной для индо-европейских народов и народностей, будучи изображенной в виде мирового дерева или древа жизни [Бауэр 2000 : 35-36; Топоров 1977 : 399-400]. Украинские народные песни и колядки по вертикали располагают на нижнем уровне подземный мир и мир воды (змеи, рыбы, водоплавающие животные), земной мир, представленный миром крупных животных и миром людей, и верхний небесный мир птиц и небесных светил [Босик 2010 : http://www.culturalstudies.in.ua/knigi_14_7.php; Куєвда 2007 : 139; Суріна 2006 : 167]. Так, например, в колядке *Коли не було начало сьвіта, / Тогді не було неба ні землі, / Ано-лем було синеє море, / А серед моря зелений явор, / На явороньку три голубоньки, /* Тр*и голубоньки радоньку радять, / Радоньку радять, як сьвіт сновати. / “То пустимося ми*

на дно моря, / То достанемо дрібного піску. / Дрібний пісочок посіємо ми, / То стане чорна землиця. / То достанемо ми золотий камень, / Золотий камень посіємо ми, / То стане ся нам яснеє небонько, / Яснеє небонько, сьвітлеє соненько, / Сьвітле соненько, ясний місячик, / Ясен місячик, ясна зірниця, / Ясна зірниця, дрібні зьвіздоньки" [цит. из Босик 2010 : http://www.culturalstudies.in. ua/knigi_14_7.php] говорится о триединстве бытия, созданного тремя голубками и состоящего из трех уровней. В другой колядке человек воспевается как центр мирового дерева, расположенный между нижним и верхним миром: *А в пана, в пана, в пана Івана, Святий Вечор! Стояла Яблоня посеред Двора / На той Яблонї Золотая Кора / Золотая Кора то Єго Жена / А что Почечка то Єго Долечка / А что Віточки то Єго Дїточки / А что Сучечки то Єго Синочки* [Староукраїнські 2004 : http://www.pisni.org.ua/songs/629555.html].

Такое мировосприятие закрепилось не только в фольклоре, но и языке. Так, о расположении человека между подземным и небесным миром свидетельствуют фразеологические единицы *з неба впасти* со значением удивлять своим неведеньем или *як крізь землю піти / як у воду впасти* – исчезнуть [Загоруйко 2010 : 249, 253]. В первом примере состояние присутствия здесь и сейчас, в мире людей, противопоставляется состоянию нахождения в небесном мире. Вектор движения сверху вниз, как и в первом примере, прослеживается и во втором, только противопоставляется мир человека низшему миру – миру подземному. Коннотация второй фразеологической единицы – негативная, что указывает на отождествление чего-то приятного, как расположенного вверху, и неприятного – внизу, мотивированного концептуальными метафорами ХОРОШО – ВВЕРХ и ПЛОХО – ВНИЗ [Lakoff 1980 : 16].

В целом, анализированный корпус фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний украинского языка указывает на то, что в языке закрепились единицы, где человек и его качества представляются в виде биоморфных стертых метафор и сравнений или реализуются путем сопоставления и противопоставления объектам природы. Например, *мов горох при дорозі* – про беззащитного человека [Загоруйко 2010 : 252] – происходит из концептуальной

метафоры ЧЕЛОВЕК – ЭТО РЫБА, тогда как фразеологическая единица *як дуб* – крепкий [Загоруйко 2010 : 245] – от ЧЕЛОВЕК – ЭТО РАСТЕНИЕ, а *зоре моя* – обращение к любимой [http://sum.in.ua/s/zorja] – от ЧЕЛОВЕК – ЭТО НЕБЕСНЫЙ ОБЪЕКТ. Следует отметить, что наиболее распространенным референтом среди метафорических групп концептуальной структуры ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ представлен ЧЕЛОВЕК, что вновь доказывает его центральную позицию по отношению к другим объектам окружающего мира.

Ряд реконструированных концептуальных метафор, представленных украинскими фразеологическими единицами с референтом ЧЕЛОВЕК, коррелирует с такими концептосферами, как ЖИВОТНОЕ, РЫБА, РАСТЕНИЕ, АРТЕФАКТ и пр. (см. табл. 1.):

Таблица 1. Корреляты концептуальных метафор, определяющих референт ЧЕЛОВЕК в украинской фразеологии

Коррелят	Примеры
Животное	*як кішка з собакою, дивитися вовком*
Растение	*як липку обдирати, як калина*
Птица	*як сич, ластівка*
Рыба	*за жабри брати, як риба в воді*
Природный феномен	*як сніг на голову, шукати вітра в полі*
Артефакт	*як нова копійка, десята спиця в колесі*
Насекомое	*як муха в окропі, під джмелем*
Объект неживой природы	*як дві краплі води, горою стояти*

Корреляты, представленные во фразеологических единицах и устойчивых словосочетаниях, указывают на их символическую и мифическую составляющую. В основном корреляты, которые относятся к подземному миру и миру воды, используются в единицах, характеризующих человека негативно, напр., *риба* по отношению к вялому человеку [http://sum.in.ua/s/ryba], тогда как те, что относятся к верхнему миру, характеризуют человека более позитивно, напр., *на сьомому небі* [http://sum.in.ua/s/nebo], хотя такая тенденция, как нам кажется, больше связана с теми или иными ассоциациями, закрепленными за вербальным знаком.

Так, например, в украинском фольклоре прослеживаются позитивные ассоциации с дубом, вербой и калиной, которые часто на рушниках и в народных песнях, по словам исследователей, представляют мировое дерево [Куєвда 2007 : 159; Лозко 1995 : 11], тогда как жаба и в языке, и в фольклоре является символом подземного мира и ей приписывают сглаз, колдовство, и рассматривают как вестницу негативных событий [Лозко 1995 : 288], ср.: *як калина, як жаба*. Тем не менее, такой фольклорный герой как *ведмідь*, хоть в мифических представлениях украинцев и связан со свадебными обрядами, охотничьей магией, а также является тотемным зверем [Лозко 1995 : 291], в языке представлен лексемой, что несет скорее негативный оттенок, ср.: *ведмідь* – про неуклюжего, неловкого человека [http://sum.in.ua/s/vedmidj]. Также прослеживается двоякое отношение к некоторым животным и птицам, как например, в таких единицах: *дійна корова / суща корова* [http://sum.in.ua/s/korova], *соловей* – о том, кто владеет искусством пения, и о болтуне [http://sum.in.ua/s/solovej], *вовком дивитися / стріляний вовк* [http://sum.in.ua/s/vovk], *від зайця / як солоного зайця ганяти* [http://sum.in.ua/s/zajecj].

Стоит отметить, что среди анализированного корпуса украинских фразеологических единиц превалируют корреляты ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ (67 %). Такая тенденция выплывает из традиционных славянских дохристианских культов, которые были присущи землеробам и охотникам [Лановик 2006 : 55-56], а позднее отразились в символике барокко, сентиментализма и романтизма, творчестве Т. Шевченко, Л. Украинки и др. [Чижевський 1994 : 240, 251-252, 376, 413], и плотно укрепились во фразеологии. Так, среди коррелятов встречаются лексемы *жаба, корова, вовк, лис, ведмідь, змій, кіт, собака, олень, калина, верба, дуб, явір, мак, горох* и т.п.

Совсем мало представлены в языке фразеологические единицы, референтами которых выступают природные феномены и объекты, артефакты и пр. (см. табл. 2), и не было найдено ни единой единицы, где бы референтом были животные, птицы, насекомые:

Таблица 2. Корреляты концептуальных метафор, определяющих референт ПРИРОДНЫЙ ФЕНОМЕН и АРТЕФАКТ в украинской фразеологии

Референт	Коррелят	Примеры
Природный феномен	Животное	*жабі по коліна*
	Артефакт	*як з відра*
	Человек	*хоч в око стрель*
	Птица	*до других півнів*
	Насекомое	*білі мухи*
Артефакт	Животное	*свиня* (род игры в карты)

Такая тенденция объясняется тем, что украинцы, как народ землеробов, зависели от погодных условий, количества выпавших осадков, глубины воды в реках, смены времен года и суток. Например, фразеологическая единица *в свинячий голос* – очень поздно [Загоруйко 2010 : 245] – связана с тем, что в украинском селе традиционно держали свиней, а время украинцы определяли по поведению животных – крик петуха указывал на наступление утра (*перші півні проспівали*), рев голодных животных указывал на то, что хозяйка или хозяин не успевает их загнать и покормить.

Таким образом, культурную модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ, отображенную в украинском языке, можно графически представить на рис. 1. Наиболее тесная связь прослеживается между концептосферой ЧЕЛОВЕК и концептосферами ЖИВОТНОЕ и РАСТЕНИЕ, т.к. фразеологические единицы, где коррелятами выступают различные животные и растения, наиболее многочисленны в украинском языке. Кроме того, следует отметить взаимную связь между концептосферами ПРИРОДНЫЙ ФЕНОМЕН и ЧЕЛОВЕК, что свидетельствует о том, что украинцы рассматривали мир двояко – человек виделся неотъемлемой его частью, развиваясь в гармонии с ним, но в то же время, и способным оказывать на него свое влияние. Фразеологические единицы, относящиеся к анализируемой культурной модели, как нам кажется, идут несколько в разрез с постулатом Дж. Лакоффа и М. Тернера о том, что человек пытается отелеснить мир [Lakoff 1980 : 3, 145]. Ставя себя в центр

мира, украинец скорее пытается понять себя посредством предметов и объектов, принадлежащих его миру, тем самым отождествляя свои чувства, эмоции, понимания с тем, что находится вокруг него, как бы одевая личину того или иного зверя, становясь растением или феноменом природы, напр., ветром, калиной. Недаром, ласкательное обращение к любимому парню или девушке было связано именно с тотемными животными или растениями: *Стара заплакала й каже: — Ніхто вже не стрічатиме тебе, мій соколе ясний, окром [крім] мене, старої!* [цит. http://sum.in.ua/s/sokil]; *Це тебе я, горлице, полюбив* [http://nashe.com.ua/song.htm?id=14738]; *Ой, вербице! Пора тобі, та вербице, Розвиться* [http://www.pisni.org.ua/songs/7184262.html].

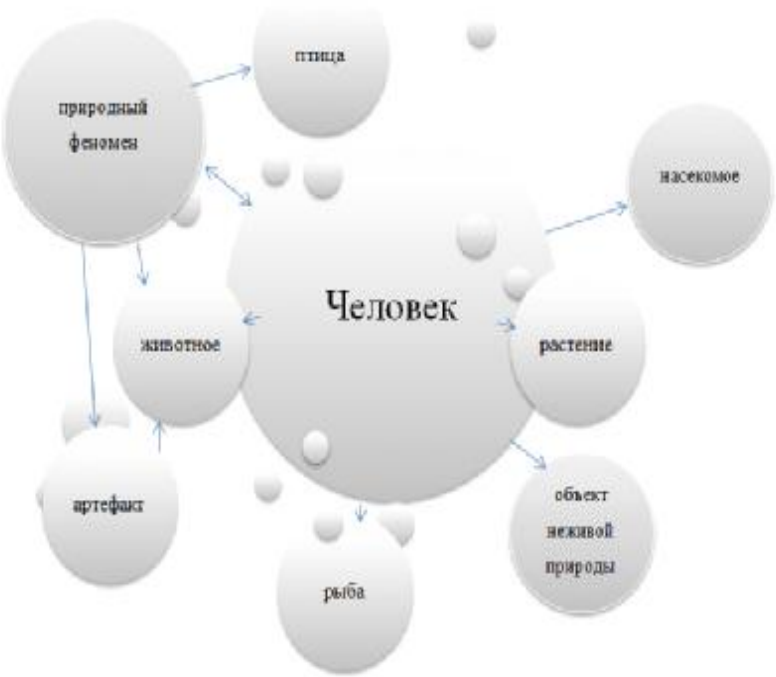


Рис. 1. ***Концептуальная модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ в представлении украинцев***

Иерархия бытия представлена в украинской фразеологии таким образом, что птицы, природные феномены и насекомые находятся на верхнем уровне, хотя и неразрывно связаны с земным миром, а рыбы, объекты неживой природы и артефакты принадлежат нижнему миру.

Американская культура, в отличие от украинской, не может похвастаться многовековой историей и старинным фольклором, принадлежащим именно этому народу, но в ней отразилось и смешалось мироощущение разных этнических групп, населяющих территорию США, напр., индейцев, голландцев, британцев и др. Будучи живым организмом [Соссюр 1964 : 362], язык и речь людей, проживающих на этой территории, зафиксировали то, как ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ представлена в этой культуре. Для определения того, как проявила себя культурная модель в диалекте английского языка, мы отобрали чуть более 60 фразеологических единиц, отмеченных как американские, в словарях.

В отличие от украинского представления о мире как иерархии трех миров, в американском диалекте английского языка не просматривается четкого разделения на уровни. В таких фразеологических единицах, как *between a rock and a hard place, between the devil and the deep blue sea* [Laflin 1993 : 5] указывается на то, что мир американцами воспринимается более линейно, хотя фразеологизмы *under a cloud* [Longman 1998 : 64], *in hot water* [Laflin 1993 : 42] свидетельствуют о том, что мироощущение жителей США также разделено иерархично. Тем не менее, границы между этими мирами куда более размыты по сравнению с украинской культурой.

Так же, как и в украинском языке, фразеологические единицы, референтом которых выступает ЧЕЛОВЕК, являются наиболее распространенными (92 %). Тем не менее, среди коррелятов (см. табл. 3) доминируют лексические единицы, относящиеся к концептосферам ПТИЦА и ЖИВОТНОЕ, напр., *albatross, bats, duck, dog, horse, cat, beaver, monkey* и др. С одной стороны можно выделить группу лексем, определяющих домашних животных, а с другой – животных и птиц, населяющих или привезенных в США. Общими лексемами для двух культур выступают *собака – dog*,

кішка / кіт – cat, *кобила / кінь / лоша* – horse, *корова / теля / бик / бичок* – cow / bull, *мавпа* – monkey, *качка* – duck, *курка / півень / курча / курчатко* – rooster / chicken. Между тем, в украинском языке разнообразие лексем, выступающих коррелятами, куда более пестро.

Таблица 3. Корреляты концептуальных метафор, определяющих референт ЧЕЛОВЕК во фразеологии американского диалекта английского языка

Коррелят	Примеры
Животное	*be loaded for bear, play possum*
Птица	*something to crow about, albatross around one's neck*
Артефакт	*pencil pusher, big wheel*
Объект неживой природы	*diamond in the rough, sleep as a rock*
Природный феномен	*rain on sb's parade, take the wind out of sb's sails*
Растение	*go bananas, apple polisher*
Рыба	*big fish in a small pond, red herring*
Насекомое	*mad as a hornet*

Так, в американском диалекте английского языка практически не находим (за малым исключением, напр., *You, old dog!*) зафиксированных в словарях примеров употребления лексем, относящихся к концептосферам птица и животное, в обращении к человеку, тогда как для украинского человека, как уже говорилось, такие выражения весьма обычны. Если относительно украинских фразеологических единиц можно говорить о связи значения такой единицы и мифа, то фразеологизмы, отобранные в американском английском диалекте, скорее мотивированы наблюдениями человека за поведением животного и проекцией результатов таких наблюдений на поведение или чувства человека. Например, выражение *fat cat* описывает человека, ставшего богатым благодаря упорному труду или случайно, но теперь отдыхающего или не работающего [Laflin 1993 : 23], и мотивация проекции *толстый кот – человек* очевидна.

В отличие от украинского языка, в американском диалекте английского языка более представлены корреляты, относящиеся к концептосфере АРТЕФАКТ. Во многих исследованиях американской культуры [напр., Lankford 2006; Merish 2000 и др.] говорилось о материалистичности американцев, и эта черта характера нашла свое отражение в языке. Как и в украинской фразеологии, так и в американской, лексические единицы относятся к категории материальных благ, напр., *копійка, картина, pencil pusher, candle*.

Если концептосфера РАСТЕНИЯ достаточно широко представлена во фразеологических единицах украинского языка, то в американском диалекте –только лексемами *bananas, nuts, apple, potato, grass, grain*. Коннотации фразеологических единиц, в состав которых входят приведенные лексемы, в основном негативные, напр., *to go bananas – злиться* [Longman 1998 : 16], в то время как украинские фразеологизмы могут употребляться и как уменьшительно-ласкательные, и как ругательные, и как нейтральные, ср. *мов берізка, дубова голова, сісти маком*.

Наименее представлена в американском английском концептосфера НАСЕКОМЫЕ – только одной лексемой (ср. 11 в украинском).

Среди референтов, не связанных с концептосферой ЧЕЛОВЕК, нами была выделена группа, относящаяся к концептосфере ПРИРОДНЫЙ ФЕНОМЕН и АРТЕФАКТ (см. табл. 4).

Таблица 4. Корреляты концептуальных метафор, определяющих референт природный феномен и артефакт в американской фразеологии

Референт	Коррелят	Примеры
Природный феномен	Животное	*dog days*
	Артефакт	*brass-monkey weather*
	Человек	*Mr. Black*
Артефакт	Птица	*nest egg*
	Природный феномен	*piece of ice*

В отличие от украинских фразеологизмов, корреляты представлены лишь тремя концептосферами – ЖИВОТНОЕ, АРТЕФАКТ и ЧЕЛОВЕК. Несмотря на то что США, а особенно южные и прибрежные штаты, подвержены различным катаклизмам, напр., ураганы, цунами, бури, в языке не отразились и не закрепились фразеологические единицы, определяющие эти феномены.

Как видно из табл. 4, корреляты, проектируемые на референт АРТЕФАКТ, отличаются от коррелятов, встречающихся в украинском языке. Если в украинском языке проводится аналогия между артефактом и животным, то в американском диалекте – птицей и природным феноменом. В американском варианте используются фразеологизмы для замещения таких понятий, как деньги и драгоценности, *piece of ice – украшения* [Collis 1987 : 62].

Таким образом, графически модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ можно представить так (см. рис. 2):

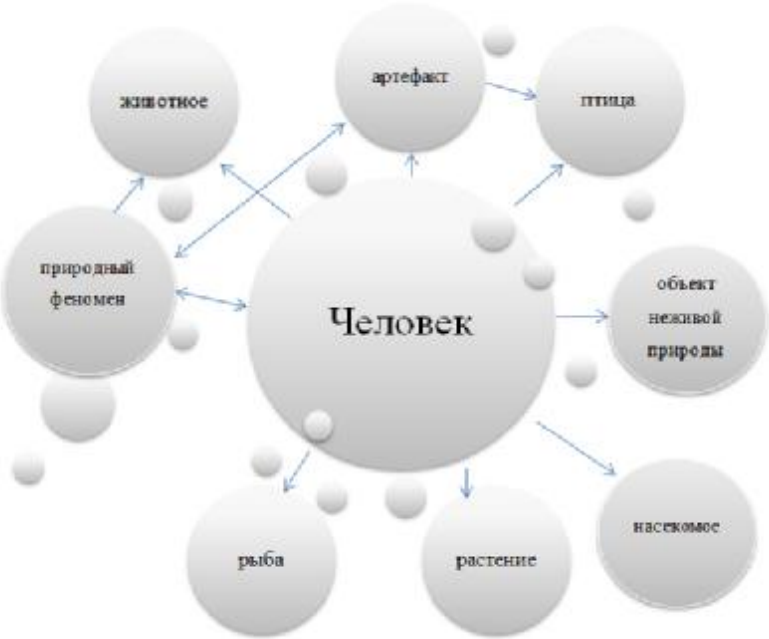


Рис. 2. ***Концептуальная модель Великая цепь бытия в представлении американцев***

Представление о бытие в американской фразеологии раскрывается таким образом, что человек и окружающие его объекты, и предметы расположены скорее в одной плоскости, чем иерархически. Происходит не столько отождествление себя с внешним миром, как это делает украинец, а сравнение с тем или иным объектом или предметом. При этом, если во фразеологии украинца прослеживается связь с земледелием, охотой и скотоводством, то у американца – со скотоводством и материальным миром. Связь человека и природы не столь близка в американской культуре, как в украинской, что подтверждается почти 50 % разницей в количестве выделенных фразеологических единиц.

Выводы

Подводя итог, можем сказать, что отражение украинского и американского понимания устройства бытия имеет как несхожие, так и общие черты. Так, универсальным является то, что и украинец, и американец ставит человека в центр концептуальной модели ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ. Более того, и в украинской, и в американской культурах в первую очередь человек уподобляется зверю и птицам. Общим есть то, что среди коррелятов, относящихся к концептосфере ЖИВОТНОЕ, есть лексемы, обозначающие одинаковых домашних животных и птиц, что объясняется принадлежностью и зависимостью обеих наций от скотоводства.

В остальном же элементы картины мира отличаются. Так, если для украинца мир представлен иерархически, то в представлении американца он более линеен. Американец также более тесно связан с материальной культурой, что раскрывается в более частой проекции качеств и переживаний человека на объекты материальной культуры и артефактов на птиц и природные феномены. Фразеологизмы, отображающие концептуальную модель ВЕЛИКАЯ ЦЕПЬ БЫТИЯ, в украинской культуре тесно связаны с дохристианскими мифическими представлениями человека о строении мира, в то время как в американской культуре они куда более связаны с бытием здесь и сейчас.

Литература

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: Крон-пресс, 2000. – 504 с.

Бєлєхова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. … д-ра філол. наук : 10.02.04. – К., 2002. – 34 с.

Босик З. Родинна обрядовість: Трансформація та архетипові мотиви весільної обрядовості середньої Наддніпрянщини [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.culturalstudies.in.ua/knigi_14.php

де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики (Извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964-65. – Ч. 1. – С. 361 – 411.

Загоруйко О. Я. Великий універсальний словник української мови. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2010. – 768 с.

Куєвда В. Міфологічні джерела етнокультурної моделі: психологічний аспект : [монографія]. – Донецьк: Український культурологічний центр, 2007. – 264 с.

Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи [пер. В. Софронова-Антомони]. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 372 с.

Лановик М. Б., Лановик З. Б. Українська усна народна творчість. – К.: Знання, 2006. – 591 с.

Левченко О. П. Символи у фразеологічних системах української та російської мов: лінгвокультурологічний аспект : дис. … д-ра філол. наук: 10.02.01, 10.02.02. – Л., 2007. – 265 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3 – 9.

Лозко Г. С. Українське народознавство. – К.: Зодіак-ЕКО, 1995. – 368 с.

Наше: Тексти пісень [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://nashe.com.ua/

Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1949. – 854 с.

Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970 – 1980) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://sum.in.ua/

Староукраїнські релігійні роздуми про Бога [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.pisni.org.ua/

Суріна Г. Ю. Міфологема світового дерева як один із виявів архетипу триєдності // Мультиверсум : Філософський альманах : зб. наук. праць / Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України. – К.: Укр. центр духовн. культури, 2006. – Вип. 56. – С. 166 – 176.

Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – Т.1. – С. 398 – 406.

Українські пісні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.pisni.org.ua/

Чижевський Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). – Тернопіль: МПП "Презент", 1994. – 480 с.

Collis H., Russo M. 101 American English Idioms: Understanding and Speaking English Like an American. – N.Y.: McGraw-Hill, 1987. – 104 p.

Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // Multimodal Metaphor [Ed. by Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 19 – 43.

Frank R. M. Shifting identities in Basque and Western cultural models of Self and Being // Cognitive Models in Language and Thought: Ideology, Metaphors and Meaning [Ed. by R. Dirven, R. Frank, M. Pütz]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 123 – 158.

Hintikka J. Gaps in the Great Chain of Being: An exercise in the methodology of the history of ideas // Reforging the Great Chain of Being: Studies of the History of Modal Theories [Ed. by S. Knuuttila]. – Dordrecht: D.Reidel Publishing Company, 1981. – P. 1 – 17.

Kövesces Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 287 p.

Laflin S. V. Something to Crow About: A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use. – Washington, D.C.: US Information Agency, 1993. – 94 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 1980. – 354 p.

Lankford R. D. Is American Society too Materialistic? – San Diego: Greenheaven Press, 2006. – 143 p.

Longman Idioms Dictionary. – Harlow: Pearson Education Ltd., 1998. – 398 p.

Merish L. Sentimental Materialism: Gender, Commodity Culture, and Nineteenth-century American Literature. – Durham: Duke University Press, 2000. – 400 p.

St. Augustine. The Confessions of Saint Augustine. – Minneapolis: Filiquarian Publishing, LLC, 2008. – 468 p.

Thomas J. T. Mental imagery, philosophical issues about [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ingentaconnect.com/content/imp/jcs/2003/00000010/00000011/art00005.

Tsur R. On the Shore of Nothingness: A Study in Cognitive Poetics. – Exeter: Imprint Academic, 2003. – 380 p.

5.3. КОНЦЕПТЫ ИНДИЙСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУР В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

Головня А. В.

Художественная проза классика мировой литературы, выдающегося английского писателя Редьярда Киплинга, отмечается неповторимостью, поскольку в ней пересекаются разные национально-культурные традиции, в частности, английская и индийская. Наиболее значимые понятия индийской культуры ярко отражены в творчестве Редьярда Киплинга. Интересным с точки зрения взаимосвязи языка и культуры является выявление аломорфных концептов, которые идентифицируют лингвокультурное пространство художественной прозы Р.Киплинга, и раскрытие особенностей вербализации концептов как маркеров лингвокультурного пространства художественной прозы Р.Киплинга с учетом их значимости для индийской культурной традиции. Мы исследовали прозу автора, обнаружив важнейшие аломорфные концепты индийской культуры по сравнению с британской, составляющие основу лингвокультурного пространства художественной прозы Р. Киплинга: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ФЛОРА, ФАУНА, ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

Концептосфера ПРОСТРАНСТВО

Две категории – пространство и время – относятся к основным бытийным категориям, образуя две важнейшие осознанные человеком формы существования материи, введенные в язык для того, чтобы обозначить самые сложные тайны мироздания и чтобы понять простые формы ориентации человека в конкретном месте и времени [Макарова 2003: 9]. Такие категории выделяются в творчестве Р.Киплинга и играют главную роль в жизненной философии Востока.

Невозможно обойти вниманием тот факт, что жители востока с уважением и восхищением относятся к родной земле. Исходя из обработанного иллюстративного материала в подтверждение этого факта, считаем целесообразным выделить концепт РОДИНА, который для индусов сочетает в себе основные составляющие:

1. Красота природы.

Необычная красота первозданной природы востока является типичной для Индии: *Sooner or later, if he chose, he could escape into great, grey, formless India, beyond tents and padres and colonels*. Эта страна, определенным образом, обособлена и даже изолирована: *Once upon a time, on an uninhabited island on the shore of the Red Sea, there lived a Parsee from whose hat the rays of the sun were reflected in more-than-oriental splendour*. Это способствует сохранению неповторимых и уникальных традиций и особенностей индийской культуры. Индия – богатая и плодородная земля, на которой растет и живет все самое лучшее: *‘This is a good land – the land of the south!’ said he. ‘The air is good; the water is good. Eh?’*. Ее нельзя не любить: *Ye know the saying: ‘North are the vermin; South are the lice. We are the jungle’*.

Как и любая другая нация, индусы с любовью и уважением относятся к своей стране и считают ее лучшей. Для них нет более привлекательного места на земле. Для индусов джунгли – обыденное явление, поэтому говоря о родной для индуса земле, местные жители ассоциируют ее именно с джунглями. Эта неповторимая страна одна из немногих сохранила свое первоначальное лицо. Это, своего рода, “дикая” страна, которой почти не коснулась цивилизация.

2. Красота индийских городов.

Индийский город – это неповторимое явление, в котором проявляются различные черты и сочетаются разные аспекты жизни, присущие всей стране: восточная красота, неповторимость, стиль жизни, социальное неравенство и многие другие стороны человеческого бытия: *There is no city – except Bombay, the queen of all – more beautiful in her garish style than Lucknow, whether you see her from the bridge over the river, or from the top of the Imambara looking down on the gilt umbrellas of the Chutter Munzil, and the trees in which the town is bedded. Kings have adorned her with fantastic buildings, endowed her with charities, crammed her with pensioners, and drenched her with blood. She is the center of all idleness, intrigue, and luxury, and shares with Delhi the claim to talk the only pure Urdu*. Однако, в отличие от любого европейского города, индийский город имеет неразрывную связь с природой.

3. Непростые условия жизни: *The instinct of the desert, where there is always much war, told them that the right flank of the square was the weakest, for they swung clear of the front*. Индия – это страна с непростыми условиями жизни, где постоянно надо бороться за право выжить среди обстоятельств, окружающих людей.

4. Стратегическая важность.

Нельзя обойти вниманием выгодное геополитическое положение Индии, в частности, ее близость к морю: *'Umph! I saw Delhi shake at least; Delhi is the navel of the world'*. Благодаря этому страна является стратегически важной, а вместе с тем лакомой наживкой для соседних стран.

5. Земля паломников.

Паломничества в храмы и священные места (водные источники, горы, пещеры и т.д.) является обязанностью каждого верующего индуса [Гусева 1973 : 57]: *All India is full of holly men stammering gospels in strange tongues; shaken and consumed in the fires of their own zeal; dreamers, babblers, and visionaries: as it has been from the beginning and will continue to the end*.

Кормить каждого путника – честь для людей, ведь, возможно, кого-то из их семьи, кто сейчас совершает паломничество, тоже накормят:

There was no need to worry about food – no need to spend a cowrie at the crowded stalls. He was the disciple of a holy man/ All things would be prepared for them, when they were respectfully invited so to do they would sit and eat.

Традиция ходить на богомолье важна в жизни любого индуса независимо от социального статуса: *A wandering lama with a low-caste boy-servant might attract a moment's interest as they wandered about India, the land of pilgrims; but no one would suspect them or, what was more to the point, rob*. К каждому паломнику относятся с чрезвычайным уважением, не говоря уже о святых людях, посвятивших свою жизнь служению Богу. Такие люди на каждом шагу получают помощь, каждый человек способствует успешному прохождению этой нелегкой дороги.

6. Мифологические представления о строении мира.

Мифология восточных стран – богата и разнообразна. Индия не составляет исключения. Большинство принципов и жизненных устоев рядового индуса базируются на мифологических верованиях. Представление о начале мира и создании земли подробно описаны автором. Люди верили в существование волшебника, который создал землю и все, что на ней существует: пустыни (*'Payah kun,' said the Eldest Magician; and he breathed upon the bare patch where she had eaten, and upon the place where she had sat down, and one became the great Indian Desert, and the other became the Desert of Sahara, and you can look them out on the map*); моря, океаны, (*Before the High and Far-Off Times, O my Best Beloved, came the Time of the Very Beginnings; and that was in the days when the Eldest Magician was getting things ready. First he got Earth ready; then he got the Sea ready; and then he told all the Animals that they could come out and play*); страны, штаты (*'Payah kun,' said the Eldest Magician; and he breathed upon the fallen trees and the still water, and they became the Everglades in Florida, and you can look them out on the map*); острова и архипелаги (*'Payah kun,' said the Eldest Magician; and he breathed upon the sand and rocks, where they had fallen in the sea, and they became the most beautiful islands of Borneo, Celebes, Sumatra, Java, and the rest of the Malay Archipelago, and you can look them out on the map!*), а также все другие географические объекты.

Основа нынешних религиозных представлений и ритуалов также берет свои корни из мифологического мировоззрения. Например, традиция смывать грехи в священной реке Ганг или просто водой берет начало в одном из мифов о Боге Будде: *'It is not Gunga. The river that I know washes from all taint of sin'*; *'Oah, it was made by our Lord God Buddha, you know, and if you wash there you are washed away from all your sins and made as white as cotton wool'*.

С учетом географических условий и природных особенностей Индии, концепт ПРОСТРАНСТВО является одним из важнейших в художественной прозе выдающегося английского классика Редьярда Киплинга.

Концептосфера ВРЕМЯ

Понятие времени кардинально отличается в европейской и восточной культурах. В Индии времена года не выражены четко: приход определенного времени года связывался с действиями стихийных божественных сил, которые олицетворялись божественными первосозданиями [Маковский 1996 : 252]. Текучесть и несущественность времени неоднократно подчеркивается в творчестве Р.Киплинга: *"Last year's nuts are this year's black earth," said Mowgli*.

Носители разных языков могут видеть и познавать окружающую реальность по-своему сквозь призму разных языков. ВРЕМЯ принадлежит к базовым категориям картины мира, языковое воспроизведение которых отражает частично универсальный, а частично национально-специфический, присущий определенному языковому коллективу способ восприятия и организации деятельности [Липилина 1997 : 158].

Концепт ВРЕМЯ в системе мировоззрения индусов оказывается чрезвычайно сложным: он включает в себя природные, мифические, эпические и религиозные представления [http://www.kcn. ru/ tat-ru/science/news/lingv_97/ n127.htm]. В Индии время не играет важной роли в жизни человека: там время – мелкий божок [Бируни 1995 : 27]. В творчестве Киплинга преобладает восточный подход к категории времени, именно поэтому концепт ВРЕМЯ представлен

специфично. Отсчет времени опирается на те понятия, которые являются важными для этой нации: природные явления в виде дождя, растительного и животного мира, разграничения дней и ночей.

Итак, отсчет времени происходит:

1) дождями: *These things happened many, many rains ago; My son that was born two rains ago; I have not seen many rains; I have seen a hundred and a hundred of rains; come thou back next rains; After the summer come the rains, and after the rains come the spring*;

2) сменой месяцев: *"Three or four moons since", said he, "I hunted in the Cold Liars, which place, may be, thou hast not forgotten"*. Смена сезонов также не имеет четкого разграничения: *In an Indian jungle the seasons slide one into the other almost without division*.

Понятие возраста также является относительным. Он сравнивается с теми понятиями, которые являются древнейшими в культуре: *And he is indeed as old as the jungles*.

Кроме того, показателями времени может также выступать и растительный мир: *We shall see the mohwa in blossom yet; as many times as there are nuts on that palm; As many times as there are nuts on that palm," said Mowgli, who, naturally, could not count*. Дни и ночи определяются наличием небесного светила – луны или солнца: *"I told thee, four moons ago, that thy city was not"*.

Спелость фруктов также сигнализирует о завершении определенного отрезка жизни: *The fruit is ripe already – except that he must learn his distances and his pacings, and his rods and his compasses*; *We – we have not altogether parted, but the time is not ripe that we should take the Road together. He acquires wisdom in another place. We must wait'*. Даже человеческий возраст (зрелость или неготовность к определенным событиям) определялся зрелостью фруктов: *I will stay in the madrissah till I am ripe*.

Определяя событие, не называлась точная дата, а указывался какой-то промежуток времени, определенный природным явлением или важными для людей событиями. Так, например, дождь считался важным для жизни всего живого на земле, а события определялись промежутками между дождями: *My son that was born two rains ago*.

Часто пение птиц возвещало определенное событие. Такой птицей является, например, петух: *“What knowledge hast thou of thy birth hour?” the priest basked, swelling with importance. – “Between first and second cockcrow of the first night in May”*.

В течение года люди и животные страдали от засухи. Поэтому такой засушливый период от одного дождя к другому считался важным этапом жизни и единицей измерения времени: *“I have seen all the dead seasons,” Kaa said at last, “and the great trees and the old elephants and the rocks that were bare and sharp-pointed ere the moss grew”*. Даже будущее связывается с определенными объектами растительного мира: *‘We’ll finish it all to-morrow, and then we’ll be remembered for years and years after the biggest trees you can see are all chopped up for fireweeds’*. Природное начало имело столь важное значение, что обычное дерево становилось мерилом времени.

Ритм жизни в Индии не отмечается поспешностью: *They never hurry till they have to*. События постепенно сменяют друг друга, и, в противоположность европейцам, время не является важным фактором в жизни. Особенно в важных делах индусы отличаются неспешностью и умеренностью: *Slowly – slowly. It was haste killed the yellow snake that ate the sun*. Индусы считают, что поспешность приносит лишь неприятности.

Однако повседневный стиль жизни, типичный для простого индуса, шумный и суматошный: *This was seeing the world in real truth; this was life as he would have it – bustling and shouting, the buckling of belts, and beating of bullocks and creaking of wheels, lighting of fires and cooking of food, and new sights at every turn of the approving eye.* В наибольшей степени эта черта проявляется в начале рабочего дня индуса: *The morning mist swept off in a whorl of silver, the parrots shot away to some distant river in shrieking green hosts: all the well wheels within earshot went to work*.

All India was at work in the fields, to the creaking of well wheels, and the shouting of ploughmen behind their cattle, and the clamour of the crows. Такая поспешность вызвана сосуществованием нескольких миров, где каждый пытается занять свое место. Как продолжение такого ритма жизни, характер населения остается

оживленным и веселым: *This broad, smiling river of life, he considered, was a vast improvement on the cramped and crowded Lahore streets*. Стиль жизни каждой отдельной семьи определенным образом отличается, но в основе лежит классический строй, где женщина занимается домом, а мужчина добывает пищу: *The women-folk make the skins into clothing, and occasionally help in trapping small game, but the bulk of the food – and they eat enormously – must be found by the men*.

В Индии жизнь представляется как колесо, постоянно движется, где события плавно перетекают, сменяют друг друга, и в любое время можно сойти с него, отдохнуть, а затем снова продолжить свой размеренный ритм жизни.

Два важных концепта для каждой культуры ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО нашли свое отражение в творчестве Редьярда Киплинга: обнаружено значительное количество упоминаний о концепте ВРЕМЯ. Однако, проявляется оно нетипичным, как для европейца, образом: время измеряется теми понятиями, которые играют важную роль в индийской культуре. Это, главным образом, природные явления, флора и фауна и другие объекты, связанные с миром природы. Концепт ПРОСТРАНСТВО представлен не менее специфично. Он вобрал весь национально-культурный колорит Востока, является многогранным, а каждая отдельная его составляющая помогает лучше ощутить все тонкости индийской культуры.

Концептосфера ФЛОРА

Уже на ранних этапах развития человечества наблюдается тесная связь человека с природой [Маковский 1996 : 21]. Еще во времена первобытного общества первичными считаются антропоморфные и зооморфные модели Вселенной (среди которых особо следует выделить отождествление мира со змеей и черепахой) [Rushdie 1991 : 56-59]. Особенно ярко эта тенденция наблюдается в восточной культуре, суть которой тесно связана с природными процессами. Так, в Индии природа является мерилом всех процессов, происходящих с человеком. Человек зависит от нее, и вся его деятельность привязывается к природе. Значительную роль в восточной культуре играет растительный мир. Эта особенность культуры отражена в художе-

ственной прозе Р.Киплинга. Значительное количество растений, типичных для Индии, упоминается в художественной прозе писателя, например, бамбук, банан, пальма, земляной каштан и многие другие. На первый план выходит не важность отдельных растений, а значимость флоры в рамках индийской культуры.

В прозаических произведениях Р. Киплинга переплелись флористические мотивы. Названия типичных для востока растений встречаются в каждом произведении автора. Жизнь каждого человека связана с растительным миром. При указании на определенные события обычно используются растения: *"Then they ought to show up in this dark place like ripe bananas in a smokehouse"*. Такие важные для человека понятия, как время, также измеряются с помощью растительного мира: *As many times as there are nuts on that palm*.

В произведениях Р. Киплинга, главным образом, используются те представители растительного мира, которые являются типичными для Индии. Все события из жизни человека связаны с растениями – это служит еще одним доказательством природоцентричного характера творчества этого автора. В произведениях встречаются различные представители флоры, как общераспространенные (*Sometimes a tuft of high grass washed along his sides as a wave washed along the sides of a ship, and sometimes a cluster of wild-pepper vines would scrape along his back, or a bamboo would creak where his shoulder touched it, but between those times he moved absolutely with any sound, drifting through the thick Garo Forest as though it had been smoke*, так и специфические (*When he comes back wait for me in the ravine by the dhak-tree in the center of the plain*).

Кроме того, растения играют значительную роль в повседневной жизни обычного человека, поскольку они для него являются источником пищи: *Why should Petersen Sahib have chosen me to go down with you donkeys of the rice-field?*. Они дают плоды, которые люди поедают: *Mahbub stuffed himself with great boluses of spiced mutton fried in fat with cabbage and golden-brown onions*. Выращивания определенных культур стало источником прибыли от их продажи, например, табака: *Mahbub hired a room over against*

the railway station, sent for a cooked meal of the finest with almond-curd sweetmeats and fine-chopped Lucknow tobacco.

Отношение ко всем растениям неодинаково. Предпочтение отдается тем растениям, которые имеют практическое значение, или с которых можно получить определенную выгоду. Например, роза не вызывает значительного уважения у жителей Востока: *Baloo will surely beat me, but that is better than chasing silly rose leaves with the Bandar-log*. Однако какое бы ни было отношение у людей к тому или иному растению, в общем, все понимают, что растительный мир востока имеет значительную власть над людьми, поскольку это мощная сила, которая может разрушить все на своем пути: *There is no city. Look up. Yonder are the roots of the great trees tearing the stones apart*.

Концептосфера ФЛОРА, важна для индийской культуры. Флора востока отличается разнообразием и богатством. Она является источником жизни для представителей Востока. Мировоззрение индусов, основанное преимущественно на мифологических верованиях, способствует тому, что такие концепты как, например, ОГОНЬ также относятся к биологическим. Подавляющее количество понятий и реалий окружающей среды, которые важны для нормального функционирования человека, представляются в виде живых существ, что становится поводом для отнесения таких объектов к биологическим.

Концептосфера ФАУНА

Животное царство как фрагмент реального мира является важной частью картины мира [Голубовская 2002 : 200]. Животные – как домашние любимцы, так и дикие – являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Например, в Индии не существует такой резкой грани, как в Европе, между домашними и дикими животными. Эта особенность объясняется тем, что в Индии мирно сосуществуют много миров, а в европейской традиции существует принцип исключительности [Гачев 1993 : 48-49]: *The diamond-bright dawn woke men and crows and bullocks together*.

Описания Индии более заполнены историями о жизни слонов, змей, их привычек, чем о людях. Эта черта особым образом при-

суща творчеству Р.Киплинга. Основные животные, обнаруженные при рассмотрении концептосферы ФАУНА – слон, змея, бык, обезьяна, корова, волк, лисица.

Особое место среди большого количества животных в прозе Р. Киплинга занимает слон. Существует мнение, что слон был распространен в Европе в древние времена и в мифопоэтической традиции символизирует единство космических начала и конца, воплощает Солнце (символ космического единства) [Маковский 1996 : 99]. Конь и слон считаются царской собственностью, а также уход за ними доверялся только специальным наблюдателям. Слон – это воплощенное заземленного неба – небосвод [Головня 2004 : 52]. В восточной традиции слон – это олицетворение Мирового разума [Маковский 1996 : 101].

Священное в Индии животное, слон, олицетворяет собой истину: *And, adding the tail to the trunk, as the saying is, I make up the whole elephant*. В Индии слон стоит на порядок выше человека. Считается, что в далекие времена он был главным существом на земле: *Dessa shouted in the mysterious elephant language that some mahouts believe came from China at the birth of the world, when elephants and not men were masters*. Таким уважением слон пользуется в индийской культуре в целом: *Adornment of all India*. Он считается наиболее значимым животным среди всех животных: *The happy medium for stump – clearing is a lord of all beasts, who is the elephant*.

Змея также занимает важное место среди всех животных. Она была символом смерти и жизни. В качестве символа Вселенной змея приравнивается к Мировому дереву [Маковский 1996 : 244]. Согласно поверьям язычников, змея – это олицетворение и первопричина Вселенной [Маковский 1996 : 247]: *Said the white hood (and he is indeed as old as the jungle): "It is long since I have seen the man. Let him come, and he shall see all these things, for the least of which very many men would die"*.

В противоположность восточной, в западной культуре змея олицетворяет коварство: *On one side heather, woods and ruins were Picts hide, and on the other, and on the other, a vast town – long like a snake, and wicked like a snake. Yes, a snake basking*

beside a warm wall!. В восточной культуре змея символизирует мудрость (*There is none like thee in the jungle, wise, old, strong, and most beautiful, Kaa; but – Kaa, thou art, indeed, the wisest of all the jungle*), что созвучно с индийской народной традицией. Согласно восточной мифологии, мудрость дается от Бога, и люди, наделенные этим даром, являются избранными: *The great God Brahmin put his mark upon all our people, when the first cobra spread his hood to keep the sun off Brahm as he slept*; *All India knows that I'm holly*. Мудрость является огромной силой и мудрые люди могут быть опасными: *Those who kill snakes get killed by snakes*; *Be careful. I am Death*.

Восточная философия своеобразно интерпретируется другими народами, в нашем случае англичанами. Белый человек испытывает страх перед ней: *'I hate all snakes,' said Kim. No native training can quench the white man's horror of the serpent*.

Бык символизирует Вселенную, микро- и макромир, единение неба и земли, верха и низа, начала и конца. Бык – это то звено, которое соединяет небо и землю, в этом и потустороннем мире [Маковский 1996 : 85]: '*It may be that the Bull knows – that he is sent to guide us both,' said the lama, hopefully as a child*.

Встреча с обезьяной считалась плохим предвестием и предвещала смерть согласно поверьям древних. Обезьяна считалась источником злых чар, колдовства [Маковский 1996 : 201]. Во всем творчестве Редьярда Киплинга обезьяна ассоциируется со стыдом: '*Ugh! I grow angry and I curse them, and they feign penitence, but behind my neck I know they call me a toothless old ape'*.

Корова считается священным животным в восточной культуре: *The nine hundred though devils of his father's prophecy, might pray to the beast after dark, as Hindus pray to the Holy Cow*. Она является оберегом для каждого человека. Одна из причин – то, что она является источником пищи. Именно такой корова представляется в творчестве Р.Киплинга: *And when the Man and the Horse and the Dog came home from hunting and asked the same question same as before, the Woman said, 'Her name is not Wild Cow any more, but the Giver of Good Food'*.

Особое место в индийской культурной традиции занимают животные, отмеченные силой, умом или коварством – теми качествами, которые помогают выжить в суровых условиях Востока: *Everybody knew Bagheera, and nobody cared to cross his path, for he was as cunning as Tabaqui, as bold as the wild buffalo, and as reckless as the wounded elephant*.

Слабые и неприступные по своей натуре животные не занимают значительного места в национальной картине мира. Так, олень считается дурным животным, потому что не обладает теми качествами, которые помогают выжить на востоке и должен постоянно заботиться о своей жизни: *"But this is no time for sleeping. Baloo knows it; I know it: the pack knows it; and even the foolish, foolish deer know. Tabaqui has told thee, too"*.

В противоположность этому, в художественной прозе Р. Киплинга кошка представлена коварным существом, постоянно хитрит и заключает сомнительные сделки: *'I never shall,' said the Woman, 'but if I say three words in your praise, you may drink the warm white milk three times a day for always and always'*.

Еще одним из ключевых животных в произведениях Р. Киплинга есть волк, характерная особенность которого смелость: *'No more angry than wolves in a cage when their trainer walks among them'*. Следует отметить, что в Р. Киплинга смелость стоит рядом с хитростью, которая является особенностью присущей лисе: *'Bold as a wolf, cunning as a fox was Witta!*; *Yet Witta was a wolf in fight, and a very fox in cunning*.

Фауна Индии богата различными ее представителями. В этой стране мирно сосуществуют люди и животные, которые стали неотъемлемой и даже важной частью мира Востока. Ключевыми для Индии являются слон, корова, змея, обезьяна. Эти и многие другие животные занимают значительное место в творчестве Редьярда Киплинга. Как результат, они навечно запечатлелись в картине мира востока, ярко проиллюстрированные в творчестве Редьярда Киплинга.

Концептосфера ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Демиургом Индии, ее Богом-творцом считается Вода. Она создала землю, дала все необходимое человеку для жизни. Вода – исток всего живого на земле [Гачев 1993 : 27-33], рядом с огнем – это первоэлемент Вселенной, понятие воды лежит в основе слов со значением “чудо” [Маковский 1996 : 274-276]. Мифы многих народов едины в том утверждении, что вода существовала до сотворения мира и будет существовать после его гибели [Гачев 2000 : 69]. ВОДА имеет два основных компонента: ДОЖДЬ и РЕКА.

Река выступает как мощная сила, обладающая огромной властью: *By the Right and Left of Ganga*. Ганг (Ганга) считается наиболее священной из всех священных рек Индии. Все несчастья и беды объяснялись одной причиной – отсутствием воды: *The river was empty for a while*. И наоборот, радость – ее наличием: *It was though whole villages walked into the water*.

Ежегодный урожай (а значит и благополучие) также зависел от реки: *Indian rivers are nearly always moving about in their beds, and will shift, sometimes, as much as two or three miles in a season, drawing the fields on the bank, and spreading good silt on the other*. Отсутствие воды могло стать не единственной причиной, по которой даже самые страшные враги должны прекратить свою вражду: *And when Hathi the Wild Elephant, who lives for a hundred years and more, saw a long, lean blue ridge of rock show dry in the very center of the stream, he knew that he was looking at the Peace Rock, and then and there he lifted up his trunk and proclaimed the Water Truce, as his father before him had proclaimed it fifty years ago*.

А главное – всему живому нужна вода: *It needs water. A new skin never comes to full colour before the first bath*. В то же время реку боялись, потому что она могла и наказывать: *The Wainganga was hungry water*. Однако, она была неотъемлемой частью жизни каждого человека: *The river has shiften even into my little life*.

Дождю молились и считали его божественным началом: *The rains have forgotten us and will never come again?* Облака сравниваются с коровами, которых доят божества, в результате чего возникает дождь (молоко небесных коров) [Маковский 1996 : 200]. С одной стороны, дождь олицетворял мужское начало – жидкость-семья,

которым Небо-Божество оплодотворяет землю [Мамедов 2005 : 232], с другой – вода является символом женщины [Маковский 1996 : 147], которая дает новую жизнь. Дождь несет с собой живительную силу воды, необходимой для полноценной жизни: *Better could not be till the rains fall in the dry season*. Поэтому время от дождя до дождя считалось неким завершенным отрезком жизни человека: *But my stomach is young, and I have not seen many rains*; *"Two nights ago it was Mowgli – but that night seems many rains old"*.

Даже весна (время великого чуда возрождения, появления всего живого на земле) связывалась с дождем: *After the summer come the rains, and after the rains come the spring*. В это время все земное оживало, а новые жизни зарождались: *Their voices then are different from their voices at other time of the year, and that is one of the reasons why spring is called the Time of New Talk*; *The mosses curled deep and warm over his feet, the young grass had no cutting edges, and all the voices of the jungle boomed like one deep harp-string touched by the moon – the full Moon of New Talk, who splashed her light full on rock and pool, slipped in between trunk, and sifted it through the million leaves*.

Важным в творчестве Р. Киплинга является концепт ОГОНЬ. Он – непременный атрибут повседневной жизни, существования и страха. Огонь приравнивается к живому существу – живет и функционирует как биологическое существо: *"They are very like me," said Mowgli, blowing into the pot, as he had seen the woman do. "This thing will die if I do not give it things to eat"*.

С одной стороны, понятие огня соотносится с понятием неба, а с другой, огонь – неотъемлемая часть ада [Маковский 1996 : 132-133]. В культуре Индии он является важным в трех видах: солнце, молния и огонь домашнего костра [Маковский 1996 : 36]. Он выступает как цветок (*presently the Red Flower blossomed at the end of it*), котрого все боятся(*only no creature in the jungle will call fire by its proper name. Every beast lives in deadly fear of it, and invents a hundred ways of describing it*). Огонь ассоциировался с отвагой (*He has eyes like red fire*; *The Red Flower is in my body, my bones are water – and – I know not what I know*), а также был источником тепла (*The sea is full of fire on summer nights*).

Выводы

Так, согласно восточному мировоззрению, природные явления играют ключевую роль в существовании всего живого на земле, что подтверждается основными концептами ВОДА и ОГОНЬ, которые являются первоначалом и источником существования всего мира в рамках культурной традиции Востока.

Концепт ФАУНА отличается по уровню значимости в рамках каждой из культурных традиций. Так, например, в индийской культуре, где значительное внимание уделяется природному началу, этот концепт важнее, чем в английской культуре, в которой, в противовес индийской, основным считается антропологический аспект.

Географическое расположение Англии и Индии обусловило важность концепта ПРОСТРАНСТВО в обеих культурах, где определяющим составляющими являются море и река. Эта особенность объясняется важностью этого водного бассейна для жителей Англии, которая испокон веков была морской державой, обеспечивая жителей страны продуктами питания, и Индии – страны, которая находится на перекрестке морских путей и омывается океаном.

Кроме того, ВРЕМЯ является одним из главных концептов для обеих культур, поскольку оно считается универсальным понятием. Однако, в художественной прозе Редьярда Киплинга его значимость отличается в понимании индусов и англичан. Если для англичан ВРЕМЯ является типичным для европейского понимания, то для индуса ВРЕМЯ связывается исключительно с природными явлениями. Любой отсчет времени осуществляется с помощью природных феноменов, как дождя, созревания фруктов, пения птиц и других природных факторов. Время измерялось промежутками между определенными природными явлениями, важными для жизни. Так, например, вода считалась необходимой для жизни веществом, поэтому время измерялось от одного сезона дождей к другоиу. Созревание плодов оповещало о наступления нового этапа в жизни всего живого – появления необходимой для жизни пищи, поэтому, соответственно, и время моло считаться от одного урожая к другому. Итак, точкой отсчета выбиралось важное для существования всего живого событие.

Литература

Бируни Абу Рейхан. Индия. – М.: Научно-издательский центр “ЛАДОМИР”, 1995. – 729 с.

Гачев Г. Д. Миф. Национальный. Индивидуальный // Миф в культуре: человек – не-человек. – М.: Индрик, 2000. – 320 с.

Гачев Г. Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологи). – М.: Наука, 1993. – 390 с.

Головня А. В. Лінгвокультурологічні особливості картини світу “Книги джунглів” Р. Кіплінга // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго. – 2004. – Вип. 7. – Т. IV. – Ч. 2. – С. 264 – 270.

Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира: Монография – К.: Издательско-полиграфический центр “Киевский университет”, 2002. – 293 с.

Гусева Н. Р. Религиозная обрядность в жизни индусской земли // Мифология и верования народов восточной и южной Азии. – М.: Наука. – 1973. – 224 с.

Липилина Л. А. Детализация концепта “время” в современном английском языке (на примере новых метафор – существительных появившихся в последние 30 лет) // Категоризация мира: пространство и время: Науч. конф. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 158 – 159.

Макарова Г. А. Национальная концептосфера как категория межкультурной коммуникации // Лингвокультурологические проблемы изучения национальных концептосфер: Сб. ст. межвуз. конф. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2003. – С. 7 – 12.

Маковский М. М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Русские словари, 1996. – 330 с.

Мамедов Фаик Джейхун Оглы. Психологическая структура личности на высшем уровне процесса языковой аккультурации: автореф. дис. … канд. психол. наук / Бакинский государственный университет. – Баку, 2005. – 22 с.

Чупрына О. Г. Концепт времени в древнем языке и тексте (на материале древнеанглийского языка) // Языковая семантика и образ мира: Междунар. науч. конф., Казань, 7-10 октября, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kcn. ru/tat-ru/science/news/lingv_97/ n127.htm.

Rushdie S. In Good Faith. – L., 1991. – 394 p.

5.4. КОНЦЕПТ *ДОСУГ* В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Гуливец Н. А.

В сфере научного знания наблюдается интерес к проблемам познавательной деятельности человека, что в науке находит свое отражение в сформировавшейся в 70-х гг. XX в. когнитивной лингвистике [см., напр., Болдырев 2000; Кубрякова 1994; Jackendoff 1994; http://www.magarinos.com.ar/Jackendoff.htm; Nuyts 2007; Turner 1991 и др.]. Новая лингвистическая парадигма исследует проблемы ментального опыта человека, речемыслительных процессов, операций, связанных с рассуждением, организацией и хранением знаний, а также способов отражения национальной культуры в языке определенного народа [см., напр., Бабушкин 1996; Болдырев 2000; Кубрякова 1994; Jackendoff 1994; http://www.magarinos.com.ar/Jackendoff.htm; Langacker 2008; Turner 1991].

На первый план выдвигается проблема изучения человеческого фактора в языке, т.е. происходит переход к антропологической лингвистике [Воркачев 2001; Тер-Минасова 2000; Wierzbicka 1992 и др.]. Важнейшей задачей современного языкознания становится осмысление языковых фактов через призму лингвокультурологических методов анализа, концептуальный анализ ключевых представлений, формирующих языковую картину мира. Одна из особенностей антропологического направления лингвистики – стремление к описанию лексики как явления системного порядка, причем выявление системных отношений важно как для синхронного, так и для диахронного исследования словарного состава языка. Так, в частности, считаем возможным рассматривать структуру и системные связи концептов, особенности их вербализации на протяжении их эволюционирования с периода первых письменных памятников вплоть до новейшего времени, т.к. именно развитие языка и общества дают полное представление о соответствующем концепте и его составных компонентах.

Термин “концепт” в последние три десятилетия широко используется в лингвистической литературе и является одним из основных

понятий современной лингвистики [Бабушкин 1997; Кубрякова 1997; http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/ index.htm; Попова 1999; Fauconnier 1994; Lakoff 1987; Wierzbicka 1992 и др.]. Вслед за А. Вежбицкой, И. А. Голубовской [2004] и др. в данной работе под концептом понимается ментальный конструкт, отражающийся в представлениях и знаниях, связанный с этнической культурой, хранимый в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде и определяющий национальное своеобразие языковой картины мира [http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm; Голубовська 2004 и др.].

Являясь сложным феноменом индивидуального поведения человека, язык включает в себя информацию о культуре [Nuyts 1992 : vii; Schönefeld 2006], окружающий мир в целом [Рахилина 1999 : 3] и служит источником для его исследования, так как представляет собой один из наиважнейших способов анализа сознания [Nuyts 1992 : vii]. Среди всех когнитивных способностей, языковая компетентность является главной; она связана не только с умением человека говорить и принимать услышанное, но и с реальной способностью, означивая мир, интерпретировать его [Кубрякова 1997 : 21].

Язык неразрывно связан с культурой, а она, в свою очередь, детерминирует состав языковых единиц, которые обслуживают поведение носителей той или иной культуры [см., напр., Воробьев 1997; Гумбольдт 1985; Маслова 2001; Wierzbicka 1992 и др.]. Этнокультурная специфика менталитета народа находит языковое воплощение и имеет разные формы проявления, единицей лингвокультурного описания является концепт [см., напр., Воробьев 1997; Маслова 2001; Степанов 2001 и др.]. Таким образом, концепты – это “сгустки культурной среды” в сознании человека, т.е. ментальные понятия, которые определяются культурными факторами [Голубовська 2004 : 91; Степанов 2001 : 43].

Считается, что лингвокультурология возникла в последней четверти XX в. как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которую начал еще в XIX в. В. фон Гумбольдт. Новизна подхода В. фон Гумбольдта заключалась в том, что в разнообразных языковых формах ученый видел отличия в способах мышления и восприятия действительности и пришел к выводу, что в языке воплощается своеобразие культуры [Гумбольдт 1985 : 370].

Современная лингвокультурология как дисциплина, “изучающая проявление, отображение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса” [Красных 2002 : 12], описывает концепт как ментальное образование, определенное лингвокультурной спецификой [Воркачев 2001 : 70], и позволяет получить представление о нем как о единице, в которой диалектически связаны собственно языковой и неязыковой смыслы [Воробьев 1997 : 43].

Типология концептов в рамках лингвокультурологического подхода основана на признании концепта этносоциокультурным фактом, отраженным в сознании языковой личности – индивида, члена социальной группы, представителя этноса и человечества, что актуализирует такие концептуальные признаки, как историческая детерминированность, универсальность / уникальность, обусловленная личностными, социальными и национальными факторами, ценностью для отдельно взятой культуры [Добровольская 2005 : 10].

Характерной чертой концепта является то, что он сохраняется в памяти носителей языка и занимает соответственную нишу в национально обусловленной концептосфере. В концептах отражается культурный опыт, запас знаний, умений и навыков личности и народа в целом. Некоторые концепты по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов [Ольшанский 2001 : 28].

Концепт имеет многокомпонентную и многослойную структуру, лишенную жестких очертаний и границ [Болдырев 2000 : 30; Ольшанский 2001 : 28; Попова 1999 : 11, 15]. Описать концепт можно в терминах ядра и периферии: к ядру относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы, являющиеся результатом чувственного восприятия мира. Абстрактные признаки являются производными по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью, отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания, и составят периферию концепта. Статус признака указывает на степень его удаленности от ядра по признаку конкретности и наглядности образного представления [Бол-

дырев 2000 : 29-30; Попова 1999 : 15-17]. Ядро связано с теми аспектами концепта, которые определяют его принадлежность к категории и выявляют отношение к сложным концептам, в то время как функция распознавания определяет вид информации, используемой для вынесения быстрых суждений о принадлежности к категории, быстрой сортировки вещей, событий и т.п. [Бибок 1996 : 156].

В культурном концепте ДОСУГ, например, доминантной составляющей содержания выступает прежде всего социальный и культурный опыт, т.к. само явление носит ярко выраженный социально-культурный характер. Так, например, в британском английском ДОСУГ выражается как “время, свободное от работы / учебы, когда человек может делать то, что ему хочется / нравится”. Признаки “свобода (от)” и “возможность” составляют незначительную периферию и не являются противовесом ядру (см. рис. 1).

Особенность американского английского, как проиллюстрировано на рис. 2, – равновесие ядра и периферии. В данном случае ДОСУГ – это “свободное время, когда человек может делать то, что ему хочется / нравится”. В отличие от британского концепта признак “время, свободное от работы” не является одной из основных составляющих ядра, а сильный противовес ядру – главный элемент периферии “свобода (от)”. Таким образом, на языковом уровне подтверждается стереотипное представление об американцах как о нации, занятой работой и построением карьеры, и более всего ценящей личную свободу и независимость.

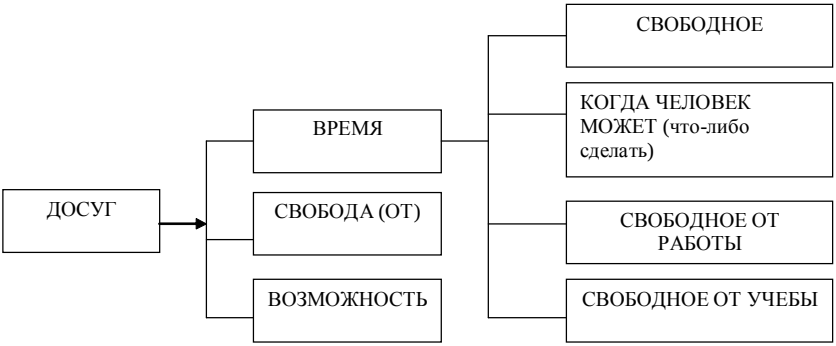


Рис. 1. ***Структура концепта ДОСУГ в британском варианте английского языка***

Концепт ДОСУГ является непременным компонентом национальной концептосферы и поэтому изменяется параллельно с преобразованиями в общественной жизни определенного народа. Технические нововведения, новые направления в искусстве, появление новых видов спорта и т.п. ведут к изменению способов проведения досуга (общение в чатах, сноубординг, цифровая фотография, 3D кинотеатры и т.д.).

Во внутреннем содержании концепта ДОСУГ прослеживается личностно преломленная и социально обусловленная составляющие. Выделенные выше связи определяют рассматриваемый концепт как неизолированный, взаимодействующий со многими другими явлениями окружающей действительности. В связи с этим изменения в структуре концепта ДОСУГ ведут к преобразованиям многих сегментов национальной концептосферы.

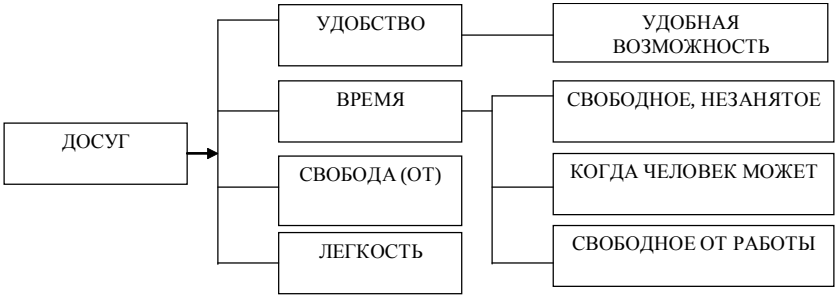


Рис. 2. ***Структура концепта ДОСУГ в американском варианте английского языка***

Общество и человечество в целом развиваются стихийно и ограниченно. Явление досуга воплощается в процессе совместной познавательно-практической деятельности и затем именуется. Определяется место концепта в ментальном лексиконе и формируется его информационная структура [Степанов 2001 : 77].

Взаимодействие языка как способа репрезентации общественно-исторического опыта народа и коллективного этнокультурного сознания может быть отображено в виде национальной языковой картины мира, под которой понимают присущую каждому

этносу и вербализованную им интерпретацию мира и себя самого в нем [Голубовська 2004 : 8-29].

Лингвокультурный концепт ДОСУГ является одним из основных фрагментов английской картины мира, что делает его анализ в динамике важным для отображения и понимания английской культуры в целом.

В языке древнеанглийского периода концепт ДОСУГ формируется, главным образом, как составная часть макроконцепта ВРЕМЯ (время досуга: *æmethwil, æmtig tid* и т.д.).

В среднеанглийской картине мира исследуемый фрагмент получает дальнейшее развитие за счет расширения компонента, указывающего на временную отнесенность: праздники (*haliday(s)*), официальные праздники (*vacation*) и др. Значение самой лексемы *leisure* в этот период усложняется и приобретает следующие оттенки: *resting* ‘отдых’, *remission* ‘прекращение, освобождение’, *voidness* ‘пустота, незанятость’, *ease* ‘покой’, *otiosity* ‘праздность’. Вместе с тем концепт ДОСУГ впервые проявляет одну из основных своих характеристик – действие (*toom*, *vacation*).

В языке ранненовоанглийского периода темпоральное отображение досуга приобретает новые признаки, обозначенные соответствующими лексическими единицами: время досуга (*recess* ‘перерыв в работе’, *vacancy* ‘свободное время, отпуск’, *playtime* ‘время игр и развлечений, время отдыха’ и т.д.); особое время досуга (*nooning* ‘обеденный перерыв (для сна и отдыха)’, *after-dinner* ‘послеобеденный отдых’ и т.д.); праздники (*holiday(s)*, *vacance*, *vacancy*); официальные праздники (*lawstead* ‘передышка, тайм-аут’); официальные праздники / каникулы в университетах или судах (*Long Vacation* ‘летные каникулы (в университетах и судах Великобритании)’ и т.д.); день / ночь (*(one’s) Sunday out* ‘воскресный выходной’, *night off*, *night out* ‘свободный (от работы) вечер’ и др.); неполный рабочий день (*half-holiday* ‘сокращенный рабочий день’); отпуск (*by-time* ‘досуг, свободное время’, *intermission* ‘пауза, перерыв’, *leisure time*, *leisure hours* ‘время досуга’ и т.д.); особый отпуск (*sabbatical year* ‘годовой отпуск для научной работы’ и др.).

Новоанглийская реализация концепта ДОСУГ предусматривает конкретизацию его составных признаков. В качестве концепто-

образующего функционирует темпоральный признак: время досуга (*lounge* ‘свободное времяпрепровождение’, *relache* ‘отдых, передышка’ и т.д.); праздники (*vacation, bank holiday* ‘официальный нерабочий день’ и т.д.); день / ночь (*(one’s) Sunday out, stop-day, day off, night off, night out* и т.д.); отпуск (*(one’s) watch below / off* (мор.) ‘время, свободное от вахты’, *lay-off* ‘отдых’ и др.). Для этого периода характерно развитие структуры концепта ДОСУГ за счет социальной, возрастной и профессиональной стратификации лексического состава (*children’s hour* ‘детский час’ (a special period of leisure), *shore leave* ‘отпуск на берег’ (leave of absence for sailors)).

Структура рассмотренного концепта в XX в. продолжает тенденцию уточнения значения составных признаков: гендерного (*maternity / paternity leave* ‘декретный отпуск матери / отца’, *lady / woman of leisure* ‘хорошо обеспеченная женщина, ведущая досужий образ жизни’) и профессионального (*shore liberty, beacher, run ashore* ‘отпуск на берег’).

Объективация концепта ДОСУГ начинается в языке древнеанглийского периода, при этом со временем в его содержании накапливается и отражается опыт многих поколений.

Данный концепт вербализируется как сложное образование с целым рядом внутренних и внешних валентных связей, что свидетельствует о его актуальности в повседневной реальности. Неизолированное существование концепта ДОСУГ в пределах английской национальной языковой картины мира усложняет его внутреннее строение и характеризует его как разноплановое явление, вмещающее базовые дифференционные аспекты: индивидуальный и коллективный, активный и пассивный.

Характеристика эпохи Средневековья (среднеанглийский период) – безграничная власть церкви – отражена в литературном материале посредством ядерной позиции слота “религия”. Таким образом, в среднеанглийской картине мира этот тип индивидуального проведения досуга фигурирует как основной.

В ранненовоанглийской языковой картине мира ведущее место занимает слот “спорт”, свидетельствующий о важности данного способа проведения досуга в английском обществе того времени. В новоанглийский период (XVIII – XIX вв.) слоты “эстетика /

прекрасное", "ум" и "спорт" примыкают к ядру и имеют относительно одинаковое количество языковых представителей, что свидетельствует об одинаковом уровне заинтересованности англичан в разностороннем – эстетическом, интеллектуальном и физическом – развитии индивида.

Начиная с ранненовоанглийского периода, осуществление межличностного общения отражается в структуре языка посредством реализации признаков слота "общественная жизнь". Организация званого приема является распространенной разновидностью коллективного досуга на всех исторических этапах развития английского языка: *Site nū tō symle* [www.heorot.dk] – древнеанглийский период; *They herd masse and ete and drank togedir in Develyn* [http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/AnoChan.html] – среднеанглийский период; *With some folke on sundayes, their tables do reke* [http://www.uoregon.edu/~rbear/] – ранненовоанглийский период; *We sat down to supper* [http://uoregon.edu/~rbear/ren.htm] – новоанглийский период. Традиционное английское чаепитие как одна из характерных особенностей национальной культуры и форма коллективного досуга появляется лишь в XVIII в. (что связано с началом импорта чая) и отображается в языковой картине мира в рамках слота "прием пищи".

Один из наиболее популярных активных способов проведения досуга – пешая прогулка – впервые номинируется как составляющая слота "физическая активность" в литературе среднеанглийского периода. Особую популярность данный вид досуга приобретает в XVIII – XIX вв.: *Walkyng … by a wilde wildernesse, and by a wodes side* [http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/ public/LanPier.html].

Слот "эстетика / прекрасное", отображенный в новоанглийской национальной языковой картине мира, постулируется более как коллективные мероприятия, обусловленные эстетическим началом в способах проведения досуга. Предшествующие исторические этапы характеризуются скорее индивидуальным подходом к их реализации.

Новейший период истории характеризуется бурным развитием общества, что отражено в беспрерывном процессе изменений во всех сферах жизнедеятельности.

Литературные источники XX – XXI вв. отображают бульшую склонность населения Англии к коллективным видам досуга при снижении общей доли вербализации индивидуального аспекта, т.е. тенденция современного английского языка заключается в увеличении составной части лексических номинантов активных способов проведения досуга. Пассивные разновидности досуга имеют незначительный процент вербализации в современной английской картине мира и, соответственно, в языке.

Действия, обозначенные лексическими единицами в рамках ядерных и приядерных слотов, соответствуют разновидностям досуга, наиболее распространенным в английском обществе в определенные периоды его развития. Так, например, интерес к спортивным видам досуга минимальный в период с 1945 г. по 1975 г., но возрастает в 1990-х гг., когда популярность приобретают индивидуальные виды спорта (*running* ‘бег’, *skiing* ‘лыжи’, *cycling* ‘велосипедный спорт’, *boxing* ‘бокс’ и др.). Признак просмотр телепрограмм (*watch (something) on TV* ‘смотреть что-нибудь по телевидению’) впервые воплощен в литературе 1945 – 1975 гг. благодаря распространению в Великобритании телевизионного вещания с середины 1950-х гг. Указанный вид досуга является ведущим в рамках индивидуального аспекта в начале XXI в.

Выводы

В современных лингвистических исследованиях как первоочередные выделяются вопросы, связанные с процессами языковой репрезентации элементов действительности, что находит свое отражение в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Язык отображает как общенациональные, так и личностные характеристики говорящего, отражает мир, охватывая все сферы жизни человека, и, в конечном счете, восстанавливает заложенные в нем теоретические, практические и культурные знания и опыт, национальную специфику представлений о мире носителей языка и их своеобразие в виде национальной языковой картины мира.

Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, ментальный прообраз, находящийся между фрагментом мира и словом и отраженный в сознании человека, причем многие концепты

связаны с физическим, познавательным и социальным опытом человека и структурируют его знания об окружающей действительности и о нем самом.

Одна из важнейших особенностей лингвокультурологического исследования заключается в том, что лексическая реализация концептов изучается не только на синхронном срезе своего функционирования, но и в процессе исторического развития языковых явлений, т.е. в диахронии. Именно такой подход позволяет наиболее исчерпывающим образом описать способы вербализации концепта в современной национальной языковой картине мира, поскольку детально отслеживаются пути формирования лексического состава и фиксируются все изменения, связанные с влиянием на язык преобразований, происходящих в обществе на определенных исторических этапах.

В последнее время изучение человеческого фактора в языке приобретает все большую актуальность, связывая проблемы субъективного отражения действительности отдельным человеком с особенностями влияния на языковые формы современных ему общества и культуры. Так, в частности, в ходе анализа структурных составляющих концепта ДОСУГ и их исторического функционирования были определены некоторые закономерности, свидетельствующие о взаимосвязи языка и культуры.

Перспективным представляется изучение способов вербализации культурных концептов отдельными писателями с учетом типичных для них гендерных и других социальных особенностей, влияния на процесс вербализации исторических факторов и социальных и индивидуально-психологических характеристик личности. Подход к анализу ситуации как когнитивно-коммуникативному образованию также содержит значительный потенциал для продолжения работ в избранном направлении.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

Бибок К. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 156 – 165.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии : Учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.

Вежбицкая А. Семантика, культура и познание : общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

Воробьев В. В. Лингвокультурология : теории и методы. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу. – К.: Логос, 2004. – 284 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 24 с.

Коровкин М. М. Созидающее сознание : от мира вещей к миру слов (когниция, номинация, коммуникация) // Когнитивные аспекты языкового значения. Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. – С. 17 – 28.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : Курс лекций.– М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34 – 47.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН, 1997. – 326 с.

Кубрякова Е. С. Что может дать лингвистика для исследования сознания? // Первая российская конференция по когнитивной науке: тезисы докл. – Казань, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/ index.htm.

Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие [для студ. высш. учеб. завед.]. – М.: Издательский центр “Академия”, 2001. – 208 с.

Ольшанский И. Г. Концепт – значение – межкультурная коммуникация // Филология и культура : III-я междунар. науч. конф., 16 – 18 мая 2001 г.: тезисы докл. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – Ч. 2. – С. 27 – 30.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – 30 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: автореф. дис. … доктора филол. наук. – М.: Всероссийский Ин-т науч. и техн. информации РАН, 1999. – 27 с.

Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

Jackendoff R. Patterns in the Mind. – N.Y.: Basic Books, 1994. – 246 p.

Jackendoff R. Semántica y cognición [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magarinos.com.ar/Jackendoff.htm

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 562 p.

Language, Thought, and Reality. Selected Writings Of Benjamin Lee Whorf / John B. Carroll (ed.). – Cambridge, MA: The MIT Press, 1978. – 278 p.

Nuyts J. Aspects of a Cognitive-Pragmatic Theory of Language. On Cognition, Functionalism, and Grammar. – Amsterdam: Benjamins, 1992. – 326 p.

Nuyts J. Cognitive Linguistics and Functional Linguistics // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / D. Geeraerts, H. Cuyckens (ed.s). – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 543 – 566.

Schönefeld D. From Conceptualization to Linguistic Expression : Where Languages Diversify // Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-Based Approaches to Syntax and Lexis / S. Th. Gries, A. Stefanowitsch (ed.s). – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 297 – 344.

Turner M. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 298 p.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

Источники иллюстративного материала

Anonymous. An Anthology of Chancery English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/AnoChan.html.

Anonymous. Beowulf [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.heorot.dk.

Langland W. The Vision of Piers Plowman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/LanPier.html.

Sterne L. A. Sentimental Journey through France and Italy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.uoregon.edu/~rbear/ren.htm.

Tusser T. A Hundreth Good Pointes of Husbandrie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uoregon.edu/~rbear/.

5.5. КОНЦЕПТЫ *СОН* И *МЕЧТА* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Левицкий А. Э.

Вопросы вербализации концептов являются ключевыми в современной лингвоконцептологии. Они позволяют приблизиться к выявлению особенностей механизма номинации человеком окружающего мира у представителей разных социальных и этнокультурных групп, что поможет раскрыть проблемы соотношения языка и мышления, языка и социума, языка и культуры. Начальным этапом решения данных задач является выявление изоморфного и алломорфного в обозначении рассматриваемых концептов. Анализу подлежит вербализация концептов СОН и МЕЧТА на материале

современных восточнославянских (русского и украинского) и западногерманских (английского и немецкого) языков.

Подход к исследованию номинативных ресурсов языка в сопоставительном аспекте получил широкое развитие в лингвистике начала XXI в. (см., напр., [Близнюк 2008; Бондаренко 2005; Вежбицкая 2001; Голубовська 2004; Манакин 2004; Кривенко 2006; Пальчевська 2006; Панасенко 2002; Старко 2004]). Его применение позволяет получить новые данные об особенностях номинации определенных элементов внутреннего мира восточных славян и западных германцев, что дает возможность раскрыть некоторые характерные черты соответствующих лингвокультур.

Исследование базируется на том, что различия в картинах мира определяются особенностями концептуализации, присущими разным индивидам. Так, В. фон Гумбольдт рассматривал концептуальную картину мира как способ организации ментальной субстанции [Гумбольдт 1985 : 43- 44], а в дальнейшем и А.А. Потебня называл ее “объективированным мнением субъекта” [Потебня 2001 : 17-19]. Последнее же время продуктивен подход к картине мира как к системе ценностной ориентации, закодированной в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и реализуемой посредством интерпретации данных образных основ с помощью обращения к эталонам и стереотипам мировосприятия, бытующим в том лингвокультурном сообществе, которые обусловили их существование (см., напр., [Опарина, Сандомирская 1998 : 374]).

Концепты СОН, МРІЯ, МЕЧТА, SLEEP, DREAM, SHLAF, TRAUM как компоненты национальных картин мира структурируются разветвленной системой фреймов, что способствует появлению их разных интерпретаций.

Установление семантического объема лексем, которые вербализуют концепты СОН, SLEEP / SCHLAF, МЕЧТА / МРІЯ и DREAM / TRAUM, состоит в выявлении дифференцированных сем, отличающихся разными коннотативными оттенками значения. Для анализа данных, полученных в ходе исследования вышеназванных концептов, была использована концепция базовых фреймов, предложенная С.А. Жаботинской [Жаботинская 2004 : 83]. В результате интеграции базовых фреймов возникает межфреймовая сеть,

отображающая структуру лексического значения [Жаботинская 2004 : 84]. Таким образом, базовые фрейми являются своего рода “строительными блоками” для ментальной репрезентации той или иной области человеческого опыта [Жаботинская 2004 : 88]. Базовые фреймы могут быть использованы в качестве универсального инструментария для структурации информации, представленной отдельной лексической единицей [Жаботинская 2004 : 91]. Такой подход позволяет представить каждый концепт в виде структуры с ядерными и периферийными элементами.

Особенности вербализации концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ в восточнославянской лингвокультуре

Концепт СОН занимает одно из главных мест в русской и украинской картинах мира. Он определяется как: 1) физиологичное состояние покоя организма человека и животного, которое наступает периодически и сопровождается полной или частичной потерей сознания и ослаблением ряда физиологических процессов; 2) то, что снится, сновидение; о чем мечтает человек; что воспринимается как нереальное, обманчивое. Вполне очевидно, если в первом случае содержится определение конкретного физиологического процесса, то во втором – лишь описывается то, что происходит с человеком в это время этого.

Неоднозначность и многовекторность концепта СОН проявляется в наличии широкого синонимического ряда существительных-номинативов, которые используются для его обозначения в современных восточнославянских языках: *сон; сновидение / сновиддя; видение / видіння; грезы, бред / марення; привидение / примара; дрема, забытье / забуття; полудрема / напівдрімота; полузабытье / напівзабуття, напівсон; сон-дремота / сон-дрімота*.

К ядерным номинациям концепта СОН относятся лексемы *сон / сон*, *видение* / *видіння*, *грезы* и *марення*, которые характеризуются высокой частотностью и концентрируют его смысловые особенности. Регулярными периферийными номинациями можно считать лексемы *сонливость / соннота, дрема, полудрема / напівдрімота*,

полусон / напівсон, забытье / забуття и *передрімка*, которые используются для обозначения определенного качества или особенностей сна.

Большое количество лексем способствует использованию различных прилагательных, которые отражают семантику концепта СОН. Анализ лексикографических источников позволил распределить наиболее употребимые прилагательные, сочетаемые с лексемой *сон* по таким критериям: **по качественной оценке:** *смешной / смішний, сладкий / солодкий, милый / милий, радостный / радісний, здоровый / здоровий, интерсный / цікавий, чувственный / чутливий, хороший, веселый / веселий, красивый / красивий, цветной / кольоровий, чудесный / чудовий, прекрасный / прекрасний, добрый / добрий, нежный / ніжний, розовый / рожевий, голубой / голубий, сказочный / казковий, счастливый / щасливий, ясный / ясний, беззаботный / безтурботний, чудотворный / дивовижний, смешной / кумедний, ласковый / лагідний, мечтательный / мрійливий, романтичный / романтичний, светлый / світлий, теплый / теплий, аллегорический / алегоричний, спокойный / спокійний, странный / дивний, страшный / страшний, плохой / поганий, печальный / сумний, мертвый / мертвий, черный / чорний, ужасный / жахливий, непричтный / неприємний, нервозный / нервозний, жестокий / жорстокий, злой / злий, лихий, напряженный / напружений, нудный / нудний, превожный / тривожний, неспокойный / неспокійний;* **по временному показателю:** *вчерашний / вчорашній, ночной / нічний, вечерний / вечірній, сегодняшний / сьогоднішній, летний / літній, дневной / обідній, денний, послеобеденный / післяобідній, старый / давній, последний / останній, прошлый / минулий;* **по субъекту сна:** *детский / дитячий, молодецкий / молодецький, богатырский богатирський;* **по интесивности:** *легкий, глубокий / глибокий, крепкий / міцний, твердий, быстрый / стрімкий, беспробудный / непробудний;* **по длительности:** *долгий / довгий, вечный / вічний, длительный / тривалий, беспрерывный / неперервний, короткий, быстрый / швидкий, перебитый / перебитий, перерваний, большой / великий, маленький;* **по уровню важности:** *долгожданный / довгожданий,*

нужный / потрібний, необходимый / необхідний, желанный / бажаний, жаданий, драгоценный / найдорожчий; **по уровню ожидаемости:** *неожиданный / раптовий, несподіваний, невимушений, непередбачений;* **по уровню правдивости сна:** *убедительный / переконливий, вещий / віщий, правдивый / правдивий, выдуманный / видуманий, непонятный / незрозумілий;* **по месту в человечкеской памяти:** *особенный / особливий, незабываемый / незабутній, пам'ятний, неповторимый / неповторний, забытый / забутий.*

Этимологически лексическая единица *сон* в русском и украинском языках происходит от др.-русск., ст.-слав. сънъ (др.-греч. ὕπνος). Ср.: др.-русск. въ сънсхъ, укр. сон (род. п. сна), белор. сон (род. сна), болг. сън, сербохорв. са̏н (род. п. сна̏), словенск. sə̑n (род. п. snà), чешск., словацк. sen, польск. sen (род. п. sna), в.-луж. són (род. п. sona, sna), н.-луж. soń ж. (род. п. sni). Праслав. *sъnъ из *sъpnъ, родственного *sъpati (см. спать), а также лит. sãpnas "сон, сновидение", sãpnis — то же, латышск. sapnis "сновидение", др.-инд. svápnas "сон, сновидение", авест. x̌vafna- (м.) – то же, арм. kՈun, греч. ὕπνος м. "сон", лат. somnus — то же, тохар. A ṣpäm, B ṣpäne "сон", др.-исл. svefn, ирл. súan, алб. gjumë. Ср. также лат. somnium "сон", греч. ἐνύπνιον, др.-инд. svápnyam, др.-русск., ст.-слав. съниѥ "сновидение" (a vision in a sleep).

В современных русском и украинском языках вербализация концепта СОН активно происходит и с помощью фразеологических средств: *сон в голову не идет* / *сон не йде в голову* – тяжело заснуть, успокоиться; *ни сном, ни духом / ні (і) сном, ні (і) духом* – ничего не знать, не ведать; *сном праведника* – спать крепко, беззаботно; *сон в руку / сон у руку* – то, что приснилось, сбудется; *как во сне / як у сні* – не осознавая, подсознательно. В приведенных фразеологических единицах *сон* максимально сохраняет свою семантику, что свидетельствует о доминировании одного базового значения над другими.

Ядерную зону соответствующего концепта в русской и украинской картинах мира занимают слоты ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ / ФІЗІОЛОГІЧНИЙ СТАН, СНОВИДЕНИЕ / СНОВИДІННЯ и ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ. Периферию же – слоты

ПРИЗРАК / ПРИМАРА, БРЕД / МАРЕННЯ, которые информируют об особых видах сна, когда активизируется индивидуально-психологическая плоскость подсознательного. Сон воспринимается как своеобразный параллельный мир, который воспроизводит сферу подсознательных чувств и инстинктов индивида. Этот параллельный мир отмечается размытыми и нечеткими границами, в нем накапливаются определенные воспоминания или желания. Сон превращается в определенный призрак прошлого или будущего, когда индивид погружается в забытье. События во сне разворачиваются не в физической, а в психологически эмоциональной и духовной плоскостях. Индивидом правит не здравый смысл, а подсознательные чувства и инстинкты.

Концепты же МЕЧТА / МРІЯ в восточнославянской языковой картине мира вербализуются с помощью широкого синонимического ряда: *мечта / мрія, желание / бажання, сон / сон, мысль / думка, грезы / марення, мечтание / мріяння, надежда / надія, стремление / прагнення, привидение / привид, призрак / примара, представление / уява, утопия / утопія, фантазия / фантазія, иллюзия / ілюзія, видение / візія.*

Анализ лексем *мечта / мрія* в лексикографических источниках позволил выделить их базовые значения: то, что создано представлением / фантазией; мысль о чём-то желанном, приятном; мысль о чём-то нереальном, недостижимом; предмет желаний, устремлений; повод или привидение (устаревшее).

Современное русское *мечта* образовано от ORus. мьчьтати, мьчьта, OSlav. мьчьтъ (OGr. φαντασία), ср.: Serb. мàшта. The next stage of mutation: Sorb. mikać (мерцать), ср. Lat. micare (мигать).

И.-е. корень “мар-” / “mar-” послужил основой украинского *мрія*, а также ‘мара’; ‘марити’; ‘марево’; ‘марність’, ‘марнота’; ‘марно’; ‘затьмарити‘; ‘змарніти’; ‘хмара’.

В русской и украинской языковых картинах мира в семантической структуре многозначной лексемы *мечта / мрія* находится смысловой компонент “желаемое, приятное”, соотносимое с будущим. Когда говорят, что человек *мечтает* о чем-либо, видит что-то в *мечтах*, это значит, что он, по крайней мере, ничего не имеет против того, чтобы *мечты* осуществились, а возможно,

предпринимает определенные шаги для их реализации. *Мечтать* можно о чем-то приятном, а также стремиться, чтобы в будущем *мечты* воплотились в реальность. В современных восточнославянских языках *мечта / мрія* используется для обозначения желания, которое человек не всегда может четко сформулировать. Последнее утверждение особенно касается употребления лексем *мечта / мрія* в множественном числе *(мечты / мрії)*, что свидетельствует о размытости представления индивида о желаемом объекте или явлении.

Анализ валентности единиц, вербализующих концепты МЕЧТА / МРІЯ, свидетельствует о том, что его ядерные элементы сочетаются преимущественно с лексемами, которые отличаются положительными коннотациями. Это является свидетельством того, что в восточнославянских языковых картинах мира дифференциальный семантический признак "положительное" является ключевым в смысловых структурах данных концептов.

Широкий синонимический ряд язковых реализаций концепта МЕЧТА / МРІЯ дополняется прилагательными, которые глубже раскрывают качества приведенных выше существительных: **по качеству оценки мечты (позитивная / негативная):** *захватывающая / захоплююча, красивая / гарна, розовая / рожева, сладкая / солодка, прекрасная / чудова, светлая / світла, счастливая / щаслива, сказочная / казкова, интересная / цікава, хрустальная / кришталева, радостная / радісна, любимая / улюблена, цветущая / квітуча, волшебная / чарівна, неповторимая / неповторна, золотая / золота, нежная / ніжна, страстная / палка, ясная / ясна, весенняя / весняна, душевная / душевна, голубая / блакитна, лучшая / найкраща, хорошая / хороша, привлекательная / приваблива, искусительная / звабліва, заманчивая / заманлива, крылатая / крилата, настоящая / справжня, необычная / незвичайна, благодарная / благородна, грайлива;* **в зависимости от субъекта:** *ребячья / хлоп'яча, сыновья / синівська, юношеская / юнацька, девичья / дівоча, студенческая / студентська, детская / дитяча, поэтическая / поетична*; **по возможности реализации:** *реализованная / здійснена, близкая / близька, доступная / доступна, нереализуемая /*

нездійсненна, далекая / далека, недосягаемая / недосяжна, безнадежная / безнадійна, недоступная / недоступна, утраченная / втрачена, невозможная / неможлива, неспроможна, фантастическая / фантастична, неразделенная / нерозділена; **по степени ожидаемости реализации:** *желанная / бажана, жадана,достижимая / довгождана, заветная / заповітна, вечная / вічна, споконвічна, вековая / вікова, виплекана, невмирущa,многолетная / багаторічна, ожидаемая / очікувана;* **по интенсивности:** *большая / велика, несдержимая / нестримна, сильная / сильна, безграничная, безмежная / безмежна, возвышенная / велична, огромная / найбільша, смелая / смілива, быстрая / швидка, мелкая / дрібна, мала;* **по времени возникновения:** *новая / нова, современная / сучасна, последняя / остання, будущая / майбутня, старая / стара, прошлая / минула, предыдущая / попередня, давняя / давня, забытая / забута;* **по уровню важности:** *серьезная / серйозна, важная / важлива, безответственная, легковесная / легковажна, пуста, бескрылая / безкрила;* **по уровню таинственности:** *знакомая / знайома, разгаданная / розгадана, таинственная / потаємна, таємнича, интригующая / інтригуючи, неожиданная / несподівана;* **по количественному показателю субъектов:** *собственная / власна, коллективная / колективна.*

Мечта / мрія, мечтание / мріяння, продукт воображения / витвір уяви являются ключевыми для понимания концептов МЕЧТА / МРІЯ, поскольку они раскрывают его главный смысл. Периферию же образуют слоты СТРЕМЛЕНИЕ / ПРАГНЕННЯ, НАДЕЖДА / НАДІЯ, ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ / ЖАДАНИЙ ОБ'ЄКТ, ВООБРАЖЕНИЕ / УЯВА, ОБОЛЬЩЕНИЕ / ОМАНА, ПРИВИДЕНИЕ / ПРИВИД и ФАНТАЗИЯ / ФАНТАЗІЯ. Во многих случаях они сопровождаются характерными номинативными единицами (*надежда на лучшее будущее / надія на краще майбутнє, старинное привидение / давній привід, богатое воображение / багата уява, неуемная фантазия / необмежена фантазія*), превращаясь таким образом в полноценные концепты.

DREAM / TRAUM и SLEEP / SCHLAF
в западногерманской лингвокультуре

Английская лексема *dream* и немецкая *Traum*, в свою очередь, обозначают чувства, образы или фантазии, которые приходят к нам во сне; сам процесс, когда это происходит; виденье, мечта, образ, который мы видим или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; что-то, чего мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в виденье. В тоже время, немецкое *Schlaf* и английское *sleep* обозначают только состояние, в котором человек или животное отдыхает и спит. Они не несут в себе негативного заряда, хотя образная шекспировская метафора *"to die, to sleep"* тоже встречается, пусть и не как постоянный элемент устойчивых словосочетаний.

Этимологически *dream* характеризуется следующим образом: XIII (Genesis and Exodus, Cursor M.)/ ME. *drĕm*, identical in form with the ME. repr. of OE. *drĕam* joy jubilation, music, minstrelsy (= OS. *drőm* mirth, noise), but corr. in sense to OFris. *drăm*, OS *drőm* (Du. droom), OHG. *troum* (G. *traum*), ON. *draumr* On the assumption that there has been accommodation ON. *draumr* to Eng. phonetic conditions, attempts have been made to relate two meanings to the same original base; on the other hand, the words meaning "joy" have been connected with Gr. *trŭlos* noise, shouting, those meaning "dream" with G. *trŭgen* deceive, ON. *draugr* apparition, through * draugm-. Hence *dream* vb. XIII (Genesis and Exodus, Cursor M., Have-lok). The earliest use was prob. impers. after the impers. use of ON. *dreyma*, e.g. with two accusatives, as in *mik dreymdi draum, draum dreymdi mik* (ME. *a drem dremede me, hem drempte dremes).* The native OE. words are: *swefn, mǽting* sbs., *swefnian, mǽtan* vbs.

Его родство с *Traum* также доказывается этимологически: Das *altgerm.* Substantiv *mhd., ahd.* troum, *niederl.* droom, *engl.* dream, *schwed.* drom gehort zu der unter ->*trugen* behandelten Wortgruppe. Abl.: traumen *(mhd.* troumen, troumen, *ahd.* troumen), dazu die Abl. Traumer m „weltfremder Mensch", wovon wiederum traumerisch ,,versonnen" (18. Jh.), und die Prafixbildung vertraurnen ,,das Leben nutzlos vertun" (17. Jh.) mit dem 2. Partizip vertraumt "gedankenverloren".

Концепт МЕЧТА в английском языковом сознании обозначает чувства, образы или фантазии, которые приходят к нам во сне; сам процесс, когда это происходит; видение, мечта, образ, который мы видим или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; нечто, что мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в видении. Итак, МЕЧТА имеет два значения: 1) мысли и чувства, которые присущи человеку во время сна; 2) большое желание.

Немецкое *Traum* также имеет два ЛСВ: **1)** *im Schlaf auftretende Vorstellungen, Bilder, Ereignisse, Erlebnisse:* ein schöner, seltsamer, schrecklicher, böser T.; ich habe einen schweren T. gehabt; Träume deuten, analysieren; aus wirren T**r**äumen erwachen; im T. reden; etw., jmd. erscheint jmdm. im T.; es ist mir wie ein T.; Sprichwort „Träume sind Schäume“ (bedeutet: *Träume besagen nichts, sind belanglos*); nicht im T. (*nicht im entfernsten*): **nicht im T.** hätte ich an eine solche Möglichkeit gedacht. **2 a)** *sehnlicher, unerfüllter Wunsch*: der T. vom Glück; Fliegen war schon immer sein T.; es ist sein T., Schauspieler zu werden; sein T. hat sich endlich erfüllt; das ist der T. meines Lebens (*mein sehnlichster Wunsch*); der T. [vom eigenen Haus] ist ausgeträumt, ist vorbei; aus [ist] der T.! (umgangssprachlich; *es besteht keine Hoffnung mehr, dass der Wunsch in Erfüllung geht*); das war die Frau seiner Träume (umgangssprachlich; *seiner Wunschvorstellungen*); das habe ich in meiner kühnsten Träumen nicht zu hoffen gewagt!; **b)** (umgangssprachlich) *etw. traumhaft Schönes; Person, Sache, die wie die Erfüllung geheimer Wünsche erscheint:* das ist ja ein T. von einem Haus!; dort kommt sein blonder T. *(ein hübsches, blondes Mädchen);* die Braut in einem T. (*wunderschönes Kleid*) aus weißer Seide und Spitzen; **Traum-** (Bildungen zu T. emotional): drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass jmd. oder etw. so ideal ist, wie man es sich immer erträumt [hat]: Traumehe, -haus, -mann.

Попутно заметим, что концепты DREAM и TRAUM по своему объему шире, чем МЕЧТА / МРІЯ, поскольку они включают в себя и концепт СОН. DREAM / TRAUM как видение и состояние сна, противоположное бодрствованию в традиционном западногерманском мировосприятии отражают квазиреальность одной лексемой. Номинация мечты же, например, средствами русского

языка восходит к “видению, призраку, умопомрачению”, ст.-слав. *мьчьта* “грезы”.

Периферия концепта МЕЧТА / МРІЯ представлена слотами ВООБРАЖЕНИЕ, ГАЛЮЦИНАЦИЯ, ФАНТАЗИЯ, ОБМАН, ТРАНС, которые охватывают определенный вектор его семантики. Они преимущественно относятся к абстрактным понятиям, которые доминируют на периферии.

Очевидно, что лексемы *dream / Traum* используются для обозначения как конкретных объектов, так и абстрактных явлений и ощущений. Концепты DREAM / TRAUM в современных английском и немецком языках вербализуется синонимическими рядами: *dream / Traum, fantasy / Phantasie, illusion / Blendwork, imagination / Einbildung, vision / Traumbild, conceit / Dünkel, hallucination / Halluzination, romance / Erdichtung, trance / Trance, reverie / Träumerei, chimera / Hirgespinst, delusion / Irreführung, fallacy / Täuschung.*

Ядро вербализованного концепта содержит лексемы-доминанты: *dream / Traum, illusion / Blendwork, fantasy / Phantasie.* Они передают ключевую информацию, раскрывая суть концепта. Семантическое поле, составляющими частями которого являются эти элементы, охватывает преимущественно абстрактные понятия. Следовательно, концепты DREAM / TRAUM сконцентрированы именно вокруг абстрактного, где сознательное переплетается с подсознательным.

Периферия же концептов DREAM / TRAUM представлена слотами IMAGINATION / EINBILDUNG, HALLUCINATION / HALLUZINATION, CHIMERA / HIRGESPINST, DELUSION / IRREFÜHRUNG, TRANCE, которые охватывают определенный вектор их семантики.

Вербализация концепта DREAM в современном английском языке также происходит с использованием идиоматических выражений: *a pipe dream* – пустые мечты*; love’s young dream* – юношеская влюбленность; *in your dreams* – не стоит мечтать о чем-то*; like a dream* – как будто во сне, как будто в сказке; *a dream comes true* – желаемое становится реальностью, осуществление мечты или стремления.

В ходе вербализации концепта DREAM происходит переакцентуация некоторых его концептуальных составляющих: МЕЧТА / ОБЪЕКТ: *dream-picture, dream-play, dream-process, dream-content;* МЕЧТА / ЖЕЛАНИЕ: *dream-idea, dream-life, dream-vision, dream-image;* МЕЧТА / ПЕРЕСКАЗ: *dream-interpretation, dream-interpreter, dream-discourse, dream-teller;* МЕЧТА / ИЗМЕНЕНИЕ: *dream-change, dream-travel, dream-ridden,;* МЕЧТА / БОЛЬ: *dream-haunted, dream-perturbed, dream-fed.*

Особенности концептов DREAM / TRAUM детерминируются различными определениями. Отражая многогранность человеческого существования, прилагательные проявляют способность сочетаться с разными по семантике существительными на основе вторичных, переносных значений, которые передают различные субъективно-оценочные значения [Щербань 2004: 253 - 254]: **по качественному признаку** (хороший / плохой): англ. *pleasant, great, good, vivid, awful, bad, strange, wet;* нем. *angenehmer, guter, schöner, wunderschöner, schrecklicher, seltsamen, bösen, wirren;* **по видовому признаку**: англ. *erotic, prophetic, romantic;* нем. *erotischer, prophetischer, romantischer;* **по длительности**: англ. *short, recurrent, lifelong;* нем. *kurzer, wiederkehrender, lebenslanger;* **по возможности реализации**: англ. *distant, impossible, utopian;* нем. *entfernter, lebenslanger, unmöglicher.*

Английское *sleep* и немецкое *Schlaf* совпадают по ключевым значениям. Ср.: англ. 1. ***the natural state of rest in which our eyes are closed and mind and body are inactive and unconscious***: *get to sleep, in your sleep, send smb to sleep, sing/rock smb to sleep;* 2. ***a period of sleeping***: *a light/deep sleep, a good night's sleep, go to sleep, don't lose sleep over it, put smb to sleep, can do smth in your sleep, a heavy sleeper, a light sleeper, a sleeping bag, a sleeping car, a sleeping draught, a sleeping pill, a sleeping sickness, a sleepwalker, sleepless*; нем. 1. ***der Zustand, in dem ein Mensch oder Tier ruht und schläft*** (ein leichter, (un)ruhiger, fester, traumloser Schlaf; gegen den Schlaf ankämpfen; vom Schlaf übermannt, überwältigt werden; in (tiefen) Schlaf sinken; in tiefem Schlaf liegen; im Schlaf sprechen; aus dem Schlaf erwachen; jemanden in den Schlaf singen, wiegen; jemanden aus dem Schlaf reißen; etwas bringt jemanden um den Schlaf, raubt

jemandem den Schlaf (=lässt jemanden nicht schlafen)) Q%Komposita-: *Schlaf-, -bedürfnis, -entzug, -gewohnheiten, -mangel, -tablette*; 2. ***halb im Schlaf*** so, dass man fast schläft ‖ -Komposita: *Halb-, -schlaf;* 3. ***einen + Adj+ Schlaf haben*** regelmäßig auf bestimmte Weise schlafen (einen guten, gesunden, tiefen Schlaf haben): *Ich habe einen leichten Schlaf (=* ich wache bei fast jedem Geräusch auf*);* 4. ***keinen Schlaf finden (können)*** *geschrieben; (aus Angst, vor Sorgen o.Ä.)* nicht (ein)schlafen können; 5. ***sich (Dat) den Schlaf aus den Augen reiben*** nach dem Schlafen die Augen reiben ‖ ID *den Schlaf des Gerechten schlafen* gut und fest schlafen; *etwas im Schlaf können/ beherrschen* etwas so gut können, dass man sich dabei kaum anstrengen oder konzentrieren muss ‖ *zu* 1. **schlaflos** *Adj;* **Schlaflosigkeit** *die; nur Sg*.

Sleep и *Schlaf* также характеризуются общей этимологией:

Sleep – unconscious state in which the physical powers are suspended, OE. *slĕp, slǽp*=OFris. *slĕp,* OS. *slăp* (Du. *slaap*), OHG. *slăf* (G. *schlaf*), Goth. *slĕps:*=CGerm. (exc. ON. ; cf. sweden) **slǽpas,* rel to corr. vb. * *slǽpan,* whence OE. *slǽpan,* OS. *slăpan,* etc., and by gradation, to * *slap-,* whence LG., Du. *slap* inert, sluggish, G. *schlaff* slack, lax; ult. connexions are doubtful. Hence **slee·PER1** one who sleeps XIII (AncrR.); stout horizontal timber XVII; apartment for sleeping (orig. US) XIX.

Sleep, vb. (E.) A.S. *slǽpan, slĕpan,* pt. t. *slĕp.* +Du *slapen;* Goth. *slepan;*G. *schlafen,* to sleep. The sb. is A.S. *slǽp,* Du. *slap,* Goth. *sleps,* G. *schlaf,* O. H. G. *slăf,* orig.”drowsiness;” allied to Low G. *slapp,* G. *schlaff,* lax, loose, flabby, unbent, relaxed (as in sleep); also Icel, *sleppr,* slippery, and to E. **Slip.** Cf. E. *sleepy,* i.e. inactive;

Schlaf ***m***\ Das ***altgerm.*** Subst. ***mhd., ahd.*** slaf, ***got.*** sleps, ***niederl.*** slaap, ***engl.*** sleep ***stellt*** sich zu dem Verb schlafen: ***mhd.*** slafen, ***ahd.*** slaf[f]an, ***got.*** slepan, ***niederl.*** slapen, ***engl.*** to sleep. Dieses Verb bedeutet eigtl. „schlapp, matt werden“ und ist mit dem Adj. —▶ sclaff verwandt, beachte das zu ‘Schlaf’ ***gehoreiide aisl.*** Slapr ,,tragerMensch”. Die zugrunde liegende ***idg.*** Wz. *[s]lab- „schlaff [herabhangend]“ hat sich bes. im ***Germ.*** reich entwickelt. Im ***dt.*** Wortschatz stellen sich *zu* ihr z. B. die Worter —▶ Lappen ,,herabhangendes Zeugstuck”, —> Lippe (eigtl. „Herabhangendes”, anders- gebildet

oberd. —▶ 3-Lefze), mit übertr. Sinn -*lappisch und wohl auch —▶ Laffe und —▶ labberig. AuBerhalb des ***Germ,*** ist bes. die unter — vlabil dargestellte Wortgruppe um ***lat.*** labl ,,wanken, schwanken“ und ***lat.*** labor ,,Muhe, Last, Arbeit” zu nennen. Auf einer nasalierten Wurzelform beruhen ***aind.*** l&mbate ,,hangt herab”, ***lat.*** limbus ,,Klei- dersaum“ und bes. Bildungen wiecft. —▶ Lump, Lumpen, —▶ glimpf lich (eigtl. ,,schlaft, locker“) und wohl auch -*Schlamm (eigtl. ... trage Masse). SchlieBlich gibt es eine Rei- he einzelsprachlichcr Bildungen. die aus- drucksbetont oder schallmalend sind und sich von den genannten WSrtern nicht scharf trennen lassen, z. B. ***dt.*** —▶ Schlappe „Xiederlage“ und —▶ schlemmen „prassen“.- Sonderbedeutungen haben die Praflxbildun- gen beschlafen ***(mhd.*** beslafen „heschla- fon“. ***friihnkd.*** auch ,,bis zum niichstcn Tag liberdenken“) und entschJafen ***(mhd.*** ent- slafen, ***ahd.*** intslafan ,.einschlafen jetzt nur Hiillwort für ... sterben“). Zum Verb ge- horen als Abl.: Schlafer m ***(mhd.*** slaftrre); schlafern (nur in mich sohlafert, ***mhd.*** mih slafort. zu slafern. ***ahd.*** slafaron ... schlafen). Einsehlafern (im 17. Jh. neben alterem einsehlafen) und sch la frig ***(mhd.*** slafcric, ***ahd.*** slafarag; mit anderer Bed. zweischlaf- rig, -schlafig „2 Schlafer fassend”, 18, Jh.). Zum Subst. Schlaf gehoren vor die Korperteilbezeichnung —▶ -Schlafe und die Zus. Beischlaf (15. Jh.). Offen bleibt die Zuordnung zu Verb oder Subst. bei **Zua.** wie Schlafmütze (17. Jh.; schon im 18. Jh. libertr. gebraucht) und Schlafrock (***spät-mhd.*** slafrock).

В данных языках *sleep* и *Schlaf* активно используются в качестве ключевых элементов для пополнения фразеологического фонда: англ. enters set-phrases: *‘beauty sleep’; ‘go to sleep’; ‘have a sleep on it’; ‘have one’s sleep out’; ‘the last (long) sleep’; ‘hour’s sleep before midnight is worth two after’; ‘sleep like a baby (like a child)’; ‘sleep like a log’; ‘sleep the sleep of the just’; ‘sleep the sleep that knows no breaking’; ‘take one’s last sleep’; ‘twilight sleep’; ‘walk in one’s sleep’; ‘a sleepy place’; ‘a sleeping partner’, ‘a sleeping policeman’, ‘a sleepyhead’, ‘sleepover’, ‘a sleeping dog’*; нем. *‘jmdm. den Schlaf rauben’: ‘den Schlaf des Gerechten schlafen’, ‘sich den Schlaf aus den Augen reiben’, ‘etwas im Schlaf können/tun’; ‘sich im Schlaf bescheißen’; ‘jmdn. in den Schlaf singen’; ‘ein Auge/ein paar Augen Schlaf nehmen’; ‘den Seinen*

gibt's der Herr im Schlaf'; 'jmdn. schlafen schicken' (Boxen: Jargon); 'schlafen wie ein Bär/ein Dachs/ein Mehlsack/ein Murmeltier/eine Ratte/ein'; 'schlafende Hunde wecken'; 'mit offenen Augen schlafen'; 'wie man sich bettet, so schläft man'; 'bei Mutter Grün schlafen'; 'ein Loch in den Tag schlafen'; 'den Schlaf des Gerechten schlafen'.

Сопоставительный аспект рассмотренных концептов

В целом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рассматриваемые концепты можно охарактеризовать как общечеловеческие, присущие как сообществу людей, так и каждому индивиду, в частности. Этнокультурная специфика концептов СОН, SLEEP, SCHLAF и МЕЧТА / МРІЯ, DREAM проявляется в особенностях их смыслового содержания; наличии определенных аксиологических лакун и различиях роли данных элементов в картинах мира, т. е. в отражении мировосприятия.

Семантический объем концептов DREAM / TRAUM является более широким, поскольку в русской и украинской картинах мира он соответствует концептам СОН и МЕЧТА / МРІЯ. DREAM и TRAUM концептуализируют как физиологический процесс, так и желание, стремление человека. Именно поэтому они не всегда выступают аналогами концептов СОН или МЕЧТА / МРІЯ, семантика которых является более узкой.

Однако если DREAM и TRAUM имеют преимущественно позитивное наполнение, то в лингвокультурах восточных славян такая однозначность отсутствует. Оппозиция "хороший :: плохой сон" подчеркивает негативные (болезненные) качества явлений, которые индивид переживает во сне, что пересекается с ощущением угрозы. Добавляются также оттенки печали и неописуемой тоски, которые отражаются лексемами *тревожный / тривожний; плохой / лихий, злий; напряженный / напружений*. Лексические единицы *страшный / страшний* и *крепкий / міцний* модифицируют концепт СОН, добавляя ему отрицательный оттенок.

Для российского и украинского этносов естественной является ассоциация сна со смертью и потусторонним миром. Такие

коннотации проявляются при модификации соответствующих лексем единицами *мертвый / мертвий* и *черный / чорний*. В русском и украинском языках распространено устойчивое словосочетание-эвфемизм *заснуть вечным сном / заснути вічним сном*, что означает умереть. Если для западных германцев сон – это преимущественно переход из одного состояния в другое, то для восточных славян *сон* и *вечный сон / вічний сон* являются атрибутами потустороннего мира и символизируют смерть. Все это приводит к тому, что концепт СМЕРТЬ частично пересекается с концептом СОН в результате отождествления отдельных их концептуальных составляющих.

Наиболее же значимые образные ассоциации сна в восточнославянских картинах мира связаны с 1) жидкостью (*сон тает / тане, сон течет / тече*); 2) вещью (*видеть / бачити сон*); 3) живым существом (*сон пришел / прийшов; сон спустился / спустився*); 4) феноменом, находящихся вне понимания человеком (*сон нагрянул / налетів*). В западногерманском миропонимании сон воспринимается либо 1) как вещь (*to dream a dream / träumen des Traums*); 2) феномен, находящийся вне понимания человеком (*a dream / sleep dawns upon somebody*). Таким образом, гетерогенный ассоциативный ряд для восточных славян и широкая аксиологически маркированная структура семантики данного концепта (от позитивного до негативного) доказывает большую важность концептов СОН в восточнославянских картинах мира, в сравнении с западногерманскими. Вместе с тем отметим, что отсутствие сна никак не считается позитивным для данных этносов (ср.: *бессонная ночь / безсонна ніч, a sleepless night*). В тоже время МЕЧТА, с точки зрения рассматриваемых этносов, хотя и не является жизненоважным явлением – ее отсутствие не воспринимается однозначно негативно.

Концепты МЕЧТА / МРІЯ сочетаются с единицами, которые не имеют четко выраженного отрицательного колорита. Они подчеркивают недосягаемость и неосуществимость желаемого или желанного: *нереальная / нездійсненна, далекая / далека, недостижимая / недосяжна, безнадежная / безнадійна, недоступная / недоступна, утраченная / втрачена, невозможная /*

неможлива, нереальная / неспроможна, фантастическая / фантастична, неразделенная / нерозділена.

В восточнославянских картине мира концепты МЕЧТА / МРІЯ содержит периферийный слот НАДЕЖДА / НАДІЯ. Это подчеркивает стремление представителей этих этносов осуществить что-то или добиться чего-то в будущем. Наличие слота НАДЕЖДА / НАДІЯ является свидетельством того, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление.

Особого внимания заслуживает слот TRANCE, который отмечается максимальным эмоционально-психологическим колоритом. Он по-новому высвечивает концепты DREAM / TRAUM и отображает подсознательное стремление индивида, а именно такое состояние, когда человек попадает в другое измерение, как будто в параллельный мир, границы которого переплетаются с реальностью. Подобные коннотации частично присущи также слоту ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ.

В результате сопоставления ключевых признаков и дефиниций, которые составляют семантическую основу концептов DREAM, TRAUM, SLEEP, SCHLAF, СОН, МЕЧТА и МРІЯ, были выявлены как изоморфные, так и алломорфные черты. Лексемы, которые их вербализуют, обозначают как физиологический процесс сна, так и эмоционально-психологические события, которые происходят в сознании человека во время этого процесса. Они имплицируют мечту о чем-то желаемом, приятном, ожидаемом или неизбежном.

На материале сопоставленных языков изоморфными выступают слоты СОН (физическое состояние), СНОВИДЕНИЕ / СНОВИДІННЯ, МЕЧТА / МРІЯ и ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ / ЖАДАНИЙ ОБ'ЄКТ, ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ, TRANCE. Алломорфные элементы содержатся в слотах HALLUCINATION / HALLUZINATION концепта DREAM / TRAUM и слотах МЕЧТАНИЕ / МАРЕННЯ, ОБОЛЬЩЕНИЕ / ОМАНА и СТРЕМЛЕНИЕ / ПРАГНЕННЯ концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ.

Заметим, что единицы, используемые для вербализации рассмотренных концептов – абстрактные существительные – принимают прототипическую семантику мотивирующего глагола и в истории языков совпадали с ним по своему лексическому со-

ставу (ср. [Черкашина 2007 : 12-13]). Затем произошло развитие значения имени, которое имеет разное направление в соответствующих лингвокультурах: в восточнославянских – от состояния к кванту этого состояния (*сон: состояние > виденье во время этого состояния*); в западногерманских – от кванта состояния к состоянию (*dream / Traum: образ, виденье в определенном состоянии > наименование этого состояния*). В семантической структуре имени концепта СОН приоритетной является сема “состояние”, в английской и немецкой лексемах *dream / Traum* – сема “образ, виденье”, что позволяет говорить о важности разных базовых концептуальных признаков концептов СОН / DREAM / TRAUM в сознании носителей соответствующих лингвокультур. Прототипическая прослойка концептов СОН (“определенное состояние”) в сознании носителей украинской и русской лингвокультур на протяжении веков остается неизменным, в то время как прототипическая прослойка концепта DREAM / TRAUM (“образ, виденье в определенном состоянии”) в сознании носителей английской и немецкой лингвокультур с течением времени изменился достаточно сильно, сохранив лишь общий коннотативный признак “немного странно”.

Рассмотренные концепты сквозь призму сознания украинских студентов

Для выявления понимания на эмпирическом уровне сходства и отличий между рассматирваемыми концептами в марте-апреле 2008 года было проведено анкетирование 50 студентов III – V курсов Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, которые обучались по специальности “Перевод (английский язык)”. Оно показало, що СОН для них – *відпочинок* (30 опрошенных), еще для 5 – *відновлення сил*, для 6 сон – это *мрія*, указывались также *життя* (2 человека), *смерть* (3 опрошенных), *ілюзія* (1 студент), *бажання* (1 ответ), *здійснення нездійсненої реальності* (1) и т.д. Студенты видят *спокійні* (4), *здорові* (3), *кольорові* (3), *солодкі* (2), *неясні, ефемерні, різні, білі, м’які, легкі, бадьорі, цікаві* и *8-годинні* сны, которые ассоциируются у них с *ліжком, постіллю, подушкою, зорями, ніччю*. Сон напоминает им *про поеми Шевченка* (3),

п'єси Шекспіра (3), *З. Фрейда* (3), *свідомість* (2), *підсвідомість* (2). Во сне они видят *рожевих слонів, жахи, дівчат* и *машини*.

МРІЯ же для опрошеных это – *бажання* (12), *сон* (4), *сподівання, віра* (2), *ціль* (9), *приємні думки* (3), даже *нереальність, задоволення, радість, щастя* (2). МРІЯ оценивается положительно, как *справжня, блискуча, ніжна, тепла, світла, пухнаста, велика, нешкідлива*. Однако, она может быть *далекою* (2) и *недосяжною* (2). Асоциируется МРІЯ также с *печивом* (4) и именем *Марія* (2). Мечтают же студенты о *літаках* (3), *коханні* (2), *островах, машинах, віллах, депутатстві, жінках* и о *перемозі збірної України по футболу*.

Можно также утверждать, что во время изучения иностранных языков у студентов сформулировалось представление об английской и немецкой картинах мира соответствующих языков. Так, для 60% опрошеных английское DREAM связано со сном, а у 30% – с мечтой. Англичане, по мнению студентов, мечтают *про машини, жінок, рожеві замки, море, пляж, пісок, сонячний світ*. DREAM для них выступает *неосяжною, рожевою, пухнастою, блакитною, американською, чудовою, цікавою, смішною, індивідуальною, гарною, казковою* и *яскравою*.

Что касается немецкого TRAUM, то ответы принциально не отличались от английского DREAM за исключением большего количества звукових ассоциаций: *der Baum, траур, трамвай, травма, темперамент, звук воды*.

Предложенные единицы SLEEP, SCHLAF, русская СОН не показали принципиальных отличий от понимания украинской СОН. Это же касается и украинской МРІЯ и русской МЕЧТА.

Выводы

Итак, анализ вербальных репрезентантов концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ с помощью средств современных восточнославянских (русского и украинского) и западногерманских (английского и немецкого) языков дает новые сведения о конфигурации квазиреального мира в представлении данных народов. Сон превращается в своеобразный параллельный мир, который воссоздает сферу подсознательных чувств, воспоминаний и мечтаний индивида. Сон становится неким призраком

прошлого или будущего с размытыми и нечеткими границами. Однако, если МЕЧТА / МРІЯ, DREAM/ TRAUM имеют позитивное наполнение, то СОН в восточнославянских лингвокультурах такой однозначности лишен. Если же что-то человек видит в мечтаниях, то это значит, что он не отрицает возможности осуществления мечты и предпринимает шаги для ее реализации. Таким образом, для восточных славян по сравнению с западными германцами характерно более четкое противопоставление *сна* как предвестника неизбежного и *мечты* как приятного, ожидаемого для индивида желания, поддерживающегося верой в будущее.

Следовательно, вербализации рассмотренных концептов в восточнославянской и западногерманской картинах мира позволяют обнаружить изоморфные и алломорфные черты восприятия квазиреальности носителями соответствующих языков. Ирреальный мир порождается вне конкретной нации, но вербализуется определенным социумом и характеризуется этнокультурными особенностями – восприятием, осмыслением и оценкой мира, отражая систему индивидуально-личностных устремлений и ценностей представителей не только разных этносов, но и эпох.

Литература

Близнюк О. О. Концепти ЖИТТЯ і СМЕРТЬ: лінгвокультурологічний аспект (на матеріалі паремійного фонду української та італійської мов): автореф. дис. … канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.

Бондаренко О. С. Концепти ЧОЛОВІК і ЖІНКА в українській та англійській мовних картинах світу: Автореф. ... дис. канд. філол. наук. – Донецьк, 2005. – 19 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу. – К.: Логос, 2004. – 284 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка: Фреймовые сети // Проблеми прикладної лінгвістики. – Одеса: Вид-во Одес. нац. ун-ту ім. І.І. Мечникова, 2004. – С. 81 – 92.

Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – С. 8 – 101.

Кривенко Г. Л. Зоосемізми в англійській та українській мовах: семантико-когнітивний і функціонально-прагматичний аспекти. – К., 2006. – 20 с.

Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.

Опарина Е. О., Сандомирская И. И. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Profilowanie w jezyku i w tekscie. – Lublin, 1998. – С. 373 – 379.

Пальчевська О. С. Концепт ШЛЯХ в англійській, французькій та українській мовах. – Донецьк, 2006. – 20 с.

Панасенко Н. І. Когнітивний ракурс семантики у романських, германських і слов'янських мовах // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Вип. 5. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – С. 134 – 142.

Потебня А. А. Думка й мова // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. / За ред. М. Зубицької. – Вид. 2-е. – Львів: Літопис, 2001. – С. 34 – 54.

Старко В. Ф. Концепт ГРА в контексті словянської і германської культур (на матеріалі української, російської, англійської та німецької мов). – К., 2004. – 16 с.

Черкашина Э. А. Вераблизация концепта СОН / DREAM в русской и английской культуре. – Ставрополь, 2007. – 25 с.

Щербань М. Т. Лексичні засоби інтенсифікації висловлювання // Мовні концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. / Київський ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2004. – № 10. – С. 253 – 257.

Список лексикографических источников

Англо-український фразеологічний словник: Близько 30000 фразеологічних виразів / К. Т. Баранцев (уклад.); Л. В. Кирпич (відп. ред.). – К.: Знання, 2005. – 1056 с.

Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: ВТФ „Перун", 2004. – 1440 с.

Словник синонімів української мови. У 2 т. / А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Гловащук та ін. / НАН України. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, Інститут української мови. – К.: Наукова думка, 2001. – 950 с.

Kunin A. V. English-Russian phraseological dictionary: 4th Edition, Revised and Enlarged. – Moscow: Russky Yazyk, 1984. – 944 p.

Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови. – К.: Вища школа, 1984. – 384 с.

Этимологический словарь Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasmer.narod.ru/p405.htm

A Dictionary of Symbols / Ed. by J. Chevalier, A. Gheerbrant. – L.: Blackwell Publishers, 1994. – 1175 p.

BBC English Dictionary / Ed. by J. Sineclair et al. – HarperCollins Publisher Ltd, 1993. – 1371 p.

Collins Cobuild English Language Dictionary. – L.-Glasgow: Harper Collins Publishers, 1987. – 1704 p.

Cambridge International Dictionary of English / Ed. by P. Procter. – Melbourne: Cambridge University Press, 1995. – 1773 p.

Duden Deutsches Universal Wörterbuch A-Z / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. D. Dudenred. unter Leitung von Günther Dosdowski. [Unter Mitw. von Maria Dose ...]: 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverl., 1989. – 1816 S.

Duden Band 7 / Etymologie. – Manheim, 1963.

Duden Band 11. – Manheim, 1992.

Langenscheidt Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 2003. – 1254 S.

Longman Dictionary of English Idioms. – L.: Longman, 1996. – 387 p.

Longman Dictionary of English Language and Culture / Ed. by D. Summers. – Harlow: Longman, 1992. – 1528 p.

Merriam Webster's Collegiate Dictionary. – Springfield: Merriam Webster Inc, 1994. – 1560 p.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by J. Growther. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1430 p.

Skeat W. W. The Concise Dictionary of English Etymology. – L.: Wordsworth Reference, 2007. – 643 p.

The Chambers Dictionary. – Edinburgh: Harrap Publishers Ltd., 1993. – 2060 p.

The Oxford Collocations (dictionary for students of English) / Ed. by D. Powell. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 897 p.

The Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Vol. 2. Phrase, Clause and Sentence idioms / Ed. by A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 685 p.

The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C. T. Onions. – Oxford: Oxford University Press 1996. – 1025 p.

The Oxford English Dictionary: 2nd Edition. – Vol. IV / Ed. by J. A. H. Murray, H. Bradley, W. A. Craigie, C. T. Onions. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 1144 p.

The Oxford Russian Dictionary / Ed. by P. Falla. – Oxford-Moscow: Oxford University Press, 1999. – 738 p.

5.6. КОНЦЕПТ *ХАРИЗМА* В НЕМЕЦКОЙ, РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Петлюченко Н. В.

Явление харизмы ранее входило в области исследований гуманитарных наук, а именно богословия, философии, социологии, психологии и др. При этом богословы указывали на божественные, благодатные (духовные и моральные) свойства харизмы, философы акцентировали внимание на иррациональных, первоначально инстинктивных, свободных от социальных детерминант, пассионарных проявлениях этого феномена, социологи и историки устанавливали характеристики харизмы политического лидера, выделяли ее врожденный и приобретенный признаки. В настоящее время антропологи связывают харизму с популярностью, шармом, привлекательностью, флюидностью личности, которые можно использовать в пиар технологиях для создания харизматического имиджа публичной личности, в частности лидера-женщины [Петлюченко 2009].

В целом, выделяют две основных разновидности харизмы: *личностная* харизма, которая связана с привлекательностью человека и присуща почти с рождения как публично известным фигурам (кино-

звездам, футбольным кумирам и др.), так и любому другому человеку, а также *политическая* харизма, которая детерминирована социально и основана на исключительных лидерских свойствах политика на переломных этапах развития общества. В данной статье предметом анализа является личностная харизма и способы концептуализации понятия ХАРИЗМА в западной и славянской лингвокультурах.

Самое распространенное толкование харизмы в обыденном языке связывается, прежде всего, с понятием *обаяния* “ трудно-объяснимой притягательностью человека, которая явно проявляется в его внешнем облике, стиле поведения, манере общения и т. п. Часто обаятельным может казаться человек, который при более близком знакомстве оказывается весьма отталкивающей личностью. Это означает, что, опираясь на какие-то черты его внешности, мы наделили незнакомца определенными внутренними свойствами, в действительности ему не присущими. Истинное обаяние включает в себя наличие определенных внутренних черт, явно выраженных во внешнем облике человека, и поэтому легко диагностируемых окружающими при самом поверхностном контакте. Главную из них в самом общем виде можно было бы определить как доброжелательный интерес к людям, желание войти в контакт, то, что в английском языке обозначается словом *appeal* (привлекательность, притягательность) [Кочнев 1986 : 153-154].

Феномен обаяния может быть объяснен, в первую очередь, этологическими причинами. Так, обаятельного человека можно охарактеризовать как дружелюбного, с высоким ранговым потенциалом. То есть в мозаике особенностей поведения такого человека, при всей ее общей высокоранговости, признаки внутривидовой агрессивности ослаблены, а альтруистические качества – наоборот, заметно выражены. Обаятельная личность – это редкая разновидность личностей – высокоранговых альтруистов. Кстати, это наиболее желательный набор для хорошего лидера. В феномене обаятельности непременно присутствует и гендерный компонент. С одной стороны, обаятельными мы чаще называем физически совершенных людей, с другой, оценка обаятельности может сильно различаться от пола оценивающего. Мужчины чаще называют обаятельными женщин, а женщины – мужчин [Koppetsch 2000 : 34].

Необходимо подчеркнуть, что обаяние не является признаком, прямо коррелирующим с нравственными достоинствами личности. Можно быть очень хорошим, умным и добрым человеком, одновременно лишенным выраженных примет обаяния. При этом речь должна идти о гораздо более широком спектре человеческих черт, ярко выраженная воплощенность которых во внешнем облике человека делает его обаятельным. Это *социально одобряемые*, в определенном смысле, *идеальные* черты, т. е. которые данная социальная общность особенно ценит и которых ей как раз недостает. Перечень этих черт меняется в различные исторические эпохи, он различен для разных социальных групп. Некоторые из этих черт привлекательны для сравнительно узких групп людей, другие для очень и очень широких [Кочнев 1991 : 108].

Так, например, современник и друг Эйнштейна Макс Борн писал: "Идеи Эйнштейна дали физической науке импульс, который освободил ее от устаревших философских доктрин и превратил в одну из решающих сил современного мира людей". При этом все окружающие гения люди находились под глубоким гипнозом *обаятельной личности* Эйнштейна. Его скромность и самокритичность околдовали их. В письме к Морису Соловину от 28 марта 1949 г. Эйнштейн писал: "Вам кажется, что я взираю на труд моей жизни со спокойным удовлетворением. Вблизи все это выглядит иначе. Нет ни одного понятия, в устойчивости которого я был бы убежден. Я не уверен вообще, что нахожусь на правильном пути. Современники видят во мне еретика и реакционера, который, так сказать, пережил самого себя. Все это, конечно, вопрос моды и объясняется их недомыслием. Но чувство неудовлетворенности поднимается во мне и изнутри. Впрочем, иначе и быть не может, если ты критически относишься к себе" [Хофман 1981 : 54].

Для своих учеников и близких коллег выдающийся экономист Л.В. Канторович, лауреат Нобелевской премии по экономике, всегда был образцом честности, бескомпромиссности и твердости в науке, объективности и трудолюбия. Подкупающими чертами его личности были исключительная доброта, простота и легкость общения, скромность и даже застенчивость. Он с удовольствием ра-

ботал с молодежью, и молодежь тянулась к нему. Воздействие его обаятельной личности и выдающегося интеллекта было чрезвычайно сильным. Для огромного числа его учеников и последователей работы Л.В. Канторовича определили характер научного мышления и деятельности на всю жизнь [Кусраев и др. 2001].

Необъяснимое влечение к человеку, симпатия, часто связывается с понятием “флюиды”, которое в обыденном языке передается словами “излучение”, “волны”. Оно возникает, если человек вызывает у нас симпатию, ощущение духовной близости с ним (для этого даже необязательно разговаривать с ним), при этом мы испытываем большую готовность к открытым и искренним отношениям. Существующие в языке выражения “от него исходят флюиды” или “в воздухе витают флюиды” позволяют нам, таким образом, облечь нашу мысль о бессознательном влечении к нечто материально существующему, придать ему форму волны или лучей, тем самым, попытаться описать такой тип воздействия как *реально* ощущаемый [Dombrowski 2001 : 124-125].

С научной точки зрения флюиды (от лат. *fluidus* – текучий) представляют собой жидкие и газообразные легкоподвижные компоненты магмы или циркулирующие в земных глубинах насыщенные газами растворы. Предполагается, что в составе флюидов преобладают перегретые пары воды, присутствуют фтор, хлор, углекислота и многие др. вещества. Также под флюидами понимается гипотетическая жидкость, с помощью которой до 18 в. объясняли явления тепла, магнетизма, электричества [http://www.gornoe-delo.ru/encyclopaedia/view2.php?fEnId=230].

Эзотерические учения рассматривают флюиды в качестве самых малых частичек энергии-материи. Они вместе с частичками Света образуют силовые поля и являются переносчиками огненной информации. В организме человека флюиды строят из себя самые тончайшие органы из Светлой и Огненной материи: Сушумна, Оджас-Рингсе, Чашу, Тероид-Наития и разнообразные огненные струи и тончайшие нити, соединяющие сакральные точки человека с Космосом. По представлению спиритов флюид представляет собой нервный, психический ток, который излучает человеческое тело [http://ariom.ru/wiki/Fljuid].

В обыденном языке харизма часто ассоциируется с понятием *аура*. В эзотерике под аурой подразумевается “тонкая невидимая субстанция, истекающая из человеческих и животных тел”, а в переводе с греческого слово аура (др. греч. αὔρα, лат. *aura*) означает “дуновение ветерка”, т. е. “поток”. В восточной философии, откуда, собственно говоря, и пришло слово “аура”, истечение тонкой субстанции или тонкой материи именуют еще *эманацией*. Кроме того, в качестве отличительного признака эманация наделена категорией *аромата*. Физически аромат представляет собой вибрацию, или колебание, среды, вызванное истечением эманации. Истекать же эманации могут только из материальных тел, будь то человек, животное, растение или минерал.

Концепт ОБАЯНИЕ относится к модально-оценочным категориальным концептам, понятийными составляющими которого является *эстетическая оценка* и *идеал*. Данный концепт по-разному толкуется в различных культурах и ассоциируется, прежде всего, с яркой, (не обязательно красивой) внешностью человека, индивидуальным стилем поведения, приятной манерой общения, эмоциональным состоянием радости или воодушевления, которое выражается в определенных характеристиках голоса, мимики и жестах. Опираясь на какие-то черты внешности, мы можем наделять человека определенными внутренними свойствами, которые в действительности ему могут не быть присущими. Истинное обаяние включает в себя также наличие определенных внутренних черт, явно выраженных во внешнем облике человека и называемых А. Менегетти *организмическим состоянием благодати* [Менегетти 2007 : 281]. Такое состояние благодати отражают определенные феноменологии – ярко выраженная физическая привлекательность, светящиеся глаза, блестящие волосы, пышущее здоровьем тело, которые притягивают к себе все вокруг. При этом обычные люди не подпитываются целенаправленно, они просто купаются в чужой энергетике, если энергия в избытке переливается через край. Предоставляя избыток энергии людям, возможно добиться их расположения. Люди, привыкшие, как правило, отдавать энергию, всегда радуются и притягиваются к “источникам”, дающим энергию. Именно к таким источникам

относятся так называемые *магнетические* или *харизматичные* личности. Про них говорят: они обладают каким-то необъяснимым обаянием, магнетизмом. “Это не удивительно. Что у человека вызовет большую симпатию: лужа с застойной водой или чистый родник? Ответ ясен. Харизматическая личность, притягивая и пропуская через себя свободную энергию, одаривает ею окружающих. Окружающие, в свою очередь, на подсознательном уровне чувствуют это и проникаются симпатией к харизматической личности, приписывая ей при этом весь тот заряд положительной энергии, который они получили от нее” [Зеланд 2006].

В настоящее время концепт *харизматическая личность* приобрел особое значение, так как многие люди полагают, что современная жизнь регламентируется не столько законами, сколько влиянием харизматически одаренных (в нравственном смысле) личностей. Такая трактовка харизмы противоречит положениям Макса Вебера, который полагал, что харизма является нейтральным концептом, тогда как Ю.С. Степанов подчеркивает наличие обязательной нравственной нагрузки, нравственной обаятельности у харизматика. С такой трактовкой сложно согласиться, поскольку харизматическое влияние личности может рассматриваться с точки зрения различных нравственных категорий, в том числе и безнравственных. Здесь Ю.С. Степанов подчеркивает опасность проявления харизмы, если харизма не от Бога [Степанов 2004 : 761]. В таком случае, пишет автор, харизма ассоциируется с “чарами”, злым колдовским воздействием.

Концепт *ХАРИЗМА* в своем развитии тесно соприкасается с концептом *Гений*, но их развитие как бы зеркально противоположно. В то время как понятие о гении (на определенном этапе, не в начале своего пути) выражает какую-либо одну сторону духовной личности человека и потому при слове гений требуется какое-то конкретное определение (напр., литературный гений Толстого, поэтический гений Пушкина, гений Рембрандта в живописи), и лишь в конце своего пути начинает означать одаренного человека в целом (Пушкин – гений, Рембрандт – гений), понятие о харизме развивается иначе: сначала оно означает некий неделимый духовный дар, “благодать Божию” вообще, а затем – различные конкрет-

ные проявления этой благодати в человеке. Без взаимосвязи понятий гений и харизма нельзя уяснить ни того, ни другого [Степанов 2004 : 756].

В словаре французского языка слово *charisma* соседствует со словом шарм *charme*, что, как пишет Ю.С. Степанов, подчеркивает их концептуальное сходство [Степанов 2004 : 759-761]. В толковом словаре немецкого языка Duden слову харизма *Charisma* предшествует слово *Charis*, что так же определенным образом может натолкнуть на их некую взаимосвязь, исходя из наличия общего корня. Подчеркнем, что в древнегреческом языке слово χάρις означает "притягивать к себе внимание". Оно восходит к слову *хариты*, которым в древнегреческой мифологии именовались три богини красоты и изящества. Еще в Древней Греции люди, обладавшие харизматическими качествами, считались любимцами богов, которые помогали своим избранникам добиваться необыкновенных успехов. Таким образом, все три слова *charis*, *charisma* и *charme* совпадают в таком общем семантическом компоненте как привлекательность, притяжение, излучение, характеризующее общее свойство человека очаровывать, увлекать, вести за собой, подчинять своей власти, всецело владеть его вниманием и т.д. Причем такой вид влияния носит характер "неотразимого" (*unwiderstehlich*) и "соблазняющее "прельщающего" (*verlockend*) [Etymologisches Wцrterbuch des Deutschen 1989 : 241].

Англо-русский словарь В.К. Мюллера фиксирует значения слова *charisma* как: 1) рел. Божий дар, 2) искра Божья, обаяние; умение вести за собой, управлять и т.п., 3) гениальность (о художественном даре или исполнении). Но в русском быту, пишет Ю.С. Степанов, это понятие оставалось незамеченным. Напротив, французы, вероятно не без влияния английского языка, восприняли его и, как обычно, не преминули обыграть политически. "Словарь новых слов" Пьера Жильбера [Le Robert 1980] определяет *charisma* (произносится с начальным [к]), м.р., как *влияние, сила воздействия* (букв. сияние – *rayonnement*) исключительной личности. Определяется также прилагательное *charismatique* "харизматический" и приводятся примеры: "Г-н Помпиду не является фигурой харизматической, как генерал де Голль"; "…Это то, что современ-

ные социологи вслед за Максом Вебером называют “харизматическим” лидером, т.е. лидером, одаренным “божественной благодатью свыше”, свойственной лишь пророкам, основателям религий и пламенным провозвестникам божественного откровения” (газета Монд, 31-5-66). В словаре Эрнста Борнемана “Sex im Volksmund: die sexuelle Umgangssprache des deutschen Volkes” понятие “привлекательность” (нем. *Anziehungskraft)* рассматривается в сексуальном аспекте. Мы находим такие толкования привлекательности как “*das gewisse Etwas*”, “*Hochspannung*”, “*Liebhaberwert*”, “*Magnetfeld*”, “*persönlicher Magnetismus*” и др. [Bornemann 1971].

Рассматривая семантику и способы вербализации концепта ОБАЯНИЕ в западной языковой картине мира, можно определить, что концепт CHARM в английской лингвокультуре определяется такими понятиями, как *magic power*, *occult influence*, *incantation*, *enchantment*, *attractiveness*, *appeal*, *charisma*. При этом харизма за рамками религиозного и политического дискурсов обозначает неотразимую привлекательность человека (*compelling attractiveness*), способное вызвать преклонение у других (*can inspire devotion in others*). Дифференциальными признаками данного концепта в английском языке выступают MAGIC POWER, CHARMINGNESS, ATTRACTIVENESS, APPEAL [Сафьян 2012 : 253].

В немецкой лингвокультуре концепт AUSSTRAHLUNG интерпретируется в таких понятиях, как (1) *Attraktivität*, *Faszination*, *Anziehungskraft*, *Charme*, *Präsenz*, (2) *Strahlkraft*, (3) *Charisma*, *Erscheinungsbild*, *Design*, *Aura*, (4) *sexuell-erotische Ausstrahlung*, *Sexappeal*, *sexuelle Anziehungskraft*. Человек, у которого отсутствует обаяние, характеризуется как *ausstrahlungsfreie Person*, *Graue Maus*, *Mauerblümchen*, *unscheinbares Frauenzimmer* и т.д. Синонимический ряд концепта AUSSTRAHLUNG составляют такие понятия, как *Stimmung*, *Atmosphäre*, *Flair*, *Fluidum*, *Emanation*, *Begnadung*. Основными конституентами этого понятия в немецком языке являются ATTRAKTIVITÄT, ANZIEHUNGSKRAFT, CHARME, PRÄSENZ [Сафьян 2012 : 254].

Концепт *ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ* в славянской культуре является относительно новым, и само словосочетание

может рассматриваться как неологизм [Степанов 2004 : 759-761]. В английском и французском языках соответствующие выражения давно утвердились, а понятие “харизма” имеет двухтысячелетнюю историю в языке христианской церкви. В словаре “Константы: словарь русской культуры” этот концепт анализируется в связи с обсуждением понятия “Закон”. Прежде всего, закону формальному, юридическому, противопоставляется *правда* – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть, пишет Ю.С. Степанов. С другой стороны, когда закон торжествует, когда появляется наказанный преступник, то к концепту *закон* присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение *несчастья наказанного*. В-третьих, формальному закону противопоставляется – не ею самою, а в сознании окружающих – нравственная, моральная личность, увлекающая за собой других, – *харизматическая личность*. Под харизматической личностью понимается личность нравственно обаятельная, увлекающая за собой других (будь то в обыденной жизни, искусстве или политике) [там же : 599].

В русской лингвокультуре концепт ОБАЯНИЕ определяется через понятия ОЧАРОВАНИЕ, которое понимается как ПОКОРЯЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ, ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА, КОЛДОВСКАЯ СИЛА. В русских словарях слово “обаяние” известно с XVIII в., но его корни уходят в XII – XIII вв. Древние русичи называли “баюнами” волхвов или колдунов, от этого слова произошел глагол “баяти”, что означает колдовать (отсюда обаяние – “колдовство”, “чародейство”). В XVIII в. обаятельными стали называть людей, обладавших сильным покоряющим влиянием. Необходимо отметить, что в русской литературе слово *зелье* использовалось по отношению к женщине для характеристики ее как соблазнительной, привлекательной, напр., *зелье-баловница*, *зелье-девка* [Ушаков].

В понятийном аспекте концепт ЧАРІВНІСТЬ или ЧАРІВЛИВІСТЬ в украинской лингвокультуре связывается с семантикой слова *чари* (чары; очарование, обаяние; волшебство), которое включает в себя магические средства (*приворотне зілля*, *приворот-зілля*, *приворотень*) или магические действия и приемы (*приворот*), с помощью которых колдуны (*чаклуни*) способны повлиять

на ход событий, людей и природу [Жайворонок 2006 : 948-949]. В свою очередь, *чаклун* или *чарівник* это человек, который делает что-то очень легко, ловко и может очаровать (*зачарувати*) других, то есть действовать, влиять на кого-то своими чарами. Когда-то колдунов называли *обаятелями* (от *бáяти* – "говорить", *обаяніє* – "заклинания у заклинателей"). Основными составляющими концепта ЧАРІВНІСТЬ в украинском языке являются МАГІЧНІСТЬ, ЧАРІВНИЦТВО, ПРИВАБЛИВІСТЬ.

Выводы

Таким образом, в западной и славянской лингвокультурах ценностные характеристики личностной харизмы связаны с понятием *привлекательности* или *обаяния*. В феномене привлекательности активными являются гендерный и этноспецифический компоненты. В результате делаем вывод о том, что концепт ХАРИЗМА в западной и славянской лингвокультурах совпадает в таком общем семантическом компоненте, как *чары* (англ. *charm*, нем. *Charme*, рус. *очарование*, укр. *чарівність*) и определяется свойствами человека привлекать, очаровывать, восхищать своими внутренними или внешними свойствами. Контрастность этих свойств будет определяться, в первую очередь, специфическим национально-культурным кодом в каждой лингвокультуре, а также различными видами дискурса (актерский, политический, спортивный, медийный и др.), где указанный концепт находит свое воплощение в соответствующих вербальных (лексика, синтаксис), паравербальных (интонация, темп, жестикуляция, мимика) и экстралингвальных (одежда, осанка, походка, дистанция) способах, используемых харизматической языковой личностью для *создания обаятельного образа*. Также контрастные черты будут проявляться в наборе тех языковых и параязыковых средств, которые *разрушают* этот образ (например, неприятный или необычный голос, неприятный внешний вид, гримасы, непоследовательность мыслей и др.). Отдельный компонент в образе обаятельного человека составляет феномен *улыбки*, который также в каждой лингвокультуре обладает определенным набором общих и различных черт.

Литература

Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: словник-довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.

Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступень III: Вперед в прошлое. – СПб.: Весь, 2006. – 224 с.

Кочнев В. И. Исследование динамических характеристик эмоциональной реактивности в связи с проблемой актерских способностей // Вопр. психологии. – 1986. – № 5. – С. 153 – 160.

Кочнев В. И. Понятия сценической заразительности, убедительности и обаяния в системе К. С. Станиславского // Вопросы психологии. – 1991. – № 11. – С. 108 – 115.

Кусраев А. Г., Кутателадзе С. С. Л. В. Канторович и наука об управлении. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2002_3/kusraev.shtml

Менегетти А. Проект "Человек": пер. с итал. – М.: БФ Онто-психология, 2007. – 336 с.

Петлюченко Н. В. Харизматика: мовна особистість і дискурс: монографія. – Одеса: Астропринт, 2009. – 464 с.

Саф'ян Ю. О. Лінгвокультурний концепт "*ЧАРІВНІСТЬ/CHARM*" в українській та англійській мовній картині світу // XI Міжнародна наукова конференція "Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація". – Харків: Вид-во ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. – С. 253 – 255.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3-е испр. и доп. – М.: Акад. процесс, 2004. – 992 с.

Сучасний тлумачний словник української мови / за заг. ред. В. В. Дубчинського. – Х.: ШКОЛА, 2006. – 1008 с.

Толковый словарь Ушакова онлайн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19326.

Хофман Б. Альберт Эйнштейн. Творец и бунтарь. – М.: Мир, 1981. – 126 с.

Bornemann E. Sex im Volksmund: die sexuelle Umgangssprache des deutschen Volkes. Wörterbuch und Thesuaurus / Ernst Bornemann. – Hamburg: Rowohlt Verlag, 1971. – 700 S.

Dombrowski T. Charisma. Das Geheimnis der persönlichen Ausstrahlung / Theodor Dombrowski. – Bergisch Gladbach: Lübbe, 2001. – 260 S.

Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd. A-G. – 621 S.

Koppetsch C. Körper und Status: zur Soziologie der Attraktivität. – Konstanz: UVK, Univ. – Verl. Konstanz, 2000. – 295 S.

The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. – Oxford: University Press, 1971.

ГЛАВА VI
КОНЦЕПТЫ
В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

6.1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

Карасик В. И.

Равенство – центральное звено в девизе Великой французской революции “Свобода, Равенство, Братство”. В этом контексте свобода является необходимым условием для достижения равенства, а равенство в свою очередь предполагает построение идеальных общественных отношений – братства.

Осмысление социального равенства с давних пор интересовало людей. Этой проблеме посвящено множество философских, этических, политологических, психологических и социологических исследований [см. обзор: Шахназаров 1983; Федотова 2001; Gosepath 2010]. В данной работе социальное равенство рассматривается как лингвокультурный концепт – квант переживаемого знания [Брицын, Зимовец, Яворская 2009; Вежбицкая 1999; Воркачев 2001, 2007; Демьянков 2001; Карасик 2004; Колесов 2004; Красавский 2008; Ляпин 1997; Пименова 2004; Приходько 2009; Слышкин 2004; Степанов 1997; Шмелев 2002]. Как и многие другие регулятивные концепты, РАВЕНСТВО представляет собой один из полюсов диалектической диады, в данном случае “РАВЕНСТВО – НЕРАВЕНСТВО”.

В понятийном плане РАВЕНСТВО – это параметрический концепт, представляющий собой результат сравнения двух или более объектов. Обратимся к словарям.

Равенство – 1. Одинаковость, полное сходство (по величине, количеству, качеству, достоинству и т.п.). *Равенство прав. Равенство сил. Равенство отношений. Равенство треугольников.* 2. Равное положение людей в обществе. *Социальное равенство.* 3. Матем. Соотношение между величинами, показывающее, что эти величины взаимозаменяемы. *К равенствам относятся уравнения и тождества* [БТС].

Equality – 1. a. The condition of being equal in quantity, magnitude, value, intensity, etc. *Their votes… would bring the supporters and the antagonists… very nearly to an equality*. b. *Math.* A symbolic expression of the fact that two quantities are equal; an equation. 2. The condition of having equal rank, power, excellence, etc., with others. *Ye are all equal... Equality is your birth-right* [SOED].

Мы видим, что в русском и английском лексикографических источниках выделяются одинаковые признаки, характеризующие сравниваемые объекты в общем, в социальном и математическом аспектах. В английском словаре характеристики социального равенства показаны более подробно.

Идея равенства в русском языке уточняется в тематическом поле сходства и различия, образуемом прилагательными *“равный”, “тождественный”, “одинаковый”, “сходный”, “аналогичный”, “адекватный”, “аутентичный”, “идентичный”*. В словаре синонимов русского языка слова “одинаковый” и “равный” толкуются как “точно такой же, как другой в каком-л. отношении. Слово “одинаковый” указывает на полное сходство между кем-, чем-л., на полное совпадение каких-л. признаков, свойств кого-, чего-л., “равный” – на полное соответствие в чем-л. и употребляется по отношению к тому, что сопоставляется, сравнивается с точки зрения величины, размера, силы и степени проявления какого-л. признака, качества, состояния (в отличие от слова “одинаковый” не употребляется для характеристики кого-, чего-л. с точки зрения конкретных качеств, достоинств – ср. *Глаза одинакового цвета* и **Глаза равного цвета*) [ССРЯ]. Слова “тождественный”, “адекватный”, “идентичный” относятся к явлениям, понятиям, суждениям и означают полное совпадение по содержанию, смыслу и т.д. [ССРЯ]. “Сходный” – имеющий общие или подобные черты; похожий, подобный. *Сходные характеры, суждения*. “Аналогичный” – представляющий сходство, подобие между предметами, понятиями и т.п. *Полная, частичная аналогия с чем-л.* Прилагательные “тождественный” и “идентичный” обозначают полное сходство или точное соответствие предметов, явлений и т.п. В слове “аутентичный” акцентируется соответствие подлинному (*Аутентичный текст. Аутентичный перевод*), в слове “идентичный” – точное

соответствие. “Адекватный” значит вполне соответствующий чему-л. (условиям, обстановке и т.п.); совпадающий; равный. *Адекватные понятия, реакции. Адекватный ребенок (с такими реакциями, понятиями)*. В современном обиходе распространены слова “неадекватный” – не соответствующий нормам поведения, “неадекватно”. *Вести себя неадекватно* [БТС]. Семантика приведенных слов характеризует отношения между сравниваемыми объектами по следующим признакам: 1) степень соответствия – от частичного до полного сходства, 2) полнота соответствия в целом либо в конкретных деталях, 3) соответствие нормам, 4) документальная точность соответствия, 5) соответствие подлинности. Акцентирование частичного сходства переносит центр тяжести на поиск различий, и речь идет либо о неравенстве, либо о несоответствии нормам поведения, либо о несоответствии данного объекта подлинному, либо о неточности соответствия.

В словаре синонимов английского языка идея равенства также уточняется в тематическом поле сходства и различия, образуемом прилагательными *same, selfsame, very, identical, identic, equivalent, equal, tantamount, like, alike, similar, analogous, comparable, akin, parallel, uniform*. Общим значением этих слов является отношение значительного сходства между объектами – the relation between things or persons that closely resemble each other … or are not different from each other [WNDS]. В качестве дифференциальных признаков выступают отсутствие различий между сравниваемыми предметами или людьми по качеству, количеству, внешности или значимости (same), полное отсутствие различий (very), полное совпадение во всех деталях (identical, identic), взаимозаменимость (equivalent), полное соответствие по количеству, размерам, значимости (equal), нематериальное соответствие (tantamount), сходство между различными объектами (similar), наличие сходства как основание для сравнения (analogous, comparable), существенное сходство, объясняемое общим происхождением (akin), сходство на протяжении определенного периода (parallel), отсутствие вариативности в различных проявлениях сравниваемых объектов (uniform) [WNDS].

Анализ словарных дефиниций и тематических полей показывает, что релевантными признаками для концептуализации социаль-

ного равенства являются следующие: 1) сопоставимость людей, 2) наличие сходства между людьми, 3) соответствие между людьми в целом, 4) соответствие между людьми по значимости.

В английском языке находит выражение идея специфического социального равенства:

Peer – 1. a. A person of the same standing or rank as the person(s) in question; a person or thing of the same effectiveness or ability as the one(s) in question; an equal; have no peer – be unequalled, be unrivalled. *Some of those men were the peers of the best European statesmen of the tim*e. b. A person of the same age-group or social set as the person(s) in question. *He was not like the great majority of his peers and contemporaries*. 2. A person who is associated with another; a companion; a rival. 3. A person of high rank; a noble. 4. *spec.* A member of one of the degrees of nobility in the UK or its constituent countries, comprising the ranks of duke, marquess, earl, viscount, and baron. 5. *Greek History*. A citizen of Sparta who had equal right to hold State offices. *Comb.*: peer group– a group of people, freq. a group of adolescents, having the same age, social status, interests, etc.; peer pressure – pressure or influence arising from members of a person's peer group; peer review – the evaluation by (other) experts of a research project for which a grant is sought, a paper received for publication in a learned journal, etc.; *gen.* a review of commercial, professional, or academic efficiency, competence, etc., by others in the same occupation [SEOD].

Это слово означает равного по уровню, званию и должности, по возрасту. В Англии пэр – это титулованный дворянин, принадлежащий к одному из пяти сословий наследственных пэров (герцог, маркиз, граф, виконт, барон). Это слово в древней Спарте обозначало свободного гражданина, который мог занимать государственные должности. Типичные коллокации с этим словом включают группу равных (обычно подростков), давление со стороны одноклассников, коллегиальную оценку.

Таким образом, в понятийном плане концепт "РАВЕНСТВО" проявляется в двух вариантах: 1) отсутствие неравенства, 2) сопоставимость на одном и том же уровне ("*находящийся среди равных*"). Первый вариант вербально выражен в русском и английском языках, второй – только в английском.

Внутренняя форма слов, обозначающих равенство, сводится к следующим знакам. По данным этимологического словаря М.Фасмера, слова “*равный / ровный*” производны от корня **orvo-* со значением “свободное пространство, простор” (Фасмер), в историко-этимологическом словаре П.Я. Черных приводится такая же версия – “открывать, раскрывать, делать пространным” (Черных). Английское слово *equal* восходит к латинскому *aequus*, значение которого этимологи определяют как “*level, even, just*” (origin uncertain) – “плоский, ровный, гладкий”. В свою очередь *peer* восходит к латинскому *par* – “равный”, “устанавливать равенство”, и.-е. корень **per-* выражает идею покупки и продажи, т.е. давать и брать за равную цену (Klein). Мы видим, что идея равенства между людьми сводилась к переосмыслению пространственных отношений (в таком случае неравенство осмысливается как соотношение между верхом и низом, как вертикаль, в то время как равенство есть приведение вертикали в горизонталь). Другой подход к осмыслению равенства состоял в прототипной ситуации обмена чем-либо, т.е. нахождения эквивалента. Обратим внимание на принципиальную разницу между первым и вторым осмыслением равенства. В первом случае акцентируется отсутствие неравенства, перед нами концептуальная диада, подобная свободе и несвободе. Во втором случае прежде всего выделяются свои и чужие, и равенство осмысливается как взаимосвязь между своими. В Англии рефлексы такого выделения своих прослеживаются с древнейших времен до нашего времени применительно к дворянским титулам: слова sir и lady сочетаются только с именами, а не фамилиями, Sir Charles, Lady Jennifer. Подразумевается, что все дворяне образуют большую семью, сообщество равных, и поэтому достаточно упоминания имени, чтобы стало ясно, о ком идет речь. В средневековой Европе монарх был первым среди равных, а не богом по отношению к своим подданным (простолюдины при этом в расчет не принимаются). Иное восприятие высшей власти требует признать монарха божеством, перед которым нужно падать ниц.

Обратимся к ассоциативно-образным характеристикам социального равенства. Эти характеристики устанавливаются на основе анализа сочетаемости имен, называющих данный концепт, и с

помощью опроса информантов. В качестве источников примеров использовались “Русский национальный корпус” (ruscorpora.ru), корпус “Библиотека лексикографа” (сост. А.А. Бурыкин) и Британский национальный корпус (BNC). Концепт “равенство” относится к числу абстрактных ментальных образований, и поэтому в текстовых примерах мы находим большей частью аргументацию, расширяющую смысловые границы рассматриваемого концепта.

Социальное равенство конкретизируется в определенных сферах:

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (Ю. Кузнецов).

Речь идет о конституционных демократических правах граждан, предусматривающих равенство женщин и мужчин, представителей разных рас, национальностей, конфессий и т.д.

Социальное равенство проявляется в определенных институтах общества, например, в судебной системе:

В ходе разработки крестьянской реформы часто высказывались предложения и о введении суда присяжных, олицетворявшего свободу и равенство всех перед законом (А. Афанасьев).

Суд присяжных представляет собой инструмент непосредственного участия граждан в правовом устройстве общества.

Для многих социальное равенство – это отсутствие противопоставления богатых и бедных:

Бедность, в которой жили и профессора и студенты, была экономически оправданной, всем понятной, а кроме того, в ней было равенство, то самое, что, казалось, шло от священных заветов Великой французской революции, свобода, равенство и братство! (Д. Гранин).

Обратим внимание на то, что неравенство обычно остро переживается теми, кто находится на низшей ступени общества, и поэтому сведение всех к этой ступени воспринимается как торжество равенства.

Условием равенства является свобода:

Через два века в Англии не осталось лично несвободных крестьян, и не случайно впервые идея о равенстве всех перед законом родилась именно в английской культуре у Джона Локка (XVII в.) (Л. Перловский).

Свобода личности и уважение к закону являются важнейшими ценностями англоязычного общества.

Достаточно часто формулируется тезис о реальном выражении равенства как минимизации запросов:

Всеобщее равенство, если и возможно, то только как равенство в бедности (Л. Балашов).

Равенство может быть истолковано как ниспровержение авторитетов во всех сферах, наиболее ярко это представлено в сфере культуры:

Равенство и одинаковую значимость всех культурных проявлений – от стихов А. Пушкина до надписей в уборных – теперь утверждают как универсальный принцип (В. Колотаев).

Если представители социальных низов борются против неравенства, то для элиты социальное равенство представляет угрозу, поскольку уничтожение неравенства сопровождается разрушением культуры, символизирующей это неравенство.

Интеллигенция остро реагирует на сознательное понижение культурного уровня общества как способ социального контроля:

Создаются все необходимые условия, чтобы задушить развитие талантов, способностей, дарований: не надо высших способностей, рабы в своем равенстве не нуждаются в образованности и интеллигентности (Ю. Азаров).

Приведенный аргумент, впрочем, можно рассматривать и как уловку: верно то, что необразованные люди не в состоянии оценить достижения культуры, что власть может намеренно препятствовать доступу масс к образованию, но неверно то, что равенство есть по определению равенство рабов.

Признавая неравенство между людьми со всеми его атрибутами, религия постулирует бессмысленность и тщетность борьбы с ним:

Пий XI сделал этот вывод из положений Льва XIII, преподнесенного человечеству в энцикликах Graves de communi и

Quod apostolici muneris: “Надлежит поощрять общества, которые под покровительством религии приучают своих членов довольствоваться своей судьбой, с достоинством выносить тяжкий труд и всегда вести тихую жизнь”. Это повторяется в энциклике De rerum novarum: “Горе никогда не исчезнет с лица земли, ибо суровы и трудно переносимы последствия первородного греха, которые, хотят этого люди или не хотят, сопровождают их до могилы. Поэтому страдать и терпеть – удел человека” (Н. Шпанов).

Смирение перед неравенством представляет собой одно из возможных решений вечной дилеммы человечества – противодействовать или не противодействовать злу.

Неравенство, как полагают теологи, свойственно не только людям:

Учитель Оригена Климент Александрийский утверждал изначальное неравенство, исходную непохожесть Божиих творений: “Проистекши все из одной и той же мысли, существа сотворенные однако же были неодинаковы по почетности, а именно ранее происшедшие были ниже позднейших” (А. Кураев).

Выделяются два типа равенства: равенство возможностей и равенство способностей. Первый тип равенства представляет собой принцип гуманизма, второй – идеалистический отрыв от реальности:

А у меня, как у человека европейского сознания, главное – равенство шансов (Ф. Искандер).

Противники эгалитаризма полагают, что равенство нежелательно, поскольку люди неравноценны от природы (А. Кустарев).

Диалектическая взаимосвязь равенства и неравенства проявляется в балансе возможностей и способностей: ущемление возможностей приводит к образованию каст, делает общественное устройство несправедливым и приводит к социальным взрывам, а игнорирование естественных различий между людьми представляет собой абсурд.

Гуманист не видит неразрешимого противоречия между невозможностью реализации полного равенства между людьми и усилиями по достижению такого равенства в определенных сферах:

Вследствие разности климатов, энергий, вкусов, возрастов, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человек может сделать это неравенство безвредным так же, как он уже сделал это с болотами и медведями. Достиг же один ученый того, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми (А. Чехов).

Сознательные усилия в сфере воспитания людей могут в значительной мере устранить проявления социального неравенства.

Существует расхождение между декларацией равенства и соблюдением равенства на практике:

Самое ведь важное и существенное – люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто какое угодно содержание или полное отсутствие всякого содержания. Демократическая республика, в которой все построено на прекрасных формулах и словах, может быть самым отчаянным рабством и насилием. Это давно уже обнаружено горьким опытом жизни европейского человечества, который должен был бы научить нас недоверию к чисто внешним формам и к прекрасной фразеологии равенства, братства и свободы (Н. Бердяев).

Рассуждение русского философа свидетельствует о том, что идея равенства может вырождаться в разговоры о равенстве, при этом положение социальных низов остается столь же безрадостным, как и в условиях кастового общества.

Известно, что революционная фразеология для одних людей, как правило, угнетенных, ассоциируется с разрушением несправедливого мира, а для других, которые в условиях прежней жизни пользовались определенными благами, – с лишениями и трагедиями:

Мы, потомки палачей и жертв "Великой Октябрьской", уже не столь легко поддаемся очарованию революционных символов, зная, что любой из них олицетворяет не столько свободу, равенство и братство, сколько ложь, кровь и безумие (С. Цветков).

В приведенном примере показана позиция тех, кто пострадал от революции. Но уничтожение социальной несправедливости

редко бывает бескровным, и опыт всех революций учит нас тому, что во время социальных потрясений, как и во время стихийных бедствий, жертвы неизбежны.

Борьбу за всеобщее равенство, как правило, начинают люди особого склада – романтики:

А ведь и Октябрьскую революцию готовили в основном не честолюбивые политики и кровожадные садисты, а в большинстве своем идеалисты, мечтатели о равенстве и братстве, последователи декабристов, парижских коммунаров и прочих революционеров, желающих добра своему народу (Жизнь в мире мифов).

Ирония истории состоит в том, что плодами революции пользуются те, для кого идеалы гуманизма ничего не значат:

Иное дело – буржуазные революции, которые, конечно, фальшивят, уповая на свободу, равенство и братство, но все же ставят перед собой чисто деловые, реальные и сравнительно кроткие цели, как-то: гегемония пошлости в качестве инструмента обогащения или просто возможность беспрепятственно наживаться на трудягах, невеждах и дураках (В. Пьецух).

Устранение социальной несправедливости и установление равенства – это временный этап в развитии общества, которое не может существовать без властной вертикали. Вместе с тем отечественный драматург сгущает краски, повторяя известный тезис о торжестве пошлости как непременном признаке именно буржуазного миропорядка: в этой позиции прослеживается ностальгическое сожаление о средневековой рыцарской ценностной картине мира. Пошлость не зависит от экономической формации общества. Что же касается эксплуатации властью малообразованного населения, то такое положение дел свойственно любому классовому обществу.

Обратим внимание на пафос борьбы с социальным неравенством:

Они за то, чтобы не было произвола человека над человеком, а было бы царство разума. А главное, они – за равенство! Вообрази: всеобщее, полное и абсолютное равенство (А. Солженицын).

Революционные романтики оперируют абсолютными категориями.

У людей пассионарного, романтического склада ценности буржуазного мира, включающие равенство, вызывают насмешку:

На полинявших знаменах новой Европы было выткано: “расчетливость”, “добродетельное трудолюбие”, сверхосторожность, “непритязательность”, “справедливость”, “ученость”, зафиксированная типографской машиной законность, “равенство прав”, либерализм, “отсутствие пафоса дистанции”, конфессиональная “умеренность и аккуратность” (Ф. Крахоткин).

Упоминание равенства в этом контексте имплицирует посредственность тех, для кого равенство является одной из основных ценностей миропорядка. Можно сделать вывод о том, какие романтические ценности противопоставлены трудолюбию, справедливости, учености, законности и равенству – это ценности хищника, который верит только в силу.

У представителей социальных низов, впрочем, остаются определенные каналы для самовыражения, позволяющие добиться признания и успеха:

Бразилия все еще остается страной, где сохраняется – негласно, закрыто – определенная расовая сегрегация, определенное социальное неравенство. В Бразилии до сих пор человек, родившийся в фавеле, чернокожий мальчишка из интериора страны, из провинции, практически лишен возможности реализоваться, получить образование, стать, скажем, профессором медицины, стать летчиком, стать инженером. Он не может реализоваться нигде, кроме как в футболе. Пример – Пеле, который чистил башмаки, который был никем, а стал всем (О. Мильштейн).

В приведенном примере речь идет об обитателях трущоб (фавелы – городские трущобы на склонах гор в Бразилии). Для этих людей спорт – единственный способ добиться успеха в обществе.

Равенство людей может приводить к социальным конфликтам. Предполагается, что отсутствие неравенства – временная фаза развития общества, и этой фазе свойственное явное или скрытое соперничество за получение реальных или символических призов:

Они хорошо знали друг друга и даже находились в довольно близком родстве: Хаджи-Черкес, который был лет на двадцать старше Карач-мурзы, приходился последнему двоюродным дядей. Но между ними и их семьями никакой близости не существовало: среди чингисидов, за очень редкими исключениями, никто не доверял ближайшим родственникам, ибо такое родство прежде всего знаменовало собой приблизительное равенство династических прав, то есть особенно жестокое соперничество в борьбе за престол и власть (М. Каратеев).

Из приведенного примера вытекает, что неравенство в обществе позволяет этому обществу сохранять стабильность.

Религия ориентирует людей на соблюдение отношений неравенства:

"…Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношей, начальником и подчиненным, учителем и учеником" (св. Иоанн Златоуст) (А. Кураев).

Признается и оправдывается естественность отношений неравенства.

Социальное равенство парадоксальным образом может приводить к неравенству:

Равенство, брат, исключает братство. В этом следует разобраться. Рабство всегда порождает рабство. Даже с помощью революций. Капиталист развел коммунистов. Коммунисты превратились в министров. Последние плодят морфинистов (И. Бродский).

Этот иронический пример в сжатом виде иллюстрирует известную греческую цикличную модель устройства общественного порядка: аристократия (власть лучших) – демократия (власть большинства) – охлократия (власть толпы) – тирания (власть диктатора) – аристократия.

Представители радикального национализма считают социальное неравенство благом для общества:

Армия в Русском порядке — это хранитель святого неравенства людей, здоровой иерархии и школа дисциплины. Ибо

тот, кто повелевает людьми, должен уметь и подчиняться. Поэтому Петр Первый-Победоносец заставлял дворян начинать карьеру с рядовых солдат (М. Калашников).

Признание неравенства святым принципом социального устройства подразумевает беспощадную борьбу с теми, кто придерживается иных взглядов на предназначение человека. Абсолютизация неравенства есть уничтожение личности.

Соотношение равенства и свободы в обществе отражает суть общественного устройства:

Конечно, никуда не уйти от того факта, что сотни тысяч кубинцев искали фортуну во Флориде. Но не является ли это хрестоматийным примером противоречий между идеями равенства и свободы? Народ Кубы наглядно проиллюстрировал, что выбор в пользу одной из этих великих ценностей рубит нацию в процентном соотношении примерно 60:40. И предпочтение той или другой определяется не одним материальным фактором (слабые – за государственное попечительство, сильные за частную инициативу). Свою роль играют склад ума, религиозность, многие другие факторы (Г. Шахназаров).

Приведенный пример показывает возможность различного понимания соотношения свободы и равенства: свобода предполагает в ряде случаев неравенство между людьми. Но трудно согласиться с автором этого рассуждения в том, что люди, нуждающиеся в социальной защите, составляют 60% общества, этот тезис представляется чересчур оптимистичным.

Неравенство способностей носит общебиологический характер:

Оказывается, генетический код человека и дрожжевых бактерий общий на 50 процентов, человека и свиньи – общий на 90 процентов, человека и обезьяны – на 99 с долями процента. Немыслимое количество общего. Печально, но хочется повторить известный вопрос любознательного мальчика: “Мама, а если люди произошли от обезьяны, то почему не все обезьяны согласились стать людьми?” (А. Кончаловский).

Вместе с тем было бы упрощением сводить суть человека только к биологическому началу. Отношение к социальному

равенству и неравенству является пробным камнем для понимания сущности человека:

Существуют две крайности в понимании природы человеческих отношений. Одни философы абсолютизируют изначально враждебный характер межчеловеческих отношений. Эта точка зрения наиболее ярко представлена в известном выражении Т. Гоббса "война всех против всех". Другие философы абсолютизируют взаимную любовь-приязнь людей. Эта абсолютизация проявляется прежде всего в проповеди всеобщей любви. Наиболее ярко подобная точка зрения отражена в библейской заповеди "возлюби ближнего своего как самого себя". Далее, она проявляется в идее всеобщего братства (вспомним лозунг французской революции: "свобода, равенство, братство!"). Представители первой точки зрения – это циники-прагматики, которые считают неравенство людей естественным условием их совместной жизни, оправдывают его, защищают и даже освящают. Представители второй точки зрения – это мечтатели-романтики-утописты, которые считают неравенство людей безусловным злом и выдвигают, поддерживают, освящают лозунг равенства (Л. Балашов).

Истина здесь, как и в других случаях, находится посредине: необходимо учитывать биосоциальную сторону человеческой природы, но не менее значима и духовная сторона.

Заслуживает внимания вероятность неверной интерпретации соотношения равенства и братства:

Тезис о братских отношениях социалистических стран и их компартий, по мнению советского руководства, означал равенство и взаимоуважение. Однако тогда, очевидно, мало кто в Москве задумывался о том, как воспринимали понятие "братские отношения" в Пекине. Дело в том, что в китайском языке "братские отношения" означают отношения между старшим и младшим братьями, что само по себе не может быть равноправием по определению (Слово "братский" в китайском языке передается двумя иероглифами, дословно означающими "старший брат" и "младший брат") (И. Попов).

Социальная вертикаль в китайской культуре позволяет сохранить целостность этой культуры на протяжении сорока веков.

В каждом этнокультурном сообществе существуют границы соблюдения равенства и неравенства между людьми в типичных ситуациях общения:

В гостинице швейцар радостно-благодушно желал им доброй ночи, а то, на началах полного – не гражданского, а человеческого – равенства, осведомлялся, в каком театре они были: в англо-саксонских странах, особенно в Англии, это было бы невозможно (М. Алданов).

Из этого текста следует вывод о ригидности социальных норм в Англии.

Интересен пример, в котором говорится о декларативном равенстве как шаге вперед по сравнению с отсутствием такого декларативного равенства:

В результате возникала система отношений, в рамках которой греки претендовали пусть на теоретическое, но равенство с царем, а персы относились к царю естественным для них образом – поклонялись (С. Туркин).

Социальное равенство вырабатывает специальную эмблематику для выражения этого равенства:

Слово "товарищ", с которым мы обращаемся друг к другу, свидетельствует не только о равенстве между собой различных групп населения, но и о равенстве мужчин и женщин (В. Войнович).

Уничтожение прежних форм обращения, в которых было зафиксировано неравенство людей, – непременный признак нового социального порядка. Отмечу борьбу со словами *miss, Fräulein* и *mademoiselle* в современных англоязычных, немецкоязычных и франкоязычных странах: женщины стремятся устранить дискриминацию по признаку замужества, поскольку этот признак ущемляет их права по сравнению с мужчинами.

Вполне естественным представляется то, что борьба с неравенством выражается в первую очередь в виде борьбы со знаками неравенства:

Отвращение ко всему, связанному с королевской властью, было так велико, что французы отвергли и сам принцип награждения

орденами и медалями. Правда, в самом начале революции, в 1789 году, Законодательное собрание Франции все-таки рассматривало вопрос о создании почетного знака "Национальная признательность". Он должен был представлять собой крест с изображением соединенных в рукопожатии рук и надписью: "Признательность нации". Но из этого ничего не вышло, так как участники революции считали, что любое награждение является посягательством на принцип всеобщего равенства (Н. Ионина).

Со временем, как мы знаем, во Франции, как и в любом государстве, сложилась своя система государственных наград.

Интересен пример необычной борьбы за равенство:

Уже во время телефонного разговора я догадалась по выговору, что детектив Крескил принадлежит к угнетенному меньшинству. Под светом лампы кожа на его черепе переливалась всеми оттенками густо-фиолетового. Не отражает ли их мода на бритые головы вечный порыв к равенству? В данном случае – к равенству облысевших с волосатыми? Похоже, что лысина – такое же горькое переживание для мужчин, как ожирение – для женщин. Иначе экраны телевизоров не были бы залиты рекламой новейших средств против облысения (И. Ефимов).

Можно не соглашаться с автором этого занятного наблюдения, но мода на бритые головы представителей истэблишмента, возможно, является эмблематической для этого сообщества.

Эмблематическими выступают и наименования политических движений, включающих первые два слова из триады "свобода, равенство, братство":

В конце июля представители Хартума заявили, что, по полученным ими данным, боевики движения "Справедливость и равенство" объединились с боевиками народности беджа из группировки "Ассоциация свободных львов", действующей на востоке страны, с целью расширения зоны боевых действий против законной власти в Судане (Дарфур 2004).

В приведенном примере фигурируют ценности "справедливость", "равенство" и "свобода". Трезвый расчет подсказывает политикам, что братство как эмблема не привлечет к ним сторонников.

Интересны цитируемые психологами результаты опроса общественного мнения в современной России:

Результаты исследования показали, что наиболее часто встречающимися ассоциациями со словом "справедливость" были "честность" (48 % респондентов), "правда (истина)" (29,8%), "закон (уголовный кодекс)" (27,9%), "суд" (17,3%), "равенство" (12,5%), "доброта" (11,5%), "равноправие" (8,7 %), "порядочность" (8,7%). (Е. О. Голынчик, О. А. Гулевич. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. – 2003. – № 10).

Не вполне понятно противопоставление концептов "РАВЕНСТВО" и "РАВНОПРАВИЕ", но видно, что идея равенства сопрягается с важнейшими ценностями русской лингвокультуры.

Анализ англоязычных примеров, иллюстрирующих употребление слов *equality* и *equal* в речи, дает возможность выделить их наиболее важные ассоциативные связи.

Социальное равенство конкретизируется в институциональных образованиях:

The system of state welfare is seen as one of the central means whereby society moves towards the creation of social equality. – Система государственного социального обеспечения – одно средств, с помощью которых общество движется в сторону построения социального равенства.

Система социального обеспечения позволяет обществу поддерживать тех, кто не может самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Основой общественного устройства в англоязычном мире является юридическое равенство граждан:

This is liberalism's concession to democracy: 'Equality of the general rules of law and conduct…is the only kind of equality conducive to liberty and the only equality which we can secure without destroying liberty'. – В этом состоит уступка демократии со стороны либерализма: "Равенство общих правил закона и поведения … – это единственный вид равенства, ведущего к свободе, и единственное равенство, которое мы можем обеспечить, не уничтожая свободы".

Юридическое равенство на фоне имущественного неравенства есть демократия в действии с древнейших времен:

In Athens the political equality of the citizens coexisted uneasily with economic inequality, as it continues to do today; but the whole point of the democracy was that it gave the poor as well as the rich a part to play in governing the city. – В Афинах политическое равенство граждан сосуществовало неудобным образом с экономическим неравенством, и это продолжается по сей день; но весь смысл демократии состоял в том, что она давала бедным, так же, как и богатым, свою роль в управлении городом.

Прототипной ситуацией юридического равенства является право голоса:

Equality of voting rights certainly does not result in equality of power or the disappearance of hierarchy in government. – Равенство в праве на голос, разумеется, не приводит к равенству власти или исчезновению иерархии в правительстве.

Неравенство в распределении законно полученной власти является естественной нормой общественного устройства.

Политическая элита идет на сознательное сокращение имущественного неравенства в повседневной жизни общества, это представляет собой надежный способ поддержания социальной стабильности:

Equality has been a powerful theme in British politics since the turn of the century and can be seen in practice in the high marginal rates of income tax in the postwar years reaching until recently a marginal tax of 83 per cent on earned income and 98 per cent on unearned income; the drive to abolish private education and private health; the 'euthanasia of the rentier' through rent control; and the provision of state welfare services financed by taxation but free of charge at the time they are used. – Равенство было мощной темой в британской политике, начиная с XX века, и это прослеживается на практике в высоких нормах налога на доход в послевоенные годы, эти нормы достигали до недавнего времени 83% производственного дохода и 98% непроизводственного дохода; об этом свидетельствуют попытки отменить частное образование и частное здравоохранение, провести

“безболезненную смерть рантье” путем контроля ренты, осуществить финансирование системы бесплатного государственного обеспечения за счет налогов для работающих.

Мы видим, что наиболее ярко неравенство воспринимается в виде разрыва между доходами групп населения, вызывают протест дорогие частные школы и больницы, людей раздражает наличие рантье, живущих на проценты от унаследованного богатства.

Социальное равенство неразрывно связано с политическим и экономическим равенством:

This therefore brings me to the second reason why democracy is bound up with a measure of economic and social equality. – Это, таким образом, дает мне основание назвать вторую причину, объясняющую то, почему демократия зависит от степени экономического и социального равенства.

Равенство признается основой демократического устройства общества:

In classical political thinking, “democracy” was the name not merely of a form of government but of a whole society, and it was habitually associated, by its enemies and critics as well as its friends, with the principle of social equality. – В классических политических теориях “демократия” обозначала не только форму правления, но и устройство всего общества, и это обычно связывалось, как врагами и критиками, так и сторонниками, с принципом социального равенства.

Вместе с тем социальное равенство может вступать в противоречие с равенством экономическим:

It favours social equality but accepts that economic equality is an unrealistic objective. – Она [обсуждаемая концепция] с одобрением относится к социальному равенству, но признает, что экономическое равенство является нереалистичной целью.

Эта идея в различных формах обсуждается в публицистике:

Equality before the law it is certainly possible to deduce; equality of opportunity it may be possible to deduce; but an egalitarianism implying equality of material reward is both logically and exegetically impossible to deduce. – Равенство перед законом – это определенно можно дедуктивно установить, равенство возможностей

допустимо установить, но вытекающее из эгалитаризма равенство материального вознаграждения невозможно установить ни с помощью логики, ни с помощью истолкований.

Равенство перед законом является императивом, равенство возможностей приветствуется, но равенство вознаграждения за вложенный труд, который по определению не может быть одинаковым, квалифицируется как абсурд. Можно увидеть, что осмысление равенства в англоязычном мире базируется на идее протестантской этики, предполагающей личную ответственность человека за свои поступки, а не упование на везение.

Вместе с тем гуманистическое начало в обосновании социального равенства четко прослеживается в текстовых примерах:

By the same token the most vociferous upholders of monogeny, the thesis that all men are members of a single species, have often been deeply committed to political doctrines of social equality. – По этому же самому признаку самые громогласные сторонники единства происхождения, тезиса о том, что все люди – члены единого человеческого рода, часто бывают глубоко привержены политическим доктринам социального равенства.

Установление и поддержание социального равенства обусловлено биологическим сходством всех представителей рода человеческого.

Отношение к социальному равенству лежит в основе политического деления – левых и правых в Англии:

Socialists believe in greater equality in society: 'A more equal society will be a more prosperous society and a more peaceful society'(Roy Hattersley), but they are criticised for favouring policies of distribution rather than production —'Someone has to create wealth before the politicians fall to sharing that wealth out'(Kenneth Clarke). – Социалисты верят в большее равенство в обществе: "Более равное общество будет и более процветающим обществом и более мирным" (Рой Хэттерсли), но их критикуют за то, что они отдают предпочтение политике распределения, а не производства – "Кто-то должен создать богатство, прежде чем политики начнут это богатство делить" (Кеннет Кларк).

Сторонники социального равенства считают, что гармония в обществе важнее, чем экономический рост страны, их оппоненты полагают, что замедление этого роста может привести страну к кризису.

Заслуживает внимания тезис в защиту идеалов коммунизма:

Under communism there would be no exploitation, and society would be run by and for everyone on the basis of equality and community. – При коммунизме не было бы эксплуатации, и управление обществом, в котором принимали бы участие все, строилось бы на основе равенства и интересов всего сообщества.

Такая аргументация в наши дни находит сторонников, по-видимому, только на Западе.

Идея равенства тесно связана с идеей справедливости:

Two distinct types of 'internal market' have been identified, both of which have considerable implications for population-based planning, for the pursuit of priorities, and for equity and equality whether between geographical area, social groups or health care groups. – Выделяются два определенных типа "внутреннего рынка", и они оба в значительной мере оказывают влияние на планирование в интересах населения для определения приоритетов и ради справедливости и равенства, это относится к географическим территориям, социальным группам или к группам, относящимся к ведению органов здравоохранения.

В приведенном примере прослеживается паронимическая связка *equity and equality – справедливость и равенство*. Эти слова имеют единую латинскую внутреннюю форму. В английском языке идея справедливости уточняется в юридическом аспекте: *justice* – справедливость как соответствие нормам закона, *equity* – справедливость как беспристрастность. Еще одним уточнением этой идеи является соблюдение правил, честная игра – *fairness* (участники состязания должны находиться в равных условиях). Детальный анализ осмысления справедливости в русской и английской лингвокультурах приведен в книге С.Г. Воркачева [2010].

Упоминание о равенстве часто сопряжено с актуализацией идей свободы и справедливости:

We believe in fairer, more equal and freer world – Мы верим в более справедливый, равный и свободный мир.

Справедливость, равенство и свобода образуют концептуальный кластер.

Заслуживает внимания тезис о том, что творчество сопряжено с равенством:

The main thrust of Prism's work is a belief that creative work can foster equality, joy and empowerment. – Главный пафос работы Призма – это вера в то, что творческая работа может благоприятствовать развитию равенства, радости и расширению возможностей.

Разрыв между свободой и равенством приводит к росту агрессивности в обществе:

As many progressive (but in reality reactionary) politicians have recently been finding to their cost, greater freedom of opportunity, so far from furthering equality, has only stimulated emulation and the appetite for symbols of success. – Как обнаружили недавно многие прогрессивные (а в действительности реакционные) политики, увеличение свободы возможностей, столь далекое от равенства, стимулирует только состязательность и жажду символов успеха.

Публицисты и политики критикуют декларативное формальное равенство:

If we wish to revive that tradition, or if we are interested in creating a fully democratic society, then there can be no doubt that a more than narrowly political or formal equality must be one of our goals. – Если мы хотим наполнить жизнью эту традицию, или если мы заинтересованы в создании полностью демократического общества, то нет никакого сомнения в том, что нашей целью должно быть нечто большее, чем политическое или формальное равенство в узком смысле слова.

Перед нами пример политической риторики.

Классическим примером критики манипулятивного использования разговоров о равенстве является хрестоматийно известное изречение из произведения Дж. Оруэлла:

All systems based on the ideal of equality break down in action: that is a point that might be expected of Waugh, but it is Orwell who

makes it the more forcefully: 'Some animals are more equal than others', as the pigs decree in Animal Farm, symbolising the easy self-justifications in taking and keeping power. – Все системы, построенные на идеале равенства, разбиваются при функционировании: эту идею можно было ожидать от Ивлина Во, но Джордж Оруэлл выразил ее более мощно: "Некоторые животные более равны, чем другие", как провозглашают свиньи в "Ферме животных", символизируя самооправдание в присвоении и удержании власти.

Действительно, политикам свойственно говорить о равенстве, но иметь в виду, что есть два типа равенства – для тех, кто внизу, и тех, кто наверху. Тем самым идея равенства превращается в абсурд. Тезис о том, что идеалы равенства принципиально не работают в обществе, может быть оспорен: система жизнеспособна при поддержании равенства между людьми в определенных пропорциях и в определенных ситуациях. Абсолютизация равенства закономерно приводит к неравенству, но отсутствие равенства возможностей у граждан препятствует развитию общества.

Критике подвергается и несправедливый порядок социального устройства, при котором люди не получают заслуженной награды за вложенный труд:

But there is all the difference in the world between people created as equal before God, having equal access to the law, and the way in which equality is used so frequently today: not as equality of opportunity but as equality of outcome. – Но в этом и состоит все различие в мире между людьми, которые созданы равными перед Богом и обладают равным доступом к закону, и способом столь частой реализации этого равенства сегодня: равенства последствий, а не возможностей.

Некоторые авторы отмечают, что реализация социального равенства может парадоксальным образом приводить к неожиданным негативным последствиям:

In short, his argument is that it is the very abstraction which confers the material advantages of modern science, and the social advantages of both modern freedom and equality, which is also responsible for the dilemmas of exploitation and alienation. The central

conflict is not, therefore, one between liberalism and equality, which come from the same root, but one emerging from a recognition that both of these entail consequences which may turn against the interests of the subject. – Короче говоря, его аргумент сводится к тому, что в общем виде материальные преимущества современной науки и социальные преимущества современной свободы и равенства приводят к возникновению дилеммы эксплуатации и отчуждения. Главный конфликт, таким образом, состоит не в противоречии между либерализмом и равенством, которые вырастают из одного и того же корня, а в том, что их следствия могут вступить в противоречие с интересами субъекта.

В приведенных примерах часто обсуждается равноправие женщин:

They want to be treated with respect and reverence; and at the same time they expect equality with men, complete emancipation, and to compete in every form of masculine activity. – Они хотят, чтобы к ним относились с уважением и почитанием, и в то же время они рассчитывают на равенство с мужчинами, полную эмансипацию, возможность состязаться с мужчинами во всех видах мужской деятельности.

Значимость этой тематики в современной публицистике свидетельствует о том, что реального равенства пока достичь не удалось.

Обратим внимание на сопряжение требований равенства женщин с мужчинами и равного образования для девочек и мальчиков:

Much of the literature on women and education tends to make this kind of distinction, arguing both for greater equality of access for girls and for changes in what are claimed to be inherently sexist curricula and values put over in school. – Для большей части литературы о женщинах и об образовании характерно такое отличие, состоящее как в требовании большего равенства в доступе к образованию для девочек, так и в необходимости изменения учебных планов и проводимых в учебном процессе ключевых идей, которые ущемляют права женщин.

Сфера образования для англичан является ярким примером социального неравенства, и поэтому рассматриваемый концепт активно обсуждается в рамках дискуссий об образовании:

The conditions for a girl friendly school may be more difficult to bring about, for it would seem that teachers must be openly and visibly concerned about equality before pupils will change their choices; schools with traditional norms, limited or formal communication channels, and with few women in senior positions will be much slower to adapt to changed female expectations. – Гораздо труднее обеспечить условия для школ, учитывающих интересы девочек, поскольку в таких школах учителя должны открыто демонстрировать свою приверженность равенству учащихся, прежде чем те изменят свой выбор; школы же с традиционными нормами поведения, с ограниченными или формальными каналами общения, возглавляемые мужчинами, будут адаптироваться к новым потребностям женщин значительно медленнее.

Образование открывает перед людьми перспективы роста – в англоязычном мире уровень образования личности прямо связан с уровнем благосостояния этой личности, и поэтому неравенство в этой сфере остро переживается:

It is not possible to achieve equality of knowledge and learning with different curriculum materials and different aims and objectives for curriculum planning. - Невозможно достичь равенства в знаниях и образовании, используя различные учебные материалы и ставя перед собой различные цели при планировании учебного процесса.

Представляет интерес отношение англичан к тестированию: публицисты видят в абсолютизации тестов угрозу для поддержания равенства между людьми:

If tests measure nothing important about individuals, as the press often says, then they are a needless barrier to achieving social and economic equality. – Если тесты не выявляют ничего важного в отношении индивидуумов, как часто говорится в прессе, то они представляют собой ненужный барьер, препятствующий достижению социального и экономического равенства.

Этот пример особенно актуален для нашей страны, поскольку абсолютизация тестов в отечественном образовании в наши дни еще не получила должной оценки в обществе.

Актуальной в англоязычном мире является тема расового равенства:

The decisions are in contrast to the attitude of the courts to the powers of the Commission for Racial Equality. – Эти решения контрастируют с отношением судебных инстанций к правам комиссии по расовому равенству.

Отмечу, что вопрос о национальном равенстве в проанализированных текстах не обсуждается: по-видимому, либо тема национального неравенства для англоговорящих в наши дни не представляется актуальной, либо признак национального своеобразия релевантен только в случае резкого культурного диссонанса, а это связано с отношением к иммигрантам из стран Азии, Африки и Карибского бассейна, т.е. в тех случаях, когда налицо расовые отличия людей.

В дискуссиях о равенстве подчеркивается приоритетность конституционных норм общества по отношению к другим нормам:

But it is mistaken to the point of being morally grotesque to argue that, before we can decide whether human slaves should be liberated, we first need to count everyone's interests, both slaves' and slave owners' alike, and count equal interests equally. – Но будет ошибкой на грани с гротеском утверждать, что прежде, чем мы решим, должны ли быть рабы освобождены, нам следовало бы учесть интересы всех, как рабов, так и рабовладельцев, и на равных рассматривать эти интересы.

В этом ироничном высказывании используется прием доведения аргумента до абсурда. Но отметим, что абсурдным такой аргумент является в наши дни, для людей иных эпох было бы абсурдным говорить о равенстве рабов и рабовладельцев с иных позиций – рабы не воспринимались как полноценные люди.

Обращают на себя внимание критические оценки сложившихся методов оценки полученных результатов с опорой на мнение коллег:

And, as one of the interviewees said, 'peer review is an essentially conservative process, which tends to encourage the reproduction of establishment views'. – И, как сказал один из подвергшихся интервью при приеме на работу, "отзыв коллег – по своей сути

очень консервативный процесс, которому свойственно поощрять воспроизводство установившихся взглядов”.

Большинство по определению консервативно, и поэтому принцип равенства в оценке новых идей вызывает сомнение у научной общественности.

Сравнение актуальных смыслов, ассоциируемых с концептом “СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО” в русской и англоязычной лингвокультурах, показывает, что существуют обширная область межкультурного совпадения ассоциаций, включающая характеристики юридического, политического и экономического равенства, соотношение равенства со свободой и справедливостью, и область специфического понимания равенства людей. Для носителей русского языка актуальна идея равенства в бедности, англичане и американцы обращают большее внимание на знаки эмблематического равенства женщин и мужчин. Почему в России нет столь острого переживания гендерного неравенства? По-видимому, есть несколько причин для этого: во-первых, во многих семьях женщина является фактическим главой семьи, и поэтому вряд ли можно говорить об ущемлении прав женщин в их личной жизни; во-вторых, завоеванием Советской власти явилось равенство женщин с мужчинами в области образования и трудоустройства; в-третьих, для большинства населения нашей страны более актуальны вопросы экономического, а не эмблематического порядка, хотя с ростом благосостояния эмблематика социального статуса будет становиться, как и в других странах, все более значимой. Обратим внимание на то, что образование и медицинское обслуживание в англоязычном мире осмысливается в тесной связи с социальным равенством людей.

Отношение к равенству и неравенству в обществе весьма противоречиво, и эти противоречия находят отражение в паремиологии – пословицах и афоризмах. Можно выделить следующие направления осмысления этого концепта: положительная оценка равенства либо неравенства, отрицательная оценка равенства либо неравенства, нормы поведения, обусловленного равенством либо неравенством.

Положительная оценка равенства между людьми обусловлена стремлением достичь социальной гармонии:

С точки зрения естественного права все люди равны (Латинское изречение). Равенство – это признание за всеми людьми мира одинаковых прав на пользование благами мира, одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни, и одинаковых прав на уважение личности человека (Л. Толстой). Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они наделены своим творцом неотчуждаемыми правами; что в число этих прав входят жизнь, свобода и возможность добиваться счастья (Т. Джефферсон). Равенство и свобода – естественные и неизменные основы человеческого единения и, следовательно, необходимый и основной принцип всякого закона и всякой правильной системы правления (К. Вольней). Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (Всеобщая декларация прав человека).

Подчеркивается естественность социального равенства в силу его биологической самоочевидности. Фактически речь идет о принципе равноправия, о равенстве граждан перед законом:

Равноправие – святой закон для человечества (Ф. Шиллер). Равные права – всем, особые привилегии – никому (Т. Джефферсон). Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все они одинаково были подчинены законам (Ж. Д'аламбер). Равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены (Сенека).

Приводятся веские доводы, объясняющие положительную природу равенства:

Равенство – начало справедливости (Сенека). Важнейшее свойство справедливости есть равенство (Латинское изречение). Равенство создает дружбу (Платон). Равенство не рождает войну (Солон). Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочнить законы (Г. Мабли). Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит (А. Бек).

Многие афористические речения на тему равенства выражают отрицательную оценку такого положения дел. Констатируется то, что в действительности равенство невозможно, поскольку люди рождаются неравными:

Люди рождаются свободными и неравными (Г. Аллен). В теории нет ничего проще равенства, на деле же нет ничего невыносимее его и призрачнее (Л. Вовенарг). То, что все люди равны, это утверждение, с которым в обычные времена не согласится ни один здравомыслящий человек (О. Хаксли). Равноправие – искусственное принижение одних и возвышение других. (М. Макаров). Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому "равное право" есть нарушение равенства и несправедливость. (В. Ленин).

Идея равенства утопична, поскольку существует разрыв между идеалом и его воплощением:

Каждый – кузнец своего счастья, но многое зависит от заготовки (А. Жуков). Когда всё становится на свои места, выясняется, что кое-кому места не хватает (Ц. Меламед). Равенство – утопия негодяев (Д. Жирарден). Когда все будут равны, некому будет поставить знак равенства (И. Карпов).

Теории, провозглашающие социальное равенство, являются, по мнению афористов, ошибочными:

"Равенство перед законом" не факт, а политическое требование, опирающееся на моральное решение, причем оно совершенно независимо от теории – вероятно, ложной – о том, что "все люди рождаются равными" (К. Поппер). Равенство может быть правом, но никакая человеческая сила не может обратить его в факт (О. Бальзак). Демократия требует для граждан равного старта, эгалитаризм – равного финиша (Р. Прайс).

Нас часто раздражают те, кто ведет себя неуважительно по отношению к нам:

Особенно невыносимы идиоты, которые смотрят на тебя как на равного (NN).

Но такое раздражение уживается, как показано в следующем шутливом изречении, с нашей собственной завышенной самооценкой:

Я не стремлюсь к равенству. Я и так лучше всех (В. Голобородько).

Говоря о равенстве, люди обычно лицемерят:

Равенство, которого мы требуем, – всего лишь наиболее терпимая степень неравенства (Г. Лихтенберг). Мы живём в мире равных возможностей, – говаривала Ключу Отмычка (Б. Лесняк). В конечном итоге люди друг другу равны – только не всегда, не везде и не во всем (В. Гжегорчик). В борьбе за равенство добился исключительных привилегий (М. Мамчич). Нет больших снобов, чем профессиональные борцы за равенство (М. Маггеридж).

Равенство несовместимо со свободой:

Где все равны, там никто не свободен (П. Буаст). Пусть лучше будут несчастливые, чем не будет счастливых вообще, а ведь именно это и произойдет при всеобщем равенстве (С. Джонсон). Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы (А. Камю). Для русского освободительного движения характерно то, что оно дорожит равенством более, нежели самой свободой. Оно готово предпочесть рабство частичному освобождению: между всеобщим равенством рабства и всеобщим равенством свободы оно не допускает середины. Оно не может мыслить иначе, как в форме всеобщности (Е. Трубецкой).

Равенство несовместимо с благородством:

Все люди – братья: живут, как будто делят наследство (К. Елисеев). Бьют не лежачего, а того, кто пытается встать (Б. Крутиер).

Установление равенства есть насилие, часто жестокое:

Поголовное равенство – мечта Прокрустов (И. Карпов). Если бы прокрустово ложе могло говорить, оно рассказало бы нам о сути равенства (Е. Кащеев). Все люди равны. После соответствующей обработки (Е. Лец). Это свобода, это равенство и братство, – словом, это война! (Ж. Жироду).

Реализация равенства приводит к тому, что в выигрыше оказываются худшие:

Полное равенство означает всеобщую безответственность (Дж. Элиот). Для большинства людей смысл равенства состоит

не в том, чтобы подниматься до уровня других, а в том, чтобы понижать других до своего уровня (А. Карр). Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители (Ш. Монтескье). Уравнять в "правах" слона и моську означает на деле подчинить слона моське (В. Грудев).

Борьба за установление равенства является тщетной в силу разных стартовых условий участников этой борьбы:

Одни всегда будут выше других. Уничтожь неравенство сегодня, и завтра оно появится снова (Р. Эмерсон). Лидер пришёл к финишу первым, остальные всю дорогу бежали (Д. Рудый). Права у всех одинаковые, только исключения разные (Д. Рудый). Единица измерения равенства: львиная доля. (Л. Сухоруков). У всех от Бога – права равны, благословенья – разные. (Л. Сухоруков). В кошки-мышки любят играть только кошки (В. Хочинский).

Установление равенства не только сопряжено с насилием, но и часто преследует корыстные цели:

... Существуют три источника несправедливости: насилие, как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жестокость самого закона (Ф. Бэкон).

Установление равенства приводит к обезличиванию людей:

Социальный прогресс требует стандартизации людей, и эту стандартизацию называют равенством (Э. Фромм).

Критически оценивается зависть как основа стремления к равенству:

Почти все разговоры о равенстве возможностей рождаются от зависти к неравенству способностей (*С. Янковский*). *Не мучай других своими успехами (В. Голобородько). Если вы куёте своё счастье, соседи не спят (В. Колечицкий). Из стремления к превосходству рождается дух политического равенства (Ш. Талейран).*

Критически оценивая отрицательные последствия борьбы за равенство, афористы отмечают, что благородные и низкие люди вкладывают в эту борьбу разное содержание:

Идея равенства, наша естественная страсть, прекрасна в возвышенных душах, но для душ низких она не означает ничего, кроме зависти (Ф. Шатобриан). Хуже всего неравенство среди слуг (В. Шевчик).

Отрицательная оценка неравенства объясняется тем, что оно ведет к падению нравов:

Неравенство естественным образом приводит к материализации высшего класса, опошлению среднего и озверению низшего (А. Мэтью).

Нормы поведения в отношении равенства устанавливают прежде всего равные стартовые условия для всех:

У всех должны быть равные шансы, но ни у кого не должно быть преимущества (Г.Вильсон). Только одно равенство для всех: равенство предварительных условий для деятельности (В. Дудинцев).

Нормы поведения, обусловленного равенством, сводятся к осмыслению смерти как всеобщего уравнителя:

Смерть уравнивает всех. Единственное место, где все действительно равны, – это кладбище. Все в землю ляжем, всё прахом будет. Смерть чинов не разбирает. Смерть не разбирает чина, а косит и мужика, и дворянина. Нынче – полковник, а завтра – покойник. Сегодня – царь, а завтра – прах. Для тела папы нужно не больше пядей земли, чем для тела пономаря (С. Сервантес). На эшафоте все равны (В. Борисов).

Эта тема является одной из центральных в “Экклезиасте”: “*Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах” (Эккл., 3: 19-21).*

Отсюда вытекает критическая оценка неравенства как временного положения дел, утешающая тех, кто не сумел достичь многого в своей жизни, и огорчающая тех, кто не принимает идею загробного равенства.

В русском пословичном фонде вариативно выражено предписание соблюдать сложившееся неравенство между людьми:

Знай сверчок свой шесток. Знай ворона свое гнездо. Знай кошка своё лукошко. Не в свои сани не садись. Гусь свинье не товарищ. Волк коню не товарищ. Лапоть сапогу не пара. Пеший конному не товарищ.

Эти речения представляют собой жесткие директивы, определяющие незыблемость социальной иерархии. Истолкование этих фраз является утилитарным обоснованием бессмысленности попыток изменить порядок вещей: конный обгонит пешего, волк загрызет коня, тот, кто носит сапоги, не станет на равных общаться с обутым в лапти.

Заслуживает внимания ироничное народное предписание трезво оценивать себя и равных себе:

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо в ровню упрямчивое.

В этом речении выражен совет оценивать себя и партнеров в ситуации ухаживания (и не только ухаживания) адекватно обстоятельствам. Поговорка перекликается с известной фразой "*На зеркало неча пенять, коли рожа крива*".

В англоязычном мире приветствуется иное поведение:

The weakest go to the wall – Слабейшие идут к стене (в средневековой церкви скамьи для молящихся были установлены у стен, а почетные места были в центре, поэтому пойти к стене означало уступить в состязании). Отсюда вытекает требование отстаивать свое право находиться в центре. *Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you – Не превращай себя в мышку, а то тебя кошка съест* (Не следует принижать себя, иначе другие этим могут воспользоваться). Близкая по смыслу идея выражена в известной сентенции Генри Торо: *If a man does not keep pace with his companions, perhaps it is because he hears a different drummer* (H.D. Thoreau). – *Если кто-то идет не в ногу со своими товарищами, возможно, он слышит другого барабанщика*. Иначе говоря, нужно вести себя не так, как большинство, а в соответствии со своими целями.

Выводы

Таким образом, в российской и англоязычной публицистике и художественной литературе совпадают следующие характеристики концепта “СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО”: 1) основным признаком равенства является юридическое равенство граждан перед законом, 2) юридическое равенство проявляется в праве голоса, 3) естественным следствием различий между людьми является имущественное неравенство, 4) противопоставляются равенство возможностей и равенство способностей, 5) равенство возможностей признается гуманистической ценностью, равенство способностей – иллюзией, 6) декларация равенства может маскировать неравенство, 7) существуют эмблемы равенства и неравенства, 8) существуют этнокультурные особенности проявления равенства и неравенства.

Текстовые примеры дают возможность установить определенные различия в понимании равенства в русской и англоязычной лингвокультурах. К числу специфических характеристик концепта “СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО”, отмеченных только в текстах на русском языке, относятся следующие: 1) важнейшим признаком равенства является имущественное равенство, 2) как правило, имущественное равенство есть равенство бедных, 3) борьба против неравенства бывает жестокой, 4) борьба против неравенства является тщетной, 5) борьба против неравенства может наносить вред культуре, 6) равенство часто сопряжено с соперничеством, 7) неравенство обусловлено социобиологической природой человека, стремление к равенству – его духовной природой, 8) предпочтение свободы равенству свидетельствует о приоритете индивидуалистских ценностей, предпочтение равенства свободе – о приоритете коллективистских ценностей.

Специфическими для англоязычной культуры являются следующие характеристики рассматриваемого концепта: 1) отношение к имущественному неравенству является важнейшим показателем ценностей политической партии, 2) неравенство между женщинами и мужчинами создает напряжение в обществе, 3) социальное неравенство ярко проявляется в сфере образования.

Основные характеристики оценочного осмысления СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА в паремиях сводятся к следующим: 1) соци-

альное равенство является принципом справедливого общественного устройства, 2) равноправие граждан способствует гармонизации общества, 3) социальное равенство представляет собой утопию, 4) равенство противоречит свободе, 5) борьба за равенство часто бывает жестокой и тщетной, 6) мотивом борьбы за равенство обычно бывает зависть, 7) установление равенства приводит к выигрышу худших, 8) нормы поведения по законам равенства требуют предоставления всем одинаковых стартовых условий, 9) эти нормы показывают временность и эфемерность успехов, 10) эти нормы отличаются этнокультурной спецификой применительно к пословичному фонду – в русском традиционном поведении следует соблюдать сложившееся неравенство между людьми, в англоязычном поведении такое требование, по данным паремиологии, не прослеживается.

Литература

Брицын В. М., Зимовец Г. В., Яворская, Г. М. Концепт БОЛЬ (когнитивные и культурно-антропологические аспекты) // Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 393 – 412.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 780 с.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64 – 72.

Воркачев С. Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 8 – 93.

Воркачев С. Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 299 с.

Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35 – 47.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.

Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып.1. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 11 – 35.

Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.

Приходько А. Н. Типы и классы концептов // Новое в славянской филологии: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 80 – 89.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.

Федотова В. Г. Равенство социальное // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.

Шахназаров Г. Х. Равенство социальное // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 557 – 558.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Gosepath S. Equality // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://plato.stanford.edu/archives/spr2011/entries/equality.

6.2. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ

Ефремов В. А.

Цель данного исследования – экспликация механизмов и способов концептуализации базовых для любой лингвокультуры концептов "МУЖЧИНА" и "ЖЕНЩИНА" и доказательство наличия в языковом сознании особой ментальной единицы – концептуального пространства. При этом ключевой составляющей концептуализа-

ции названных архетипичных концептов следует признать освоение гендерных стереотипов.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, возросшим в современной лингвистике вниманием к когнитивной и этнокультурной составляющей языковой картины мира, с другой стороны, бурным развитием гендерных дисциплин. Исследование проводится на пересечении нескольких лингвистических направлений: лингвокогнитивного, лексико-семантического и гендернолингвистического. Именно интегральный подход обеспечивает наиболее точный ракурс исследования такого сложного по своей природе объекта как концептуальное пространство "'МУЖЧИНА' – 'ЖЕНЩИНА'".

Базовые походы к концептуализации

Проблема соотношения когнитивной и языковой картин мира, концептуальных систем и языковых структур, роли языка в процессах познания и осмысления мира, а также в его концептуализации и категоризации – вот те актуальные проблемы, которые занимают когнитивную лингвистику и стимулируют возникновение новых способов и методик их решения. И если исходить из того, что "языковая структура зависит от концептуализации, которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также отношений к этому внешнему миру" [Демьянков 2009 : 30], то необходимо определить, что представляет собой концептуализация как когнитивный процесс.

Термин "концептуализация", активно использующийся в отечественной лингвистической литературе с начала 90-х годов XX в., относится к разряду востребованных и актуальных, но, как и большинство терминов когнитивной лингвистики, не имеет четкого и однозначного определения. В самых общих чертах под концептуализацией понимают осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов как фиксированных в сознании человека смыслов.

В современной лингвистической науке можно выделить как минимум шесть разных, хотя и неизбежно пересекающихся, точек зрения на концептуализацию.

1) Концептуализация – это “классифицирующий процесс, в результате которого минимальные ментальные единицы упорядочиваются в целые когнитивные системы” [Концептуализация и смысл 1990 : 4]. Сторонники такой точки зрения рассматривают концептуализацию как некоторый “сквозной” для разных форм познания процесс структурирования уже имеющихся знаний и возникновения разнообразных когнитивных структур новых знаний на базе сформированных ранее минимальных концептуальных единиц. Однако такой подход, апеллирующий исключительно к “классифицирующей функции” когнитивных единиц и практически игнорирующий языковые структуры, характерен прежде всего для логиков и некоторых философов.

2) Концептуализация – это членение отраженной сознанием действительности с помощью языка. Такой подход также подразумевает обращение к классифицирующей функции концептуализации: “каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира” [Апресян 1995 : 350], однако первичными объявляются языковые знания, которые и структурируют действительность с помощью концептов. Этот взгляд характерен для представителей Московской семантической школы, в рамках которой концептуализация рассматривается как набрасывание “классификационной сетки” языка на отражаемый мир.

3) “Термин концептуализация используется для обозначения любого аспекта человеческого опыта, включая понимание природного, лингвистического, социального и культурного контекстов. Семантические структуры – это акты концептуализации, используемые в лингвистических целях как значения лингвистических выражений, например, слов, словосочетаний, предложений” [Лэнгакер 2006 : 15]. В лингвистике наиболее широкое представление о концептуализации характерно именно для когнитивной грамматики, в которой она приравнивается к значению в целом: согласно американскому исследователю Р. Лэнгакеру, процесс концептуализации характеризует субъективную природу значения и представляет собой комплексное понятие, включающее в себя сенсорные, эмотивные и кинестетические ощущения, а также социальную и лингвистическую информацию. При этом концептуализация охватывает не

только уже сформировавшиеся концепты, но и “новые концепции и впечатления в момент их появления” (там же).

Одновременно Р.В. Лэнгакер пытается связать концептуальную деятельность с нейрофизиологическим механизмами, утверждая, что “в концептуализации, по сути, нет ничего таинственного: это просто когнитивная обработка (нейрологическая деятельность). Осуществление конкретной концептуализации или обладание определенным ментальным опытом характерно для сложного “когнитивного события” (сводящегося в конечном итоге к координированному взаимодействию нейронов)” [Лангаккер 1992 : 10].

5) Наиболее общий лингвистический подход к концептуализации представлен в статье “Когнитивная лингвистика”, написанной для “Энциклопедии языка и лингвистики” (N.Y., 2006) американским лингвистом-когнитологом Л. Талми: “Концептуализация, обнаруживаемая в языке, в широком смысле рассматривается как продукт мыслительных процессов человека и “привязывается” к экстралингвистическим явлениям (там, где возможно такое отношение), а не выводится из предполагаемых структур, свойственных подобным экстралингвистическим явлениям, и действительно принимается языком” [Talmy 2006 : 544].

6) В последнее время для того чтобы разграничить индивидуальный и социальный (обусловленный во многом этнолингвистической спецификой) процессы познания окружающей действительности, в ряде работ западных этнопсихологов, когнитологов и лингвистов вопросы концептуализации связывают с так называемой “социальной когницией”*. При таком подходе социальную (в иных терминах – коллективную, культурную) концептуализацию интерпретиру-

* Социальная когниция (social cognition) – это совокупность процессов в сознании индивидуума, которые протекают под влиянием внешних факторов, связанных с результатами деятельности социума. Принципиально важно, что социальная когниция – это процесс трансформирующийся, способный видоизменяться под влиянием различных факторов (так, именно она обусловливает существование социальных, в том числе и гендерных, стереотипов).

Социальная когниция представляет собой схематизацию социального окружения индивида, облегчающую ориентацию во внешнем мире. Одновременно она оказывает существенное влияние и на ментальные схемы, культурная детерминация которых очевидна.

ют не столько как когнитивный процесс, сколько как результат этого процесса во всем его многообразии. Так, в исследованиях современного австралийского ученого Ф. Шарифяна такие понятия, как когнитивная схема, когнитивная категория и метафора, интерпретируются как различные типы (“культурной”) концептуализации.

В его же работах соотношение ментального и лингвистического интерпретируется следующим образом: “Язык служит в качестве “банка памяти” для культурных концептуализаций его носителей, как в прошлом, так и в будущем” [Sharifian 2009 : 109]. При таком подходе социальная когниция рассматривается как “сложная адаптивная система”, а концептуализация интерпретируется как “способ толкования людьми, принадлежащими различным культурным группам, собственного опыта и разнообразных точек зрения на мир” [там же: 113]. Интересно, что при подобного рода интерпретации взаимодействия языка и когниции Ф. Шарифян активно ссылается на работы Л.С. Выготского.

При этом исследователь, в отличие от логиков и лингвофилософов, подчеркивает, что культурная концептуализация существует в первую очередь благодаря языку: “лексические элементы человеческих языков следует рассматривать как способы “схватывания” и хранения культурных концептуализаций” [Sharifian 2009 : 116].

5) Концептуализация – это объективация в каждом конкретном высказывании элементов концептуальной картины мира и отдельных концептов. При таком, когнитивно-коммуникативном, подходе под процессом концептуализации понимается “определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализацией” [Рахилина 2000 : 7]. Как отмечает сама Е.В. Рахилина, данная интерпретация концептуализации как исключительно коммуникативно значимого процесса не является чем-то неожиданным: и в Московской семантической школе, и в Школе логического анализа языка широко используется представление о “наивной картине мира”, служащей своеобразным медиатором между действительностью и смыслом.

6) Однако самым распространенным в современной отечественной когнитивной лингвистике является понимание концептуализации как процесса когнитивной деятельности человека, приводящего не только к возникновению ментальных единиц, отражающих информацию и фрагменты реального мира как через язык, так и через другие ментальные репрезентации, но и к “образованию концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека” [Кубрякова 1996 : 93]. Таким образом, концепт – это всегда результат концептуализации. Вместе с тем итогом концептуализации могут становиться и иные единицы ментальной природы: как более мелкие, чем концепт (например, концептуальные признаки), так и более крупные (например, суперконцепты, фреймы, категории и др.).

Итак, концептуализацию можно представить, с одной стороны, как процесс структурирования знаний, включающий в себя выделение относительно простых концептуальных составляющих общего представления об объекте, выявление отношений и взаимосвязей между этими составляющими; а с другой стороны, как динамичный процесс усложнения ментального мира человека за счет “наращивания” сложности вновь образуемых элементов, которые дополнительно выстраиваются в комплексные иерархические единицы.

Одной из таких единиц, на наш взгляд, и является концептуальное пространство, обе части которого структурируются параллельно и по симметричным векторам: оба концепта (в нашем случае – “МУЖЧИНА” и “ЖЕНЩИНА”) проходят через сложную систему “физического, социального и лингвистического контекста речевых событий” [Лангаккер 1992 : 10], в результате чего создается некая целостная структура, части которой не пересекаются, но и одновременно не представлены в ментальном мире отдельно. Следовательно, будучи самостоятельными, концепты “мужчина” и “женщина” вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании носителя языка некую целостность (актуализация одного из концептов предполагает актуализацию второго), которую можно назвать ***концептуальным пространством.*** (Здесь мы не затрагиваем случаи использования элементов одного концепта в качестве метафорического представления другого, например,

номинация *баба* в отношении мужчины или словообразовательные и фразеологические “переосмысления” типа *пацанка* или *мужик в юбке* ‘о волевой, целеустремленной женщине’.)

Как уже было отмечено, пути исследования концептуализации зависят от природы и структуры самого концепта: знания, образующие концептуальную систему человека, имеют различные источники формирования, и это обусловливает разнообразие типов, структур и содержания концептов. В качестве строительного материала сложных когнитивных единиц называются разные когнитивные элементы: от когнитивных признаков (например, работы З.Д. Поповой, И.А. Стернина и их учеников) до прототипов (А. Вежбицкая) и образов-схем (Дж. Лакофф).

По нашему мнению, в качестве исходных для концептуализации сложных ментальных единиц могут служить такие когнитивные элементы, как стереотипы. Причем для гендерно маркированных концептов “мужчина” и “женщина”, а также для исследуемого концептуального пространства в целом, роль этой первоосновы играют именно гендерные стереотипы. Говоря иначе, можно утверждать, что значимым элементом концептуализации представлений о мужском и женском в языке и мире становится знакомство (заметим, уже в раннем возрасте) с гендерными стереотипами, а также последующее их освоение.

Лингвистические стереотипы

Исследование стереотипов в современной гуманитарной науке носит междисциплинарный характер. Появившись в социологии и социальной психологии 1920-х гг., понятие стереотипа стало предметом анализа теории коммуникации и этнологии, истории литературы и культуры, философии языка и семиотики, гендерной и когнитивной лингвистики.

Этот термин в широкий научный обиход ввел в работе “Общественное мнение” (1922) американский общественный деятель и журналист У. Липпманн, который определил стереотипы как “образы в нашем сознании (the pictures in our heads)”, спасающие человека от сложности окружающего мира. “Стереотипы, – писал У. Липпманн, – это предвзятые мнения, которые решительно

управляют всем процессом восприятия. Они маркируют определенные объекты как знакомые или незнакомые, так что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного индекса до неопределенной аналогии" [Lippmann 1922]. Все дальнейшие дефиниции стереотипа как языкового, философского, социального, этнографического, психологического, когнитивного или культурно-поведенческого явления так или иначе опираются на ставшую классической концепцию Липпманна, описавшего базовые характеристики данного феномена: устойчивость, ригидность, консерватизм, оценочность, экономичность, традиционность, гипертрофированность (тенденциозность).

Несмотря на разногласия в трактовке отдельных аспектов природы и функционирования стереотипов, большинство исследователей сходится в том, что стереотипизация – это процесс приписывания индивидам на основании их групповой принадлежности неких характеристик, а стереотипы – это набор представлений о характеристиках (атрибутах) той или иной группы людей.

С конца 70-х гг. XX в. понятие стереотипа оказалось широко востребованным и лингвистами (работы У. Квастхофф, А.В. Кирилиной, В.В. Красных, Л.П. Крысина, Дж. Лакоффа, Е.В. Рахилиной, Ю.А. Сорокина, Д. Таннен, Н.В. Уфимцевой и др.). Впервые в лингвистическом ракурсе стереотипы начинают анализироваться в 1970-е гг. в работах немецкой исследовательницы У. Квастхофф, которая рассматривает их как проявления коллективного знания, наряду с клише, рекламными слоганами, пословицами, цитатами и др., и приводит следующее определение этого лингвистического феномена: "Стереотип – это вербальное выражение устоявшегося убеждения относительно социальной группы или отдельной личности как ее члена. Он имеет логическую форму суждения, которое в неоправданно упрощенном и обобщенном виде, с эмоционально окрашенной оценкой, одобряет или осуждает определенные качества или манеру поведения некоего класса индивидов. Лингвистически описывается как предложение" [Quasthoff 1978 : 3]. При этом, в отличие от клише, пословиц и рекламных слоганов, стереотипы не имеют жесткого лингвистического выражения; кроме того, их

форма и область распространения могут быть ограничены рамками одной социальной группы.

С современной точки зрения стереотипы можно представить в виде особого вида ментальных репрезентаций широко распространенных мнений, получивших статус знания и потому закрепившихся в языке. Иными словами, стереотип – это результат особой формы концептуализации, сопровождающейся переживаниями и оценкой, следовательно, обязательно имеющей аксиологическую природу.

У. Квастхофф выделила и основные функции стереотипов.

1. Когнитивная функция воплощается в генерализации объекта, часто сопровождающей восприятие информации и служащей элементом концептуальной картины мира. Когнитивная функция позволяет структурировать с помощью стереотипов “свой” мир и “внешний” социум. Она особенно ярко обнаруживается в тех ситуациях возникновения/актуализации стереотипа, в которых происходят изменения когнитивных установок индивида. “Например, при усвоении чужой культуры на занятиях иностранным языком приходится одни стереотипы (регулирующие интерпретацию речи) заменять другими” [Демьянков 1996 : 177].

2. Аффективная функция выражает степень отнесенности и меру оценки себя и других как не-членов данной группы в межэтническом, межконфессиональном, межгендерном, межгрупповом и т.д. общении и проявляется прежде всего в характерной для всех языков, культур и социумов оппозиции “своего” и “чужого”. С этой функцией связано разграничение автостереотипов (стереотипы о собственном социуме) и гетеростереотипов (стереотипы о чужой группе).

3. Социальная функция отвечает за разграничение “внутригруппового” и “внегруппового”. Именно на этой функции основаны социальные когниция и категоризация: она приводит к образованию социальных представлений, на которые человек активно ориентируется в обыденной жизни.

К перечисленным У. Квастхофф функциям можно добавить и другие:

4. Интегративная функция позволяет “маркировать” своего или чужого члена во время коммуникации: владение теми или иными стереотипами – верный знак принадлежности тому или иному социуму;

5. Функции экономии, которая “удовлетворяет психическую потребность в экономии познавательных усилий” [Бартминьский 1997 : 13].

6. Прагматическая функция позволяет использовать стереотипы в качестве своего рода аргументов при воздействии на собеседника;

7. Протекционная функция способствует сохранению традиционной для данного социума системы мировоззрения, отраженной в стереотипах.

Необходимо сразу отметить, что в гендерных стереотипах все перечисленные функции воплощаются в полной мере: так, стереотип “*все мужики – сволочи*” выполняет когнитивную функцию (генерализованное представление о всех мужчинах как отрицательных и потенциально опасных людях), аффективную (гендерное разграничение (эксплицитно) мужского как отрицательного и (имплицитно) женского как положительного) и социальную (разграничение и противопоставление мира мужчин и женщин), а также интегративную (объединение женщин перед лицом мужчин как чужого социума), прагматическую (ср. разницу прагматического эффекта использования этой фразы во внутригендерном и межгендерном коммуникативных актах), протекционная (сохранение элемента мировоззрения женщин определенного социального круга).

Междисциплинарный характер изучения гендерных стереотипов проявляется в частности и в том, что в современных социологических исследованиях одной из функций этих когнитивных элементов напрямую называют структурирование картины мира личности: “Гендер принимает участие в упорядочивании картины мира в целом и организации всей системы социальных отношений – не только между мужчинами и женщинами, но и между группами, а также между человечеством и природой” [Рябова 2003 : 139].

Стоит также заметить, что в большинстве случаев, в отличие от социологов и психологов, лингвисты называют стереотипами обязательно вербализованные суждения (реже – просто номинации) четырех типов:

(1) лингвокультурологические стереотипы как “установленные конвенционально семантические и/или формальные конструкции, формирующие культурно-языковой образ объекта” [Бартминьский 1997 : 12];

(2) прагматические и семантические стереотипы как “стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп, обладающие логической формой суждения, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающего определенному классу лиц определенные свойства или установки, – или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках” [Демьянков 1996 : 177];

(3) лингвокогнитивные стереотипы как “социокультурно маркированные единицы ментально-лингвального представителя определенной этнокультуры, реализуемые в речевом общении в виде нормативных локальных ассоциаций к стандартной для данной культуры ситуации общения” [Прохоров 2008 : 141];

(4) психолингвистические стереотипы как “единицы языка, вызывающие на психовербальном уровне в сознании представителей определенной национально-культурной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера” [Рыжков 1988 : 14].

Итак, для лингвистического изучения стереотипа ключевыми становятся такие аспекты анализа, как стереотип и его языковой знак, стереотип и его вербализация, когнитивная структура стереотипа, вербальные и невербальные стереотипы. Кроме того, в отличие от У. Квастхофф, современные лингвисты все чаще обращаются к стереотипам, представленным не только суждением или цепочкой суждений, но и сверхсловной номинацией (иногда как вариант свернутого суждения) или даже словом: *лицо кавказской национальности, новый русский, сексуальные меньшинства, секс-бомба* и др.

Неслучайно один из основоположников когнитивной лингвистики, Дж. Лакофф, разрабатывая классификацию прототипов, отнес к ним, наряду с идеалами, образцами, эталонами и т.п., и социальные стереотипы, отмечая, что они “обычно осознаются и могут вызывать разногласия, /.../ изменяются со временем и могут приобретать характер проблем” [Лакофф 1988 : 34]. При этом из четырех примеров социальных стереотипов, приводимых исследователем, два относятся к разряду именно гендерных: (1) Типичная мать – домохозяйка. (2) Типичный холостяк – “настоящий мужчина”,

встречается с большим числом женщин, любит одерживать над ними победы, постоянно торчит в барах и т.д.

Более того, Дж. Лакофф специально указывает, что особенно активно социальные (в том числе и гендерные) стереотипы используются в рекламе и массовой литературе, а также в публицистике. Эта мысль имеет важное значение для понимания ключевой роли средств массовой информации, особенно рекламы, в трансляции, поддержании и формировании стереотипов.

Существенно также противопоставление, которое Дж. Лакофф устанавливает между стереотипами и идеалами как двумя разновидностями прототипов человеческого сознания, вновь апеллируя к гендерным единицам концептуальной системы человека: “Многие категории воспринимаются через абстрактные идеальные образцы, которые при этом могут не быть ни типичными представителями данной категории, ни стереотипами, например:

• Идеальный муж: хорошо зарабатывает, верен жене, внушает уважение, привлекателен.

• Стереотипное представление о муже: бездельник, скучный, пузатый” [Лакофф 1988 : 35].

Итак, гендерный стереотип является разновидностью социального стереотипа, не совпадает с идеальными представлениями о том или ином элементе действительности и отражает специфику как концептуальной системы, так и языковой картины мира.

Гендерные стереотипы

Как уже было сказано выше, одним из источников структурирования некоторых концептов являются стереотипы сознания, в том числе – гендерные, под которыми традиционно понимают “упрощающие и обобщающие, эмоционально окрашенные, культурно и социально обусловленные мнения и суждения о качествах, атрибутах и нормах поведения “типичных” представителей того или иного гендера” [Коноплева 2002].

Представляется, что проблема гендерных стереотипов имеет две плоскости бытования: с одной стороны, это социологическая сущность, связанная с общей проблемой принадлежности человека к определенному полу (гендерный дисплей, гендерная иденти-

фикация, гендерные роли и т.д.), а с другой – это лингвокогнитивное явление, связанное с ментальными репрезентациями и проблемой стереотипии сознания в целом.

С точки зрения социологии, например, гендерные стереотипы возникают в процессе исторического становления социальных способов взаимодействия личности с окружающим миром в зависимости от ее гендерной принадлежности. Система гендерных стереотипов – важнейшая характеристика поведения членов общества, так как в значительной мере определяет их социальные возможности. Исследователи полагают, что в гендерных стереотипах, так же, как и в других видах социальных стереотипов (например, этнических, политических, конфессиональных, профессиональных), отражаются особенности восприятия людьми представителей собственной и иной группы.

Социологи выделяют следующие характеристики гендерных стереотипов:

• схематичность и упрощенность;
• эмоционально-оценочная нагруженность;
• устойчивость и ригидность;
• высокая степень конвенциональности [Рябова 2001].

Исторически возникновение гендерных стереотипов обусловлено тем, что гендерные отношения и гендерная стратификация общества всегда складывались таким образом, что гендерные различия располагались над индивидуальными, качественными различиями мужчин и женщин. Гендерная стратификация труда, гендерные роли в семье и обществе, гендерные различия в религиозной, политической, культурной сферах человеческой жизни приводили к созданию определенных представлений о маскулинности и феминности, к появлению гендерных стереотипов о мужчинах и женщинах.

Во второй половине XX в. ситуация меняется: социологические исследования функционирования гендерных стереотипов в современном обществе показывают, что в последние десятилетия представления о гендерной стратификации общества и гендерных ролях стремительно трансформируются. Однако эти изменения происходят неравномерно в различных культурах и языковых системах (так, например, достижения феминистской критики языка и языковой

политики в западных странах не сопоставимы с робкими ростками феминистской лингвистики в современной России), по-разному воспринимаются представителями различных лингвокультур и по-разному интерпретируются языковым сознанием разных этносов.

В современных психологических исследованиях выделяют несколько групп гендерных стереотипов [Клецина 2004 : 248-251], которые для демонстрации их гетерогенной (социальной, психологической и языковой) природы можно проиллюстрировать аналогичными примерами лингвистических стереотипов:

1) стереотипы маскулинности/феминности как нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Например, мужчины компетентны, властны, независимы, агрессивны, самоуверенны, склонны рассуждать логически, способны управлять чувствами; женщины более пассивны, зависимы, эмоциональны, заботливы и нежны (*все блондинки глупы; все мужики бабники; мужичий ум говорит "надо" – бабий ум говорит "хочу"; волос длинный – ум короткий* и др.);

2) стереотипы, характеризующие распределение социальных (семейных и профессиональных) ролей между мужчинами и женщинами. В большинстве традиционных обществ считается, что главные роли мужчины – профессиональные, женщины – семейные. "Настоящий" мужчина стремится к построению карьеры, профессиональному успеху; "настоящая" женщина хочет выйти замуж, иметь детей, вести домашнее хозяйство (*муж – глава семьи; и баба смекает, что люльку качает; муж да жена – одна сатана* и т.д.); Наиболее ярко для европейской культуры этот стереотип сформулировал германский император Вильгельм II, противопоставивший "женские" четыре К – *Kinder, Küche, Kirche, Kleider* (дети, кухня, церковь, одежда) трем "мужским" – *Kaiser, Krieg, Kanonen* (император, война, пушки);

3) стереотипы, определяющие специфику гендерной дифференциации труда: "традиционной для женщин считается деятельность обслуживающая, исполнительская; для мужчин же характерна деятельность инструментальная, творческая, им "по плечу" организовывать и руководить" (*не женское это дело; работа для настоящего мужика* и т.п.).

Важно также отметить, что в современной социологии существует интересное объяснение специфической природы полярности гендерных стереотипов, которое подтверждает правильность высказанной нами точки зрения о наличии в человеческом сознании такого специфического типа когнитивных единиц, как концептуальное пространство “’мужчина’ – ‘женщина’”: “В отличие от многих типов социальных стереотипов гендерные отражают взаимодействие лишь двух групп – мужчин и женщин. В ряде исследований бинарность трактуется как один из базовых принципов осмысления гендерных различий. В результате такой полярности неполное соответствие мужчины стереотипу маскулинности ведет за собой не отрицание его мужественности, а атрибутирование ему женских характеристик” [Рябова 2001 : 5].

В отличие от социологии, культурологии и психологии, в которых уже многое сделано для изучения гендерных стереотипов, в отечественной лингвистике практически нет базовых работ, посвященных этой проблематике, тем более на материале гендерной составляющей русской языковой картины мира. Вместе с тем современная лингвистика приходит к мысли о том, что изучение гендера вне когнитивной лингвистики практически невозможно: “Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, поэтому его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов” [Кирилина 2005 : 27].

Несмотря на то что гендерные стереотипы проявляются на всех уровнях языка, отечественные лингвисты если и затрагивают эту проблему, то чаще всего вскользь и исключительно на материале фразеологического фонда языка: см., например, работы В.Н. Телии (1996), А.В. Кирилиной (1999), Д.Ч. Малишевской (1999), О.А. Чибишевой (2005). Вместе с тем отражение стереотипных представлений о мужественности и женственности, мужчинах и женщинах можно и необходимо изучать в различных плоскостях лингвистического анализа: от просодики (например, сугубо женские стереотипные эмфатические рисунки, специфическая интонация “манерности” гомосексуалов и др.) до паралингвистики (жесты-стереотипы мужчин и женщин).

При этом важно помнить, что гендерные стереотипы, как и иные элементы ментальной сферы человека, отражаемые языком, с одной стороны, культурно обусловлены, а с другой – осознаются индивидом в соответствии с его личным опытом: “в системе языка фиксируется гендерная стереотипизация, свойственная коллективному, “наивному” сознанию, а в коммуникации с помощью имеющегося в данном языке набора гендерных стереотипов актуализируется отрефлексированный индивидуумом опыт” [Гвоздева 2004 : 4].

Итак, гендерная стереотипизация отражает культурно обусловленные оценки и репрезентируется на всех уровнях языка. В связи с этим гендерные стереотипы, определяющие содержание концептов “мужчина” и “женщина” в той или иной лингвокультурной общности, могут быть исследованы и через языковые структуры. На наш взгляд, стереотипы, формирующие образы мужчины и женщины в языковом сознании, достаточно полно эксплицируются в материалах ассоциативных экспериментов.

Концепт и универсальные гендерные стереотипы (по данным “Русского ассоциативного словаря”)

Современная лингвистика характеризуется возникновением новых исследовательских парадигм, что приводит к поиску разнообразных и эффективных методов анализа языкового материала. Изучение вербальных ассоциаций – одно из наиболее популярных и разработанных направлений в психолингвистических исследованиях. “Новая ассоциативная парадигма коммуникативно-прагматической лингвистики позволяет с достаточной мерой полноты исследовать отражение концептосферы в языковой картине мира, эксплицировать различные фрагменты и уровни языковой личности, в частности реконструировать структуру концептов” [Горошко 2001 : 36].

Во время ассоциативного эксперимента в сознании носителя языка активизируется сложная, многоуровневая структура: образное представление о предмете или явлении, прототип этого предмета, соответствующий сценарий и связи в ментальном лексиконе, т.е. некий фрагмент концептуальной системы.

Для анализа репрезентации гендерных стереотипов в структуре концептов “МУЖЧИНА” и “ЖЕНЩИНА” имеет смысл обратиться к наиболее авторитетному ассоциативному фонду русского языка – “Русскому ассоциативному словарю”.

Прежде всего следует сказать, что лексемы *мужчина* и *женщина* в языковом сознании тесно связаны друг с другом: оба слова являются первой, самой частотной и значительно превышающей иные ответы реакцией друг на друга: *мужчина* ⟶ *женщина*: 13% и *женщина* ⟶ *мужчина*: 16%. Причем реакция *женщина* на стимул *мужчина* вдвое превышает следующую по частоте реакцию *сильный* (8%). Важно также отметить, что языковое сознание респондентов регулярно дает и такие синтагматические реакции, как *и женщина* (на стимул *мужчина* пятая по частотности реакция; 2%), *и мужчина* (на стимул *женщина*; 1%).

Таким образом, наличие в результатах ассоциативных экспериментов жестких амбивалентных связей между словами *мужчина* и *женщина* свидетельствует об их концептуальной близости и о неразрывной связи, что, в свою очередь, весомо доказывает: концепты “мужчина” и “женщина” в языковом сознании объединены в единую целостную структуру, определяемую нами как концептуальное пространство “’МУЖЧИНА’ – ‘ЖЕНЩИНА’”.

Вместе с тем названные статьи ассоциативного словаря легко обнаруживают большинство гендерных стереотипов, которые многократно воспроизводятся в фольклорной картине мира и которые были неоднократно описаны социологами и этнографами как универсальные стереотипы о мужчинах и женщинах.

Памятуя о междисциплинарности заявленного исследовательского подхода, эксплицировать наиболее характерные гендерные стереотипы, формирующие концептуальное пространство “’мужчина’ – ‘женщина’”, на наш взгляд, можно путем сопоставления результатов ассоциативных экспериментов с данными социологических, психологических, этнографических исследований.

Для выявления ряда универсальных гендерных стереотипов можно прибегнуть к материалам широко известного исследования американских психологов Дж. Уильямса и Д. Бест, в ходе которого был проведен опрос граждан 30 стран (общее число участников

исследования – почти 3000). Ученые использовали список из 300 прилагательных: опрашиваемых просили указать, какие из них в большей степени характеризуют женщин, а какие – мужчин. При этом нужно было указать именно те черты, которые с точки зрения респондентов связывались с типичными представлениями о мужчинах и женщинах, принятых в их культуре (неважно, согласны они с этим или нет). Если более двух третей респондентов одной страны указывали одинаковое прилагательное как атрибут определенного пола, характеристика считалась общепринятой для соответствующей культуры. Обобщая данные по всем культурам, исследователи решили: в случае если характеристика общепринята более чем для двух третей изучаемых культур, можно считать, что существует "кросскультурный консенсус" относительно данного атрибута для описания либо мужчин, либо женщин.

Степень совпадения типичных описаний мужчин и женщин, полученных от представителей разных культур, оказалась поразительной. Так, обнаружилось, что исключительно мужчин характеризуют 48 прилагательных, а только женщин – 25 (см. приведенные ниже таблицы). Общая закономерность состоит в том, что мужчины воспринимаются как властные, независимые, агрессивные, активные, смелые, неэмоциональные, грубые, прогрессивные и мудрые. Женщин, напротив, представляют зависимыми, слабыми, боязливыми, эмоциональными, чувствительными, нежными, мечтательными и суеверными. Вероятность существования универсально распространенных гендерных стереотипов позволяет психологам, социологам, историкам, этнографам, культурологам выдвигать оригинальные предположения о возможных эволюционно обусловленных культурных параллелях, связанных с разделением труда между мужчинами и женщинами, и об общности психологических характеристик, явившихся следствием этой универсальной формы сегрегации трудовой деятельности. Результаты были настолько впечатляющими, что позволили другим ученым утверждать: "столь высокая степень согласия дает основания предположить, что исследователям удалось выявить психологические универсалии, касающиеся гендерных стереотипов" [Мацумото 2008 : 269].

Для удобства репрезентации и исследования эксплицируемых на основе результатов ассоциативного эксперимента данных о гендерных стереотипах как основе формирования концептов “МУЖЧИНА” и “ЖЕНЩИНА” одноименные статьи “Русского ассоциативного словаря” приводятся после соответствующих фрагментов сводной таблицы результатов исследования Д. Уильямса и Д. Бест (взято из: [Берн 2001 : 246]).

Таблица 1. Исключительно мужские характеристики*

агрессивный (24)	ленивый (21)	реалистичный (20)
активный (23)	логичный (22)	самоуверенный (21)
амбициозный (22)	мудрый (23)	серьезный (20)
бесстрастный (20)	мужественный (25)	сильный (25)
властный (24)	напористый (20)	склонный к риску (25)
громкий (21)	недобрый (19)	суровый (23)
грубый (23)	независимый (25)	трезвомыслящий (21)
дерзкий (24)	неорганизованный (21)	тупоголовый (21)
доминирующий (25)	неосторожный (20)	убедительный (25)
жестокий (21)	неотесанный (21)	уверенный (19)
жестокосердный (21)	несносный (19)	хвастливый (19)
заносчивый (20)	неумолимый (24)	храбрый (23)
изобретательный (22)	неэмоциональный (23)	целеустремленный (21)
инициативный (21)	оппортунистический (20)	шутливый (19)
искусный (19)	прогрессивный (20)	эгоцентричный (21)
крепкий (24)	рациональный (20)	энергичный (22)

Мужчина: *женщина* 88; *сильный* 43; *высокий* 27; *красивый* 16; и женщина 13; *сила, средних лет* 12; *красавец* 10; *настоящий человек* 9; в возрасте 8; *молодой, пожилой* 7; *любимый, мужик, умный* 6; *друг, он* 5; в шляпе, *интересный*, самец, *старый* 4; *костюм, любовь, мой*, обаятельный, *отец, симпатичный, хозяин, хороший, элегантный* 3; *благородный, боец*, в годах, *вежливый, веселый*, видный, в расцвете лет, *глупый, джентльмен, знакомый, крутой, лысый, молодец, муж*, мужественный, *мужество, надежный*, не женщина, *полный, смелый, солидный, стройный, ум, холостой, черный*, эгоист 2; атлет, биологически слабый, *блондин, большой, борода, брат, брюки*, был, вальяжный, в белом,

* В скобках указано количество культур, которые данный стереотип характеризует.

в галстуке, *верный, взрослый,* в летах, влюбленный, *воин, воля, вообще,* в пальто, в полном расцвете лет, в расцвете сил, *врач,* врет, в соку, в теле, выдержанный, *вышел, гигант,* глава семьи, *голый, гора, грозный,* грузный, гулящий, дарит цветы, *девушка, деловой, деньги, добрый, Дон Жуан, дорогой, дрянь, дуб, дурак,* душка, *дырка,* едет, если надо причину, *животное, жулик,* заботится, *зрелый,* идет, или…, или нет, импозантный, импотент, интеллектуал, *интеллигент, истинный, кабан,* как в кино, как я, *кинофильм, класс, классный, клевый, козел,* который спешит, *крепкий,* культурист, лицо мужского пола, *лучший,* лысеющий, любвеобильный, любящий, *мальчик,* молод, мужской пол, *мужчина, мускулы, нарядный, не знаю,* неизбежность, неудобный, ничейный, *нудный,* обнял, обратить внимание, *опора, орел,* особь противоположного пола, *парень, партнер, пиджак, пища, плохой, подлец,* позорный, полноценный, *порядочный,* постамент, представительный, *прелесть, принц, приятный, проказник, прохожий,* пьет, *ребенок,* редиска, *родина, рыжий, рыцарь, сам, сволочь,* сдержанный, *седой, сексуальный,* семьянин, серый костюм, *серьезный,* силен, сися, спальня, *спортсмен, старина,* стопроцентный, странно, *страшный, субъект,* султан, *сынок, табак,* Тарзан, *твердость, твердый, темно, толстый, трезвый, тройка,* уверенный, *удачный, учитель, ушел, хилый, хирург, честный, честь,* что надо, *чужой,* Шварценеггер шляпа и плащ, *щедрый,* экстравагантный, *юноша, я, яркий,* я твой 1; 547+217+3+160 [РАС, 1 : 335].

Из 48 характеристик, приписываемых мужчине в большинстве обследованных Д. Уильямсом и Д. Бест культур, в статье “Русского ассоциативного словаря” с разной полнотой отражены следующие стереотипы.

– Сильный – самая частотная синтагматическая реакция на стимул “мужчина” (8% всех ответов). Этот же стереотип представлен такими реакциями, как *сила* (12 ответов), *атлет, в расцвете сил, культурист, мускулы, силен, спортсмен.* Образный компонент этого ассоциативного поля как языкового воплощения концепта включает в себя и элементы, персонифицирующие стереотип силы: *Тарзан, Шварцнеггер*. Таким образом, суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 12%.

Показательно, что в русской части “Славянского ассоциативного словаря” этот стереотип выражен еще сильнее: на стимул *мужчина* фиксируется 13% реакций, содержащих ядерный семантический компонент *‘сила’*. Интересно, что в белорусском и украинском языках картина аналогична русской [СлАС, 158-159]. Данный стереотип отражает одну из базовых линий маскулинизации члена общества, представленную так называемой “нормой физической твердости” (the physical toughness norm) – “стереотипом мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью” [Берн 2001 : 174].

– **Мужественность –** второй по значимости стереотип, характеризующий мужчину. Он представлен следующими реакциями: *мужик* (6), *мужественный, мужество, не женщина (по 2 реакции), истинный, лицо мужского пола, мужской пол, мужчина, особь противоположного пола, полноценный, стопроцентный, что надо*. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 4%. Представление о мужчине как носителе маскулинности отражает особенности концептуализации языковой картины мира, но не научной: ни мальчик, ни старик, ни пацан, ни парень не могут выступать в роли образца или эталона мужественности, хотя относятся к лицам мужского пола.

Некоторые из приведенных выше универсальных гендерных стереотипов маскулинности представлены синонимами или дериватами: *веселый* (как синоним к *шутливый* из списка Д. Уильямса и Д. Бест), *глупый* и *дурак* (тупоголовый), *крутой* (дерзкий), *эгоист* (эгоцентричный) (2), *грозный* (жестокий), *крепкий*, *сдержанный* (и *выдержанный*?) (бесстрастный), *серьезный*, *уверенный*, *твердость* и *твердый* (неумолимый). Суммарная доля этих ответов в числе всех реакций составляет 3%.

Необходимо сказать и о стереотипах, которые не упомянуты в исследовании Д. Уильямса и Д. Бест (так как не связаны с описанием внутреннего мира человека), но играют важную роль в концептуализации представлений о мужчине. Более того, приведенные ниже стереотипы имеют “зеркальные” аналоги в структурировании концепта “женщина”, что в очередной раз доказывает: оба

концепта объединены в сознании в целостную единицу – концептуальное пространство "'МУЖЧИНА' – 'ЖЕНЩИНА'".

– **Возраст**: *средних лет* (12), *в возрасте* (8), *в расцвете лет* (2), *в полном расцвете лет, взрослый, зрелый* (общая доля – 5%). Типичный мужчина в русской языковой картине мир предстает как человек среднего возраста. Более того, наличие таких реакций, как *молодой, пожилой* (7), *старый* (4), *в годах* (2), *в летах, мальчик, молод, парень, ребенок, юноша*, также свидетельствует (в некоторых случаях – от противного) об актуализации стереотипа возраста зрелости. Этот вектор концептуализации соотносится с таким важным направлением маскулинизации личности, как "взрослость": в патриархатном и современном обществах мужчина, с одной стороны, не может позволить себе быть ребенком, с другой стороны – становится полноценным членом общества только в период социальной зрелости. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 9%.

– **Социальные роли**: а) муж: *муж* (2); б) семьянин: *отец, хозяин* (3), *глава семьи, семьянин* и в) защитник: *боец* (2), *воин, опора, рыцарь*. Данный список вполне отражает архетипические представления о социальных и гендерных ролях мужчины в традиционном обществе. Прежде всего обращает на себя внимание обилие стереотипных реакций, связанных с семейным статусом мужчины. Это экспликация древнейшего патриархатного стереотипа, согласно которому мужчиной становится только тот, кто обзаводится семьей и становится во главе ее. Более того, для некоторых типов маскулинности наличие семьи – облигаторная составляющая образа полноценного мужчины. Доля ответов, связанных с этой группой стереотипов, составляет 3%.

– **Внешний облик** (мужская одежда): *в шляпе* (4), *костюм* (3), *брюки, в галстуке, пиджак, шляпа и плащ*. Суммарная доля таких ответов – 2%.

– **Настоящий человек.** В качестве отдельного вектора концептуализации необходимо выделить следующий ряд: *настоящий человек* (9), *мужик* (6), *он* (5), *самец* (4), – вариации одного из древнейших стереотипов человеческого сознания о центральном статусе мужчины. По мнению феминисток, это главнейшее

проявление андроцентризма языка – отождествления понятий ‘человек’ и ‘мужчина’ (ср. англ. men, нем. Mensch, фр. l’homme, с некоторыми оговорками укр. чоловік). Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 4%.

К стереотипам, связанным с прецедентным фондом западной культуры, относится реакция *Дон Жуан*, а также упомянутые выше *Тарзан* и *Шварценнегер*. Попутно заметим, что для современного мужчины последнее прецедентное имя становится эталонным с раннего детства: см. реплику мальчика “*Шварценеггер*. – У меня мышцы, как у Франшнеггера [м., 3 г., 10 м.]” [Харченко 2005 : 606].

Таким образом, если сложить все реакции ассоциативного поля “МУЖЧИНА”, которые выражают гендерные маскулинные стереотипы, то их суммарная доля достигнет 37%, что, безусловно, свидетельствует о значимой роли такого рода стереотипов в формировании концепта “МУЖЧИНА”.

Отметим также, что среди реакций на стимул “мужчина” содержатся не только гендерные стереотипы, но и элементы идеального образа мужчины (идеал как разновидность прототипа, по Дж. Лакоффу), которые легко группируются по следующим критериям параметризации:

• **культурный типаж:** *джентльмен, рыцарь, интеллигент, как в кино;*

• **внешняя привлекательность:** *высокий* (27), *красивый* (16), *красавец* (10), *интересный* (4), *обаятельный, симпатичный, элегантный* (3), *видный, солидный, стройный* (2), *вальяжный, импозантный, нарядный, представительный, сексуальный;*

• **интеллектуальные способности:** *умный* (6) и *ум* (2), *интеллектуал.* Эта характеристика не попадает в разряд универсальных и, кажется, национальных, гендерных стереотипов. Такая ситуация выглядит особенно интересно, так как гендерные психологи давно установили, что одно из наиболее распространенных требований, предъявляемых обществом мужчине, – так называемая “норма умственной твердости” (the mental toughness norm), или “стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным” [Берн 2001 : 176]. Более того, по мнению этнографов, в русском патриархатном мире разумность

традиционно представлялась сугубо мужским признаком. Так, появление ума нового, более высокого качества связывали с переходом в следующий возрастной период, например от совершеннолетия к зрелости, а переход от старости к дряхлости происходил со своего рода потерей разумности, что воспринималось одновременно и как размывание половой идентичности: “На бабский разум перешел” [Холодная 2005 : 374].

Однако проведённое в 2001 г. социологом Л.С. Егоровой исследование показало, что для современного общества однозначное включение более высокого уровня интеллекта в категорию маскулинных стереотипов нельзя считать достаточно обоснованным. Так, анализ полученных в ходе социологического исследования ответов о справедливости стереотипа “мужчины умнее женщин” привел к следующим результатам. Абсолютно согласны с этим утверждением лишь 4,9% мужчин и 1,5% женщин. Предположительное мнение (скорее, “да”) высказали 21,7% респондентов, в том числе 15,4% мужчин и 6,4% женщин. Вместе с тем 40,8% (!) респондентов (в основном женщины) считают это утверждение несправедливым (безусловно, “нет”). Анализ рецепции современными жителями России этого и иных гендерных стереотипов приводит исследовательницу в области маркетинговых коммуникаций к следующему выводу: “Большинство членов общества считают, что мужчины не умнее женщин, однако, безусловно, более способны к руководству и управлению” [Егорова 2001 : 16];

• **этический компонент:** *порядочный, честный, честь;*

• **характер:** *хороший* (3), *благородный, вежливый, надежный* (2), *верный, добрый, приятный, щедрый.*

Суммарная доля ответов, эксплицирующих прототипические черты идеала мужчины, составляет 21%.

Заметим, что анализ концепта “МУЖЧИНА” по данным ассоциативных экспериментов, проведенных среди школьников, позволил выявить следующие схожие с перечисленными выше компоненты: “*Мужчина* (в отличие от *мужика*) характеризуется по его семейной роли (*папа, муж*), через отношения, основанные на различии пола (*девушка*), является выразителем значения грамматического рода (*он, тип*) и пола (*воин*), определяется, как *серьезный,*

элегантный, вежливый, строгий, гордый, осторожный, подлинный, светлый” [Гольдин, Сдобова 2003 : 110]. Данный портрет мужчины, основанный на ассоциациях учащихся средней школы, свидетельствует о том, что гендерные стереотипы в школьном возрасте усвоены в достаточной степени полноты.

Анализ гендерных стереотипов, структурирующих концепт “ЖЕНЩИНА”, проводится по тому же алгоритму: сначала сопоставляются данные ассоциативного эксперимента со списком стереотипов Д. Уильямса и Д. Бест, затем выделяются стереотипные социальные роли и иные стереотипы, в заключении эксплицируются элементы прототипа-идеала.

Женщина: *мужчина* 71; красивая 66; *мать* 36; в белом 19; молодая 11; *красота*, милая 10; умная 8; *добрая* 7; *жена*, *любимая*, привлекательная 6; деловая, и мужчина, интересная, *любовь*, пожилая, с ребенком 5; *девушка*, которая поет, мудрая, обаятельная, *человек*, элегантная 4; *врач*, *загадка*, *мама*, полная, прекрасна, прекрасная, приятная, *ребенок*, симпатичная 3; *баба*, в черном, *глупая*, *друг*, *дура*, *душа*, загадочная, *красавица*, *красива*, *моя*, *нежность*, обнаженная, одинокая, *она*, *поет*, *святость*, *сестра*, слабая, старая, странная, сумки, *толстый*, усталая, хорошая 2; ..., *бедная*, без комплексов, *белая*, беременность, болеет, *болтовня*, была, вамп, в возрасте, в голубом, великолепная, *Венера*, *веселая*, в красном, *возраст*, *воин*, в песках, в платке, вредная, все глупы, все особи женского пола старше 25, *высокая*, в экстазе, гинеколог, гордая, *девочка*, длинноногая, длинные волосы, *доброта*, *дома*, друг человека, Ева, *жалость*, *жаль*, ждет, желанная, замужем, *зверь*, зло и счастье, *змея*, идеальная, изумительная, *истина*, исчадие, как женщина, *каторга*, кокетка, *кольцо*, *конструктор*, *королева*, *кошка*, *крокодил*, ласковая, легкомысленная, *лента*, любит, *магазин*, материнство; мать, т. е. имеющая детей; *мечта*, *много*, *модель*, моей мечты, *мрак*, *мужик*, *муки*, нежная, *нет*, *ноги*, обольстительница, общая, *одна*, окает, ослепительная, отчаянная, очарование, очаровательная, падшая, первая, *песня*, *петух*, *платье*, плачет, *подруга*, порядочная, потаскуха, поющая, прелестница, *прелесть*, приветик, пришла, *прогулка*, *проститутка*, работяга, родная, роковая, *роль*, *романтика*, *свет*, свободная,

сидела, *символ, скандал, слабость, следователь*, смеется, *со вкусом*, согласна, с сумками, стара, *стерва*, строгая, стройная, с цветами, с цветком, счастливая, *тварь*, темпераментная, толстая, трахаться, трахнуть, труженица, *туфли*, уставшая, *учитель*, хочет, хрупкая, *цветочек*, человек женского пола, чужая, *шипы*, это женщина, это прекрасно, я, 8 Марта 1; 531+197+6+140 [РАС, 1 : 335].

Таблица 2. Исключительно женские характеристики

боязливая (23)	мечтательная (24)	сексуальная (22)
добрая (19)	мягкая (21)	сентиментальная (25)
жеманная (20)	мягкосердечная (23)	слабая (23)
женственная (24)	нежная (24)	спокойная (21)
зависимая (23)	очаровательная (20)	суеверная (25)
застенчивая (19)	покорная (25)	тревожная (19)
кроткая (19)	привлекательная (23)	чувствительная (24)
любопытная (21)	приятная (19)	эмоциональная (23)
	разговорчивая (20)	

Как уже говорилось выше, концепт “ЖЕНЩИНА” структурируется по схожим векторам концептуализации, представленным разнообразными гендерными стереотипами, однако количественный аспект реакций определяет иную иерархию когнитивных признаков.

– **Красота:** *красивая* составляет 66 (12%) реакций. Это самая частотная синтагматическая реакция русского человека на стимул “женщина”. Этот же древнейший гендерный стереотип эксплицируют следующие, в большинстве своем синонимичные, ответы: *красота* (10), *привлекательная* (6), *интересная* (5), *обаятельная, элегантная* (4), *прекрасна, прекрасная, приятная, симпатичная* (3), *красавица, красива* (2), *великолепная, Венера, изумительная, ослепительная, очарование, очаровательная, прелестница, прелесть, это прекрасно*. Следует особо отметить, что в русской языковой картине мира такие характеристики, как *привлекательная, интересная, приятная* и ряд других, могут эксплицировать феминные стереотипы не только внешней, но и внутренней красоты. По совокупной частоте такого рода реакции стоят на первом месте и отражают древнейший стереотип о женщине как эстетическом идеале. При этом данный стереотип не зависит от

возраста лица женского пола: так, в “Словаре ассоциативных норм русского языка” на стимул *девочка* ассоциация *красивая* занимает третье по частотности место после антонимической и атрибутивной реакций *мальчик* и *маленькая* [САНРЯ: 87], а в “Русском ассоциативном словаре” – четвертое место после частотной реакции *припевочка* [РАС, 1 : 156]. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 23%.

– **Женственность:** *баба* (2), *Ева, как женщина, человек женского пола, это женщина*. Как и в случае с концептуализацией представлений о мужчине, именно женщина, а не девушка, девочка или баба воплощает традиционное представление феминности, о женщине как совокупности качеств, которые отличают ее от мужчины. Совокупная доля ответов, представляющих этот гендерный стереотип, – 1%.

– **Социальный статус**: **а)** *мать* (26). Только одна эта реакция составляет 7% всех ответов, что, безусловно, доказывает глубинное, архетипическое представление женщины именно как матери. В совокупности с другими реакциями: *с ребенком* (5), *мама* (3), *ребенок* (3), *беременность, материнство; мать, т.е. имеющая детей* – этот стереотип занимает главенствующее место в концептуализации образа женщины в языковом сознании русского человека. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, составляет 8%. Кстати, по данным социологической службы Romir Monitoring, 37% россиян уверены, что главное предназначение женщины – это быть матерью [Образ… 2006]; **б)** реакции *жена* (6), *замужем* и при определенном ракурсе интерпретации *дома* выражают вторую, после материнства, основную социальную роль женщины – быть женой; **в)** *деловая* (5) – это единственное упоминание о какой-либо иной социальной функции, кроме жены и матери. Перед нами новый гендерный стереотип, который появляется в языковом сознании русского человека после социокультурных трансформаций в постсоветском государстве. Столь низкая доля (0,9%) данной реакции объясняется, во-первых, консервативной природой стереотипов (они крайне медленно меняются), а во-вторых, тем, что ассоциативный эксперимент, на базе которого создан “Русский ассоциативный словарь”, проводился в конце 80-х – в начале 90-х гг. XX в.

По результатам упомянутого социологического опроса, уже 22% граждан России представляют в качестве идеальной россиянки именно “деловую и независимую женщину” [Образ… 2006]. Итак, реакции, эксплицирующие гендерные стереотипы, связанные с социальными ролями женщины, в сумме составляют 10% ответов.

– **Возраст**: *молодая* (11), *девушка* (4), *все особи женского пола старше 25, девочка*, с одной стороны, и *старая, пожилая* (5), *в возрасте, стара* – с другой. Численный перевес ровно в два раза свидетельствует о том, что в отличие от концепта “мужчина”, прототипический компонент которого – ‘средний возраст’, для концепта “женщина” – это скорее всего (все-таки нельзя не учитывать и возраст самих респондентов) ‘молодость’. Совокупная доля ответов, представляющих этот гендерный стереотип, – 6%.

– **Физические данные:** физическая слабость женщины – это один из самых распространенных стереотипов различных культур мира. Более того, параметр физической слабости легко метафоризируется и позволяет формировать гендерные стереотипы, связанные с моральной, духовной и др. слабостью женщины. Реакции *слабая* (2) и *слабость*, а также *усталая* (2) и *уставшая, болеет, хрупкая* составляют 1,5% ответов. Показательно, что это представление о женщине как слабом человеке эксплицируется и в детских рассуждениях типа: “*Женщина*. – Кому тяжелее в жизни: мужчине или женщине? – Женщине! Мужчина деньги в дом приносит, а женщина она и готовит, и растит детей... [д., 12 л. 9 м.]” [Харченко 2005 : 153]. Безусловно, данный стереотип служит зеркальным вариантом архетипического стереотипа, концептуализирующего представления о мужчине, – “обладающий хорошими физическими способностями”. Такого рода структурирование служит доказательством целостности концептуального пространства “’мужчина’ – ‘женщина’”.

– **Интеллектуальные способности:** *глупая, дура* (2), *все глупы*. Суммарная доля подобных ответов (менее 1%) позволяет утверждать, что для русского языкового сознания в целом не очень характерно рассматривать глупость как атрибут женщины. Правда, дальнейших изысканий потребовала бы характеристика более традиционного, патриархатного, сознания, представленного, например,

широко известным стереотипом, характеризующим один из субконцептов “женщины”: “Бабы – дуры!”.

– **Объект сексуального интереса:** *обнаженная* (2), *без комплексов, вамп, в экстазе, желанная, кокетка, обольстительница, общая, падшая, потаскуха, проститутка, роковая, стерва, трахаться, трахнуть, хочет*. Подобного рода ответы выявляют (в разной степени оценочности: от *обнаженная* до *потаскуха*) самый сексистский гендерный феминный стереотип – “женщина как источник сексуального удовольствия мужчины”. Следует сказать, что подобного рода реакции, характеризующие сексуальное поведение, встречаются и в ассоциативном поле “мужчина” (*животное, импотент, спальня*), но гораздо реже. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 3%.

– **Внешний облик**: *в платке, длинные волосы, платье, туфли, с цветами, с цветком*. Суммарная доля таких ответов, так же, как и при концептуализации представлений о мужчине, составляет 2%.

Отдельно назовем те универсальные гендерные стереотипы из списка Д. Уильямса и Д. Бест, которые представлены а) дериватами: *добрая* (7) и *доброта, нежная и нежность* (2); б) синонимами (в том числе и межчастеречными): *болтовня* (разговорчивая) и *темпераментная* (эмоциональная). Совокупная доля ассоциативных реакций, эксплицирующих эти стереотипы, – 2%.

Таким образом, если сложить все реакции ассоциативного поля “ЖЕНЩИНА”, которые выражают гендерные стереотипы, то суммарная доля их достигнет 49%, что свидетельствует о преобладающей роли этих ментальных единиц в формировании концепта “женщина”. Более того, в концептуализации представлений о женщине гендерные стереотипы играют б***о***льшую роль, чем при концептуализации “МУЖЧИНЫ”.

Так же, как и концепт “МУЖЧИНА”, ассоциативное поле концепта “ЖЕНЩИНА” содержит в себе, помимо гендерных стереотипов, прототипические черты идеала. Их можно сгруппировать по тем же признакам:

• собственно сам **идеал**: *идеальная, мечта, модель, моей мечты;*

• **эталонная внешность**: *длинноногая, высокая, ноги, стройная;*

• **позитивно-оценочные признаки**: *милая* (10), *хорошая* (2), *ласковая, романтика, счастливая.* Этот блок характеристик практически не представлен в прототипе “мужчина”, что в очередной раз подтверждает тезис о том, что “русская женщина оценивается информантами обоего пола выше, чем русский мужчина” [Кирилина 1999: 155];

• **этический компонент**: *святость* (2), *порядочная;*

• **интеллектуальные способности**: *умная* (8), *мудрая* (4).

Суммарная доля ответов, эксплицирующих прототипические черты идеала женщины, составляет 7%.

Данные обратного тома “Русского ассоциативного словаря” позволяют как подтвердить наличие уже описанных векторов концептуализации, так и выявить б*о*льшее число пейоративных реакций. В этом аспекте особо выделяются реакции на стимул *мужчина* с общим семантическим компонентом ‘грубый’ (также один из универсальных стереотипов восприятия и концептуализации образа мужчины).

Кроме того, важным представляется тот факт, что совокупное количество реакций, отражающих внешний вид женщины (стереотипы красоты и внешнего облика), гораздо выше количества аналогичных реакций в ассоциативном поле концепта “мужчина”, что подтверждается исследованиями функционирования гендерных стереотипов в русской фразеологии: “Внешность мужчины представлена в русской языковой картине мира значительно меньшим количеством фразеологических единиц, чем внешность женщины (7% о женщине и 4% о мужчине), поскольку внешность не является для мужчины в русскоязычном обществе определяющим фактором” [Соловьева 2008: 9].

Вместе с тем самые частотные реакции и на слово *мужчина*, и на слово *женщина* – это лексические единицы, имеющие положительную коннотацию. Это доказывает, что ассоциативные эксперименты зачастую выявляют идеальное, по Дж. Лакоффу, представление о тех или иных фрагментах действительности. Однако те же самые эксперименты демонстрируют и наличие гендерных

стереотипов, участвующих в формировании целостного представления о мужчинах и женщинах, а также концептуального пространства “’МУЖЧИНА’ – ‘ЖЕНЩИНА’”.

Важным представляется и тот факт, что подобное освоение гендерных стереотипов и их “встраивание” в языковое сознание происходит довольно рано. Так, по данным исследования гендерных стереотипов российских школьников, проведенного Е. Шибановой (Иваново, 2001), различие содержания стереотипных образов маскулинности и феминности сформировано уже в среднем школьном возрасте. Мужскими качествами респонденты назвали ум, силу, предприимчивость, трудолюбие (соответственно 81,3%, 79,7%, 72%, 53,1%); женскими – красоту, доброту и ласку, ум, хитрость (95,3%, 64,1%, 54,7%, 50%). Заслуживает внимания и следующая гендерная асимметрия: девочки в первую очередь приписывают мужчинам силу (84,8%), а мальчики – ум (90,3%) (данные взяты из: [Рябова 2001]).

Таким образом, можно утверждать, что ассоциативный эксперимент – один из эффективных методов исследования концепта и что результаты такого рода экспериментов подтверждают “на практике” теоретические разработки в области реконструкции и структурирования концепта, позволяя эксплицировать основные векторы формирования концепта как в сознании отдельного индивида, так и в языковой картине мира того или иного народа.

Выводы

Концептуализация, понимаемая как сложный двусторонний процесс структурирования знаний и усложнения ментального мира человека, во многом определяется спецификой самих концептуализируемых объектов. Большое значение в концептуализации социально значимых понятий и представлений имеют такие когнитивные единицы, как гетерогенные и гетерофункциональные стереотипы. При этом основную роль в концептуализации представлений о мужчине и женщине в языковой картине мира играют именно гендерные стереотипы, которые могут быть как вербализованы, так и не вербализованы.

Гендерные стереотипы имеют две плоскости бытования: с одной стороны, это социологическая сущность, связанная с общей проблемой принадлежности человека к определенному полу, а с другой – это когнитивное явление, связанное с ментальными репрезентациями и механизмами стереотипизации.

Основная, ядерная часть гендерных стереотипов легко эксплицируется при анализе результатов ассоциативных экспериментов. Более того, привлечение данных социологических, этнографических и кросскультурных исследований позволяет верифицировать выводы психолингвистических разысканий. При этом результаты ассоциативных экспериментов обнаруживают не только архетипические гендерные стереотипы, концептуализирующие маскулинные и феминные образы, но и зону прототипических представлений об идеальных мужчине и женщине.

Одновременно реконструкция векторов концептуализации концептов “МУЖЧИНА” и “ЖЕНЩИНА” позволяет подтвердить наличие особой ментальной единицы – концептуального пространства как симметрично организованной целостности. Так, названные концепты структурируются по векторам (resp. когнитивным признакам) *СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ, ФИЗИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, ВОЗРАСТ, ВНЕШНИЙ ОБЛИК* и т.д.

Литература

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю. Д. Апресян. Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – С. 629 – 650.

Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. – 1997. – № 1. – С. 12 – 24.

Берн Ш. Гендерная психология. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 320 с.

Гвоздева А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 23 с.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Мужик, мужчина и женщина, баба в речевом сознании школьников // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во СГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 106 – 112.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: РА–Каравелла, 2001. – 320 с.

Демьянков В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой / Отв. ред. Н. К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 27 – 37.

Демьянков В. З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 177 – 179.

Егорова Л. С. Гендерные стереотипы в управлении (по материалам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. – 2001. – № 3–4. – С. 13 – 17.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Сост. А. В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7 – 30.

Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.

Коноплева В. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/042.htm.

Концептуализация и смысл / Отв. ред. И. В. Поляков. – Новосибирск: Наука, 1990. – 239 с.

Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 93 – 94.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12 – 51.

Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 56 с.

Лэнгакер Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 15 – 27.

Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. – Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 688 с.

Образ идеальной россиянки // Газета “Взгляд” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vz.ru/society/2006/3/13/25729.html (2006).

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта, 2008. – 176 с.

Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3 – 15.

Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. / Ю. Н. Караулов и др. – М.: АСТ, 2002 (РАС).

Рыжков В. А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М., Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 4 – 16.

Рябова Т. В. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. – 2001. – № 3–4. – С. 3 – 12.

Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. – Т. 5. – 2003. – Вып. 1–2 (15-16). – С. 120 – 139.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М.: Изд-во РАН, Ин-т языкознания, 2004. – 792 с. (СлАС).

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с. (САНРЯ).

Соловьева Н. С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 20 с.

Харченко В. К. Словарь современного детского языка. – М.: -Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.

Холодная В. Г. Мужик // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов и др. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – С. 371 – 379.

Lippmann W. Public Opinion. N.Y., 1922 [Electronic resource]. – Mode of access: http://xroads.virginia.edu/~Hyper/Lippman/contents.html

Sharifian F. On collective cognition and language // Language and social cognition. Ed. H. Pishwa. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 109 – 135.

Talmy L. Cognitive linguistics // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N.Y.: Elsevier, 2006. – P. 542 – 546.

Quasthoff U. M. The uses of stereotype in everyday argument // Journal of Pragmatics. – 1978. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 1 – 48.

6.3. КОНЦЕПТ *ЧЕРНОБЫЛЬ*: 26 ЛЕТ ПОСЛЕ АВАРИИ

Левицкий А. Э.

Исследования в области психолингвистики уже длительное время остаются одними из актуальных [Василевич 1987; Выготский 1996; Глухов 2005; Горелов, Седов 1997; Леонтьев 1997 и др.]. В последнее время, данное направление обогатилось достижениями лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, в частности, лингвоконцептологии (см., напр., [Языковое сознание 2004]). Предлагаемое вашему вниманию исследование имеет своей целью установить концептуальные сферы, ассоциирующиеся в сознании респондентов с аварией на ЧАЭС, и лексические единицы, используемые для определения этих ассоциаций. Для достижения вышеназванной цели был проведен независимый ассоциативный эксперимент для установления лексики, которая соотносится в сознании информантов с катастрофой в Чернобыле. Опрошенным было задано два вопроса: 1. Какие ассоциации возникают в вашем сознании в связи с *Чернобылем*? 2. Какие новые слова, относящиеся к трагедии в *Чернобыле*, появились в русском языке?

Теоретическую основу исследования составили работы о связи языка и мышления [Выготский 1996; Потебня 2001; Fodor 1975]; психологические теории о значении слова [Fodor 1975; Garman 1990; Garnham 1985; Glucksberg & Danks 1975; Rosch 1978], ассоциативного анализа [Kess 1992; Prideaux 1984], ассоциативного значения лексических единиц [Glucksberg, Danks 1975]. Проведенный ассоциативный анализ основывается на взаимосвязи вербальных ассоциаций с мышлением индивида [Davis 2003], методике и методологии независимого ассоциативного анализа [Cramer 1968], с учетом социальных аспектов выявленных ассоциаций [Cramer 1968].

Респонденты (51 человек) были поделены на группы (F и M; A и B; C и D) согласно следующим признакам: ГЕНДЕР (36 женщин [F] и 15 мужчин [M]); ВОЗРАСТ (37 человек, родившиеся до аварии [A]; 14 информантов, рожденные после катастрофы [B]); МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (для опрошенных старше 26 лет: (14, проживающие вблизи Чернобыля, в Киевской, Житомирской и Черниговской областях [C]; 23 человека – из других областей Украины [D]).

Полученные результаты были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам:

I. ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ – напрямую соотносится с ПРОШЛЫМ, т. е. самой аварией, местом, временем и конкретными людьми:

1.1. РЕАЛЬНОСТЬ – имеет прямую связь с аварией, выражая суть события: *катастрофа, взрыв, АЭС, реактор, пожар, пламя, дым, атом, облако, энергия, луч, авария;*

1.2. ИНФОРМАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ / КОНКРЕТНЫЕ ДАННЫЕ – определяет время, место и вовлеченных в те события людей: *река Припять, Полесье, СССР, Украина, Киев, демонстрация, Первое Мая, апрель 1986 года, весна, Горбачев, перестройка, пожарные, военные, вертолеты.*

II. ПОСЛЕДСТВИЯ – относящееся к НАСТОЯЩЕМУ и БУДУЩЕМУ, осознание последствий катастрофы:

2.1. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ: *опасность, зона отчуждения, эвакуация, переселенцы, переезд, мертвые города, пустые улицы, вымирание, пенсионеры, дети Чернобыля, кладбища,*

профилактика, льготы, безразличие, замалчивание, экстремальный туризм;

2.2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *экология, проблемы окружающей среды, загрязнение, заражение, радиация, радиоактивность, излучение, осадки, йод, цезий, стронций, климат, грибы, нереально большие фрукты и овощи, красный лес*;

2.3. ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ: *здоровье, воздействие, жертва, инвалидность, заболевание, мутация, болезнь, рак, инвалиды, зубы, больные дети, аборты, новорожденные уродцы, лысый ежик*;

2.4. БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ: *саркофаг, ликвидаторы, последствия, дозиметр, счетчик Гейгера, причины, исследование, дезактивация, целесообразность*.

III. ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ – размышления по поводу аварии, ее оценка, прямые ассоциации *(Чернобыль – это…): смерть, трагедия, катастрофа, страх, опасность, боль, конец, Хиросима, Фукусима, отчаяние, тупик, позор, слезы, разрушение, риск, пустыня, страдания, упадок, зло*.

IV. НЕПРЯМЫЕ АССОЦИАЦИИ – эмоционально-образное восприятие аварии, то, что напоминает о ней *(Чернобыль ассоциируется с …): черный цвет, темнота, сосны, лоси, дорога, поезд, родители, церковь, игра С.Т.А.Л.К.Е.Р., осень, братья Стругацкие, наука, проклятие князя Игоря, кара языческих богов, серый цвет, холод, плач, физика, школа, туман, детство*.

V. ОПТИМИЗМ – относится к БУДУЩЕМУ, положительная сторона борьбы с последствиями: *героизм, долг, поддержка, смелость, благодарность, друзья, будущие поколения, оптимизм, надежда, вера, Библия, конец советской эпохи, конец иллюзиям, начало, мир, строительство, возрождение*.

Наиболее часто используемые реакции: *радиация – 35, смерть – 24, катастрофа – 19, реактор – 16, взрыв – 15, страх – 15, АЭС – 14, река Припять – 13, заражение – 13, болезнь – 12, трагедия – 12, зона отчуждения – 11, отчаяние – 11, бедствие – 10, зона – 10, эвакуация – 10, заброшенность – 9*.

Гендерные отличия

Анализ выявленных гендерных отличий в реакциях респондентов позволил представить их в Табл. 1 и отразить в следующих выводах.

Таблица 1. Гендерные отличия

Параметры	**Ассоциации,%**		**Реакции,%**	
	Группа F	Группа M	Группа F	Группа M
Общая информация	19,5%	24,33%	21,74%	30,34%
Последствия	45,5%	45,19%	38,26%	35,95%
Восприятие	21%	21,66%	14,78%	15,73%
Оптимизм	8,5%	5,08%	7,83%	6,18%
Непрямые ассоциации	5,5%	3,74%	17,39%	11,8%
Всего	100%	100%	100%	100%

Активность в группе F (36 чел.) насчитывает 5.5 ассоциаций на человека и 10.39 реакций на человека.

Активность в группе M (15 чел.) насчитывает 7.7 ассоциаций на человека и 11.87 реакций на человека.

В группе F и в группе M наиболее продуктивными являются ассоциации с последствиями аварии (45.5% и 38.26% соответственно) и реакции на последствия (45.19% и 35.95% соответственно). Наименее продуктивными в обеих группах выступают оптимистические ассоциации.

Следующие различия проявляются в распределении других ассоциаций. Так, ассоциации по восприятию занимают вторую позицию в группе F и третье место в группе M. Информационные ассоциации находятся на третьей позиции в группе F и на четвертой в группе M. Ассоциации, связанные с реальностью и оптимизмом, занимают четвертую и пятую позиции в группе F.

Ассоциации, связанные с реальностью, находятся на пятом месте в группе М. Непрямые ассоциации занимают вторую позицию в группе М.

Результаты эксперимента показывают, что и женщины и мужчины наибольшее внимание уделяют последствиям аварии, хотя у женщин насчитывается большее количество реакций и ассоциаций, связанных с Чернобылем. Обе группы выделяют социальные аспекты аварии. Женщины и мужчины верят, что все было сделано для борьбы с ее последствиями. Более того, респонденты ссылаются на информацию масс-медиа, а не на научные источники.

Женщины-респонденты более эмоциональны и креативны. Их больше волнуют эмоциональное восприятие и непрямые ассоциации, тогда как мужчин интересует общая информация об аварии.

Реакции, полученные в обеих группах, таковы: *катастрофа, АЭС, реактор, пожар, дым, атом, облако; река Припять, полынь, СССР, Украина, 1986 год, весна, Полесье, пожарные; радиация, загрязнение, болезнь, саркофаг, мутация, зона отчуждения; смерть, трагедия, страх, опасность, отчаяние; долг, смелость; черный, темный.*

Реакции, полученные только в группе F: *взрыв, пламя, энергия, луч, халатность; Первое мая, апрель 1986 года, Киев, демонстрация, военные, аэропорт; неправда, радиоактивность, счетчик Гейгера; катастрофа, боль; героизм, икона; яйцо, церковь, родители.*

Реакции, полученные только группе М: *Горбачев, перестройка, вертолеты; покинутая земля, ликвидация, обман; риск, упадок, зло; памятник, Библия; осень, наука, холодный, серый.*

Возрастные отличия

В ходе исследования были выявлены возрастные отличия в ответах респондентов. Они отражены в Табл. 2 и следующих за ней выводах:

Таблица 2. Возрастные отличия

Параметры	Ассоциации,%		Реакции	
	Группа А	Группа В	Группа А	Группа В
Общая информация	24,5%	16,54%	31,72%	18,09%
Последствия	34,3%	48,12%	35,95%	42,53%
Восприятие	20,3%	18,04%	19,34%	28,51%
Оптимизм	8,7%	10,53%	5,44%	6,8%
Непрямые ассоциации	12,2%	6,77%	7,55%	4,07%
Всего	100%	100%	100%	100%

Анализ данных показывает, что в группе А наиболее продуктивными являются ассоциации, связанные с последствиями аварии, которые насчитывают 34.3 %. Наименее продуктивными выступают оптимистические ассоциации, составляющие всего 8.7 %. Между ними располагаются общая информация (24,5%), восприятие аварии (20.3%) и непрямые ассоциации (12.2%).

Ассоциации в группе В располагаются следующим образом: наиболее продуктивными, также как и в группе А, выступают ассоциации, связанные с последствиями аварии (48.12%), а наименее продуктивные – непрямые ассоциации (6.77%), что подтверждает различия в отношении информантов из разных возрастных групп. Между ними располагаются восприятие аварии (18.04%), общая информация (16,54%) и оптимистические ассоциации (10,5%). Также обнаружены количественные различия в оптимистических, информационных и непрямых ассоциациях, которые занимают разные места в рейтинге анализируемых групп.

Количество опрошенных информантов имеет коэффициент 37:14 (2.6:1).

Результаты эксперимента подтверждают существование различий среди людей, которые были свидетелями этой катастрофы, и более молодого поколения. Для людей старше 26 лет слова, ассоциирующиеся с Чернобылем, отражают действительность (*катастрофа, АЭС, реактор, атом*); дают представление о времени и месте аварии (*река Припять, весна, Первое мая, 1986 год, Полесье,*

Горбачев, перестройка); концентрируются на экологических последствиях этого трагического события на природе, мире животных, здоровье человека и обществе (*радиация, загрязнение, мутация, болезнь, саркофаг, зона отчуждения, покинутая земля, последствия, рак, ликвидация, ликвидаторы, чернобыльцы, новорожденные уродцы*); раскрывают восприятие аварии в форме негативны оценок (*трагедия, смерть, катастрофа, одиночество, застой, позор, слезы, Хиросима*); демонстрируют эмоциональный аспект ассоциаций (*страх, отчаяние, обман, неправда, неизвестность, страдания*); оставляют место для оптимизма и восхищения героическими поступками (*герои, героизм, памятник*) и даже содержат непрямые ассоциации (*черный, темный, темнота, осень*).

Респонденты, которые родились после аварии, концентрируют свое внимание на ее последствиях (*радиация, эвакуация, покинутая земля, зона отчуждения, болезнь, рак, загрязнение, разрушение, экскурсии, мутанты, радиоактивность*), имея в виду реальность (*взрыв, реактор, катастрофа, АЭС, ликвидатор, огонь, дым, халатность*) и информацию о времени и обстановке (*река Припять, СССР, Украина, 1986 год*); отражают эмоции в форме оценки происшедшего (*смерть, опасность, пустота, катастрофа, беда, страх, трагедия).* С другой стороны, у них мало оптимизма и непрямых ассоциаций. Их негативные ассоциации хоть и несущественно, но все же отличаются от реакций свидетелей тех событий. Этот факт свидетельствует о единении современного украинского общества в восприятии этой трагедии.

Реакции, полученные в обеих группах: *катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, огонь; река Припять, полынь, 1986 год; радиация, загрязнение, зона, болезнь, саркофаг; страх, трагедия, смерть, отчаяние; обязательства, смелость; черный, темный.*

Реакции, полученные только в группе А: *атом, дым, пламя, облако; Первое мая, Горбачев, перестройка; мутация, ликвидация, последствия; конец, обман, тупик, позор; героизм, памятник; осень, родители, церковь, голые деревья, наука, плач, серый, холодный.*

Реакции, полученные только в группе В: *радио, халатность, милиционеры; город, Полесье, весна; неправда, радиоактив-*

ность, покинутая земля; пустота, одиночество, боль; друзья, благодарность, мир; сосны, лоси, поезд.

Территориальные отличия

Ответы людей, проживающих на севере Украины, позволили сгруппировать их в группу C, а реакции респондентов из других регионов составили группу D, что нашло отражение в Табл. 3 и представленных далее выводах:

Таблица 3. Различия по месту жительства

Параметры	Ассоциации,%		Реакции	
	Группа C	Группа D	Группа C	Группа D
Общая информация	24,86%	30%	26,61%	29,47%
Последствия	37,14%	42%	28,44%	38,65%
Восприятие	27,62%	20,66%	22,94%	15,94%
Оптимизм	3,81%	2,67%	9,17%	7,25%
Непрямые ассоциации	12,2%	4,67%	12,84%	8,69%
Всего	100%	100%	100%	100%

Активность в группе C насчитывает 7.5 ассоциаций и 10.71 реакций на человека.

Активность в группе D насчитывает 4.74 ассоциаций 9 реакций на человека.

Наиболее многочисленными в группе C и в группе D являются ассоциации, связанные с последствиями аварии (37.14% и 28.44% соответственно) и реакции (42% и 38.65% соответственно). Наименее многочисленными в группе C и в группе D являются оптимистические ассоциации (3.81% и 9.17% соответственно) и реакции (2.67% and 7.25% соответственно).

Остальные ассоциации в анализируемых группах распределяются по параметру восприятия и занимают вторую позицию в группе C и третью в группе D, тогда как общая информация находится на третьем месте группе C и второе в группе D, за ней следуют в обеих группах непрямые ассоциации.

Респонденты, живущие на востоке, юге и западе Украины, концентрируют свое внимание на последствиях аварии и общей информации, тогда как опрошенные, которые проживают вблизи места катастрофы (Киевская, Житомирская и Черниговская области) более эмоциональны, оптимистичны и более сконцентрированы на непрямых ассоциациях. Обе группы осознают трагическую реальность и негативно оценивают аварию.

Реакции, полученные в обеих группах: *катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, атом; река Припять, 1986 год, полынь, Полесье; радиация, загрязнение, болезнь, зона; смерть, трагедия, страх.*

Реакции, полученные только в группе С: *энергия, луч; Первое мая, демонстрация; пожарные, фильм; Звезда Апокалипсиса, уничтожение, бедствие; долг, начало; детство, Лина Костенко.*

Реакции, полученные только в группе D: *огонь, защита; ликвидация, разрушение; слезы, угроза, опасность; герои, возрождение; черный, темный, туман, физика, школа, разлука.*

Последствия аварии на ЧАЭС сквозь призму ассоциативного эксперимента

Концептосфера ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ как наиболее многочисленная позволила выделить четыре сегмента (СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ, БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ). Данные приведены в Табл. 4 и описаны далее:

Таблица 4. Различия по борьбе с последствиями

ПАРАМЕТРЫ	ПОЛ				ВОЗРАСТ				МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА	
	Ассоциации 100%		Реакции 100%		Ассоциации 100%		Реакции 100%		Ассоциации 100%	
	F	M	F	M	A	B	A	B	C	D
Социальный фактор	45,6%	43,6%	35,5%	45,2%	47,9%	50,5%	30,7%	50,5%	31,6%	27,9%
Экология/ природа	20%	25,6%	29,5%	27,4%	22,4%	23,4%	30,7%	25,8%	26,3%	46,5%
Здоровье человека/ животные	24,4%	20,5%	23,5%	16,1%	24,2%	23,4%	22,1%	20,6%	23,7%	14%
Борьба с последствиями	10%	10,3%	11,5%	11,3%	16,5%	3,1%	16,5%	3,1%	18,4%	11,6%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

В группе A данные распределяются в порядке от наиболее часто встречающихся ассоциаций с социальными факторами (37.9%) до наименее популярной борьбы с последствиями аварии (15.5%). Большинство реакций информантов находятся в колонках под названием “Экология/природа” и “Социальный фактор”, тогда как наименьшее количество реакций представлено в колонке “Борьба с последствиями”. Активность в группе A составляет 1.57 ассоциаций на человека и 3.43 реакции на человека.

В группе B ассоциации с социальными факторами и реакции на них представляют наиболее многочисленную группу (30.7% и 50.5% соответственно), а наименее представленными являются ассоциации и реакции, относящиеся к борьбе с последствиями аварии (16.5% и 3.1% соответственно). Активность в группе составляет 4.57 ассоциаций на человека и 6.93 реакции на человека.

Социальные ассоциации являются наиболее многочисленными в группах F, M и C.

Ассоциации с экологией наиболее характерны для группы D.

Наименьшее количество ассоциаций выявлено в группах F, M, C, D и касаются борьбы с последствиями аварии.

Активность в группе F составляет 2.5 ассоциаций на человека и 4.6 слов на человека.

Активность в группе M составляет 2.6 ассоциаций на человека и 4.1 слов на человека.

Активность в группе C составляет 2.7 ассоциаций на человека и 3.5 слов на человека.

Активность в группе D составляет 1.9 ассоциаций на человека и 3.04 слов на человека.

Социальный фактор является важным показателем для всех групп респондентов. Несколько меньше внимания уделено экологии, природе, здоровью человека и животных, которые также пострадали от аварии. Последнее место занимают последствия аварии, что свидетельствует о том, что и через 26 лет после катастрофы люди верят тем, кто организовал борьбу с последствиями Чернобыльской катастрофы.

Лингвистический анализ полученных данных

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента данные были проанализированы в соответствии с их лексико-стилистическими и семантико-тематическими особенностями.

Так, лексико-стилистический ракурс анализа позволил выделить следующие группы: книжные слова *(катастрофа, эксплуатация, саркофаг, вымирание, пропасть)*; терминологическую лексику *(реактор, атом, ядерный, радиация, загрязнение, мутация, йод, стронций, цезий, облучение, дезактивация)*; нейтральные лексические единицы (*огонь, дым, неправда, строительство)*; разговорную лексику (*зона, вымирание, замалчивание, дети Чернобыля, лысый ежик)*. Были также отмечены слова с негативной коннотацией: *катастрофа, бедствие, трагедия, угроза, опасность, болезнь, рак, онкология, потеря, заброшенность, неправда, обман, неверие, мародерство, боль, беда, зло, страдания, несчастье, грусть, беспокойство, обреченный*.

Семантико-тематический аспект анализа позволил выделить: географические названия *(река Припять, Полесье, СССР, Украина, Киев, Хиросима, Фукусима);* библейские имена *(Библия, Звезда Апокалипсиса);* личные имена: *(Горбачев, Лина Костенко).*

“Чернобыльские” слова

Ответы на второй вопрос анкеты позволили выделить маркированную лексику, которая, по мнению информантов, наиболее часто встречается в связи с концептом ЧЕРНОБЫЛЬ. Среди выделенных единиц отмечаются наиболее популярные слова, часто используемые в повседневной речи, подвергнувшиеся детерминологизации: *радиация, радиометрия, радионуклеиды, радиоактивность, счетчик Гейгера, рентген, радиоактивные отходы, радиационный зоопарк, радиационные пятна, изотопы, стронций, цезий, радиационная генетика, радиационная болезнь, радиоактивный дождь, доза облучения, радиоактивная метрология, радиоактивная почва, генетическая мутация, эвакуация, консервация, закрытый город*.

Отмечаются также новые значения уже существовавших ранее слов. Так, *Чернобыль* стал символом трагических событий,

катастрофы мирового уровня; *чернобылец* (человек, который участвовал в дезактивации зараженной территории или жил/живет в зоне радиоактивного загрязнения), *ликвидаторы* (люди, участвовавшие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС); *саркофаг* (купол над Чернобыльской атомной станцией); *зараженный* (радиацией), *зона, тридцатикилометровая зона* (территория, непригодная для жительства)*; переселенцы, возвращенцы* (люди, которые незаконно вернулись в зону), *экологические беженцы*; *красный лес*.

Информантами также отмечены метафоры, связанные с трагедией на ЧАЭС. Так, Чернобыль стал нарицательным именем – *чернобыльское заражение, чернобыльская зона отчуждения, инвалиды-чернобыльцы, чернобыльское удостоверение, чернобыльские льготы, чернобыльские деньги, чернобыльский отпуск, чернобыльская пенсия, дочернобыльская эпоха; чернобыльские дети, чернобыльская пыль, чернобыльская жара, чернобыльский СПИД, чернобыльский воротник (болезнь щитовидной железы), чернобыльский загар, чернобыльское сердце, культурный Чернобыль, политический Чернобыль*.

Выводы

Концепт ЧЕРНОБЫЛЬ согласно опросу информантов представляет собой кластерное образование, состоящее из ряда концептосфер, взаимодействующих между собой, и отражающих разные ипостаси фокусировки внимания граждан. Представители различных социальных групп показали единство в плане негативной оценки произошедшей трагедии на ЧАЭС в апреле 1986 году. Вместе с тем, отмечен интерес к произошедшей 26 лет назад аварии, её причинам и последствиям для человечества, флоры и фауны. Анализ языковых единиц, маркирующих данное печальное событие, доказывает его значимое место в жизни людей, как живущих в непосредственной близости, так и тех, кто находится далеко от места аварии.

Литература

Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперимента. – М.: Наука, 1987. – 141 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.

Глухов В. П. Основы психолингвистики. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с

Потебня О. О. Думка і мова // Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів, 2001. – С. 34 – 55.

Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общей редакцией Н. В. Уфимцевой. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 344 с.

Cramer Ph. Word Association. – N.Y., London: Academic Press, 1968. – 163 p.

Davis W. A. Meaning, Expression and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 654 p.

Fodor J. The Language of Thought. – N. Y.: Crowell, 1975. – 472 p.

Garman M. Psycholinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 556 p.

Garnham A. Psycholinguistics: Central topics. – L.: Routledge. 1985. – 422 p.

Glucksberg S., Danks J. H. Experimental Psycholinguistics. An Introduction. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1975. – 233 p.

Kess J. F. Psycholinguistics. – Amsterdam: John Benjamins B.V., 1992. – 401 p.

Prideaux G. D. Psycholinguistics. The experimental study of language. – L.: Routledge, 1984. – 63 p.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition & Categorization. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 1 – 48.

НАШИ АВТОРЫ

Багацкая Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Института филологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко (Украина).

Белехова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Херсонского государственного университета (Украина).

Бессонова Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Донецкого национального университета (Украина).

Берсенева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра ФГБОУ ВПО “Сочинский государственный университет” (Россия).

Борисов Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко (Украина).

Воробьёва Ольга Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики имени профессора А. Н. Мороховского Киевского национального лингвистического университета (Украина).

Ворожбитова Александра Анатольевна, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии ФГБОУ ВПО “Сочинский государственный университет” (Россия).

Головня Алла Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода Гумани-

тарного института Национального авиационного университета (г. Киев, Украина).

Гуливец Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и туризма Первого украинского морского института (г. Севастополь, Украина).

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия).

Колесник Александр Сергеевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Черниговского национального педагогического университета имени Т.Г. Шевченко (Украина).

Левицкий Андрей Эдуардович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Могельницкая Людмила Францевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Житомирского государственного технологического университета (Украина).

Недайнова Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Никульшина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Онищук Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина).

Пермякова Наталия Ивановна, кандидат филологических наук, заместитель директора филиала ФГБОУ ВПО "Сочинский государственный университет" в г. Анапе Краснодарского края (Россия).

Петлюченко Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских и романских языков Национального университета "Одесская юридическая академия" (Украина).

Потапенко Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (Украина).

Приходько Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Савчук Инна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации Учебно-научного института иностранной филологии Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (Украина).

Святюк Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Славова Людмила Леонардовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Фомина Зинаида Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Шурма Светлана Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода Гуманитарного института Национального авиационного университета (г. Киев, Украина).

Щербин Вячеслав Константинович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Беларусь).

Лінгвоконцептологія: перспективні напрями : монографія / авт. кол.: А. Е. Левицький, С. І. Потапенко, О. П. Воробйова та ін.; за ред. А. Е. Левицького, С. І. Потапенка, І. В. Недайнової

У монографії розглядаються основні тенденції розвитку лінгвоконцептології як одного з ключових розділів когнітивної лінгвістики. В рамках когнітивно-дискурсивної парадигми увага вчених приділяється виділенню та аналізу концептів в структурі картини світу та їх мовній репрезентації в різних типах дискурсу. Монографія містить також результати досліджень динаміки концептів та концептосистем, специфіки їх взаємодії крізь призму лінгвосеміотики, лінгвокультурології та соціолінгвістики.

Даний колективний труд відкриває перспективи лінгвоконцептологічних досліджень на основі теоретичних, методологічних та евристичних підходів, що розробляються авторами.

Ключові слова: лінгвоконцептологія, когнітивна лінгвістика, картина світу, концепт, концептосистема, дискурс.

Лингвоконцептология: перспективные направления : монография / авт. кол.: А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, О. П. Воробьева и др.; под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой

В монографии рассматриваются основные тенденции развития лингвоконцептологии как одного из ключевых разделов когнитивной лингвистики. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы внимание ученых уделяется выделению и анализу концептов в структуре картины мира и их языковой репрезентации в разных типах дискурса. Данная монография содержит также результаты исследований динамики концептов и концептосистем, специфики их взаимодействия сквозь призму лингвосемиотики, лингвокультурологии и социолингвистики.

Представленный коллективный труд открывает перспективы лингвоконцептологических исследований на основе разрабатываемых авторами теоретических, методологических, процедурных и эвристических подходов.

Ключевые слова: лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, картина мира, концепт, концептосистема, дискурс.

Conceptual Linguistics: Perspective Tendencies : monograph / A. E. Levitsky, S. I. Potapenko, O. P. Vorobyova et al.; Ed. by A. E. Levitsky, S. I. Potapenko, I. V. Nedaynova

In the monograph the basic tendencies of Conceptual Linguistics as one of the key parts of Cognitive Linguistics are singled out. In cognitive and discursive aspects the attention is paid to analyzing concepts within the framework of the language worldview and its representation in different types of discourse. The monograph presents the research results of the concepts and conceptual systems dynamics through the prism of linguistic and semiotic, linguistic and cultural, linguistic and social specifics.

The researches within the scope of different approaches to Conceptual Linguistics and the concept analysis methodology in comparative and typological aspects are presented in the monograph as well. The concepts are treated as mental representations which correlate with language semantics. Thus it is considered appropriate to interpret concept as a unit that gives the opportunity to display an individual's cognitive activity reflected through a person's communicative behavior and its verbalization.

This joint paper opens the perspective for linguistic and conceptual researches on theoretical, methodological and heuristic levels that are being developed by the authors.

Key-words: Conceptual Linguistics, Cognitive Linguistics, worldview, concept, conceptual system, discourse.

Наукове видання

ЛЕВИЦЬКИЙ Андрій Едуардович
ПОТАПЕНКО Сергій Іванович
ВОРОБЙОВА Ольга Петрівна та ін.

ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЯ: ПЕРСПЕКТИВНІ НАПРЯМИ

Монографія

Російською мовою

У монографії розглядаються основні напрямки і тенденції розвитку лінгвоконцептології як одного з ключових розділів когнітивної лінгвістики. У межах когнітивно-дискурсивної парадигми увага приділяється виділенню й аналізу концептів у структурі картини світу і їх мовної репрезентації в різних типах дискурсу. Монографія містить також результати досліджень динаміки концептів і концептосистем, специфіки їх взаємодії крізь призму лінгвосеміотики, лінгвокультурології та соціолінгвістики. Представлена колективна праця відкриває перспективи лінгвоконцептологічних досліджень на основі розроблюваних авторами теоретичних, методологічних, процедурних та евристичних підходів.

Для наукових працівників, аспірантів, студентів та викладачів, які спеціалізуються в галузі філології.

За редакцією Левицького А. Е., Потапенка С. І., Недайнової І. В.
Технічний редактор – І. В. Недайнова
Комп'ютерний набір – Ю. Г. Саіян
Комп'ютерний макет – Н. В. Вакалюк

Здано до склад. 30.10.2012 р. Підп. до друку 30.11.2012 р.
Формат 80х64 $^{1}/_{16}$. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 36,27. Наклад 500 прим. Зам. № 67.

Видавець
Видавництво Державного закладу
„Луганський національний університет імені Тараса Шевченка"
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.

Виготовлювач
ТОВ «Поліграфічний центр «Максим»
вул. Челюскінців, 16-а, м. Луганськ, 91011. Т/ф: 34-40-21
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3036 від 17.12.2007 р.